

О. В. Кардаш

ОБДОРСКИЕ ГОРОДКИ

конца XVI – первой трети XVIII вв.
ИСТОРИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ПОЛУЙСКИЙ
мысовой городок
князей Тайшинных

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
GOVERNMENT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

GOVERNMENT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

O. V. Kardash

O B D O R S K T O W N S
of the late XVI – first third of XVIII century
HISTORY AND MATERIAL CULTURE

POBITYSK
Settlement
under Tayshin Princes

Yekaterinburg – Salehard
2013

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

О. В. Кардаш

ОБДОРСКИЕ ГОРОДКИ
конца XVI – первой трети XVIII вв.
ИСТОРИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ПОЛУЙСКИЙ
мысовой городок
князей Тайшиных

Екатеринбург – Салехард
2013

УДК 902(571.122)
ББК 63.4(251-6)
К 21

Кардаш О. В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург – Салехард: изд-во «Магеллан», 2013. – 380 с. : илл. – (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура) – выходные сведения, резюме, огл. парал. рус., англ.

ISBN 978-5-906458-02-5

К 21 Книга посвящена результатам комплексного анализа материалов Полуийского мысового городка – опорного памятника аборигенной культуры народов Крайнего Севера Западной Сибири, открытого и исследованного автором в ходе аварийных раскопок 2004–2005 годов. Руины городка перекрывают известную многослойную стоянку Салехард 1, расположенную на Обдорском мысу в черте города Салехарда. В условиях вечной мерзлоты прекрасно сохранились остатки строений оборонительно-жилого комплекса городка и примыкавшего к нему посада, а также многочисленные остеологические остатки, изделия из дерева, бересты, кости, металлов и других материалов. Результаты дендрохронологического анализа, письменных, этнологических, археологических и палеоэкологических источников позволили установить, что данный археологический памятник являлся легендарным остяцким (хантыйским) поселением *Пулинг-аут-вои* (по ненецки – Салехард), функционировавшим с конца XVI до первой трети XVIII века. Он служил летней резиденцией местных вождей Обдорского княжества, предков известного рода князей Тайшиных, возглавлявших Обдорскую волость Березовского уезда более трехсот лет, до 20-х годов прошлого столетия. Книга предназначена для археологов, историков, этнографов, краеведов и всех, кому интересна история и культура аборигенных народов периода освоения русскими Крайнего Севера Сибири.

Монография обсуждалась на секторе Славяно-финской археологии ИИМК РАН и рекомендована к изданию Ученым советом Института истории материальной культуры РАН.
(Протокол № 4 заседания Ученого совета ИИМК РАН от 26.04.2013 г.)

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН Е. Н. Носов

Рецензенты
д-р. ист. наук. В. А. Лапшин
д-р. ист. наук. С. В. Белецкий
д-р. ист. наук. А. Н. Кирпичников

Научный редактор
канд. ист. наук В. А. Борзунов

Книга издана по решению редакционно-издательской комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа при содействии департамента внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа и государственного учреждения «Северное издательство».
Автор благодарен лично Губернатору Ямало-Ненецкого автономного округа Кобылкину Дмитрию Николаевичу и председателю редакционно-издательской комиссии Ямало-Ненецкого автономного округа, заместителю Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа, руководителю аппарата Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Соколовой Ирине Борисовне.

Полевые исследования финансировались
Управлением капитального строительства г. Салехарда,
отделом науки Департамента информации и социально-политических исследований
Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа

ISBN 978-5-906458-02-5

© О. В. Кардаш, 2013
© Администрация Ямало-Ненецкого автономного округа, 2013
© Горбунова М. Б., оформление, 2013

ВВЕДЕНИЕ

История народов Крайнего Севера Западной Сибири, в том числе низовьев Оби, кануна и начального периода русской колонизации Сибири, освоения этого региона русским населением северо-восточной Европы (конец XVI – начало XVIII века), не лишена белых пятен. И это несмотря на то, что ее основные события и характеристики в той или иной степени отражены в русских хрониках и делопроизводственных документах того времени, сочинениях иностранных путешественников и географов XVII–XVIII веков, работах участников первых российских академических экспедиций, в известном труде С. В. Бахрушина об остяцких и вогульских княжествах XVI–XVII веков [1937], а также в современных статьях и монографических исследованиях по народам Крайнего Севера. Более того, со всей ответственностью можно заявить, что история края до сих пор описана и изучена неполно, в ряде случаев избобилует неточностями, порождающими множество заблуждений, мифов и просто фантазий о прошлом. Причем как в широких кругах общественности, так и в научной среде.

Объект и цели исследования. Мы пока не ставим своей целью отразить все многообразие материальной и духовной культуры коренных и пришлых народов Крайнего Севера Западной Сибири интересующего нас периода. Это – задача отдаленного будущего. История каждого большого и малого народа, его канувшая в Лету культура восстанавливается медленно, постепенно, по крупицам. Одним из этапов на пути достижения этой благородной цели, на наш взгляд, является археологическое изучение разрушенных полярных сибирских городков позднего Средневековья и начала Нового времени. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Я имею в виду раскопки и публикацию материалов Мангазеи – первого русского сибирского города за Полярным кругом [Белов, 1969; 1972; Белов, Овсянников, Старков, 1980; 1981; Визгалов, Пархимович, 2007; 2008], а также Надымского городка – зимней резиденции вождей-«князей» военно-политического объединения Большая Карачея, включавшей общины пяков – остяков, лесных и тундровых самоедов, предков современных хантов, лесных и тундровых ненцев [Кардаш, 2009].

Объектом нашего исследования является Полуийский мысовой городок, известный как стоянка Салехард 1 – ныне пока еще малоизвестный археологический памятник и руинизированный историко-архитектурный объект. В современных официальных документах, утвержденных Службой по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа (Приказ № 83 от 24 ноября 2010 года), он значится как «Обдорский городок (стоянка Салехард 1, Стоянка на Обдорском холме)» [Археологическая карта..., 2011. С. 13, 19].

Данный памятник находится в зоне западносибирской лесотундры, на правом берегу Оби, в юго-западной части столицы вышеупомянутого округа – города Салехарда, на площади речного порта (рис 0.1–0.3). Городок некогда занимал вершину Обдорского холма, расположенного на высоком обширном мысу правого коренного берега реки Полуий. Территориально данный памятник совпадает с известной многослойной стоянкой Салехард 1 (Салехард I), расположенной под его руинами, содержащей материалы энеолита – медно-каменного века, раннего железного века и раннего Средневековья. Время периодического существования в этом месте древних и средневековых поселений укладывается в широкий хронологический диапазон: приблизительно от III тысячелетия до нашей эры до начала VIII века. Предполагаемая площадь распространения культурного слоя обоих археологических памятников на поверхности мыса около 75×60 м, то есть не менее 4500 кв. м. В осыпи берегового склона сохранился культурный слой мощностью до 1,5 м с одновременными археологическими материалами. В современном рельефе городок и остатки древних поселений никак не выражены, так как большая часть их территории заасфальтирована и занята современными постройками. В XIX – начале XX веков в этом месте стояла церковь Петра и Павла, к которой прилегали дом местного

священника и обнесенное оградой кладбище этого времени. Впоследствии погост прекратил свое существование. Церковное здание неоднократно перестраивалось, в нем размещались типография, затем – речной вокзал. Сейчас это строение снесено.

Взяться за исследование городка и стоянки нас побудили не только сугубо научные, но также научно-просветительские и даже отчасти прикладные цели. Можно сказать, что это было «велеие времени». Дело в том, что вслед за первыми массовыми переселениями за Урал представителей многонационального населения Московского государства, Российской империи, а затем и Советского Союза – в поисках новых земель, естественных ресурсов, «лучшей доли» и по ряду других общеизвестных причин, в конце 1960-х годов наступил новый период в истории Западной Сибири. Основной его характеристикой является начало промышленного освоения недр данного региона – нефтяных и газовых месторождений Тюменского Севера. Новый этап этого периода, начиная с конца прошлого столетия, пришелся уже на современность. Для территории Ямало-Ненецкого округа он ознаменовался резкой интенсификацией добычи газа и притоком нового населения в Сибирь. В результате, как и много лет назад, в регионе – в очередной раз – начало формироваться постоянное многонациональное общество. И что особенно радует – современные мигранты в большинстве своем воспринимают осваиваемую ими территорию не как временщики-отходники, то есть как место получения быстрых и временных благ, а планируют связать свою жизнь с этой землей, новообретенной малой Родиной. Это обстоятельство определило возрастание осознанного интереса к прошлому Западной Сибири, в том числе к ее коренному населению и первым русским землепроходцам. В этих условиях историческое знание, археологические, этнографические и историко-культурные памятники являются важнейшей основой для самоидентификации жителей, особенно молодого поколения, родившегося и выросшего на Севере. При этом потребность в адекватном историческом знании настолько велика, что при отсутствии научной информации люди начинают творить мифы о прошлом и создавать памятники-новоделы.

Подобные прецеденты нередки в истории. Общеизвестны случаи приобретения и перевоза исторических ценностей и предметов культурного наследия предков на вновь осваиваемые территории в Древнем мире, Средневековье и современности. В том числе произведений искусства, документов и даже целых средневековых замков из Старого Света в Соединенные Штаты Америки. В качестве примера можно привести Музей Клойстерс – филиал музея Метрополитен, который был собран из фрагментов нескольких средневековых аббатств, вывезенных из Европы по одному кирпичику. Для людей, отправляющихся в дальние края, вообще характерно брать с собой какие-либо значимые исторические предметы, книги, семейные реликвии, амулеты-обереги, даже мешочки с родной землей. Такие артефакты являются для их владельца некой духовно-эмоциональной опорой и защитой в новой среде, создавая вполне осязаемую связь с далекой Родиной. Эта традиция присуща и новым жителям российского Севера последних десятилетий. Представителям последней миграционной волны также потребовалась новая комфортная и полноценная социально-духовная среда, включающая историю, музеи, историко-архитектурные реконструкции, историко-этнографические инсталляции, возрожденные народные, религиозные и новые государственные праздники и многое другое. Именно благодаря этому стало возможно изучение археологического памятника, о котором пойдет речь в настоящем издании.

Краткий исторический экскурс исследования стоянки Салехард 1 и Полуийского мысового городка. За последние двести лет академических исследований в современном научном сознании сформировалось и упрочилось представление о времени основания на реке Полуий форпоста московской колонизации – Обдорского городка – между 1594 и 1596 годами. Точнее, после «березовского» восстания 1594 года, когда из города Берёзова был предпринят поход служилых людей и поддерживавших их кодских остяков в низовья Оби, под остяцкий город Вой-кара (ныне юрты Войкарские) [Миллер, 2005. Т. I. С. 280, 491]. Именно 1595 год первоначально закрепился как абсолютная и неопровержимая дата основания здесь русского поселения. Впоследствии она была уточнена и изменена на 1596 год [Абрамов, 1857. С. 389–390; Дунин-Горкавич, 1996. Прил. 1. С. 3–6; Шемановский, 2005. С. 123; Васильевский, Резун, 1989. С. 220–221; Шашков, 1998. С. 10–16; Вершинин, 2005. С. 36–37, 67–68].

Сам же основоположник сибирской истории Г. Ф. Миллер ни в одном из своих опубликованных трудов, описывая населенные пункты Берёзовского уезда, не привел никаких – ни прямых, ни косвенных – документальных источников, определяющих точную дату основания русского Обдорского городка [Миллер, 2005.

Т. I. С. 280; 2000. Т. II. С. 25–26, 210; 2005. Т. III. С. 89, 233]. Между тем время появления Обдорской таможенной заставы на реке Сось (1603 год) и получения ею городской печати (лисица, держащая стрелу), что свидетельствовало о высоком статусе данного населенного пункта (1635 год), ученый определил со ссылкой на известные ему документальные источники [Миллер, 2000. Т. II. С. 25–26; 2005. Т. III. С. 89–91]. Впервые другой Обдорский городок – Носовой, как место пребывания русских служилых людей, начинает фигурировать в документах с 1607 года. Однако эти данные Г. Ф. Миллер никак не прокомментировал и не конкретизировал, приводя лишь один известный факт о том, что русский Обдорский городок возник на месте остяцкого Обдорского городка [Миллер, 2000. Т. II. С. 25–26, 234–235]. В итоге историк, обладавший большой источниковой базой, проблему начальной даты Обдорского городка так и не решил, хотя от необоснованных гипотез он также, по-видимому, отказался. Зато составители первого тома трудов Г. Ф. Миллера взяли на себя смелость сделать предположение об основании русского Обдорского городка на реке Полуий в 1595 году [Миллер, 2005. Т. I. С. 491]. В последнем обобщающем издании по истории Ямала и Нижнего Приобья вопрос о точной начальной дате данного городка также остался за рамками исследования. Авторы книги привели выводы своих предшественников о возможности его появления между 1594 и 1596 годами. Но в целом время основания русского административного центра близ устья реки Полуий определили довольно расплывчато: конец XVI в. При этом ученые отметили, что «в истории первых десятилетий существования Обдорского городка много неясного», и привели ряд косвенных данных в обоснование своей даты [История Ямала, 2011. Т. I. Кн. 2. С. 100–111].

Историки поставили больше вопросов, чем дали ответов. Это закономерно, поскольку они попытались решить эту проблему, как и прежде, основываясь исключительно на письменных источниках. На наш взгляд, при отсутствии новых исторических документов приблизиться к решению поставленной задачи можно только на основе комплексного анализа письменных, картографических и археологических материалов. Последнее пока еще не было сделано¹.

В свою очередь, следует с прискорбием отметить, что до настоящего времени на берегах реки Полуий местным краеведам и профессиональным археологам, несмотря на ряд попыток, не удалось обнаружить ни развалин Обдорского острога XVIII века, ни тем более следов «Государевой казенной избы» XVII века.² Тем не менее год основания города Салехарда, считающего себя преемником первого Обдорского городка, был определен волевым решением окружной администрации, и праздник, посвященный этому знаменательному событию, состоялся в 1995 году. Пользуясь случаем, согласимся, что слово «Обдорск», безусловно, красивое и звучное. Правда, в качестве названия русского населенного пункта оно появилось в делопроизводственной лексике только в период работы «Великой Северной экспедиции» (1733–1743 годы) под руководством В. И. Беринга. На карты этот топоним – как название села Обдорского (рис. 0.7–0.8) – попал позднее, в XIX веке [ТГИАМЗ № 84. Л. 2; Ополовников, Ополовникова, 1998. С. 143].

В рамках подготовительных мероприятий в честь 400-летия Салехарда был приглашен талантливый архитектор, известный исследователь архитектуры русского Севера А. А. Ополовников. Им был создан эскиз Обдорского острога XVII века, возведена бревенчатая проходная башня и предложен ряд интересных архитектурных решений для сохранения исторического центра города [Ополовников, Ополовникова, 1998. С. 118–119, 201–221]. Выбор места для строительства башни был основан исключительно на слухах, бытовавших в среде местных краеведов, о расположении русской крепости в районе современного речного порта – на высоком мысу правого берега реки Полуий (рис. 0.4–0.6, 0.11). Судя по публикации материалов проекта, эскиз не имел предварительной профессиональной научной проработки данных, как того требовала практика историко-архитектурных реконструкций. Все объекты на эскизе были построены на собственных представлениях мастера архитектуры о том, как русский зодчий XVII века мог бы на этом месте построить деревянный

¹ Эта тема является сюжетом отдельного комплексного исторического исследования, выходящего за рамки данной монографии. Автором собран и проанализирован исторический и археологический материал по обозначенной проблеме. Предполагается, что он будет опубликован в специальной статье, где будет обоснована дата основания Обдорской таможенной заставы на реке Сось и Обдорской государственной избы – пункта ясачного сбора на реке Полуий, а именно – не ранее 1603 года.

² Целенаправленные полевые археологические поиски этих исторических памятников предпринимались в 2005–2007 годах экспедицией научно-производственного объединения «Северная археология» (город Нефтеюганск, ХМАО – Югра) под руководством Г. П. Визгалова [Визгалов, 2006; 2007]. После получения отрицательного результата финансирование работ из средств бюджета ЯНАО было прекращено. Следует заметить, что в условиях ландшафта, измененного городской застройкой Салехарда и строительством железной дороги Салехард – Надым (стройка 501), обнаружение данных памятников является крайне сложной задачей, требующей больших усилий.

кремль [Ополовников, Ополовникова, 1998. С. 118–119, 201–221]. Рисунок острога получился красивым, как ожидали его заказчики, соответствующим звучному имени прежнего населенного пункта (рис. 0.12–0.14). При этом широко известные исторические данные, в том числе изображение городка и пункта ясачного сбора конца XVII в. без *городских укреплений*, зафиксированного на чертеже С. У. Ремезова «земли города Березов», в расчет не были приняты [Чертежная книга Сибири..., 2003. С. 18]. Судя по официальным документам и картографическим источникам, русские казенные поселения в Сибири, обладавшие статусом пункта ясачного сбора и возведенные до XVIII века, не имели укреплений, поскольку аборигены боялись заходить даже в обычные дома сборщиков налогов в неукрепленных ясачных зимовьях [Бахрушин, 1955; Чертежная книга Сибири..., 2003]. Численность отрядов ясачных сборщиков была невелика и в XVII веке порою составляла два или три человека [Бахрушин, 1955]. Кроме того, в расчет архитектору следовало бы принять отсутствие хорошего строительного материала в лесотундре. Бревна для изображенного им кремля русским служилым людям нужно было бы сплавлять по Оби минимум за несколько десятков километров, а скорее всего, и больше. Вероятно, у автора эскиза задачи графического воссоздания исторически реального Обдорского городка попросту не стояло. И уж если профессиональные историки до настоящего времени не имеют единого мнения и общепризнанного набора документальных источников о русской крепости на Обдоре XVII века, то стоит ли в этом упрекать архитектора, обладающего богатой творческой фантазией. Тем не менее красивая картина со звучным названием появилась в экспозициях музейного комплекса Салехарда, материально воплотилась в современном городском пейзаже и таким образом закрепились в сознании горожан.

В 2004 году, в преддверии очередного, 410-летнего, юбилея города (по-прежнему считая с условной даты – 1595 года) местными властями было принято решение о формировании исторической среды Салехарда путем возведения в нем комплекса деревянных строений в стиле русского деревянного зодчества. Первоначально этот проект назывался «Обдорский острог» (рис. 0.09, 0.10). После разносторонней критики он был переименован в архитектурный ансамбль под названием «Город мастеров». Это, по всей видимости, было навеяно популярным в те годы детским художественным фильмом с тем же названием. В основу проекта лег существенно дополненный и переработанный эскиз А. А. Ополовникова (рис. 0.13, 0.14). Согласно представлениям авторов проекта и чиновников из городской администрации, новый архитектурный комплекс должен был возводиться на Обдорском холме, на месте речного порта Салехарда, рядом с проходной башней, построенной А. А. Ополовниковым к прежнему юбилею (рис. 0.11). Однако в этот раз задача городских властей в некоторой степени осложнилась. К тому времени в Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа уже были созданы Служба по охране и использованию культурного наследия, возглавляемая В. П. Татаринцевым, и Отдел науки департамента информации под руководством С. Е. Алексеева. На месте речного порта находился археологический памятник, имевший название «стоянка Салехард I», состоявший на учете органа охраны памятников. Без предварительного археологического изучения последние строительные работы в этом месте производиться не могли. На защиту памятника и закона встали не только специально уполномоченная служба и археологи, но отдел науки окружного департамента информации, окружное управление культуры и местные краеведы. Властям города и исполнителям проекта, в частности Управлению капитального строительства Салехарда, такое положение дел было крайне неудобно. Раскопки никак не вписывались в сметы и график строительства. Тем не менее, Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» возобладал. По крайней мере, для отмены строительных работ на этом памятнике в 2004 году. Городской администрацией Салехарда было принято решение о финансировании археологических раскопок на участках стоянки Салехард I, попадающих под фундаменты проектируемых строений архитектурного ансамбля «Город мастеров».

На тот момент мало кто из специалистов и чиновников представлял себе, что же это такое – стоянка Салехард I, какова ее структура, и что содержит этот памятник далекого прошлого. На тот момент было лишь известно, причем в основном специалистам, что стоянка Салехард I – это археологический памятник, находящийся в черте города Салехарда, на высоком мысу в районе причала № 1 речного порта. На поверхности признаков древних и средневековых объектов не фиксировалось. Здесь находились только здание речного порта, памятник погибшим во время восстания 1921 года, заасфальтированные участки и конечная остановка городского автобуса.

Впервые археологический материал из Салехарда стал известен в 1926 году, когда в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (известная всем Кунсткамера) поступила небольшая коллекция, собранная археологом М. И. Штекелисом. В 1925–1929 гг. в Салехарде, в ссылке, работал археолог Д. Н. Редриков. В 1928–1929 гг. он обследовал интересующий нас археологический памятник и присвоил ему имя: «Салехардская стоянка». Отчеты и сопроводительное письмо Д. Н. Редрикова попали в руки молодому археологу и этнографу В. Н. Чернецову, только начинавшему свои работы на северо-западе Сибири. В одном из отчетов Д. Н. Редрикова значится, что основная масса археологического материала (164 предмета из 225) была собрана «на холме и в осыпи, где находилась старая деревянная церковь»³. Автор также отмечал, что именно на этом холме, по преданиям, была построена первая русская крепость, а до этого он служил местом пребывания остяцкого князя [Чернецов, 1946а. С. 2]. Именно эти народные предания стали основой краеведческой информации, легшей в основу творений А. А. Ополовникова и впоследствии строительства «Города мастеров». В XIX веке на холме была построена деревянная церковь Святых Петра и Павла, впоследствии многократно перестраивавшаяся (рис. 0.15–0.18). В конце 40-х годов XX века, во время экспедиций В. Н. Чернецова в Нижнее Приобье и на реку Таз, в здании церкви размещалась типография [Чернецов, 1946а. С. 2–3]. Затем это строение было переоборудовано в городской речной вокзал (рис. 0.6). Весной 2004 года здание вокзала было снесено.

Первые стационарные археологические исследования Салехардской стоянки были произведены в 1946 году В. Н. Чернецовым. На тот момент он возглавлял Мангазейскую экспедицию Арктического научно-исследовательского института (АНИИ) Главсевморпути при Совете Министров СССР. Под его руководством производилась археологическая разведка в Салехарде и его окрестностях. В первую очередь были обследованы места находок Д. Н. Редрикова. В обнажениях Обдорского холма, где находилась Салехардская стоянка, В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской был обнаружен мощный культурный слой, состоящий из двух пластов. По описанию В. Н. Чернецова, холм расположен на юго-восточной оконечности большого мыса, от которого город Салехард и получил свое имя (*Сале-хард* по-ненецки значит «Мысовой город»). «Мыс находится на правом высоком берегу р. Полуй и в южной и юго-восточной частях состоит из холмов, достигающих 15 м высоты» [В. Н. Чернецов, 1946а. С. 2–3].

В. Н. Чернецов заложил на мысу, перпендикулярно к обрыву, раскоп площадью 35 кв. м и разведочную траншею (4 кв. м). В раскопе был обнаружен котлован землянки прямоугольной в плане формы, глубиной около 1 м, сориентированный почти перпендикулярно склону. Комплекс артефактов, в частности керамический материал, собранный при раскопках в Салехарде, оказался неоднороден. Ученый выделил три типологические группы керамической посуды. Первую группу – со сложным геометрическим орнаментом, выполненным гребенчатыми штампами и лопаточкой, – он отнес к энеолиту и ранней бронзе. Вторую – малочисленную группу керамики автор датировал эпохой раннего железа на основании ее сходства с ананьинскими сосудами Волго-Камья. Третью, самую многочисленную группу посуды, представленную слабо профилированными котловидными емкостями с поддонами, орнаментированными лишь по венчику и шейке, известными по материалам раскопок В. С. Адрианова на соседнем городище Усть-Полуй, а также по авторским сборам на ряде других памятников, В. Н. Чернецов предварительно отнес к эпохе железа [В. Н. Чернецов, 1946а. С. 14–16].

Исследователем была зафиксирована следующая стратиграфия памятника. Верхний слой, мощностью от 0,5 до 0,9 м, состоявший из щепы. Под дерном в нем находились куски щепы, кровельного железа и остатки какого-то строения, датированного рубежом XIX–XX веков. В том же верхнем слое были обнаружены бревна, ориентированные с востока на запад. Этот слой автор раскопок соотнес со строительным мусором. Верхние горизонты слоя щепы накопились в результате неоднократных перестроек церкви. Нижние, возможно, относились ко времени возникновения Обдорского острожка и даже предшествовавшего его появлению хантыйского селения [Чернецов, 1946б. С. 2–6]. Это практически все, что было отмечено автором раскопок о верхних слоях памятника. О результатах исследования В. Н. Чернецовым Салехардской стоянки мы расскажем в первой главе. Заметим только, что материалы этих работ не были должным образом изучены и опубликованы.

В известной сводке археологических памятников Нижнего и Среднего Приобья, составленной И. А. Талицкой и включенной наряду с разделами В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской в академическое издание

³ Церковь Святых Петра и Павла, построенная в 1823 году [Шемановский, 2005. С. 180].

«Древняя история нижнего Приобья», «памятники близ пристани Салехард» значатся как «Салехардская стоянка. Эпоха бронзы» и «Салехардское селище. III–II вв. до н. э.» [Талицкая, 1953. С. 246]. Об остатках в этом месте интересующего нас городка упоминаний нет.

Мы нашли только текстовую часть отчета Валерия Николаевича. Коллекции М. И. Штекелеса, Д. Н. Редрикова и самого В. Н. Чернецова, а также полевые фотографии и чертежи раскопок обнаружить не удалось.

В результате отсутствие в известных научных изданиях даже минимальной информации о данном археологическом памятнике пока не дало возможности сформировать мнение о его значимости в среде работников государственных учреждений Салехарда и в кругах местной общественности.

Современное состояние памятника и условия его исследования. Многослойная стоянка Салехард I и, соответственно, остатки Полуийского мысового городка, находятся в северо-западной части Западносибирской равнины, в низовьях Оби, на южном побережье Обской губы, в черте города Салехарда. Точнее, в районе причала № 1 речного порта, у западного конца улицы Республики. Этот комплексный памятник расположен на мысу правого коренного берега реки Полуий, правого притока Оби. Высота берега в этом месте над уровнем поймы достигает 10–15 м (рис. 2.01–2.02).

Как уже упоминалось, площадь памятника большей частью заасфальтирована. До недавнего времени значительную его часть занимало здание речного порта. После сноса ряда зданий поверхность памятника была сильно повреждена колесной техникой, и здесь появились многочисленные фрагменты деревянных конструкций XX века. В современном рельефе признаков археологических объектов не наблюдалось. Южный склон холма местами покрыт кустарниками. Северный и северо-западный склоны частично задернованы, а также отмечены повреждениями, вызванными современными осыпями. По южному склону мыса к реке идет деревянная лестница. В осыпи берегового откоса зафиксирован культурный слой мощностью до 1,5 м, насыщенный артефактами различных хронологических периодов.

В 2004 году, в связи с застройкой архитектурным ансамблем «Город мастеров» территории Салехардской стоянки, официально уже включенной в список охраняемых государством памятников, были начаты стационарные археологические исследования данного памятника. Заказчиком работ выступило муниципальное учреждение – управление капитального строительства города Салехарда. Археологические работы под руководством автора этих строк выполнялись комплексной научно-исследовательской экспедицией ООО «Научно-производственное объединение Северная археология» с привлечением специалистов Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии наук. Всестороннее изучение археологического объекта проводилось путем проведения комплексных исследований. В задачи экспедиции входило вскрытие участков, отведенных под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров». Одновременно проводился сбор образцов деревянных конструкций – для последующего дендрохронологического исследования и остеологического материала – для палеозоологического анализа.

В июле 2004 года в разных частях памятника было заложено шесть раскопов общей площадью 835 кв. м [Кардаш, 2004]. На всей территории верхние слои, мощностью до 0,5 м, были искусственно сформированы чередующимися прослойками асфальта, щебня, строительного мусора и песчаной отсыпки. Для вскрытия асфальта и извлечения верхнего слоя грунта была применена строительная техника (рис. 0.23–0.25).

В процессе вскрытия верхнего культурного горизонта найдены остатки фундамента и ограды церкви Святых Петра и Павла. Внутри ограды и за ее пределами обнаружены шесть захоронений храмового некрополя. В районе паперты храма найдены остатки жилого дома. Сооружения культового комплекса перекрывали и частично прорезали остатки более ранних сооружений, верхний культурный слой, сформированный из щепы и другой органики, а также расположенные ниже супеси общей мощностью до 2,5 м.

Это обстоятельство значительно осложнило работу археологов, поскольку условиями договора, заключенного со строителями, финансирование раскопок культурного слоя мощностью свыше 1,5 м не было предусмотрено. Тем более – комплексное изучение культурного горизонта в заполярных слоях вечной мерзлоты, насыщенных органическими остатками. Последнее в любых обстоятельствах является довольно сложной и долговременной процедурой, требующей привлечения специалистов естественных наук, отбора и обработки массы образцов по мере размораживания поверхности культурного горизонта.

Кроме того, заказчики работ и вышестоящее руководство изначально не верили в наличие в зоне земледелия какого бы то ни было археологического памятника и древних предметов. Возможно, они втайне

надеялись избежать лишних затрат – как финансовых, так и временных, чреватых смещением графика строительных работ.

В конце лета на пяти раскопах из шести (№№ 1–4, 6), где культурный слой составлял не более 1,5 м, работы были завершены. На раскопе № 5, расположенном в северо-западной части мыса, исследования были приостановлены, и раскоп был законсервирован. В этом месте, как выяснилось впоследствии, мощность культурного горизонта доходила до 2,5 м, и в нем залежали самые интересные и значимые находки. Экспедиция, более не имевшая средств к продолжению раскопок, прекратила работу.

После напряженных двухмесячных переговоров между исполнителями и заказчиками археологических исследований в ноябре того же года исследования на раскопе № 5 были продолжены. Правда, ноябрь для Салехарда, стоящего на границе полярного круга, это практически зима. Изучение мерзлого культурного слоя в этих условиях представлялось непростой задачей. Тем не менее археологи с ней справились. Построили деревянный каркасный павильон, в который провели электрическое освещение (рис. 0.27–0.30). Для первичной камеральной обработки и хранения археологических находок был использован строительный балок-вагончик. Мерзлый культурный слой отогревали тепловыми пушками, работавшими на солярке по ночам, под присмотром сторожа. Днем производились раскопки. Помимо специалистов, в качестве подсобной рабочей силы на раскопе работали нарушители правопорядка, паспортного режима, алкоголики, тунеядцы, другие асоциальные элементы, которых привозили сотрудники городского Управления внутренних дел. Это увеличило производительность работ.

Раскопками 2004 года в мерзлом культурном слое были выявлены и исследованы различные части памятника, которые позволили реконструировать его планировочную структуру, архитектуру сооружений, составить достаточно полное представление о быте и занятиях населения. В западной и северо-западной частях мыса были обнаружены участки оборонно-жилого комплекса Полуийского мысового городка. Здесь на нескольких уровнях были открыты и исследованы остатки двух деревянных каркасных построек размерами 8×8 м с центральным очагом.

Судя по выявленной планировке, укрепленная часть городка состояла минимум из четырех таких построек. К востоку и юго-востоку от нее были зафиксированы хаотично расположенные остатки пяти жилых домов, размерами в основании 2,5×2,5 м, с чувалом, расположенным слева от входа и нарами у задней стены. Вероятно, из них состоял «посад» городка.

В южной части мыса было найдено скопление рогов и черепов оленя, маркирующее жертвенное место. Время функционирования городка и образования связанного с ним культурного слоя предварительно было определено концом XVI–XVII веками. Данный слой по вещевому комплексу и архитектуре строений, сходными с материалами раскопок Надымского городка [Кардаш, 2002; 2003; 2004], был отнесен нами к некоему остяцкому городку. Судя по документальным источникам, это могли быть хантыйский *Пулинг-аут-вои* или ненецкий *Сале-хард*, упоминаемые в дневниках Г. Ф. Миллера как резиденции князей Обдорского княжества – лучших людей Обдорской волости Березовского уезда [Миллер, 1996. С. 256] (см. глава 1). Первоначально мы именовали открытый памятник «Обдорским городком» [Кардаш, 2006а; 2006б], подчеркивая его принадлежность к предкам обдорских князей (рис. 0.19–0.22), получивших после крещения в 1714 году фамилию Тайшины [Абрамов, 1857. С. 336; Первалова, 2000. С. 164].

Под горизонтом остяцкого городка зафиксирован слой серо-желтой и серой супеси, содержащий главным образом обломки глиняных сосудов раннего средневековья зеленогорского типа, датирующихся в интервале VI – конца VII – начала VIII вв. [Чемякин, Карачаров, 2002. С. 48–50, рис. 15]. Каких-либо сооружений, связанных с зеленогорским этапом, не было выявлено.

Ниже средневекового слоя залежала супесь темно-серого, местами черного цвета, насыщенная фрагментами керамических сосудов и костяных изделий раннего железного века. Типы вещей, орнаменты и форма сосудов находят аналоги в материалах памятников усть-полуийской археологической культуры раннего железного века, выделенной в 50-х годах прошлого века В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской [Мошинская, 1953а. С. 72–106; 1953б. С. 107–120; 1965. С. 17]. Кроме керамики, в слое находились изделия из кости, в основном наконечники стрел. Керамика раннего железного века встречалась по всей площади памятника, причем как отдельными осколками, так и в виде больших скоплений. Последние концентрировались у очагов, связанных с остатками наземных жилищ. В раскопе № 5 была зафиксирована только одна постройка этого периода, и вскрыта она лишь частично. Следует уточнить, что в настоящее время термин «усть-полуийская культура»

используется реже и с большими оговорками. Дело в том, что комплекс находок с опорного памятника данной культуры – Усть-Полуйского городища (святилища), расположенного также в черте города Салехарда⁴, – признан разновременным. В нем, помимо керамики перегребнинского и кулайского типов двух этапов раннего железного века в Нижнем Приобье, выделена группа средневековой керамики, близкая приуральской бичевницкой середины I тысячелетия нашей эры [Малоземова, Морозов, 1997; Стефанова, Борзунов, 2002. С. 20; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 85–86].

В раскопе № 5 ниже горизонта раннего железного века выявлены объекты, связанные со слоем серо-желтой супеси. Найденная в ней керамика аналогична материалам селища Вары-Хадыта, датированного периодом энеолита – ранней бронзы [Васильев, 2000, С. 24–31]. Объекты представлены ямами диаметром от 0,8 до 1,5 м, глубиной до 0,7–1,0 м, и столбовыми ямками от каркасных конструкций, выкопанными в материковом песке. Нижний культурный слой содержал в основном обломки глиняных сосудов и рыболовных грузил. К раннему периоду относились пять ям, на дне которых залежали тонкие слои углистого песка и охры. Несмотря на предельно тщательную разборку заполнения данных углублений, археологического материала в них не обнаружено. Однако наличие в них охры и целых сосудов за их пределами может косвенно свидетельствовать о наличии здесь раннего могильника или святилища. Не исключено, что весь ранний комплекс стоянки Салехард 1 мог быть связан с ритуальной практикой древнего населения края.

После завершения полевого сезона 2004 года стало ясно, что при раскопках был обнаружен интересный и неординарный памятник, значение которого для региональной истории еще предстояло оценить. Безусловно, раскопки его необходимо было продолжить, по крайней мере до его окончательного «захоронения» строителями под брусчаткой «Города мастеров».

В 2004 году раскопки были проведены только на территориях, отведенных под фундаменты зданий архитектурного комплекса (их нумерация, расположение и конфигурация соответствовали проектным зданиям комплекса). Между тем проект его строительства также предполагал подведение к каждому зданию инженерных сетей и других коммуникаций, но их площадь явно превышала размеры наших раскопов. Тем не менее исполнитель проекта – Управление капитального строительства города Салехарда – отказал археологам в финансировании, заявляя, что в утвержденном бюджете строительства на 2005 год средств на проведение аварийно-спасательных археологических работ не предусмотрено. К большому сожалению, практически все местные органы власти приняли сторону строителей в противостоянии с археологами. Минимальные средства на продолжение раскопок на территории, планируемой под строительство инженерных коммуникаций, все же нашлись, но в другом месте. Благодаря С. Е. Алексееву, в то время руководителю Отдела науки департамента информации и общественных связей Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа.

В июне 2005 года комплексной экспедицией ООО «НПО «Северная археология», также под руководством автора, раскопки были продолжены. В центральной части памятника, на территории строительной площадки «Города мастеров», было заложено два раскопа – № 11а и № 11б, общей площадью 307,5 кв. м. – между раскопами № 5 и № 1, 2 на месте строительства инженерных сетей – как на наиболее интересном с нашей точки зрения участке.

В итоге были исследованы остатки фундамента церкви Святых Петра и Павла, а также культурный слой остяцкого городка *Пулинг-аут-вош* (Сале-хард) – с пятью небольшими, разной степени сохранности строениями посада и другими объектами [Кардаш, 2005]. Под развалинами городка залежали различного цвета супеси – культурные слои стоянки Салехард 1. Как и в раскопах 2004 г., в них выделялись три культурно-хронологических горизонта: раннего средневековья, раннего железного века и энеолита – ранней бронзы. В первом были найдены изделия из кости и глиняная посуда зеленогорского, вожпайского и, возможно, бичевницкого типов. Во втором – обломки «усть-полуйских» сосудов с гребенчато-ямочным и шнуровым орнаментом (по-видимому, перегребнинских и кулайских со следами влияния приуральской орнаментальной традиции). В третьем – помимо керамики обнаружены ямы, врезанные в материковый желтый песок. Два первых слоя являются поселенческими. Первый из них датируется второй половиной VI – началом VIII веков. Хронология другого: вторая половина I тысячелетия до нашей эры – первые века нашей эры. Слой эпохи раннего металла относится к 3 – началу 2 тысячелетия до нашей эры.

⁴ Раскопки памятника проводились в 1935–1936 годах В. С. Адриановым и были продолжены с большим перерывом в 1993 году коллективом ученых под руководством Н. В. Федоровой. Работы других исследователей на данном памятнике ограничивались сборами археологического материала [Федорова, Гусев, 2008; Гусев, Федорова, 2012].

Общее число артефактов, собранных в раскопах 2004 и 2005 годов, насчитывает около 7500 единиц [Кардаш, 2004, 2005]. Их обработка и научный анализ продолжают по сей день. Некоторые результаты этой диагностики имеют предварительный характер и приводятся здесь главным образом с целью оперативного введения новых данных в научный оборот.

Методика исследования Полуйского городка была основана на комплексном источниковедческом подходе и включала два основных этапа исследований – выявление и анализ источников. При этом на обоих этапах изучение материалов происходило с применением не только гуманитарных, но и естественно-научных методов. В итоге изучение памятника, помимо археологических раскопок и стандартной процедуры хронологического и стратиграфического анализа находок, включило дендрохронологические, археозоологические, палеоботанические, этнографические, историко-архитектурные и историко-архивные исследования.

Неординарный характер культурного слоя и уникальная сохранность содержащихся в нем материалов, прежде всего предметов из органики, были обусловлены его залеганием в условиях вечной мерзлоты в поллярных широтах Азиатского континента. Это обстоятельство потребовало от автора раскопок применения специфических подходов к изучению памятника, апробированных им ранее при раскопках Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 24–34]. Безусловно, пригодился и опыт коллег – Г. П. Визгалова и С. Г. Пархимовича, изучающих известное городище Мангазея, находящееся в аналогичных природно-климатических условиях на севере того же Ямало-Ненецкого автономного округа [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 8–12].

В раскопках Полуйского городка и Салехардской стоянки принимали участие представители разных научных дисциплин, самостоятельно извлекавшие и фиксировавшие образцы для последующего анализа и изучения.

Дендрохронологические исследования осуществил кандидат биологических наук В. М. Горячев (ИЭРиЖ УрО РАН). В ходе работ были взяты около 150 образцов древесины, которые позволили датировать деревянные строения городка и довольно точно определить период его функционирования. Для датировки построек дендрохронологическим методом использовалась существующая хронология.

Археозоологические исследования в полевых и камеральных условиях провели сотрудники ИЭРиЖ УрО РАН Т. В. Лобанова и А. Е. Некрасов. В результате было собрано и определено около 12 тысяч остеологических единиц, принадлежавших разным видам млекопитающих, рыб и птиц. Тесное сотрудничество автора с зоологами на стадии аналитической обработки этих материалов позволило достаточно достоверно воссоздать элементы хозяйства и промысловой деятельности жителей городка.

Этнографические исследования включали работы экспедиции Научно-производственного объединения «Северная археология» в населенных пунктах Нижней Оби, где выявлялись и обследовались архитектурные объекты. В рамках этих изысканий аккумулировалась разнообразная информация, которая вкупе с опубликованными этнографическими сведениями позволила автору более глубоко и наглядно изучить, понять и почувствовать специфику пока еще живой традиционной культуры населения Сибирского Севера.

Историко-архитектурными исследованиями руководила Н. Н. Митина (УралГАХА). В рамках этих работ автором были не только проанализированы остатки строений Полуйского мысового городка и отчасти сходного с ним Надымского городка, но и совместно с архитекторами Н. Н. Митиной, Л. Н. Петровой и М. В. Пальяновой проведены обследования традиционных построек в нескольких поселках Нижнего Приобья (Мужи, Питляр, Горнокнязевск) [Кардаш, 2003, 2005, 2006, 2007, 2010]. Полученные данные легли в основу эскизной реконструкции оборонительно-жилого комплекса и отдельных построек интересующего нас Полуйского городка. Ряд исследовательских работ были выполнены при участии Е. В. Вершинина и С. Турова, которые помогли отыскать в архивах страны ряд документов. Это позволило автору самостоятельно проанализировать весь собранный комплекс источников по Полуйскому мысовому городку.

Предварительные итоги исследований. Самым важным результатом аварийно-спасательных археологических работ 2004–2005 годов, проведенных на территории бывшего здания речного вокзала Салехарда и месте проектируемого строительства историко-архитектурного центра «Город Мастеров», является обнаружение летописного остяцкого городка *Пулинг-аут-вош*, в ненецкой транскрипции – *Сале-хард*. Судя по сохранившимся преданиям и письменным источникам, он служил резиденцией князей Обдорского княжества, предков известного туземного «княжеского» рода Тайшиных. После прихода русских этот род был включен

в систему новой администрации и управлял Обдорской волостью Березовского уезда на протяжении более 300 лет, вплоть до установления советской власти в Сибирском Заполярье.

В исторических архивах была собрана информация о периоде официального вхождения Обдории в состав Московского государства и Российской империи. Полученные сведения очень важны для воссоздания исторических реалий, а не просто фантазий относительно прошлого народов Нижней Оби. Причем исторического прошлого не только коренного населения края, но и русского, составляющего ныне большинство жителей Ямало-Ненецкого автономного округа.

В результате раскопок 2004–2005 годов начато исследование городка, от которого пошла история города Салехарда и давшего имя последнему.

Вскрытые остатки архитектурных сооружений и богатая коллекция находок позволили получить определенное представление о планировке *Полуйского мысового городка*, его назначении, населении и занятиях его жителей. Каких-либо признаков присутствия на мысу русского населенного пункта не обнаружено. Собранный во время раскопок комплекс русских вещей разнообразен, но невелик. Скорее всего, он свидетельствует только о тесных связях жителей городка с русскими торговцами или же о близости к данному остяцкому городку русского поселения XVII века. В этой связи можно с уверенностью утверждать, что полученные нами новые археологические материалы сыграли решающую роль в развенчании одной из легенд, бытовавших до недавнего времени среди историков и местных краеведов. Согласно ей, на этом месте находился русский Обдорский острог – пункт ясачного сбора.

Одновременно с этим были получены дополнительные данные, свидетельствующие о многократном заселении или периодическом посещении Обдорского холма, начиная с эпохи раннего металла до современности. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы известной многослойной Салехардской стоянки, остатки которой залегают под руинами Надымского городка.

Наряду с положительными результатами позволим себе подвести и некоторые неутешительные итоги. Остатки деревянных строений остяцкого городка *Пулинг-аут-вош* большей частью уничтожены в результате современных строительных работ. Остатки здания церкви Святых Петра и Павла – подлинного историко-архитектурного комплекса, русского духовного центра XIX – начала XX веков – снесены и утрачены безвозвратно. Взамен появился архитектурный «новодел», далекий от исторических реалий и только имитирующий историческое ядро современного города. Около полутора лет он простоял без должного использования. Салехардские мастера из Центра ремесел отказались от этих помещений, холодных и малопригодных для производства, предпочитая капитальные здания. Местные священнослужители также не сочли возможным обустроить здесь храм для богослужения. Сейчас «Город мастеров» – *псевдо-Обдорский острог* – выглядит как пародия на тему исторического прошлого, но все же используется как объект салехардской городской туристической индустрии. Местные художники, плохо разбирающиеся в древней и средневековой архитектуре, заняты созданием новых живописных полотен, на которых к этому сооружению пририсовываются различные события вымышленного исторического прошлого. Торжество невежества продолжается. Очень жалко, по-человечески обидно и неприемлемо с профессиональной точки зрения.

Не будем заканчивать на грустной ноте. Все же есть в Салехарде, в том числе среди руководящих работников города, здравомыслящие, образованные и безразличные к истории люди – молодые специалисты, стремящиеся к познанию истинного исторического прошлого региона, в котором они живут. Думается, что знание это необходимо многим, и руководство региона, в частности Департамента по науке, получит опыт принятия решений, за которые впоследствии не будет стыдно.

Только благодаря сотрудничеству ученых-профессионалов и некоторых местных чиновников стала возможной публикация коллекции подлинных вещей из раскопок 2004–2005 годов на Полуйском мысовом городке, которая ныне хранится в фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского, а также научно-исторической информации, которая и будет представлена в нашей монографии.

Благодарности. В заключение хотелось бы еще раз выразить свою искреннюю признательность С. Е. Алексееву, ныне директору ГКУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард), человеку неравнодушному к науке и историческому прошлому региона, в котором он живет и работает, – за его деятельное участие в проведении археологических работ. Руководителю отдела ар-

хеологии ГКУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики» Н. В. Федоровой – не только поддержавшей идею исследования, но и лично принимавшей участие в раскопках зимой 2004 г.

Служба по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа так же не осталась в стороне, и, несмотря на давление разных сторон, сколько было возможно использовала свой административный ресурс, оказавший немалое влияние на реализацию исследований.

Необходимо отметить большой организационный вклад Г. П. Визгалова, директора ООО «НПО «Северная археология» (г. Нефтеюганск), в проведение аварийно-спасательных работ на Полуйском мысовом городке. Он не только одним из первых дал высокую экспертную оценку культурной значимости этого памятника, но и неоднократно отстаивал интересы исследователей перед строителями и ответственными работниками различных рангов города Салехарда.

Нельзя не отметить большой вклад Т. В. Лобановой, О. П. Бачуры, О. М. Короны, А. С. Воробьева – научных сотрудников лаборатории палеоэкологии, и В. М. Горячева, сотрудника лаборатории дендрохронологии ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН (г. Екатеринбург), а также В. А. Мыглана и Г. И. Омуровой – научных сотрудников лаборатории «Естественнонаучные методы в истории и археологии» ФГАОУ ВПО СФУ (г. Красноярск). Большинство из них не только добросовестно выполнили научную обработку палеоэкологических коллекций, но и непосредственно участвовали в полевых исследованиях.

Настоящее издание не получилось бы столь полно отражающим результаты исследований без помощи специалистов, осуществлявших различные виды локальных исследований и вспомогательных технических работ, таких как: архивные – М. В. Юнина, архитектурные – Н. Н. Митина, Е. Н. Петрова, М. Н. Пальянова, камеральные – П. В. Пальянов, С. А. Липс, М. А. Усолкина, чертежные – А. С. Юлин, рисунки артефактов – С. В. Трофимов.

Автор выражает глубокую благодарность всем участникам научно-исследовательского коллектива и привлеченным специалистам, выполнявшим полевые исследования, участвовавшим в обработке материалов раскопок и подготовке иллюстративного ряда для отчетов и нашей книги.

Рис. 0.1. Полу́йский мысовой городок. Локализация места нахождения в рамках территории России. Карта-схема

Рис. 0.2. Полу́йский мысовой городок. Локализация места нахождения в рамках территории Ямало-Ненецкого автономного округа и Нижней Оби. Карта-схема

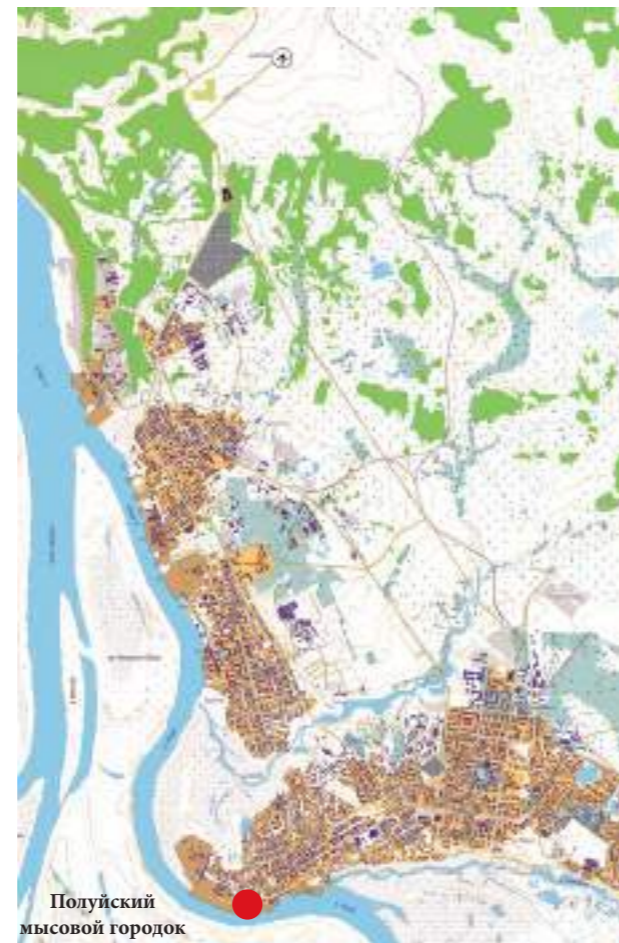

Рис. 0.3. Полу́йский мысовой городок. Локализация места нахождения в черте города Салехарда. Карта-схема

Рис. 0.4. Речной порт Салехарда на правом берегу реки Полу́й. Место нахождения Полу́йского мысового городка. Вид с юго-запада с реки. Фото 2004 г.

Рис. 0.5. Причал речного вокзала Салехарда у подножия мыса правого коренного берега реки Полу́й. Место нахождения Полу́йского мысового городка. Вид с юго-запада с реки. Фото 2004 г.

Рис. 0.6. Терраса правого коренного берега в районе так называемого «Обдорского мыса» Салехарда. Вид с юго-востока. Фото 2004 г.

Рис. 0.7. Здание речного вокзала города Салехарда на площадке мыса правого берега реки Полуи. Фото 2003 г. В 30–40-е годы XX века в здании находилась типография. До 20-х годов XX века – церковь Святых апостолов Петра и Павла. Вид с востока

Рис. 0.8. Площадка мыса правого коренного берега реки Полуи после сноса здания речного порта до начала раскопок стоянки Салехард 1 – Полуийского мысового городка. Вид с востока. Фото 2004 г.

Рис. 0.9. Город Салехард. Мыс правого коренного берега реки Полуи. Строительство архитектурного комплекса «Города мастеров». Вид с юго-востока. Фото 2005 г.

Рис. 0.10. Карта Тобольской губернии, составленная А. А. Дуниным-Горкавичем в 1903 г.

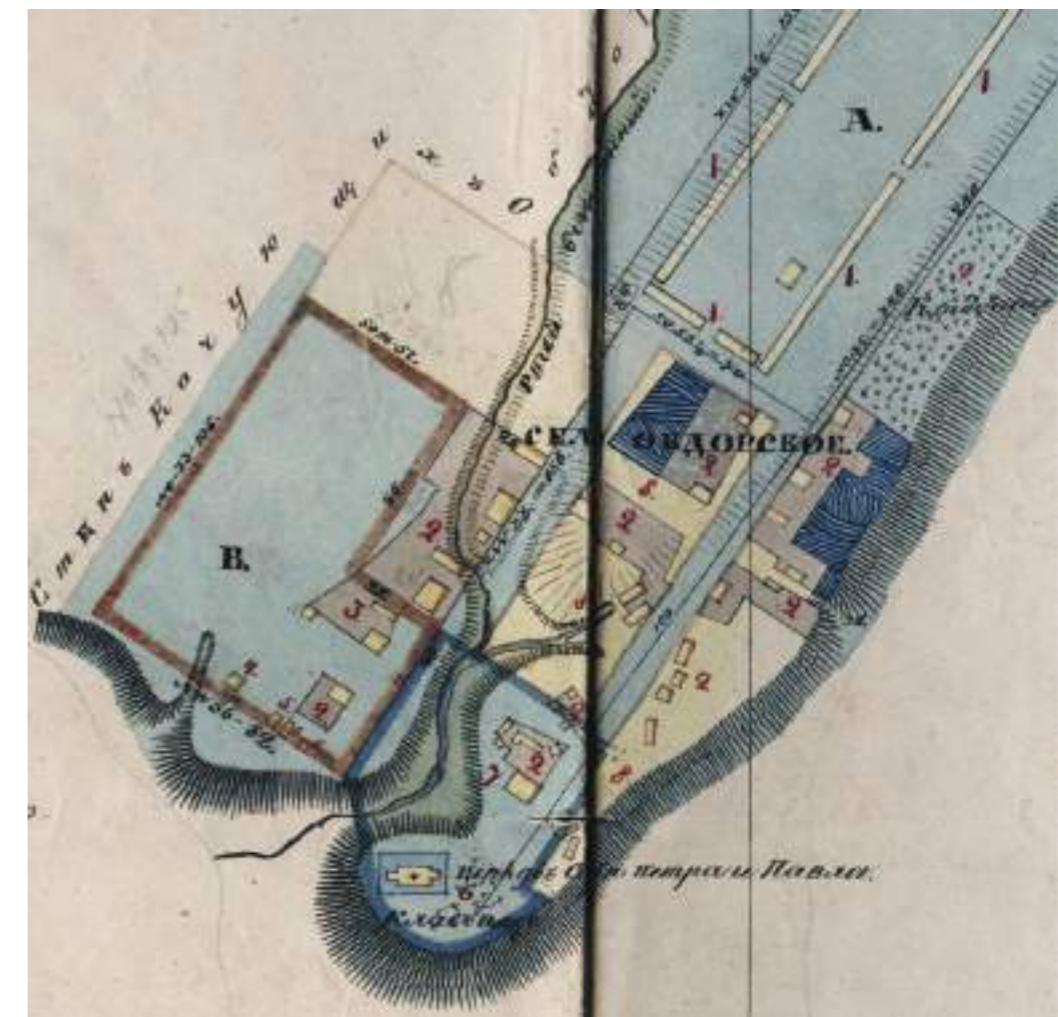

Рис. 0.11. Село Обдорское. Фрагмент карты Тобольской губернии, составленной А. А. Дуниным-Горкавичем в 1903 г.

Рис. 0.12. План села Обдорского Березовского округа Тобольской губернии землемера Девятова, 1846 г. [ТФГАТО, Ф.154, оп. 21, д. 98]

Геометрический план Тобольской Губернии Березовского округа села Обдорского съ показаниемъ на ономъ торговой площади занимаемой ярмаркою, что подъ лит. А. въ количестве 5 десятинъ 1056 квад. саж. изъ того числа занятой торговыми лавками 2 десятины 1272 кв. саж. и отведеннаго участка подъ усадьбу Священно-Церковно служителямъ онаго села въ количестве 3 д. под лит. В. снятие учинено по предписанию Господина Тобольского Губернскаго Землемера отъ 17-го Октября за № 1041 согласно предписанія Тобольской Казенной Палаты 2-го числа тогожъ месяца за № 9496. Въ должности Туринскаго младшаго землемера Девятовымъ 9-го 11-го и 12-го числь Декабря 1846 года.

- Изъясненіе знаковь.
1. Торговіе анбары
 2. Частное обывательское строение
 3. Домъ съ службами дьячка Карпова
 4. Инородческая изба для збора ясака
 5. Инородческіе зимовыя избушки
 6. Уничтоженное православное кладбище
 - Предположеніе по Высочайшіе конфирмованнымъ планамъ о устройствъ селений 27 Октября 1830 года.
 7. Площадь церковная
 8. Для обывательскихъ строений
 9. Новое православное кладбище.

На подлинномъ плане написано: въ должности Туринскаго младшаго Землемера Девятовъ. При томъ снятіи были: Обдорской Петро-Павловской Церкви пономарь Илья Карповъ. Съ подлиннымъ верно: въ должности Туринскаго младшаго Землемера Девятовъ.

Рис. 0.12а. Фрагмент плана села Обдорского землемера Девятова, 1846 г. и расшифровка текста на плане [ТФГАТО, Ф.154, оп. 21, д. 98]

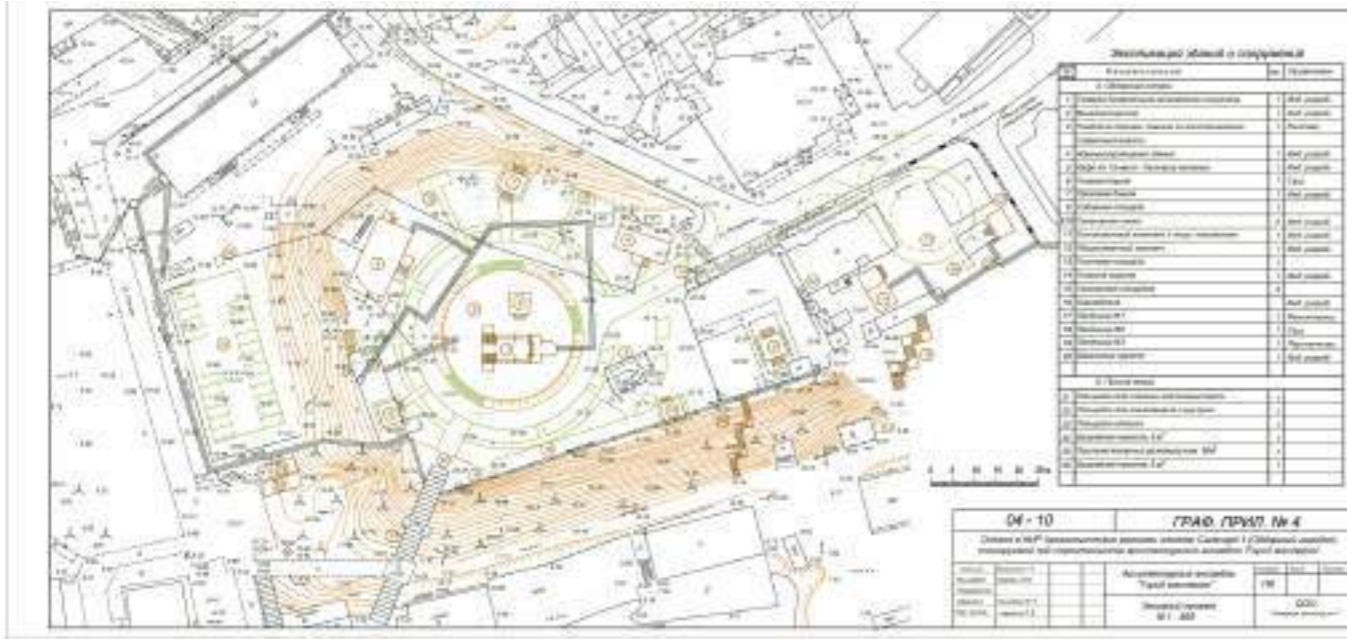

Рис. 0.13. Чертеж генерального плана «Архитектурного ансамбля «Город мастеров», выполнен ООО НПК «Сибстрой инжиниринг» в 2003 г.

Рис. 0.14. Проект «Архитектурного ансамбля «Город мастеров» ООО НПК «Сибстрой инжиниринг», виды макета с разных ракурсов

Рис. 0.15. Проходная башня «Обдорского острога» в стиле русской архитектуры XVII в. Выполнена к 400-летию основания г. Салехарда. Современная реконструкция 1995 г., архитектор А. А. Ополовников. Фото 2004 г.

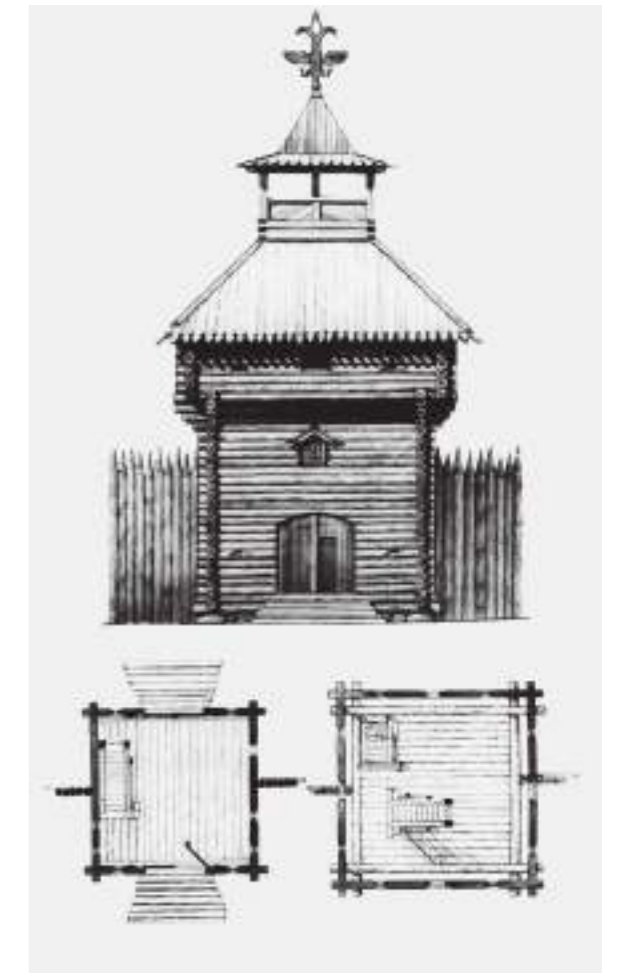

Рис. 0.16. Проходная башня предположительно «Обдорского острога»: главный фасад и разрезы. Гипотетическая (не научная) реконструкция архитектора А. А. Ополовникова. [Ополовников, Ополовникова, 1998. С. 205]

Рис. 0.17. Генеральный план «Обдорского острога». Гипотетическая (не научная) реконструкция архитектора А. А. Ополовникова. [Ополовников, Ополовникова, 1998. С. 118]

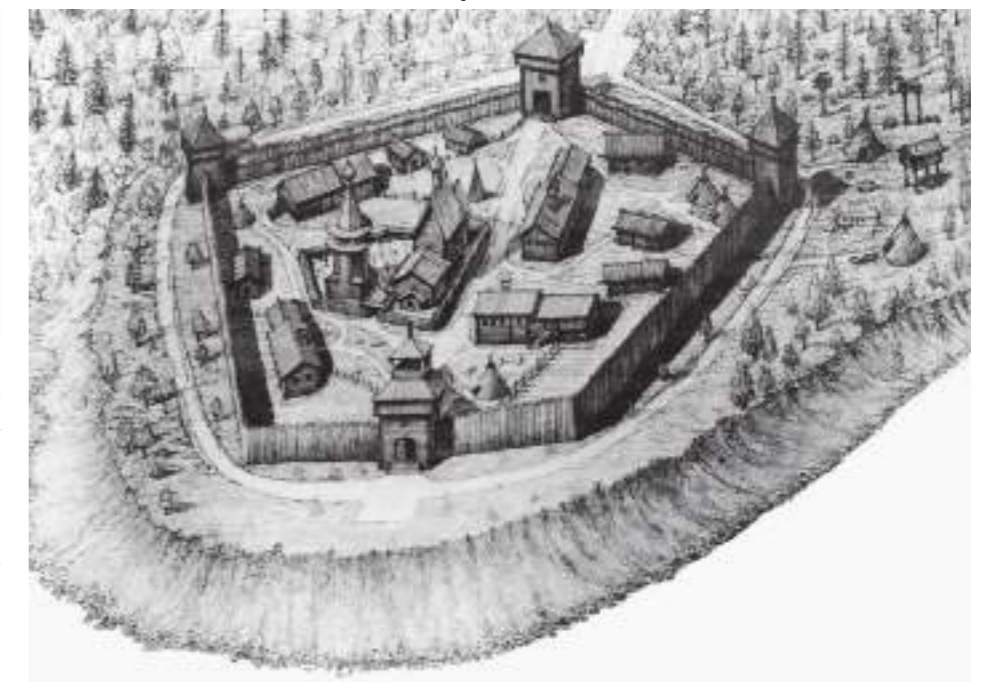

Рис. 0.18. «Обдорский острог» в стиле русской архитектуры XVII в. Гипотетическая (не научная) реконструкция, 1992 год. [Ополовников, Ополовникова, 1998. С. 118]

Рис. 0.19. Шторка с видом села Обдорского и окрестностей. Рисунок Н. И. Шахова первая половина XIX века. Из фондов МАЭ

Рис. 0.19а. Вид села Обдорского. Фрагмент рисунка Н. И. Шахова, первая половина XIX века. Из фондов МАЭ

Рис. 0.20 Вид церкви Святых апостолов Петра и Павла в селе Обдорском. Эскиз М. С. Знаменского, 1850–60-е гг. Из фондов ТГИАМЗ

Рис. 0.21. Вид церкви Святых апостолов Петра и Павла в селе Обдорском. Фото Г. Н. Дмитриева-Садовникова 1914 г. Из фондов ТГИАМЗ

Рис. 0.22. Вид церкви Святых апостолов Петра и Павла в селе Обдорском. Фото нач. XX в. из фондов Ямало-Ненецкого ОМВК им. Шемановского

Рис. 0.23. Обдорская ярмарка. На заднем плане церковь Святых апостолов Петра и Павла Петра и Павла, по центру в красном костюме И. М. Тайшин. Рисунок М. С. Знаменского, 1850–60-е гг. Из фондов ТГИАМЗ

Рис. 0.24. Остяцкие князья. В центре Иван Матвеевич Тайшин. Рисунок М. С. Знаменского, 1850–60-е гг. Из фондов ТГИАМЗ

Рис. 0.25. Князь И. И. Тайшин (в центре) с детьми. Фото нач. XX в. Из фондов ТГИАМЗ

Рис. 0.26. Остяки, самоеды и князь И. И. Тайшин (в центре) у здания Обдорской остяко-самоедской инородной управы. Фото Н. А. Варпаховского, нач. XX в. Из фондов ТГИАМЗ

Рис. 0.27. Город Салехард Общий вид раскопок Полуийского мысового городка, селища (стоянки) Салехард 1. Июль-август 2004 года

Рис. 0.28. Полуийский мысовой городок. Работы на раскопе № 5. Процесс расчистки деревянных конструкций постройки № 1 оборонительно-жилого комплекса. Июль-август 2004 года

Рис. 0.29. Полуийский мысовой городок, селище (стоянка) Салехард 1. Работы на раскопах № 1, 2 после вскрытия асфальта. Исследования в июле-августе 2004 года

Рис. 0.30. Полуийский мысовой городок, селище (стоянка) Салехард 1. Работы на раскопах № 1, 2. Вскрытия верхнего слоя с помощью строительной техники. Исследования в июле-августе 2004 года

Рис. 0.31. Полуийский мысовой городок. Строительство павильона над раскопом № 5. Ноябрь 2004 года

Рис. 0.33. Полуийский мысовой городок. Процесс работ в павильоне на раскопе № 5. Расчистка конструкций и фиксация. Ноябрь 2004 года

Рис. 0.32. Полуийский мысовой городок. Работы на раскопе № 5. Вынос грунта за пределы павильона. Ноябрь 2004 года

Рис. 0.34. Полуийский мысовой городок. Процесс работ в павильоне на раскопе № 5. Прогрев мерзлого культурного слоя тепловыми пушками. Расчистка конструкций. Ноябрь 2004 года

Рис. 0.35. Полуйский мысовой городок. Использование строительной техники в процессе раскопок. Извлечение, погрузка и транспортировка балластного грунта. Июль-август 2004 года

Рис. 0.37. Полуйский мысовой городок. Общий вид места расположения раскопа № 11. Археологические исследования в июле 2005 года

Рис. 0.36. Полуйский мысовой городок. Раскопы № 1, 2 после завершения работ. Использование строительной техники для рекультивации раскопов. Июль-август 2004 года

Рис. 0.38. Полуйский мысовой городок. Общий вид раскопа № 11. Археологические исследования среди недостроенных зданий архитектурного комплекса «Города мастеров». Июль 2005 года

Рис. 0.39. Полуийский мысовой городок. Раскоп № 11. Рекультивация с помощью строительной техники. Июль 2005 года.

Рис. 0.36. Город Салехард. Недостроенные здания архитектурного комплекса «Город мастеров». Июль 2005 года

ГЛАВА 1

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Для реконструкции событий исторического прошлого исследователи в первую очередь используют документальные источники. Археологические материалы в отношении событийных реконструкций для историков имеют второстепенное значение и воспринимаются, прежде всего, как артефакты, характеризующие материальную культуру населения того или иного региона. К сожалению, большинство историков воспринимают информацию из документальных источников как абсолютно достоверную и редко подвергают ее критике. Для региона Северо-Западной Сибири это можно понять, поскольку количество документов невелико, а перепроверять их и сравнивать особо не с чем. Тем не менее, на наш взгляд, однобокий подход в этом случае приводит к ошибкам в прочтении истории. Только комплексный анализ различных видов источников позволит относительно достоверно воссоздать историческое прошлое региона.

Допускаю, что кабинетным историкам, привыкшим добывать сведения в городских архивах, довольно сложно воспринимать исторические планы, соотносить их с современной картографией и тем более воспринимать и анализировать археологические материалы. Сам будучи археологом, могу признать, что артефакт – это особый вид исторического источника, часто фрагментарный и аморфный, который далеко не всегда напрямую можно использовать для реконструкции исторического прошлого. В этой связи существует необходимость определенной конвертации археологического материала для восприятия историками-документалистами, да и вообще более широким кругом лиц, интересующихся древней историей. На мой взгляд, именно в этом должна состоять основная задача научного анализа археологического материала. Поэтому в данном разделе книги будет представлен и проанализирован комплекс данных, содержащихся в разных типах исторических источников.

1.1. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ XVII–XVIII ВЕКОВ

Многие исследователи отмечали скудость документальных источников по истории населения Севера Сибири, причем даже для периода XVII–XVIII веков – вхождения данного региона в состав Московского царства и затем Российской империи. Особенно это заметно в сравнении с количеством исторических документов по территории европейской России. Относительно казенного делопроизводства на Севере в период освоения Сибири отметим, что оно касалось, в первую очередь, русских служилых людей, промышленников и торговцев, а также русских казенных населенных пунктов, судов и грузов. Сведения об аборигенном населении крайне малочисленны и затрагивают в основном вопросы уплаты ясака либо его отсрочки [Бахрушин, 1955]. Событийных дел, наиболее важных для нашего исследования, немного. Сведений, проливающих свет на населенные пункты, позволяющих их идентифицировать, еще меньше. Информация, содержащаяся в изданиях иностранных географов и путешественников того времени, также малоинформативна. Все эти данные уже много раз публиковались и анализировались историками, в частности А. Т. Шашковым и Е. В. Вершининым [Шашков, 1998; Вершинин, Шашков, 2004; Вершинин, 2005; Манькова, 2005; и др.]. Все, что можно было из них извлечь, известно и не позволило И. В. Побережникову решить проблему времени основания «государева Обдорского городка» в последнем историческом труде «История Ямала» [История Ямала, 2011. Т. I. Кн. 2. С. 100–111]. Заметим, что любой упоминаемый в источниках населенный пункт Обдора, как русский, так и аборигенный, расположенный на территории Нижней Оби, мог обозначаться в документах как Обдорский городок. Дело в том, что какой-либо четкой структуры названий в то время просто не существовало. В связи с этим мы попытаемся уйти от общего обзора упоминаний обдорских населенных пунктов и выделим только те источники, которые максимально информативно описывают населенный пункт и его местонахождение.

1.1.1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

В связи с вышеизложенным остановимся на двух документах, которые привлекли наше особое внимание. Первый – это отписка тобольских воевод князей Г. С. Куракина и М. С. Гагарина¹ о грабеже Карачейскими самоедами казенных хлебных запасов в государевом Обдорском городке в феврале 1644 года [РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 175–182]. Вкратце суть дела такова. Летом 1643 года из Тобольска в Мангазею были посланы два дощаника с «государевыми хлебными запасами». Сопровождавшим их служилым людям «...на Обдори велено взять коч Галанки Семенова и из дощаников хлебные запасы выгрузить в коч и ехать в Мангазею», но оставленный для этой цели осенью 1642 года «коч изломало льдом». Другое судно, отправленное из Мангазеи, пришло поздно, и возвращаться на нем в период осенних штормов было опасно, в связи с чем «хлебные запасы из дощаников выгрузили в онбар» и решили, перезимовав, достичь Мангазеи в навигацию 1645 года. Тобольские и мангазейские служилые люди были оставлены в Обдорском городке для охраны «государевых хлебных запасов». В феврале 1644 года случилось следующее: «...приезжали на Обдор воровская самоедь. А они де, служилые люди, были в твоём государеве казенном хлебном анбаре на карауле. И как де они вышли из хлебного анбара под вечер ужинать в ызу, и та де самоедь пришли к избе за щитами и у избы окна снегом заметали и сени заперли и у твоего де государева хлебного анбара двери высекли и взяли твоево государева хлебного запаса мешков с пятнатцать и больши. И как де они, служилые люди, из избы выбились и щиты отбили и вышли к самоеди на берег и самоедь от твоих государевых анбаров отбили и в то время самоедь на бою ранили служилых людей четырех человек». 8 апреля из Березова направили «...сына боярского Родиона Лихачова да с ним березовских служилых людей дватцать человек для береженья твоих государевых хлебных запасов и для сыску тое воровской самоеди...». Кроме того, Родиону Лихачову было предписано изучить все обстоятельства этого происшествия, что он и исполнил.

Для наших задач особо интересна информация из материалов расследования. А именно: «...в допросе березовскому сыну боярскому Родиону Лихачову обдорские ясашные остяки Молик Мамруков с товарищи восемь человек сказали по своей вере по шерти: в нынешнем де во [7]152-м [1644] году, как приезжали на Обдор воровская самоедь Харва да Вяна да Муня роду Карачей, да роду Адеров самоедин Тутчида, да зять ево Харвин роду Лохеев и ево де Харвину зятю имяни и иным Харвиным товарищам, которые с ним были для воровства, имян их не ведают – и сколько чети твоево государева запаса взяли, того они не ведают же, потому что де они в те поры на Обдори в зимних юртах не были, выехали преж их, воровской самоеди приезде, по своим вешним юртам» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 175–182].

Как видно из содержания приведенных отрывков, документ очень интересный. Это единственный источник, описывающий незатейливые строения Обдорского городка середины XVII века. Из него же становится очевидным, почему в некоторых документах данный пункт ясачного сбора именовали государевой избой [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 9–11]. Кроме того, этот городок находился на участке основного русла реки, где сходил лед, и который был судоходным даже в осенний период. К тому же здесь имела высокая сухая пойма, где могли размещаться амбары для хранения грузов, прибывающих на судах. Поскольку казенная изба находилась на месте с хорошим обзором, но в некотором удалении от амбаров, логично заключить, что она стояла на достаточно высоком берегу. Это же косвенно подтверждается маленькой репликой из другого документа 1656 года: «...приезжала к Обдорскому городку на реку на Пулуй многая Карачейская самоедь с ясачным платежом <...>, ваш государев ясак пометали на реку на Пулуу на лед и сами де они, самоедь, и розъехались. <...> самоеди приехало людно и к городку де близко не едут» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10–13].

Все эти детали очень важны, поскольку в непосредственной близости от Обдорского городка находились зимние юрты Молика Мамрукова, на тот момент «лучшего» человека волости – обдорского князя. Находились они на расстоянии визуальной доступности, что позволяло отслеживать события, происходившие в государевом Обдорском городке. Очевидно, что речь идет о правом коренном берегу р. Полуи в приустьевой части. Но это обширная территория в несколько десятков килом, и где именно находилась небольшая изба, не совсем понятно.

Помимо того что это единственный документ, локализирующий местонахождение зимней резиденции князев Обдорского княжества, ставшего к тому времени волостью Березовского уезда, документ содержит

¹ Князья Григорий Семенович Куракин и Михаил Семенович Гагарин (Турок) служили тобольскими воеводами с мая 1643 по май 1646 года [Вершинин, 1998. С. 172].

ценное упоминание – о *вешних* юртах. Это указание на наличие зимних и летних юрт, иными словами – зимнего и весеннего городков у Молика Мамрукова, в принципе подтверждает наличие сезонных населенных пунктов в XVII веке у аборигенного населения. Имеется в виду система расселения коренных жителей, которая была широко распространена вплоть до середины XX века и продолжает бытовать у аборигенов Сибири, придерживающихся традиционного способа природопользования.

Такая система описана в статистической и этнографической литературе [Патканов, 1911; Дунин-Горкавич, 1995–1996] и хорошо известна нам по собственным исследованиям. Вкратце она заключается в следующем. Каждая территориальная община, а в таежной зоне севера Западной Сибири ее численность редко превышала 50 человек, формировала систему расселения, основанную на сезонности использования природных ресурсов той или иной территории. Как правило, в зимнее время это таежные охотничьи промыслы – добыча крупных млекопитающих и пушных зверей, летом это – рыбная ловля на крупных реках и добыча птицы. Соответственно формировалось два типа базовых населенных пунктов: зимние и летние. В дополнение к ним непосредственно на местах промысла формировалась сеть стоянок и жилищ. При этом следует заметить, что реализации такой системы в большой степени способствовало транспортное оленеводство. Что же касается оленеводческих общин в тундровой зоне, то их численность, судя по документам, была выше. Это позволяло осуществлять внутриобщинное разделение труда [Кардаш, 2008. С. 39–40]. В последнем случае система сезонного использования природных ресурсов существовала, но в видоизмененной форме. Одна часть общинников пасла оленей в тундре, другая – ловила и заготавливала рыбу, затем осуществлялся своеобразный внутриобщинный товарообмен.

Итак, из приведенного выше документа следует, что у вождя правящей общины Обдорского княжества Молика Мамрукова существовало два базовых населенных пункта: зимний городок-юрты и весенний городок-юрты. Зимний находился на реке Полуи, в нижнем ее течении. По-видимому, он был построен близ таежного лесного массива, от которого начиналась транспортная связь с лесными промысловыми угодьями общины. Таким образом, выявленный нами в результате раскопок в черте города Салехарда остяцкий городок XVII века мог быть не чем иным, как одной из резиденций обдорских князев – предков князей Тайшиных.

Следующий крайне интересный и информативный документ – «Царская грамота из Сибирского приказа березовскому воеводе В. М. Гагарину о набеге Карачейской воровской самоеди из Надыма на Обдорский городок зимой 1679 года» от 24 июня 1679 года. Считается, что этот документ повествует о нападении на русский казенный пункт ясачного сбора [Вершинин, 2005а, б. С. 38–39, С. 70–71; История Ямала, 2011. Т. 1, кн. 2. С. 224–226]. На наш взгляд, это не так. С учетом данных, содержащихся в этой грамоте и других источниках, более вероятно, что здесь речь идет о нападении самоеди (ненцев) на остяцкий городок, точнее, на юрты обдорского князя Гынды Моликова, расположенные близ государева Обдорского городка.

Представим суть событий, которые лаконично изложены в тексте грамоты. 12 апреля 1679 года березовский воевода князь В. М. Гагарин сообщил в Москву, в Сибирский приказ, о событиях, изложенных в челобитной ясачного сборщика Ивашки Шахова, находившегося на тот момент в казенном Обдорском городке. Поскольку царские грамоты зачастую повторяли значительную часть текста, содержавшегося в челобитной, то цитируемый нами отрывок, очевидно, являлся продублированным текстом челобитной И. Шахова. С учетом времени, необходимого на доставку донесения из Обдорского городка в уездный город Березов, а также для отправки отряда служилых людей на выручку и получения известий о результатах действий отряда, да с поправкой на «расторопность» чиновников всех эпох, ведающих делопроизводством, события, описанные И. Шаховым, должны были происходить не позднее февраля. Ясачный сборщик сообщает о том, что Карачейские самоеды Маулка и Игонка Посевы «...изменили и с собою подозвали иных городов воровскую самоедь многих людей, болше четырех сот человек, и пришли в Обдорской городок войною, и Обдорской городок осадили, стояли шесть дней, и никого из Обдорского городка не выпускали, и в Обдорской городок стреляли. И многих остяков и самоедь ранили, и ясачных остяков, которые были в юртах, и на промыслах, и у рыбной ловли. Убили двадцать три человека да дву человек самоединов, и над ними наругались: носы и у рук персты резали, а жон их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон. Да Маулка ж говорил: пришли де они для того, что наших государевых ясачных людей, князца Гынду Моликова с товарищи убить и всех обдорских остяков разорить; и запасы, и платье, и топоры и ножи, и котлы, и что готовили в наш государев ясак у них рухлядь отняли» [ДАИ, Т. 8. СПб., 1862. С. 166–168].

В ответ на эту челобитную воевода В. М. Гагарин в Обдорской городок из Березова послал «...сына боярского да с ним двадцать человек казаков на выручку. И тот де вор Маулка и Игонка с товарищи, послыша посылку с Березова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуда пришли, с Мангазейской стороны из Надыма». В царской грамоте предписывалось «...послать к ним служилых людей, сколько человек пристойно, и велеть их уговаривать, чтобы они от измены своей отстали..., и грабежные остяцкие животы и олени Березовского уезду Обдорского городка князцом и ясачным остяком отдали, <...> и ясак нам, великому государю, платили по прежнему. ...А будет тое воровские самоеды уговорить никоими мерами не мочно, <...> посылать на них с Березова березовских всяких чинов служилых людей да с ними обдорских городков остяков, ... их смирить и под нашу великого государя царскую высокую руку в ясашной платеж привести, а себя от них уберечь, и Остяцкие грабежные животы и олени сыскав, отдать обдорским князцом и ясачным остяком, у кого те животы и олени та воровская самоедь взяли».

Следует подчеркнуть, что в документе не указан ущерб, нанесенный самому Обдорскому городку, его жителям и какому-либо казенному имуществу, за исключением косвенного – мягкой рухляди – мехов, «что готовили в наш государев ясак». А вот находившимся поблизости остякам и самоедам ущерб причинен значительный, если убийство и грабеж можно вообще назвать ущербом. Ключевых фраз, определяющих объект нападения, на наш взгляд, две: «остяков, которые были в юртах» и «князца Гынду Моликова с товарищи, убить». Эти фразы определяют объект нападения – расположенные близ казенного Обдорского городка зимние юрты – городок обдорского князца Гынды Моликова, и задачу нападения – убийство его самого и людей из его окружения. Осаду же Обдорского городка, в том случае если речь действительно идет о казенном пункте ясачного сбора, можно трактовать как упреждение вмешательства во внутренний конфликт коренных обдорцев и карачейцев. Хотя, на наш взгляд, поскольку казенный государев городок никак не пострадал и никто не помешал человеку с челобитной покинуть его пределы, в документе речь идет лишь об осаде остяцкого Обдорского городка, названного так автором документа произвольно. (Подробнее см. ниже).

Следует вписать события, связанные с нападением на остяцкий городок, в некий исторический контекст, что позволит оценить достоверность нашей интерпретации. Помогут это сделать сведения о персонажах этих событий. Кто же такие Маулка и Игонка Посевы? Это дети Пося Хулеева, ставшие после смерти отца во главе аборигенного военно-политического объединения – княжества Большая Карачей, в которое входили территориальные общины реки Надым и Низовой стороны – южного побережья Обской губы. Зимней и, очевидно, основной резиденцией вождем Большой Карачей служил Надымский городок, находившийся в низовьях реки Надым.

Как сообщал пустозерский воевода И. Неелов в город Березов воеводе князю П. А. Гагарину: «...приходят на них войною, сложася с карачейскою самоедью и с остяками. В прошлом де во 174-м [1666] году <...> у Хаски Гисева остяк **Гында [Моликов]**² убил родника его Аркадка самоедина до смерти, а тринадцать самоединов родников его держал у себя в работе и всех их приморил с голоду. <...> Да в нынешнем же во 176-м [1668] году февраля в 20 день пришли под Пустозерский острог с Оби **Обдорского городка те ж остяки Гындычко Моликов**, Ярлычко Дураков с обскими остяками, с ними ж **Карачейская самоедь Поско [Хулеев]** самоедин с разными родами, изгоном, со многими людьми, и русских людей нагнали на озере на рыбной ловли и пограбили неводы, и пшени, и топоры, и кожи, и рыбу, что в улове было, все пограбили, и ухватили у самого посаду у дворов пустоозерского самоедина Хаску Палчевого и били, а после <...> сына его и жену, и животы и олени все побрали себе» [ДАИ, 1855. Т. 5. № 68–I. С. 375–377]. Из документа следует, что обдорцы и карачейцы участвовали в грабительских военных операциях, в частности, в Пустозерском уезде. Если можно так выразиться, военные вожди Обдории и Большой Карачей были боевыми товарищами в воровских грабежах и разбоях. Судя по ряду других документов, в военные операции карачейские вожди брали с собой своих детей, поэтому Маулка и Игонка Посевы были хорошо знакомы с соратником их отца, обдорским князцом Гындой Моликовым. В этой связи документ 1679 года о нападении карачейских самоедов логичнее рассматривать как своеобразное выяснение отношений местных элит: воровских группировок, в терминологии XVII века, вступивших в некие противоречия между собой.

Некоторые разрозненные документы того времени свидетельствуют об истории этих криминальных взаимоотношений. В частности, из челобитной торгового человека пустозерца Михаила Кондакова

1641 года следует, что «...самоедь по дорогам твоих государевых служилых и торговых людей грабят и побивают многих; на Мангазейском море, которых морем розобьет, и те люди по берегам запасы свои и товары собирают, а та самоедь у них запасы и товары грабят и самих живых не пускают. <...> А про то, государь, их все воровство и убойства ведает твой государев обдорской князец Молик да дядя его Дурак; и грабежную, государь, у них всякую рухлядь принимают заведомо...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 369–370.]. Иными словами, еще отец Гынды Моликова, предшествующий обдорский князец Молик Мамруков возглавлял, выражаясь современным языком, скупку краденного и его реализацию, по-видимому, пользуясь удобным местоположением своей резиденции близ государева Обдорского городка на «Чрезкаменном пути» из Московского государства в Мангазею. Через устье Полуя шел и южный (речной) вариант «Мангазейского морского хода» из Тюмени и Тобольска. Не будем углубляться в эту тему, поскольку подобных упоминаний о деяниях обдорских князцов XVII века будет достаточно для формирования их образа.

Интересна дата получения Гындой Моликовым жалованной грамоты «на княжение в Обдорских городках» от царя Федора Алексеевича Романова – 27 июня 1679 года. 24 июня написана царская грамота березовскому воеводе В. М. Гагарину об организации карательной операции против карачейских самоедов с участием обдорских остяков для приведения их под «великого государя царскую высокую руку в ясашной платеж» и возврата «грабежные остяцкие животы и олени». По хронологии документов может показаться, что грамоты стали неким следствием – реакцией на нападение карачейских самоедов под руководством Игонки и Маулки Посева на Обдорский городок Гынды Моликова. На наш взгляд, это не совсем так. Для того чтобы выяснить эту ситуацию, зададим себе два вопроса. Во-первых, почему челобитную о нападении на городок и обдорских остяков подал ясачный сборщик Иван Шахов, а не сам хозяин городка Гында Моликов? Во-вторых, почему защиту городка и остяков от карачейских самоедов березовский воевода князь В. М. Гагарин проводил без участия этого обдорского князца? Ответ довольно прост: это могло произойти только потому, что во время нападения «воровской самоеди» на упомянутый городок самого Гынды Моликова в нем не было. Более того, не было и в волости, и в уезде. При этом воевода знал, куда и зачем отправился обдорский князец. А послан был Гында Моликов с другими представителями остяцкой знати – Почейкой Соскиным и Нюпчеком Егличевым – ко двору царя Федора Алексеевича самим же березовским стольником и воеводой князем Василием Гагариным «бить челом о нужде своей» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 763. Л. 55–62]. Очевидно, во время осады городка Гында был уже на пути в Москву за грамотой на княжение.

Представляется вполне вероятным, что именно эта миссия – «бить челом Великому Государю» – стала поводом нападения на его городок молодых вождей Большой Карачей, озвучивших свое намерение: убить Гынду. По-видимому, такой шаг был воспринят ими как предательство их общего «воровского» дела и заслуживал только смерти. Подойдя к городку, Гынду они там не застали и «отыгрались» на его подданных – «...убили двадцать три человека да дву человек самоединов, и над ними нарутались...», видимо, еще и в качестве демонстрации его будущей участи.

Кроме того, мы полагаем, что Игонку и Маулку Посевых больше раздражала и пугала не простая и довольно абстрактная «измена» поделника в грабежах, а большая вероятность усиления влияния обдорского вождя в регионе после получения им царской грамоты на княжение и официальный сбор налогов. Последнее, безусловно, подрывало их авторитет как вождей и разрушало ранее существовавшую доминирующую позицию Большой Карачей не только на Нижней Оби, но и в окружающих ее европейских и сибирских тундрах.

В целом же «братья-разбойники» в своих подозрениях были недалеки от истины. Будучи принятым ко двору, «Гында Моликов, с улусными людьми, челом ударил Великому Государю двумя лисицы чернобурые». В ответ всех челобитчиков пожаловали деньгами «на корм и на питье и на дрова и всяко», подарками – «однорядками красными»³. Примечательно, что Гында Моликов был одарен особо. Помимо однорядки, он, как князь, получил от государя соответствующее его рангу облачение: поднамазень⁴ с кружевом, кафтан⁵

³ *Однорядка* – широкая долгополая одежда без ворота, с длинными рукавами, нашивками и пуговицами или завязками. Делалась она обычно из сукна и других шерстяных тканей. Осенью и в ненастье ее носили и в рукава, и внакидку.

⁴ *Поднамазень* – вероятно, разновидность нижней одежды, наподобие рубахи, возможно импортной. На последнее указывает корень слова – явно восточного происхождения.

⁵ *Кафтан* – верхняя одежда с длинными до пят рукавами, которые собирались в складки так, что концы рукавов могли заменять перчатки. Спереди кафтана, вдоль разреза по обеим его сторонам делались нашивки с завязками для застегивания. Материалом для кафтана служили бархат, атлас и другие ткани, или простая крашенина.

² Здесь и далее жирным шрифтом выделено автором.

с серебряными завязками, шапку соболью и сапоги [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 763. Л. 55–62]. Кроме того, вместе с грамотой на княжение получил право «для больших дел» обращаться прямо в Москву, минуя Тобольск [Ковальский, 1853. С. XXIV; Абрамов, 1857. С. 218; Бахрушин, 1955. С. 135]. И это с учетом параллельно составленной грамоты воеводе князю В. М. Гагарину – организовать военную операцию, в том числе для возврата Гынде Моликову «грабежные остяцкие животы и олени».

К сожалению, не известно, чем закончились эти события. К настоящему моменту документальных источников относительно этого случая не обнаружено и, соответственно, не введено в научный оборот. Поскольку документов, связанных с событиями в Обдорской волости конца XVII века (после 1679 г.), единицы, то история этого периода остается малоизвестной. Ничего нового – по данному периоду – не добавило и последнее академическое исследование истории региона [История Ямала, 2011. Т. 1, кн. 2. С. 133–134, 145–146].

На наш взгляд, приведенные доводы вполне достаточны, чтобы трактовать события, изложенные в царской грамоте 1679 года, как **нападение на зимние юрты – резиденцию князя Гынды Моликова, расположенную близ государева Обдорского городка на реке Полуй.**

Чтобы продвинуться в решении нашей задачи, необходимо перейти к следующему источнику – путевым дневникам 1740 года известного историка и географа, участника Второй академической экспедиции Г. Ф. Миллера [Сибирь XVIII века..., 1996]. Документ этот, безусловно, поздний по отношению к рассматриваемому периоду. Прямая ретроспекция содержащихся в нем данных без критического анализа может привести к ошибочным выводам, но не использовать его неправомерно. Сам Г. Ф. Миллер до устья реки Полуй не доехал и в Обдорском остроге не побывал. Сведения о нижней Оби он собирал, находясь в Березове. Причем опосредованно – главным образом, через информаторов, которым предварительно рассылал опросные листы. Факты в том виде, в котором они изложены в дневниках, могут содержать ошибки. В связи с этим информацию ученого следует тщательно проверять и анализировать. Тем более что современные исследователи зачастую поступают весьма необдуманно или легкомысленно, полностью доверяя сведениям путешественников XVIII века и применяя ретроспективный метод без коррекций при воссоздании исторических реалий.

Итак, Г. Ф. Миллер пишет, что «на северном берегу этой реки, в 9 верстах от устья, находится Обдорской острог, где имеется гарнизон из березовских казаков, чтобы удерживать самоедов от набегов и одновременно принимать ясак с тамошних остяков и самоедов. ...Острог был впервые основан в 1731 г. и охватывает пространство на 20 сажений в длину и 15 сажений в ширину [43×32 метра. – Авт.], с 4 жилыми помещениями и 6 амбарами» [Сибирь XVIII века..., 1996. С. 258]. Речь однозначно идет о первом казенном остроге, основанном по указу императрицы Анны Иоановны. Расстояние описанного места от устья реки Полуй (если за точку отсчета взять Ангальский мыс, маркирующий устье реки, и применить введенную при Петре I путевую версту – 1066,8 метра) составит 9,6 километра. Это приблизительно соответствует местонахождению Обдорского острога 1731 года, расположенного, как мы знаем, в черте современного Салехарда, на берегу реки, около западного конца улицы Республики (рис. 0.3, 2.1). Был ли он основан на том же месте, что и прежний государев городок XVII века, сказать сложно. Нельзя также исключать необходимости и возможности переноса населенного пункта с одного места на другое. На Севере такое часто случалось, особенно с ранними русскими поселениями, которые основывались без учета динамики изменения локальных ландшафтов, топографии, гидрографии, торговых и иных коммуникаций. Чаще всего это могли быть изменение русла реки или эрозия берега. Кроме того, возникали новые транспортные схемы, исчезали старые пути, появлялись более благоприятные для постоянного проживания места, в том числе по причине иной хозяйственной деятельности нового населения Западной Сибири. Переносились на новое место многие населенные пункты, в то время как старые аборигенные общинные городки ветшали и приходили в упадок. Появлялись новые административные центры, в том числе уездные, а также первые северные города – места сосредоточения торговли и новых ремесел. Так, например, было с Мангазеей и Нерчинском [Вершинин, Визгалов, 2012. С. 55–59; Крадин, 1988. С. 149–152]. Нижнеколымский (Стадухинский) острог, основанный в 1644 году, перенесли на другое место в конце XVII века, спустя через 20 лет после его основания. Причина – размыв берега течением реки [Визгалов, 2011. С. 41; Строгова, 2011. С. 239–240].

Помимо данных о вышеупомянутом остроге, существовавшем во время его путешествия, Г. Ф. Миллер приводит услышанную им своеобразную историческую информацию о том, что «в старые времена на этом месте была остяцкая крепость, которая еще до русского завоевания часто посещалась для торговли зырянскими и называлась Обдорским городком» [Сибирь XVIII века..., 1996. С. 258]. Это крайне важное сообщение

стоит прокомментировать особо. Тем более что именно у западной оконечности улицы Республики при раскопках нами был выявлен остяцкий городок, который прекратил существование в конце XVII века, то есть минимум за 30–40 лет до постройки Обдорского острога. Основываясь на этих данных, можно было бы безоговорочно признать, что нами был обнаружен тот же самый остяцкий городок, на месте которого должен был стоять Обдорский острог. Тем не менее при раскопках *Полуйского мысового городка* остатков русской крепости XVIII века нами не было обнаружено. Следует заметить, что и специальный поиск острога на этом участке берега реки Полуй, проводившийся в течение двух лет экспедицией Г. П. Визгалова, результатов также не дал [Визгалов, 2006, 2007; Чибиряк, 2008]. Пока это не окончательный вердикт в пользу отсутствия здесь Обдорского острога XVIII века. Дело в том, что разведочные работы велись в условиях городской застройки, а размеры объекта поиска невелики. Он вполне мог быть целиком перекрыт одним зданием. Культурный же слой в пунктах ясачного сбора, не имевших постоянного населения, судя по раскопкам Казымского острога, вообще отсутствовал [Крадин, 1988. С. 134–139, рис. 152–157]. Так что вероятность нахождения Обдорского острога на месте, указанном Г. Ф. Миллером, и возможность его обнаружения теоретически существуют. Правда, с поправкой, что крепость находилась не на месте остяцкого городка, а недалеко от него.

Кстати, Г. Ф. Миллер приводит сведения о собственном названии этого населенного пункта. Он пишет, что «остяки называли тамошнюю бывшую крепость Puling-auot-wasch, и точно таким же именем называют они нынешний острог. Самоеды говорят // Salja-garden. Слова Auot и Salja в обоих языках равнозначны и означают «возвышенный мыс», подобный тому, что здесь, на северной стороне р. Полуй, выступает в Обь. Ну а поскольку такие мысы называются по-русски словом «нос», то данный пункт издавна имеет прозвище «носовой». Кроме того, этот мыс там, где он выдается в Обь, называется по остяцки Lonch-Auot [Духов мыс], а по-самоедски Chaibido-Sale [Духов священный мыс], по той причине, что раньше здесь стояли остяцкие идолы, ибо как в остяцком языке Lonch, так и в самоедском языке Chai, означает идола» [Сибирь XVIII века..., 1996. С. 258]. Что касается остяцкого названия, то следует уточнить его перевод, потому что в хантыйском языке много диалектов, и кроме прямого перевода существуют и понятийные варианты. Прямой дословный перевод, предлагаемый Г. Ф. Миллером и принятый другими исследователями, – *Puling-auot-wasch* – Полуйский-мысовой-городок. Слово *auot* или *авыт* (*ават*, *аут*), дословно переводимое с хантыйского языка как «мыс» (высокий мыс), также имеет второй смысл – «община» (общинный центр). Оно происходит от древнеиранского, в котором означает «город» (селение) [Патканов, 2003. С. 36, 394]. Кроме того, в хантыйском языке есть устойчивое сочетание *аутем ваиш* – «ров вокруг старинного городка» [Терешкин, 1981. С. 33, 506]. На наш взгляд, в названии Полуйского городка существует и другой понятийный подтекст. Перевод названия может звучать в нескольких вариантах. Первый – «Полуйский общинный городок» – подчеркивает его функцию как общинного административного центра и принадлежность вождю. Второй – «Полуйского мыса городок» – указывает на приуроченность к священному мысу – Ангальскому, особо значимому для Обдории культовому месту, что также подчеркивает, помимо административной, вероятно, сакральную значимость городка. Третий вариант – «Полуйское городище». Что в этом случае подразумевали информаторы – сейчас, за давностью времени, понять сложно, тем более что хантыйский язык небогат понятиями. На наш взгляд, если учесть, что *auot* имело изначальное значение «город», то называть «Полуйский городок городок» не совсем логично. По-видимому, термин *auot* был призван, в первую очередь, подчеркнуть не ландшафтно-топографическое положение населенного пункта, а функциональную значимость городка – как общинного административного центра. В этой связи название «Полуйского высокого мыса городок» следует понимать как «Полуйский общинный городок».

Описанное Г. Ф. Миллером местонахождение *Puling-auot-wasch* в общем соответствует местоположению раскопанного нами городка. По этой причине мы можем – с большой долей уверенности – считать, что нашли именно этот населенный пункт. В этой связи используемое Г. Ф. Миллером и вслед за ним другими исследователями название «Обдорский городок» не следует трактовать как имя собственное – название городка. Термин «Обдорский» нужно воспринимать как указание на территориальную локализацию и волостную принадлежность городка. Иными словами, это название следует понимать как обдорский городок (то есть Обдорской волости) «*Puling-auot-wasch*» – «Полуйский мысовой городок».

Основываясь на данной информации и таком прочтении названия населенного пункта, считаем возможным идентифицировать раскопанный нами городок XVII века как одну из резиденций рода общинных вождей

Обдорского княжества, соответствовавшего Обдорской волости Березовского уезда. Этот городок принадлежал предкам обдорских князей, получивших при крещении в Березове в 1714 году фамилию Тайшины.

Кроме этого, Г. Ф. Миллер приводит сведения еще об одном остяцком городке на реке Полуи: «Рч. Пашерская, по остяцки Ieming-jugan, с той же стороны, приблизительно в восьми верстах выше острога. В известном месте на этой речке вода считается святой и остяки ее не пьют... Еще на реке Полуи имеется Полуийской городок, по остяцки Pul-wasch [Полуй-городок], по самоедски Lag-garden [Сора-городок], на южном берегу, примерно в 20 верстах от последней указанной речки. Здесь находятся остяцкие зимние жилища Обдорской волости» [Сибирь XVIII века..., 1996. С. 258].

Судя по указанным Г. Ф. Миллером расстояниям, в частности до реки *Ем-Еган* (Пашерской), их измеряли, возможно, пользуясь картой, не по руслу – водному пути, или берегу – пути сухопутному, а напрямую (рис. 1.1, 1.2). Поскольку выше по течению описание притоков реки Полуи отсутствует, то местонахождение этого городка точно не локализуется. Отсчитывать ли это расстояние вверх по течению или, как написано, к «южному берегу», подразумевая, что речь идет об обширной дельте Полуи – Большом Полуийском Соре, не совсем понятно. Все же нам представляется более вероятным последний вариант. Тем более что в 1997 году археолог Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса А. Г. Брусницына на правом берегу протоки Большой Хар-посл – *Большая городская протока*, близ современного поселка Пель-вош, обнаружила городище XVII–XVIII веков [Брусницына, 1999. С. 25–26, рис. 85, 103–113]. Археологический памятник, получивший название городище Пельвож 2 (Пельвожский городок) находится в 20 километрах к югу от устья р. *Ем-Еган* (Пашерской). Расположенный рядом населенный пункт, имеющий название, созвучное приведенному Г. Ф. Миллером, не оставляет сомнения в том, что это и есть – *Pul-wasch* – зимние юрты Обдорской волости. Этот археологический памятник обследовался экспедицией АНО «Институт археологии Севера» под руководством В. А. Маракулина в 2012 году (рис. 1.7 – 1.8). Судя по мощному культурному слою, состоящему из щепы и остатков деревянных строений, городок функционировал длительное время, вплоть до середины XVIII в. [Маракулин, 2012. С. 68–75, рис. 120–155]. Не исключено, что это и есть остяцкий зимний городок – *юрты*, о которых говорил Молик Мамруков, близ которых находился государев Обдорский городок XVII века. Сравнимая современный вид этого памятника с изображением «битвы остяцких племен» на известном рисунке Н. Шахова первой половины XIX века [Сибирские реликвии, 2000. С. 56–57], можно сделать предположение, что сюжет посвящен осаде Полуийского (Обдорского) городка – *Пул-вош* отрядами Карачейских самоедов в 1679 года (рис. 1.6). Косвенным подтверждением этого предположения может служить то обстоятельство, что художник, очевидно, был потомком ясачного сборщика Ивашки Шахова – автора челобитной березовскому воеводе князю В. М. Гагарину, а память о тех событиях могла храниться в семейных преданиях.

В качестве дополнения к рассказу о вышеупомянутых летописных городках, считаем целесообразным представить информацию об их основателях и главных обитателях – обдорских князьях XVI – начала XVIII веков. Во-первых, потому, что судя по документам, каждый из представителей данного остяцкого княжеского рода имел непосредственное отношение к раскопанному *Полуийскому мысовому городку*. Во-вторых, после анализа архитектуры зданий и вещевого комплекса некоторые периоды развития городка можно будет связать с конкретными историческими персоналиями Обдории.

Общинные вожди Обдории известны по русским документам XV – начала XVI веков. Правда, достоверно не подтверждено, связаны они или нет генетически с известными обдорскими князьями династии Тайшиных [История Ханты-Мансийского автономного округа.... С. 287; РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2338. Л. 2–8]. Первый представитель этого княжеского рода – Василий Обдорский, упоминается в русских письменных источниках в связи с остяцким «Березовским» восстанием 1595 года [Миллер, 2000. С. 203]. Точно не известно, участвовал ли сам Василий в этом антирусском выступлении. Зафиксировано только, что после подавления восстания, в 1600 году, он был в Москве «по делам управления вверенного ему народа», где принял крещение и благополучно вернулся на родину. В дальнейшем имя Василия Обдорского неоднократно упоминается в документах об «изменных» делах. Обдорский князь Василий стал одним из лидеров готовящегося восстания, кульминацией которого явились события весны 1607 г. Восстание было подавлено. Василий вместе с другими «пущими изменниками» был казнен на виселице по утвержденному царем Василием Шуйским смертному приговору [Миллер, 2000. С. 39, 237, 238].

Сын Василия Мамрук, в противоположность своему отцу, открыто против русской власти до поры до времени не выступал. Первую свою жалованную грамоту «в Обдорских городках и волостях... ясашных людей

ведать и государев ясак собирать» Мамрук получил от Бориса Годунова в 1601 году [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6887. Л. 162–163; Памят. кн. Тоб. губ. 1884. С. 125]. В 1606 году новый царь Василий Шуйский подтвердил его права новой грамотой: «Мамрука Князя, Васильева сына, Обдорского, за его службы в Обдорских городках, княжением, как был пожалован отец его Князь Василий, и Князю Мамруку городки и волости и в них ясачных людей, и Государев ясак и десятинную пошлину собирать потому ж как отец его Князь Василий и он собирал преж сего и отвозил ясак и десятину на Березов; и самому ему, Князю Мамруку, их Государскою казною не корытоваться, собирать в правду – сполна; и в ясачных людях в Остяках и в Самоедах шатательства и всякого умышления проводить и сказывать на Березов воеводам» [Миллер, 2000. С. 212; Ковальский, 1853. С. XXIV; Абрамов, 1857. С. 218; Бахрушин, 1955. С. 134–135]. После казни отца Мамрук стал официально и полновластно княжить в Обдорской волости.

После смерти Мамрука, около 1635 года, ему наследовал сын Молик, правивший до середины XVII века. Никакими особенными историческими деяниями он не прославился. Судя по некоторым документам, в частности обыскам Березовского уезда, проводившимся с целью уточнения и учета «новоприбылых ясачных остяков», в обыске 1650 года тамгу ставил князь Молик Мамруков, а в обыске 1656 года уже князь Ермак Мамруков [Симченко, 1965. С. 75–78; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 105, л. 169–170, Д. 501. Л. 66–77]. Следовательно, скончался князь Молик приблизительно между 1651–1654 гг. После него княжил другой сын Мамрука – Ермак, оказавшийся достойным продолжателем «изменных» дел деда – князя Василия. В 1660–1662 годах он организовал и возглавил крупный заговор, объединив все волости Березовского уезда. Заговор был раскрыт. По материалам розыскного дела воеводы А. П. Давыдова о подготовке восстания остяками и самоедами Березовского уезда под руководством князя Обдорской волости Ермака Мамрукова – 1662–1663 годов: «<...> И по указу великих государей и Соборному Уложению, за ту вашу шатость и за измену воевода Алексей Петрович Давыдов велел вас, обдорских остяков Ермачка Мамрукова, Смагинка Шеголдаева; ляпинских <...> – повесить, чтоб, впредь на то смотря, иным вашей братьи остяком неповадно было так воровать, на государское здоровье мыслить и шатость и измену заводить, и с изменники, с татары, воровскою мыслию ссылатца» [ДАИ, Т. 4. СПб., 1851. № 26. С. 297–312].

После казни Ермака Мамрукова в 1663 году княжить стал Гында Моликов. В 1679 году он был послан березовским стольником и воеводой князем Василием Гагариным ко двору царя Федора Алексеевича «бить челом о нужде своей» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 763. Л. 55–62]. В Москве он получил царскую жалованную грамоту в том, «что пожаловали его, Князя Гынду Моликова, за его Гындины, и деда и отца его службы велели ему, Князю Гынде, Обдорские городки и волости и в них ясачных людей ведать и Государев ясак и десятинную пошлину собирать по-прежнему, как прадед, дед и отец его и он, Гында, собирали на перед сего, и отвозить на Березов» [Ковальский, 1853. С. XXIV; Абрамов, 1857. С. 218].

После Гынды Моликова обдорским князем стал его сын Тайша, крещеный в 1714 году в Березове под именем Алексей, получивший жалованную грамоту и ставший родоначальником фамилии всех последующих обдорских князей Тайшиных. После 1679 года началось поступательное увеличение авторитета и усиление влияния обдорских князей в регионе как на остяков, так и на самоедов. Последнее отразилось, как минимум, в увеличении числа плательщиков ясака в Обдорской волости с середины XVII века практически в два раза [Долгих, 1960. С. 64–77. Табл. 19, 21]. Это обстоятельство можно охарактеризовать и как усиление всего Обдорского княжества (одноименной волости) на Нижней Оби.

Жалованные грамоты не были наследственными. Официально князем мог считаться только тот, кто получил от царя именную грамоту [Перевалова, 1999. С. 153–154]. Тем не менее, вне зависимости от фактического наличия такой грамоты, составители официальных документов вождей Обдорской волости именовали князьями [ТФ ГАТО. Ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 59–60]. Известен документ, где перечислены обдорские князья XVI–XVII веков, получившие в разные годы такие грамоты. Это – «Справка от описи архива» бывшего Сибирского приказа в Герольдмейстерскую контору об имеющихся жалованных грамотах XVI–XVII веков князьям Ляпинской, Казымской, Куноватской и Обдорской волостей Березовского уезда от 3 октября 1767 года: «(Л. 163) Правительствующаго Сената в Герольдмейстерскую контору от описи бывшего Сибирского приказа дел требовано известие на данные в 7094-м [1586] в августе, в 7109-м [1601] в январе, в 7114-м [1606] июня 30, в 7187-м [1679] годех июня 27 чисел от бывших тогда государей обдорским князьям Мамруку княж Васильеву сыну, князю Гынду Моликову и князю Лугую жалованные грамоты на княжение в Обдорских городках и волостях, чтоб им ясашных людей в них ведать и государев ясак збирать, не было ль

**ОБДОРСКИЕ КНЯЗЬЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – XVIII ВЕКА)**

в последующие правления от государей подтверждения, и после означенных князей кто ныне в тех волостях в княжении[и] остались наследниками, и тамошня князья Матвей Тайшин и Яков Артанзиев от их ли рода произошли, а как блиски им в родстве...» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6887. Л. 163–164. Опубликовано в кн.: *Сословно-правовое положение, 1999. С. 76–78*]. Поскольку этот документ имеет одно явное несоответствие с другими источниками, его следует прокомментировать. Упоминаемый в нем как наследник князь Матвей Тайшин скончался в 1764 году в возрасте 31 года, то есть за три года до составления документа. Живым он числился только по данным 3-й ревизии населения Обдорской волости 1762 года. Считался или нет на тот момент полноценным наследником и князем его десятилетний сын Яков Матвеевич Тайшин, неизвестно. Также совершенно понятно, что и чиновникам Сибирского приказа – составителям данной справки – сие также было неизвестно. По-видимому, официального уведомления об этом обстоятельстве в Санкт-Петербург направлено не было, и княжеская семья некоторое время самостоятельно решала данную проблему.

На этом имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники, в которых содержится информация об остяцких городках XVI–XVIII веков на реке Полуи, их владельцах и некоторых событиях, связанных с этими городками и их правителями, можно считать исчерпанными. Дополнить их может только другой вид источников – картографические материалы.

1.1.2. КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

География России, в частности Сибири, в XVI–XVII веках очень интересовала иностранцев, и в первую очередь европейцев. Надо полагать, по экономическим причинам – для оценки потенциала русской экономики и для проникновения на русский рынок. Не говоря уже о поиске прямых путей к северным землям Восточной Европы и Сибири. Различными способами зарубежные политики и ученые-географы пытались заполучить сведения о сибирских землях, в том числе – для составления собственных карт. В западноевропейских картах, основанных на русских источниках, может содержаться ценная информация. Однако карты, которые имеются в современном научном обороте, содержат лишь общие привязки населенных пунктов Сибири. Более детальные западноевропейские картографические материалы по территории Сибири нам, к сожалению, недоступны.

Из русских карт, известных нам на сегодняшний день, наибольший интерес представляет Лист 116 чертежа «Обь река написана с устья и до вершины с урочищи, речки и озера, и селидбами». Он содержит изображение реки Полуи и всех населенных пунктов в ее бассейне (рис. 1.5). Этот чертеж дошел до нас в составе «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова, изданной в Гааге в 1958 году [*The Atlas of Siberia...*, 1958. С. 116].

Итак, на Листе 116 изображен бассейн реки Полуи, на котором представлены следующие условные обозначения и сопровождающие их надписи (рис. 1.5а):

Правый берег реки Полуи

Река Полуи

Две малые окружности – знак населенного пункта, надпись выше – *самоядцы*.

Три малые окружности – знак населенного пункта, надпись выше – *Пашерские*.

Большая окружность с точкой в центре – знак населенного пункта, надпись выше – *городок обдорской службы*, надпись ниже – *х.[оду] «1» де.[н]*.

Две малые окружности – знак населенного пункта, надпись выше – *быковы*.

Левый берег реки Полуи

Две малые окружности – знак населенного пункта, надпись ниже – *х.[оду] наскоро до вершины на оленях «3» дн.[е]*.

Три малые окружности – знак населенного пункта, надпись выше – *пашерцы*.

Большая окружность с точкой в центре – знак населенного пункта, надпись выше – *городок Полуиской*, надпись ниже – *х.[оду] 1 де.[н]*.

Большая окружность с точкой в центре – знак населенного пункта, надпись выше – *г.[ородок] Гындин*, надпись ниже – *собирают ясак*.

⁶ С этого года официально по царской жалованной грамоте от 27 июня 1679 г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6887. Л. 163–164].

⁷ Имя, полученное при крещении в Березове в 1714 г. [Абрамов, 1857а. С.336, Первалова, 200. С. 163–164].

⁸ Точная дата крещения не известна, предположительно 1720-е гг.

⁹ Имя, полученное при крещении в Тобольске в 1742 г. [Абрамов, 1857а. С. 336].

¹⁰ Точная дата крещения не известна, предположительно в Обдорском остроге в 1740-е гг.

¹¹ Ревизия населения Обдорской волости 1782 года [ТФ ГАТО. Ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 59–60].

¹² Точная дата крещения не известна, предположительно в Обдорском остроге в 1750-е гг.

¹³ Ревизии населения Обдорской волости 1782 и 1811 гг. [ТФ ГАТО. Ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 59–60; Ф. 154. Оп. 8, Д. 289. Л. 1149].

Что касается разницы условных знаков, то, судя по названиям, знак «две малые окружности» обозначает сезонный населенный пункт, не имеющий собственного названия, возможно, самоедское стойбище. Знак «три малые окружности» обозначает населенный пункт аборигенов – юрты, имеющие наименование, возможно, такой знак отличал аборигенные остяцкие поселения. «Большая окружность с точкой в центре» – знак крупного населенного пункта, имеющего административное значение, – городка, укрепленного поселения. Судя по знакам и надписям к ним, в нижнем течении реки Полууй в XVII веке находились два самоедских стойбища, юрты Пашерские (зимние и летние?), два городка – административных центра аборигенных общин – Полууйский и Гындин, которые, по-видимому, являются зимним и летним населенными пунктами обдорского князя, а также государственный Обдорский городок. Расположенный в устье населенный пункт с наименованием «Быковы», скорее всего, служил сезонным поселением для летнего рыболовного промысла, возможно остяков, живших в верхнем течении реки Полууй.

Для решения нашей задачи – идентификации раскопанного археологического памятника – потребуется аргументированное использование данных с этого чертежа. Для этого необходимо определить время создания последнего. М. И. Белов датирует чертежи «Хорографической чертежной книги» 1601–1603 годами [Белов и др., 1980. С. 114]. Ранее мы рассматривали его точку зрения и отчасти оспаривали ее [Кардаш, 2009. С. 23]. Безусловно, карты Сибири составлялись на основе многочисленных локальных карт – «чертежей с урочищи» – и впоследствии оформлялись в отдельную книгу-атлас [Полевой, 1976. С. 56–89]. Вполне вероятно, что отдельные «прилоги» к ней могли составляться в разное время. Опуская прежние рассуждения, отметим сейчас, что важным хронологическим признаком Листа 116 «Хорографической чертежной книги» является наименование населенного пункта **г.[городок] Гындин**. Достоверно известно, что князь Гында Моликов возглавлял остяков и самоедов Обдорской волости с 1663-го по, приблизительно, 1690-е годы. В конце XVII века, на тот момент, когда С. У. Ремезов и его соратники собирали материалы для составления карт Сибири, они могли получить непосредственную информацию о принадлежности населенного пункта на реке Полууй Гынде Моликову. Материалы собирались в середине 90-х годов XVII века [Полевой, 1976. С. 56–89], при этом, вероятно, параллельно с ясачной переписью 1695 года [Долгих, 1960. С. 64–77.]. В этом случае узкая датировка М. И. Белова может быть справедлива лишь для чертежа «Моря Мангазейского с урочищи», что для нас по-прежнему остается сомнительным. Наиболее обоснованной нам представляется хронологическая привязка чертежа Листа 116, а именно: в пределах последней трети XVII века, предположительно около 1695 года.

Таким образом, исходя из анализа Листа 116 «Хорографической чертежной книги», можно заключить, что в XVII веке, как минимум, во второй его половине, в нижнем течении реки Полууй существовали два городка обдорских князей. Один из них – Гындин, находившийся в непосредственной близости от русского казенного Обдорского городка, второй – Полууйский, располагавшийся на небольшом удалении от первого. Вероятно, это отражает сезонность поселений – деление их на зимние и летние, хотя не исключено, что это связано с разделением властных полномочий наследников внутри рода. Оба городка обозначены на левом берегу Полуи. Возможно, это является следствием неточных знаний картографов, ведь, как минимум, один городок мог находиться на левом берегу в устьевой части реки. Вероятно, один из обозначенных на левой стороне городков и есть тот самый *Pul-wasch* – зимний Полууйский городок. (рис. 1.5а).

Другой картографический источник – «Чертеж земли Сибирской, составленный боярским сыном Семеном Ремезовым», указывает местонахождение резиденции обдорских князей на правом берегу реки Полууй (рис. 1.4). «Служебная чертежная книга Сибири» впервые была опубликована в 1701 году [Чертежная книга Сибири..., 2003]. Так же как и в предыдущем картографическом источнике, в ней имеется изображение реки Полууй – на листе № 9 «Чертеж земли Березовского города» [Там же]. Река на карте содержит следующие условные обозначения и надписи (рис. 1.4а):

Надпись – **Полуй река**¹⁴.

Изображение 1 – **сдвоенные дома с двускатными крышами** – знак населенного пункта аборигенов.

Надпись к изображению 1 – **юр[ты] князка Тайши Гындина с товарищи**.

Изображение 2 – **сдвоенные дома с двускатными крышами** – знак населенного пункта аборигенов.

Изображение 3 – **христианский храм и шесть прямоугольных домов с двускатными крышами** – знак русского населенного пункта.

Надпись к изображению 2 и 3 – **Городок Обдорской. Построен на приезд остяком и самоедином для г[о] с[у]д[а]р[в]а ясаинаго збору. А от горотка до городка [Березова] вод[ным] и зимним путем 11 де[н] ходу.**

Изображение 4 – **холм с христианским крестом** – знак русского кладбища (?).

Все условные знаки и надписи сосредоточены на правом берегу р. Полууй, в нижнем ее течении. Обособленно, в районе устья, обозначен городок – юрты обдорского князя Тайши Гындина. Выше по течению находится аналогичный знак аборигенного населенного пункта, приуроченного к изображению русского Обдорского городка – пункта ясачного сбора, которые сопровождаются единой надписью. На карте фигурируют два населенных пункта, которые можно определить как юрты – городки обдорских князей и казенный Обдорский городок. Примечательно, что хотя материалы для этого чертежа собирались в 90-е годы XVII века, юрты-резиденции обозначены принадлежащими уже князю Тайше Гындину, сыну Гынды Моликова. Это определяет начало княжения Тайши Гындина и, соответственно, смерть Гынды Моликова – 1690-ми годами. С другой стороны, сопоставление этих картографических источников свидетельствует об организации нескольких экспедиций по сбору картографической информации. Результатом первой, ранней, экспедиции стала «Хорографическая книга», а второй – «Чертежная книга Сибири». Не исключено, что «Хорографическая книга» была одним из исходных источников для составления «Чертежей земли Сибирской».

Нельзя обойти стороной изображение казенного Обдорского городка. Всерьез никто из историков его не анализировал. Хотя некоторые упоминают его, но ограничиваются лишь постановкой вопроса – поскольку документов по нему нет, а изображение есть. В научном обороте бытует мнение, на наш взгляд, ничем не обоснованное, что в начале XVII века в каком-то из городков Обдории была построена православная церковь. В очередной раз предположения вошли в научный обиход как свершившаяся реальность. Можно считать достоверным факт, что первый из обдорских князей был крещен в Москве в царствование Федора Иоанновича и наречен Василием. Вполне вероятно, что в этой связи Тобольскому епархиальному гражданскому начальству было предписано устроить в одном из обдорских городков храм, о чем писал В. Н. Герасимов и вслед за ним – Е. В. Перевалова [Герасимов, 1909. С. 35; Перевалова, 2000. С. 162]. Было ли фактически реализовано это предписание, точно не известно. Предположение о существовании в некоем Обдорском городке в 1602 году церкви (!) во имя Святого Василия, святителя Кесарии Каппадокийской, попало в научный оборот из краеведческих публикаций М. И. Шемановского, и достоверными фактами не подтверждено [Шемановский, 2005. С. 128]. Тем более что на тот момент полномочный преемник обдорского князя Василия сын Мамрук и его потомки, включая Молика, Ермака, Гынду, оставались язычниками [Абрамов, 1857а. С. 336]. В региональном историческом обороте на сегодняшний день нет ни одного документа, даже косвенно подтверждающего такой факт [Миллер, 2000, 2005а. 2005б; Обдорский край и Мангазея в XVII веке, 2004].

Изображение церкви в казенном Обдорском городке на «Чертеже земли Березовского города» – первый исторический факт. Причем все указанные у С. У. Ремезова города и остроги изображены довольно реалистично, и при проведении на них комплексных археологических исследований нарисованная планировка во многом подтверждалась [Белов и др., 1980; Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Кардаш, 2011]. Иными словами, изображение Обдорского городка можно считать достоверным источником. При отсутствии других документов, опираясь только на обозначенный выше исторический контекст, с определенной степенью вероятности можно предположить следующее. После получения Гындой Моликовым царской жалованной грамоты и исключительного права прямого обращения в Москву, то есть высокого доверия и поддержки со стороны верховной власти Московского царства, ситуация в Обдории поменялась в сторону комплиментарности по отношению к русским властям и их присутствию в регионе. Такое обстоятельство способствовало развитию здесь деятельности русских промышленников и торговцев, что и могло повлиять на формирование русской христианской общины в Обдорском городке и, соответственно, обеспечить строительство здесь храма. После смерти князя Гынды ситуация могла радикально поменяться. Ведь даже крещеный в 1714 году Тайша Гындин противостоял личному посещению обдорских городков Филофеем Лещинским в 1717 году: «Остяки, возмущенные против святителя своим князем Тайшиным Гындиным, не допустили его даже сойти на берег» [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 1об.–2].

В заключение анализа всех документальных источников подытожим, что административное управление ясачной Обдорской волостью Березовского уезда в XVII веке осуществлялось княжеской династией.

¹⁴Здесь далее названия жирным шрифтом выделены автором.

Существовало две княжеские резиденции, которые находились в нижнем течении реки Полуи на расстоянии около дня пути друг от друга (примерно 20–30 килом). Одна резиденция-городок, так называемые зимние юрты, именовался по-хантыйски *Puling-wasch* – Полуийский городок (зимний). Изначально именно он был основным поселением Обдорского княжества. Вблизи него был основан казенный пункт ясачного сбора – Обдорский городок. Вторая резиденция называлась по-хантыйски *Puling-auot-wasch* – Полуийского мыса городок (весенний), а по-ненецки – *Salja-garden* – Мысовой городок. Такие названия, по-видимому, отражали не только топографическую ситуацию поселения, но и приуроченность городка к устьевому мысу реки Полуи – Ангальскому, считавшемуся священным. В зависимости от очередного властвующего князя, этот городок мог носить его имя. Вероятно, в конце XVII века этот населенный пункт становится доминирующим, и близ него в 1731 году основывают новый Обдорский острог. Скорее всего, в черте города Салехарда нами был обнаружен и частично исследован *Полуийский мысовой городок*.

Подтвердить, откорректировать или опровергнуть это предположение можно с привлечением археологических источников, полученных нами в результате комплексного изучения городища в черте города Салехарда. До этого представим их общую характеристику.

1.2. КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОЛУЙСКОГО МЫСОВОГО ГОРОДКА

Вышеупомянутые документальные источники рассматривались отдельно, без верификации с другими видами источников. Это позволило воспроизвести некие статусные вещи, получить определенную вербальную информацию о городке, статусе его владельцев и некоторые другие сведения. Вербальную, в смысле устную, так как в письменных источниках содержатся зачастую устные фольклорные сведения, а не точные факты, включая исторические. Ее окончательное подтверждение или опровержение возможно с привлечением анализа археологических источников. К слову, некоторые наши выводы, например культурная и хронологическая принадлежность городка, уже были сделаны на основе анализа исключительно археологического материала. Представим полный набор археологических источников по данной проблеме, полученных при раскопках в разные годы исследований.

Большинство значимых археологических объектов Северо-Западной Сибири не имеет длительной истории изучения, сравнимой с ключевыми памятниками древней истории Центральной и Южной России, исследование которых началось еще в XIX веке и не прекращается до настоящего времени. Эпизодический характер исследования сибирских древностей обусловлен, прежде всего, значительными трудностями при проведении полевых археологических работ. Справиться с задачей мог не каждый исследователь. И все, кто оставил свой след в истории изучения Севера, без сомнения, были выдающимися учеными, внесшими важный вклад и в историю России. Особое внимание и уважение вызывает деятельность В. Н. Чернецова, практически культовой фигуры в исторической науке Западной Сибири.

Каждый автор, изучая труды предшественников, испытывает разные эмоции. Какими бы эти чувства ни были, это составляет особую часть исследования. Соприкосновение с наследием коллег зачастую заставляет задуматься и над своими собственными трудами, о том, что будут значить твои работы, что подумают или скажут о тебе последователи.

1.2.1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начало изучения археологических памятников в черте Салехарда относится к двадцатым годам прошлого века. Первая небольшая коллекция древних предметов, собранная археологом М. И. Штекелисом, поступила в 1926 году в Ленинград, в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). Находки М. И. Штекелиса, собранные в Салехарде, не были документированы и не сопровождалась описательным материалом. Поскольку иных памятников, кроме стоянки, в районе речного порта в черте Салехарда на тот момент не было известно, все эти предметы были отнесены к ней [Чернецов, 1946а. С. 2]. Затем, в 1925–1929 годах, в Салехарде, находясь в ссылке, работал археолог Д. Н. Редриков. В 1928–1929 годах он обследовал данную стоянку и назвал ее Салехардской. Эти исследования были научно задокументированы. В отчете содержалась информация о том, что основная масса археологического материала (164 предмета из 225) была собрана близ старой деревянной церкви – на холме и в осыпи [Чернецов, 1946а. С. 2]. Изыскания, проводившиеся в двадцатые годы, можно охарактеризовать как первый этап – выявления и получения первичной информации о памятниках.

Раскопки Салехардской стоянки впервые были предприняты в 1946 году под руководством археолога и этнографа В. Н. Чернецова. Отчеты и сопроводительное письмо Д. Н. Редрикова, как мы уже упоминали, попали в руки молодому ученому, начинавшему свои работы в Западной Сибири, и вызвали у него определенный интерес. Благодаря этим сведениям Салехардская стоянка стала объектом его исследований. В нашем распоряжении имеются два варианта отчета В. Н. Чернецова о работах возглавляемой им Мангазейской экспедиции в 1946 году. Один – из архива Академии наук: «Полевой отчет о работе археологической экспедиции в Мангазее» [Чернецов, 1946б]. Основная – содержательная – часть этого отчета посвящена исследованиям Мангазеи, но он также содержит информацию об организации этих работ. Именно в этой части имеются сведения об исследованиях Салехардской стоянки и культурном слое городка. Считаем нелишним и крайне интересным привести фрагмент описания исследований в Салехарде. Текст содержит ряд живых и непосредственных моментов истории изучения памятника, в том числе позволяющих оценить результаты работ.

«25–27 июня 1946 г. экспедиция выехала из Москвы в Тюмень в составе 4-х человек: Начальника экспедиции старш. научного сотрудника кандидата исторических наук В. Н. Чернецова, старш. научных сотрудников кандидатов исторических наук В. П. Левашовой и В. И. Мошинской и младшего научного сотрудника историка Н. И. Трошковой. По прибытии в Тюмень выяснилось, что 4 июля уходит из Тюмени в Сале-Хард пароход «Москва». Однако в силу того, что перевод, который должен был поступить к 5/VII, оказался еще не полученным, экспедиция не могла воспользоваться этим случаем. 5/VII из Тюмени вылетел в Хальмер-Седе пассажирский самолет, отправиться на котором мы не смогли опять-таки из-за отсутствия денег, хотя использование самолета дало бы экономию во времени только до Сале-Харда не менее 2-х недель. Числа 6–7 предполагалось отправление из Тюмени в Сале-Хард парохода «Орджоникидзе». В это время Тюменский областной музей обратился к нам с просьбой взять с собой их сотрудника П. З. Засекина, которого Музей направлял для отбора этнографических коллекций. Для нас это являлось выходом из положения, поскольку можно было выехать в Сале-Хард на средства, отпущенные Музеем своему сотруднику. 8/VII мы пароходом «Орджоникидзе» выехали из Тюмени и прибыли в Сале-Хард 16/VII. В тот же день выяснилось, что перевод, который должен был поступить в Сале-Хардское отделение Госбанка к 10/VII, еще не получен. Отсутствие денег не позволило нам не только выехать в Хальмер-Седе с одним из уехавших туда теплоходов или самолетов, но и ликвидировать свою задолженность тюменскому Музею.

В ожидании получения средств мы занялись археологическими разведками в окрестностях Сале-Харда и работой в Сале-Хардском музее, где Н. И. Трошкова обнаружила ряд интересных исторических документов.

Сотрудниками экспедиции были проведены лодочные и пешеходные маршруты по высокому правому берегу реки Полуи, как вверх до Елового мыса на расстояние 20 килом, так и вниз до Ангальского мыса (устье реки Полуи), а также вверх по реке Шайтанке, впадающей в реку Полуи у Сале-Харда.

Разведкой были установлены следующие памятники:

1) стоянка эпохи поздней бронзы в самом Сале-Харде около пристани;

2) стоянка времени раннего железа на левом берегу реки Шайтанки;

3) поздние остяцкие (хантыйские) могильники, как в самом городе, так и около бывшей приемной рации ГУСМП и на Еловом мысу.

В двух последних пунктах обнаружены также следы хантыйских поселений, относящихся к XVIII–XIX вв.

Во время маршрута вниз по Полуи мы посетили Усть-Полуийское городище, где работал в 1935–1936 гг. Адрианов. Здесь нам представилась возможность ознакомиться как со стратиграфией памятника, так и с характером культурного слоя. Даже поверхностный осмотр площади показал наличие здесь вала и рва – деталь, которую Адрианов упоминал в личной беседе, но не отметил в отчете, так как не был достаточно уверен в правильности своих наблюдений.

Признаки культурного слоя с керамикой Усть-Полуийского типа обнаружены нами на участке возвышенного берега Полуи на расстоянии 1 километра от Усть-Полуи, ниже устья ручья Хар-соим. Здесь на довольно обширной площади непосредственно под дерном изредка попадались мелкие фрагменты керамики и примазки угля, нигде однако не составлявшие сколько-нибудь заметного слоя.

Ниже этого места на возвышенном мысочке, носящем название Зелена Горка, около бакенного пункта № 476, разведкой был обнаружен хорошо выраженный культурный слой, обильный керамикой, шлаком, углем и костями животных. Верхние слои Зеленой Горки, вследствие обилия органических остатков, приобрели

черноземный характер, что сказалось на растительности, резко здесь отличающейся от окружающей тундры. Обильный травяной покров и послужил причиной названия этого урочища. Черноземная почва привлекла к себе внимание для устройства здесь огорода.

Многочисленные маршруты вниз по Полуию и вглубь вверх по Хар-сойму, предпринятые в поисках могильников Усть-Полуйского времени, не дали, однако, положительных результатов. Были обнаружены только могильники и большое количество отдельных погребений, преимущественно хантыйских, относящихся к XVIII–XIX вв.

На основании произведенных разведок были поставлены раскопки в Сале-Харде (около пристани) и на Зеленой Горке. Из-за отсутствия средств рабочую силу можно было привлечь в очень ограниченном размере, вследствие чего и работы удалось развернуть в несравненно меньшем объеме, чем это было желательно. Проведение раскопок в Сале-Харде затруднялось еще и самой стратиграфией памятника.

Почти по всей площади мысочка, на котором расположена типография (бывшая деревянная церковь), где нами был разбит раскоп, непосредственно под тонким дерновым слоем залегают слои щепы, мощность которого местами достигает одного метра. Верхние горизонты слоя щепы накопились в результате неоднократных перестроек церкви. Нижние же, возможно относящиеся ко времени возникновения Обдорского острожка и даже предшествовавшего его появлению хантыйского селения. О последнем говорят обрывки берестяных тисок¹⁵, кое-какие костяные поделки, углистые прослойки и скопление обожженной глины – следы очагов. Благодаря малой теплопроводности щепы, местами к тому изрядно пропитанной водой, этот слой оттаивает чрезвычайно туго и на проходку его в зависимости от мощности требовалось от 2-х до 4-х дней, да и только при наличии очень жаркой погоды, стоявшей в то время.

Всего в двух раскопах около типографии было вскрыто около 40 кв. м.

В первом раскопе удалось напасть на жилой комплекс – остатки землянки. В результате работ установлены размеры и конструкция жилища и собран большой вещественный материал, позволяющий датировать постройку землянки последними этапами местной бронзы, а конец ее существования – началом Усть-Полуйского времени.

Второй раскоп показал культурный слой, не отличавшийся по стратиграфии и характеру находок от первого раскопа.

Несмотря на большое обилие находок, этот раскоп решено было закрыть, так как более чем мый пласт щепы очень затруднял здесь работу. При протаивании этот слой, вследствие обилия содержащейся в нем воды, образует плавун, и вскрытие более или менее значительной площади могло грозить оседанием здания типографии.

Несмотря на крайне ограниченное применение районной рабочей силы, этот расход привел к полному истощению наших средств. Мы не имели возможности даже нанять рабочих для засыпки раскопа, не говоря уже о том, что наш долг Тюменскому Музею не сократился, а возрос к этому времени до 3.500 рублей. Окружные организации, вследствие предстоящих у них больших расходов, также не могли прийти к нам на помощь, и в начале августа мы были вынуждены продать кое-что из личных вещей, чтобы выкупить продукты и возвратить небольшую часть денег Засокину, который должен был в это время выехать в район для сбора коллекций.

Отсутствие средств не позволяло нам посетить расположенные рядом Лабит-нанг, Катра-Вож и Пель-Вож, где по имеющимся сведениям расположены высокоинтересные памятники древности, так и своевременно начать работы на Зеленой Горке, поскольку это было связано с проездом за 6 килом от города. Лишь 19/VIII был получен долгожданный перевод. Расплатившись с долгами и получив, мы могли покинуть Сале-Хард, но наступившее ненастье задержало нас еще на 3 дня в нем, и лишь 24/VIII мы переправили лодкой свой груз в аэропорт» [Чернецов, 1946б. С. 2–6].

Второй отчет – из архива Института Арктики и Антарктики: «Стоянка Салехард 1 (раскопки Мангазейской экспедиции) 1946 г. Кн. 2». Он состоял из двух книг, одна из которых содержала текст и текстовые приложения, вторая – чертежи и фотографии. Последнюю нам не удалось найти: по каким-то причинам эта книга была предана в Архив научно-технической документации (г. Санкт-Петербург). Тем не менее текст отчета первой книги полностью посвящен результатам раскопок стоянки Салехард 1.

В отчете В. Н. Чернецов пишет: «Зато разведка Обдорского холма дала хорошие результаты. Он расположен на юго-восточной оконечности большого мыса, от которого город Сале-Хард и получил свое имя

(Сале-Хард по-ненецки значит Мысовой Город). Мыс этот находится на правом высоком берегу р. Полуи, в южной и юго-восточной частях состоит из холмов, достигающих 15-ти м высоты. Обследуя их, мы в обнажениях обнаружили мощный культурный слой, состоящий из двух пластов. Прямо непосредственно под дерном находится напластование, состоящее из щепы и обрывков берестяных тисок. Мощность его в среднем около 0,5 метра, в иных местах достигает 0,9 метра. Под ним лежит темноокрашенный культурный слой, в котором встречались фрагменты керамики, кости и угольки. Вышеописанный культурный слой прослеживался на всем холме, где находится типография, а по обрезу юго-восточной части мыса доходит до коммерческой столовой, несколько дальше которой выклинивается» [Чернецов, 1946а. С. 3]. К сожалению, именно этот слой, как мы сейчас знаем, – Полуйского мысового городка, не привлек особого внимания исследователя, а был воспринят как некое препятствие раскопкам древней стоянки.

Перпендикулярно к обрыву, в 1,0–1,5 м от края, В. Н. Чернецов заложил основной раскоп, площадью 35 кв. м, ориентированный с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Интересующие нас подробности, связанные с раскопками слоя остяцкого городка, приведенные в отчете, крайне скудны. В. Н. Чернецов пишет: «Прямо под дерном начинался слой щепы. В нем встретились куски кровельного железа и остатки какого-то строения, существовавшего еще несколько десятков лет тому назад. В нем же мы нашли костяные поделки – пластинки от оленьей сбруи, пластинку для навязывания сухожильных ниток – предметы, хорошо известные в остяцком обиходе» [Чернецов, 1946а. С. 3]. Это практически вся информация о находках из позднего слоя. В коллекционную опись автором были включены около 900 фрагментов керамических сосудов и несколько каменных орудий, но никаких предметов из кости и дерева в ней не было. Совершенно очевидно, что исследователя этот период интересовал намного меньше, чем ранние. Приведем краткое описание материалов из ранних слоев, исследовавшихся В. Н. Чернецовым, поскольку им в нашей работе предполагается уделить минимум внимания. Публикация всех материалов стоянки не входит в задачи нашего исследования. Они привлекаются нами в только связи с тем, чтобы показать неординарность самого места постройки Полуйского мысового городка – на мысу, издревле использовавшемся для заселения, хозяйственно-производственной деятельности и, возможно, для каких-то культовых целей.

При раскопках ниже слоя щепы В. Н. Чернецовым были обнаружены остатки древнего строения: «...вскрытое <...> жилище представляет собой землянку прямоугольной формы, расположенную приблизительно перпендикулярно к обрыву. Глубина землянки, учитывая возможное заплывание грунта, едва ли превышала 1 м <...> общая длина землянки едва ли превышала 11–11,5 м. Ширина землянки может быть установлена с меньшей точностью, поскольку бревна поздней постройки, крепко вмержшие в слой щепы, не дали возможности проследить северо-восточную стенку...» [Чернецов, 1946а. С. 6–7]. Исследователем зафиксированы также вход в землянку, очаг, остатки нар, ряд столбовых ям и некоторые детали, связанные с интерьером жилища. При реконструкции постройки, отмечает автор, ее кровля «...опиралась на столбы, расположенные симметрично по обе стороны очага. Стенки землянки возможно укреплялись жердями...».

Вторым раскопом на памятнике стала разведочная траншея размером 1×4 м, заложенная в 16 м к северу от первого раскопа. Траншеей был выявлен аналогичный культурный слой, насыщенный керамикой, но ее раскопки не были завершены.

Керамический материал, найденный при исследовании стоянки Салехард 1, оказался разновременным. В. Н. Чернецов в отчете выделил три типологические группы:

Первая группа керамики – это лощеные сосуды параболоидных форм, чаши, реберчатые чаши и куветообразные сосуды. Плоских днищ не встречено. Диаметр сосудов колеблется от 20 до 30 см, однако встречаются и очень маленькие сосуды. Толщина стенок емкостей – от 3–4 до 8–10 мм. В глине имеется примесь дресвы, измельченного слюдистого сланца, в единичных черепках отмечена незначительная примесь шамота. Цвет керамики разнообразный, варьируется от светлых розово-желтых тонов до темного серо-бурого. Орнамент наносился гребенкой, лопаточкой различных форм (широкой плоской или узкой желобчатой) и птичьей косточкой. Кроме того, широко применялась гребенчатая «качалка».

В. Н. Чернецов выделяет для керамики этой группы два основных принципа нанесения орнамента: 1) «внатячку»; 2) орнаментация отступающей лопаточкой. Также выделены сосуды, орнаментированные гребенчатой «качалкой» или горизонтальной гребенчатой «елочкой». Дополнительно отмечено выдавливание «неширокой лопаточкой или щепочкой линией или каннелюрой». Основные орнаментальные композиции –

¹⁵ Листов обработанной бересты, применявшихся для изготовления посуды, кровли домов или покрышек чума.

преимущественно ромбы, сгруппированные в треугольники, квадраты, шестиугольники, образующие сотовидные композиции, а также ленты, заштрихованные в одном направлении, или решетчатые фигуры.

В построении орнаментальных схем выделено наличие трех или четырех орнаментальных зон: 1) по венчику расположен орнамент в виде лент, зигзагов или каннелюр; 2) по тулову следует вторая зона, заполненная крупными фигурами в виде треугольников, ступенчатых композиций, составленных из прямоугольников или многоугольников. Орнаментировано также и дно.

Исследователь также фиксирует случаи наличия на краях сосудов скульптурных изображений голов животных, выполненных как реалистично, так и схематично.

Аналогии данной посуде В. Н. Чернецов находит в керамических комплексах археологических памятников Приуралья и Зауралья. В том числе в керамике Гляденового костыща, Горбуновского торфяника и Полуденковской стоянки, отмечая сходство салехардских сосудов с уральскими «раннегорбуновскими». Но наиболее всего салехардская посуда первой группы, по его мнению, близка керамике энеолита и ранней бронзы Омской стоянки [Чернецов, 1946а. С. 8–10].

Вторая группа керамики Салехардской стоянки, самая незначительная, характеризуется сосудами с характерным наплывом-воротничком с внешней стороны шейки. Подобная на тот момент известна по ряду нижнеобских памятников (Кушеват, Сартынья I, Зеленая Горка). Данную керамику автор датирует эпохой раннего железа на основании близости к ананьинским сосудам.

Наиболее многочисленна *третья группа* керамики, представленная сосудами с поддонами. По представлениям исследователя, такая же посуда известна по материалам раскопок соседних памятников – городища-святилища Усть-Полуй и поселения Зеленая Горка на реке Усть-Полуй, расположенных в черте Салехарда, а также селища Макара-Висинга-Тур на реке Ляпин и городища Сартынья II на реке Сосьве. Сосуды слабо профилированные, с гладким переходом от шейки к тулову; орнаментированы незначительно – лишь по венчику и шейке. Шейки прямые, иногда со слабо выраженными воротничками. Внешняя и внутренняя поверхность почти всегда заглажена гребенкой. На шейке под венчиком нанесен пояс из ямок. Под ним расположены гребенчатые или шнуровые узоры: полосы или решетки, нанесенные крупнозубой косопоставленной гребенкой, либо горизонтальные или волнообразные оттиски шнура, обычно многорядные. Глиняное тесто сосудов грубое с примесью дресвы и толченого слюдяного сланца. Очень редко в глине встречается небольшая примесь шамота. Цвет черепков варьируется от светлых и ярких оттенков желтого до темных буро-серых тонов. На основании неравномерности толщины стенок сосудов автор предполагает возможность выбивной техники, наряду с техникой ленточного налепа. Аналогии орнаменту из выдавленных каннелюр и линий, а также ступенчатых композиций автор нашел в материалах той же Омской стоянки. На основании этого третью группу салехардской керамики ученый предварительным образом относит к эпохе железа.

«Таким образом, – заключил он, – материал позволяет считать, что на большом Салехардском мысу находилась стоянка, датируемая керамикой первой группы и относящаяся к эпохе бронзы. В культурном слое этой стоянки в Усть-Полуйское время была вырыта землянка» [Чернецов, 1946а. С. 17–18].

Исследованное жилище автор поставил в один ряд с широким кругом палеоазиатских жилищ северо-востока Азии, характеризующихся наличием в качестве входа узкого подземного тоннеля, также служащего в качестве дренажной системы для отвода талых вод.

Результаты раскопок и анализа найденных керамических сосудов В. Н. Чернецова были опубликованы В. И. Мошинской [Мошинская, 1953. С. 179–188]. Ее статья в целом повторяет приведенный в отчете анализ, снабжая его систематическими таблицами, более широким кругом аналогий, пояснений и ссылок (рис. 1.9–1.12). В этой работе и последующих изданиях за раскопанной на стоянке Салехард I землянкой прочно закрепилось представление о принадлежности данного сооружения к «усть-полуйской культуре» и раннему железному веку [Мошинская, 1953. С. 184; Мошинская, 1965. С. 17; Талицкая, 1953. С. 246].

Из приведенных архивных материалов следует, что стационарное изучение стоянки Салехард I и слоя *Полуйского мысового городка* произошло по воле случая, а не было частью запланированной научной деятельности. Местонахождение коллекции В. Н. Чернецова в настоящий момент неизвестно. Ни в Музее антропологии и этнографии, ни в Институте Арктики и Антарктики ее нет. Поиск полного варианта отчета и коллекции на сегодняшний день можно отнести к разряду отдельных специальных исследований. В плане изучения стоянки Салехард I раскопки В. Н. Чернецова можно охарактеризовать как начало стационарных исследований. Что же касается раскопок верхнего слоя *Полуйского мысового городка*, то правильное их

определить только как работы по выявлению и рекогносцировочному обследованию данного памятника. Важным итогом исследований В. Н. Чернецова необходимо признать тот факт, что именно после этих раскопок и публикации материалов Салехардской стоянки, когда сформировалось представление о научном значении этого объекта, последний был включен в государственный список археологических памятников. Откровенно говоря, это мало способствовало его сохранению на протяжении второй половины XX века, но все же позволило обосновать необходимость стационарного изучения памятника при строительных работах 2004–2005 годов.

Стоянка Салехард I и Полуийский мысовой городок вновь стали объектом стационарных исследований в 2004 и 2005 годах. Изучение памятника проводилось под руководством автора данной монографии О. В. Кардаша. Раскопками были исследованы различные части территории памятника, в результате чего выяснена периодизация и хронология культурных слоев, реконструирована архитектура, собрана большая коллекция артефактов и палеоэкологических материалов [Кардаш, 2005. С. 17–20].

Местонахождение и состояние данных памятников было подробно рассмотрено во введении, что освобождает нас от их повторной характеристики.

Всестороннее изучение объекта проводилось путем комплексных исследований, в рамках которых, помимо археологических раскопок, выполнялись историко-архитектурные работы. Кроме того, специалистами-биологами отбирались образцы для последующих камеральных палеоэкологических анализов, о чем подробнее будет сказано ниже.

В полевых исследованиях, кроме автора, приняли участие сотрудники Научно-производственного предприятия «Северная археология» (г. Нефтеюганск), архитектор-реставратор М. Н. Труняева а также сотрудники Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (далее – ИЭРиЖ УрО РАН, г. Екатеринбург) – специалист по исторической экологии Т. В. Лобанова и сотрудник лаборатории дендрохронологии В. М. Горячев. В раскопках участвовали студенты Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева (г. Тобольск) и Уральского государственного университета им. А. М. Горького (далее – УрГУ, г. Екатеринбург).

В 2004 и 2005 годах в разных частях памятника было заложено семь раскопов: № 1, 2 – 235 кв. м, № 4, 6 – 200 кв. м, № 5 – 251 кв. м, № 7 – 65 кв. м, № 9 – 49 кв. м и № 10 – 35 кв. м; № 11а, 11б – 307,5 кв. м (рис. 2,02). В целом раскопки велись на площади 1142 кв. м [Кардаш, 2004, 2005].

В результате этих исследований на стоянке Салехард I и Полуийском мысовом городке был найден 7431 предмет: 5707 – в 2004 году и 1724 – в 2005 году. Научная обработка коллекции и результатов исследований продолжается. Это касается в первую очередь материалов многослойной Салехардской стоянки.

Основная задача данной монографии – публикация максимально полных – на сегодняшний день – результатов комплексного изучения *Полуйского мысового городка*.

Церковь Петра и Павла XIX–XX веков села Обдорского, остатки которой исследовались при раскопках, для нашей работы является важным историческим ориентиром, фигурирующим как в документальных источниках, так и в археологических. Считаю необходимым уделить ее описанию больше внимания, поскольку, хотя и косвенно, но эти сведения важны при идентификации материалов раскопанного остяцкого городка. Тем более что других данных о позднем периоде у нас крайне мало.

Первый храм Обдорского городка известен по изображению этого населенного пункта на «Чертеже земли города Березова», изданного в 1701 году [Чертежная книга Сибири..., 2003]. Об этом факте упоминалось выше. Никакими другими сведениями об этой церкви мы не располагаем.

В 1742 году в Тобольске был крещен обдорский князь Василий (Васильевич) Мурзин – Василий Тайшин [Абрамов, 1857б. С. 336]. По этому случаю в августе 1746 года с благословения митрополита Анатолия Нарожницкого на берегу реки Полуй была заложена новая церковь. Указом Ее Императорского Величества годовщику Лихачеву предписывалось: «Сего июня... 1747 году отправлена из Березова вниз по Обе реке с березовскими казаками Осипом Редозубовым с товарищи с шести человек покупная здесь к строению в Обдорску, где новокрещенный князец Василий Тайшин жительство имеет, церкви во имя святого Василия Великого; того ради по приплыве оной барки под городок велеть тебе, определенными при тебе казаками, оную барку изломать и втаскать на гору безоговорочно» [НА ТГИАМЗ. № 84:2]. На строительство новой церкви выделялось не менее 100 рублей, а для ее оснащения огромное количество икон, образов, крестов и прочей церковной утвари [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2499. Л. 4–6]. Храм освятили в 1751 году во имя

святого Василия Великого с приделом Николая Чудотворца. Место, где был заложен храм, не совсем понятно. Судя по выдержке из императорского Указа, церковь следовало построить в населенном пункте, где «Василий Тайшин жительство имеет», то есть в *Полуйском мысовом городке*, а не в *Обдорском остроге*. Видимо, поэтому указ содержал предупредительное наставление казакам «барку изломать и втаскать на гору безоговорочно». С другой стороны, вряд ли православный храм могли построить далеко от русского населенного пункта, прежде всего потому, что он был построен на казенные средства, что накладывало определенную ответственность на служилых людей. Возможно, поэтому в позднейших описаниях городка церковь приписывалась к строениям Обдорского острога [*Описание Тобольского наместничества*, 1982. С. 166]. Очевидно, церковь была поставлена на высоком правом берегу реки Полуй, на некотором удалении от острожных укреплений, для беспрепятственного использования ее остояками и обдорским гарнизоном.

В 1823 году в селе Обдорском была построена новая деревянная церковь. Ее главный престол был посвящен святым апостолам Петру и Павлу, считавшимся покровителями рыбаков, а приделы – святым Василию Великому и Николаю Чудотворцу [*Шемановский*, 2005. С. 180; *Туров*, 2005. С. 188–189]. Храм был выстроен взамен прежнего, обветшавшего, и, по логике, должен был располагаться на его месте.

В процессе наших раскопок обнаружено несколько хронологических горизонтов, а также сооружений разных периодов. Самый поздний горизонт связан с функционированием здания речного порта города Салехарда во второй половине XX века. Ранее, в 1930–1940-х годах, в нем располагалась городская типография, которая, в свою очередь, совершенно точно заняла здание храма святых апостолов Петра и Павла [*Чернецов*, 1946а. С. 2]. Безусловно, здание речного порта ремонтировалось и достраивалось, но судя по его ориентировке, все это делалось на основе здания храма.

Практически сразу же после снятия грунтовой отсыпки конца XX века археологами были обнаружены остатки свайного поля административного здания речного порта (рис. 0.6, 1.13 – 1). Вертикальные бревна – сваи – были установлены в пробуренные в грунте отверстия. По-видимому, данные сваи относились к самой поздней реконструкции речного порта, то есть к помещению, пристроенному к зданию порта в 60–70-х годах XX века. Уровнем ниже появился фундамент более раннего сооружения. Так как это строение было возведено на мерзлотных грунтах, во избежание оттаивания и осадки была предусмотрена специально адаптированная система свайного фундамента и крепления оснований свай. Фундамент здания представлен следующей конструкцией. По периметру основных объемов сооружения (несущие стены) были прокопаны траншеи шириной до 1,2 м, глубиной до 1,5 м. На их дно уложены горизонтальные параллельные парные бревна диаметром до 0,2 м на расстоянии до 0,15 м. На эти бревна, с интервалом до 2 м, перпендикулярно уложены парные отрезки бруса сечением 0,2×0,25 м и длиной до 1 м. В каждом отрезке бруса был вырезан паз размерами 0,1×0,1 м под установку вертикальных столбов диаметром до 0,4 м. Дополнительно столбы крепились к основанию парой многогранных железных скоб, размером до 0,3 м и сечением до 0,01 м. Вертикально стоящие угловые столбы зафиксированы четырехгранным шиповым соединением в горизонтально уложенные отрезки бруса. Дополнительно каждый угловой вертикальный столб закреплен крестообразно четырьмя наклонными распорками (укосинами) диаметром до 0,1 м, закрепленными коваными гвоздями длиной до 0,18 м. Верхняя часть свай увенчана четырехгранным шиповым соединением, предназначенным для соединения с окладным венцом. Встреченные в раскопе сваи имели длину до 0,8 м и сохранились практически полностью [*Кардаш*, 2004. С. 43–44, рис. 98–110; 2005. С. 28, 29, рис. 11–16].

На данном этапе исследований невозможно точно восстановить несущую конструкцию церкви, так как она неоднократно перестраивалась, основные конструктивные элементы стен и перекрытий ныне утрачены, а раскопом вскрыты лишь фрагменты фундамента. Вполне допустимо, что нами были обнаружены части фундамента здания церкви Святого Василия Великого середины XVIII века. В раскопе зафиксирован фундамент паперти церкви, представляющий собой отрезки деревянных брусьев, уложенные по три друг на друга без врубки. Верхние брусья – стесанные с двух сторон бревна, два нижних ряда – фрагменты деталей барки с деревянными нагелями. Кроме того, найдены беспорядочно лежащие деревянные брусья – фрагменты деталей барки. Вероятно, данные фрагменты также являются разрушенной частью фундамента паперти храма [*Кардаш*, 2004. С. 43, 44, рис. 100–103; *Кардаш*, 2005. С. 28, 29, рис. 11–16].

На некоторых участках раскопа обнаружены ряды из свай, образующих наружный периметр вокруг фундамента здания. Очевидно, это вертикальные элементы церковной ограды. На некоторых участках раскопов в этом же периметре зафиксирована бревенчатая стена, собранная «в заплот», то есть состоявшая из

вертикальных бревен с пазами, в которые вставлялись горизонтальные бревна. Подобная технология широко применялась, начиная с XVIII века, при возведении оград жилых и хозяйственных комплексов. Среди свай наружного периметра имелись вертикальные бревна диаметром 0,5–0,8 м, которые, возможно, являются остатками конструкций арки – входа на прихрамовую территорию [*Кардаш*, 2004. С. 43, 44, рис. 100–103, *Кардаш*, 2005. С. 28, 29, рис. 11–16]. Судя по сечению и размерам столбов, они были изготовлены из штевной и киля барки (рис. 1.13 – 2–4).

Внутри храмовой ограды в районе паперти были обнаружены остатки бревенчатого сруба, выполненного способом «в обло» с остатком общими размерами 4,5×3,5 м (рис. 1.13 – 1, 1.14). Фундамент дома представлен окладным венцом, составленным из барочной доски высотой до 0,4 м и шириной до 0,1 м. С юго-западной стороны постройки под углами окладного венца найдены отрезки бревен длиной 0,8–1,0 м. Это связано, скорее всего, с перепадом высот и значительной подвижностью грунта на склоне холма. Пол набран из досок бортового набора барки, ширина которых достигала 0,4 м. В центре постройки, в полу, имеется отверстие 0,45×0,45 м, ведущее в подполье (рис. 1.14 – 1, 2). В северо-западном углу дома находилась печь, сохранившаяся в виде развала битого кирпича и фрагментов обожженной глины с золой. В основании развала зафиксированы рама опечка и фундамент печи, выполненный из отрезков барочных досок длиной до 1,4 м, уложенных по принципу «колодца». Размеры печи, по-видимому, составляли 1,4×1,6 м. С юго-восточной стороны дома располагались сени, образованные за счет выпуска продольных бревен сруба. Ширина сеней составляла 0,9 м. Вход в сени осуществлялся с северо-восточной стороны, о чем свидетельствуют найденные фрагменты дверной конструкции. Вероятнее всего, этот жилой дом являлся частью храмового комплекса и мог принадлежать священнику, приезжавшему на службы по большим праздникам. Судя по монетам, обнаруженным на данном участке (рис. 1.16 – 5), дом активно функционировал на рубеже XVIII–XIX веков [*Кардаш*, 2004. С. 44].

Внутри храмовой ограды и за ее пределами найдены шесть деревянных склепов храмового некрополя (рис. 1,13 – 5, 6). Воздержимся от их подробного описания, так как это захоронения рубежа XIX–XX веков, которые к нашему исследованию не имеют отношения. Сооружения храмового комплекса и соседнего некрополя перекрывали, а частью прорезали нижележащие остатки построек, а также культурный слой, сформированный из щепы и другой органики, а еще ниже – супеси, общей мощностью 2,0–2,5 м. Д. Н. Редриков указывает, что именно на этом холме, по преданиям, была построена первая русская крепость. До этого он служил местом пребывания остяцкого князя [*Чернецов*, 1946а. С. 2]. Подтвердить или опровергнуть эту краеведческую информацию позволит анализ материалов комплексных археологических исследований слоев, лежащих ниже.

Полуйский (Обдорский) городок – резиденция обдорских князей конца XVI – начала XVIII веков. Данный объект был идентифицирован по документальным источникам и связан нами с обнаруженным при раскопках слоем щепы и органических элементов, в котором залежали остатки деревянных строений и артефактов аборигенного облика. Последние хорошо известны нам по материалам раскопок Надымского городка этого же периода [*Кардаш*, 2009].

В данном разделе мы представим общую характеристику *Полуйского мысового городка* – в контексте других культурных отложений памятника. Детальному анализу археологических материалов городка посвящена остальная часть книги.

Культурный слой Обдорского городка разной мощности, состоявший из щепы и органики, выявлен на глубине от 0,5 до 0,7 м от уровня современной поверхности. Последняя на момент раскопок представляла собой асфальтовое покрытие, а также расположенную на одном уровне с асфальтом инженерную подсыпку пространства свайного поля под зданием речного вокзала.

Раскопками были исследованы различные части памятника. Они позволяют реконструировать планировочную структуру городка, архитектуру его сооружений, а также составить представление о быте и занятиях его обитателей. В западной и северо-западной частях мыса обнаружены остатки той части городка, где находился оборонительно-жилой комплекс размерами 20×20 м. Раскопом исследованы остатки пяти уровней двух деревянных каркасных построек с углубленным котлованом, дощатыми стенами, набранными из вертикально установленных досок или плах, и с очагом, расположенным в центре помещения. Данные сооружения имели размеры 8×8 м и небольшими коридорами соединялись с центральной улицей. Входы домов располагались друг напротив друга. Судя по выявленной планировке, укрепленная часть городка состояла

минимум из четырех построек. К востоку и юго-востоку этого укрепленного комплекса, за его пределами, были зафиксированы хаотично расположенные остатки десяти жилищ. Дома небольшие, размерами 2,5×2,5 м, с чувалом слева от входа и нарами у задней стены. Вероятно, из них состоял своеобразный посад городка. В южной части мыса найдено скопление рогов и черепов оленя. Очевидно, здесь находилось жертвенное место.

Время функционирования памятника и образования культурного слоя городка – по данным дендрохронологического и сравнительно-типологического анализов – было определено концом XVI – началом XVIII веков. Мощность культурного слоя в пределах оборонительно-жилого комплекса достигала 1,5–1,7 м. Коллекция артефактов этого периода составила около 2,5 тысячи предметов, изготовленных из дерева, бересты, кости, кожи, ткани, травы и металлов.

В процессе раскопок признаков русского населенного пункта не обнаружено. Очевидно, он располагался на небольшом удалении от остяцкого городка. Возможно, в связи с этим в вещевом комплексе *Полуйского мысового городка* содержится ряд разнообразных русских предметов.

Селище (стоянка) Салехард 1 объединяет под своим названием археологические слои нескольких одновременных поселенческих комплексов, датирующихся в интервале от III тысячелетия до нашей эры до конца I тысячелетия нашей эры. Зачастую это практически один мощный слой супеси, изменяющий свою цветность от оттенков темно-серого до серо-желтого, содержащий фрагменты керамических сосудов, изделия из камня и кости. Слои не разделены стерильными прослойками и зачастую перемешаны. Общая численность коллекции из этого слоя составляет 4 тысячи артефактов (рис. 1.17–1.30).

В верхней части серо-желтой и серой супеси залежали только фрагменты средневековой керамики. Один сосуд и, предположительно, еще несколько фрагментов (рис. 1.17 – 3, 4–6(?) можно уверенно отнести к вожпайской археологической культуре IX–X веков. Остальные обломки принадлежали керамической посуде зеленогорской культуры (или зеленогорского этапа Обь-Иртышской культурно-исторической общности) VI–VII веков (рис. 1.18–1.20). В настоящее время такая посуда хорошо известна по раскопкам большой серии памятников в Северо-Западной Сибири. Ее хронологическая принадлежность к эпохе Средневековья не вызывает сомнения [Челякин, Карачаров, 2002. С. 48–57, рис. 16, 18]. С этим же периодом связана часть костных остатков и предметов из кости (рис. 1.21, 1.22), но сооружений этого времени не обнаружено.

Средневековый слой подстилается супесью темно-серого, местами черного цвета, насыщенной фрагментами керамических сосудов раннего железного века. Основная масса обломков посуды с гребенчато-ямочным декором, по нашей предварительной оценке, относится к выделенной В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской усть-полуйской археологической культуре конца I тысячелетия до нашей эры – начала I тысячелетия нашей эры (рис. 1.09–1.12). Сосуды этого периода залежали по всей площади памятника отдельными фрагментами и в виде больших скоплений, которые концентрировались у очагов и были, по-видимому, связаны с остатками наземных жилищ. Помимо керамики, в данном слое встречались изделия из кости. В основном это наконечники стрел.

Современные исследователи отказываются от термина «усть-полуйская керамика» из-за культурно-хронологической разнородности керамического комплекса городища-святилища Усть-Полуй, по которому выделен этот тип. По оценке экспертов, основная группа керамики Усть-Полуя – гребенчато-ямочная и фигурно-штампованная – является, скорее всего, нижеобским вариантом посуды кулайской историко-культурной общности. Вторая группа – это обломки сосудов выделенного В. М. Морозовым и Ю. П. Челякиным перегребнинского типа [Морозов, Челякин, 1991; Челякин, 1995; Морозов, 1996; Малоземова, Морозов, 1997]. Он «...характеризуется емкостями с венчиками, оформленными в виде «карнизиков», напоминающих воротнички на шейках ананьинских горшков, обедненной, преимущественно гребенчато-ямочной, а также шнуровой орнаментацией» [Борзунов, Челякин, 2006. С. 82]. Датировка памятников перегребнинского типа, предшествующих кулайским, установлена только на сравнительно-типологическом анализе керамики. Ю. П. Челякин не исключает, что их хронология может измениться в сторону омоложения – до ранней стадии кулайского этапа [Там же. С. 82].

Слой раннего железного века стоянки Салехард 1 также содержал сосуды перегребнинского типа, который здесь занимал второе место по численности после «усть-полуйского» (кулайского). На шейках перегребнинских сосудов прослеживался слабо выраженный воротничек. Сосуды орнаментированы по венчику косыми оттисками гребенки, по шейке – пояском одинарных ямок, простыми гребенчатыми и шнуровыми (или псевдошнуровыми) узорами. Оттиски «шнурового» штампа сгруппированы несколькими

горизонтальными или волнообразными концентрическими линиями (рис. 1.25–1.26). Шнуровые элементы орнамента, зафиксированные на керамике стоянки Салехард 1, по данным В. А. Борзунова, имеют аналоги в декоре позднеананьинских и раннегладеновских сосудов. Это, по его мнению, является следствием постоянных контактов нижеобского и приуральского населения в начале формирования Камского торгового (пушного) пути в таежное Приобье – северного ответвления Великого шелкового пути [Борзунов, Стефанова, 2001. С. 102; Борзунов, 2002. С. 93; Борзунов, Челякин, 2006. С. 71].

В раскоп № 10 попал угол котлована постройки раннего железного века. Глубина котлована – около 1 метра. Его стенки практически отвесные, с небольшим отрицательным наклоном. В верхней части котлован был заполнен пепельно-серой супесью, окрашенной золистым очажным слоем. На дне залегал светло-серый слой с незначительным включением угля. С постройкой связан ряд вертикальных столбовых ям. На этом основании можно предполагать вертикальность самих стен постройки. Немного севернее угла котлована обнаружен развал крупного керамического сосуда с ложношнуровым орнаментом и остатками высокого поддона (рис. 1.25 – 1, 2, 6).

В процессе исследований под горизонтом раннего железного века был выявлен культурный слой серо-желтого цвета, относящийся ориентировочно к энеолиту – раннему бронзовому веку (III – начало II тысячелетия до нашей эры). Относящиеся к нему объекты представлены ямами, диаметром от 0,8 до 1,5 м, глубиной от 0,7 до 1,0 м, а также столбовыми ямками от каркасных конструкций, выкопанными в материковом песке (рис. 1.28, 1.31–1, 2). В основном слой содержал остатки керамических сосудов и глиняных рыболовных грузил (рис. 1.27, 1.29).

Могильник (культовый комплекс) Салехард 1. Как и нижний слой стоянки, ориентировочно датирован энеолитом – ранним бронзовым веком (III – начало II тысячелетия до нашей эры). К раннему периоду относятся пять овальных ям размером от 1,0×0,6 до 1,7×0,8 м, обнаруженных в раскопе № 6. Их контуры на фоне ярко-желтого материкового песка отчетливо маркировались темно-серыми линзами (рис. 1.27–1.29). В то же время их заполнение по цвету практически не отличалось от окружавшего материкового песка и было представлено перемешанным песком с незначительным включением охристых конкреций. В придонной части ямы вытянутые овальные, только у одной из них была форма, близкая к прямоугольнику. Днища углублений неровные, в ряде случаев – ступенчатые, с легким наклоном. На дне ям прослеживались горизонтальные прослойки углистой супеси и охры. В одной из ям зафиксированы два перевернутых вверх дном керамических сосудов разного размера, поставленные один поверх другого (рис. 1.29). Несмотря на предельно тщательную разборку заполнения ям, других артефактов в них не найдено. В то же время вышеупомянутые керамические сосуды и включения охры косвенно свидетельствуют о том, что вскрытые углубления представляли собой остатки древних захоронений. Судя по находкам в других раскопах развалов сосудов энеолита – раннего бронзового века, с орнаментом, идентичным емкостям из заполнения вышеописанной ямы, можно предположить, что погребальный комплекс занимал всю территорию мыса, но захоронения были повреждены более поздними объектами (рис. 1.29). Вполне вероятно, что весь ранний комплекс стоянки Салехард 1 связан с ритуальной практикой населения той эпохи.

Общая стратиграфия памятника. Памятник расположен на рыхлых сыпучих грунтах, находящихся в многолетнем мерзлом состоянии. В широтах Крайнего Севера Сибири оно в значительной мере поддерживается благодаря термоизоляционным свойствам почвенно-растительного слоя. При его разрушении начинают активно развиваться термокарстовые и эоловые процессы, ведущие к расширению зоны разрушения почвенно-растительного покрова. Подстилающие породы имеют в основном тяжелый гранулометрический состав, чем и обусловлено развитие здесь глеевых криоземов. Этот тип почв в талом состоянии обычно переувлажнен [Дедков, 1995. С. 109–121].

Принципиально структура почвенного профиля состоит из последовательно залегающих одновременных напластований, частично измененных в результате поздних перекопов. На отдельных участках верхние слои, мощностью до одного метра, искусственно сформированы чередующимися прослойками, состоящими из асфальта, щебня, строительного мусора и песчаной отсыпки. Ниже залегают гумусированный слой, толщина которого на разных участках составляет от 0,1 до 1,7 м. Эти напластования состоят из массива темно-коричневого рыхлого гумуса, щепы, травы, остатков жизнедеятельности и строений Полуйского мысового городка. Верхняя часть массива имеет переотложенный характер. Помимо отложений Полуйского мысового городка, она содержит битый кирпич и фрагменты деревянных конструкций XIX–XX веков. Нижняя часть

горизонта относится к концу XVI – началу XVIII веков и имеет однородный характер. Слой *Полуйского мысового городка* подстилает темно-серый, местами перемешанный с серо-желтым слоем супеси, относящийся к селищу (стоянке) Салехард 1. Его материковым основанием является желтый и желто-коричневый песок (рис. 1.30, 1.31).

Радикальные различия в стратиграфии на разных участках памятника обусловлены, прежде всего, функциональным зонированием *Полуйского мысового городка*. Культурные напластования мощностью до 2,7 м сосредоточены в северо-западной части мыса, на площади оборонительно-жилого комплекса. Слой средней мощностью от 1,0 до 1,5 м находится на территории посадской части городка. На периферии мощность культурного слоя в среднем не превышает 0,6 м, за исключением ям погребального комплекса, глубина которых может достигать 1,0–1,2 м.

Стратиграфические разрезы стенок раскопов являют собой полностью вторичное образование, состоящее из слоев, возникших и многократно измененных под влиянием антропогенного фактора. Данная характеристика касается всех без исключения стенок раскопов. В разрезах фигурируют элементы фундамента здания речного вокзала и церкви, при устройстве которых были проложены траншеи, повредившие более ранние культурные напластования. Большая часть разрезов представлена темно-серым, плотно гумусированным перемешанным слоем мощностью до 1 м, перекрывающим расположенные ниже супесчаные слои. На некоторых участках удается проследить дерновую прослойку, погребенную горизонтом *Полуйского мысового городка*. Под ней, как правило, фиксируется слой темно-серой супеси мощностью от 0,4 до 0,6 м, который перекрывает желто-серый слой супеси мощностью 0,1–0,2 м с содержанием угля. В последнем иногда фиксируются линзы речной гальки. В основании всего желто-коричневый песок – материковое основание.

Изложенные нами разнообразные археологические данные и источники предназначены для формирования общего представления об исследованиях и полученном материале. Может показаться, что экскурс в историю археологического изучения Салехарда и описание результатов работ В. Н. Чернецова напрямую не связаны с темой нашего исследования. Тем не менее следует подчеркнуть: при изучении истории Крайнего Севера Западной Сибири, имеющей крайне мало источников, включая позднейшие периоды, важно уделять внимание всем, даже косвенным данным.

Современные археологи обнаружили в черте Салехарда и его окрестностях более десятка археологических памятников. Однако, в поле зрения еще первых исследователей края – В. С. Адрианова, Д. Н. Редрикова, В. Н. Чернецова – попали *Полуйский мысовой городок* и городище-святилище Усть-Полуй. Каков был элемент случайности при этом, сказать сложно. Но мы знаем, что судя по отчетам, информацию у местных жителей эти ученые все же собирали. Сейчас благодаря исследованиям В. С. Адрианова и Н. В. Федоровой, мы имеем представление о неординарном археологическом памятнике Усть-Полуй и его особой роли в региональной истории. Такие места, по-видимому, имели большое значение и в прошлом, о чем свидетельствуют местные легенды о древних городищах и их жителях. В этой связи вполне вероятно, что такой выдающийся археологический объект, как Усть-Полуй, мог стать основой для формирования легенд, которые долгое время могли бытовать в традиционной среде. Более того, такие древние предания могли послужить основой для сакрализации Ангальского мыса и способствовать принятию решения о размещении на одном из мысов близ устья Полуя городка – резиденции местных вождей.

Полагаем, что со временем, именно благодаря комплексным исследованиям, станет возможным максимально полно восстановить историю и культуру населения Обдорки конца XVI – первой трети XVIII века.

1.2.2. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые этнографические описания аборигенного населения севера Евразии появляются еще в XIV–XVII веках, в трудах европейских путешественников Марко Поло, Ля Мартиньера, Витсена и русских промышленников [*Книга Марко Поло, 1956; Семенович, 1912; Витсен, 2010; Плигузов, 1993; Герберштейн, 1988*]. Большинство этих описаний содержат лишь общие сведения, зачастую неточные, противоречивые и даже фантастические. Они однозначно не дешифруются и поэтому малопригодны для нашего исследования. Упоминания населенного пункта – некоего городка и области Обдорки – и наличия в ней населения остяков и самоедов, сопровождающиеся порою циничными комментариями, мало что добавляют к исследованию

интересующего нас памятника. Тем более что в низовьях Оби никто из этих путешественников не был и пользовался информацией из третьих уст.

Этнографические сведения, представляющие определенную ценность для нашего исследования, появляются лишь в XVIII веке. Это результаты работ участников первых российских академических экспедиций, а также отдельных ученых, лично проводивших исследования и составлявших описание территорий и народов Севера Сибири [*Миллер, 2000, 2005; Сибирь XVIII века..., 1996; Крашенинников, 1755; Зуев, 1999*]. Их труды содержат описания населенных пунктов, архитектуры русских домов и жилищ аборигенов, а также обычаев, нравов, хозяйственных занятий и системы природопользования местных народов. Единственным недостатком данных работ можно считать отсутствие либо самое общее описание предметов материальной культуры аборигенов Севера, это было бы крайне важным для анализа любого археологического материала.

Письменные источники XVII–XVIII веков и авторы середины XIX века сообщают о проживании в нижнем течении Оби двух коренных этносов – *остяков* и *самоедов* [*Обдорский край..., 2001; Абрамов, 1857б; Кушелевский, 1868*]. Документальные источники лишь упоминают этнонимы. В то время как исследователи, побывавшие на данной территории, приводят более или менее развернутые этнографические описания. Эти свидетельства XIX–XX веков позволяют – путем ретроспекции – относительно достоверно реконструировать этническую ситуацию в данном регионе.

Перечислим исследователей, посетивших в конце XIX – начале XXI века Нижнее Приобье и оставивших общие этнографические зарисовки.

Летом 1876 года здесь побывал известный зоолог, сотрудник Российской академии наук И. С. Поляков. Исследователь много внимания уделял описанию коренного населения. По его данным, низовья Оби населяли остяки разного происхождения. При этом ученый привел фамилии, которые сейчас носят некоторые тундровые ненцы [*Поляков, 1877*]. Вскоре после И. С. Полякова, в 1879 году, Нижнее Приобье посетил сотрудник Западно-Сибирского отдела Русского географического общества Н. К. Хондажевский. В его очерке значительное место занимает этнографическое описание остяков и самоедов [*Хондажевский, 1879. С. 18–20*]. К сожалению, это описание довольно общее, без учета этнических различий между аборигенами края. Из иностранных путешественников, побывавших у остяков и самоедов Нижнего Приобья, нужно упомянуть итальянца Стефана Сомье (S. Sommier), оставившего сочинение «Un'Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siringi, Tatari, Kirgisi e Baskiri» [*Sommier, 1885*]. Для его написания, кроме своих личных наблюдений во время путешествия, он использовал материалы Тобольского музея и местных краеведов. В 1894 году в бассейне Нижней Оби работал профессор Казанского университета А. И. Якобий, занимавшийся демографическими проблемами коренного населения Березовского уезда [*Якобий, 1895*]. В начале 1900-х годов на Нижней Оби проводил исследования А. А. Дунин-Горкавич, известный краевед и знаток Обского Севера. В своем историко-географическом очерке о Северо-Западной Сибири, помимо этнографического описания населения, проживающего в Обдорской волости, он привел отдельный очерк истории Обдорска, который вошел как в краеведческий, так и в научный оборот [*Дунин-Горкавич, 1996. Приложение I. С. 3–6*].

Из специалистов, работавших среди ненцев, нужно отметить Г. Д. Вербова [*Вербов, 1939*]. С 1960-х годов изучением истории и культуры нижеобских ненцев занималась Л. В. Хомич. Ее многочисленные работы освещают различные аспекты этнографии ненецкого народа [*Хомич, 1976; 1995*]. В. И. Васильев занимался в основном проблемами этнической истории и родового деления самодийских народов [*Васильев, 1979, 1982, 1988, 1994*]. Угро-самодийской этнографии посвящены многочисленные публикации А. В. Головнева, Е. П. Мартыновой, Е. В. Переваловой и Е. Г. Федоровой [*Головнев, 1998, 2004; Перевалова, 2004; Федорова, 1999; Мартынова, 1998*].

Все упомянутые выше издания содержат сведения об общей этнографической ситуации в Нижнем Приобье. Для нашего исследования, посвященного конкретному археологическому объекту, наибольший интерес представляют работы выдающегося российского ученого С. И. Руденко. В 1950–1960-е годы по материалам экспедиций 1909–1910 годов он подготовил несколько вариантов монографии «Угры и ненцы Нижнего Приобья». По вполне понятным причинам ни один из них не вышел в свет в авторском варианте и полном объеме. В некоторых изданиях фигурируют отдельные фотоматериалы его экспедиции и публикации текста.

Отметим еще одного исследователя – этнографа Е. В. Перевалову, чьи работы крайне важны для нашей темы. Ее статья, посвященная обдорским князьям Тайшиным, «аккумулировала» практически все доступные

исторические и этнографические сведения, связанные с этим родом, известные к концу XX века [Перевалова, 2000. С. 152–190]. Монография Е. В. Переваловой о северных хантах содержит полный свод исторических фактов о коренном населении Нижнего Приобья [Перевалова, 2004]. В ней рассмотрена этническая история и межэтнические взаимодействия угуров и самодийцев на протяжении значительного исторического периода – от XVI до начала XX века. Кроме того, здесь же была изложена история формирования этнической группы северных хантов, доминировавшей в это время среди коренного населения Нижней Оби. В обеих работах описание и анализ ранних периодов истории современных хантов – XVI–XVIII веков – базируется только на данных документальных источников и трудах историков. В ряде случаев эти выводы неоднозначны и спорны. Наиболее интересен обзор и анализ периода XIX – начала XX веков. Недостатком же этих работ, точнее недостающей для нас частью, является отсутствие в них характеристики материальной культуры аборигенов края. Последнее обстоятельство побудило нас провести собственные этнографические исследования – так и для изучения и анализа материальной культуры Надымского и *Полуйского мысового* городков.

В 2003–2004 годах нами были организованы и проведены этнографические исследования в поселке Горнокузнецк Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа [Кардаш, 2003; 2004]. Этот поселок – бывшая вотчина князей Тайшиных, место летнего их пребывания, где до настоящего времени проживают их потомки по прямой линии. Конечно, материальная культура значительно изменилась с XVI–XVIII веков, но в процессе работы удалось найти предметы архаичных форм и собрать сведения об обрядах и бытовой культуре (рис. 1.36, 1.37). Весь комплекс этнографических данных обладает, на наш взгляд, большой ценностью, поскольку позволяет протянуть некую живую нить в не столь отдаленное, но уже археологическое прошлое. Особо значимой была находка двух жилых домов, построенных в начале XIX века, где проживали (!) сами князья Тайшины.

В 2003 году было предпринято локальное исследование комплекса построек – усадьбы обдорских князей Тайшиных [Кардаш, 2003]. В ходе экспедиции были произведены натурные обмеры объектов архитектуры, фотофиксация, опрос населения. Обследованы и проведены замеры жилого дома и хозяйственной постройки. По дендрохронологическому методу время строительства усадьбы определено в пределах 1830–1833 годов.

Дом представляет собой квадратную в плане дощатую постройку размерами 6,5×6,5 м, высотой от земли до конька 4,1 м, ориентированную по оси восток – запад (рис. 1.32 – 1.34). Стены дома были дополнительно укреплены каркасом-опалубкой из деревянных вертикальных брусьев – сжимов. Дом переносу не подвергался и был поставлен без фундамента, прямо на грунт (рис. 1.32). Первые два венца рублены «в обло», из бревен диаметром от 18 до 25 см. Затем, после разметки местоположения парных стоек – сжимов, с рубкой «в охряпку» укладывались 8 венцов – до фронтовых. Зазоры между досками стен уплотнялись мхом. В третьем – первом дощатом – венце при сборке дома вырезались пазы для вкладыша, сделанного из бревна. Вкладыш имеет продольное отверстие, в которое продеты парные вертикальные крепления. В оставшееся отверстие с наружной стороны забит клин. Все вкладыши имеют общую длину: 60–80 см. Вертикальные крепления – сжимы служат своеобразной «опалубкой», предохраняющей доски от поперечных подвижек, придают жесткость всей конструкции, делая ее щитовой. Торцовые фасады имеют по три стойки – две боковые и одну центральную (рис. 1.32). Центральная стойка не доходит до нижних венцов. На главном фасаде ее длину ограничивает дверной проем, на заднем фасаде нижний вкладыш стойки врублен в 11-й венец. Крепление каждой стойки вкладышами, кроме стоек боковых фасадов, повторяется трижды по всей ее высоте.

Окон в доме нет. Сам же он имеет двускатную крышу самцово-слеговой конструкции. В доски фронтонов (самцы) врублены жерди – слегы, повторяющие уклон кровли, заданный фронтовыми самцами. Обрешетка и берестяные тиски утрачены при смене кровельного покрытия. Следы врубок журиц отсутствуют. Коньковая слега имеет два продольных отверстия в месте примыкания к фронтонам. В эти отверстия продеты парные центральные стойки – сжимы. Стойки таким же образом пронизывают и охлупень, который представляет собой выдолбленный из части бревна желоб. В центре помещения, на одном уровне с деревянным полом находится очаг в деревянной раме, размером 2,0×1,0 м, со сложной надочажной конструкцией из стоек и вешал. Функциональные зоны дома формируются вокруг центрального очага (рис. 1.34).

Амбар находится в полуразрушенном состоянии и представляет собой дощатую постройку, аналогичную по основным конструктивным приемам жилому дому (рис. 1.35). Здание в плане прямоугольное, размером в основании 4,9×5,3 м, высотой от земли до конька 3,64 м, ориентировано по оси северо-восток – юго-запад.

Боковые фасады короче фронтовых. Постройка использовалась для хранения рыболовных и охотничьих снастей. Ранее она находилась в другом месте и, вероятно, имела иное назначение.

Здание поставлено без фундамента. Так же, как в доме, два нижних венца – бревенчатые, средним диаметром 15 см, рубленные «в обло». Во втором венце задней стены, с его внутренней стороны, выбрана четверть для укладки пола. Стеновая дощатая конструкция аналогична охарактеризованной выше. Похоже и дополнительное крепление фасадов стойками – сжимами на бревенчатых вкладышах. Стойки боковых фасадов расположены близко друг к другу, имеют отклонение по вертикали и функционируют как связь. Окна в доме отсутствуют, за исключением небольшого отверстия в щипце заднего фасада.

Необходимо отметить большое количество парных вешал, встроенных примерно на одной высоте. Вешала насквозь пронизывают здание. В восьмом венце – с правой и левой сторон – врезаны по паре вешал. Выше лежащая пара вешал имеет обработанные выносы. Конструкция крыши самцово-слеговая. Сохранилась первоначальная обрешетка из длинных брусков. В настоящее время берестяные тиски сняты и находятся внутри здания. Кровля – тесовая, двухслойная. Интересно применение потоков, укладываемых по журицам: это прямое заимствование из русской техники строительства. Поток северо-западного бокового фасада обработан с одного края в форме корыта, с другого имеет капельник. Выносы слег главного фасада имеют характерные пазы от утраченных конструкций. Вынос слег – порядка 70 см. Пазы соответствуют горизонтальным конструкциям, вероятнее всего, вешалам. Интересно, что выносы гнетов по главному фасаду имеют в своей верхней части пазы. Это говорит о том, что существовало дополнительное крепление – стяжка. Им, вероятно, являлась доска-огнива, которая нанизывалась на концы гнетов.

Работа по выявлению и изучению традиционной архитектуры населения Нижней Оби, в частности дощатых построек, была продолжена в 2005–2007 и 2010 годах [Кардаш, 2005; 2006; 2007; 2010]. В рамках исследований изучалось архитектурное наследие как русского старожильческого, так и аборигенного населения региона. Обмерные работы проводились в Салехарде, а также в поселках Приуральского и Шурышкарского районов. Выявлены и обмерены архитектурные объекты в населенных пунктах Аксарка, Катравож, Зеленый Яр, Питляр, Шурышкары, Хантымужи, Мужы, Ямгорт, Овгорт, Пельвож и Хошгорт. В результате этих работ накоплен значительный объем сведений, относящихся к культуре жилища населения Нижней Оби.

В итоге мы имеем данные по традиционной архитектуре Нижнего Приобья, которые позволяют нам обосновать корректность реконструкции строений, обнаруженных в остатках при раскопках *Полуйского мысового городка*.

1.2.3. ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Палеоэкологические исследования *Полуйского мысового городка* проводились в процессе самих раскопок 2004–2005 годов, а также после их завершения – в камеральных условиях. Высокая степень сохранности органических материалов и отходов жизнедеятельности человека в культурном слое памятника, обеспеченная состоянием вечной мерзлоты, обусловила привлечение специалистов-экологов различного научного профиля. Ранее на аналогичных археологических памятниках Северо-Западной Сибири полевые палеоэкологические исследования проводились крайне редко. Обычно все исследования ограничивались определением в лабораторных условиях биологических образцов, предварительно собранных самими археологами.

Археозоологические исследования. Данные работы выполнялись сотрудниками ИЭРиЖ УрО РАН зоологами А. А. Воробьевым и Т. В. Лобановой, работавшими в составе комплексной экспедиции 2004–2005 годов [Кардаш, 2004, 2005]. Собирались все органические остатки, которые могут дать специфическую информацию: кости, перья, копыта, рога, копролиты, шерсть, плоды, семена, скопления чешуи, костей, семян, копролитов. Кроме того, отбирались образцы культурного слоя на участках с наиболее типичной для данного поселения структурой, а также там, где культурный слой имел какие-либо особенности. Видовой анализ костных остатков млекопитающих проведен Т. В. Лобановой, птиц и рыб – А. Е. Некрасовым. Описание образцов культурного слоя и карпологический анализ выполнены О. М. Короной (Прил. 4.3).

В культурном слое построек городка преобладают древесные остатки в виде стружки, щепы и коры (около 25%). Все они принадлежат местным породам деревьев – березе, ели, лиственнице, черемухе. Среди

других растительных остатков встречается значительное количество травы: фрагменты стеблей и листьев осок и злаков. Кроме того, обнаружены скопления мелких костей и чешуи рыб, костей животных, пупарии мух и остатки других насекомых. По данным карпологического анализа, в образцах из оборонительно-жилого комплекса присутствуют остатки различных видов местных пищевых растений – брусники, водяники, княженики, морошки, черемухи, малины, семена одного завезенного сюда культурного злака – посевного овса, а также орехи местного кедра, привозной лещины (вида, произрастающего в Европейской части России) и даже грецкого ореха (прил. 4.3 – табл. 4.3.1, 4.3.2). Последняя находка на сегодняшний день является единственной на археологических памятниках Севера Сибири.

Коллекция остеологического материала насчитывает 12 192 единиц. Они принадлежат 20 видам млекопитающих, 22 видам птиц и 10 видам рыб (прил. 4.1 – табл. 4.1.1, 4.1.4, 4.1.5).

Основными промысловыми видами млекопитающих были северный олень, заяц и песец, птиц – белая куропатка, рыб – сиговые, налим и нельма. Домашние животные представлены в основном костями северного оленя. Единичные кости принадлежат свинье и крупному рогатому скоту.

В городке также содержали и разводили в большом количестве собак. Судя по наличию в коллекции деталей косокопильных нарт таежного варианта, мы можем говорить о развитом транспортном собаководстве у местных жителей. Кроме того, среди находок имеются почти полные скелеты нескольких особей собак, в том числе новорожденного щенка, захороненных в качестве ритуальных жертв около задних фасадов построек.

Основу пищевого рациона жителей городка составлял северный олень. Кости этого вида составляют 48% (5863 экз.) от общего числа костных остатков. О. П. Бачурой было проведено исследование 35 образцов спилов зубов северного оленя для определения его возраста и сезона забоя (прил. 4.2. – табл. 4.2.1–4.2.3). Наибольшее количество особей забивалось в возрасте 1,5 лет (41%) или не достигших одного года (34%). Небольшая часть остатков приходится на особи в возрасте 2,5–3 лет (20%). Преобладание практически одной возрастной группы среди остатков оленя, тем более молодых особей, может служить косвенным показателем того, что население городка имело дело в основном с домашней формой северного оленя. О наличии домашней формы оленеводства говорят находки деталей оленьей упряжи и косокопильных нарт тундрового варианта, а также находки фрагментов черепов с рогами на территории городка, вероятно, связанных с ритуальными жертвоприношениями. Помимо использования домашнего оленя, несомненно, велся промысел дикого северного оленя. Масштабы его оценить сейчас трудно, поскольку мы не можем на основании костного материала отделить домашнюю форму от дикой. Между тем среди остеологических материалов *Полуйского мысового городка* выявлено большое количество костей оленя со следами четырехгранных бронебойных наконечников, что позволяет нам говорить о большой интенсивности промысла этого животного. Из диких копытных добывался лось. Судя по небольшому количеству его костей (24 экз.), численность лося в окрестностях городка была низкой. Или же у местного населения не было по каким-то причинам соответствующей ориентированности на промысел этого животного.

Дополнительным источником белка для жителей городка служило мясо зайца. Кости этого вида составляют около 10% от общего числа костных остатков. Судя по соотношению элементов скелета, тушки зайца приносили на поселение и использовали полностью. Около 15% костей принадлежит полувзрослым животным, поэтому можно говорить о том, что промысел осуществлялся и в конце лета – начале осени.

Основным добываемым пушным видом был песец (8,5% – 1169 экз.), но интенсивность его добычи в разные периоды и, безусловно, сезоны была неодинаковой. Пик ее приходится на 40 – 90-е годы XVII века, так как почти половина найденных костей песца была сосредоточена в слоях этого времени. Из числа других млекопитающих крайне редко добывали бобра, волка, лисицу, росомуху и соболя, также обитавших в лесотундре. Кости их составляют менее 1% от общего числа костных остатков. Возможно, их численность в приобской лесотундре также была невелика. Такие виды млекопитающих как медведь, нерпа добывались еще реже. Судя по тому, что практически все кости песца и других пушных животных принадлежали взрослым животным, охотились на них обычно в зимнее время. Кроме того, в это время мех у них был лучшего качества, чем летом и осенью.

Интересно, что тушки некоторых животных доставлялись на поселение целиком и разделялись особым образом. Так, например, лапы зайца отделялись, хранились или погребались с соблюдением специфических ритуалов. Также в ритуальных целях сохранялись головы пушных животных.

Промысел птиц не играл большой роли в системе жизнеобеспечения жителей городка. Кости птиц от общего количества остеологического материала составляют не более 7% (876 экз.) Среди них доминируют

кости белой куропатки (68% от общего числа птиц) – вида, добываемого преимущественно в зимний период (прил. 4.1 – табл. 4.1.4). Тем не менее общий объем ее добычи сравнительно невелик: не более 6% от числа особей животных и птиц на поселении, функционировавшем главным образом в зимний период. Жители городка охотились также на глухаря, различные виды уток и гусей, но их кости немногочисленны. Это трудно объяснить, так как данный огромный район, где Обь течет в широтном направлении, находится на главном пути весенней и осенней миграции водоплавающих. Добыча непригодных в качестве пищи видов птиц (орел, ворон, ворона, сойка, чайка), по-видимому, была связана с ритуальной практикой жителей.

Рыболовство играло важную роль в обеспечении постоянной пищей населения городка. Об этом можно судить по количеству костных остатков, наличию в культурном слое скоплений костей и чешуи рыб, а также по находкам различных рыболовных орудий. Кости рыб составляют 14% от общего числа костных остатков. Среди рыб основными промысловыми видами были налим и сиговые – муксун, щокур, пыжьян, сырок. Кроме того, добывались осетровые, щука, чебак, ерш (прил. 4.1 – табл. 4.1.5). Природные условия района позволяют заниматься рыболовством с марта по январь.

Обобщая все палеоэкологические данные, можно констатировать, что Полуйский мысовой городок функционировал круглогодично. Вместе с тем следует отметить ряд признаков, указывающих на разную интенсивность его функционирования в течение года. При относительно интенсивном традиционном зимнем охотничьем промысле (охота на северного оленя и пушных животных) в культурном горизонте *Полуйского мысового городка* найдено мало костей «зимних» видов животных и птиц, в том числе зайца и белой куропатки. Особенно в сравнении с материалами Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 280–281, 351, 355, табл. II, IV]. Это можно объяснить, скорее всего, этническими традициями, точнее, половозрастным разделением видов охотничьего промысла, при котором добыча зайца и куропатки считалась занятием женщин и детей [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 80, 89; табл. 2 – 1]. Кроме этого, в слое Полуйского городища фиксируется большое количество остатков насекомых (пупарии мух), которые отсутствуют в культурном слое такого, безусловно, зимнего населенного пункта, как Надымский городок. Это свидетельствует о сравнительно высокой температуре в помещениях *Полуйского мысового городка* и наличии в них пищевых остатков, пригодных для обитания насекомых. Последнее в древних и средневековых поселениях Приобья было возможно только в летнее время. Все это свидетельствует о том, что максимальное количество жителей проживало в городке преимущественно в теплое время года – с конца весны до начала осени.

Дендрохронологические исследования. В процессе раскопок собирались образцы древесины для определения возраста построек городка по дендрохронологическому методу. Анализ части образцов осуществлялся в лаборатории дендрохронологии ИЭРиЖ УрО РАН В. М. Горячевым [Кардаш, А-2004, 2005]. Для других образцов дендрохронологический анализ был проведен в лаборатории «Естественнонаучные методы в истории и археологии (ЕМИА)» ФГАОУ ВПО СФУ (г. Красноярск).

Всего в процессе исследований было взято 174 поперечных спилов с бревен и досок различных строений, а также других остатков древесины, обнаруженных при раскопках *Полуйского мысового городка*¹⁶. Анализ показал, что строителями поселка использовалась в основном древесина местной лиственницы и ели, реже – кедра. Из числа полученных образцов прошли процедуру датировки 82. Точно определен возраст только 17-ти спилов, которые имели кору или подкорковый слой. С высокой степенью уверенности определен период рубки для 42-х образцов. Возраст образцов древесины из строений Полуйского мысового городка представлен в таблице (прил. 4.4 – табл. 4.4.1).

В культурном слое городка присутствует древесина разного времени, начиная с XIV века и заканчивая первым десятилетием XVIII века. Однако основная масса деревьев, использованных при строительстве городка, прекратила свой рост и была срублена с середины XVI по конец XVII века. Лишь единичные экземпляры приходятся на XIV и начало XVIII века. Что касается самого раннего образца, то, по мнению специалистов, велика вероятность его неточной датировки или же вторичного использования данного куска древесины. Наличие же небольшого числа образцов древесины 20-х – 70-х гг. XVI века (10–15%), скорее всего, было связано с длительной заготовкой строительных материалов или с использованием вторичной древесины из строений небольшого поселения, ранее существовавшего на этом месте.

¹⁶ У деталей строений, изготовленных из судовой древесины (доски бортового набора коча или дощаника), для определения возраста по дендрохронологическому методу спилов не брались. Дело в том, при отсутствии данных о месте происхождения судовой древесины ее точная датировка затруднительна.

Судя по хронологии распределения остатков древесины, количество деревьев, произрастающих и срубленных с конца XVI по конец XVII веков, составляет порядка 70–80% (прил. 4.4 – табл. 4.4.1). Этот факт указывает на время наиболее активного строительства, ремонта и реконструкции строений Полуевского мысового городка.

Несколько образцов древесины, время рубки которых приходится на начало XVIII века, позволяет констатировать факт функционирования населенного пункта в этот период. Тем не менее не позволяет определить время прекращения существования данного населенного пункта. Следует также отметить, что некоторые строения, сооруженные на рубеже XVI–XVII веков, использовались без радикальных перестроек все время существования городка. Но, к примеру, постройка № 1 оборонительно-жилого комплекса, срубленная в конце XVI века, перестраивалась дважды – в 20–30-е и 60–70-е годы XVII века, не считая промежуточных ремонтов. Это позволяет определить относительную периодичность перестройки: 30–40 лет. Таким образом, пользуясь данными дендрохронологического анализа, можно заключить, что *Полуевский мысовой городок* мог существовать и в течение первой трети XVIII века. Но вряд ли позднее, поскольку в этом случае появились бы хотя бы единичные образцы древесины 1730–1740-х годов.

Среди древесины, используемой для строительства или ремонта построек, встречаются деревья, возраст которых составляет в среднем 100–150 лет, реже – до 200. Причем это не самые большие деревья, которые произрастают и по сей день в окрестностях Салехарда. Последнее позволяет высказать несколько предположений о подготовке и доставке древесины к месту строительства городка. При производстве ремонтов и строительных работ было использовано от 10 до 25% «вторичной» древесины, то есть от пришедших в негодность прежних строений. Основная часть деревьев заготавливалась и проходила первичную обработку, по-видимому, в ближайшем к реке лесном массиве и по суше доставлялась к городку. При этом, скорее всего, в зимнее время. Сплав большого количества бревен теоретически возможен, но на практике маловероятен. Пойма дельты Полуя не изобилует пригодными для строительства лесами. Строевой лес всегда заготавливали там, где он растет, – на высоком (до 20 м) коренном берегу. В этих условиях спуск бревен к воде довольно затруднителен. Возможно, большие проблемы, связанные с доставкой хорошего леса из близлежащих к городку территорий, обусловили отсутствие перестроек большинства домов Полуевского мысового городка, за исключением жилища вождя-князя. Для транспортировки бревен в зимнее время могли использовать олени и собачьи упряжки.

Главный вывод из сказанного: исследованный нами *Полуевский мысовой городок* использовался преимущественно в качестве весенне-летней «княжеской» резиденции, существовавшей здесь с конца XVI – по первую треть XVIII веков.

* * *

В этой главе был рассмотрен практически весь объем данных из различных областей исторической науки и других смежных дисциплин, полученный в результате комплексного исследования. Источники представлены с разной степенью детальности описания и анализа. В ряде случаев мы ограничились их общей характеристикой, чтобы сформировать представление о круге исторических данных, многими из которых мы будем оперировать впоследствии.

При изложении материалов раскопок, относящихся к ранним периодам, то есть до начала постройки *Полуевского мысового городка*, мы воспользовались в основном таблицами, а также их краткой характеристикой. Эти объекты и остатки напрямую не связаны с объектом нашего исследования. В большей степени они актуальны только для характеристики других эпох и периодов в истории Нижнего Приобья. Мы лишь используем повод публикации материалов *Полуевского мысового городка* для скорейшего введения всех находок из раскопок 2004–2005 годов в научный и общественный оборот. Кроме того, таким способом мы можем продемонстрировать, что место, где находился *Полуевский мысовой городок*, а впоследствии Обдорский острог и село Обдорское, было привлекательным на протяжении довольно долгого времени, начиная от медно-каменного века (энеолита) до современности.

Большое внимание в данной главе было уделено детальному анализу документальных и картографических источников. Это даст нам возможность во всех последующих разделах, в том числе заключительных, использовать полученные выводы и производить их верификацию, опуская повторный анализ, другими видами источников.

Одним из важнейших выводов, полученных при анализе документальных и картографических источников, следует назвать идентификацию раскопанного нами памятника как известную резиденцию обдорских князей – *Пулинг-аут-вош* (Полуевский мысовой городок).

Общая характеристика других видов источников, в частности археологических и палеоэкологических, позволяет сделать вывод о наличии значительного количества данных, необходимых для полноценной реконструкции, характеристики быта, хозяйства населения этого городка и возможности верификации и сопоставления этих данных с другими видами источников. Нам удалось определить период функционирования городка – с конца XVI по первую треть XVIII веков и преимущественно летнее (май – сентябрь) время его функционирования. С учетом информации, полученной в результате анализа документальных источников, можно заключить, что Полуевский мысовой городок был основан в период княжения Василия Обдорского и прекратил свое существование в бытность князя Тайши Гындина – в крещении Василия Тайшина. Кроме того, крайне важно наличие в нашем распоряжении материалов по традиционной архитектуре населения Нижнего Приобья. Они позволяют реконструировать жилые и оборонительно-жилые сооружения *Полуевского мысового городка* практически в полном объеме. Наличие значительного числа предметов вещевого комплекса и археологических материалов предоставляет нам возможность реконструировать социальную структуру, быт и хозяйственную деятельность населения поселка. Детальное описание и анализ археологических и палеоэкологических источников представлено в следующих разделах настоящей монографии. Комплексное изучение этих материалов позволяет с максимальной достоверностью воспроизвести материальную культуру и экономику не только населения *Полуевского мысового городка*, принадлежавшего элите аборигенного общества, но и в целом жителей Обдории конца XVI – начала XVIII веков.

Таким образом, на основе системного анализа всех видов источников мы можем констатировать, что в результате комплексных археологических работ в черте Салехарда в 2004–2005 гг. нами были исследованы остатки резиденции обдорских князей, носившей название *Пулинг-аут-вош* (хантыйское) или *Сале-хард* (ненецкое) Это был один из двух административных населенных пунктов княжества Обдория, входивших с начала XVI века в состав Московского царства. С XVII века эта территория стала официально именоваться Обдорской волостью Берёзовского уезда, или просто Обдорией. Одной из важных функций городка, особенно во второй половине XVII века, был сбор ясака обдорскими князьями.

Рис. 1.1. Полуйский мысовой городок и русские населенные пункты Березовского уезда конца XVI – XVIII вв. на современной карте Северо-Западной Сибири. Фрагмент карты, приведена к М 1 : 5 000 000.
 ■ - место нахождения населенного пункта, городка (волостного центра), таможенной заставы, пункта ясачного сбора, уездного города

Рис. 1.2. Нижнее течение реки Полуй. Центральные городки – общинно-родовые центры Обдорской волости на современной карте Северо-Западной Сибири. Фрагмент карты, приведена к М 1 : 1 000 000.
 ● - место нахождения населенного пункта

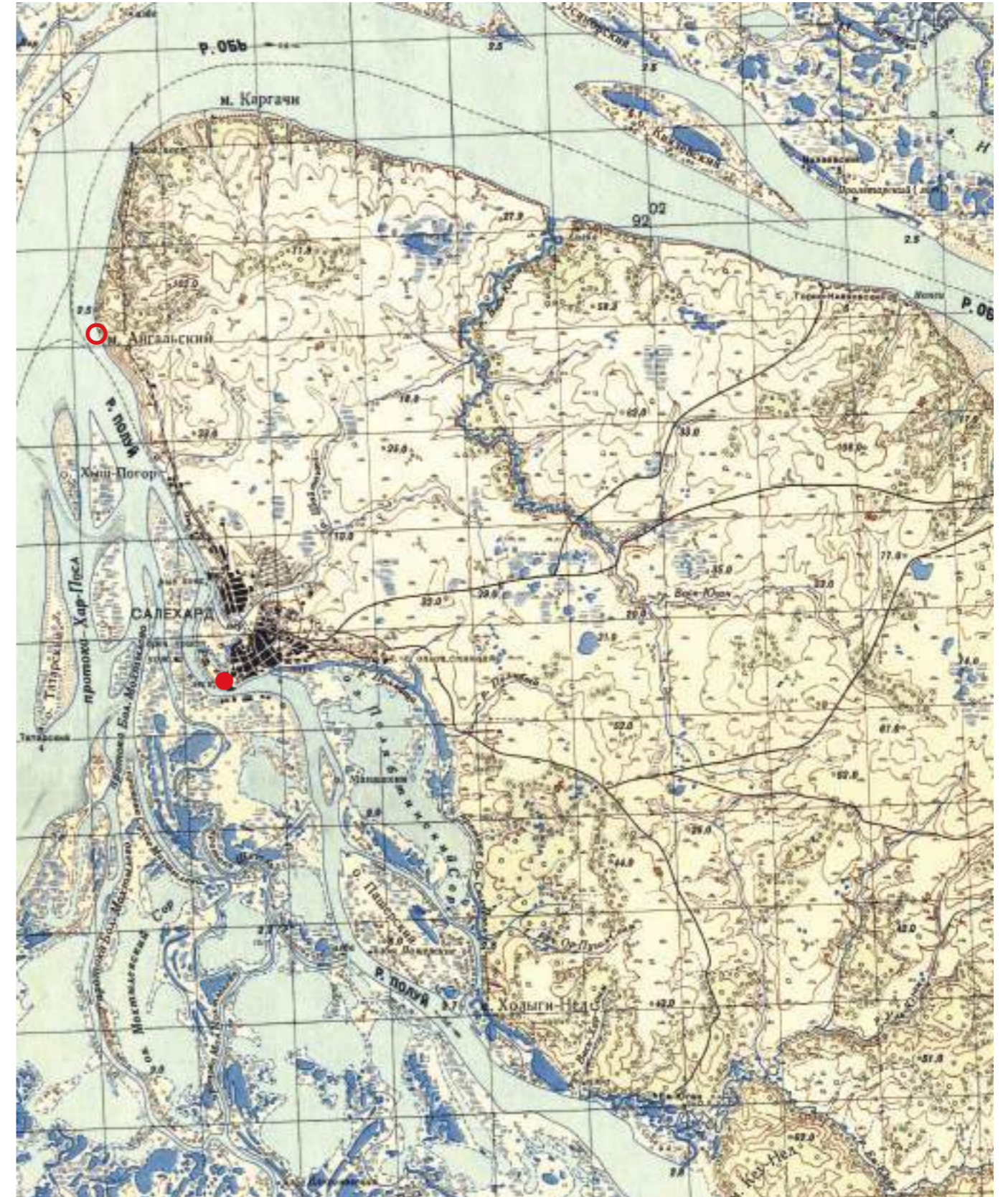

Рис. 1.3. Устье реки Полуй. Полуйский мысовой городок и современный город Салехарда. Фрагмент карты, приведена к М 1 : 100 000
 ■ - место нахождения Полуйского мысового городка – центра Обдорской волости
 ○ - место предполагаемого нахождения святилища «Ангальский мыс»

Рис. 1.4. Лист 116 Хорографической книги С. У. Ремезова. Конец XVII века [The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov, 1958. – Gravenhage Mauton and Co. – P. 116]

Рис. 1.5. Чертеж земли города Берёзов. Лист 9 [Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. 2003. С. 17–18]

Рис. 1.4а. Населенные пункты реки Полуй. Фрагмент Листа 116 Хорографической книги С. У. Ремезова. Конец XVII века

Текст надписи на карте по правому берегу р. Полуй:

«р. Полуй
[две малые окружности – знак населенного пункта, надпись выше] – самоедцы
[три малые окружности – знак населенного пункта, надпись выше] – Пашерские
[большая окружность с точкой в центре – знак населенного пункта, надпись выше] – городок обдорской службы [надпись ниже] – х.[оду] «1» де.[н]
[две малые окружности – знак населенного пункта, надпись выше] – быковы»

Текст надписи на карте по левому берегу р. Полуй:

«[две малые окружности – знак населенного пункта, надпись ниже] – х.[оду] наскоро до вершины на оленях «3»дн.[е]
[три малые окружности – знак населенного пункта, надпись выше] – пашерцы
[большая окружность с точкой в центре – знак населенного пункта, надпись выше] – городок Полуйской [надпись ниже] – х.[оду] 1 де.[н]
[большая окружность с точкой в центре – знак населенного пункта, надпись выше] – г.[ородок] Гындин
[надпись ниже] – собирают ясак»

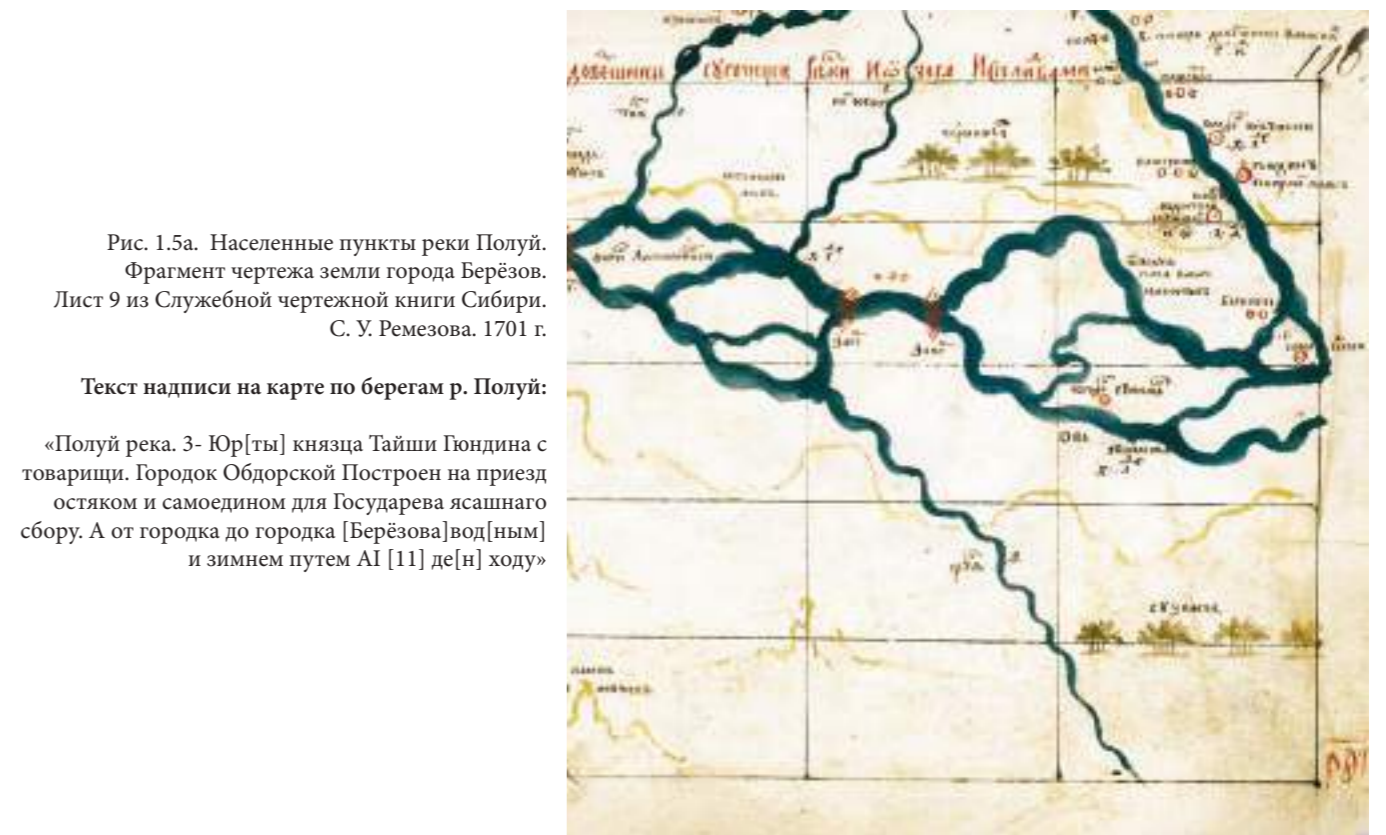

Рис. 1.5а. Населенные пункты реки Полуй. Фрагмент чертежа земли города Берёзов. Лист 9 из Служебной чертежной книги Сибири. С. У. Ремезова. 1701 г.

Текст надписи на карте по берегам р. Полуй:

«Полуй река. 3- Юр[ты] князца Тайши Гюндина с товарищи. Городок Обдорской Построен на приезд остяком и самоедином для Государева ясашинагобору. А от городка до городка [Берёзова]вод[ным] и зимнем путем А1 [11] де[н] ходу»

Рис. 1.6. Осада городка на реке Обь. Рисунок Н. Шахова. Первая половина XIX века. Предположительно посвящен осаде Полуийского (Обдорского) городка – Пул вош отрядами Карачейских самоедов в 1679 г. [Сибирские реликвии, 2000. С. 56–57]

Рис. 1.7. План археологического памятника Полуийский городок – Pul-wasch XVI(?) – сер. XVIII веков. Зимняя резиденция князей Тайшиных – «... зимние жилища Обдорской волости» [Сибирь XVIII века..., 1996. С. 258]. Съемка 2012 г.

Рис. 1.8. Полуийский городок. Фото внешнего вида с северо-запада. Фото 2012 г.

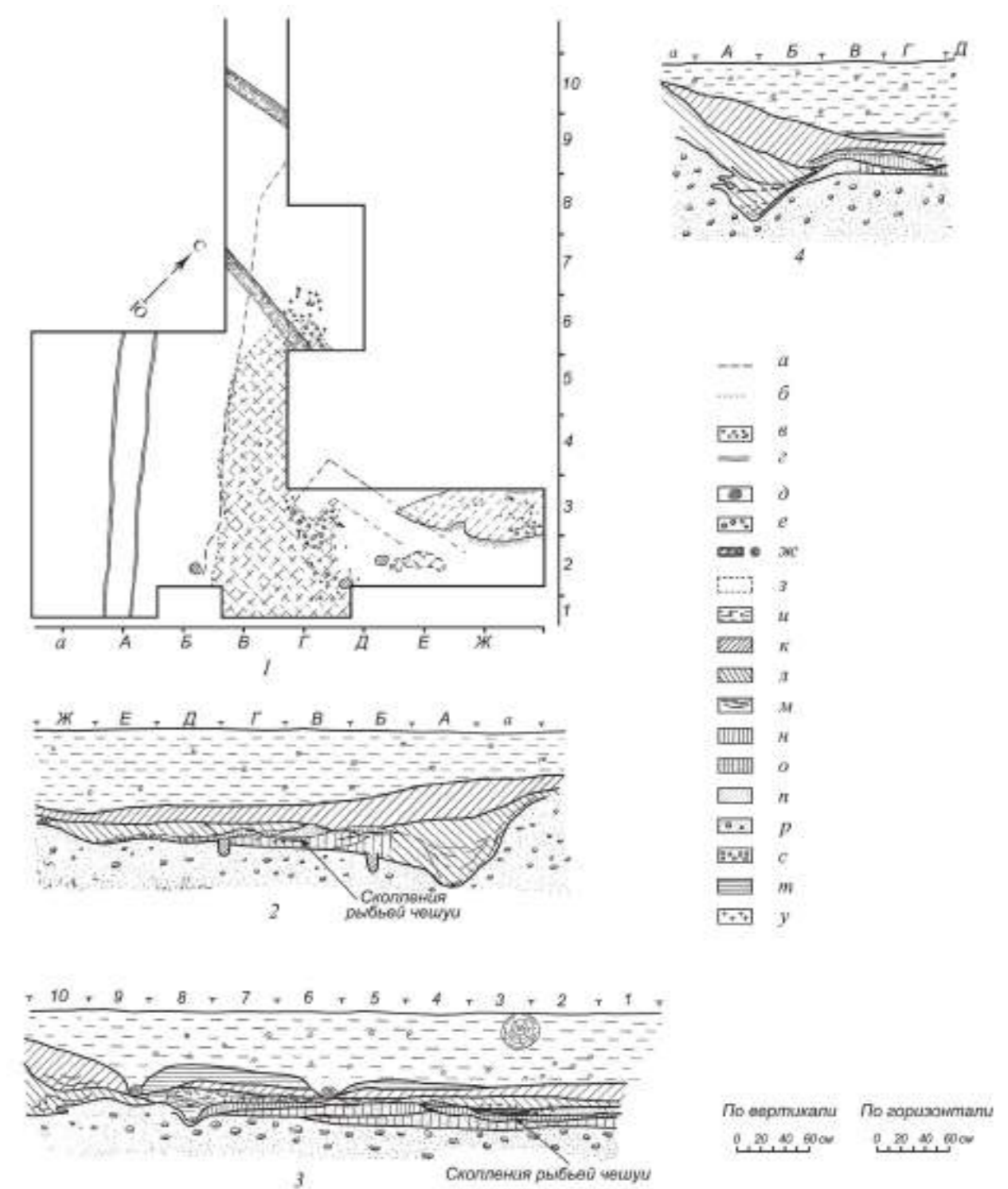

Рис. 1.9. Стоянка Салехард 1. План и стратиграфия раскопа В. Н. Чернецова 1946 г. План (1) и разрезы (2–4) землянки, обнаруженной на селище Усть-Полуийского времени в Салехарде: а – граница приочажного слоя; б – граница очага; в – керамика, камень, кость; г – граница канавки, идущей вдоль стенки землянки; д – следы столбов; е – углубление в форме челнока, заполненное черной землей, содержащее камни и керамику; ж – остатки бревен стен остоорожка; з – бревна от постройки XIX в.; и – слой чешпы и бересты со следами позднейших строений; к – образовавшийся от обвала кровли темноокрашенный слой с небольшим количеством культурных остатков; л – более светлый слой, образовавшийся от завала стен; м – угольные скопления и прослойки; н – зола; о – зола с песком; п – песок; р – материковый песок с камнями и галькой; с – скопление камней; т – слой, перекопанный при постройке остоорожка; у – керамика [Мошинская, 1953. С. 181]

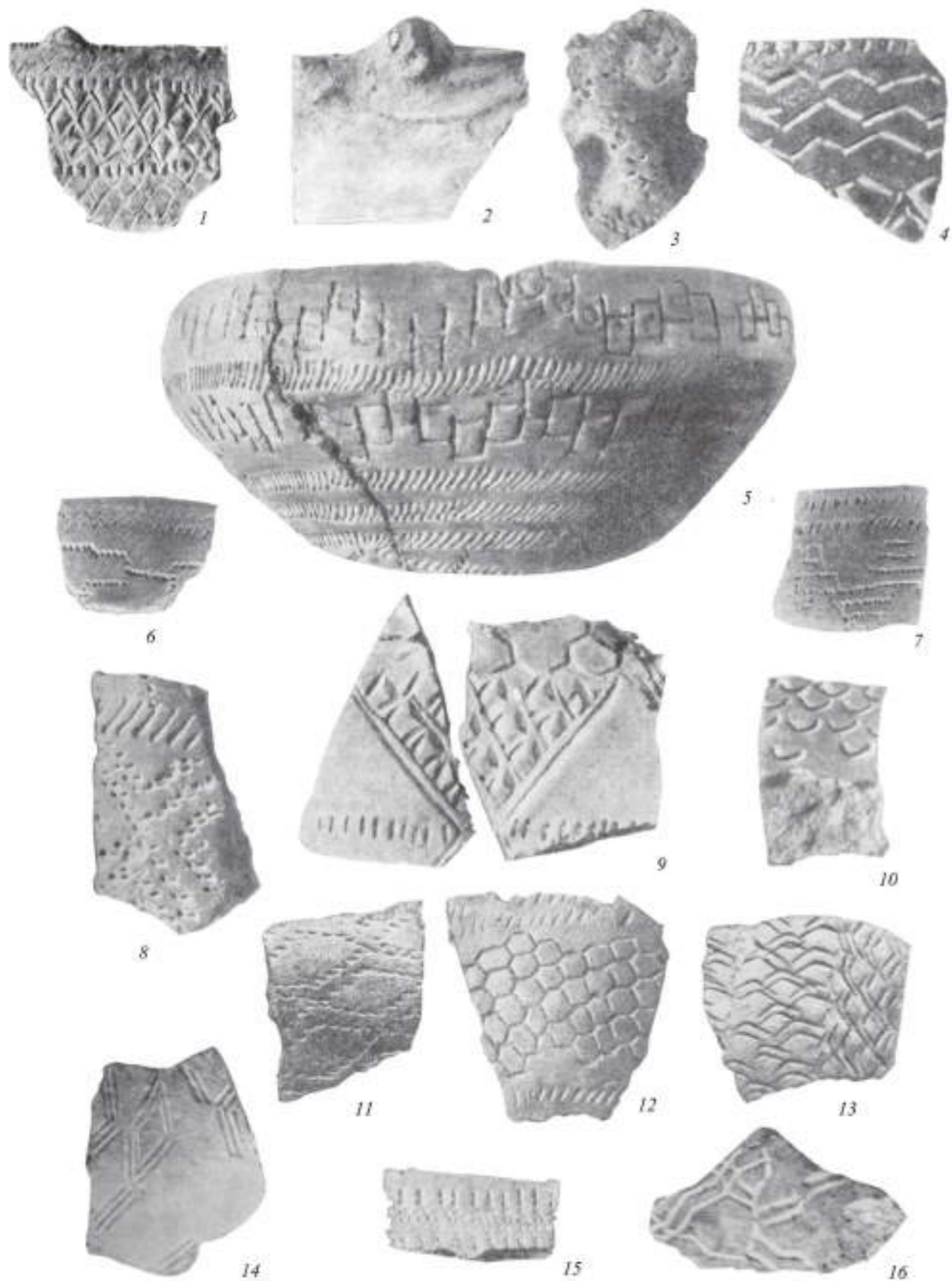

Рис. 1.10. Стоянка Салехард 1. Фрагменты керамических сосудов эпохи энеолита IV–III тыс. до н. э. из материалов раскопок В. Н. Чернецова 1946 г. [Мошинская, 1953. С. 186]

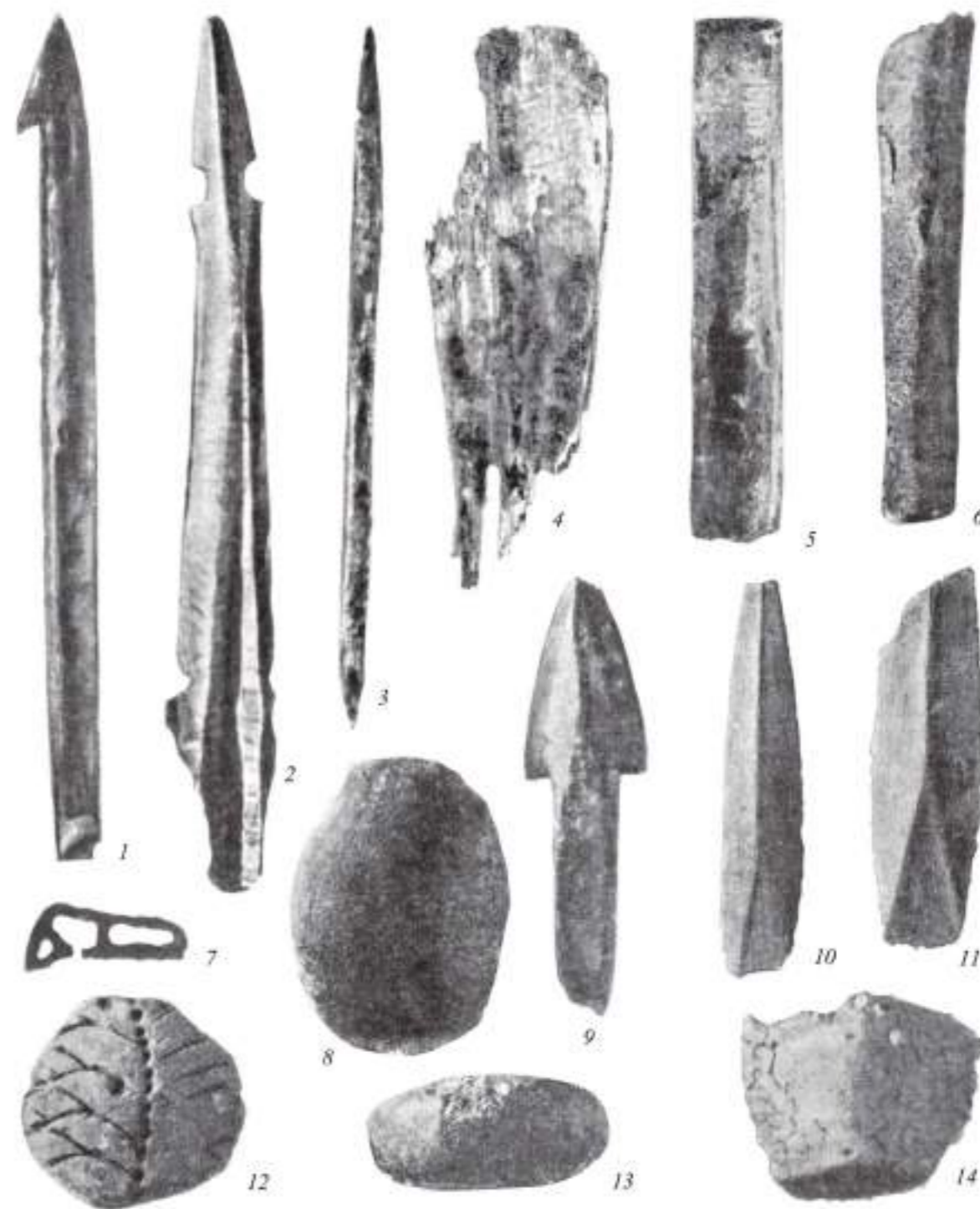

Рис. 1.11. Стоянка Салехард 1. Фрагменты керамических сосудов раннего железного века (2 пол. I тыс. до н. э.) и средних веков (VI–VII вв.) из материалов раскопок В. Н. Чернецова 1946 г. [Мошинская, 1953. С. 185]

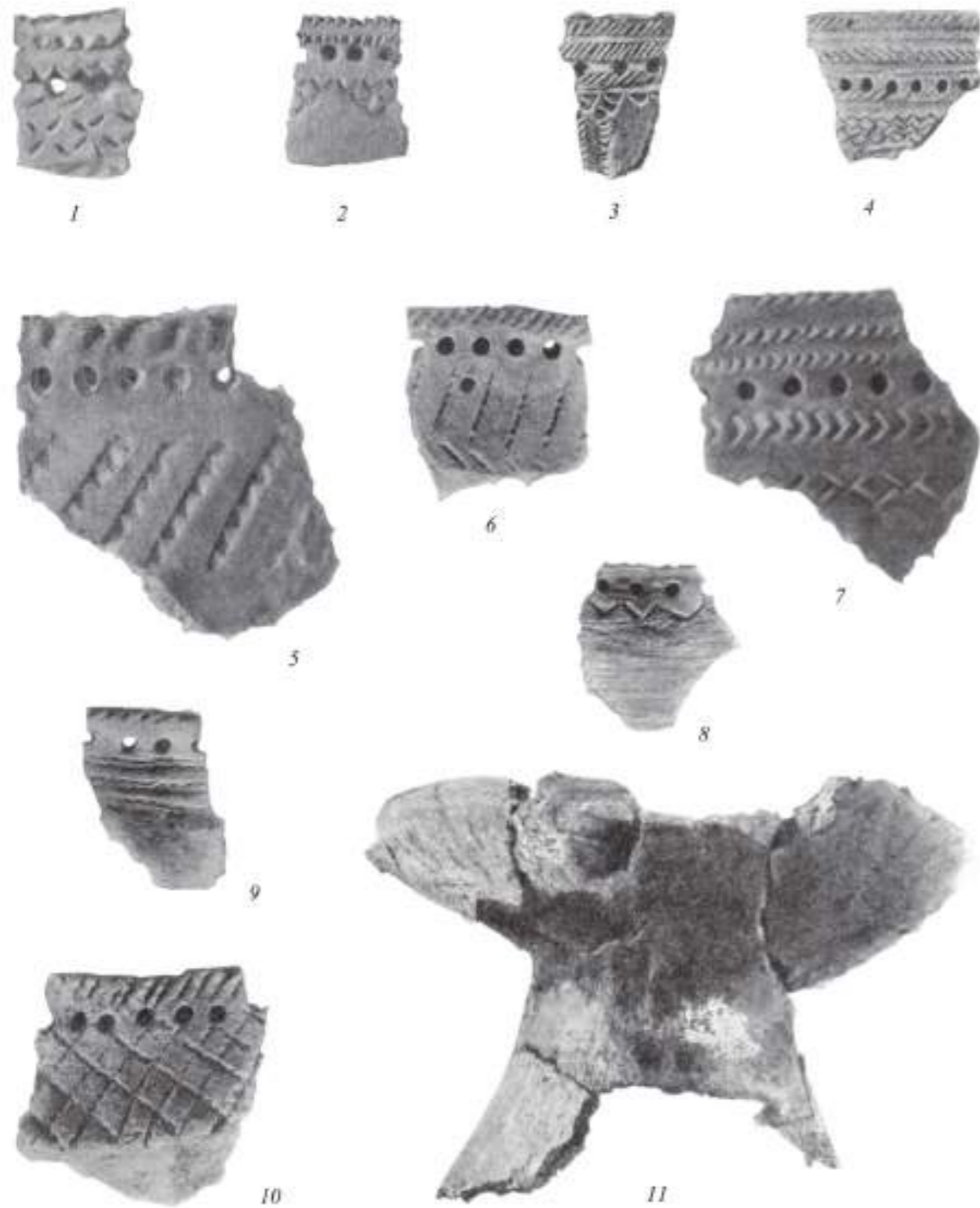

Рис. 1.12. Стоянка Салехард 1. Орудия и изделия из кости камня и металла раннего железного века (2 пол. I тыс. до н. э.) и средних веков (VI–VII вв.) из материалов раскопок В. Н. Чернецова 1946 г. [Мошинская, 1953. С. 186]

Рис. 1.13. 1 – село Обдорское. Церковь Св. ап. Петра и Павла. Прихрамовая территория: участок ограды и дом священника. 2 – село Обдорское. Церковь Св. ап. Петра и Павла. Арка перед центральным входом, остатки фундамента. 3–4 – село Обдорское. Церковь Св. ап. Петра и Павла. Фрагменты форштевня или ахтерштевня барки использованные для фундамента арки. 5–6 – село Обдорское. Церковь Св. ап. Петра и Павла Прихрамовый некрополь. Захоронения XIX – нач. XX вв. Археологические исследования, июль–август 2004 г.

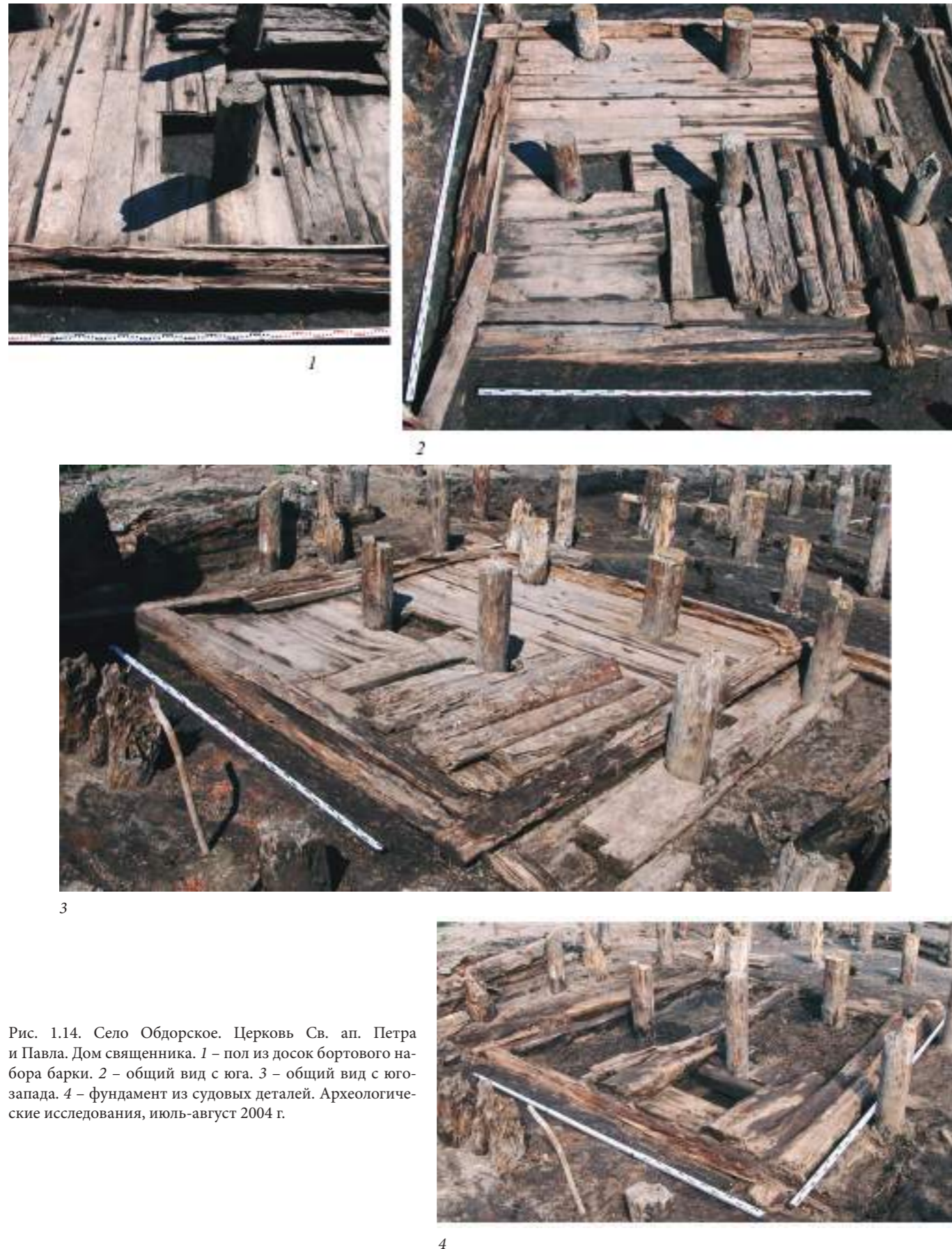

Рис. 1.14. Село Обдорское. Церковь Св. ап. Петра и Павла. Дом священника. 1 – пол из досок бортового набора барки. 2 – общий вид с юга. 3 – общий вид с юго-запада. 4 – фундамент из судовых деталей. Археологические исследования, июль-август 2004 г.

Рис. 1.15. Село Обдорское. Церковь Св. ап. Петра и Павла. 1–39 – посуда из стекла, керамики и фаянса. Вещевой комплекс XIX – нач. XX вв. Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.16. Село Обдорское. Церковь Св. ап. Петра и Павла.
1-22 – предметы из металла. Вещевой комплекс XIX – нач. XX вв.
Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

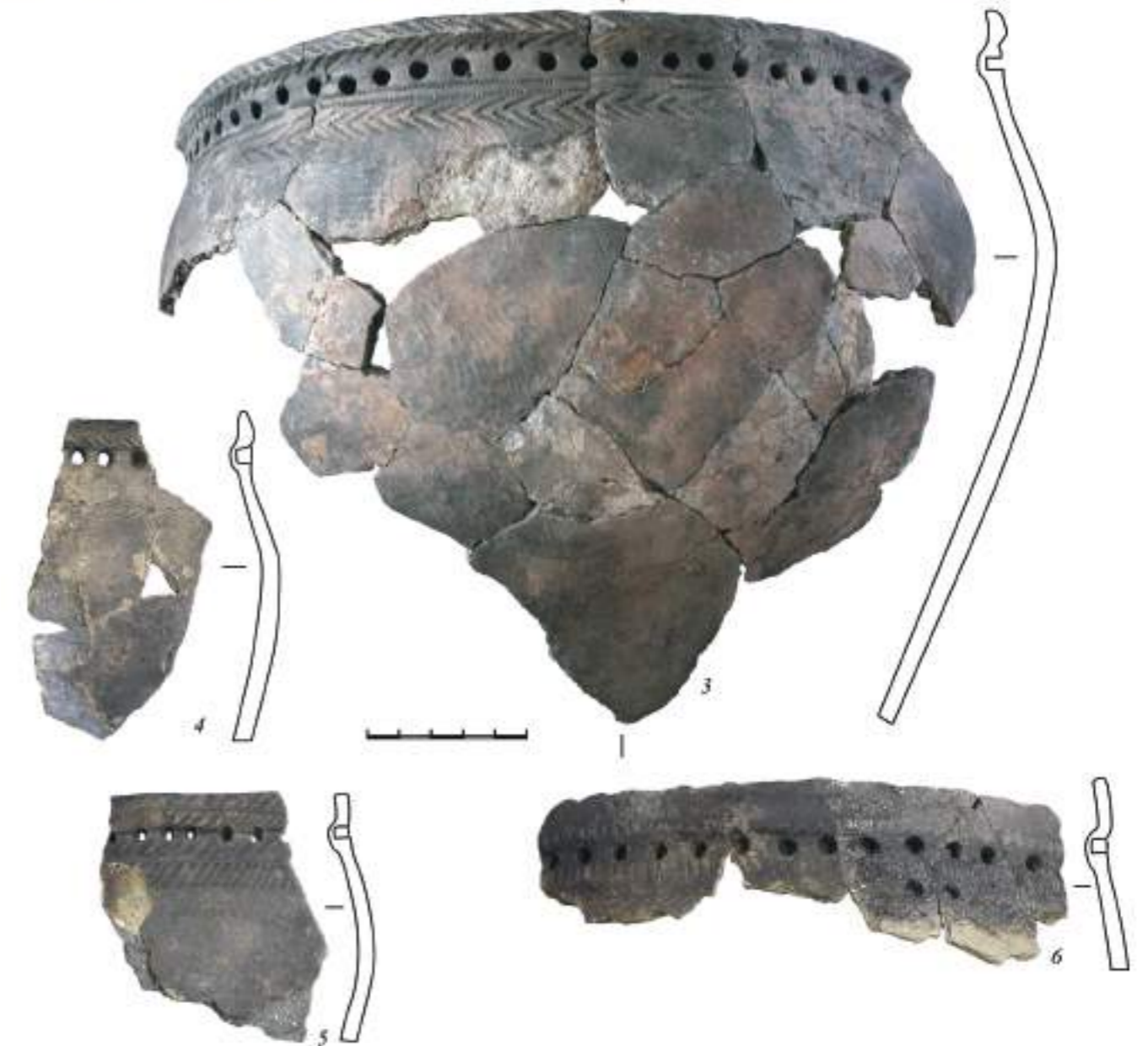

Рис. 1.17. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс: 1 – раскоп № 1, 2, 2004 г. Участок У'-М'/37-46, уровень 21, 20 – культурный слой сер. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., 2 – раскоп № 1, 2, 2004 г. Участок П'-О'/42-43, уровень 21, 20 – скопление фрагментов средневековых керамических сосудов. 3-6 – фрагменты керамических сосудов IX-X вв. (вожпайский археологический тип (культура). Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.18. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс: 1-5 – керамические сосуды и фрагменты VI–VII вв. (зеленогорский этап). Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.19. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс: 1-5 – керамические сосуды и фрагменты VI–VII вв. (зеленогорский этап). Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

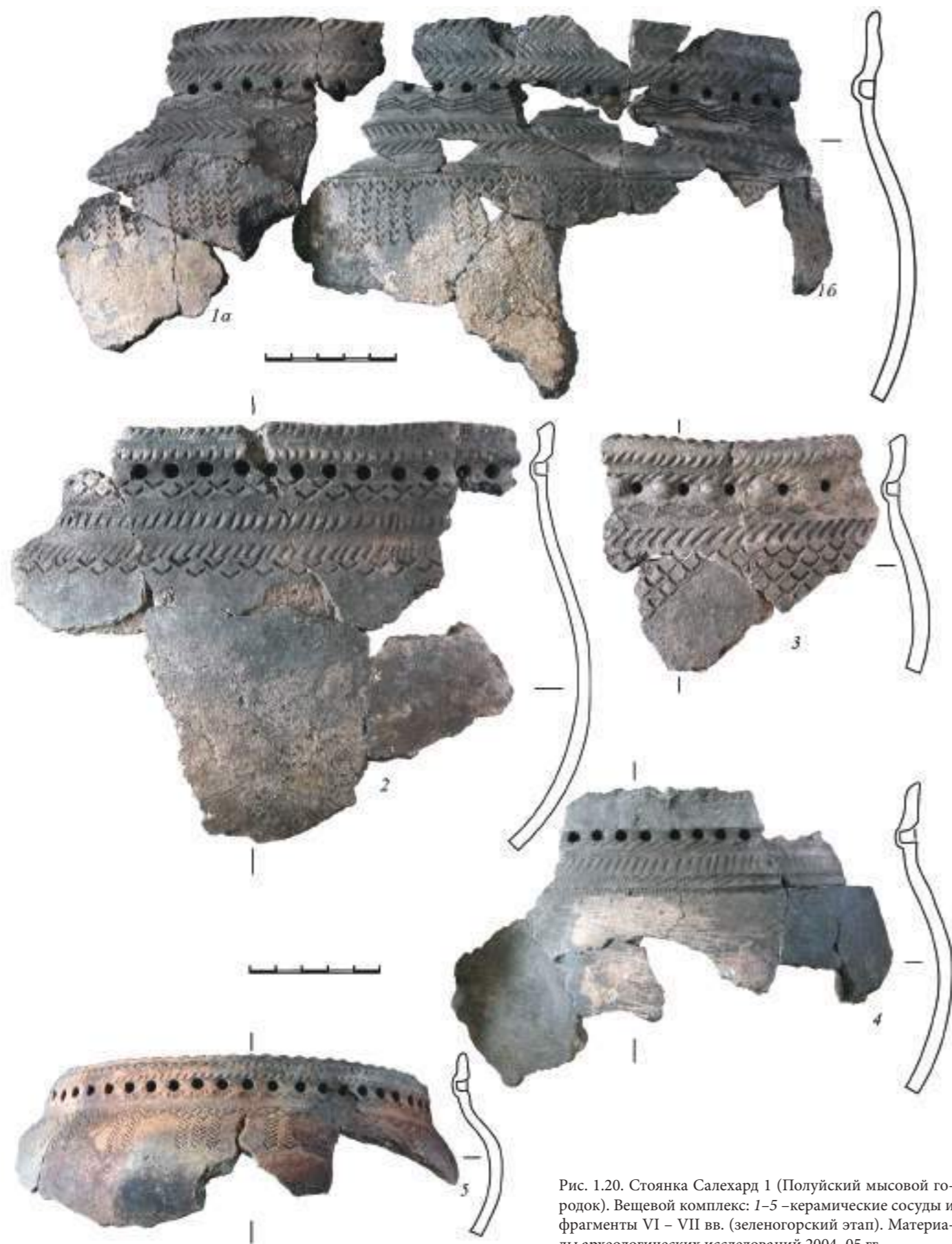

Рис. 1.20. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс: 1–5 – керамические сосуды и фрагменты VI – VII вв. (зеленогорский этап). Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.21. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Предметы из кости: 1–30 – наконечники стрел, 31 – хвостовик лука. Вещевой комплекс средних веков VI–VII вв. и раннего железного века. V–I вв. до н. э. Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.22. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Предметы из кости: 1-10 – рукоятки ножей, 11-18 – панцирные пластины, 19-21 – орудия (пешни, мотыги?), 22 – проколка, 23 – орудие для обработки кожи (?). Изделия из камня, 24-25 – предметы неясного назначения (?). Вещевой комплекс средних веков VI-VII вв. и раннего железного века. V-I вв. до н. э. Материалы археологических исследований 2004-05 гг.

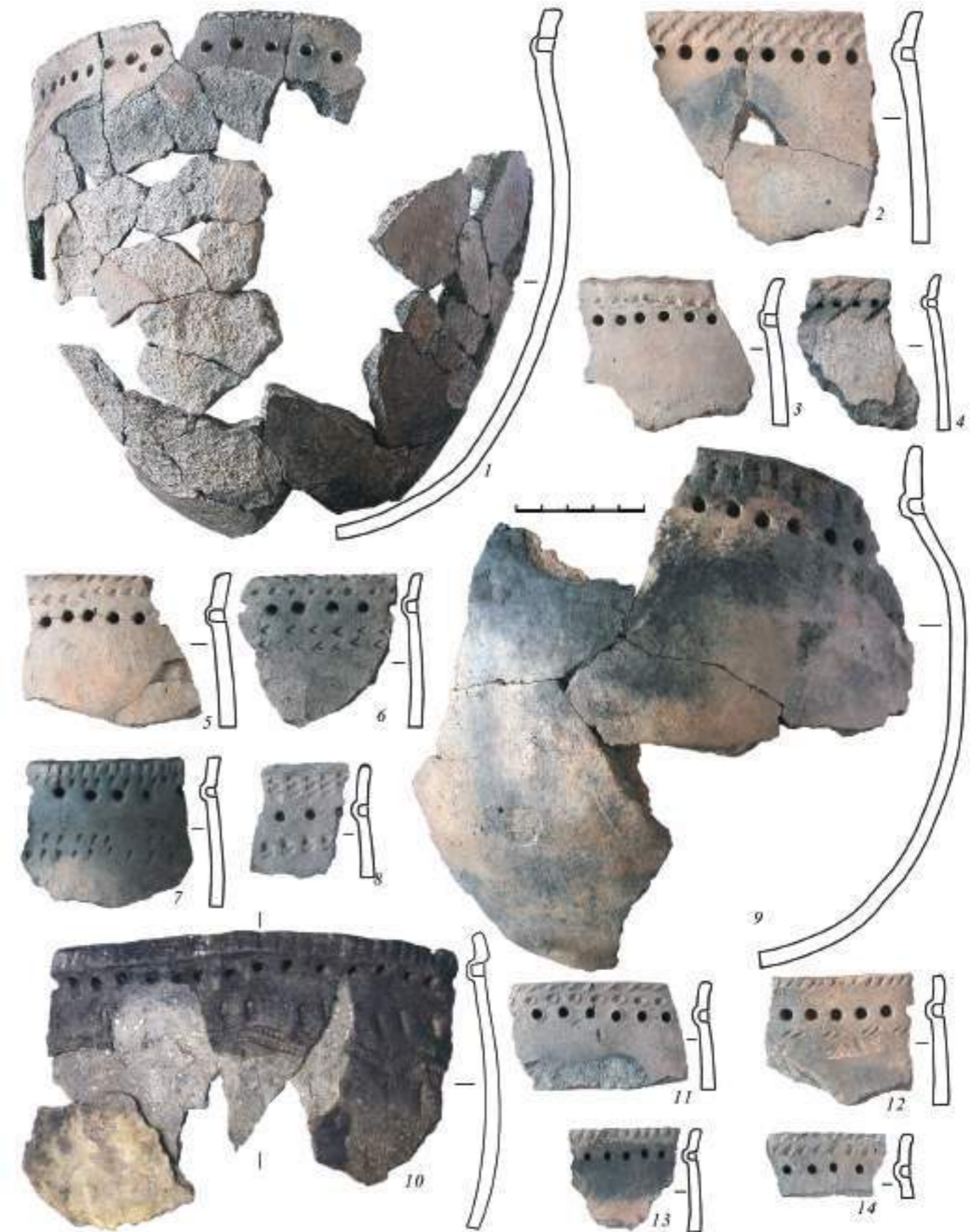

Рис. 1.23. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс: 1-14 – фрагменты сосудов раннего железного века V-I вв. до н. э. Материалы археологических исследований 2004-05 гг.

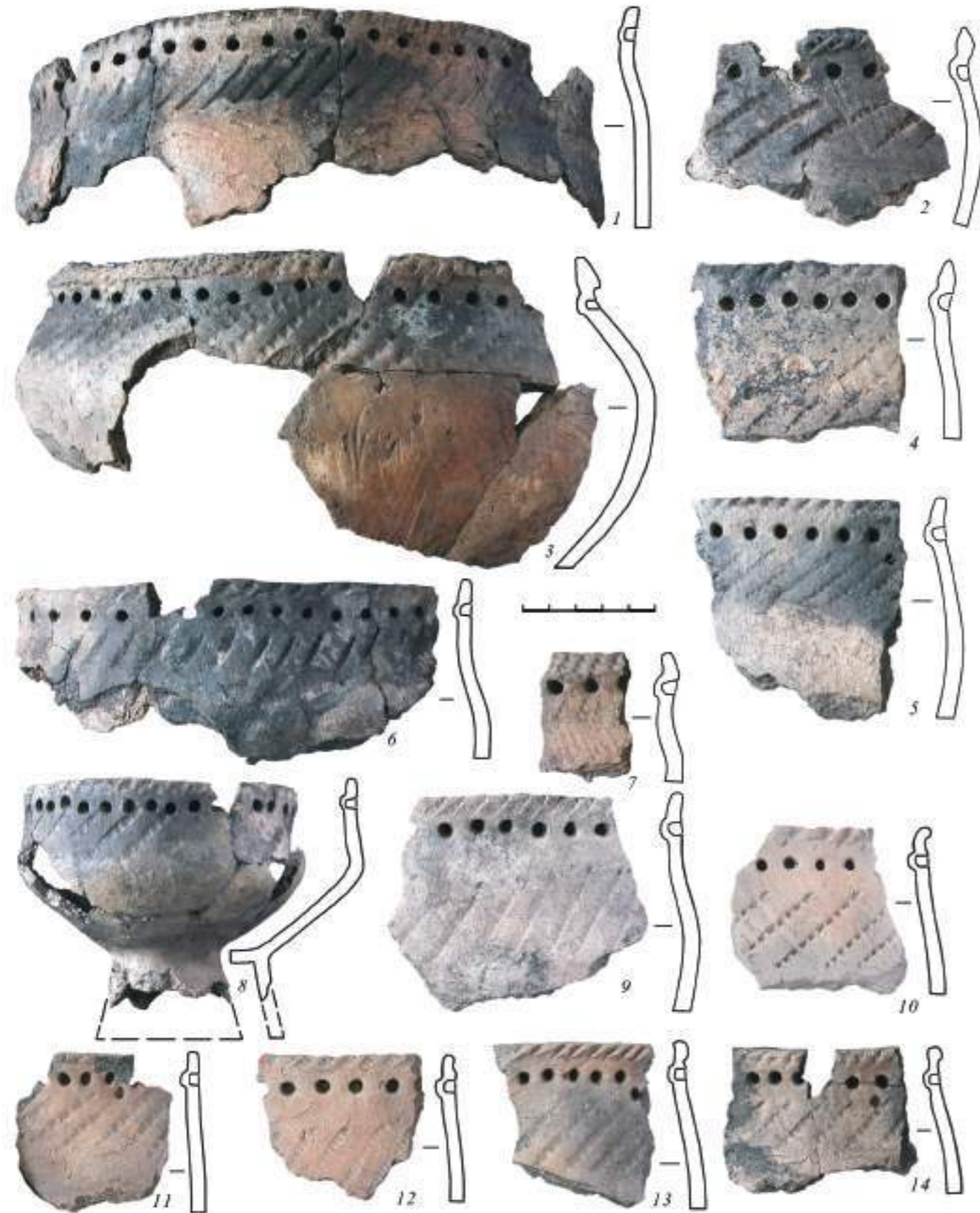

Рис. 1.24. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс: 1-10 – фрагменты сосудов раннего железного века с гребенчатой орнаментацией V-I вв. до н. э. (Перегребнинский археологический тип). Материалы археологических исследований 2004-05 гг.

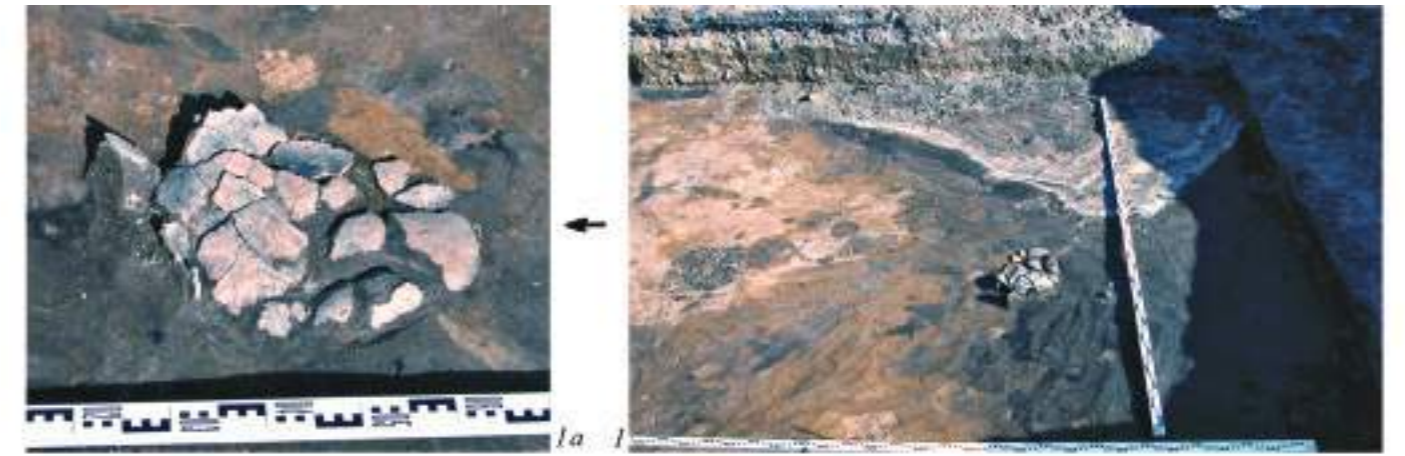

Рис. 1.25. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс: 1 – развал керамического сосуда со шнуровой орнаментацией (2, 2a) раскоп № 10 2004 г. – культурный слой середины I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э.; 3-5 – фрагменты сосудов раннего железного века с шнуровой орнаментацией V-I вв. до н. э. (аналог ананьинских и гляденовских сосудов археологических памятников европейского Предуалья). Материалы археологических исследований 2004-05 гг.

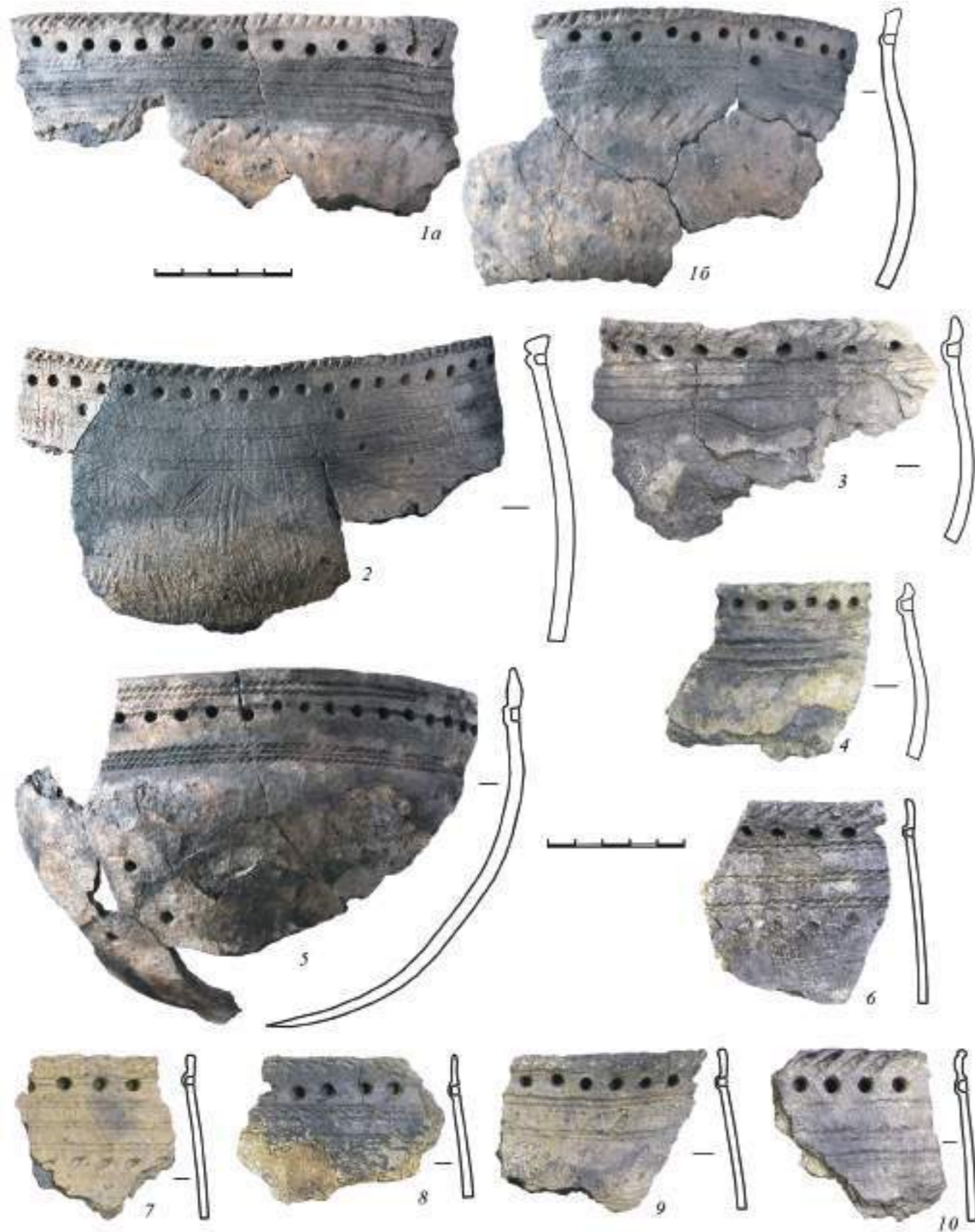

Рис. 1.26. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс. 1–10 – фрагменты сосудов раннего железного века с шнуровой орнаментацией V–I вв. до н. э. (аналог ананьинских и гляденовских сосудов археологических памятников европейского Предуралья). Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.27. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс. 1–9 – фрагменты керамических сосудов, 10 – скребок из камня, 11 – наконечник стрелы из камня, 12 – грузило керамическое. Период энеолита IV–III тыс. до н. э. Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.28. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Раскоп № 4, 6, 2004 г. Могильник (ритуальный комплекс): 1 – ямы № 1–3 в слое материкового песка на уровне 21,00, общий вид; 2 – яма № 2, участок Е'-И'/71,72, продольный стратиграфический разрез, уровень 21,00; 2а – заполнение ямы № 2; 3 – яма № 2, выбранная по очертаниям, общий вид; 3а – стратиграфический разрез ямы № 2 в юго-восточной стенке раскопа. Объекты периода энеолита IV–III тыс. до н. э. Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.29. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Раскоп № 10 2004 г.: 1 – уч. М"-О"/63–65, яма № 1, уровень 21,20, вид с севера; 2 – яма № 1, участок М"-О"/63–65 – стратиграфический разрез; 3 – уч. Л"-М"/61–63, яма № 2, уровень 21,00, вид с севера; 4 – стратиграфический разрез ямы № 2. Объекты периода энеолита IV–III тыс. до н. э. Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

Рис. 1.30. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Вещевой комплекс: 1 – Раскоп № 4, 6, 2004 г., могильник (ритуальный комплекс): участок ИГ/72, ур. 21.00, яма № 2; 2 – керамические сосуды (3, 4) в заполнении ямы № 2, участок ИГ/72, ур. 20.75; 5-13 – фрагменты керамических сосудов с территории разных раскопов периода энеолита IV–III тыс. до н. э. Материалы археологических исследований 2004–05 гг.

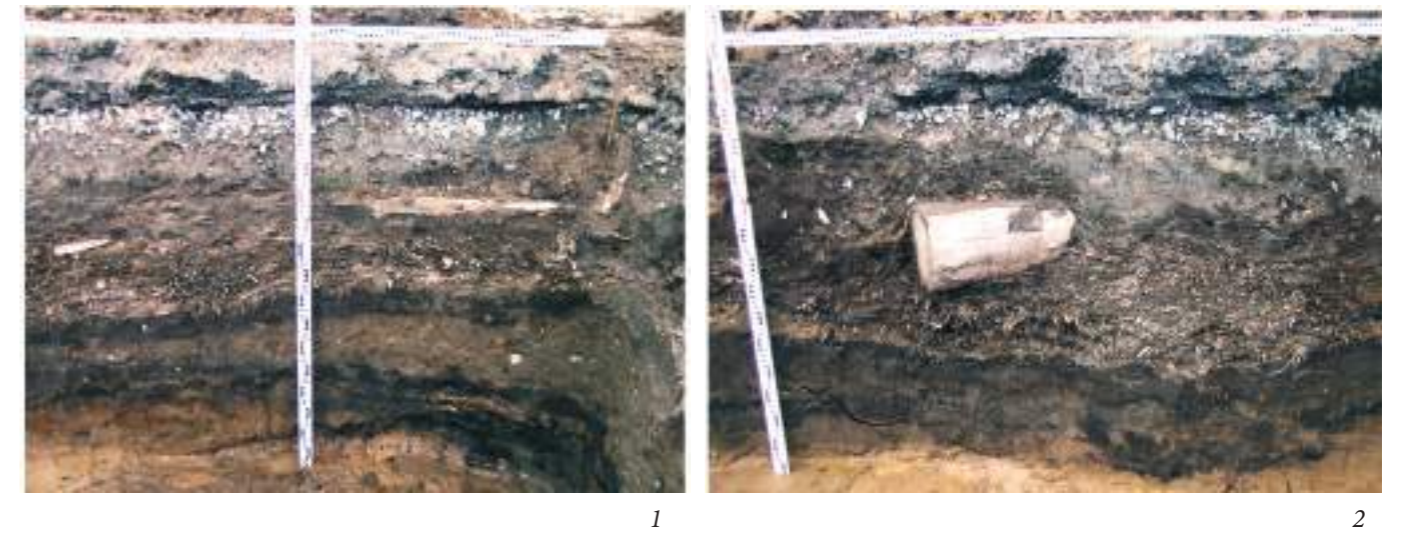

Рис. 1.31. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Раскопы № 1, 2, 2004 г. Общая стратиграфия: 1-4 – участки северной и северо-восточной стенок раскопа. Культурные напластования памятника состоят из чередующихся слоев: сверху самый поздний слой щебня и асфальта, ниже коричневый слой щепы, относящийся к функционированию Полуйского мысового городка XVII–XVIII вв., ниже чередующиеся прослойки черной и серо-желтой супеси, принадлежащие селищу (стоянке) Салехард 1 разных эпох, начиная с V тыс. до н. э. и до сер. I тыс. н. э. Археологические раскопки, июль-август 2004 г.

1

2

2a

3

4

Рис. 1.32. Стоянка Салехард 1 (Полуйский мысовой городок). Раскоп № 4, 6, 2004 г. Общая стратиграфия: 1–4 – участки северной и северо-восточной и юго-западной стенок раскопа. Культурные напластования составляют: сверху поздний слой щебня и асфальта, ниже прослойки черной и серо-желтой супеси, принадлежащие селищу (стоянке) Салехард 1 разных эпох, начиная с V тыс. до н. э. и до сер. I тыс. н. э. На изображении 2 и 2a хорошо видны процессы вымывания нижнего культурного слоя и материкового основания вызванные оттаиванием замерзшего песка. Археологические раскопки, июль-август 2004 г.

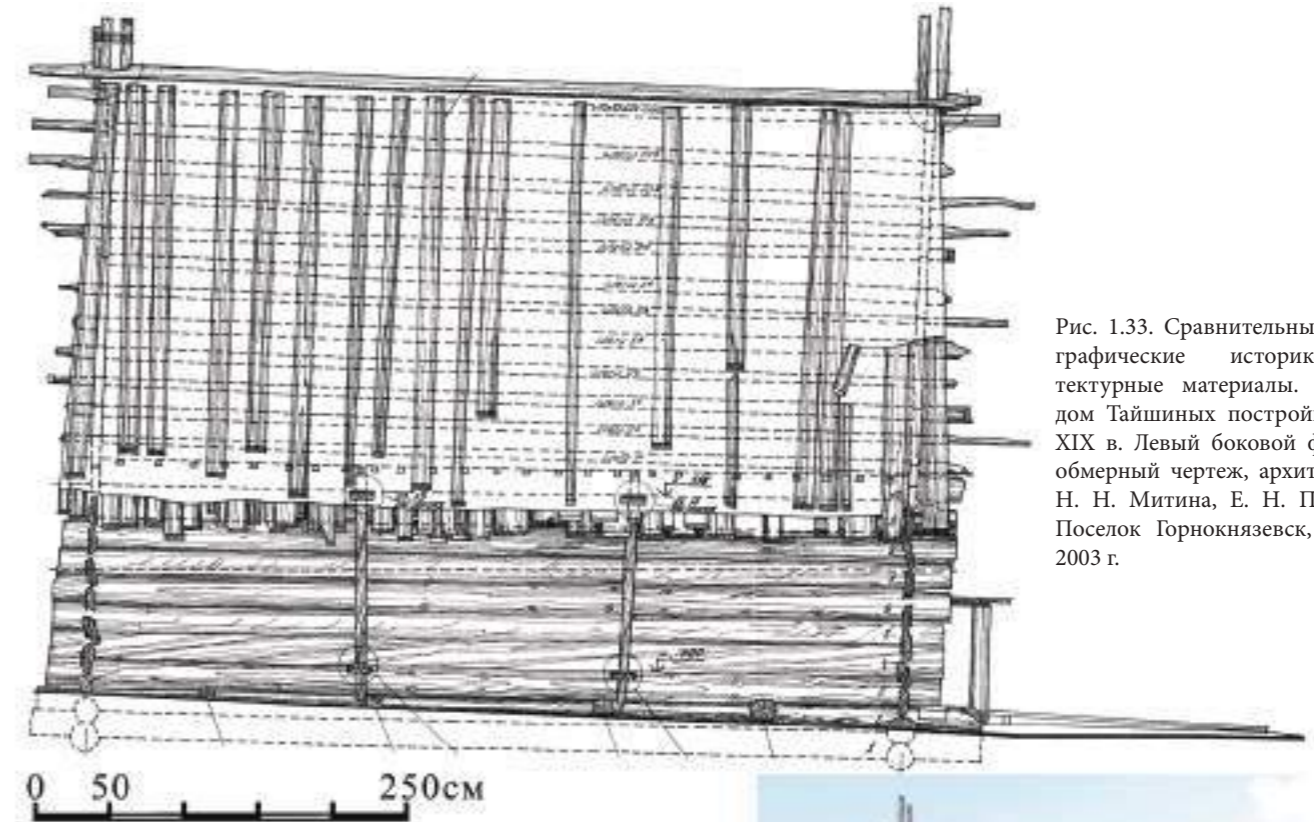

Рис. 1.33. Сравнительные этно-графические историко-архитектурные материалы. Жилой дом Тайшиных постройки нач. XIX в. Левый боковой фасад – обмерный чертеж, архитекторы Н. Н. Митина, Е. Н. Петрова. Поселок Горноknязевск, август 2003 г.

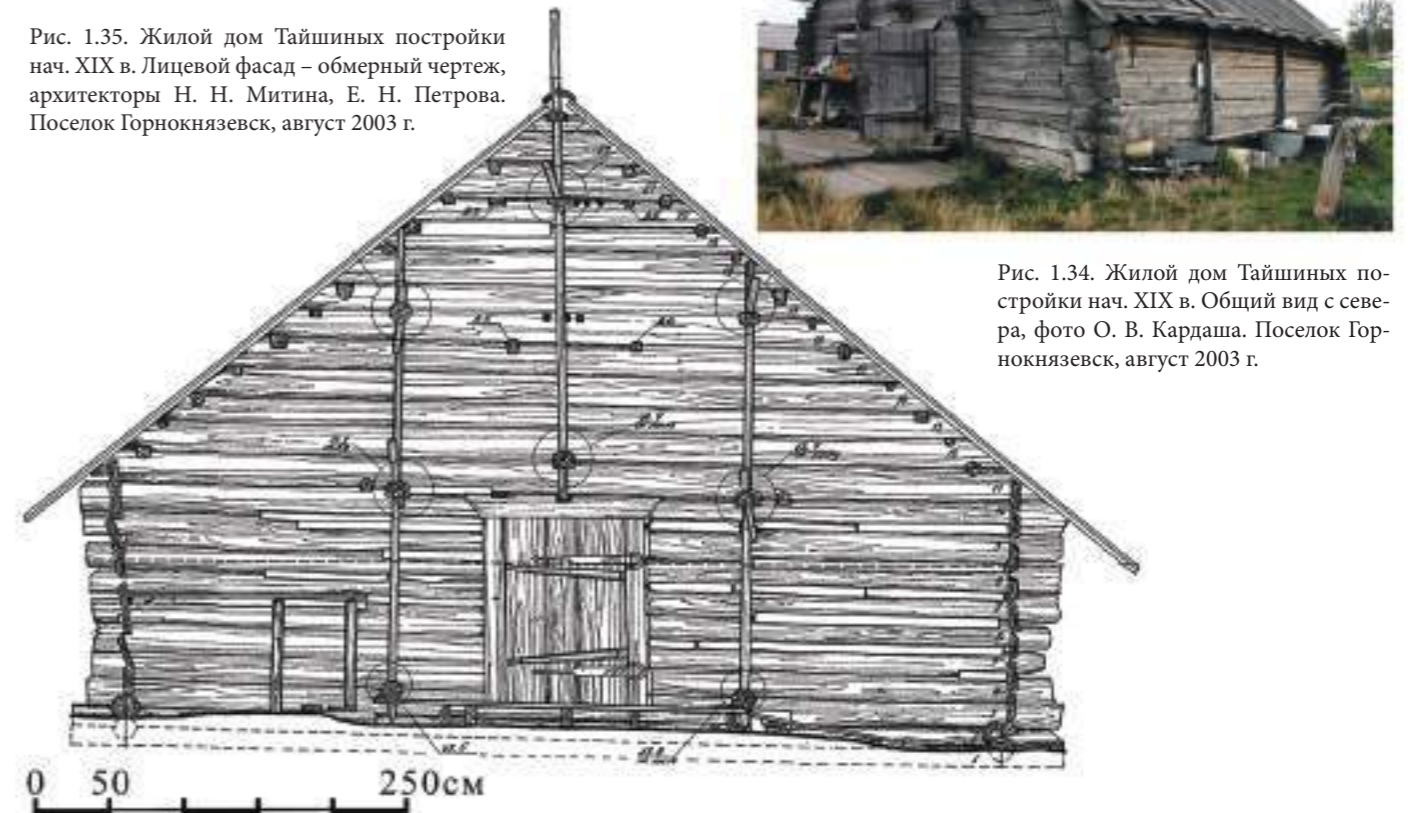

Рис. 1.35. Жилой дом Тайшиных постройки нач. XIX в. Лицевой фасад – обмерный чертеж, архитекторы Н. Н. Митина, Е. Н. Петрова. Поселок Горноknязевск, август 2003 г.

Рис. 1.34. Жилой дом Тайшиных постройки нач. XIX в. Общий вид с севера, фото О. В. Кардаша. Поселок Горноknязевск, август 2003 г.

Рис. 1.36. Сравнительные этнографические историко-архитектурные материалы. Жилой дом Тайшиных постройки нач. XIX в. Продольный разрез – обмерный чертеж, архитекторы Н. Н. Митина, Е. Н. Петрова. Поселок Горноknязевск, август 2003 г.

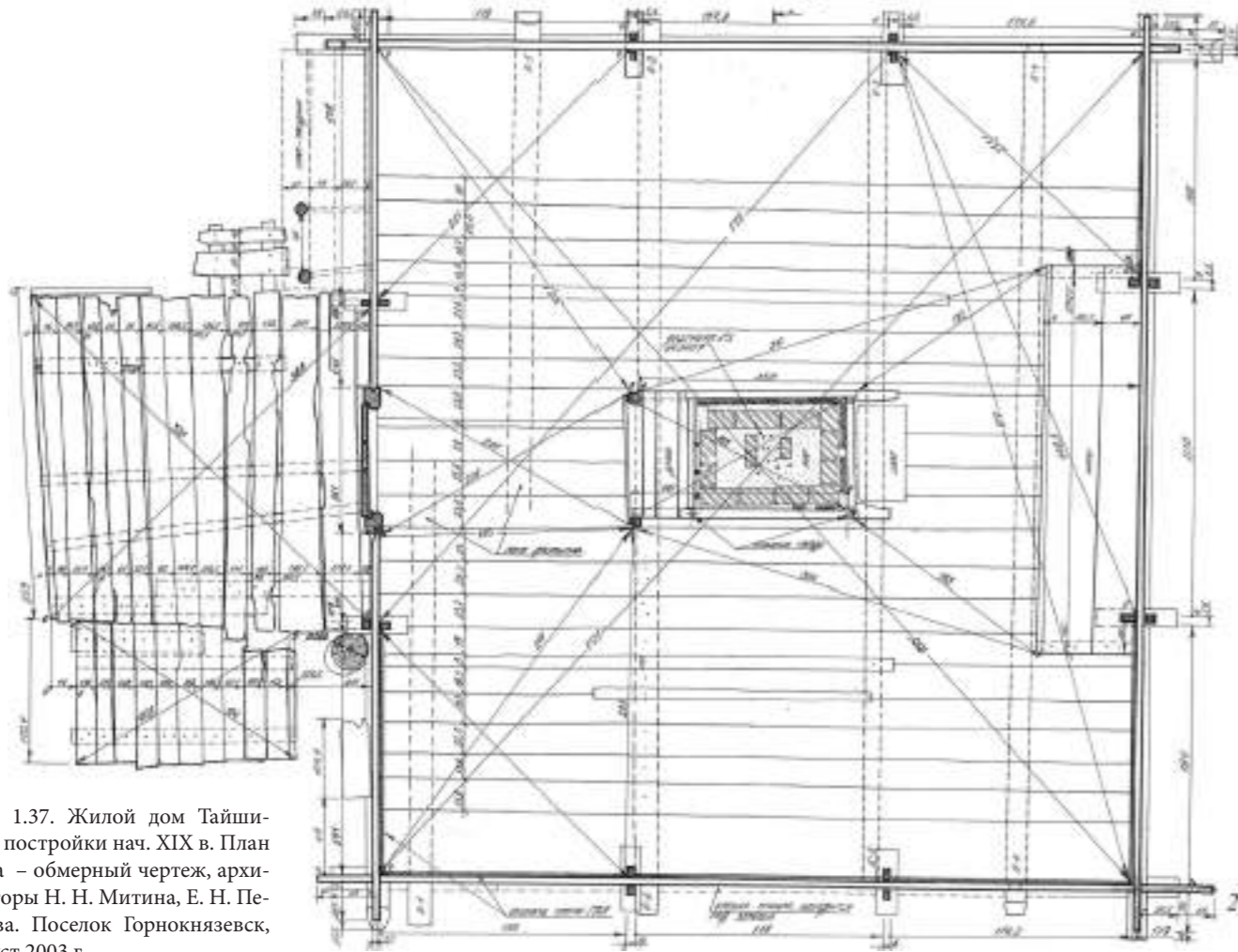
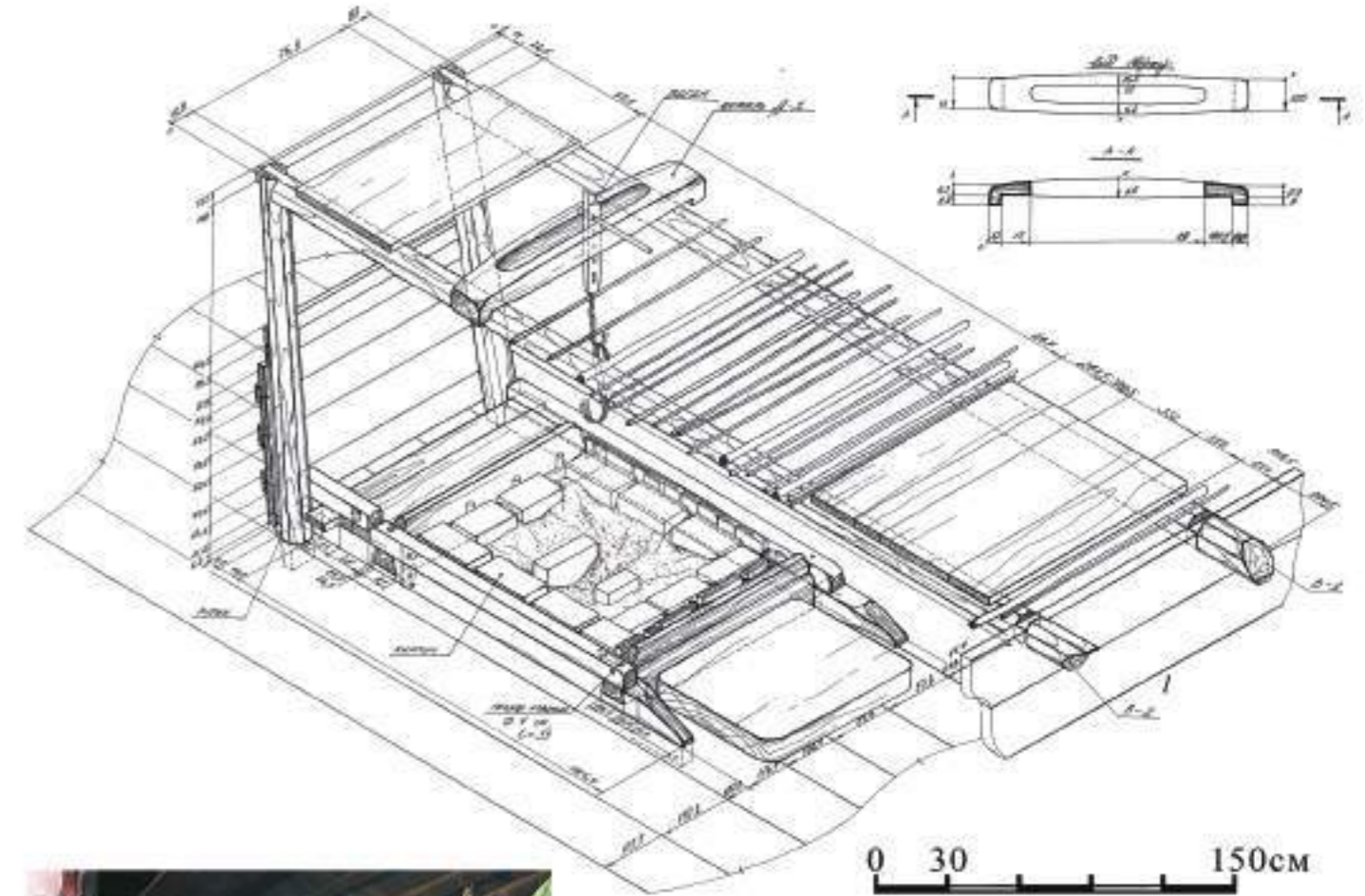
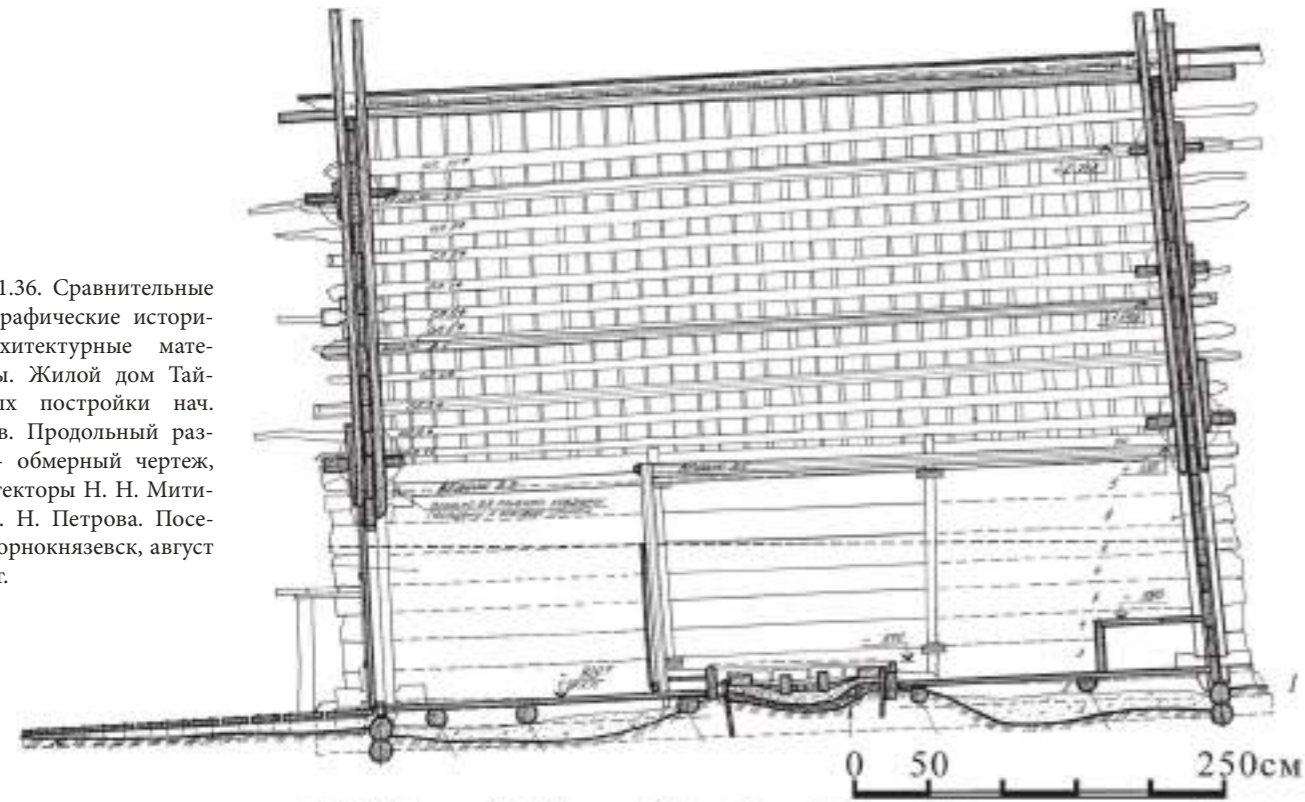

Рис. 1.37. Жилой дом Тайшиных постройки нач. XIX в. План пола – обмерный чертеж, архитекторы Н. Н. Митина, Е. Н. Петрова. Поселок Горноknязевск, август 2003 г.

Рис. 1.38. Сравнительные этнографические материалы. Жилой дом Тайшиных постройки нач. XIX в. Чертежи: 1 – очаг и надочажная конструкция, архитекторы Н. Н. Митина, Е. Н. Петрова; 2–4 – детали интерьера, фото О. В. Кардаша. Поселок Горноknязевск, август 2003 г.

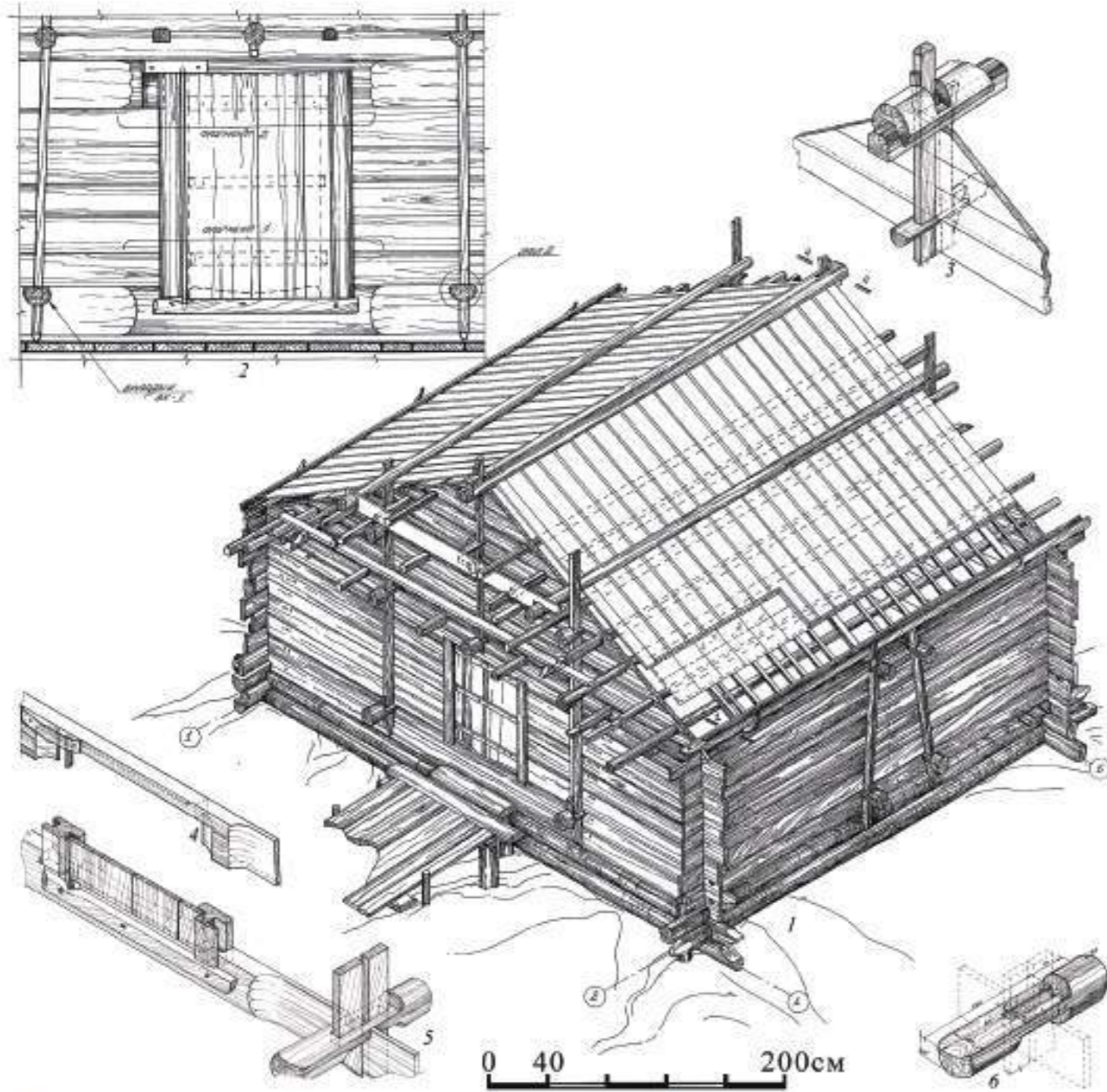

Рис. 1.39. Сравнительные этнографические историко-архитектурные материалы. Хозяйственный амбар. Чертежи: 1-6 – реконструкция и детали, архитекторы Н. Н. Митина, Е. Н. Петрова; 7 – общий вид, фото О. В. Кардаша. Поселок Горноknязевск, август 2003 г.

Рис. 1.40. Сравнительные этнографические материалы. Вещи бывшие в обиходе у Тайшиных в XIX–XX вв.: 1-4 – мужские и женские ножи и принадлежности; 5 – фрагмент весла с орнаментом, принадлежавшего Н. В. Тайшину; 6-8 – пята для лисицы, песка и горностая; 9 – поплавок со знаком; 10 – мерка для плетения сети; 11 – игла для плетения сети. Поселок Горноknязевск, август 2003 г.

Рис. 1.41. Последние потомки прямой линии обдорских князей Тайшиных: 1 – Л. Н. Тайшина-Салендер; 2–4 – кроильная доска, сумка, скрепки Л. Н. Тайшина-Салендер; 5 – А. Н. Тайшин; 6 – Е. Н. Тайшина. Горноknязевск. август 2003 г.

Рис. 1.42. Последние потомки прямой линии обдорских князей Тайшиных: Николай Васильевич Тайшина 1924 года рождения. 1 – удостоверение участника обороны Сталинграда; 2 – Н. В. Тайшин с наградами, пос. Горноknязевск, 1973 г.; 3 – Н. В. Тайшин в охотничьем костюме, 1960-е годы; 4 – Н. В. Тайшин с семьей, пос. Горноknязевск, 1960-е годы

ГЛАВА 2

АРХИТЕКТУРА ПОЛУЙСКОГО МЫСОВОГО ГОРОДКА XVII ВЕКА

Описание архитектуры того или иного народа – один из обязательных разделов характеристики общества, отражающий уровень его технологического и культурного развития. Анализ домостроительных традиций разных периодов важен для описания любого этноса. Изучение развития домостроительства позволяет определить динамику его собственного развития и влияние на него других культурных традиций.

Архитектура древнего общества архаична. Это аксиома. Традиционный дом – это некий микрокосмос, связанный не только с особенностями окружающего ландшафта, но и с системой мифологических и религиозных представлений каждого конкретного этноса. Особенно это характерно для древних обществ, редко и с большим трудом поддающихся новациям. Дом как таковой – это и некое воплощение мужской составляющей культуры любого народа. «Отчий дом» – понятие, сформировавшееся не только потому, что в средневековых обществах утвердились патрилинейные связи и принципы наследования собственности. С древнейших времен мужчина является отцом, строителем дома, создателем жилой среды и того самого микрокосмоса для всей семьи и своих детей. Именно он становится создателем первых и основных стереотипов мироздания, трансформация которых может быть чревата непредсказуемыми последствиями, в том числе связанными с отношением умершего предка к деяниям потомков. Именно поэтому во многих традиционных культурах, существующих в системе мифологического мышления, домостроительные традиции очень устойчивы. Для пересмотра этих традиций должны сформироваться веские причины и произойти особые, из ряда вон выходящие события, способные изменить общественное сознание, и в первую очередь, мышление элиты. Полагаем, что выдвинутые тезисы не требуют системы обязательных и строгих доказательств – примеры очевидны. Они до сих пор существуют вокруг нас.

Наш же случай, а именно – характеристика позднесредневековой культуры одного из населенных пунктов севера Западной Сибири, – не представляется просто домоописанием. Нам предстоит выяснить, существовала ли какая-либо динамика изменений архитектурных традиций в период функционирования городка, и предложить собственную реконструкцию традиционного жилища Полуийского мысового городка, существовавшего с конца XVI по начало XVIII века.

В данной главе будут представлены детальные характеристики раскопанных нами построек Полуийского мысового городка, необходимые, в том числе, и для сравнительного анализа. Помимо этого, в задачи данной главы входит скрупулезный анализ деталей планировочной структуры всего памятника и бытовых особенностей его архитектуры.

Необходимость в анализе таких данных обусловлена многими причинами. Одна из главных – это довольно свободные и ничем не подтвержденные рассуждения историков о возможности использования традиционных хантыйских домов русским населением. В частности, это касается версии Е. В. Вершинина о заселении в 1596 году карательным отрядом князя Петра Горчакова хантыйского поселения *Пулинг-аут-вош*, а также использования его под резиденцию березовских сборщиков ясака [Вершинин, 2005а, б. С. 68, 37]. Опишем все подробно, и вывод относительно этнокультурной принадлежности строений и возможности их использования сформируется сам по себе.

2.1. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ПОСЕЛКА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Туземных городищ разного времени известно довольно много. Тем не менее мало кто рассматривал их в плане анализа развития архитектуры, ее преемственности, поступательного развития или стагнации.

Для первобытных обществ Зауралья и Западной Сибири – от неолита до раннего железного века – это было сделано В. А. Борзуновым [Очерки культуригенеза..., 1994. С. 203–252, 318–330, 333–341; Борзунов, Новиченков, 1988; Борзунов, 1992; 1997; 1998; 1999; 2002; 2012; Борзунов и др., 2010; 2011], для Средневековья – коллективом уральских и западносибирских археологов [Очерки культуригенеза..., 1994. С. 342–486].

Несмотря на это, средневековые укрепленные поселения коренного населения севера таежного Приобья детально, комплексно и большими площадями, за редким исключением (городища Ендырское I – Эмдер, Кучиминское V, Барсов городок I/31, VI/1, отчасти – Шеркалы I и некоторые другие) [Зыков и др., 1994. С. 54, 56–57, 65; Зыков, Кокшаров, 1995; 1998; 1999; 2001; Зыков, 2012. Рис. 39, 40, 65 – 1, 2], археологами исследовались довольно редко. Тем более северо-таежные и приполярные городки позднего Средневековья и начала русской колонизации [Кардаш, 2006. С. 128–131; 2008. С. 460–463; 2009].

Планиграфия поселения – его планировочная структура – это то, что может подвергаться историко-архитектурному анализу без широкомасштабных стационарных раскопок. Особенно в условиях западносибирского Севера, где остатки археологических объектов, от неолитических до средневековых, имеют прекрасную сохранность и четко выражены в рельефе. В тайге и лесотундре это обусловлено крайне медленным формированием почвенного покрова на песчаных террасах, вследствие их особого «промывного» режима, в тундре – условиями сохранения вечной мерзлоты. Вместе с тем до настоящего времени такой работы для памятников Средневековья и Нового времени не проводилось. Исследователи средневекового населения севера Западной Сибири в основном ограничивались выделением признаков или элементов укрепленных поселений как маркеров определенной археологической культуры или этапа развития некоей общности [Чернецов, 1957. С. 136–245; Федорова, Зыков и др., 1991. С. 126–145; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 5–65; Зыков, 2006. С. 109–124].

С точки зрения ландшафтно-географической характеристики, Полуийский мысовой городок находится на правом берегу реки Полуи, на оконечности ее дельты, близ впадения современного основного русла Полуи в Обь, близ правого устьевого мыса (рис. 1.1–1.3). Именно этот устьевой мыс носит название Ангальский и считается особо почитаемым культовым местом аборигенного населения Нижнего Приобья [Бартенев, 1896. С. 98]. Точное местонахождение ритуального комплекса в пределах Ангальского мыса так и не было установлено. В нашем случае это не столь важно. Для нас более значима привязка, точнее близость, городка к этому уникальному священному месту. В ритуальной практике аборигенного населения нижнеобского региона до настоящего времени бытует периодическое посещение особо значимых святилищ верховных божеств. При этом оно является обязательным, если путь сезонных миграций людей проходит в непосредственной близости от какого-либо значимого святилища. Такая ситуация хорошо нам известна по этнографической литературе, равно как по собственному опыту общения с коренными жителями региона. В качестве примера можно привести условия посещения местным населением урочища Хэйбидя-Сале, расположенного в устьях рек Обь и Надым. Это святое место без натяжки можно назвать правым священным мысом в устье Оби. Кстати, в непосредственной близости от него находится неоднократно упоминавшийся нами Надымский городок, который в XVI – начале XVIII веков служил зимней резиденцией вождей Большой Карачеи. В этой связи считаем вполне вероятным выделение *ритуально-религиозного признака* как одного из определяющих при выборе местоположения Полуийского мысового городка: выше по течению реки, к югу от священного Ангальского мыса.

В сочетании с двумя названными выше признаками можно выделить еще один – *приуроченность населенного пункта к путям сезонных миграций аборигенов Севера*. Рядовое население полуийской общины могло весной возвращаться с расположенных в тайге зимних охотничьих промыслов на весенне-летние рыбные промыслы, пастбища домашних оленей и в охотничьи угодья на север – в низовья Оби, а также в Ямальскую или Полярно-Уральскую тундру. Вполне вероятно, что промысловики каждый год – и не по разу – могли посещать святое место и приносить жертвы божествам. Как минимум, накануне сезона и после его удачного завершения. В этом случае для общинного вождя строительство городка близ общезначимого святилища было не только уместно, но и во многих отношениях весьма удачно. Оно позволяло ему контролировать объемы добываемого зверя и роста поголовья оленьих стад, а также собирать прямую и косвенную дань с коллективов пастухов, охотников и целых подчиненных ему общин. Он имел на это право, в первую очередь, как вождь и князь, глава лидирующей общины. Кроме того, не исключено, что именно он или приближенное к нему лицо могли исполнять основные жреческие функции. Также представляется вероятным, что здесь

он мог собирать некую дань не только для собственных нужд, но и для сдачи ясака государевым мытарям – ясачным сборщикам – от имени всей общины. О том, как вожди местных территориальных общин собирали собственную подать, особо ничего не известно. Скорее всего, ее можно охарактеризовать в форме так называемых «поминок», принятых для таких обществ. Иными словами, в виде нерегулярных и произвольных по количеству подношений вождю. Обширность территорий, непредсказуемость результатов промысла априори не могла сформировать регулярных податей. Для поддержания регулярности необходим инструмент насилия – военный отряд, дружина вождя. Ее формирование – дело дорогостоящее и опасное. Вождь должен быть реальным лидером и сам обладать большой силой. В условиях слабозаселенного сибирского Севера, ополчение было малочисленным и состояло, скорее всего, из ближайших родственников и нескольких их наиболее сильных приспешников. Вряд ли это могло обеспечить регулярность податей, но вот исполнение религиозных функций должно было способствовать формированию изрядного общинного фонда в руках вождя.

Принимая это во внимание, напрашивается вопрос: не нужна ли в сборе таких средств в условиях нового этапа колонизации севера Западной Сибири Московским государством, когда возникла реальная угроза потери вождями власти, сформировала необходимость строительства нового городка близ центрального святилища? Этот вопрос может звучать и как риторический, одновременно заключая в себе ответ.

Следует назвать еще один признак – *транспортно-торговый*. Через реку Сось, которая впадает в Обь практически напротив дельты реки Полуй, активизировался торгово-промышленный «Чрезкаменный» путь из Руси в Мангазею. Представляется, что возможность беспешинной торговли с русскими купцами и промышленниками на этом пути также могла стать веской причиной для сбора мягкой рухляди с общинников Обдорского аборигенного княжества. В этом же контексте может рассматриваться и возможность грабежа торговцев, хотя и в меньшей степени.

Можно выдвинуть последнюю (по счету, а не по значимости) причину – *историческую*. Это строительство городка в месте регулярного проживания исторических предков и относительно высокой плотности древних поселений. Именно в низовьях реки Полуй сконцентрировано около двух десятков археологических памятников, включая такие выдающиеся, как городище-святилище Усть-Полуй [Чернецов, 1953, С. 221–241; Косинская, Федорова, 1994. С. 49–57, рис. 1; История Ямала, 2010. Т. I, кн. 1, С. 22–144]. Нельзя отрицать вероятность такого обоснования.

Данные размышления в совокупности с фактами, приведенными в предшествующей главе, усиливают аргументацию, свидетельствующую в пользу идентификации раскопанного нами археологического памятника как Полуйского мысового городка, весенне-летней резиденции обдорских князев конца XVI – начала XVIII века.

Интересно рассмотреть сам термин «городище». Он довольно широк, но иногда может оказать влияние на формирование некоего образа древнего поселения. Существуют различные варианты его словарных трактовок, но в целом он «переводится» как «развалины укрепленных поселений». Западносибирские городища таковыми именуются по схожести морфологических признаков с восточно-европейскими памятниками, где появился интересующий нас термин. Однако это только схожесть внешних признаков – руинированных объектов, а не историко-архитектурных реконструкций построек. Впрочем, последние возникают опять-таки на основе сходства внешних признаков «песчаных руин». В этой связи нередко туземные городки появляются на реконструкциях в виде деревянных крепостей с рубленными стенами и высокими проходными башнями [Зыков и др., 1994. С. 54, 56–57, 65; Зыков, Кокшаров, 1998. С. 57–60; 2001. С. 201–206; Семенова, 2005. С. 72–79]. К сожалению, такие реконструкции навеяны художникам-реставраторам прежде всего сходством терминологии, внешнего вида руин и европейской традицией. Они не являются результатом скрупулезных историко-архитектурных изысканий. Наш опыт археологического изучения развалин северных городков, сохранившихся в слоях вечной мерзлоты, а также обращение к этнографическим источникам, позволяет сомневаться в достоверности обозначенных выше примеров, реконструкций и аналогичных объектов, возникающих в одном с ними стиле. По этой причине Полуйский мысовой городок мы называем именно «городком», а под словом «городище» в данном случае понимаем просто остатки укрепленного поселения, а не крепости. В этой связи сооружения Полуйского мысового городка являются особо интересным и значимым источником, поскольку позволяют выстроить относительно достоверную реконструкцию, а не рисовать призрачный готический замок за неопределенностью трактовки.

Учитывая вышесказанное, именно схема планировочной структуры представляется довольно объективным источником, позволяющим сделать определенные выводы социально-исторического характера.

Что же можно сказать о планировочной структуре Полуйского мысового городка? Она сформирована на площадке мысообразного выступа террасы правого коренного берега реки Полуй (рис. 0.3, 1.3, 2.1). Следует отметить, что современная конфигурация площадки мыса отличается от изначальной. Сейчас – до начала строительства «Города мастеров» и после его создания – это была подпрямоугольная площадка размерами 120×100 м, с сильно измененной поверхностью, со следами многочисленных перестроек и инженерных работ, связанных с благоустройством территории и укреплением осыпи берега. Высота береговой террасы здесь достигает 14–15 м над уровнем поймы. Изначально мыс, судя по данным наших раскопок и картографическим материалам начала XIX века, представлял собой узкий выступ-отрог, размерами 90×50 м, являвшийся частью коренной террасы реки (рис. 0.12, 0.12а). Этот отрог был вытянут по оси северо-запад – юго-восток и смыкался с террасой узким (около 25 м) проходом. Северная часть мыса была обращена к пойме реки, южная непосредственно примыкала к руслу Полуя. Выбор именно этой площадки для строительства городка представляется неслучайным. Площадка поселения, возводившегося в пойме реки Надым, полностью искусственно сформирована из культурного слоя, сориентирована в аналогичном направлении и имела схожие габариты [Кардаш, 2009. С. 41–43, 58–62]. Вполне вероятно, что на тот период форма площадки строительства будущего городка и ее ориентировка относительно сторон света, вернее, относительно линии движения солнца, имела определенное значение.

На северо-западной оконечности мыса размещался оборонительно-жилой комплекс городка, включавший четыре строения – жилых дома (рис. 2.3, 2.4). Укрепленная часть городка, размером 20×18 м, состояла из четырех каркасных построек размером 8×8 м, с углубленным котлованом, дощатыми стенами, набранными из вертикально установленных досок (плах) и центральным очагом. Комплекс имел единое перекрытие и стены, заложенные дерном. Строения располагались друг напротив друга и небольшими коридорами соединялись с центральным коридором (рис. 2.5–2.10). По всей видимости, по причине наибольшей естественной защищенности. Сооружение оборонительно-жилого комплекса, таким образом, было защищено с трех сторон естественным эскарпированным склоном и венчало северо-западную оконечность мыса.

К юго-востоку от этого сооружения – места проживания вождя, его семьи и родственников – размещались хаотично расположенные строения. Они представляли собой некий посад, не имевший каких-либо оборонительных укреплений. В общей сложности во всех раскопах нами были выявлены остатки 11-ти жилых домов (рис. 2.3, 2.4). Постройки посада стояли довольно близко друг к другу, компактной группой, и примыкали вплотную к стенам оборонительно-жилого комплекса. Учитывая размеры нераскопанной части поселения, а также факт одновременности сооружения построек, можно предположить, что число строений посада вряд ли превышало 25. Из них одновременно функционировало не более 15-ти.

Подобная «двухчастная» планировочная структура явно свидетельствует о наличии в городке двух разных социальных групп населения. Причем нельзя исключить, что они имели изначально в своей основе определенные этнические отличия. В какой-то степени определиться с этим поможет непосредственный анализ архитектуры строений.

Кроме того, на южной оконечности площадки городка, к югу от крайних строений посада, находилась площадка, сформированная из слоя щепы. По ряду причин мы называем ее «ритуальной», о чем подробнее будет сказано ниже (рис. 2.3, 2.4).

2.2. АРХИТЕКТУРА ОБОРОНИТЕЛЬНО-ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА ГОРОДКА

Полностью раскопанных городищ XVI–XVIII веков на севере Западной Сибири, сохранившихся в мерзлотном культурном слое, пока нет. Даже в Надымском городке, исследуемом большой открытой площадью, вскрыта лишь половина, которая уцелела от всего памятника [Кардаш, 2009. С. 26, 27, 41, 42, рис. 2.1–2.6]. Правда, и эта половина достаточно значима, поскольку включает почти все функциональные зоны и позволяет реконструировать практически всю планировочную структуру городка. Фактически в современном научном обороте по архитектуре имеется лишь половина планировочной структуры укрепленного поселения с оборонительно-жилым комплексом. При изучении Полуйского мысового городка площадь археологических работ была ограничена участками, отведенными под строительство зданий комплекса «Город мастеров». Тем

не менее раскопом № 5 были охвачены остатки строений, сохранность и расположение которых, с учетом известных на сегодняшний день других археологических источников, позволяет относительно достоверно воспроизвести архитектуру оборонительно-жилого комплекса *Пулинг-аут-вош*.

2.2.1. ОБЩАЯ СТРУКТУРА И КОНСТРУКЦИЯ СООРУЖЕНИЯ

Прямых свидетельств, позволяющих реконструировать общую архитектуру сооружения, обнаружено немного. Общие габариты и внутренняя планировка сооружения восстанавливаются на основе размеров составлявших его построек (рис. 2.5–2.47).

В раскопе зафиксированы остатки двух построек и угол третьей – центральная часть оборонительно-жилого комплекса с участком уличной планировки. Постройки в рамках оборонительно-жилого комплекса получили номера 1 и 3. Они имели прямоугольную в плане форму с размером по внешним сторонам стен 8×8 м, а также отдельные выходы в разделяющий их проход (рис. 2.10, 2.22, 2.32). Последний вел за пределы пространства оборонительно-жилого комплекса. Лицевой фасад каждой постройки небольшим коридором шириной до 1,0 и длиной 1,5–2,0 м соединялся с центральным проходом шириной 1,0–1,3 м (рис. 2.5, 2.10, 2.22, 2.32, 2.43–2.44). Входы домов располагались друг напротив друга, но не на одной оси, а с некоторым смещением от нее, как и, собственно, сами постройки. Последнее, вероятно, является свидетельством их одновременного появления и, соответственно, постепенного, а не одномоментного, формирования оборонительно-жилого комплекса. По направлению его центрального прохода можно определить – с небольшой погрешностью – ось ориентировки всего сооружения: северо-запад – юго-восток. Размер внутреннего пространства по продольной оси восстанавливается в пределах не менее 18,5 метра, а по поперечной – 20 м. То есть внутреннее пространство сооружения имело практически квадратную в плане форму. Ближайшим аналогом такому сооружению, его планировке и постройкам является оборонительно-жилой комплекс одновременного ему Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 41–43, 61, 62, рис. 2.4, 2.35–2.39]. Отличия в архитектуре, безусловно, есть. Главное – это то, что Надымский городок возводился одновременно, по некоему единому плану и включал все строения населенного пункта. Различия в их размерах существуют, но не радикальные. Они обусловлены только иным количеством и размерами построек Надымского городка, включенных в комплекс. В целом у обоих комплексов можно отметить больше сходства, чем различия.

Остатков дополнительной оборонительной стены у оборонительно-жилого комплекса *Полуйского мысового городка* в пределах раскопа № 5 не выявлено. В раскоп, как говорилось выше, попала лишь центральная часть сооружения. Вероятность существования единой ограждающей конструкции следует из наличия центрального прохода между постройками № 1 и № 3 и такого же прохода, связанного с наружной каркасно-стеновой конструкцией в оборонительно-жилом комплексе Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 44–50, рис. 2.35–2.39]. Предполагать наличие каркаса в наружной стене сооружения *Пулинг-аут-вош* довольно сложно, поскольку радикально различаются строительные основы обоих памятников. Платформа для возведения Надымского городка была сформирована иным образом: из остатков более ранних строений и культурного слоя, основу которого создали искусственно, в том числе с добавлением в нее щепы. Фундаментом строений *Полуйского мысового городка* служили пески коренной террасы реки и супесчаные культурные слои, образовавшиеся в процессе периодических заселений этого места в древности.

Самая ранняя в городке постройка № 1 первоначально имела котлован глубиной до 0,7 м (рис. 2.37). Это позволяет охарактеризовать ее – на первоначальной стадии – как одиночную полуземлянку. В свою очередь, это обусловило формирование валообразной насыпи вокруг данной постройки. В окончательном варианте, после формирования всего оборонительно-жилого комплекса, его наружная стена, вероятно, представляла собой валообразную насыпь в форме пандуса, опирающегося на наружные стены построек. Такой вал мог формироваться как из грунта, извлеченного из котлована построек, так и из культурного слоя и древесных отходов строительства. Он имел теплоизоляционную и оборонительную функции.

С трех сторон оборонительно-жилой комплекс защищал крутой склон террасы. Следов его искусственной подрезки – эскарпирования – не выявлено. Валообразная насыпь по периметру сооружения, скорее всего, продолжала естественный склон и увеличивала его протяженность. Со стороны площадки мыса, даже на близких к местонахождению наружной стены участках раскопа 116, следов какого-либо оборонительного или водоотводного рва не обнаружено. Наоборот, практически вплотную к этой стене примыкала группа строений, составлявших посад городка. Такую конструкцию наружной стены оборонительно-жилого ком-

плекса нельзя охарактеризовать как мощное фортификационное сооружение. С западной и северной сторон крутой склон мыса в сочетании с насыпью стены представлял собой серьезное препятствие для противника, имевшее высоту до 15 м – от подножия до верхней площадки кровли сооружения. С восточной стороны лог был менее глубоким и пологим. С напольной стороны мыса какие-либо специальные оборонительные сооружения вообще отсутствовали. По всей видимости, нужда в серьезной защите всего поселка также отсутствовала.

Можно привести, как минимум, две причины такого «легкомыслия». Первая – сезонный характер городка. Последний, как известно, был заселен в теплое время года – с конца весны по осень. Этот период, являвшийся для оленеводов тундры главным производственным сезоном, не характерен для ведения ими военных действий, о чем свидетельствуют легенды аборигенов и русские документальные источники [Патканов, 2003. С. 94–95; Кардаш, 2009. С. 20–21, Визгалов, Кардаш, 2010. С. 65–66]. По-видимому, надежная оборона поселка волновала строителей оборонительно-жилого комплекса в меньшей степени, чем размеры и архитектура составлявших его домов. Вторая причина – это сравнительно небольшое время нахождения семьи вождя и общинной элиты в данном населенном пункте. Предположительно, только на время сбора государственного ясака и собственных «поминок» от общинников. То есть это время, когда большая часть общины находилась в окрестностях *Пулинг-аут-вош*, и можно было легко сформировать ополчение для его защиты. В свою очередь, у обдорских князев была долговременная и сильно укрепленная зимняя резиденция – *Пул-вош* – *Полуйский городок*, расположенная выше по течению реки Полуй. В-третьих, могло существовать и некое эфемерное ощущение пребывания элиты в Полуйском мысовом городке – под покровительством божеств Ангальского мыса. Наконец, нельзя исключать возможность защиты жителей городка русскими служилыми людьми из Обдорского городка и Собской (Обдорской) таможенной заставы. Дело в том, что со второй половины XVII века местный князь являлся официальным лицом, назначенным главой Русского государства для руководства Обдорской волостью и сбора в ней государственных налогов. Формально он был лоялен новой власти и реально был нужен ей.

Однако вернемся к обсуждению планировки оборонительно-жилого комплекса *Полуйского мысового городка*. Его, как мы знаем, составляли четыре постройки одного размера, расположенные почти симметрично относительно центрального прохода – своеобразной улицы. Судя по наличию центрального коридора, комплекс имел два входа-выхода. Сам коридор был нешироким (1,0–1,3 м) и имел не очень мощные ограждающие его конструкции. В этой связи назначение центрального прохода интерпретируется неоднозначно. К примеру, в Надымском городке центральную «улицу» ограждали опорные столбы диаметром 0,10–0,25 м. Стены же центрального прохода были сооружены из массивных досок, плах и бревен, хотя для этого была использована вторичная древесина [Кардаш, 2009. С. 49–50, рис. 2.32–2.34]. В отличие от этого, обнаруженные нами остатки конструкций центрального прохода *Полуйского мысового городка* свидетельствуют о том, что опорные столбы и стены коридорообразного прохода не были рассчитаны на большие нагрузки. Тем не менее такой проход был сооружен. Более того, он явно имел перекрытие и соединял входы всех четырех строений оборонительно-жилого комплекса.

Двери фасада жилищ, судя по остаткам проема в постройке № 3, были шарнирные. Ширина дверного полотна достигала 0,8 м, высота – около 1,2 м. Судя по размерам «проемообразующих» конструкций того же Надымского городка, дверные проемы в домах *Полуйского мысового городка* были вполне приемлемого размера, то есть их нельзя воспринимать как небольшие и неудобные лазы. Точно такие же размеры дверного проема зафиксированы у дома вождя Надымского городка – постройки № 8 [Кардаш, 2009. С. 57, рис. 2.84–2.87]. В этой связи можно констатировать, что центральный проход, безусловно, использовался для прохода людей – входа их в дома. Для чего была необходима такая относительно сложная коридорная система, сейчас нельзя сказать однозначно. Очевидно, она имела довольно древнее происхождение. Такой же коридор был зафиксирован при раскопках оборонительно-жилого комплекса городища Бухта Находка [Кардаш, 2011. С. 16–19, рис. 18–20]. В сочетании с жилыми домами, имевшими центральный очаг и дымоходное отверстие в кровле над ним, вентиляционная функция коридора – для обеспечения горения костра и просушки помещения – была очевидна. Вероятно, что такой коридор обеспечивал циркуляцию воздуха во всех помещениях и создавал достаточную тягу для горения в них огня вне зависимости от времени года, а также от того, открыты были наружные входы в оборонно-жилой комплекс или нет, в том числе в зимнее время.

Вопрос о конструкции кровли – как отдельных домов, так и всего сооружения, – один из самых сложных и спорных при реконструкции любых археологических построек. Наличие единого перекрытия над всем оборонительно-жилым комплексом Надымского городка до сих пор вызывает много споров среди археологов и архитекторов. Действительно, кровля большой площади, при этом с дерновым гнетом, должна была иметь надежную систему опорных конструкций, чтобы выдерживать большую нагрузку от снега, дождя и ветра. На сегодняшний день доказать или опровергнуть наличие такой кровли можно только экспериментальным путем. При этом заметим, что наши знания о примитивных технологиях древнего домостроения далеко неполны. В частности, некоторые конструктивные элементы, использовавшиеся древними строителями, не сохраняются в археологических объектах, поэтому не всегда учитываются археологами при реконструкциях. Например, торф и дерн. Сведения о торфо-дерновых домах эскимосов в научном обороте крайне скудны. Тем не менее это был один из основных материалов для сооружения перекрытий построек в условиях арктического тундрового ландшафта.

Имел ли оборонительно-жилой комплекс *Пулинг-аут-вош* единую кровлю, то есть единое перекрытое пространство над группой отдельных жилых строений? Достоверных подтверждений этому обнаружить не удалось. Почти 400 квадратных м пространства перекрыть непросто, тем более без основательной опорной конструкции. Каждая из жилых построек имела собственное перекрытие, которое, по-видимому, было плоским и закрывалось каким-то гидроизолирующим материалом, удерживаемым при помощи дернового гнета. Пространство между постройками со стороны выходов и центральной улицы было от 4,0 до 5,6 метра, а между боковыми фасадами построек – около 2,5 м. Оно имело перекрытие, опиравшееся на лицевые и боковые фасады жилых строений. Самое длинное перекрытие, располагавшееся над пространством центрального прохода, дополнительно опиралось на его ограждающие конструкции.

Таким образом, по материалам раскопок оборонительно-жилой комплекс *Полуйского мысового городка* реконструируется как сооружение, состоявшее из четырех жилых построек, симметрично расположенных относительно центрального прохода. Размер внутреннего пространства составлял ориентировочно 20×18 м, наружного – по основанию внешней стены-пандуса – около 25×23 м. Высота всего сооружения – предположительно около 2–3 м. Впрочем, она могла быть и больше: отсутствие специальных хозяйственных помещений предполагало наличие дополнительного пространства под крышами домов – для хранения запасов пищи, просушки одежды и других целей. Оборонительно-жилой комплекс представлял собой сооружение в виде низкой усеченной пирамиды. Заросшее травой, оно выглядело снаружи как вытянутая возвышенность-сопка, расположенная на краю мыса.

Пользуясь случаем, заметим, что общие принципы планиграфии и отдельные элементы подобных оборонительно-жилых комплексов с двумя рядами построек зародились в таежном Приобье еще в древности. В раннем железном веке в Сургутском Приобье, около VI–IV веков до нашей эры – III веке нашей эры, появляются городища с плотной расстановкой жилищ в два ряда (Барсов городок I/13, I/12, I/30), относящиеся к калинкинской и кулайской культурам [Борзунов, Чемякин, 2006. Рис. 6–9, 10 – 5, 6; Чемякин, 2008. С. 75, 79, рис. 60 – 8, 69 – 7, 70 – 1]. На карымском этапе обь-иртышской культурно-исторической общности (III/IV – начало VI века) окончательно формируется тип прямоугольных в плане укреплений с четкой «уличной» планировкой, симметричной расстановкой жилищ в два ряда, выходы которых направлены на «улицу» (городища Барсов городок II/6, II/9, II/10, Сороское XVII) [Чемякин, Карачаров, 1999. С. 42, рис. 14 – 9; 2002. С. 45, рис. 14 – 16; Чемякин, 2008. Рис. 90 – 1, 2, 4, 91 – 4; Зыков, 2012. С. 51–52, рис. 6 – 1, 3, 6]. Тогда же появляются первые прямоугольные городища, у которых стоящие плотным рядом жилища задней торцевой стеной пристроены к оборонительным стенам или встроены в них (Барсов городок II/9). Он же сохраняется на городищах зеленогорского (Барсов городок II/1, II/8, II/12) и кучиминского этапов (Барсов городок I/25, II/4, II/5, II/14, Сороское XXVI), датирующихся ориентировочно в интервале VI – начала X веков [Чемякин, Карачаров, 1999. С. 46, рис. 16 – 11; 2002. С. 48, 51, рис. 16 – 20; Зыков, 2012. Рис. 17 – 1, 5, 7, 37 – 1, 5–7, 39, 40]. Именно на кучиминском этапе начинают преобладать «единые жилищно-оборонительные комплексы, построенные по плану» [Зыков, 2012. С. 79]. На их квадратных или прямоугольных площадках каркасно-столбовые дома пристраивались задними торцами к срубным двух- или трехчастным оборонительным стенам. Сами жилища (числом от четырех до восьми) располагались двумя рядами, их выходы были ориентированы на улицу. В том числе известны кучиминские укрепления из четырех домов, выстроенных по квадрату (Барсов городок I/25, II/4, II/14) [Там же. С. 79–80, рис. 37 – 5, 6]. Отчасти сходная «четырёхкамерная» планировка,

но без деления на отдельные строения и улицы, зафиксирована в средневековых укрепленных жилищах (Моховая 42) [Борзунов, 1995. Рис. 1–15].

В целом же, с начала Средневековья «...этот принцип строительства жилищно-оборонительного комплекса по единому плану, – по словам А. П. Зыкова, – станет господствующим в фортификационном зодчестве Северо-Западной Сибири и будет соблюдаться вплоть до конца XVI века» [Там же. С. 52]. Судя по раскопанным нами Полуйскому мысовому и Надымскому городкам, даже позже – до начала XVIII века.

2.2.2. АРХИТЕКТУРА СТРОЕНИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНО-ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА ГОРОДКА

Некоторые характеристики, параметры и особенности построек укрепленной части поселка – места проживания вожды и его окружения – упоминались выше. Судя по раскопанным остаткам строений, все жилища были выполнены в одной архитектурной традиции и в одних параметрах. Варьируется лишь количество реконструкций: у постройки № 1 после первоначального строительства (1590–1610 гг.) зафиксированы две капитальные реконструкции, в рамках которых здание обновлялось полностью вплоть до наружных стен (рис. 2.10–2.39). Первая – около 1620–30 гг., вторая – 1660–70 гг. В промежутках между капитальными реконструкциями осуществлялись частичные ремонты (перестройки), в рамках которых надстраивались только настилы полов.

На основании зафиксированных реконструкций и ремонтов предлагаем архитектурный анализ и реконструкцию жилой постройки оборонительно-жилого комплекса изложить в целом, суммарно. Постройка № 1 была наполовину разрушена при строительстве цокольного помещения здания речного вокзала. Несмотря на это, ее сохранившаяся часть вскрыта полностью (рис. 2.10, 2.22, 2.32). Постройка № 3 таким же образом разрушена на четверть. Еще четверть постройки осталась за пределами раскопа и не была изучена (рис. 2.10, 2.22, 2.32, 2.40–2.47). Угол постройки № 4 был расчищен и снова законсервирован. Дело в том, что он представлял лишь небольшую часть строения, уходящего в стенку раскопа (рис. 2.3, 2.4). Постройка № 5, очевидно, располагавшаяся в северном углу оборонительно-жилого комплекса, не исследовалась вообще, с тем чтобы сохранить ее для полного изучения в будущем.

Жилой дом оборонительно-жилого комплекса городка реконструируется по остаткам построек № 1 и № 3. Это было строение каркасно-столбовой конструкции, представлявшее собой своеобразный «квартал» в пределах всего комплекса. Ориентация последнего была установлена по оси центрального прохода, направленной с северо-запада на юго-восток. Все жилые строения – с небольшими отклонениями – ориентировались по этой оси, различалось лишь направление их выходов. У двух домов фасадные выходы были направлены на юго-запад, а у двух других – на северо-восток.

Дом размещался в котловане, предварительно выкопанном на предполагаемом месте строительства. Размеры котлована незначительно отличались от размеров строения, поскольку внешняя часть основания наружных стен фиксировалась непосредственно от стены котлована (рис. 2.10, 2.22, 2.32). Глубина котлована составляла 0,5–0,7 м (рис. 2.37).

Наружные стены формировались из вертикально установленных плах или досок толщиной не более 8 см, шириной от 10 до 30 см. В одном случае, в середине XVII века, для сооружения наружных стен были использованы доски бортового набора судна типа барки, прошитые парными нагелями (рис. 2.27–2.31). Было очевидно, что каждый котлован выкапывался для инженерной подготовки площадки строительства, а его глубина была связана или соответствовала высоте строения, то есть должна была обеспечить соответствующую жесткость фиксации основания стенового набора. Внутренняя сторона основания наружных стен фиксировалась за счет горизонтально уложенного бруса. Сечение бруса варьировалось от 10×10 до 12×20 см. На дне котлована брус фиксировался вертикальными столбами сечением 8–12 см. Столбы располагались на разном удалении друг от друга. Этот промежуток не был жестко регламентирован и составлял от 1,2 до 1,8 метра. Эти бревна-брусья и составляли основу наружной столбовой конструкции строения. Каждая стена формировалась индивидуально. В угловых сопряжениях стен столбы отсутствовали. Стены смыкались непосредственно крайними досками или плахами (рис. 2.23, 2.26, 2.28, 2.33). Верхние концы плах стенового набора закреплялись, предположительно, за счет продольных жердей либо бревен с продольным пазом, укрепленных в верхней части столбов стенового каркаса. В любом случае верхние края наружных стен кре-

пились, в том числе, за счет элементов конструкции всего пространства жилого помещения. Внутреннюю планировку последнего составляли два помещения – центральное и галерея по его периметру, разделенные еще одной стеновой конструкцией (рис. 2.10, 2.19, 2.22, 2.32, 2.24).

Центральное помещение имело размеры 5×5 м. В разные периоды его стены были составлены из 10 или 12 вертикально вкопанных столбов прямоугольного сечения: четырех в лицевом фасаде, трех или четырех – в каждой стене (рис. 2.10, 2.19, 2.22, 2.32, 2.24). Столбы имели продольные пазы, которые фиксировали горизонтально уложенные доски стен. Это соответствует известной технологии *заплатного* строительства стены. В лицевом фасаде два столба формировали проходной проем в центральное помещение и не имели продольных пазов. Дверь отсутствовала, ширина проема составляла 1,4–1,5 м. Пол помещения был тщательно выстлан досками, уложенными на лагах параллельно боковым фасадам. Поверх настила пола находились спальные места. Причем в постройке № 1, судя по обнаруженным в ней остаткам выстилки из сушеной травы и травяных циновок, такие места были зафиксированы на каждом уровне. Между разными уровнями нар находились вышедшие из употребления предметы, вероятно, попавшие туда в период очередного ремонта или перестройки дома.

Открытый очаг размещался в центре помещения и был окантован деревянной рамой из бруса (рис. 2.36, 2.47). Размеры очага варьируются в небольших пределах. При этом, если ширина его относительно стабильна – 1,2–1,3 м, поскольку она была связана с шириной входового проема в помещение, то длина могла варьироваться от 1,7 до 2,3 м. Рама была изготовлена из толстых брусьев и заполнялась слоем супеси или суглинка. Следы сопряжения рамы, а также надочажной конструкции отсутствуют, что позволяет определить ее как пространственную. Такая форма восстанавливается по этнографическим данным. В том числе, по элементам интерьера домов Е. Н. Тайшиной в поселке Горноknязевск и А. М. Тырлина в поселке Хошгорт Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Первый из них принадлежал роду Обдорских князей Тайшиных и был построен в начале XIX века. Время сооружения второго определено в пределах XVIII – начала XIX века [Кардаш, А-2003. С. 47–49, рис. 43–47, г.п. 7, 8, 1; Кардаш, А-2010. С. 41–46, рис. 24–26, 51, 52, 182: л. 7, л. 8, л. 11].

Основой **надочажной конструкции** служили парные жерди, размещенные над очагом параллельно боковым стенам дома на ширину очажной рамы. Такая конструкция имела три уровня. Нижний опирался на заднюю стену постройки и две стойки у очажной рамы, два верхних – в стены лицевого и заднего фасадов здания, так же как в доме Тайшиных начала XIX века в пос. Горноknязевск (рис. 1.37–1.38). По-видимому, такие конструкции были широко распространены в низовьях Оби и на соседних территориях арктического побережья. Аналогична и верхняя пространственная конструкция очага в чуме аборигенов. Она отличалась только тем, что продольные горизонтальные жерди-вешала в ней имеют только один уровень и крепятся к наклонному каркасу чума [Историко-этнографический Атлас Сибири, 1961. С. 140–142; табл. VI – 11]. На основании приведенных данных можно достаточно достоверно воссоздать надочажную конструкцию исследованных нами домов. Она была трехуровневой. Концы ее жердей закреплялись в стенах лицевого и заднего фасадов центрального помещения. Котел для приготовления жидкой пищи подвешивался над костром на деревянном крюке – тагане. Последний имел вид вытянутого бруска, с цепочкой отверстий и крюком. В отверстия пронизывали тонкую палку, которая концами опиралась на параллельные жерди над очагом. Вешала, расположенные над очагом, использовались также для приготовления пищи (копчение рыбы, мяса) и других целей (сушки шкур, одежды). Жерди над очагом вряд ли могли удовлетворить все бытовые и хозяйственные нужды обитателей жилища. Вероятно, за пределами очажной зоны, в периферийных частях помещения, также существовала система жердей-вешал, расположенных на разных уровнях и закрепленных в стеновых конструкциях.

Галерея, образованная наружными стенами и внешним периметром стен центрального помещения, имела ширину 1,5 м. Пространство галереи обеспечивало круговой обход вокруг центрального помещения. Практически на всем пространстве пол галереи был выстлан досками или тонкими жердями. Доски пола располагались преимущественно перпендикулярно наружным стенам (рис. 2.24–2.26, 2.31, 2.45). На некоторых открытых уровнях и на отдельных участках это правило иногда нарушалось. В этих местах поверх дощатого

пола небольшие участки галереи были выстланы травой или травяными циновками, сплетенными из пучков травы. Этот факт позволяет предположить, что некоторые участки галереи имели жилое назначение. Вместе с тем однозначно ответить на вопрос нельзя. Как невозможно установить, везде ли пространство галереи было отделено от центрального помещения стеной, и не существовала ли возможность демонтажа заплотной стены, к примеру, в холодный период года.

Кроме того, пол (или настил пола) галереи не являлся остатками нар, расположенных по периметру центрального помещения. Равно как центральное помещение и его пол не были неким пространством вокруг очага. Уровень пола в галерее и центральном помещении был одинаков. Например, в упомянутом доме Е. Н. Тайшиной весь пол и спальные места в помещении имели один уровень со всем окружающим пространством. Иными словами, пол в помещении имел один уровень, а на нем в специально отведенной зоне формировались спальные места.

Вход в каждую постройку располагался в центральной части ее лицевого фасада, обращенного к центральному проходу. В целом входная конструкция у домов на всех этапах их функционирования была схожей. Имеются лишь небольшие отличия конструктивных элементов у построек № 1 и № 3, которые мы отметим при характеристике проемообразующей конструкции (рис. 2.16, 2.17, 2.43, 2.44). В основании последней лежало массивное бревно (фундамент). В него врезались вертикальные стойки-косяки, а также примыкавшие к ним доски стены лицевого фасада. Форма фундамента – двух вариантов. Первый вариант (постройка № 3): цилиндрическое бревно длиной 1,8 м и диаметром 0,35 м, с продольной выборкой (0,9 м) в центре – для полотна, и чашей в ней – для шарнира двери. По обе стороны продольной выборки в одной плоскости вырезаны две плоские квадратные площадки, предназначенные для боковых стоек – элементов проема. За ними вырезаны два поперечных паза – для кольев, фиксирующих фундамент с внутренней стороны помещения. От площадок фиксации боковых элементов проема в обе стороны выбрано еще два продольных паза длиной 25 см, предназначенных для фиксации крайних досок лицевого фасада (рис. 2.43, 2.44). Второй вариант (постройка № 1) отличается от первого большей длиной – около 2,4 м, форма – цилиндрическая в средней части и уплощенная до прямоугольного сечения к торцам, а также наличие парных поперечных пазов для кольев, фиксирующих фундамент в грунте. Этот вариант был выявлен у постройки № 1 на последнем этапе ее функционирования, относящемся к концу XVII – началу XVIII века.

Такой же вариант основания по форме и размерам аналогичен фундаменту проемообразующей конструкции конца XVII века (около 1690 года) у постройки № 8 – дома вождя Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 57, рис. 2.84–2.86]. Сходство вряд ли случайно. Что это – хронологический признак или «визитная карточка» зодчего, сказать сложно. Можем лишь отметить факт хронологических различий, поскольку первый вариант фундамента постройки № 3 соотносится с нижним уровнем постройки № 3, возведение которой относится к первой трети XVII века. Чаша под дверной шарнир находилась с правой стороны от входа, что говорит о направлении открывания двери – направо внутрь помещения. Ширина дверного полотна и проема определяются точно по размерам пазов в фундаменте порога и остаткам вертикальных стоек. Высота же рассчитывается приблизительно – по соотношению 1:1,5, которое зафиксировано по дверным полотнам, обнаруженным при раскопках Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 53, 57, рис. 2.73]. Размер дверного полотна построек оборонительно-жилого комплекса *Полуйского мысового городка* восстанавливается в пределах 0,9×1,4 м. Размеры дверного проема – в пределах 0,7×1,1 м.

К вертикальным стойкам проема монтировалась поперечная перекладина – вершник, в котором находилось верхнее крепление шарнира двери. На него же опиралась доска, или плаха, закрывающая верхнее пространство над дверным проемом. Сразу после входной двери с обеих сторон начинались коридоры галереи, а прямо находился проем, открывающий пространство центрального помещения. Пол в галерее был выстлан досками, уложенными перпендикулярно линии стены. Это помещение выполняло теплоизоляционную функцию и использовалось для хранения продуктов питания, одежды и утвари.

К входу с улицы вел небольшой крытый коридор длиной 2,0–1,5 м. Пол коридора был выстлан досками, уложенными параллельно фасаду дома. Справа и слева стены коридора были образованы вертикально установленными досками и жердями. Их нижние концы были вкопаны в грунт. По всей видимости, эти стены служили некой опалубкой, сдерживающей осыпание обваловки наружного периметра строения. Высота коридора восстанавливается гипотетически. Судя по всему, она могла быть равна высоте конструкции входа

либо фасада. Однозначно нельзя сказать, обеспечивало или нет высокое пространство коридора необходимую теплоизоляцию и вентиляцию пространства дома. Скорее всего, в вертикальные конструкции входа монтировались жерди – балки. На них опирались средние части или верхние концы стен коридора, а также, вероятно, его потолок. Очевидно, именно эти балки определяли относительно строгую сонаправленность фасадных входов строений оборонительно-жилого комплекса. На угловых сопряжениях стен центрального прохода и коридоров такие балки дополнительно поддерживались вертикальными стойками (столбами). Таким образом, высота коридоров, жилых построек и центрального прохода, вероятно, была одинаковой. Она составляла либо 1,5–1,7 м, что, на наш взгляд, наиболее вероятно, либо около 2,0–2,5 м, в соответствии с неким уровнем реконструируемой плоской кровли.

Кровля, предположительно, была плоская. В первую очередь, потому что среди вторично использованных деревянных элементов не обнаружено каких-либо деталей, даже наиболее архаичного типа крыши самцово-слеговой конструкции. Во-вторых, с нашей точки зрения, плоскую кровлю можно определить как широко распространенную форму перекрытия практически для всего традиционного домостроения на арктическом побережье Евразии. Как мы уже отмечали, реконструкция перекрытия – одна из наиболее сложных задач. В нашем случае ни одна из построек полностью не сохранилась, и сложно рассчитать вертикальные конструкции. К тому же особенности традиционного домостроения, не имевшего строгих архитектурных принципов и широко использовавшего принцип принятия конструктивного решения «по месту», допускало некоторую вариативность. В этой связи наша реконструкция кровли – это попытка отыскать на основе имеющихся данных некий усредненный принцип, по которому формировалась кровля.

Плоское перекрытие, очевидно, опиралось на балки. В качестве них, скорее всего, использовали бревно диаметром около 10–15 см. Последние крепились на системе вертикальных столбов фасадного входа и центрального помещения, а также могли врезаться в наружные стены. По-видимому, основные несущие балки располагались параллельно боковым стенам. Две центральные опирались концами на стойки входной конструкции, заплотной стены центрального помещения и на плахи (доски) задней наружной стены. Следующие балки должны были опираться на столбы заплотной стены и плахи (доски) наружных стен. Следующая балка должна была находиться поверх торца боковых наружных стен. Следовательно, такая балка могла иметь форму бревна с продольным пазом, в котором фиксировались верхние концы вертикально установленных плах (досок) боковых стен. В таком случае формировались пролеты шириной 1, 1,5 и 2 м, что представляется вполне приемлемым для настила кровли. Единственная проблема: не имевший вертикальных опор слишком большой (5,0 м) пролет двух центральных балок над центральным помещением. Вполне вероятно, что пролет такой ширины мог поддерживаться поперечными балками, закрепленными концами в заплотных стенах постройки. Также не исключено, что здесь могли использоваться консоли, опиравшиеся на столбы стен центрального помещения. Плоскую кровлю набирали, скорее всего, из досок или жердей. В качестве гидроизоляционной прослойки использовались сшитые полотна бересты, наподобие *нюков* берестяного чума. В качестве дополнительного утеплителя, возможно, выступал слой специально уложенной щепы. В качестве гнета, удерживающего эти слои, применялся дерн.

Этнографические материалы позволяют установить высоту помещения от пола до потолка (рис. 1.33–1.39). Расстояние от пола до уровня верхнего третьего вешала в доме Е. Н. Тайшиной составляет 3,2 м. В доме А. М. Тырлина оно равно 2,5 м. Над уровнем третьего вешала должно было быть свободное пространство. В доме Е. Н. Тайшиной последнее составляет 0,5 м, в доме А. М. Тырлина – 1,5 м. На основании этого можно определить и обосновать минимальную высоту потолка в помещениях оборонительно-жилого комплекса *Полуйского мысового городка*. Оно было не менее трех и не более четырех метров.

В кровле, над очагом, оборудовалось специальное отверстие для выхода дыма, обычно закрывавшееся на ночь. Размер его определить сложно. Тем не менее стоит рассмотреть эту проблему подробнее, с использованием этнологических и археологических данных и на общем фоне развития древних и средневековых жилых построек севера Западной Сибири.

Такой тип жилища, как землянка или полуземлянка с обваловкой-завалинкой из грунта, извлеченного из ям, канав или небольших углублений, расположенных непосредственно вокруг построек, является одним из самых распространенных на севере и в центре таежного Приобья. Он имеет множество модификаций и развивается поступательно от эпохи камня до современности. Наиболее ранние формы таких углубленных

жилищ, датирующиеся от нового каменного века (неолита) до конца раннего железного века, по данным специалистов, характеризуются «постепенным выходом жилищ на поверхность». Иными словами, уменьшением глубины их котлована, составляющего часть помещения, и увеличением высоты наземной конструкции, сооруженной из круглых и колотых бревен, кольев, жердей и других материалов [Плетнева, 1994. С. 182–184; Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993; Борзунов, 2011; 2012. С. 8, рис. 2].

Строительство большинства из них, за исключением мощных и большей площади укрепленных домов бронзового века и Средневековья [Борзунов, 1997; 1999; Борзунов и др., 2010; 2011], а также их предшествующих форм эпохи неолита [Косинская, 2004; 2006; Поселение *Быстрый Кульёган* бб..., 2006], не требовало слишком больших трудозатрат по сравнению с современными домами. Но все же, в каждую эпоху предполагало наличие специальных орудий, как минимум, топоров и тесел, изготовленных, соответственно, из основного, самого твердого материала – камня, меди, бронзы и железа. Не говоря уже о костяных, роговых или деревянных «мотыгах», применявшихся для сооружения котлованов в песчаных, супесчаных и иных грунтах севера Западной Сибири.

Кровля самых ранних углубленных жилищ (землянки неолита – энеолита) одновременно являлась их единственной наземной частью. Она обычно реконструируется как четырехскатная, усеченно-пирамидальной формы. Ее основание опиралось непосредственно на грунт за пределами глубокого (0,6–1,8 м) котлована, и было присыпано грунтом. От основания деревянной опалубки котлована, по его периметру, сохранились узкие канавки. Каркас кровли сооружался из тонких бревен, опиравшихся на столбы и колья, установленные по углам и вокруг очага центральной части котлована. Сама кровля набиралась из жердей, покрывалась корой, полотнищами бересты, мхом, пластами грунта, дерна и лесной подстилкой. Высота такой конструкции над полом помещения, очевидно, не превышала двух м, а над окружающей поверхностью была около одного метра. В центре кровли, по-видимому, сооружалось дымоходное отверстие, расположенное над очагом, закрывавшееся на ночь полотнищами бересты. Оно же иногда использовалось для освещения помещения. У основания одного из скатов перекрытия – по центру или рядом с углом – оставлялось второе отверстие. К нему пристраивался короткий крытый коридорообразный вход в жилище. О размещении его свидетельствует наличие в этом месте характерного углубленного выступа, примыкающего к границам котлована. В помещении жилища можно было спуститься, очевидно, по приставной или стационарной лестнице. В центре помещения находился очаг. Он располагался на специальном подквадратном песчаном подиуме, по-видимому, оконтуренном деревянной рамой. Вдоль стен предполагаются нары, сооруженные из бревен и жердей. Пол помещения ровный, горизонтальный, обычно покрывался охрой и деревом [Борзунов, 2011. С. 176–177 и сл.; 2012. С. 8–9, рис. 2].

В углубленных постройках бронзового века наземная часть была выше, а котлован мельче – около 0,4–0,5 м. Эта конструкция предполагала наличие наклонных стен, а также двускатного либо плоского перекрытия. Светодымовое отверстие и короткий коридорообразный вход у них также сохранялись. Снаружи такая постройка, покрытая дерном и лесной подстилкой, все еще напоминала высокий холм. Тем не менее, по-видимому, уже в это время начали появляться дома с более высокими, слегка наклонными стенами и углубленными полами-котлованами, занимавшими большую часть помещения. Места отдыха, хранения глиняной посуды и некоторых других вещей – деревянные или деревоземляные нары – находились у стенок котлована или чаще всего – на его краях, дополнительно покрытых грунтом, жердями, возможно, лапником, травой и шкурами животных. От некоторых таких лежанок сохранились сгоревшие деревянные конструкции. Очаги в помещениях разнообразные и полифункциональные: углубленные и наземные, предназначенные для обогрева и освещения помещения, приготовления пищи, а также различных хозяйственно-производственных нужд, включая расплавку цветного металла перед отливкой изделий. Здесь же оборудовались специальные хозяйственные ямы. Жилища, как правило, каркасно-столбовой конструкции, сооружались из бревен, жердей и других строительных материалов. В основании были укреплены невысокими (0,5–1,0 м) песчаными завалинками, предназначенными для утепления помещения жилищ. Остатки таких объектов на поверхности выглядели как очень большие (от 100 до 750 кв. м) либо малых и средних размеров (35–60 кв. м) прямоугольные впадины, окруженные валообразными насыпями, а также канавами и ямами-карьерами для забора грунта.

В конце эпохи бронзы и раннем железном веке преобладали жилые сооружения с неуглубленным или слегка углубленным полом. Выходы у остатков таких построек в рельефе, как правило, не прослеживаются.

Площади построек варьировались от маленьких до очень больших: от 15–20 до 600 кв. м (для укрепленных жилищ) [Очерки культурогенеза..., 1994а. С. 93–103, 118–130, 176–202, 275–296; Плетнева, 1994; 1997; 1999; Чемякин, 2008. С. 37, 43–44, 49–50, 54–55; Борзунов и др., 2010; 2011].

С раннего железного века в таежном Приобье начинают сооружаться дома с вертикальными стенами. В эпоху Средневековья они уже доминировали. Сами постройки были полуземляночные и наземные, разной конструкции – каркасно-столбовой, переходной (столбы и бревенчатые стены) и только с самонесущими бревенчатыми стенами, в том числе срубными. Крышу таких домов реконструируют как двухскатную самцово-слеговой конструкции, плоскую и даже четырехскатную [Плетнева, 1994. С. 195–196; Морозов, 1994. С. 18–19; Морозов, Чемякин, 1997. С. 45–46, рис. 17; Чемякин, 2008. С. 75–76, 80–81, рис. 50 – 1; Борзунов, Чемякин, 2012. С. 173; Зыков, 2012. Рис. 19, 20, 39]. В целом же развитие жилищ и хозяйственных построек лесной зоны Западной Сибири от Средневековья до современности хорошо известно [Очерки культурогенеза..., 1984а. С. 362–373, 391–399, 415–418, 454–463; 1984б; Зыков, 2012. С. 50–53, 65–66, 72, 80–81, 94–95, 110]. Равно как описание путешественниками и этнографами традиционных жилищ аборигенов таежного Приобья [Патканов, 2003; Шатилов, 1931; Соколова, 1957; 1959; 1960; 1998; Кулемзин, Лукина, 1977; Очерки культурогенеза..., 1984б. С. 10–20, 26–31, 34–82 и сл.].

Возвращаясь к основной теме нашего повествования, подчеркнем, что в жилищах аборигенов севера Западной Сибири – далеких предков ханты, манси, ненцев и других народов – для удаления дыма из помещения в кровле или крыше всегда оставались одно, реже – два специально оборудованных отверстия. Они же могли использоваться и для временного освещения помещения – как примитивные окна. Вместе с тем, удаление дыма без обеспечения надежной циркуляции воздуха было весьма проблематично. Поэтому в таких жилищах обязательно существовали фасадные входы. В рельефе их остатки сейчас выражены в виде выступов у одного или двух краев котлована и разрывов в расплывшейся обваловке-завалинке. То есть в древних и средневековых жилищах Западной Сибири – землянках, полуземлянках и даже наземных домах – археологически фиксируется, как минимум, один проем-вход в жилое помещение и логически предполагается второй – светодымовой проем в кровле (крыше).

Этнографические данные, в частности, описания жилых домов аборигенов Камчатки, сделанные в середине XVIII века С. П. Крашенинниковым, содержат описания подобных построек [Крашенинников, 1755. С. 25–31]. Они позволяют восстановить утраченные важные архитектурные детали древних домов, в частности кровли. «На столбы кладут толстые перекладыны, а на них потолок накатывают, оставя почти на середине четверугольное отверстие, которое и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы служит» [Крашенинников, 1755. С. 25]. Примечательна характеристика значения и особенностей использования этого проема: «Входят в юрты по лестницам-стремлянкам, под которыми обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривычному трудно входить и выходить из юрты: ибо и лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя, и проходя сквозь дым должно переводить дух, чтоб не задохнуться. Но камчадалам то не препятствует: ибо они по своим лестницам, на которых ступенях токмо носками становиться можно, так как белки наверх взбегают; и бабы с малыми ребятами за плечьями сквозь дым ходить не опасаются, несмотря на то, что оне и коекчучи имеют позволение входить и выходить чрез другое отверстие, которое просто жупаном называется» [Крашенинников, 1755. С. 27–28]. Из этого описания следует, что центральным входом в дом как раз считался этот проем над очагом, а второстепенным – небольшой проход в одном из фасадов, через который входят только женщины и дети. «Впротчем есть ли мущина пойдет жупаном, тот час притчину подаст над собою смеяться: ибо сие у них столь странное дело, что казаков, которые при первом случае не обыкнув ходить сквозь дым, выходили жупаном, почитали они всех коекчучами» [Крашенинников, 1755. С. 27–28].

Основываясь на приведенных выше данных, логично предположить наличие значительного по размерам отверстия в кровле над очагами в домах оборонительно-жилого комплекса. Совершенно очевидна третья, после дымоудаления и прохода, функция такого отверстия – это световое окно. Был ли данный проем главным входом в помещение так, как это описано у камчадалов? На наш взгляд, нет. Наличие относительно большой шарнирной двери и сложной проеомобразующей конструкции в фасадном входе не позволяет рассматривать его как чисто вентиляционный проем, по которому могли перемещаться только женщины и дети. Судя по материалам раскопок традиционных жилищ аборигенного населения Нижней Оби, в частности домов Войкарского городка и городища Бухта Находка XIII–XIV веков, фасадные входы не имели никаких дверных конструкций [Федорова, А-2006. С. 24–26, рис. 21–26, Кардаш, 2010. С. 16–21]. Рассматривая дома

оборонительно-жилого комплекса *Полуйского мысового городка*, мы фиксируем определенную стадию развития традиционного домостроения и культуры, когда фасадный проем становится основным входом в помещение. Впрочем, таковым он был в Среднем Приобье еще в эпоху средневековья. В *Полуйском мысовом городке* он был снабжен шарнирной дверью и соответствующими ей конструкциями, по-видимому, заимствованными из русской архитектуры. Это может быть следствием относительно длительных и непосредственных контактов с населением, использующим русские домостроительные традиции. В первую очередь, можно предполагать влияние населения территории Северо-Восточной Европы Московского государства и первых русских городов Северо-Западной Сибири.

Хронология строений оборонительно-жилого комплекса определялась специалистами, прежде всего, на основе датировки образцов древесины, взятых из конструкций данных строений. Дополнительные материалы для установления относительного возраста объектов городка предоставили довольно частые случаи использования в качестве строительного материала вторичной древесины. В частности, на некоторых конструктивных элементах были выявлены всевозможные пазы, выборки, затесы, наличие которых функционально не обосновано. Совершенно очевидно, что они появились здесь еще до того, как они превратились в материал для строительства жилища.

Вместе с тем был и ряд негативных обстоятельств, связанных со вторичным использованием древесины. Дело в том, что при сооружении и перестройках домов *Полуйского мысового городка* очень часто в ход шли разобранные части речных и морских судов, в том числе русских дощаников, барок, реже – кочей. Так, во время одной кардинальной реконструкции постройка № 1 была практически полностью сооружена из прошитых парными нагелями досок бортового набора речного судна – дощаника или барки (рис. 2.27–2.31). Однако проблема заключается в том, что точный возраст этого дерева пока установить невозможно по причине неопределенности места постройки самого судна.

Тем не менее, используя стратиграфическое соотношение уровней стен строений, слоев настилов пола и данных дендрохронологии, нам удалось установить относительную хронологию строительства данного комплекса и его основных перестроек.

У жилища № 1 фиксируется два основных этапа полной реконструкции (1620–30 гг. и 1660–70 гг.). К ним мы относим время полной перестройки строения, сопровождавшейся демонтажем всех конструкций, включая наружный периметр стен. Следует отметить особенность демонтажа стен. Стеновые конструкции не извлекались из грунта, а просто срубались в основании, на уровне поверхности. Это происходило не только потому, что основания стен вмерзали в грунт, а основание новой стены практически укладывалось в новую канавку, опираясь на остатки прежней стеновой конструкции. Такой же способ демонтажа неоднократно был зафиксирован при исследованиях построек Надымского городка. Хотя его стены были сооружены из вертикально установленных досок или плах, впоследствии также вмерзших «намертво» в грунт [Кардаш, 2009. С. 53, рис. 2.59, 2.74, 2.75]. Такова, очевидно, была строительная традиция, предусматривавшая рациональные трудозатраты и максимальную экономию времени при ремонте дома. Тем более что в условиях Крайнего Севера извлечение дерева из замерзшего грунта требовало больших и долгих усилий. В этом мы убедились на практике, в процессе раскопок обоих городков.

Периодов реконструкции постройки № 1 зафиксировано два. Постройка № 3 не реконструировалась вообще. Напомним, что постройка № 4 нами не исследовалась, а у четвертой обнаружен только угол.

Время строительства постройки № 1, судя по результатам дендрохронологического анализа, определено в интервале 1590–1610 годов [прил. 4.4]. Первая реконструкция происходила в 20–30-е годы XVII века, во время княжения Мамрука Васильева (1601 – около 1635? года), лояльного власти Московского царства и дважды получавшего жалованные грамоты на княжение. Можно предположить, что отдаленным отголоском этой лояльности и, как следствие, более тесных контактов является строительство нового дома из древесины русского судна (дощаника?). Второй и последний этап реконструкции приходится на 60–70-е годы XVII века: на время княжения (1663–1690-е? годы) Гынды Моликова, также проявившего лояльность Московскому государству, получившему от царя в 1679 году жалованную грамоту и небывалую поддержку. Не исключено, что следствием именно этого стала новая реконструкция городка.

Постройка № 3 была возведена около 1620–1630 годов и функционировала – без реконструкций и значительных ремонтов – до окончания времени существования сооружения, то есть до начала XVIII века.

Когда прекратил свое функционирование весь оборонительно-жилой комплекс и городок в целом, сказать сложно. Для примера приведем исследованный нами в 2003 году жилой дом Тайшиных в поселке Горнокнязевск. Он, вероятно, сохранил элементы первоначального строительства 70-х годов XVIII века, претерпел радикальную реконструкцию спустя почти 50 лет – в 20-е годы XIX века, и без серьезных ремонтов стоит до сих пор. То есть ему без малого почти 200 лет [Кардаш, А-2003. С. 42–48, 54–55, прил. 3]. Определенной закономерности в реконструкциях жилых домов не выявлено и при раскопках строений оборонительно-жилого комплекса Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 50–52]. Однозначным является факт, что древесины, срубленной позднее 90-х годов XVII в., в числе взятых нами образцов не обнаружено. Если учесть, что к 70-м годам XVIII века у княжеского рода Тайшиных – под влиянием русского зодчества и быта – поменялись строительные традиции в отношении основного объема жилого строения, логично предположить, что такая новация должна была появиться и войти в сознание и культуру на некоем промежуточном этапе, примерно в конце первой трети XVIII века.

Время функционирования всего *Полуйского мысового городка* можно попытаться вычислить, опираясь не только на дендрохронологические данные, но и анализируя известную историю княжеского рода Тайшиных. Тем более что именно в этот период, в первой трети XVIII века, происходили довольно значимые события в истории региона. В том числе: крещение обдорских князей Тайшиных, получение ими жалованных государственных грамот, а также неудачная попытка крещения обдорских остяков Фелоем Лещинским. Последняя, кстати, могла произойти именно у этого летнего хантыйского городка, расположенного близ реки Оби и важнейшего языческого святилища на Ангальском мысу.

Более того, огромные перемены происходили и во всем государстве, вступившем в эпоху Петровских реформ. Они, как мы знаем, затронули все стороны жизни населения новой Российской империи, в первую очередь, знати, дворянства и в целом служилого сословия, и не только русского.

Думается, что проживание в архаичном земляном жилище, отправление языческих обрядов и общий «первобытный» образ жизни крещеного Обдорского князя, происходивший на глазах русского гарнизона, среди строений Обдорского острога, поставленного в 1731 году, а также на виду у простых общинников – ясачных людей, вызывали ощущение низкого престижа подобного существования. Это, безусловно, могло послужить главной причиной для практически полного отречения княжеской семьи от прежней архитектуры и традиционного быта. Представляется, что именно крещение Тайши Гындина в русском городе Березове в 1714 году могло стать поводом для начала радикальных изменений в княжеском сознании и, соответственно, повлечь изменения в бытовой культуре. Безусловно, коренившаяся в семье *нехристианская* идеология оказывала решающее влияние на сохранение у князя и его окружения пережитков традиционного быта и верований. Тем не менее общее воздействие доминирующей в России русской *христианской* культуры, включающее впечатление от новых домостроительных традиций, быта, костюма, сформировали у верхушки аборигенного общества желание соответствовать в какой-то степени традициям государства, даровавшего Тайшину широкие властные полномочия и оказавшего всестороннюю поддержку.

В этой связи в качестве наиболее вероятного периода прекращения функционирования оборонительно-жилого комплекса *Пулинг-аут-вош* мы можем определить 20-е годы XVIII века.

В результате анализа архитектуры строений оборонительно-жилого комплекса *Полуйского мысового городка* и используемой археологами терминологии при описании средневековых построек у нас появилось сомнение в правильности применения термина «*каркасно-столбовая конструкция*» в отношении раскопанных нами жилищ. Столбы каркаса наружного периметра здания нельзя считать единственной опорой, способной удерживать перекрытие. Последнее в большей степени опиралось на заплотные стены дома. По этой причине, на наш взгляд, общую конструкцию такого сооружения неправомерно называть «каркасной». Вместе с тем столбы по периметру центрального помещения, формировавшие заплотную стену, имели намного большее сечение и могли нести значительную нагрузку. Тем не менее и они формировали стеновую конструкцию центрального помещения. Очевидно, что дополнительная массивность стеновых конструкций центрального помещения была связана с необходимостью монтажа надочажной конструкции в стенах и столбах центрального помещения.

В качестве итога, повторюсь: использование термина «каркасно-столбовая конструкция», который часто применяется в археологии, не совсем корректно для строений такого типа. Возможно, для них следует ввести определение «*каркасно-стенная конструкция*», которое бы подчеркивало важную несущую функцию стен строения, сформированных с использованием собственного каркаса.

Заметим также, что наша позиция близка известной классификации, принятой этнографами Н. В. Лукиной и П. Е. Бардиной для характеристики построек коренных народов Западной Сибири, согласно которой эти постройки делятся *по несущей системе конструкции и форме основной части*. По первому признаку были выделены три группы сооружений: 1 – каркасные, 2 – смешанные, комбинированные (сочетание признаков первой и второй групп), 3 – с самонесущими стенами, или самонесущие. По внешней форме постройки различаются так: 1 – сводчатые, 2 – цилиндрические (с вертикальной осью), 3 – конические, 4 – из скатов, 5 – пирамидальные, 6 – призматические. При этом пирамидальные постройки известны в виде усеченной или полной пирамиды, а призматической формы представлены четырехгранной и многогранной [Очерки культурогенеза..., 1994б. С. 32]. Эти типы построек являются основными, ключевыми для Западной Сибири, хотя и не отражают всего их многообразия. Традиционные поселки построек хантов, по заключению данных исследователей, представлены всеми этими типами, а также множеством вариантов, видов и разновидностей. Все они приведены и детально рассмотрены [Там же. С. 34–35 и сл.]. Раскопанные нами объекты *Полуйского мысового городка* относятся к типу 2.6.2: постройка со столбовым каркасом и самонесущими стенами в форме прямоугольной призмы.

В целом же, архитектура построек оборонительно-жилого комплекса *Полуйского мысового городка* имеет массу архаичных черт. Как мы убедились, они имеют определенные параллели и аналоги не только в археологических материалах средневековых жилищ, но и в объектах предшествующих периодов и эпох, начиная от раннего неолита. Помимо представленных ранее примеров, можно привести результаты раскопок жилищ ранне-неолитического городища Каюково 2 [Ивасько, 2002. С. 7–25]. К примеру, постройка № 3 этого памятника, датированная по радиоуглеродному методу концом V тысячелетия до нашей эры¹, имела углубленный на 0,6 м в грунт котлован. Ее стены были сооружены из вертикально установленных плах или досок, основания которых были вертикально вкопаны (на глубину 0,2 м) по периметру жилого помещения [Ивасько, 2002. С. 23, рис. 9].

Охарактеризованный выше технологический прием формирования стен жилищ *Полуйского мысового городка* следует признать архаичным. Население, сохранившее и использовавшее такую технологию, было убежденным хранителем традиций древнего домостроительства. В свою очередь, это обстоятельство лишь один раз подчеркивает прямую связь этого населения с исконными автохтонными жителями региона. Кроме того, вероятно, именно это обстоятельство в некоторой степени и определяло историческое право носителей подобных домостроительных традиций на властные функции общинных вождей.

Косвенно на это же указывают размеры построек. Для примера можно провести этнографическую параллель. Сравним княжеские дома Тайшиных в поселке Горнокнязевск и жилища местного рядового населения, принадлежавшие осякам родов Куибиных и Салендер, служивших до начала XX века пастухами княжеских оленьих стад. Дом Тайшиных в плане квадратный, размерами 6,5×6,5 м, высотой – от уровня земли до конька – 4,1 м. Дом Куибиных имеет размеры 3,1×3,5×2,3 м, а Салендеров – 3,5×3,7×2,7 м. Мы видим, что княжеские дома практически в два раза больше по параметрам и почти в четыре раза – по площади. Большой размер дома вождя, очевидно, определялся не только составом семьи, но и использовался его использование для общественных и ритуальных функций, предполагавших присутствие дополнительного числа людей – общинников.

Безусловно, прямых указаний на то, что именно этот оборонительно-жилой комплекс *Полуйского мысового городка* являлся летней резиденцией обдорских князей, не существует. Тем не менее на основании приведенных косвенных данных мы считаем, что именно этот комплекс строений был одной из резиденций предков вождей (князцов) рода Тайшиных. При этом он включал как их покои, так и жилища ближайших родственников. Именно этот комплекс именовали *Пулинг-аут-вош*. Подчеркнуть нетривиальные особенности и высокий статус этого сооружения позволяет анализ архитектуры строений прилегающего к нему с юго-востока поселения – неукрепленного посада.

2.3. АРХИТЕКТУРА СТРОЕНИЙ ПОСАДА

За пределами оборонительно-жилого комплекса к его юго-восточной стороне примыкала группа хаотично расположенных строений. Как говорилось выше, таких объектов, целых или частично сохранившихся,

¹ Абсолютный калиброванный возраст деревянных конструкций постройки № 3, согласно калиброванным датам, составляет 6292±210 и 6330±160 лет назад [Ивасько, 2002. С. 22].

раскопками было изучено 11 (рис. 2.2, 2.3, 2.48–2.68). Какого бы то ни было укрепления по периметру этих строений на изученной раскопками площади не зафиксировано. Это позволяет определить данную группу как неукрепленный посад городка.

Площадь этого поселения определяется по распространению культурного слоя мощностью до 1 м, состоящего из щепы, травы и других органических элементов, содержащего костные остатки, а также изделия из дерева, бересты и других материалов. Данный культурный слой охватывал площадку размером 30×50 м (1500 кв. м). При этом строения располагались на участке не более 25×25 м. Это приблизительно соответствовало размерам оборонительно-жилого комплекса. Максимальный размер раскопанных строений посада составляет 2,5×2,5 м. Учитывая это, за пределами «цитадели» их могло разместиться и одновременно функционировать от 15 до 20. К примеру, в двух остояцких кварталах приблизительно на такой же площади (20×20 м) оборонительно-жилого комплекса Надымского городка размещалось не более 16 подобных жилых и хозяйственных строений [Кардаш, 2009. С. 51, рис. 2.6].

Важным отличием посада *Полуйского мысового городка*, судя по семи полностью раскопанным в нем объектам, является отсутствие хозяйственных строений. Для Надымского городка зимний период функционирования является однозначным. Для *Пулинг-аут-воиш* отсутствие хозяйственных построек – бесспорный маркер, характеризующий весенне-летнюю сезонность функционирования.

Посадские постройки *Полуйского мысового городка* близки по архитектуре и основным параметрам, но имеют разную степень сохранности. Только одно жилое строение посада – постройка № 3², сохранилось почти полностью – на 90%, что позволило реконструировать его архитектурные особенности. В этой связи приведем его полное описание, и лишь затем представим некое обобщение и типологию всех строений.

Постройка № 3 обнаружена на участке К`-Н`/39–42 (уровень 20.60–21.50) раскопа № 1–2 (рис. 2.48, 2.52, 2.63). Данное строение находилось в 20–23 м от юго-восточной стены оборонительно-жилого комплекса городка. Эту территорию можно охарактеризовать как крайнюю периферию. Далее жилых объектов не было обнаружено. Связанный с городком культурный слой, состоявший из щепы и органических остатков, распространялся всего на 2–3 м к юго-востоку от этой постройки.

Постройка маленькая, имела квадратную в плане форму, размером 2,3×2,3 м и коридор размером 0,9×0,5 м, обращенный на юго-запад. Последнее позволило определить ориентировку всей постройки: по оси юго-запад – северо-восток. Она размещалась в котловане размером 2,4×2,4 м, глубиной 0,5–0,6 м. Несколько большие размеры котлована, чем всей постройки, обусловлено тем, что стены из горизонтально уложенных досок были прижаты вертикальными столбами непосредственно к стенам котлована. В этой связи конструкцию стен можно охарактеризовать и как некую опалубку, функция которой – удерживать земляные стены котлована и, соответственно, насыпи-обваловки. Основу каждой стены постройки составляли вертикальные стойки – жерди из березы или ивы диаметром 6–9 см, установленные внутри котлована по его периметру. В лицевом фасаде таких стоек было четыре, в остальных – по три (рис. 2.52–2.55). Сами стены формировались из горизонтально уложенных колотых и тесаных досок шириной 15–20 см, зажатых вертикальными стойками между стенкой котлована и обваловкой (рис. 2.52–2.55). В задней стене сохранилось максимальное число досок – 6, на высоту 0,9 м, а также стойки высотой 1,1 м. Это позволило определить минимальную и обосновать максимальную высоту строения. Судя по тому, что вертикальные стойки, удерживавшие стены, сохранили свое положение, их верхние концы должны были фиксироваться распорками. Такие распорки обычно располагались над кровлей или отчасти прижимали ее.

Остатки самой кровли, состоявшей из тонких (3–5 см) жердей и листов бересты, сохранились в пространстве помещения (рис. 2.56, 2.57). В то же время следов конструкций, которые могли бы служить распорками, достоверно не обнаружено, за исключением нескольких фрагментов сильно истлевших досок в заполнении над кровлей. Из этого следует, что самая верхняя часть стен, а именно щепец, на который опирались жерди кровли, не сохранился. По материалам раскопок Надымского городка, в частности построек № 6 и 7 первого остояцкого квартала, сохранивших основной объем, высота стен жилых домов до уровня конструкций кровли не превышала 1,0–1,2 м. Таким образом, можно достаточно уверенно реконструировать высоту стен постройки № 3 посада *Полуйского мыса городка* в пределах 1,1 м. На основании расположения остатков эле-

² Строения посада исследовались до начала вскрытия строений оборонительно-жилого комплекса. По этой причине первый общий раскоп, заложенный на нем, был обозначен № 1–2. Для раскопа № 5 и остальных, которыми изучались не только различные участки памятника, но и разновременные культурно-хронологические горизонты, во избежание путаницы было решено принять собственную автономную нумерацию.

ментов крыши реконструируется плоская кровля. Она была сконструирована из жердей, плотно уложенных параллельно боковым стенам на поперечные балки, а также на стены лицевого и заднего фасадов. Поверх жердей был уложен слой травы, а затем берестяных листов, выполнявших гидроизоляционную функцию. Эта конструкция отчасти прижималась распорками вертикальных стоек и преимущественно дерновым гнетом.

Входная дверь находилась в юго-западном фасаде постройки (рис. 2.58–2.60, 2.63). Проемообразующую конструкцию составляли четыре бревна диаметром 0,12 м. В основании лежало пороговое бревно длиной 0,8 м. На него опирались вертикальные стойки, в которых, как и в пороге, были вырезаны продольные пазы для установки и фиксации дверного полотна. Последнее не было обнаружено. Судя по остаткам конструкции проема, дверь была беспетельная и открывалась внутрь помещения. Размеры дверного проема – порядка 0,4×0,6 м.

К дверному проему примыкал коридор-тамбур размерами 0,9×0,5 м. Его стены были сооружены из горизонтально уложенных колотых плах шириной до 8 см, зафиксированных вертикальными кольями (рис. 2.58, 2.59). Из таких же тонких плах шириной 0,15 м была сконструирована крыша тамбура, по-видимому, перекрытая грунтом или дерном. Высота тамбура соответствовала высоте дверного проема и не превышала 0,7 м. Покрытие пола в тамбуре отсутствовало. Перед входом в тамбур зафиксирована небольшая канава.

Интерьер постройки составляли две условные части, разделенные расположенной на полу доской, установленной на ребро. Первая – это пространство у входа. В помещении, слева от входа, располагалась печь, реконструируемая в виде камина – чувала. В культурном слое ее остатки представляли собой овальную в плане прослойку светло-серой обожженной глины диаметром 0,7 м, мощностью 0,3–0,4 м. По периметру слоя глины зафиксированы остатки конструкции чувала, состоящие из тонких ошкуренных ивовых жердей. В основании чувала зафиксирована деревянная рама из тонких жердей. Диаметр основания чувала по раме составлял 0,6 м. Перед чувалом лежало бревно со следами многочисленных порубок, по-видимому, плаха для изготовления деревянных изделий. Справа от входа пол постройки был покрыт слоем щепы и древесного мусора мощностью до 0,1 м. В нем обнаружены лаги, предназначавшиеся для опоры дощатого настила, который по каким-то причинам отсутствовал – не укладывался либо, скорее всего, был снят.

Поперечная доска, разграничивавшая помещение на очажно-кухонную часть и спальное место, была закреплена короткими вертикальными кольшками. Судя по следам мелких бессистемных зарубок, она использовалась как основа для деревообработки. Спальное место занимало половину пространства постройки. Оно представляло собой деревянные нары, расположенные за вышеупомянутой доской у дальней от входа стены жилища. Тонкие доски настила нары были уложены в один слой параллельно задней стене. Они покоились лагах, вырубленных из стволов ивы (рис. 2.61, 2.62). Размеры нары составляли 1,1×2,3 м, высота – 0,1–0,15 м. Нары были перекрыты слоями сушеной травы и оленьими шкурами. Слои сушеной травы отмечены и под досками нары: возможно, первоначально спальное место не имело дощатого настила.

В целом раскопанная постройка № 3 имела вид прямоугольной полуземлянки с дощатыми стенами, конструктивно близкими опалубке. Кровля постройки плоская, сконструирована из жердей и бересты и была покрыта дерном. Фасадный вход снабжен крытым коридором. В помещении зафиксированы остатки очага-камина и нары. Время строительства объекта, на основании дендрохронологического анализа образцов дерева, определено в пределах 1598–1610 годов (прил. 4.4). Планировка помещения постройки, ее размеры и в определенной степени общая конструкция дома находят прямые аналогии в постройках остояцких кварталов оборонительно-жилого комплекса Надымского городка середины XVI – первой трети XVIII века [Кардаш, 2009. С. 53–55, рис. 2.37–2.72]. Время функционирования постройки № 3 определить довольно сложно: как известно, в регионе есть строения начала XIX века, которые эксплуатируются до сих пор. Не исключено, что это строение могло использоваться на всем протяжении времени функционирования *Пулинг-аут-воиш* до начала XVIII века.

Хотя постройка была углублена в грунт, имела камин и казалась относительно утепленной, нам все же с трудом представляется возможность ее эксплуатации в зимнее время, когда мощность снежного покрова может достигать метра, а снегопад и пурга – нередкие явления. В таких условиях лаз в помещение жилища значительно удлиняется проходом сквозь снежную толщу и может стать практически вертикальным. Эксплуатация чувала практически невозможна из-за значительного слоя снега, который в случае разведения огня будет плавиться и стекать в помещение. Во время длительной пурги в таком доме может быстро закончиться воздух. Кроме того,

человеку покинувшему его до обильного снегопада, будет трудно или вообще невозможно найти свое строение. Вероятно, такой дом рассчитывался все же на использование в летне-осенний период.

Постройка № 6. В посаде городка была частично исследована еще одна маленькая полуземлянка, аналогичная предыдущей, – постройка № 6. Она обнаружена на участке Е`/32–34 (уровень 20.60 – 21.70) раскопа № 1–2 (рис. 2.48–2.49, 2.64). Она находилась в 16–19 м от юго-восточной стены оборонительно-жилого комплекса городка. Эта территория являлась крайним юго-западным краем застройки посада. Культурный слой в этой части поселка заканчивался в 8–9 м от данного строения.

Постройка имела квадратную в плане форму размером 2,3×2,3(?) м и была ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Она размещалась в котловане размером 2,4×2,4(?) м, глубиной 0,5–0,6 м. Ее стены из вертикально установленных колотых досок были прижаты к стенкам котлована. Такая стеновая конструкция также может рассматриваться и как опалубка котлована, предохранявшая осыпание грунта с его краев и окружавшей жилище насыпи. Максимальная высота сохранившихся стеновых досок от уровня пола составляла 0,8 м. Их концы были установлены в узкую канавку, расположенную по периметру стен, и углублены в материк примерно на 10 см. На уровне пола основание каждой стены дополнительно фиксировалось жердью, горизонтально уложенной вдоль стены, концы которой закреплялись в грунте перпендикулярных стен. Очевидно, аналогичным способом были закреплены верхние концы досок стены. Кровля жилища, скорее всего, была плоской. От уровня пола она, так же как у постройки № 3, вряд ли превышала 1,1 м. Судя по большим и многочисленным листам бересты, обнаруженным в культурном слое близ построек, они были основным материалом, использовавшимся в конструкции кровли всех строений.

Данная постройка также относится к типу полуземлянок с прямоугольным помещением. От постройки № 3 она отличается конструкцией стен, сооруженных из вертикально установленных досок. Аналогичные стены известны у домов остяцких кварталов оборонительно-жилого комплекса Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII века [Кардаш, 2009. С. 53–55, рис. 2.37–2.72]. Точное время ее строительства не определено из-за отсутствия образцов, пригодных для датирования по дендрохронологическому методу.

Что же касается остальных строений посада, то все они относятся к группе наземных строений. Практически все они повреждены фундаментом здания речного вокзала или склепами прихрамового кладбища. Тем не менее их остатки позволяют дать определенное представление об этой группе строений. Все их можно отнести к типу наземных домов со стенами, сооруженными из горизонтально уложенных досок или бревен в форме четырехугольного сруба. Имеется два технологически близких варианта. Первый – строения, выполненные из досок приемом в простую лапу, то есть в охряпку. К сожалению, не все постройки с дощатыми стенами можно однозначно отнести к этому варианту по причине утрат их конструктивных элементов. Но к нему, бесспорно, относятся постройки №№ 4, 11 и, предположительно, №№ 1, 2, 5, 8, 10.

Постройка № 4 наиболее полно представляет данный вариант жилых домов, хотя ее основание сильно фрагментировано. Она обнаружена на участке Г`–Ж`/39–42 (уровень основания 21.00–21.05) раскопа № 1–2 (рис. 2.48–2.49), в 18–21 м от юго-восточной стены оборонительно-жилого комплекса городка. Это место представляло собой центральную часть посада. Постройка квадратная, размером 2,4×2,4 м, ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Дверь находилась в юго-западном фасаде. В жилом помещении, справа от входа, располагалась печь, которая реконструируется в виде камина–чувала. Диаметр основания чувала по раме составляет 0,5 м. По периметру зафиксированы остатки конструкции чувала, состоящие из тонких ошкуренных ивовых жердей. Перед чувалом лежала плаха со следами многочисленных порубок, очевидно, использовавшаяся при изготовлении деревянных изделий. Спальное место, размером 1,1×2,3 м занимало половину помещения постройки. Изначально нары не имели дощатого настила, и спальное место было просто покрыто слоями сушеной травы общей мощностью 0,8 м. Высота кровли от уровня пола, по аналогии с предыдущими строениями, вряд ли превышала 1,1–1,2 м. Как и у других построек посада, ее кровля была сконструирована из жердей, покрытых большими листьями кровельной бересты.

Время строительства постройки № 4 не определено из-за отсутствия образцов, пригодных для датирования по дендрохронологическому методу. Конструкция ее стен такая же, как у домов остяцких кварталов оборонительно-жилого комплекса Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII века [Кардаш, 2009. С. 53–55, рис. 2.37–2.72].

Другие постройки этого подтипа имели такую же ориентировку, размеры и планировку жилого пространства. В них также были зафиксированы остатки нар вдоль задней стены и остатки чувалов.

Кроме того, имеются жилища со специфическими чертами, например, **постройки № 1 и № 2**. Последние были обнаружены на юго-восточной периферии посада, в 18–20 м от оборонительно-жилого комплекса (рис. 2.48–2.51). Дома были сориентированы по оси север – юг. Входы у них находились, соответственно, с северной и восточной сторон, а нары располагались вдоль задних стен. У этих же стен обнаружены скелеты молодых собак, которые можно интерпретировать как ритуальные жертвы-захоронения, связанные со строительством дома и, возможно, с основанием всего поселка. Определение возраста древесины из настила нар по дендрохронологическому методу позволило установить период строительства этих домов. Данные постройки являлись самыми ранними в *Полуйском мысовом городке*. По ним начало строительства и функционирования этого населенного пункта определяется в интервале 1575–1590 годов. Судя по фрагментарности остатков, данные строения впоследствии были разобраны.

Следующий подтип представлен бревенчатой **постройкой № 9**, выполненной из бревен в обло с остатком (рис. 2.48). Она была обнаружена на участке М–П/25–28 раскопа № 11 (рис. 2.67). Окладной венец из бревен диаметром 15–20 см уложен на уровне 21.15–21.20. Строение находилось справа от входа в южную часть оборонительно-жилого комплекса, которая была полностью уничтожена при строительстве цокольного помещения речного вокзала. Постройка, очевидно, имела квадратную в плане форму и размер, чуть больший, чем все остальные жилища посада, – 2,8×2,8(?) м. Она была ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Ее входная дверь находилась в центральной части юго-западного фасада здания. Порог был вырублен на уровне второго венца. Боковые конструкции проема при помощи двух шипов монтировались в пазах, вырубленных по краям порога (рис. 2.66). Детали интерьера практически не сохранились. Возможно, они были полностью демонтированы и использованы при строительстве других домов, когда постройка прекратила свое функционирование. Маловероятно, что такой основательный дом строился для хозяйственных нужд. Наиболее вероятно его использование как жилого. Камин находился, скорее всего, слева от входа. По результатам дендрохронологического анализа древесины, постройка № 9 была сооружена в интервале 1652–1662 годов (прил. 4.4). Самый ранний образец с сохранившимся подкорковым слоем относится к окладному венцу жилища и происходит от дерева, срубленного в 1652 году.

Следующий подтип представлен остатками **постройки № 7**, обнаруженной на участке Б–А, А`–Б`/26–29 раскопа № 11 (рис. 2.48–2.49, 2.65–2.66). Строение находилось в 11–13 м от юго-восточной стены оборонительно-жилого комплекса, практически в самом центре посадской части городка. Основание строения было уложено на уровне 21.10–21.15. Постройка, очевидно, имела квадратную в плане форму и размер 2,4×2,4 м. Она также была ориентирована по оси юго-запад – северо-восток. Конструкция постройки каркасная. Стены выполнены из горизонтально уложенных досок и плах, которые фиксировались между вертикальными стойками либо в продольном пазе углового столба в технике заплота. По остаткам деревянных деталей, имевших различные пазы, не связанные с основной конструкцией стен и вариативностью крепления, было очевидно, что для ее строительства использовалось много вторичной древесины. Верхние части стоек каркаса жилища должны были фиксироваться в системе неких распорок и стяжек. Точнее охарактеризовать несохранившуюся верхнюю часть конструкции сложно. Входная дверь находилась в юго-западном фасаде. Порог был вырублен в центральной части торцевой стены на уровне первого венца. Боковые конструкции проема монтировались при помощи двух шипов в пазах, вырубленных по краям порога (рис. 2.66). Ширина порога и, соответственно, дверного полотна довольно большая – около 0,8 м. Ширина дверного проема – менее 0,7 м. Размер двери – около 0,8×1,2 м. Детали интерьера практически не сохранились. Возможно, как и в предыдущем случае, они были полностью демонтированы и повторно использованы. Камин находился в помещении слева от входа. Постройка имела жилое назначение. По результатам дендрохронологического анализа древесины время строительства объекта определено в пределах 1622–1632 годов (прил. 4.4).

Итак, все постройки посада *городка Полуйского мыса* условно можно отнести к группе стационарных и постоянных³, или правильнее – долговременных, предусматривающих длительное пребывание (проживание). По

³ Последний термин, введенный в современный историко-архитектурный лексикон для строений коренных народов Севера, учитывает наличие в разных местах нескольких домов, предназначенных для проживания в течение года, и включает все строения? в которых люди обитали более двух месяцев [Историко-этнографический атлас... С. 132].

форме они принадлежат к группе строений с кубическим помещением. Постройки представлены двумя основными типами. Первый: дома-полуземлянки, расположенные в котловане глубиной 0,5–0,6 м, со стенами, сконструированными из досок в виде опалубки, фасадным входом и плоской кровлей. Существовало два подтипа таких строений, различающихся по конструкции стен, являющихся одновременной опалубкой котлована. Первый подтип (постройка № 3) отличался горизонтально уложенным набором стеновых досок, прижатых вертикальными столбами, верхние концы которых закреплялись распорками. Второй подтип (постройка № 6) отличается вертикально установленным набором стеновых досок, концы которых фиксировались в грунте по периметру стен, а также горизонтальными жердями, закрепленными в нижней и верхней частях котлована. Второй тип: наземные дома без котлована, со стенами, сооруженными из горизонтально уложенных досок или бревен. Зафиксировано, как минимум, два подтипа этих строений, отличающихся принципом крепления (соединения) стен в угловом сопряжении. Первый имел два технологически близких варианта: а) крепление дощатых стен в простую лапу – в охряпку (постройки №№ 4, 11, возможно, №№ 1, 2, 5, 8, 10); б) крепление бревенчатых стен в обло с остатком (постройка № 9). Такие постройки в качестве долговременных жилищ имели широкое распространение у хантыйского (остяцкого) населения Нижней Оби [Историко-этнографический атлас., 1961. С. 151–160, табл. 4; Соколова, 1998. С. 24–48]. Второй подтип (постройка № 7) отличался креплением стеновых конструкций при помощи вертикальных стоек-жердей с использованием системы стяжек и распорок. Такой способ крепления стен менее распространен и использовался лишь в сезонных строениях – шалашах [Историко-этнографический атлас., 1961. С. 138, табл. 2: 4]. Сложно однозначно заключить, с чем же связана такая относительно большая вариативность приемов строительства. Вероятнее всего, она отражает многообразие индивидуальных (семейных, клановых и прочих) домостроительных традиций и разнообразие строительного материала. Впрочем, не исключены и другие причины.

Важным отличием посадских остяцких построек *Полуйского мысового городка* является отсутствие центральных очагов и функционирование каминов-чувалов, начиная с конца XVI века. Причем на эту традицию никак не повлияло сосуществование и синхронное функционирование центральных очагов в домах оборонительно-жилого комплекса, принадлежавших, по-видимому, главе Обдорского княжества и его окружению. В остяцких кварталах Надымского городка чувалы, к примеру, появляются в середине XVII века и окончательно вытесняют центральные очаги лишь к концу XVII века [Кардаш, 2009. С. 54]. Одним лишь более ранним заимствованием у русского или иного населения, пришедшего на север Сибири, этого не объяснить. На наш взгляд, приведенный факт является одним из свидетельств проникновения, как минимум, в конце XVI века в низовья Оби, заселенные остяками, некой группы финского населения со своей устойчивой домостроительной традицией и иными элементами жилого дома.

Хронологические различия в архитектуре и интерьерах с остяцкими постройками Надымского городка явно связаны с тем, что хотя население и имело одну, условно финскую, этническую или традиционную основу, но относительно длительное время развивалось изолированно, что в условиях проживания на территории одного региона, а именно Нижней Оби, вряд ли было бы возможным.

На основании большого сходства построек *Полуйского мысового городка* и жилищ остяцких кварталов Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 53–55, рис. 2.37–2.72], а также обозначения жителей *Полуйского мысового городка* в русских документах преимущественно как остяков [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 105, л. 169–170, Д. 501. Л. 66–77 Д. 763. Л. 55–62], постройки его посадской части можно однозначно отнести к остяцким (хантыйским).

2.4. ЮГО-ЗАПАДНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ПОСЕЛКА И ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО

Юго-западная или, вернее – по отношению к оборонительно-жилому комплексу, – южная периферия Полуйского мысового городка исследовалась в 2004 году раскопом № 9. Это территория мыса, непосредственно примыкающего к руслу реки Полуй. При раскопках был обнаружен культурный слой мощностью от 0,1 до 0,5 м, состоявший из щепы и органики, содержащий костные остатки, изделия из дерева и бересты, однозначно связанный с функционированием данного городка (рис. 2.3, 2.4, 2.69–2.73). На юго-восточной периферии поселка этот слой заканчивается в 25 м от оборонительно-жилого комплекса, буквально почти сразу за постройкой № 3. На том же удалении к югу от комплекса слой продолжался, а его мощность увеличивалась. Каких бы то ни было жилых объектов здесь не обнаружено. Это была свободная от построек площадка,

которую условно и, возможно, правильнее следует называть – «Южный мыс». Исследованная площадь невелика, всего 49 квадратных м. Делать каких-то однозначных выводов о функциональном назначении данной территории нельзя. Тем не менее попробуем выдвинуть ряд предположений.

Вначале выясним, что же представляло собой как таковое *южное периферийное пространство поселения* в системе традиционной культуры местного населения, и как его трактуют этнологи. В этнографии на этот счет имеется ряд противоречивых сведений. Эти разночтения, на наш взгляд, связаны с позднейшими влияниями на культуру аборигенных народов Нижней Оби чуждых религиозных традиций. Несмотря на это, в мифологическом сознании коренного населения таежного Приобья сохранились представления о том, что юг – южная сторона – является космологическим верхом, Верхним миром [Карьялайнен, 1995. С. 186–240; Визгалов, Кардаш, 2010. С. 103, 104, 111, 112]. Именно с юга течет основная водная артерия региона – река Обь. Да и река Полуй, истоки которой находятся на юго-востоке, также маркирует далекую грандиозную возвышенность. Зачастую, если на то не было никаких других оснований, родовые культовые места – святилища богов – размещались обычно к югу от поселения [Визгалов, Кардаш, 2010. С. 103, 104, 111, 112]. На территории населенного пункта именно у южного угла дома совершались и совершаются сейчас семейные жертвоприношения, а сам он поливается кровью в честь соответствующих божеств [Карьялайнен, 1995. С. 96–108; Визгалов, Кардаш, 2010. С. 25–27]. Итак, в традиционной религиозной культуре юг связан с ритуальной сферой, «верхом» и верховными божествами. В то время как север всегда ассоциировался с Нижним миром. В частности, для хантов, живущих с сердце тайги, северные территории и низовья Оби считались Нижним миром. Именно к северу от поселка, в заброшенных урочищах, полагалось обустраивать «поселения мертвых» – кладбища. Вниз по реке, выходящей к Оби, направлялись и погребальные лодки.

По археологическим данным (а на сегодняшний день из позднейших археологических памятников Крайнего Севера Западной Сибири, характеризующих культуру коренного населения, наиболее полно исследован лишь Надымский городок) нам также известно, что жертвенные комплексы, связанные с общинными ритуалами, находились к югу от населенных пунктов, в частности, от резиденций вождей территориальных общин. Ритуальный комплекс Надымского городка, предположительно, представлял собой площадку размерами 20×30 м, примыкавшую с юга к оборонительно-жилому комплексу. В ее центре находилось кострище размером 2×2 м [Кардаш, 2009. С. 59–60, рис. 2.98–2.100]. По его ближайшему периметру, а также между кострищем и южным углом жилого комплекса, найдены остатки нескольких десятков черепов жертвенных оленей. Основная их часть располагалась в форме полумесяца, к северу от ритуального кострища. Здесь же был обнаружен не характерный для археологического поселенческого памятника набор предметов, в том числе металлическое оружие и дорогие украшения [Там же. С. 154, рис. 2.4; 3.22–3.28]. На площадке найдены фрагменты костей лапы и черепа медведя, явно связанные с ритуальными действиями.

Учитывая вышесказанное, попытаемся предельно внимательно и подробно проанализировать материалы, полученные из раскопа № 9. Тем более что они весьма немногочисленны и не очень разнообразны: два украшения и кости животных. Предметов, заслуживающих внимания, немного. В первую очередь, это пара явно импортных серебряных серег с бусинами из горного хрусталя или аметиста. Парность предметов свидетельствует о неординарности находки, так как парные вещи встречаются обычно в кладах или погребальных комплексах. Среди остеологических остатков заметно преобладание костей северного оленя и повышенный процент рогов [текст. прил. 4.1].

Действительно, материальных фактов немного. Тем не менее на правах гипотезы мы вправе сделать вывод о том, что раскопом № 9 была исследована периферийная часть ритуального комплекса *Пулинг-аут-вои*, который располагался на верхней площадке южного мыса. Вполне вероятно, что именно здесь находилось *жертвенное место для совершения семейных или общинных ритуалов*.

Косвенным подтверждением этого могут служить свидетельства И. С. Шемановского, который писал: «Обдорский городок в былые времена играл большую роль в жизни инородцев Крайнего Севера. Здесь находилось знаменитое языческое капище остяков. Сюда стекались остяки-паломники для молитвы. Здесь обсуждались остяками вопросы войны и мира с воинственными тогда самоедами. <...> От языческого капища остяков Обдорского городка теперь, конечно, не осталось никаких следов. Но место его известно. На нем стоит ныне четвертый по счету миссионерский храм. <...> К храму этому с благоговением относятся все инородцы и даже язычники» [Шемановский, 2005. С. 68]. Храм, о котором шла речь, это церковь Святых апостолов Петра и Павла,

поставленная, как нам стало известно, на месте *Полуйского мысового городка*, который И. С. Шемановский именовал в старой традиции Обдорским. Как видно из приведенной цитаты, до рубежа XIX – XX веков сохранялась память о языческом святилище общины обдорских остяков, которое находилось на этом месте. В этой связи высказанная нами гипотеза вполне правомерна и не лишена основания.

2.5. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ИТОГ

Завершая описание и анализ архитектуры построек, следует отметить общие черты, характерные для строений оборонительно-жилого комплекса и посада, а также высказать ряд выводов общего характера.

В результате исследований было выявлено, что оборонительно-жилой комплекс городка составлял ансамбль из четырех построек размером 8×8 м, а прилегающее неукрепленное поселение от 15 до 25 строений размером 2,5×2,5 м (рис. 2.4). В связи с чем возникает вопрос о количестве жителей такого населенного пункта. Разумеется, точных данных получить невозможно, но расчетные данные можно привести, тем более что помимо ориентировочного количества строений в нашем распоряжении имеется документ, представляющий точное число жителей Обдорской волости в третьей четверти XVIII века, периоде не столь удаленном от времени прекращения функционирования *Полуйского мысового городка*. Попробуем соотнести эти данные и рассчитать ориентировочное число жителей.

Судя по материалам четвертой ревизии 1782 года, общая численность положенного в ясачный оклад населения Обдорской волости составляла учтенных с 1762 года по 1782 – 835 человек, включая умерших. Без учета умерших на 1782 год – 766 человек [текст. прил. 1.3; ТФ ГАТО. Ф. 154, оп. 8, д. 43, л. 59 – 80]. Из этого числа крещеные остяки во главе с семьей князя Матвея Тайшина составляли 35 человек (без учета умерших – 29). Как следует из факта принятия христианства, очевидно, святое крещение вслед за князем Матвеем Тайшиным или его предками должны были принять представители некоей элиты общества – волости. Число крещеных остяков составляют девять малых семей – от одного человека, в которых, в свою очередь, проследживается четыре большие семьи: Тайшиных, Марковых, Абаковых, и Мурзиных (текст. прил. 1.3.). Возможно, это число не случайно и является неким отражением существовавшей ранее общественной структуры элиты, которой принадлежали четыре дома оборонительно-жилого комплекса. Безусловно, далеко не вся элита могла последовать за князем, и, судя по тому же документу, не все Марковы приняли крещение. Тем не менее такое совпадение следует отметить.

По материалам ревизии 1782 года хорошо прослеживается максимальный состав большой семьи – до 20–24 человек (с учетом умерших). Это довольно важный факт, позволяющий восстановить планируемое число жителей большого дома оборонительно-жилого комплекса и, соответственно, всего сооружения. Предположительно число жителей укрепленной части городка на этапе строительства могло рассчитываться от 10 до 20 для одной постройки и, соответственно, в среднем от 40 до 80 (максимум 100) в пределах оборонительно-жилого комплекса.

Что же до числа жителей прилегающего поселения – «посада», то здесь важным фактором расчета численности являются габаритные размеры построек. Вряд ли строение размером 2,5×2,5 м может вместить большую семью. Таким образом мы можем рассчитывать постройки посада по минимальному составу семьи от 1 – до 7–8 человек максимум. Таким образом, количество населения которое теоретически способны вместить постройки поселения, могло составлять от 80 до 120 человек.

В итоге общая численность населения *Полуйского мысового городка* в разные периоды пребывания населения могла составлять от 100–120 до 200 человек. В этой связи будет интересен анализ известного факта наличия в Обдорской волости семи родов, ее составляющих [Бартенев, 1896. С. 98]. Мы можем определить условно среднюю численность так называемого рода. Средняя численность такой группы могла, в среднем состоять из 100–120 человек. Подобную группу населения также возможно именовать в духе европейской традиции «кланом», поскольку в ее число могли входить и не совсем родственники. Но это в нашем исследовании не столь существенно, а важнее, что выявленная таким образом численность позволяет охарактеризовать состав населения *Полуйского мысового городка* как населенный пункт, где проживали представители двух родов – кланов волости. Отражением же такой структуры населения, на наш взгляд, являются различия в архитектуре строений оборонительно-жилого комплекса и неукрепленного поселения.

В первую очередь, следует обратить внимание на то, что все постройки городка были сооружены с использованием футовой системы измерения⁴. Она прослеживается во всех строениях, несмотря на незначительные отклонения, связанные с другими общими особенностями домостроения.

К последним, в частности, относится так называемый принцип строительства «рубка по месту». Иными словами, без какого бы то ни было относительно профессионального проекта или расчетов, предварительной заготовки и подготовки полного комплекта строительных материалов. Недостача строительных материалов дополнялась в процессе работ из ресурсов ближайших окрестностей, причем тем, что найдется, с соответствующей корректировкой в ходе строительства. Одним словом, строительство из подручных материалов с минимизированными трудозатратами на подготовительный период строительства. Такой способ также предполагал повсеместное использование вторичных материалов – деталей других строений и даже малопригодного по качеству для стационарного и «долговечного» домостроения исходного материала. Это обстоятельство – строительство «рубка по месту», зачастую приводило к деформации изначальных параметров строения. Тем не менее длина сохранившейся стены постройки оборонительно-жилого комплекса № 1 была равна 8,1 м, что соответствует 27 футам. Довольно стабильно прослеживается размер построек посада: 8×8 футов или 2,4×2,4 м.

Все жилища *Полуйского мысового городка* стоят непосредственно на грунте или в котловане без фундамента, то есть выстроены так называемым «поземным» способом («на пошве»). Такой способ также следует охарактеризовать как архаичный. Он является следствием кочевого и полукочевого (сезонного) образа жизни, связанного с соответствующей системой хозяйства, предусматривавшей частые переселения, в нашем случае – сезонные охотничье-промысловые и скотоводческие миграции.

В целом же мы имеем дело со стационарными долговременными жилищами, рассчитанными на длительное пребывание. Однако сделанными недостаточно основательно для полноценного круглогодичного обитания.

Важный факт – наличие в боковых фасадах всех домов городка входа, снабженного дверью. Дверной проем заполнен рамой – дверной коробкой, в которой укреплялись одностворчатые полотнища. Зафиксированные нами рамы – простейшего вида. Они состояли из нижнего бруса – порога, верхнего – вершника, и боковых – косяков. В брусках рам вырезались продольные пазы–выемки (четверть), в которые упиралось дверное полотно. Небольшие одностворчатые двери изготавливались из досок, скрепленных между собой накладками или шпонками (снаврами). Крепление дверей беспетельное, на шарнирах, которые крепились слева от входа. Открытие дверей – справа налево, внутрь помещения. Такой тип двери имеет много аналогий не только в русском, но и западноевропейском средневековом деревянном зодчестве [Egloff W., Egloff-Bodmer A., 1987. С. 163–164, рис. 227–230, Furrer B., 1985. С. 160–170, рис. 118, 137, 356, 357]. У нас не вызывает сомнений, что данный тип дверной конструкции был заимствован аборигенным населением из русского деревянного зодчества у непосредственных носителей его традиций. Заимствование это, как говорилось выше, не могло произойти ранее XIV века, а к концу XVI века эта традиция уже прочно вошла в культуру аборигенов реки Полуй. Это же фиксируется по материалам раскопок Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 53–57, рис. 2.71, 2.73]. Наличие таких дверных конструкций может служить фактом давнего, активного и непосредственного взаимодействия населения Нижнеобского региона с жителями Восточной Европы. Такие контакты имели место и до начала официальной колонизации севера Западной Сибири Московским царством, сопровождавшейся строительством казенных городов и острогов. И не эта ли торгово-промышленная активность русского населения стала причиной активизации действий московских властей?

Архитектура, интерьеры и убранство жилищ несут массу информации о культуре полуйского населения конца XVI – начала XVIII века. Почти во всей специфике такую информацию сохраняет культурный

⁴ Фут является древнейшей и исторически устойчивой мерой, известной еще в Древнем Египте (локоть Хесира) и Древней Греции (олимпийский фут), а также Китае (единица *чи*), применявшейся повсеместно вплоть до начала XX века. Фут – со значением 308 мм и дюйм – 30,8 мм, находятся в десятичной системе соотношений и называются десятичными футом и дюймом соответственно. В средние века обе системы («десятичная» и «двенадцатеричная») сосуществовали и использовались параллельно друг с другом, вплоть до XIII–XIV вв. – времени расцвета морской торговли Ганзейского союза. Позднее произошел переход к двенадцатикратному соотношению фута и дюйма, связанный с унификацией торговых мер разных стран. Считается, что к XVI веку в Европе окончательно установилось соотношение фута и дюйма как 1:12. При этом до начала XX века фут регистрируется в значениях от 25 до 35 см, а дюйм от 2,4 до 2,9 см, в зависимости от региона и этнического состава. В конце XIX века Германия возвращается к двенадцатеричной системе. В Швейцарии и в настоящее время сохраняются десятичные фут и дюйм, приведенные в соотношение 300 к 30 мм [Бабенко, 1905, Гутер, 1911, Исаков, 1923, Рыбаков, 1949. С. 67–91; Серовайский, 1956. С. 125–140; БСЭ, 1958. С. 327–345].

слой городка, находящийся в условиях вечной мерзлоты сибирского Крайнего Севера. В составе этого слоя обычны напластования плотной сажистой грязи на досках пола, многочисленные кухонные отходы (кости, чешуя рыб), собачьи копролиты, а также подстилки из трав под циновками на спальнях местах. Единой чертой всех построек этого периода можно назвать грязь, захламенность и антисанитарные условия проживания. В подтверждение нашим словам, а также для последующего анализа, будет уместно привести несколько выдержек из статьи И. С. Шемановского об Обдорском остяцком городке рубежа XIX–XX веков, то есть свидетельства практически столетней давности [Шемановский, 2005. С. 67–72]. Эти цитаты красноречивее всего проиллюстрируют не только ряд утраченных архитектурных деталей и внутреннюю атмосферу дома, тождественную той эпохе, но и продемонстрируют отношение русского православного человека к традиционному жилищу нижеобских аборигенов, что немаловажно в нашем исследовании.

«Обдорский городок состоит из 25–30 землянок и самых жалких, едва возвышающихся над землей лачуг. <...> Все землянки и лачуги похожи друг на друга и далеко не всегда сразу можно узнать в них человеческие жилища <...> Обнаруживает себя только южная сторона землянки из тонких жердей, с низенькими дверями, едва позволяющими взрослому человеку проникнуть в них. <...> Вы, крепко ухватив прибитую вместо дверной ручки веревку и сильно потянув к себе, распахиваете дверцу. Вас обдает такой спертый и вонючий воздух, что захватывает дыхание. <...> вы просовываете в дверь одну ногу, согнувши в три погибели свой корпус, проводите в жилище свою голову и делаете попытку перенести сюда же другую ногу, чтобы всем существом своим очутиться в землянке. В это время совершенно неожиданно к вашему лицу подсакивает с злым ворчанием собака. Вы инстинктивно откидываете от собаки назад голову, ударяетесь ею в дверной косяк, от сильной боли произвольно отшатываете голову обратно в землянку и своим лицом ударяетесь в мягкую собачью морду. <...> вы стремительно передвигаете свою вторую ногу в землянку и выпрямляетесь. От страшного удара в низкий потолок головой вы приседаете на корточки, с трудом отдавая отчет в случившемся.

В углу, с левой стороны от дверей – небольшая железная печка. Около нее на щепках небольшой чугунный котелок и жестяной чайник. Прямо против дверей, почти в уровень с земляным полом – нарты для спанья. Они застланы полуоблезшими оленьими шкурами, в головах свалена всякая рваная одежда. <...> Вся землянка не более четырех квадратных аршин. Вы с интересом смотрите на предательский потолок, чтобы определить высоту землянки. Она, оказывается, не превышает двух аршин. Стены и потолок будто вымазаны сажей – так черны они.

<...> торопитесь выбраться отсюда, так как кроме страшной головной боли от ударов головой вы ощущаете сильное головокружение еще от специфической остяцкой вони, стеснение в груди от отсутствия кислорода» [текст. прил. 2].

Посетив еще несколько строений, И. С. Шемановский в дополнение к вышесказанному, одной из характерных черт обиталищ остяков отмечает «бьющий в нос» запах человеческих испражнений [Шемановский, 2005. С. 71].

Более чем за 100 лет до И. С. Шемановского, в конце XVIII века описание остяцкого жилища составил В. Ф. Зуев, так же не по рассказам знавший быт северных остяков. Это описание немаловажно, поскольку позволяет выстроить некую ретроспективную цепочку и дополнить картину деталями. В частности, он пишет: «В самых их жилищах нет ни какой чистоты и порядку, нет ни какой опрятности и, кажется, нет ни малого к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою справлять должны, будто бы так надо по ихному закону.

...Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых и спят тут же и костят без всякого после очищения, чего ради во всех оных юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть верно ни кто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой напромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму не достанет, то кости тут и поземы жарят, отчего вся юрта вверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочи и сору ни когда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет» [Зуев, 1999. С. 147–148].

Приведенные выше описания находят свое полное подтверждение в материалах раскопок построек Полу-йского мысового городка. На стадии раскопок у нас еще создавалось впечатление, что такая ситуация с сани-

тарными условиями неординарна и могла быть вызвана некими чрезвычайными событиями. Сейчас же, по истечении определенного времени, на стадии анализа материалов, стало совершенно очевидно, что в таких условиях население городка жило всегда: не только несколько столетий до XX века, но и много столетий до XVII века. Более того, оно было прекрасно адаптировано к подобным «нечеловеческим» условиям жизни. Иными словами, то, что европейцы воспринимают как «антисанитарию», для аборигенов всегда было нормой и комфортными – с их точки зрения – условиями. Для примера, вспомним хотя бы известные со школьной скамьи факты о помоях, выливаемых на прохожих из окон каменных (!) домов в западноевропейских средневековых городах, о текущих по их улицам нечистотах и царившем там зловонии (кстати, в отличие от городов Греции классического периода). В целом, практически во всей Западной Европе в средние века население деревень и городов не отличалось особой приверженностью к гигиене, и многие люди жили практически в таких же условиях, как остяки [Ле Руа Ладюри Э., 2001. С. 53-55, 125-127, 166-168]. Это сильно удивляло и наших предков – жителей городов Восточной Европы, и даже жителей Ближнего Востока и Магриба, изредка попадавших в те времена в Западную Европу. Антисанитария приводила к многочисленным эпидемиям, уносившим жизни многих тысяч людей, как в Европе, так и за Каменным поясом. К слову сказать, физиологическая возможность проживания в таких антисанитарных, с точки зрения современного цивилизованного человека, условиях, может стать предметом отдельного исследования адаптации населения Крайнего Севера. Тем более что обдорские остяки при всем при том как-то сохранили свою численность.

На наш взгляд, в совокупности с описанием архитектуры городка эти цитаты являются убедительным доказательством невозможности принятия точки зрения Е. В. Вершинина о заселении и использовании отрядом князя Петра Горчакова Пулинг-аут-вош под резиденцию березовских сборщиков ясака [Вершинин, 2005а. С. 68; 2005б. С. 37].

Представленные описания – еще и важный источник для анализа развития культуры, в частности материальной, а также оценки причин, вызвавших динамические изменения в ней. Обдорские князья Тайшины, в отличие от своих подданных остяков, на протяжении XVIII века довольно радикально изменили свой быт. Безусловно, на это повлияло принятие ими христианства, кроме того – русская культура в целом и необходимость соответствия аборигенных князей своему современному властному статусу. Тем не менее простые обдорские остяки, описанные И. С. Шемановским, так же оставались в состоянии двоеверия. Они крестились и жили первоначально в непосредственной близости от русского Обдорского острога, а затем – около села Обдорское, непосредственно контактировали с русским населением. За это время они лишь чувал заменили на железную печь. Заметной трансформации материальной культуры рядового общинного населения не произошло. По-видимому, все это – отражение довольно устойчивого и непоколебимого общинного сознания, имевшего глубокие древние корни, сформировавшего такой стереотип поведения, которому не могли противостоять даже общинные вожди, изменившаяся окружающая их этнокультурная среда и политическая конъюнктура.

В общем, исследование архитектуры Полу-йского мысового городка позволило не только решить определенные проблемы, относящиеся к истории традиционной культуры его населения, но и спровоцировало постановку новых вопросов, требующих более углубленного и несколько иного – гуманитарно-исторического подхода к изучению.

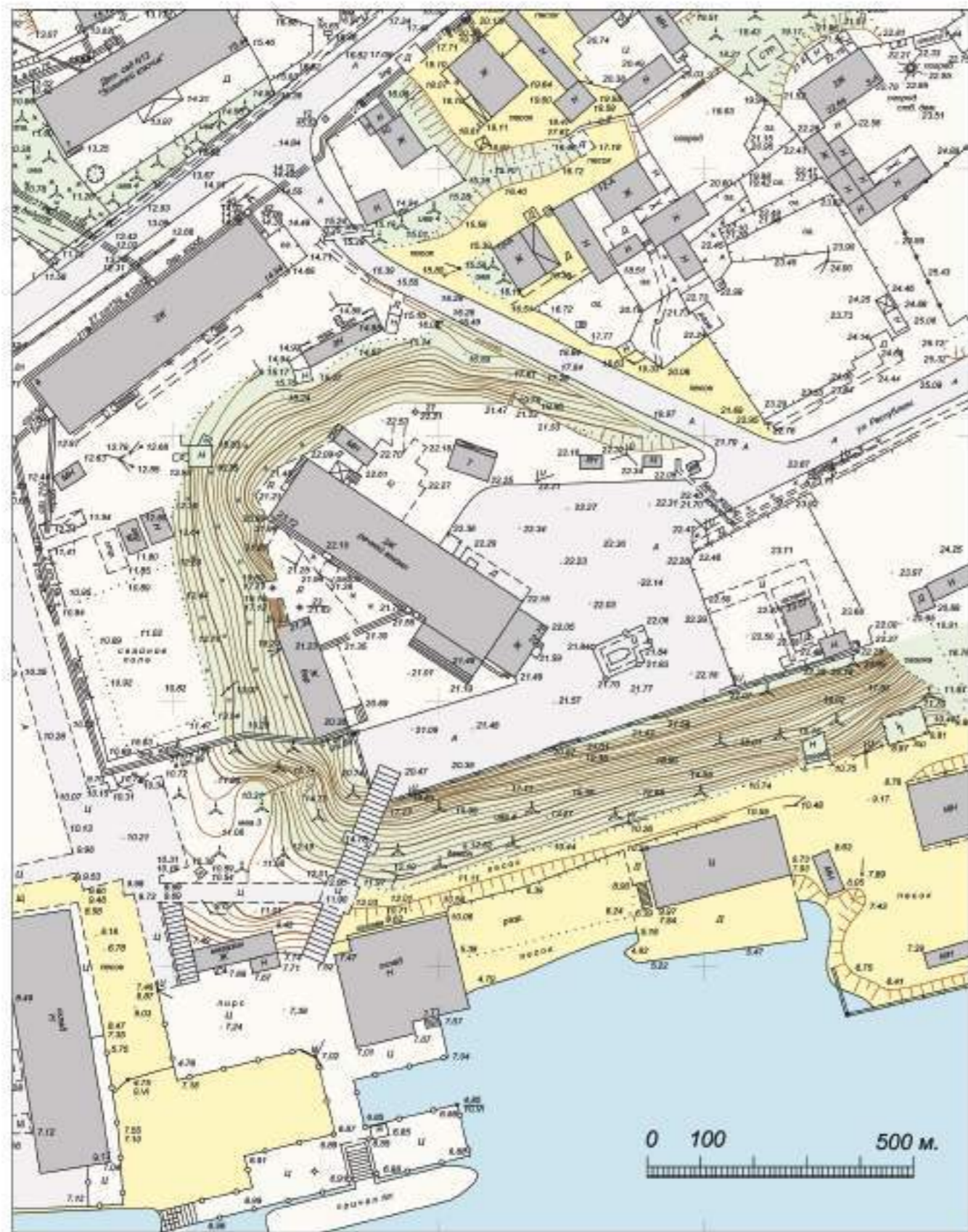

Рис. 2.1. Полуийский мысовой городок. Генеральный план М 1 : 500. Территория до начала стационарных исследований 2004 г.

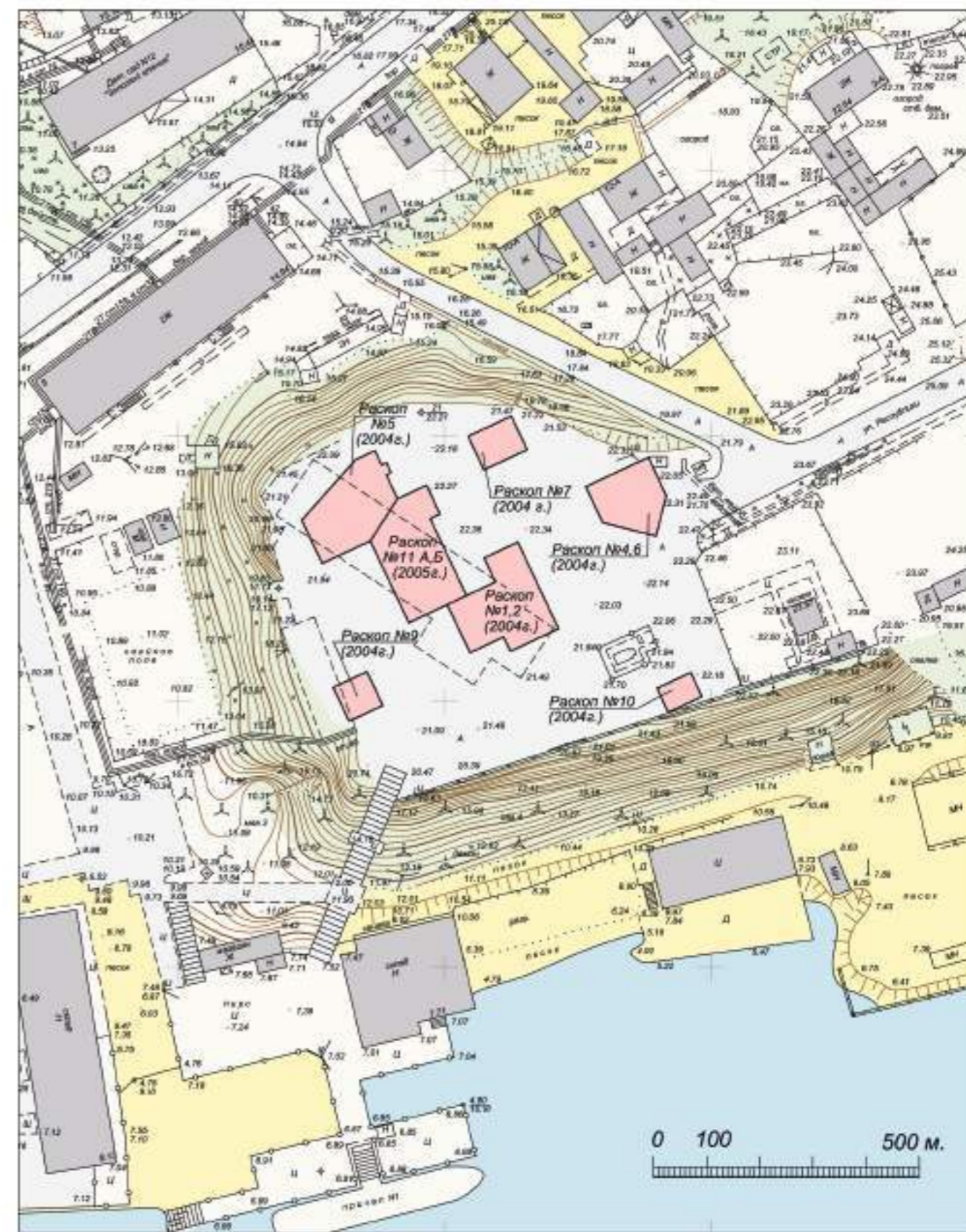

Рис. 2.2. Полуийский мысовой городок. Генеральный план М 1 : 500. Территория памятника со схемой расположения раскопов 2004-05 гг

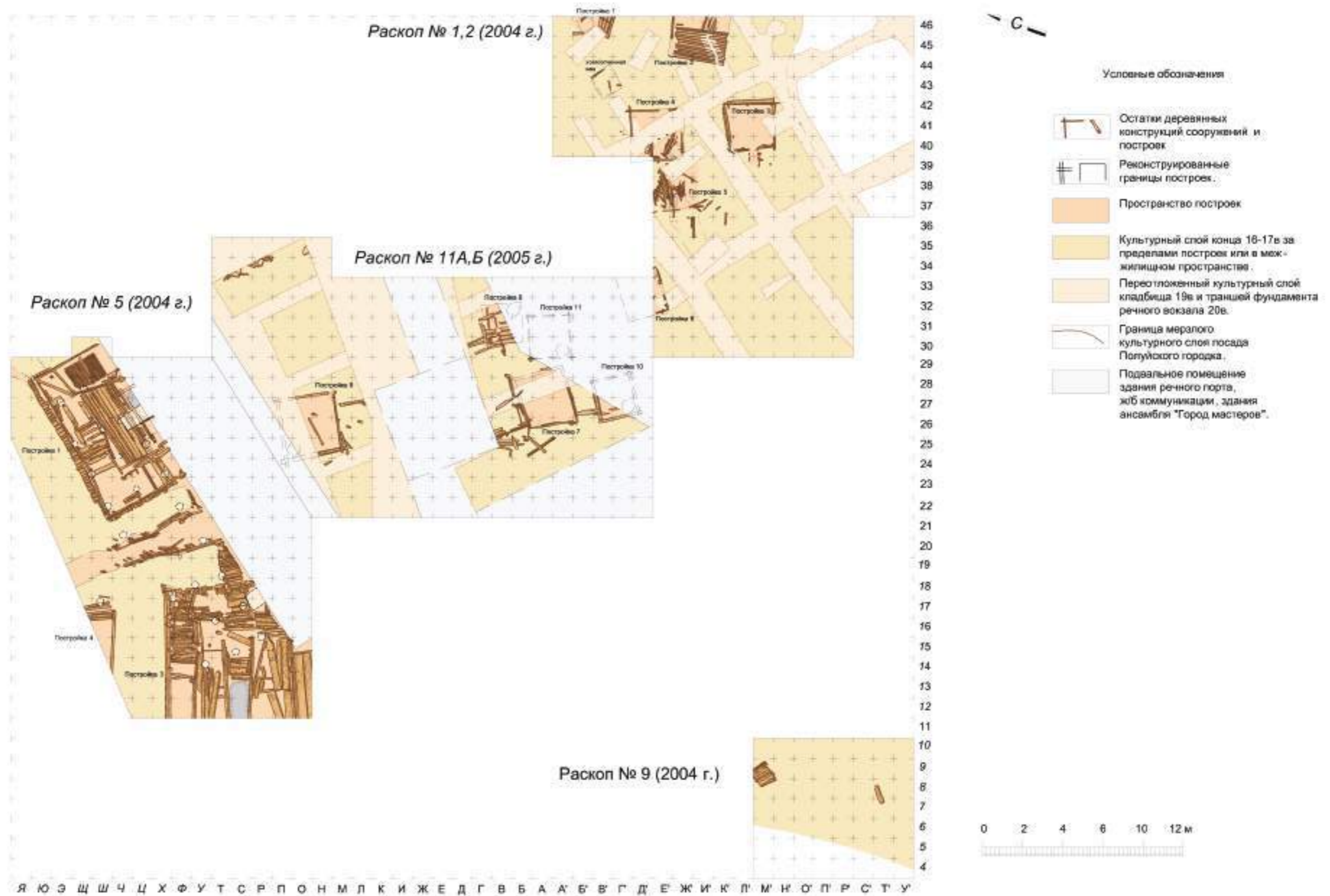

Рис. 2.3. Полуиский мысовой городок. Планировочная структура по материалам раскопок 2004-05 гг. М 1 : 250

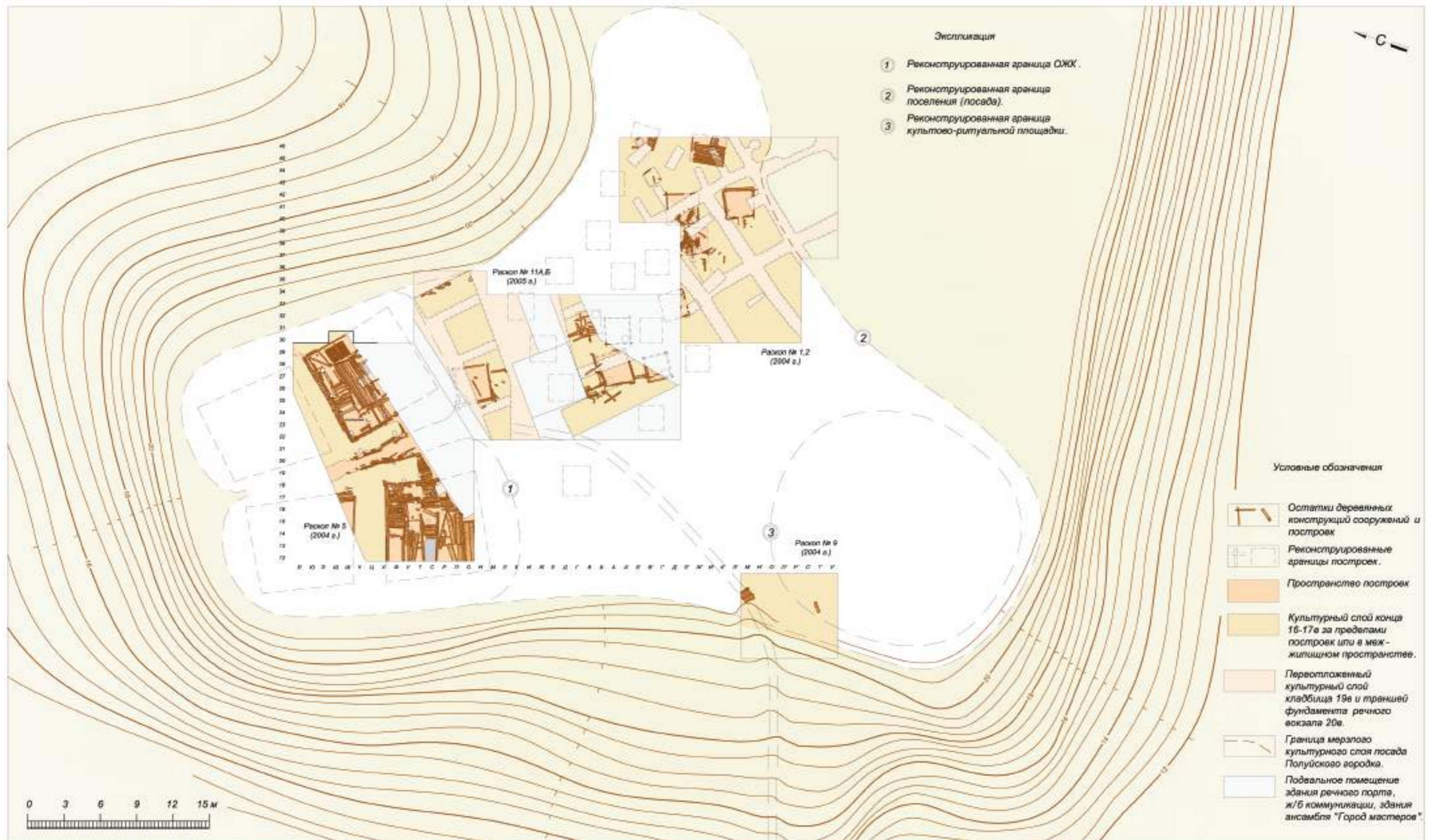

Рис. 2.4. Полуийский мысовой городок. Планировочная структура с реконструкцией древнего рельефа. М 1 : 300

Рис. 2.5. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Центральный проход (улица). Участок У-Щ/19-22, пространство между постройками № 1 и № 3. Уровень первой (верхней) фиксации – 21.25–21.69. Вид с ЮВ

Рис. 2.6. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Центральный проход (улица). Участок У-Щ/19-22, пространство между постройками № 1 и 3. Уровень второй (нижней) фиксации – 21.00–21.25. Вид с ЮВ

Рис. 2.7. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Центральный проход (улица), детали конструкции. Внутренне расположение свай и внешнее обрешетки определяет засыпку конструкции с наружной стороны. Участок У-Щ/19-22, уровень второй (нижней) фиксации – 21.00. Вид с ЮЗ

Рис. 2.8. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Центральный проход (улица), детали – культурный слой в заполнении. Участок Т/21-22, уровень второй (нижней) фиксации – 20.80–21.00. Вид с ЮВ

Рис. 2.9. (А, Б). Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). А, Б – центральный проход (улица), детали конструкции. Для вертикального расположения свай при такой конструкции в верхней части должны устанавливаться распорки, которые одновременно служили балками перекрытия. Участок У-Щ/19-22, уровень второй (нижней) фиксации – 21.00. Вид с СЗ

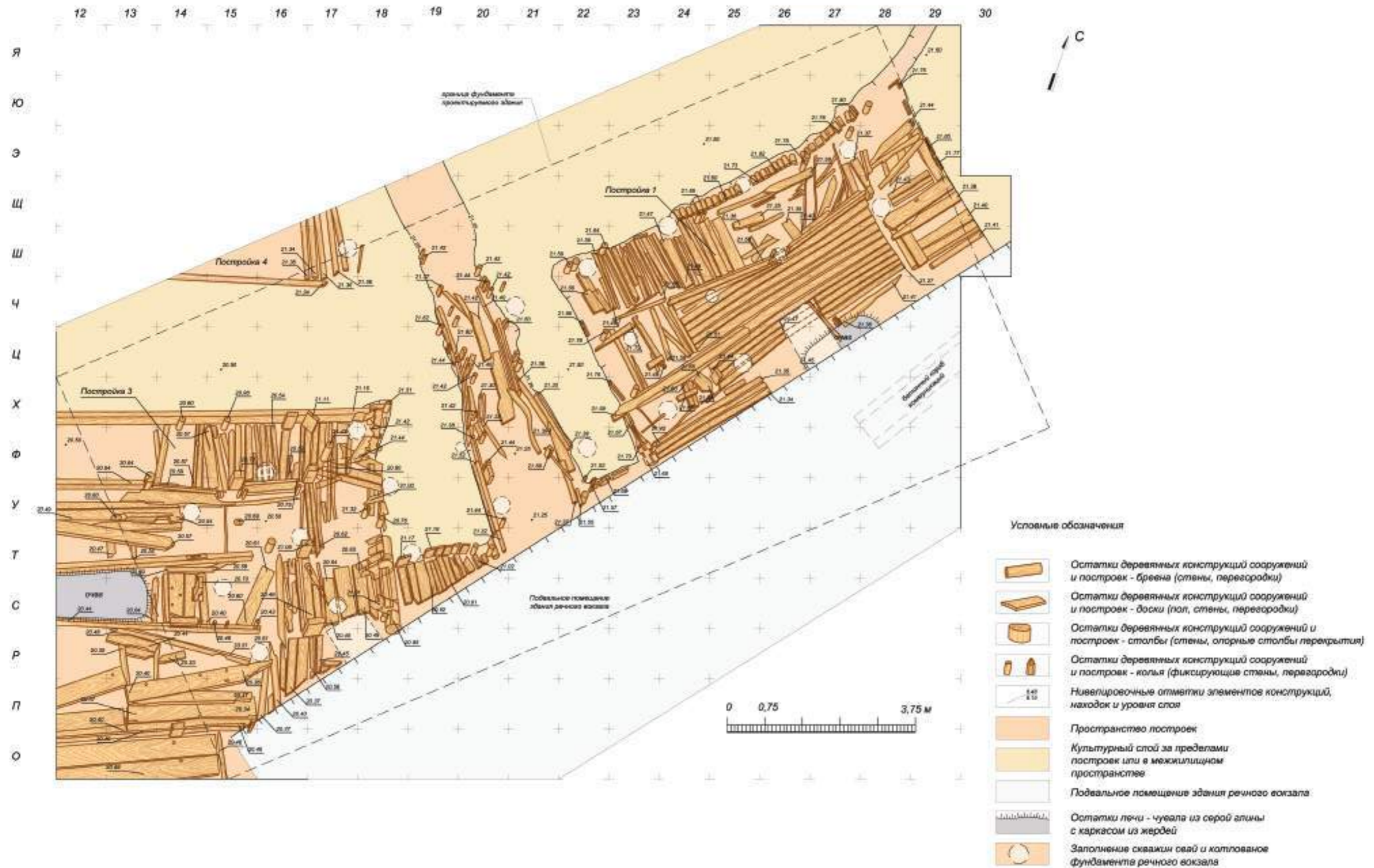

Рис. 2.10. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс. План построек № 1 и № 3 середины XVII – пер трети XVIII вв. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660-70-х гг. Уровень: 21.60–21.70. М 1 : 75

Рис. 2.11. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф-Ю/23-30, первые верхние очертания котлована строения и отдельных конструкций. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660-70-х гг. Очертания прорезаны сваями храмовой ограды (на переднем плане), и сваями пристройки к зданию речного вокзала. Уровень: 21.60-21.70. Вид с С

Рис. 2.12. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф-Ю/23-30. Конструкции периметра стен и пола. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660-70-х гг. Уровень: 21.50-21.60. Вид с С

Рис. 2.13. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф-Ю/23-30. Конструкции периметра стен и пола. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660-70-х гг. Уровень: 21.50-21.60. Вид с ЮЗ

Рис. 2.14. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф-Ю/23-30. Конструкции периметра стен и пола. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660-70-х гг. Уровень: 21.50-21.60. Вид с ЮВ

Рис. 2.15. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф-Ю/23-30. Конструкции периметра стен и пола. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660-70-х гг. Уровень: 21.50-21.60. Вид с СЗ

Рис. 2.16. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ф-Х/23, Детали: основание протмообразующей конструкции (порог). Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660–70-х гг. Уровень: 21.50–21.75. Вид сверху в плане

Рис. 2.17. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ф-Х/23, Детали: основание проемообразующей конструкции (порог). Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660–70-х гг. Уровень: 21.50–21.75. Вид сбоку изнутри помещения

Рис. 2.18. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Э-Ю/26–27, детали: фрагмент основания конструкции наружной северо-западной стены. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660–70-х гг. Уровень: 21.50–21.60. Вид с СЗ

Рис. 2.19. (А, Б). Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ш/25– 26. Перегородка центрального помещения с отверстиями и остатками нагелей – доски бортового набора судна типа дощаника или барки: А – сопряжение с опорным столбом центрального помещения, вид с СЗ из пространства галереи; Б – сопряжение с опорным столбом центрального помещения, вид с верху. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660–70-х гг.

Рис. 2.20. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Э-Я/27–29, Детали: северный угол постройки и узкий ровик предположительно водоотводный. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660–70-х гг. Уровень: 21.50

Рис. 2.21. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Щ/24–25, Детали: фрагмент основания конструкции наружной северо-западной стены. Строительный горизонт последнего периода реконструкции 1660–70-х гг. Уровень: 21.50–21.60. Вид с СЗ

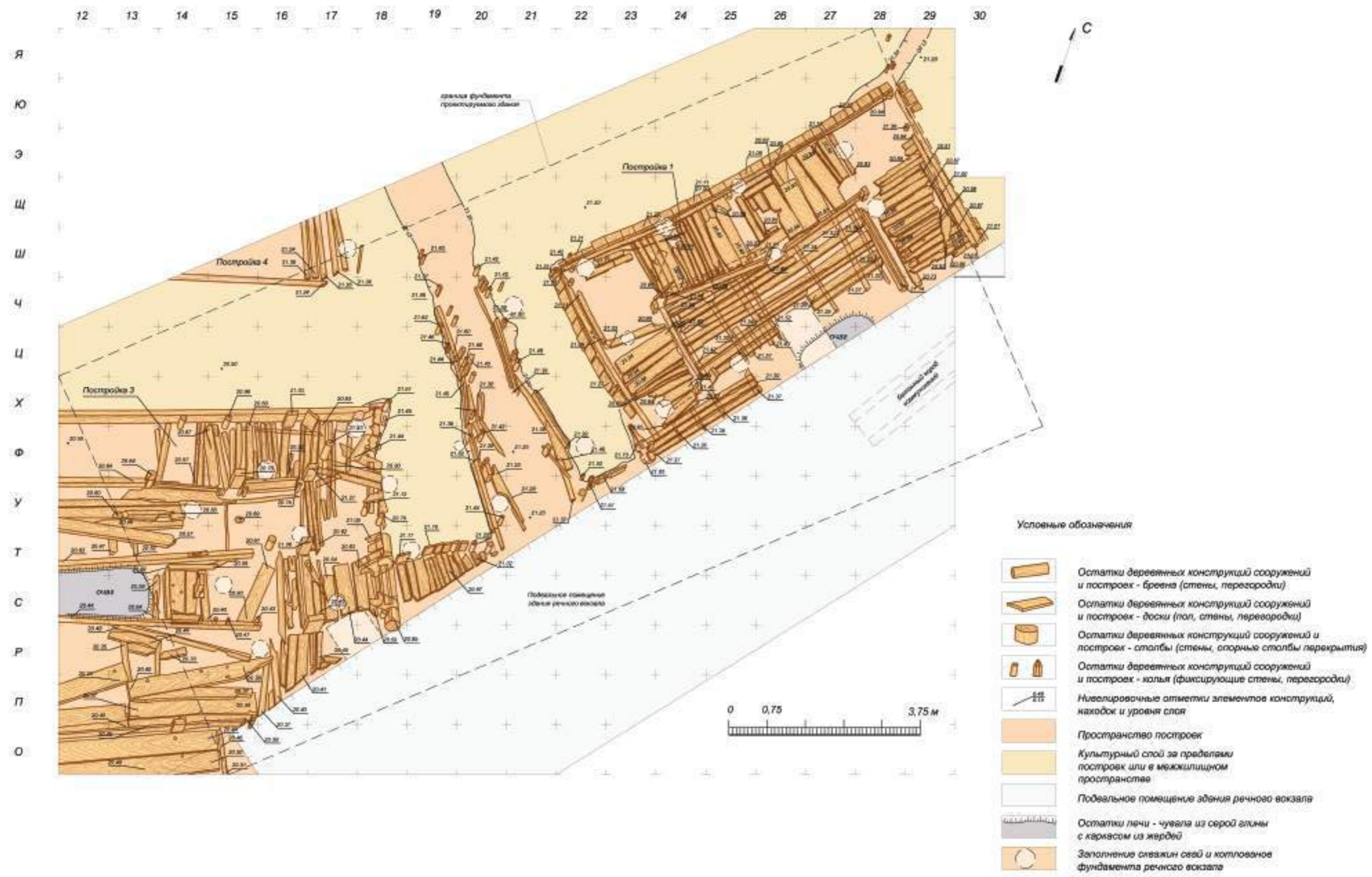

Рис. 2.22. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс План построек № 1 и № 3 середины XVII в. Строительный горизонт реконструкции 1620-30-е гг. Уровень: 20.80-21.40. М 1 : 75

Рис. 2.23. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф–Ю/23–30. Конструкции периметра стен и пола строительного горизонта реконструкции 1620–30-х гг. Уровень: 20.80–21.40. Вид с ЮЗ

Рис. 2.25. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Э–Я/27–29. Детали: северный угол постройки строительного горизонта реконструкции 1620–30-х гг. Уровень: 20.80–21.40. Вид с СВ

Рис. 2.24. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф–Ю/23–30. Конструкции периметра стен и пола строительного горизонта реконструкции 1620–30-х гг. Уровень: 20.80–21.40. Вид с СВ

Рис. 2.26. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ч–Ш/21–22. Детали: западный угол постройки строительного горизонта реконструкции 1620–30-х гг. Уровень: 20.80–21.40. Вид с СЗ

Рис. 2.27. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ф-Ч/21-23. Детали: фрагмент основания конструкции наружной юго-западной стены выполненной из досок, прошитых нагелями – бортового набора русского судна (барки, дощаника (?). Строительный горизонт реконструкции 1620-30-х гг. Уровень: 20.80-21.40. Вид с ЮЗ

Рис. 2.28. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ч-Ш/21-22. Детали: западный угол – сопряжение оснований юго-западной и северо-западной наружных стен. Брусья, фиксировавшие основание с внутренней стороны стены крепились на грунте при помощи кольев. Строительный горизонт реконструкции 1620-30-х гг. Уровень: 20.80-21.40

Рис. 2.29. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ш-Ю/26-27. Детали: фрагмент основания конструкции наружной северо-западной стены и пола галереи. Строительный горизонт реконструкции 1620-30-х гг. Уровень: 20.80-21.40. Вид с СЗ

Рис. 2.30. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ш/24-25. Детали: фрагмент основания северо-западной наружной стены. Брус фиксирует вертикальное положение досок стены с внутренней стороны помещения. Строительный горизонт реконструкции 1620-30-х гг. Уровень: 20.80-21.40

Рис. 2.31. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ш/24-25. Детали: фрагмент основания северо-западной наружной стены – сопряжение с настилом пола галереи. Строительный горизонт реконструкции 1620-30-х гг. Уровень: 20.80-21.40

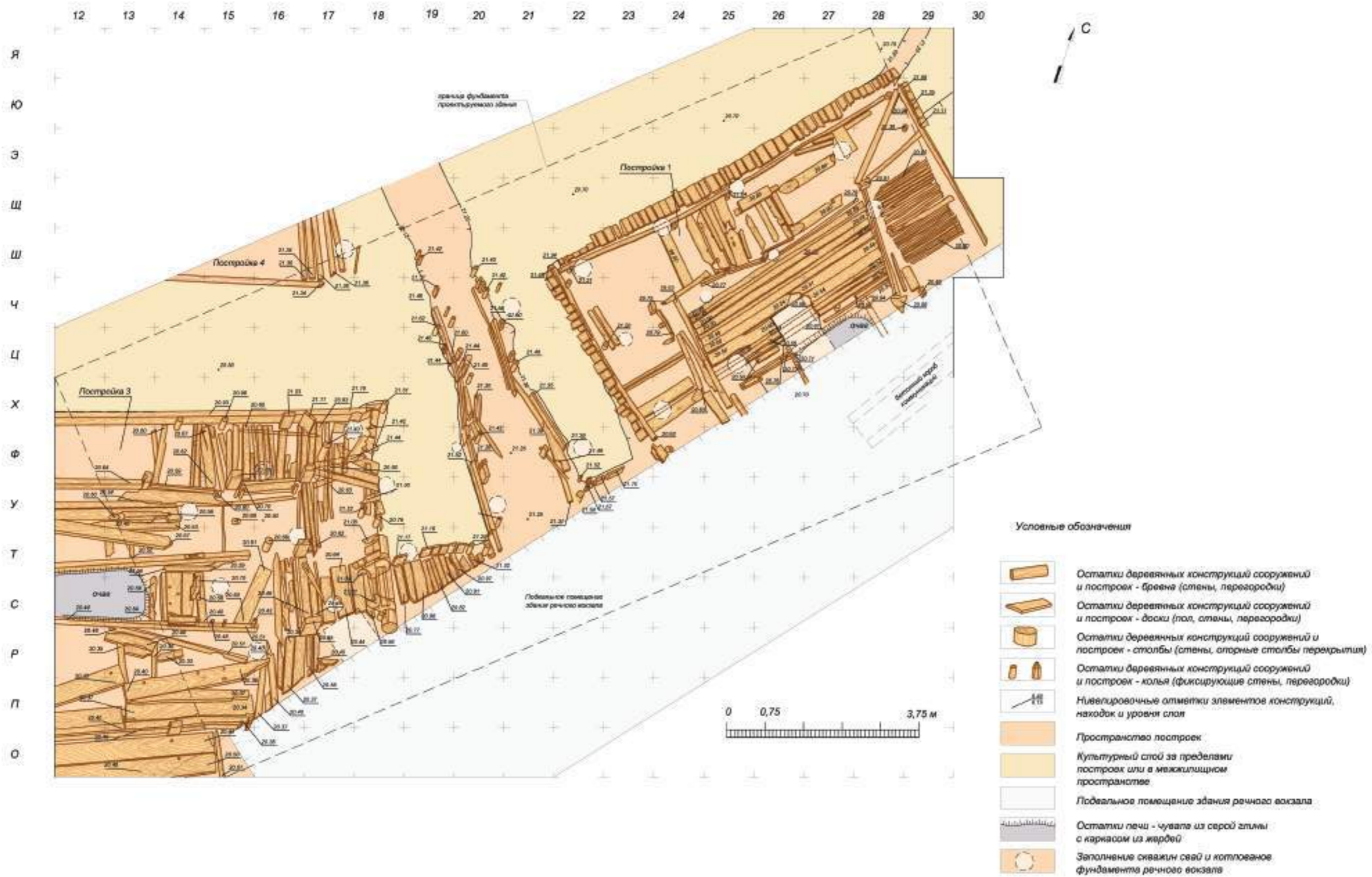

Рис. 2.32. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). План построек № 1 и № 3 конца XVI – пер. трети XVIII вв. Строительный горизонт реконструкции 1590-1610-е гг. Уровень: 20.40-20.80. М 1 : 75.

Рис. 2.33. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф-Ю/23-30. Конструкции периметра стен и пола. Строительный горизонт реконструкции 1590–1610-е гг. Уровень: 20.40–20.80. Вид с З

Рис. 2.34. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф-Ю/23-30. Конструкции периметра стен и пола. Строительный горизонт реконструкции 1590–1610-х гг. Уровень: 20.40–20.80. Вид с ЮЗ

Рис. 2.35. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1 «княжеский дом», участок Ф-Ю/22-30. Внутреннее пространство и пол. Строительный горизонт реконструкции 1590–1610-х гг. Уровень: 20.40–20.80. Вид с СВ

Рис. 2.36. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Х-Ц/25-26. Детали: фрагмент деревянной рамы центрального очага. Строительный горизонт реконструкции 1590–1610-х гг. Уровень: 20.40–20.80. Вид с СЗ

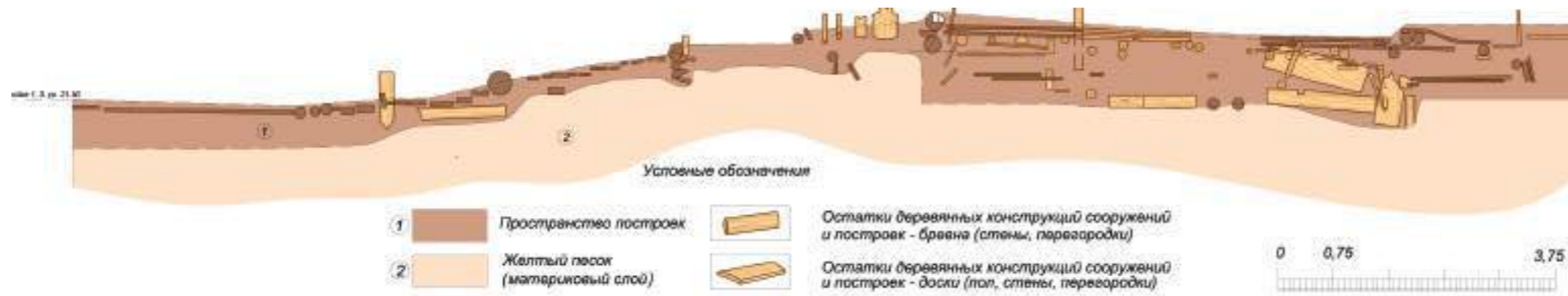

Рис. 2.37. Полуйский мысовой городок. Стратиграфические разрезы. М 1 : 75

Рис. 2.40. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 3, участок О-Х/12-18. Внутреннее пространство и пол. Строительный горизонт 1660-1670-х гг. Уровень: 20.60-21.50. Вид с СВ

Рис. 2.38. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ш-Щ/22-23. Детали: западный угол и фрагмент основания северо-западной стены. При последующей реконструкции (1620-30-х гг.) наружные стены срубались под основание. Строительный горизонт реконструкции 1590-1610-х гг. Уровень: 20.40-20.80. Вид с СВ

Рис. 2.39. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 1, участок Ш-Щ/25-26. Детали: основание северо-западной стены использованное в качестве фундамента здания следующего строительного горизонта. Брус поверх стеновой конструкции принадлежит основанию стены реконструкции 1620-30-х гг. Строительный горизонт реконструкции 1590-1610-х гг. Уровень: 20.40-20.80. Вид с СЗ

Рис. 2.41. Полуйский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 3, участок О-Х/12-18. Внутреннее пространство и пол. Строительный горизонт 1660-1670-х гг. Уровень: 20.60-21.50. Вид с С

Рис. 2.42. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 3, участок О-Х/12-18. Внутреннее пространство и пол. Строительный горизонт 1660-1670-х гг. Уровень: 20.60-21.50. Вид с СЗ

Рис. 2.45. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 3, участок Т-Х/12-18. Детали: настил пола в северо-западной галерее. Строительный горизонт 1660-1670-х гг. Уровень: 20.60-21.50. Вид с СВ

Рис. 2.43 (А, Б). Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 3, участок С-Т/17-19. Детали: конструкции входа и основание проёмообразующей конструкции: А – порог, вид из предвходового коридора с СВ; Б – предвходовый коридор и порог – вид от центрального очага с ЮЗ. Строительный горизонт 1660-1670-х гг. Уровень: 20.60-21.50

Рис. 2.46. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 3, участок Х/18. Детали: северный угол. Строительный горизонт 1660-1670-х гг. Уровень: 20.60-21.50. Вид с СВ

Рис. 2.44. Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 3, участок С-Т/18. Детали: основание проёмообразующей конструкции – порог с выборкой под шарнирную дверь и ремонтной планкой. Строительный горизонт 1660-1670-х гг. Уровень: 20.85

Рис. 2.47 (А, Б). Полуийский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5, 2004 г.). Постройка № 3, участок Т-Х/12-18. Детали: центральный очаг в деревянной раме из бруса: А – общий вид вид с востока, Б – вид с северо-востока. Строительный горизонт 1660-1670-х гг. Уровень: 20.60-21.50. Вид с С

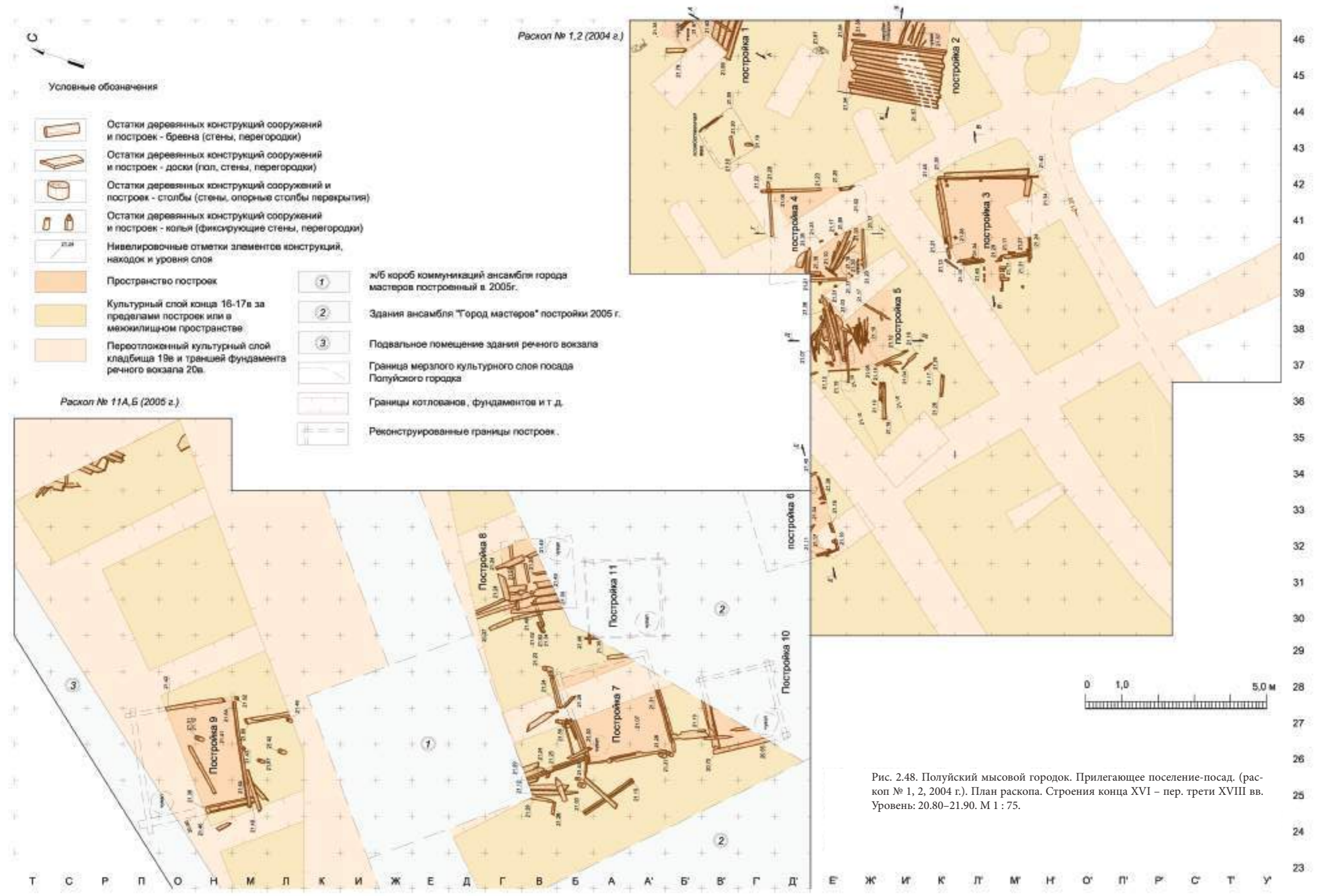
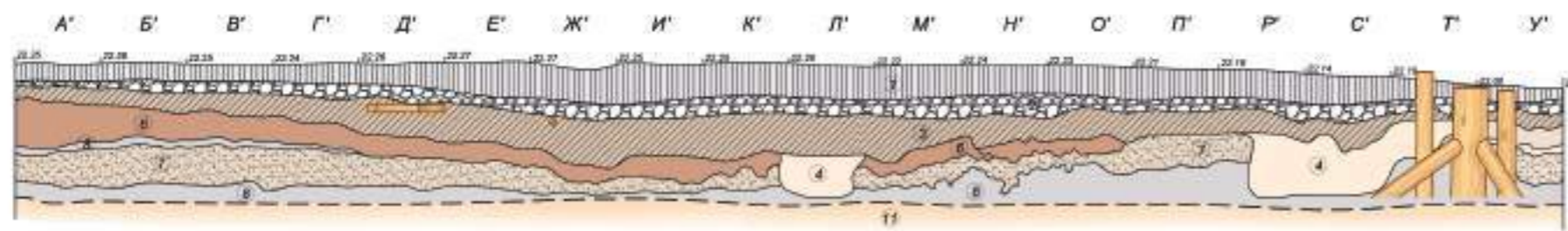
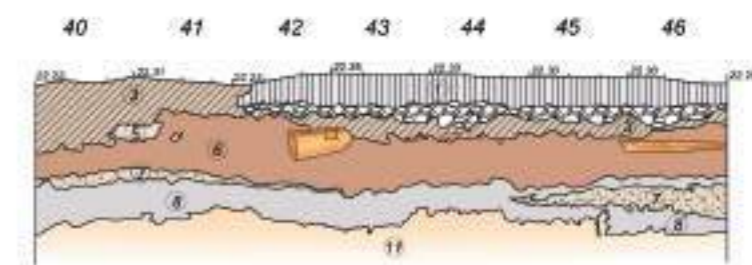

Рис. 2.48. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад. (раскоп № 1, 2, 2004 г.). План раскопа. Строения конца XVI – пер. трети XVIII вв. Уровень: 20.80–21.90. М 1 : 75.

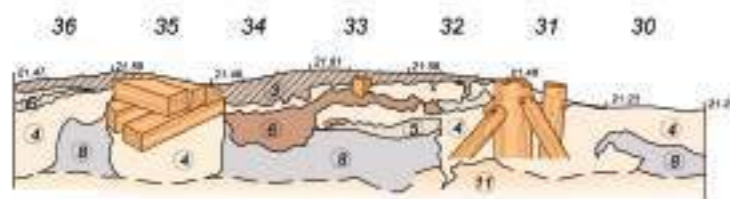
Стратиграфический разрез восточной стенки раскопа №1,2 в квадратах 46-А'... 46-У'

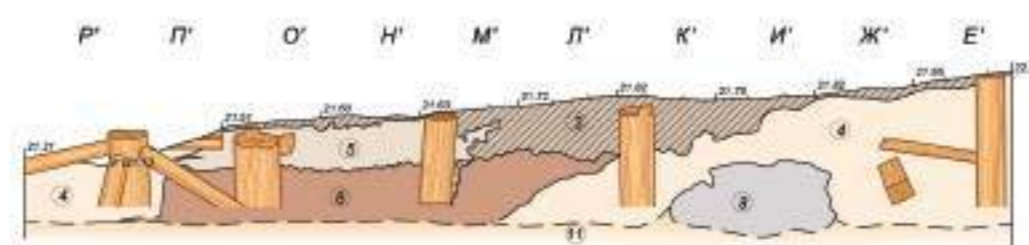
Стратиграфический разрез северной стенки раскопа №1,2 в квадратах 40-А'... 46-А'

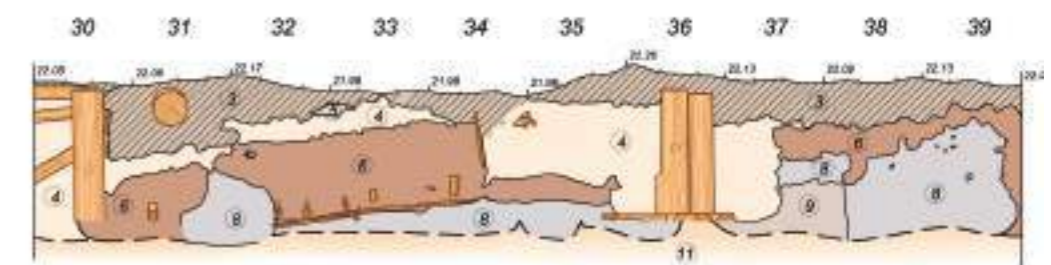
Стратиграфический разрез южной стенки раскопа №1,2 в квадратах 36-Р'... 30-Р'

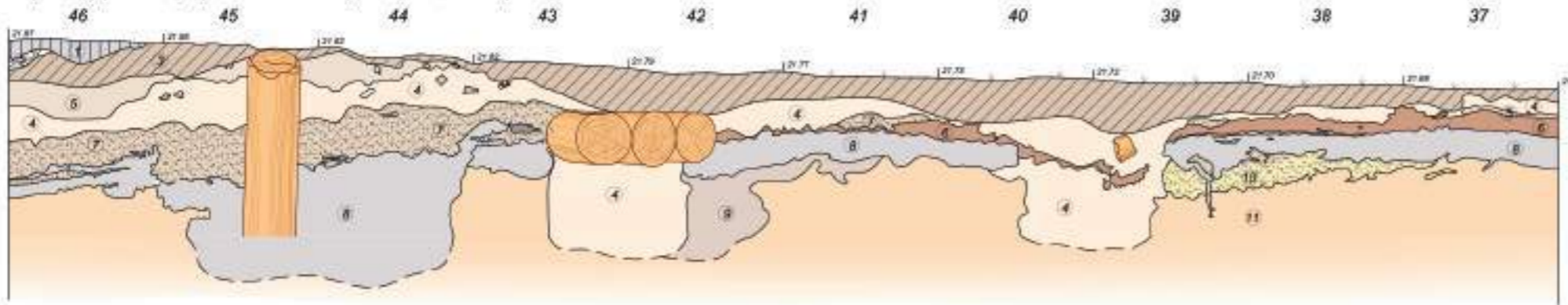
Стратиграфический разрез западной стенки раскопа №1,2 в квадратах 30-Р'... 30-Е'

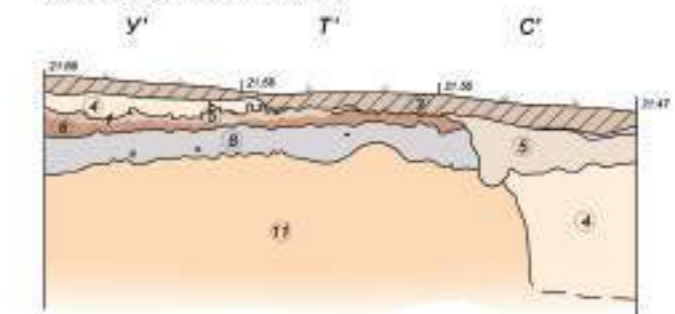
Стратиграфический разрез северной стенки раскопа №1,2 в квадратах 30-Е'... 39-Е'

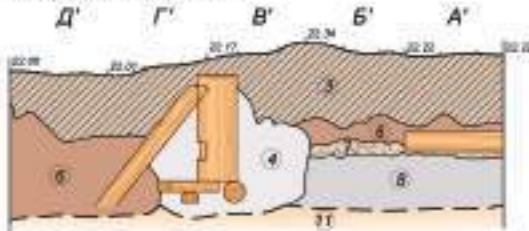
Стратиграфический разрез южной стенки раскопа №1,2 в квадратах 46-У'... 37-У'

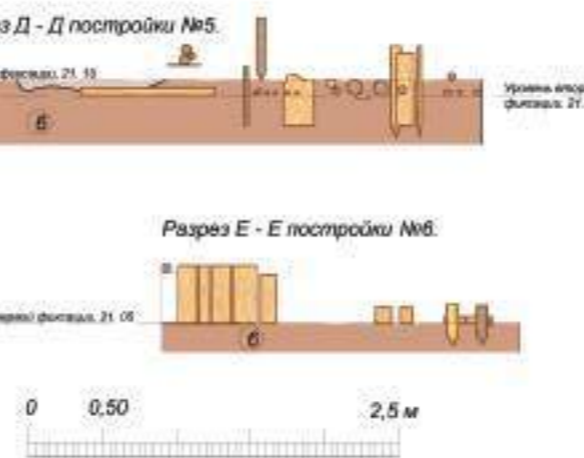
Стратиграфический разрез западной стенки раскопа №1,2 в квадратах 37-У'... 37-С'

Стратиграфический разрез западной стенки раскопа №1,2 в квадратах 40-Д'... 40-А'

Разрезы построек 1 - 6 (М1:50)

Условные обозначения

1	- асфальтовое покрытие	7	- серо-желтый лесок с галькой
2	- отсыпка щебнем	8	- темно-серый слой
3	- плотный гумусированный слой - плодородная почва	9	- глина
4	- переотложенный культурный слой кладбища 19в и траншей фундамента речного вокзала 20в.	10	- желто-серый песок с содержанием угля и гальки
5	- серо-желтый лесок (поздняя отсыпка)	11	- желтый песок (материковый слой)
6	- темно-коричневый рыхлый слой сощелой и травой (культурный слой)	12	- Остатки печи - чувала из серой глины.

Рис. 2.49. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад. (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Стратиграфические разрезы стен построек. Стрoения конца XVI - пер. трети XVIII вв. Уровень: 20.80-21.90. М 1 : 75

Рис. 2.50. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 1, участок А'-Г'/45-46. Уровень: 21.60-21.70. Строения периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с З

Рис. 2.51. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 2, участок Е'-К'/44-46. Уровень: 21.50-21.60. Строения периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с З

Рис. 2.52. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок К'-М'/39-42. Уровень первой фиксации: 21.30-21.90. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с СЗ

Рис. 2.53. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок К'-М'/39-42. Уровень третьей фиксации: 20.80-21.20. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с Ю

Рис. 2.54. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок К'-М'/39-42. Уровень пятой фиксации: 20.70-20.90. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с ЮЗ

Рис. 2.55. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок К'-М'/39-42. Уровень пятой фиксации: 20.70-20.90. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с СВ

Рис. 2.56. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение - посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок Л'-М'/41-42. Детали: конструкция жердевой кровли провалившейся внутрь жилого помещения, уровень третьей фиксации: 20.80-21.20. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв.

Рис. 2.57. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок К'-Л'/42. Детали: берестяные листы в конструкция кровли выполнявшие функции гидроизоляции, уровень третьей фиксации: 20.80-21.20. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв.

Рис. 2.58 (А, Б). Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок Л'-М'/39-40. Детали: элементы конструкции предвходового коридора: А - вид с северо-востока из пространства постройки, Б - вид сверху на перекрытие предвходового коридора. Уровень третьей фиксации: 20.80-21.20. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв.

Рис. 2.59. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок Л'-М'/39-40. Детали: элементы конструкции предвходового коридора и дверного проема. Уровень пятой фиксации: 20.70-20.90. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с ЮЗ

Рис. 2.61. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок К'-М'/39-42. Уровень шестой фиксации: 20.60-20.80. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с СВ

Рис. 2.60. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок Л'-М'/39-40. Детали: элементы конструкции дверного проема и предвходового коридора. Уровень пятой фиксации: 20.70-20.90. Строение периода функционирования конца XVI - пер. трети XVIII вв. Вид с СВ

Рис. 2.62. Полуйский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок К'-М'/39-42. Уровень шестой фиксации: 20.60-20.80. Строение периода функционирования конца XVII - пер. трети XVIII вв. Вид с СЗ

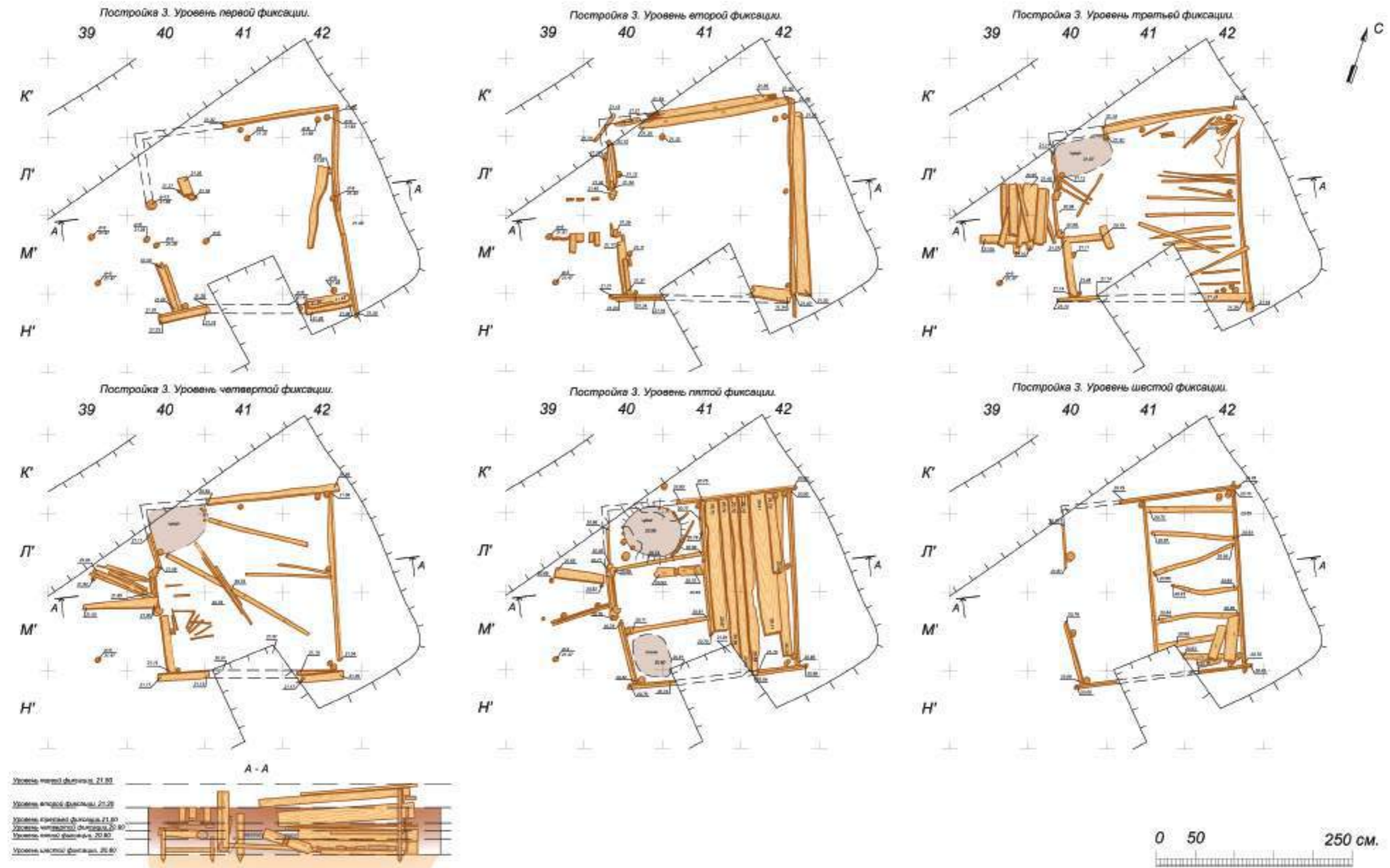

Рис. 2.63. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 3, участок К'–М'/39–42. Уровень фиксации: 20.60–21.90. Строение периода функционирования конца XVII – пер. трети XVIII вв. Планы и разрезы. М 1 : 20

Рис. 2.64. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 6, участок Е'/32-34. Уровень фиксации: 21.00-21.50. Строение периода функционирования конца XVII – пер. трети XVIII вв. Вид с ЮВ

Рис. 2.67. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 1, 2, 2004 г.). Постройка № 9, участок М-П/25-28. Уровень фиксации: 21.00-21.50. Строение периода функционирования середины XVI – пер. трети XVIII вв. Вид с ЮВ

Рис. 2.65. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 11, 2005 г.). Постройка № 7, участок Б'-Б/26-28. Уровень фиксации: 21.10-21.60. Строение периода функционирования конца XVI – пер. трети XVIII вв. Вид с СЗ

Рис. 2.66. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 11, 2005 г.). Постройка № 7, участок А'-Б/26. Уровень фиксации: 21.10-21.30. Детали: основание проеомобразующей конструкции

Рис. 2.68. Полуийский мысовой городок. Прилегающее поселение-посад (раскоп № 11, 2005 г.). Участок Б'-А'/40. Уровень фиксации: 21.10-21.20. Берестяная кровля постройки или чума (?) в культурном слое посада периода функционирования конца XVI – пер. трети XVIII вв. Вид с СВ

Рис. 2.69. Полуйский мысовой городок. Поселение-посад (раскоп № 9, 2004 г.). Территория прилегающая или входящая в пространство ритуальной площадки. Участок У'-М'/4-10. Уровень фиксации: 19.70-19.80. Периода функционирования конец XVI - пер. треть XVIII вв. Вид с ЮЗ

Рис. 2.70. Полуйский мысовой городок. Поселение-посад (раскоп № 9, 2004 г.). Территория прилегающая или входящая в пространство ритуальной площадки. Участок У'-М'/4-10. Уровень фиксации: 19.70-19.80. Периода функционирования конец XVI - пер. треть XVIII вв. Вид с ЮВ

Рис. 2.71. Полуйский мысовой городок. Поселение-посад (раскоп № 9, 2004 г.). Территория прилегающая или входящая в пространство ритуальной площадки. Участок У'-М'/4-10. Уровень фиксации: 19.40-19.50. Периода функционирования конец XVI - пер. треть XVIII вв. Вид с ЮЗ

Рис. 2.72. Полуйский мысовой городок. Поселение-посад (раскоп № 9, 2004 г.). Территория прилегающего поселения-посада. Участок У'-М'/4-10. Уровень фиксации: 19.40-19.50. Период функционирования конец XVI - пер. треть XVIII вв. Вид с ЮВ

Рис. 2.73. Полуйский мысовой городок. Поселение-посад (раскоп № 9, 2004 г.). Территория прилегающего поселения-посада. Детали: фрагмент дощатого трапа - лестницы, ведущей к реке. Участок Н'-М'/8-10. Уровень фиксации: 19.40-19.50. Период функционирования начало XVII - пер. треть XVIII вв. Вид с ЮВ

ГЛАВА 3

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ПОЛУЙСКОГО МЫСОВОГО ГОРОДКА

Предметы, их фрагменты или детали, а также отходы производств – то есть та часть утилизированной и сохранившейся части вещевого мира человека, которая попала в культурный слой археологического памятника, – является важнейшим источником по материальной и духовной культуре населения изучаемого региона. Анализируя именно артефакты, исследователь определяет культурно-хронологическую принадлежность объекта исследований, моделирует и воспроизводит историческое прошлое. В случае с изучаемым городком, в культурном горизонте которого в условиях вечной мерзлоты сохранилось множество вещей, в том числе из органических материалов, возможности для относительно достоверных реконструкций значительно расширяются.

Всего в процессе раскопок 2004–2005 годов было найдено около 2,5 тысячи предметов конца XVI – начала XVIII века, связанных с жизнедеятельностью населения *Полуйского мысового городка* (прил. 3). Это изделия из различных материалов, главным образом, органических (дерево, кость, кожа, ткань).

На первый взгляд, количество находок может показаться небольшим для полноценного анализа и характеристики материальной культуры жителей данного городка, реконструкции их быта и занятий. Между тем эти предметы составляют 170 категорий. В большинстве своем это целые вещи либо фрагменты, позволяющие – вполне достоверно – воспроизвести целую форму предмета. Общее число найденных предметов сопоставимо как по категориям, так и по численности, с вещевым комплексом синхронного слоя Надымского городка. В результате исследований последнего памятника на площади в 650 квадратных м было обнаружено около 5,9 тысячи артефактов [Кардаш, 2009. С. 133; прил. 3]. Общая площадь мерзлого культурного слоя *Полуйского мысового городка*, сохранившаяся в неповрежденном состоянии на всех раскопках, составляет не более 350 квадратных м. Это почти в два раза меньше исследованной раскопками площади Надымского городка. Таким образом, на первом памятнике на 1 квадратный метр вскрытой площади приходится 9 находок, на втором – 7. Это вполне сопоставимые показатели. При таких условиях сравнительный анализ вещевых комплексов обоих синхронных памятников можно считать вполне корректным. В то же время отсутствие ряда категорий предметов в коллекции Надымского городка является особенностью данного поселения. Объяснение этому факту мы попытаемся дать в процессе нашего анализа.

Исходным признаком при классификации и описании предметов является их функция. Вторичным признаком является материал, из которого они изготовлены. По фрагментам удалось идентифицировать далеко не все найденные предметы. Фрагментарность и частое вторичное использование обломков для изготовления новых изделий затрудняли функциональное определение предметов. Тем не менее количество изделий неопределенного назначения относительно невелико: немногим более 15% от их общего объема. Артефакты, которые были достоверно идентифицированы, составили восемь основных функциональных групп предметов.

3.1. КОСТЮМ: ОДЕЖДА, ОБУВЬ, УКРАШЕНИЯ

Одежда – 270 экз. (рис. 3.01–3.03; прил. 3). В большинстве своем обнаруженные при раскопках фрагменты одежды – это многочисленные лоскуты ткани самых разных размеров, со следами прошивки либо износа. Обрезки ткани, свидетельствующие о шитье одежды, единичны. Вся ткань – это цветное сукно импортного происхождения, вероятнее всего, русского. В целом лоскуты ткани были найдены в разных частях городка. Вместе с тем наибольшее их количество было найдено в пространстве оборонительно-жилого комплекса,

прежде всего, в постройке № 1. Фрагментарность одежды указывает на один из способов ее утилизации после значительного износа. Малое число фрагментов костюма явно свидетельствует об особом отношении к изношенной одежде и явно особой ее утилизации.

Зимняя одежда из меха – 2 экз. Единичность остатков меховой одежды обусловлена их плохой сохранностью, вследствие этого ее крайне трудно извлечь из замерзшего культурного слоя. Кроме того, малочисленность фрагментов меха свидетельствует о специальной утилизации меховой одежды. Кусочек меха вообще сложно идентифицировать как одежду. По меху можно лишь определить вид животного. В любом случае, использование зимней меховой одежды в условиях Крайнего Севера не вызывает сомнений. Ее общее описание можно найти в записках иностранных путешественников, посещавших Север Сибири в XVI–XVIII веках [Алексеев, 1941. С. 204]. Дополнением и уточнением такого описания могут служить этнографические материалы [Хомич, 1995. С. 132].

Археологическим подтверждением наличия и активного использования такой одежды населением городка служат находки специальных выбивалок снега из меховой одежды – «*янгаць*». В коллекции имеются выбивалки двух типов: мужские и женские. Обе группы изделий различаются по форме и материалу, из которого они изготовлены.

Мужские выбивалки снега – «*хасава янгаць*» – 10 экз. (рис. 3.01 – 1–6). Они представляют собой деревянные прямые пластины длиной от 39 до 67 см, шириной до 7 см. Пластина овального сечения, уплощенная в нижней части, в верхней завершается округлой в сечении рукоятью, снабженной наверху в форме упора, различных форм. Мужские выбивалки жителей городка отличает определенная индивидуальность форм.

Женские выбивалки снега – «*не янгаць*» – 12 экз. (рис. 3.01 – 7–12). Все они изготовлены из расщепленного вдоль нижней части рога северного оленя. Изделия имели вид изогнутой пластины сегментовидного сечения и прямую рукоять длиной не более 65 см. Их форма, безусловно, обусловлена конфигурацией исходного материала. Тем не менее заготовка тщательно подбиралась в соответствии с будущими пропорциями изделия. Расщепление или стесывание половины рога было занятием относительно трудоемким, которым, вероятнее всего, занимались мужчины.

Охарактеризованные выбивалки аналогичны предметам, бытовавшим в XX веке у аборигенного населения Субарктики, а также выбивалкам конца XVI – первой трети XVIII века, найденным в Надымском городке [Лукина, 1985. С. 78, рис. 33 – 6, 9; Хомич, 1995. С. 99–100; Кардаш, 2009. С. 133, рис. 3.3]. Наличие выбивалок снега – явное свидетельство использования населенного пункта в зимний (снежный) период. Тем не менее об интенсивности и периодичности функционирования *Полуйского мысового городка* по ним судить сложно. Дело в том, что этот бытовой предмет обычно хранится в доме, даже в летнее время. В первую очередь, это касается женских выбивалок, изготовленных из тяжелого сырья. Количество женских выбивалок сопоставимо с числом аналогичных предметов из коллекции Надымского городка. В то время как количество мужских выбивалок среди находок *Полуйского мысового городка* значительно больше, чем в Надымском городке: там их всего две [Кардаш, 2009. С. 133; прил. 3, табл. I]. Это трудно объяснить. Тем более что мужские выбивалки – предмет мобильный, который используют во время дальних зимних поездок, особенно на промыслы. Можно предположить, что большое число мужских выбивалок в *Полуйском мысовом городке*, близкое по количеству женским, указывает не на большее число мужчин, а лишь на их меньшую, вероятно, близкую женской, мобильность лишь в ближайших окрестностях населенного пункта.

Выкройка рукавицы – 1 экз. (рис. 3.02 – 15). Эта находка позволяет судить о наличии самих рукавиц, а также их типе, использовавшемся жителями городка. Найдена только одна выкройка из бересты, аналогичная находкам из Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 133–134, рис. 3.5]. Подробнее о таких рукавицах рассказано в публикации материалов Надымского городка. В данном случае мы лишь можем констатировать, что у местных жителей эта деталь костюма также имела и представляла собой отдельный элемент верхней одежды, который пришивали к рукавам одежды. Единичность такой выкройки указывает на то, что рукавицы в городке практически не шили.

По материалам коллекции *Полуйского мысового городка* зимнюю одежду реконструировать вообще сложно. Никаких фрагментов или деталей, которые можно было бы связать с головными уборами, здесь не обнаружено.

Мы можем лишь отметить, что головной убор, как и рукавицы, был отдельным элементом одежды. Наверняка часть сукна могла использоваться при шитье зимней одежды. Между тем отличить «зимнее» сукно от «летнего» невозможно. О зимней суконной одежде этого периода нами подробно написано в монографии, посвященной раскопкам Надымского городка. В ней анализ соответствующих археологических находок – остатков зимней одежды – изложен с привлечением документальных и этнографических данных [Кардаш, 2009. С. 132–135, рис. 3.1–3.8].

Летняя одежда из сукна – 228 экз. (рис. 3.02, 3.03; прил. 3). Ученные фрагменты – суконные лоскуты – отнесены нами к летней одежде. Тем не менее это не исключает их возможного использования и в составе зимней одежды. Например, как суконного верха шубы с подкладом. В любом случае, по столь мелким фрагментам достоверно одежду реконструировать сложно. Отметим лишь, что нами обнаружены в основном куски сильно изношенной одежды, точнее, пошедшие на заплатки. По количеству фрагментов и виду сукна мы можем сделать два вывода. Первый: широкое употребление суконной одежды жителями городка. Второй: наличие в одежде, которая была в целом однотонна, орнаментальных элементов – фризов из разноцветной ткани (рис. 3.2 – 8, б). Подробные сведения о летней одежде данного периода можно найти в публикации материалов Надымского городка. При раскопках этого памятника было найдено большее количество деталей одежды, а не просто отдельных лоскутков [Кардаш, 2009. С. 134, рис. 3.1–3.2].

Пояса – 12 экз. (рис. 3.3 – 1, 2, 10–12). В коллекции имеются немногочисленные фрагменты и детали, позволяющие составить некоторое представление об этой детали костюма. Представляется очевидным, что бытовали пояса двух видов, отражающих половую дифференциацию в данном аксессуаре одежды. Мужских поясов из кожи не найдено, но об их наличии мы можем говорить по находке одной металлической пряжки.

Поясная пряжка – 1 экз. (рис. 3.3 – 1–12). Предмет отлит из бронзы с высоким содержанием олова (так называемая «белая бронза»). Имеет форму рамки размерами 3,7×2,7 см. Боковая часть, фиксирующая ремень, расширенная, с тремя выступами, декорирована заштрихованными треугольниками. Подобные пряжки, отличающиеся более разнообразным декором, известны в материалах раскопок русского города Мангазея. Они датируются концом XVI – серединой XVII веков [Белов и др., 1981. С. 47–48; рис. 8 – 6–8; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 77–78, рис. 114 – 3, 4].

Пояс плетеный – 3 экз. (рис. 3.1 – 1, 2). В коллекции имеется три фрагмента таких поясов, изготовленных из шерстяных нитей. Последние, возможно, были взяты из распущенных суконных изделий либо привезены в мотках в готовом виде. Скорее всего, шерстяные пояса следует считать принадлежностью женского костюма. Их повязывали поверх одежды. Один из них был однотонный, красно-коричневого цвета, два – с поперечными полосками зеленого и серо-желтого цветов. Ширина поясов — не более 3,5 см. Судя по находке детали станка для плетения поясов на территории оборонительно-жилого комплекса, данные пояса изготавливали в городке.

Женский нательный «гигиенический» пояс – ворон – 8 экз. (рис. 3.03 – 10, 11). Найденные на территории городка детали таких поясов были изготовлены из бересты. Все предметы имеют одинаковую форму, которую можно описать как вертикальное совмещение трех геометрических фигур: треугольника, круга и вытянутого овала, размерами от 19 до 29 см. Представляется вероятным, что они имитировали мужской половой орган. Берестяные детали пояса изготавливали из двух или трех слоев, сшитых через край, так же как крышки берестяных коробов. Воропы были найдены в самих жилищах и рядом с ними. Такие пояса как элемент костюма имели в большей степени семантически защитное значение, нежели реальное гигиеническое. Их надевали с началом менструации и носили до смерти [Абрамов, 1857. С. 334; Мартин, 2004. С. 60, 61, 130; табл. 4 – 4, 5; Лукина, 1985. С. 37].

Обувь — 88 экз. (рис. 3.04 – 1–21; прил. 3). Все детали и фрагменты обуви, найденные при раскопках городка, были изготовлены из телячьей кожи – 83 экз. и ткани (сукна) – 5 экз. Обувь из других материалов не обнаружена. Несмотря на значительное число находок, это в основном фрагменты универсальных обу-

вных головок, которые не позволяют описать типы обуви в соответствии с классификацией и терминологией, предложенной Д. О. Осиповым и Ю. А. Лихтером [2004. С. 10–12, 40]. Мы можем охарактеризовать лишь детали обуви того или иного типа. На наш взгляд, обувь жителей городка не отличалась большим разнообразием и, судя по найденным деталям, составляла те же типы, что и у населения Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 134–135, рис. 3.6–3.8]. Это сапоги с плоской подошвой, головкой из телячьей кожи и высоким голенищем, закрывающим голень, наподобие *ныриков* [Лукина, 1985. С. 55–56; рис. 22]. Второй тип – туфли (ботинки) – обувь с плоской подошвой, головкой из телячьей кожи и низким (до 2–3 см) суконным верхом, закрывающим стопу ниже лодыжки, наподобие русских «котов» или «чирков» [Русские, 2005. С. 347, 351]. Для обоих типов обуви выделяется две разновидности обувных головок, отличающиеся материалом, из которого изготовлены.

Обувные головки сапог и туфлей из телячьей кожи – 83 экз. (рис. 3.04 – 1–14). Они имели плоскую подошву с невысокой, до 3–4 см, головкой, к которой пришивали суконный верх (голенище) в зависимости от предполагаемого типа обуви. Замеченные, относительно устойчивые, различия касаются лишь ширины союзов в месте, прикрывающем пальцы ступни. Они составляют от 3,0–3,5 до 10,0–10,5 см. Вероятно, это может отражать различия типа обуви.

Длина подошв колеблется в интервале от 9,8–11,2 до 26,6 см, что соответствует в современной шкале размеров обуви от 17–18 до 45–46 размеров. Таким образом, мы можем утверждать, что в населенном пункте присутствовали жители всех возрастных категорий, от младенцев до взрослых мужчин.

Обувные головки сапог и туфлей из сукна – 5 экз. Количество предметов данного типа невелико и слишком фрагментарно для каких бы то ни было обобщений. В целом, отличаясь лишь материалом, детали данного типа имеют ту же форму, что и кожаные, и лишь дополняют набор размеров обувных головок из кожи.

Выкройка обувной головки – 14 экз. (рис. 3.4 – 15–21). Все изделия данной группы изготовлены из бересты и являются шаблонами двух типов, соответственно представляющих две детали обувной головки:

Тип 1 – выкройка подошвы в форме вытянутого овала с расширяющейся частью (рис. 3.4 – 19, 21). Такие выкройки соответствуют по форме найденным при раскопках кожаным подошвам и представляют размеры как детской, так и взрослой обуви.

Подтип 1.1 – выкройка подошвы в форме вытянутого овала с боковыми полосами (рис. 3.4 – 20). Данный подтип отличается наличием двух узких полос, предназначенных для формирования задней части обувной головки. Данный вариант выкройки впервые обнаружен при раскопках памятников XVI–XVIII веков и на сегодняшний день представляет уникальную форму.

Тип 11 – выкройка верхней части обувной головки (союзка) в форме вытянутой узкой полосы с загнутым концом (рис. 3.4 – 15–18). Такие выкройки также соответствуют по форме найденным при раскопках кожаным изделиям.

Косы (накосное украшение) «та'нэ'» или «нэбт» (нен.) – 3 экз. (рис. 3.03 – 9). Элемент костюма – украшения головы – прически, изготовленный из человеческих волос с использованием суконных нитей. Длина найденных кос достигает 71 см.

До настоящего времени в культуре аборигенных народов Севера (ненцев и северных хантов) ложные косы как украшение прически, являющееся своеобразным продолжением натуральных кос, используются в качестве элемента праздничного (свадебного) женского костюма. Их изготавливают из волос шерсти и сукна и носят девушки и женщины, начиная с 6–7 лет [Хомич 1952. С. 148–149, рис. 36].

Гребень – 2 экз. (рис. 3.40 – 5–6). Найденные при раскопках изделия изготовлены из лошадиного копыта и по форме относятся к одному типу трапециевидных двусторонних гребней. С одной, короткой, стороны гребни имеют широкие зубья, а с другой, длинной, более узкие. Боковые стороны вогнуты. Параметры трапеции целого гребня: 5,1×6,5×11,8 см, ширина ряда крупных зубьев 3,9 см, мелких 7,6 см. Судя по размерам фрагмента второго гребня, он имел большие размеры, но, по всей видимости, габариты определялись параметрами исходного материала, значение ряда зубьев сохранялось относительно одинаковое.

По формальным признакам такие гребни имеют много аналогий в числе древнерусских гребней XI–XIV веков [Колчин, 1982. С. 165–166, рис. 5]. Тем не менее специфической чертой гребней описанного типа и, вполне вероятно, хронологическим признаком является материал, из которого они изготовлены, – копыто. Именно такие гребни в небольшом количестве встречаются при раскопках памятников аборигенного населения XVII века, к примеру, таких как Надымский городок [Кардаш, 2009. С. 176, рис. 3.56 – 4–5]. Бóльшее число

именно таких гребней найдено при раскопках русского города Мангазея [Белов и др., 1981. С. 41–42; рис. 7, табл. 42 – 11; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 96–97, рис. 161 – 9]. Совершенно очевидно, что их появление в населенных пунктах аборигенного населения связано с функционированием «Мангазейского морского хода» и исчерпывается периодом функционирования города Мангазея.

Функционально гребень – это предмет гигиены, и более логично отнести его к числу предметов быта, тем не менее мы считаем более правильным при анализе материальной культуры аборигенного населения Севера рассматривать их в числе принадлежностей костюма. Даже судя по количеству гребней, найденных при раскопках *Полуйского мысового городка*, функция гребней как средств гигиены не имела большого значения для его жителей. Вместе с тем, исходя из этнографических сведений о семантическом значении гребня в традиционной культуре народов Севера, следует рассматривать их как элемент костюма – оберег [Кардаш, Пономарева, 2012. С. 72–81]. В определенной степени это подтверждается наличием отверстий, очевидно, для подвешивания.

УКРАШЕНИЯ КОСТЮМА – 33 экз. (рис. 3.5, прил. 3). По материалу они разделены на три группы: изделия из кости, металлов (олово, медь, бронза, серебро) и стекла. Это крайне малочисленная группа изделий, что объяснить довольно сложно. Можно лишь попытаться – при анализе каждой группы, имевшей отличное от других функциональное и семантическое значение, – высказать определенные предположения.

Украшения из кости – 24 экз. (рис. 3.05 – 8–24) составляют первую группу. Все эти украшения мы рассматриваем как предметы местного происхождения, связанные с традиционной религией, то есть как подвески-амулеты.

Подвески из костей животных – 22 экз. Это практически необработанные таранные кости, челюсти и отдельные зубы животных, в которых просверлено специальное отверстие для подвешивания. По видам костей их можно подразделить на несколько типов.

Тип I – подвески, изготовленные из зубов животных: клыков волка и песца – 4 экз. (рис. 3.05 – 10–11).

Тип II – подвески из нижних челюстей животных: лисицы и песца – 2 экз. (рис. 3.05 – 12).

Тип III – из таранных костей (кости стопы) животных: бобра, россомахи, волка, зайца – 16 экз. (рис. 3.05 – 13–16, 18–24). Имеется несколько таранных костей бобра, декорированных точечным орнаментом, что позволяет охарактеризовать их как наиболее значимые из всех костей данного типа.

Тип IV – подвеска из головки бедра северного оленя – 1 экз. (рис. 3.05 – 17).

Украшения-амулеты из костей различных животных известны с древнейших времен у различных народов и этнических групп. Использование таких предметов было обусловлено, в первую очередь, религиозно-идеологическими (мифологическими) представлениями и у каждого этноса имело свои особенности и определенную систему.

При раскопках *Полуйского мысового городка* таких предметов найдено на порядок меньше, чем при раскопках Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 136–137, рис. 3.9]. Вряд ли жители этих синхронных населенных пунктов имели столь радикальные различия в религиозной сфере. Логичнее предположить, что почитатели традиции ношения костей были в большей степени связаны с животным миром и, в частности, с промысловой охотничьей деятельностью. Соответственно, в меньшей степени защищены были от «потусторонней» опасности. Это предположение отчасти находит подтверждение в этнографических материалах [Кардаш, 2009. С. 137]. Видимо, жители *Полуйского мысового городка* ощущали себя менее зависимыми от результатов лесных промыслов и в большей степени ощущали божественное покровительство. Правда, это только гипотеза.

Подвески из рога – 2 экз. Это изделия специфической формы, вырезанные из рога северного оленя и снабженные отверстием для подвешивания. Не исключено, что определение их в качестве украшений ошибочно. Такие предметы могли выполнять функцию застежек. В любом случае, мы относим их к группе аксессуаров, связанных с костюмом. Данные предметы представлены двумя следующими типами.

Тип I – подвеска в форме кольца – 1 экз. (рис. 3.05 – 9).

Тип II – подвеска в форме изогнутого стержня – 1 экз. (рис. 3.05 – 8).

Украшения из металла – олова, меди, бронзы и серебра – 9 экз. (рис. 3.05 – 1–4). В данную группу изделий входят предметы разной формы и функционального назначения.

Накладное ажурное украшение (накладка) из олова – 1 экз. Предмет квадратной формы с четырехлепестковой розеткой. Относится к *типу II*, согласно классификации, разработанной нами в результате анализа вещей из коллекции Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 138–140, рис. 3.10].

Такие ажурные накладки использовались для украшения женской верхней одежды и, судя по этнографическим материалам, бытовали на протяжении XIX–XX веков. Их пришивали по краям одежды, образуя орнаментальный фриз. В последнем иногда чередовали разные типы металлических украшений [Мартин, 2004. С. 59–61; табл. 4 – 1]. Аналогий таким накладкам среди археологических находок много, и все они укладываются в диапазон конца XVI – XVIII веков [Семенова, 2001. С. 77, 85; табл. 49, 52, 59; Семенова, 2005. С. 22; рис. 51–57]. Появление таких украшений, безусловно, было связано с колонизацией Севера Сибири Московским государством. В последнем производство изделий из олова было широко распространено, в том числе на Русском Севере [Фармаковский, 1951. С. 110].

Поразительно, что такая находка единична. Это является свидетельством того, что женские костюмы с такими украшениями в городке отсутствовали и не использовались. Более того, литейных форм для их производства в городке не обнаружено. По какой причине такие накладки не производились в городке и почему одежда проживавших в нем женщин была довольно проста и даже аскетична, нам не совсем понятно. Можно предположить, что такие украшения предназначались только для ритуальной и праздничной одежды. В этом случае можно заключить, что таких празднеств, как, например, торжественные культовые и свадебные церемонии, на территории городка не совершалось.

Кольца – 2 экз. Отлиты из меди, имеют форму обычных обручальных, диаметром 2,0–2,2 см, шириной до 3–4 мм.

Серьги «одинцы» «хаво ня», «хаёня» (нен.) – 2 экз. (рис. 3.05 – 3–4). Изготовлены из серебряной проволоки сечением 0,3 см. Представляют собой стержни с нанизанными на них овальными аметистами светло-розового оттенка. Крепежные петли, равно как и другие детали украшения, выполнены в технике холодной гибки.

Аналогичные украшения известны по коллекциям музеев Московского кремля. Считается, что они произведены русскими ювелирами и датируются XVI веком [Коварская и др., 1984. С. 33, 215, рис. 21].

Подвеска в форме лапки водоплавающей птицы («лапчатая») – 1 экз. (рис. 3.05 – 2). Отлита из «белой» бронзы, ее форма имитирует перепончатую лапку водоплавающей птицы. Орнамент имеется только с лицевой стороны. По нашей классификации, относится к *типу II – сплошных*, то есть не ажурных [Кардаш, 2009. С. 138–140, рис. 3.10].

Подвески такого типа имели массовое распространение на средневековых памятниках Северо-Западной Сибири XIII–XV веков. Единичные находки известны в могильниках вымской культуры Северного Приуралья [Чемякин, Карачаров, 2002. С. 60–65; рис. 20 – 7; Савельева, 1987. – С. 106; рис. 31, 31, 33–35, 38, 40].

Подвеска в форме рыбы – 1 экз. (рис. 3.05 – 1). Отлита из «белой» бронзы. Ее форма воспроизводит стилизованный контур рыбы с раздвоенным хвостом. Орнаментирована только лицевая сторона предмета: рельефной «елочкой», возможно, имитирующей скелет рыбы. Подвески такого типа встречаются редко. В таежном Приобье их находят на археологических памятниках XIII–XV веков [Чемякин, Карачаров, 2002. С. 60–65; рис. 20 – 7]. В *Полуйский мысовой городок* их могли принести с какого-то древнего разрушенного могильника. Либо они были пришиты к какому-то ритуальному (шаманскому?) костюму, который передавался из поколения в поколение. Почтительное отношение к древним вещам у всех народов Сибири и Севера известно [Мурашко, Кренке, 2001. С. 6]. Наличие же «древних» украшений (в том числе верхнекамского и волжско-болгарского производства XI–XIII веков) в хантыйских могильниках XVI – начала XVII веков – также обычное явление [Терехова, 1986. Рис. 55; Борзунов, 2003. С. 146, 148, 159; Стефанов, 2003. С. 209].

Украшения из стекла – 15 экз. (рис. 3.05 – 5–7). Они составляют третью группу изделий, представленную только бусинами. В материалах *Полуйского мысового городка* имеются только два типа стеклянных бус, различающихся системой крепления.

Бусины-произки – 13 экз. (рис. 3.05 – 5, 6). Все они – шарообразной формы, диаметром до 1 см, со сквозным отверстием. Цвет стекла – молочно-белый и голубой. Произведены в малороссийских и московских ремесленных центрах. В большом количестве такие же украшения обнаружены при раскопках русского города Мангазея, на острове Фаддея и берегу залива Симса [Порфиридов, 1951. С. 156; Белов и др., 1981. С. 48–50; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 78, рис. 115 – 4, 5].

Бусины-пуговицы – 2 экз. (рис. 3.05 – 7). Имеют шарообразную форму, диаметр до 1 см и металлическое ушко. Изготовлены из темно-синего стекла. Находки таких украшений не редкость, в том числе при раскопках русской Мангазеи [Белов и др., 1981. С. 48–50; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 78, рис. 114 – 13–16].

По материалам раскопок костюм жителя *Полуйского мысового городка* – как представителя элиты, так и рядового общинника – реконструировать довольно проблематично. Можно лишь предполагать, что он мало чем отличался от одежды, зафиксированной путешественниками этнографами у аборигенов Крайнего Севера Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX веков. Дело в том, что все аборигенное население данного региона находилось в сходных ландшафтно-климатических условиях и на протяжении последних двух тысячелетий имело приблизительно один и тот же хозяйственный уклад – сезонных оленеводов, рыболовов и охотников. В какой-то степени их одежда могла различаться орнаментами и украшениями, которые по разным причинам – религиозным, экономическим и другим – изменились более значительно.

3.2. ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА

ОРУДИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОХОТЫ. Эту группу составляют промысловое оружие и различные средства лова животных (рис. 3.06–3.09, прил. 3). Промысловое оружие *Полуйского мысового городка* представлено прежде всего деталями луков, стрел, предметами снаряжения лучника, а также фрагментами самострелов. К средствам лова животных отнесены детали ловушек давящего типа и рыболовные снасти.

ДЕТАЛИ ЛУКА И СНАРЯЖЕНИЕ ЛУЧНИКА можно охарактеризовать как предметы многофункционального использования, поскольку луки, несомненно, применялись и в качестве боевого оружия.

Фрагменты **луков охотничьих** – 4 экз. (рис. 3.06 – 2), представлены фрагментами кремлевых и наружных пластин от сложносоставных охотничьих луков.

По находкам из *Полуйского мысового городка* реконструируется лук, состоявший из нескольких элементов: тонкая (около 0,5 см) наружная пластина из березы (березовая планка), к которой крепились две или три кремлевые пластины (толщиной 1,0–1,5 см); два березовых хвостовика, представлявших собой изогнутую пластину, уплощенную с одного конца и имеющую вырез для тетивы с другого. Детали лука склеивались, очевидно, осетровым клеем и оборачивались берестяной лентой. Такой лук близок к конструкции сложных (склеенных из двух пластин) луков из раскопок Новгорода XI–XIV веков и Мангазеи XVII века [Древняя Русь, 1985. С. 312; табл. 132 – 6–7; Белов и др., 1981. С. 74; табл. 64 – 1–4].

Щиток для защиты запястья лучника – 1 экз. (рис. 3.06 – 1). Изделие представляет собой костяную пластину, предназначенную для защиты запястья левой руки лучника от ударов тетивы. Щиток овальный, изогнут по продольной оси. Его размеры: 10,0×4,0×0,2 см. В средней части щитка имеются парные отверстия, в которые продевались ремешки для крепления его на запястье. Изделие украшено по краю пуансонным орнаментом.

Стрелы в коллекции представлены фрагментами древков и отдельными наконечниками.

Древки стрел – 4 экз. Представлены обломками концевой части. Диаметр «оцилиндрованных» древков составляет от 0,7 до 1,0 см. Длина фрагментов не превышает 19,8 см. Судя по находкам на городище костяных и деревянных стругов (см. ниже), а также заготовок наконечников, стрелы изготавливались на месте.

Наконечники стрел (рис. 3.06, 3.07 – 10, 11). При раскопках городка обнаружено 38 экземпляров. Наконечники стрел по материалу, из которого они изготовлены, делятся на три группы.

Группа 1 – наконечники стрел (стрелы) из дерева – томары – 9 экз. (рис. 3.06 – 20, 21, 3.07 – 10, 11). Специфический вид стрелы, использовавшийся в пушном промысле. Диаметр ударной части стрел варьируется от 2,4 до 3,3 см. Наконечники имеют конусовидное очертание с выступающей ударной площадкой, а также округлое или прямоугольное сечение с насечками на гранях.

Группа 2 – наконечники из кости и рога оленя, в том числе заготовки, – 28 экз. Они подразделяются на пять типов.

Тип I – стержневидные удлинённые наконечники с плоским насадом – 11 экз. Изделия этого типа бывают плоские или многогранные (рис. 3.06 – 3–13), трехгранного и четырехгранного сечения. Длина их составляет от 10 до 16,6 см. Небольшие наконечники (до 10 см) встречаются на всей территории Западной Сибири, начиная с первых веков новой эры [Елагин, Молодин, 1991. С. 94, рис. 40 – 10, 13, 14]. Длинные наконечники (более 10 см) многогранного сечения известны на территории Западной Сибири с периода не ранее конца XVI века – по раскопкам могильников Кыштовка 1 в Северной Барабе [Молодин и др., 1990. Рис. 91 – 7] и Иготкинского в Верхнем Приобье [Боброва, Торощина, 1999. Рис. 16 – 8, 9], а также Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 63–64, рис. 87 – 1, 2].

Тип II – листовидные наконечники с плоским насадом – 10 экз. Их средняя длина – 6,3 см.

Тип III – вильчатый наконечник с плоским насадом и раздвоенным острием – 1 экз. (рис. 3.06 – 24). Размеры изделия: 13,0×3,1×0,7 см.

Тип IV – однозубый наконечник (гарпун) – 1 экз. (рис. 3.06 – 14). Насад обломан, сечение плоское. Боевая часть с одной стороны имеет выступ в виде крюка. Размер находки: 20,8×1,8×0,7 см.

Тип V – томары разнообразных форм и конструкций (рис. 3.06 – 15–19). Каждый из них индивидуален. По способу крепления к древку их можно разделить на два подтипа.

Втульчатые томары – 3 экз. (рис. 3.06 – 17, 18). Наконечники с четырехгранной боевой головкой длиной от 3,5 до 5,6 см. На противоположном, круглом, конце диаметром 2 см высверлены отверстия для древка.

Черешковые томары – 1 экз. (рис. 3.06 – 15, 16). Боевая головка выделена двумя затесами, что делает его похожим на клин. Черенок имеет глубокую прорезь для закрепления древка стрелы. Общая длина наконечника – 6,8 см.

Кроме того в коллекции имеются две заготовки костяных томаров (рис. 3.06 – 19).

Костяные томары из *Полуйского мысового городка* имеют близкое сходство с мангазейскими костяными наконечниками аналогичной конструкции [Белов и др., 1981. С. 75–76; табл. 65 – 11–13, Визгалов, Пархимович, 2008. С. 63–64, рис. 87 – 6, 7].

Группа 3 – наконечники стрел из железа. Представлены тремя экземплярами, относящимися к двум типам изделий.

Тип I – черешковый наконечник без упора для древка, с килевидным пером, оканчивающимся двумя шипами – 1 экз. Этот тип наконечника является, безусловно, боевым. Общие размеры находки 9,5×2,0×0,3 см.

Тип II – так называемые вильчатые срезни (рис. 3.06 – 22, 23): плоские наконечники с поражающей (боевой) частью в форме широкой развилки с заточенным внутренним (вогнутым) краем – 2 экз. Размеры наконечников: 12,6×3,0×0,4 и 7,4×2,0×0,3 см.

Такие наконечники использовались для нанесения широкой раны. Считается, что эта специфическая форма предназначена для охоты на водоплавающую птицу. Часто приходилось слышать, что стрелами с вильчатыми наконечниками охотники срезали голову птицы. Эта достаточно устойчивая форма проникателя бытовала в Северо-Западной Сибири довольно долгий период – с VI–VII веков до начала XX века [Карачаров, 1993. Рис. 1 – 10; Мартин, 2004. С. 52–53. Рис. 40–43; табл. 1 – 9–11]. В XVII веке стрелы с такими наконечниками входили в набор русских промысловиков [Руденко, Станкевич, 1951. С. 97, 234; табл. IV – 13–16].

Самострелы и ловушки представлены в коллекции 24 деталями и фрагментами деталей от самоловных средств охоты.

Самострел (черкан) – 18 экз. По этнографическим данным представляет собой простой лук, к которому крепится ложе для фиксации стрелы и спускового механизма из двух настожок и веревки. Такие самострелы применялись в конце XIX – начале XX веков и продолжают использоваться до наших дней коренными жителями западносибирской тайги для охоты на выдру [Мартин, 2004. С. 54–55; табл. 2 – 1–4; Сирелиус, 2001. С. 84; рис. 210]. Использовался самострел для добычи как небольших хищников (лисицы, выдры, росомахи), так и для крупных копытных (олень, лось) в больших промысловых системах загородок. В зависимости от размера промыслового вида формировался и размер самострела.

Поскольку для самострелов малого размера и близких по системе ловушек типа «пасть» использовались схожие по форме луки и настожки, то достоверно самострел жителей *Полуйского мысового городка* мы можем описать лишь по ложу. Соответственно остальные идентичные детали самострелов и ловушек будут описаны вместе.

Ложе самострела – 1 экз. Имеет вид вытянутой деревянной дощечки с пазами и зарубками для крепления к ней лука, стрелы и спускового механизма. Размеры изделия: 2,8×13,6×1,4 см.

Ловушки натяжного ударного действия («пасть») – 6 экз. (рис. 3.07 – 12, 13). Найденные артефакты представляют собой обломки деревянных пластин с выбранной средней частью. Все они принадлежали ловушке типа «пасти», которая состоит из трех основных частей и спускового механизма. Основная из них выглядит как плоская дощечка-лопатка с округлым отверстием. В ее средней части находилось углубление. Конец лопатки заканчивается длинным штырем со сквозным пазом или зарубками с двух сторон. Общая длина этой части – около 0,5 м. К основной части крепится лук. В выступающих бортиках пластины есть пазы, по которым скользила плоская дощечка в форме лопатки (давящая лопатка). После срабатывания механизма, под давлением тетивы лука, закрепленной на конце давящей лопатки, она опускается. Такие ловушки использовались для добычи пушного зверя (соболя, горностая, белки). Остатки подобных изделий были найдены при раскопках Мангазеи [Белов и др., 1981. С. 78–79; табл. 68 – 1–4]. Ловушки подобного принципа действия и формы известны в этнографии и использовались для ловли пушного зверя до недавнего времени [Мартин, 2004. С. 54–55; табл. 2 – 5–7; Сирелиус, 2001. С. 43; рис. 20]. Достоверно, как и самострел, они идентифицируются только по ложу и давящей лопатке. В этой связи ниже приведено описание универсальных деталей, которые могли использоваться как для самострела, так и для ловушки давящего типа.

Лук самострела (ловушки) – 4 экз. (рис. 3.07 – 1–3, 9). Обнаружены как один березовый хвостовик сторожевого лука с вырезом для тетивы размером 3,2×15,1×1,4 см.

Насторожка самострела (ловушки) – 7 экз. (рис. 3.07 – 4–8). Среди настожек, найденных в *Полуйском мысовом городке*, можно выделить два типа изделий, различающихся по своему назначению: собственно настожка и спусковая скоба.

Насторожки из дерева (2 экз.) и **кости** (3 экз.). Имеют форму вытянутой пластины с отверстием на одном конце и крючком на другом. Насторожки такого типа крепятся к ложу самострела и фиксируются спусковой скобой, привязанной к настоженной веревке. Они предназначены для фиксации спусковой настожки, удерживающей тетиву, но также могут использоваться непосредственно для удерживания тетивы. Их средние размеры 1,8×11,6×0,8 см.

РЫБОЛОВНЫЕ ОРУДИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ. Всего в коллекции насчитывается 28 предметов, которые можно отнести к орудиям рыболовного промысла (рис. 3.08, 3.09, прил. 3). Это детали сетей и рыболовных ловушек.

Поплавки деревянные (наплава) – 13 экз. (рис. 3.09 – 1–11). В плане они овальные или подпрямоугольные, со скругленными и заглаженными краями, в сечении – плоские. Размеры изделий варьируются от 3,8×3,0×2,1 до

24,0×16,0×1,1 см. Вверху каждого из них имеется отверстие для крепления к «тетиве» сети. Такие поплавки применялись осяками в конце XIX – начале XX веков в качестве сетных наплавов [Сирелиус, 2001. С. 305].

Грузила каменные – 8 экз. (рис. 3.08 – 9–16). В коллекции имеются два типа грузил.

Первый тип – грузила из природного камня, в оплетке из лыка или древесного корня (рис. 3.08 – 14–16).

Второй тип, так называемый «кибас», представляет собой камень, вложенный в берестяной «конверт» (рис. 3.08 – 9–13).

Ловушка рыболовная (гимга) – 14 экз. (рис. 3.09 – 12–15). Все находки представляют собой части ловушек – *верши* – для ловли рыбы. Они имеют форму цилиндра или конуса, изготовленного из тонких лучин, перевязанных корнями хвойных деревьев. Этот тип ловушек широко распространен в традиционной культуре коренных народов таежного Приобья [Мартин, 2004. С. 81; табл. 14 – 6; Сирелиус, 2001. С. 305–315] и бытует по сей день.

Блоки зимней сети-тайборейки – 5 экз. (рис. 3.08 – 1–7). Блоки зимней сети представляют собой массивные деревянные пластины в форме равнобедренного треугольника с пазом на месте тупого угла. Размеры блоков колеблются от 1,7×7,8×1,3 до 2,2×13,4×0,8 см.

3.3. БОЕВОЕ ОРУЖИЕ

Несмотря на тщательность разборки культурного слоя, каких бы то ни было специфических предметов или фрагментов вооружения в процессе раскопок городка не обнаружено. Многофункциональное охотничье оружие – лук, стрелы и снаряжение лучника – описаны в предыдущем разделе. Это, на наш взгляд, уместно, поскольку другие предметы вооружения не найдены. Следовательно, эту категорию предметов на данном поселении можно считать условно отсутствующей. Дело в том, что *теоретически* она должна была быть здесь, так как речь идет о поселении, являвшемся летней резиденцией главы всего Обдорского края.

В чем причина этого – сказать сложно. Тем более что о наличии других видов вооружения, кроме лука и стрел, мы можем судить по игрушкам. Среди последних найдены модели боевых топоров, копий, сабель и палашей. Их форма аналогична реальным предметам вооружения, а также моделям – игрушкам, найденным при раскопках Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 154–160, рис. 3.22–3.28; С. 182–184, рис. 3.64–3.66]. Это может служить косвенным подтверждением наличия такого оружия у жителей *Полуйского мысового городка*. Вместе с тем выстраивать типологию боевого оружия населения городка на таком своеобразном источнике вряд ли целесообразно.

В данном случае будет более продуктивно и целесообразно выяснить реальную причину отсутствия среди наших находок предметов вооружения. Вполне вероятно, что за этим стоит некая историческая особенность функционирования *Полуйского мысового городка*. В принципе, находки предметов вооружения – как наступательного, так и защитного, на поселенческих памятниках крайне редки, особенно по сравнению с другими категориями вещей. Исключение составляют лишь материалы Надымского городка. На этом памятнике были найдены не только «клады» оружия, но и даже фрагменты кольчуг и боевых клинков [Кардаш, 2009. С. 154–160]. Этот факт нашел свое объяснение при анализе документальных письменных источников. Причина заключается в особой агрессивности жителей данного городка. Последний являлся «столицей» «воровской самояди» – возглавляемого ненцами военно-политического объединения Большая Карачея. В свою очередь, полное отсутствие в *Полуйском мысовом городке* предметов вооружения можно охарактеризовать как «пацифистскую» направленность деятельности его обитателей.

В этой связи хотелось бы привести одно наблюдение из личного опыта участия в религиозных праздниках на святилищах пимских хантов, а также свидетельства коллег-этнографов, участвовавших в подобных мероприятиях. При угощении и обращении к духам было принято убирать острые и режущие орудия, даже личные бытовые ножи. Считается, что обнаженный нож на столе с жертвенным угощением или вблизи него может вызвать недовольство духов, поскольку такой предмет может быть воспринят как демонстрация агрессии¹. Безусловно, только этим нельзя объяснить отсутствие оружия в *Полуйском мысовом городке*.

¹ Информация получена в 1998 году от Я. Н. Немпинова во время культового обряда, проведенного на центральном святилище реки Пим, посвященном «*Ратын-сор-ики*» [Кардаш О. В., А-1996. С. 6–9].

Тем не менее это наблюдение необходимо воспринимать как косвенный факт и определенный мировоззренческий стереотип, который мог повлиять на ситуацию с отсутствием оружия в *Полуйском мысовом городке*.

Кроме того, оно могло быть связано с одной из возможных функций городка – культовой. Как мы уже упоминали, данный городок, по-видимому, являлся местом проживания верховного жреца древне-хантыйского языческого культа. Тем более что он находился в непосредственной близости от Ангальского мыса, на котором располагалось главное святилище остяков низовьев Оби. Отсутствие оружия у верхушки местного общества и ее показной «пацифизм» мог означать, что она находилась под негласной защитой верховных божеств хантыйского пантеона и могла ничего не опасаться. Иными словами, можно предположить, что отсутствие оружия неким образом отражает связь статуса населенного пункта с религиозно-обрядовой сферой. В свою очередь, это не исключало того, что у аборигенов Обского Севера существовала и культовая обрядность, напрямую связанная с подготовкой к войне на специальных площадках: так называемые «военные сборы» (нен.: «мандалада» – сбор в круг; хант.: «янтата хар» – площадь для пляски), во время которых оружие имело важное ритуальное значение [Патканов, 2003. С. 66; Головнев, 1995. С. 119–120; Kardash, 2012. С. 25]. В случае же с *Полуйским мысовым городком* мы предполагаем религиозную деятельность, не связанную с подготовкой к войне. Тем более что летний период, во время которого в основном функционировал этот населенный пункт, не считался благоприятным для ведения военных действий. Судя по многочисленным фольклорным и документальным источникам, все спланированные военные кампании проводились в основном с поздней осени до ранней весны [Патканов, 2003. С. 94–95; Кардаш, 2009. С. 20–21; Головнев, 1995. С. 126–127;]. Исключение в этом плане представляли только грабежи русских судов, потерпевших кораблекрушение в теплое время года на *Мангазейском морском ходе*.

Суммируя сказанное, можно предположить, что отсутствие оружия среди находок на *Полуйском мысовом городке* неким образом отражает связь функционирования и статуса данного населенного пункта с религиозно-обрядовой сферой. Последняя предполагала почитание богов, выражение им благодарности – путем соответствующих подношений на капищах – за удачу в зимних лесных промыслах, а также прошение помощи в летних рыбных промыслах или каких-то подобных хозяйственно-промысловых нуждах. Эта гипотеза требует дополнительного обоснования и верификации другими видами источников, в том числе вещевыми.

3.4. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

В эту большую группу включены орудия, в том числе инструменты, их детали и специальные приспособления, используемые в различных технологических процессах, связанных с производством различных предметов, например, при обработке древесины, кости или кожи (рис. 3.10 – 3.13, прил. 3).

НОЖИ И ИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Ножи универсально-хозяйственные, специализированные и принадлежности для их заточки рассматриваются вместе, поскольку составляют отдельный достаточно большой комплекс предметов. К нему отнесены все клинки ножей, длина которых составляет менее 20 см. В процессе исследований найдено 18 ножей с рукоятями из дерева и рога, 18 ножей и фрагментов ножей без рукоятей, а также 44 рукояти из дерева и рога (34 целых и 10 фрагментов), 4 заготовки рукоятей из дерева и одна – из рога. Кроме этого, найдены два целых экземпляра ножен из кожи и фрагмент берестяных ножен. Кроме этого на памятнике обнаружены принадлежности для заточки ножей: рукояти для удерживания лезвия ножа при заточке (семь целых экземпляров из дерева и один фрагмент) и точильные бруски – 40 экз.

Все ножи, за исключением одного, черенковые, были закреплены в рукоятях «всадным» способом. По функциональным признакам они делятся на две категории: универсально-хозяйственные и специализированные хозяйственные ножи.

Универсально-хозяйственные ножи (17 экз.) составляют первую группу. По материалу, из которого изготавливались рукояти, и по способу их крепления ножи можно разделить на три типа.

Тип I – ножи в широкой рукояти из дерева – 7 экз. (рис. 3.11 – 9–17). Рукояти таких ножей имели округлое или овальное сечение. Последние изготавливались, как правило, из прямоволокнистой древесины, реже – из березового капа. Ширина вмонтированных в них клинков не всегда соответствовала ширине самих рукоятей. Клинки ровняли по плоскости спинки (обуха) и рукояти либо отцентровывали. Подобные ножи, по

крайней мере, преобладающую их часть, изготавливали в *Полуйском мысовом городке* с использованием са- модельных или привозных клинков.

Тип II – ножи в широкой рукояти из кости (рога северного оленя) – 10 экз. (рис. 3.11 – 1–8). Как правило, материалом для рукоятей таких ножей служили рога северного оленя. Большинство таких ножей имеют узкое прямое лезвие, отцентрованное посередине рукояти. Такие клинки также в основной массе производили в городке с использованием местных или привозных клинков.

Отдельные клинки универсально-хозяйственных ножей – 18 экз. Из них 12 – целые, остальные 5 представляют собой фрагменты ножей и лезвий (рис. 3.10 – 11–26). Все орудия подразделяются на два типа.

Тип I – клинки с прямым лезвием и длинным черенком, выделенным с двух сторон четкими уступами-плечиками (рис. 3.10 – 16, 18–20, 24–26). Ширина насада примерно одинакова по всей длине (0,6–0,9 см). Соблюдение особенностей формы черенка могло быть связано с тем, что клинки ковали в тех же центрах, где производились насадки на рукояти. Это обстоятельство могло обеспечивать ответственное отношение к форме. Сходную форму имеют ножи из раскопок Падракурского посада XVII века Холмогор, ставших еще в первой половине XVI века одним из крупнейших центров металлообработки Московского государства [Ясински, Овсянников, 1998. С. 14; рис. 1 – 7]. Впрочем такая форма не была уникальна для какого-то конкретного ремесленного центра. Около 90% ввозимых в Сибирь ножей было произведено кузнецами Мезени, Соли Вычегодской и Устюга Великого [Зиняков, 2005. С. 74]. Не имея результатов специальных исследований, включающих металлографический анализ, ножи этого типа можно предварительно соотнести с продукцией вышеуказанных производственных центров.

Тип II – клинки с прямым лезвием и укороченным черенком, выделенным плавными уступами (рис. 3.10 – 12–13, 21–23). Этот тип по форме напоминает первый, но отличается от него коротким, сильно расширяющимся к лезвию черенком, а также плавными переходами к спинке и острию лезвия. Такие клинки отличает более грубая обработка, дефекты и непропорциональность форм. Предположительно, они были продуктом местных или периферийных мастерских, где соблюдению формы придавалось меньше значения. Вероятно, таким был зырянский «нурт», производившийся в Прикамье (Соликамск, Пермь) и также входивший в число ввозимых в Сибирь товаров [Бахрушин, 1951. С. 89].

Специализированные хозяйственные ножи составляют вторую категорию. К ней относится всего один клинок.

Клинок с изогнутым лезвием и загнутым вверх кончиком – 1 экз. (рис. 3.11 – 15). Это нож с деревянной рукоятью овального сечения, снабженной в верхней части отверстием для шнура. Лезвие короткое, массивное, сильно изогнутое, вставлено в рукоять с отцентровкой. Подобные клинки выделяются в особую группу, поскольку в большинстве исследований их связывают со специализацией при обработке кожи и кости [Древняя Русь, 1997. С. 17–18; табл. 9 – 34, 38, 41; Зыков, Кокишаров, 2001. С. 87; рис. 33 – 12; 36 – 11; 43 – 3–5, 9, 11].

Рукояти универсально-хозяйственных ножей – 44 экз. (рис. 3.10 – 1–10). По материалу подразделяются на два типа: деревянные – 19 экз., костяные (из рога оленя) – 25 экз. Некоторые из них имеют отверстия для шнура. Судя по находкам костяных (4 экз.) и деревянных (1 экз.) заготовок, такие рукояти изготавливались прямо в городке.

Ножны кожаные – 2 экз. (рис. 3. 11 – 19–21). Простой формы, с небольшим расширением в верхней части. Их размеры: 21,0×2,5 и 14,9×4,3 см. По форме они аналогичны русским ножам XVII века из Мангазеи, с острова Фаддея и побережья залива Симса [Белов и др., 1981. С. 79–80; Окладников, 1951. С. 12–30, табл. II – 10–12].

Ножны берестяные – 1 экз. (рис. 3. 11 – 18). Они имеют простейшую форму и сделаны из двух сложенных разнонаправленных листов бересты. Вдоль нижнего края изделия прослеживается двойной ряд проколов от иглы. Размер ножен: 19,0×5,5 см.

Рукояти для заточки ножей – 8 экз. (рис. 3.12 – 6–16) Все они – деревянные, выполнены в форме стержня с уступом, имеют длину до 12 см, диаметр – до 2,5 см. Предназначались для удерживания кончика лезвия ножа при заточке.

Камни для заточки и правки лезвия – 39 экз. (рис. 3.12 – 17–26). Точила из песчаника различной зернистости использовались для грубой заточки лезвия. Оселки из сланца предназначались для шлифовки и снятия заусениц.

ОРУДИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЕРЕВООБРАБОТКИ

Нож-резец – 1 экз. (рис. 3.13 – 10). Относится к специализированным режущим инструментам. Имеет листовидное обоюдоострое лезвие, загнутое полукольцом. Длина лезвия – 5 см, ширина – 1,5 см, Рукоять обычная деревянная, такая же, как у бытовых ножей. Ее длина – 19 см, диаметр – 2,3 см. Такие инструменты носят название «ложкорез» и применяются для вырезания вогнутых поверхностей в древесине и при изготовлении посуды: ложек, ковшей, корыт. Ножи-резцы были распространены на Руси с XI века [Древняя Русь, 1985. С. 258; табл. 98 – 7.8]. На территории Северо-Западной Сибири находки таких инструментов известны только на русских памятниках XVII века [Станкевич, 1951. С. 169, рис. 2].

Сверло (наконечник) лучковой дрели (перка) – 1 экз. (рис. 3.13 – 2). Представляет собой железный стержень круглого сечения с рабочим концом в виде заостренного желоба. Его противоположный конец – черенок – выглядит как массивный вытянутый треугольник прямоугольного сечения. Размер изделия 1,7×7,9×0,4 см. Подобные сверла были широко распространены в Восточной Европе, в том числе в Новгороде [Древняя Русь, 1985. С. 257; табл. 99 – 11–13]. На территории Северо-Западной Сибири находки таких инструментов – большая редкость. Массово они начинают появляться только с XVII века, преимущественно на русских памятниках, причем вместе с лучковыми приспособлениями. [Финно-угры и балты..., 1985. С. 158–161; табл. LXV – 24, LXVI – 40]. Судя по находке деревянной модели орудия – цилиндрической рукояти со стержнем в форме сверла (рис. 3.58 – 15), жители Полуийского мысового городка железные сверла монтировали в рукоять для бытового ножа, и отверстия просверливались вручную.

Клинья для расщепления древесины – 9 экз. (рис. 3.13 – 3–5). Все они имеют прямоугольную форму и треугольный профиль. Данные орудия применялись для расщепления стволов дерева на плахи и более мелкие заготовки деревянных изделий. По материалу выделяются две группы.

Деревянные клинья – 2 экз. Их размеры: 14,2×1,5 и 17,5×2,5 см.

Костяные клинья – 7 экз. Они различаются общей длиной, а также размерами и формой рабочего края. Длина самого большого из них составляет 14,3 см, самого маленького – 4 см. Форма рабочего края прямая или слегка скругленная.

Рубанки (струги) – 6 экз. (рис. 3.12 – 1–5). Струг – это деталь инструмента (рубанка), предназначенного для оцилиндровки древков стрел. Разделяются по материалу на два типа.

Струги из кости – 3 экз. (рис. 3.12 – 3, 5). Изготовлены из рога северного оленя. Изделия имеют форму вытянутой пластины с одной или двумя прорезями. Их средний размер 7,4×1,1×0,1 см.

Струги из дерева – 3 экз. (рис. 3.12 – 1, 2, 4). Имеют форму овальной изогнутой пластины с одним отверстием и выступающим упором для лезвия ножа. Средний размер изделий 7,3×3,7×2,2 см. Подобные типы стругов известны с X века по находкам на русских средневековых памятниках, а также по этнографическим материалам аборигенов Севера XIX – начала XX веков [Медведев, 1959. С. 152; Белов и др., 1981. С. 75; Сирелиус, 2001. С. 266, 304; Мартин, 2004. С. 76–77; рис. 12 – 4].

Скоба для ношения топора – 1 экз. (рис. 3.13 – 13). Изделие выполнено из рога северного оленя. Имеет форму арки с круглыми отверстиями на концах, предназначенными для крепления подвеса. Длина изделия – 8 см, ширина – 0,9 см.

ОРУДИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ШКУР

Скребки для обработки шкур – 2 экз. (рис. 3.13 – 13). В коллекции имеется одно целое изделие и один фрагмент. Представляют собой вытянутую деревянную пластину с зубцами вдоль обеих сторон и рукоятями по бокам. Размер целого изделия: 4,4×60,5×2,1 см. Подобные одно- и двухсторонние скребки применялись для снятия мездры со шкуры животных.

Лоцила – 2 экз. (рис. 3.13 – 11, 12). В качестве лоцил использованы толстые межпозвоночные диски кита (белухи). В коллекции имеется один целый диск диаметром 21,8 см и еще один фрагмент. Одна их сторона имеет гладкую поверхность, вторая, смыкавшаяся с позвонком, – рельефную. На последней прослеживаются следы стертости и просверленные отверстия диаметром от 1,0 до 0,5 см. Наиболее часто, в том числе и в наши дни, мертвых китов находят на западном и северном побережье полуострова Ямал. Вероятнее всего, диски привезены оттуда, что может говорить о наличии торговых связей с жителями Ямала или близких к нему областей. Сходные диски-лоцила найдены в Надымском городке [Кардаш, 2009. С. 165].

Шилья – 2 экз. (рис. 3.13 – 6, 7). Оба орудия были найдены в слое XVI–XVII веков и отличаются хорошей сохранностью. Одно шило имеет деревянную рукоять овального сечения и четырехгранное стальное лезвие. Длина рукояти – 8,5 см, длина лезвия – 2,0 см, толщина лезвия – 0,3–0,4 см. Второе шило представляет собой четырехгранное железное острие. Рукоять у него не сохранилась. Размеры изделия 7,3×0,8×0,9 см.

Пяло для шкурки горностая – 1 экз. Находка представляет собой вытянутую пластину длиной от 41,5 до 21 см, шириной от 3 до 1 см, с сужением на конце к одной стороне. Пяло состоит из двух идентичных элементов, один конец которых соединяется с другим, а два других раздвигаются, расправляя и растягивая шкуру для просушки. Подобные приспособления до нынешнего времени бытуют на Севере у коренных жителей и применяются теми, кто добывает горностая.

ШВЕЙНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Данные находки составляют особую группу предметов, относящихся к категории женских ремесел, в которые входило шитье одежды и берестяной посуды. По современным этнографическим данным, набор таких принадлежностей хранился в специальной кожаной сумке или берестяном коробе [Лукина, 1985. С. 75, рис. 31 – 4].

Игла швейная из железа – 1 экз. В коллекции имеется один фрагмент такой иглы.

Игла швейная костяная – 1 экз. Изготовлена из рога северного оленя, имеет изогнутую форму. Рабочая часть иглы заострена, с другой стороны расположено круглое ушко. Размеры изделия 1,0×6,4×0,5 см.

Игольник – 1 экз. Прямоугольной формы, изготовлен из сукна, имеет размеры 8,0×8,2 см.

Наперсток – 1 экз. Найден в коридоре оборонительно-жилого комплекса. Изделие медное, конической формы, диаметром 1,5 и высотой 1,7 см. Самые ранние находки наперстков на Севере обнаружены в могильниках Юганского Приобья конца XVI – начала XVII веков [Семенова, 2001. С. 100; рис. 25 – 2; табл. 59]. Их появление можно уверенно связать с началом русской колонизации Сибири и ввоза русских товаров.

Доски кроильные – 4 экз. (рис. 3.13 – 13). Две из них – целые, еще две представлены обломками. На досках прослеживается множество следов от ножа. Размер целых экземпляров варьируется от 14,6×10,4×1,1 до 25,5×8,5×0,7 см. Последние имеют вид прямоугольных пластин с узкой, грубо оформленной рукоятью.

Мотовила – 8 экз. (рис. 3.13 – 9–12). Изготовлены из дерева и имеют вид прямоугольных пластин, снабженных с парными выступами на торцах. Размер изделий варьируется от 2,2×3,6 до 18,2×5,7 см, толщина – от 0,5 до 1,9 см.

Шилья-проколки (иглы-проколки) – 4 экз. В коллекции имеются два целых орудия и два фрагментированных. Изготавливались такие предметы из рога или стенок трубчатых костей северного оленя. Рабочий конец проколки заострен. Орудие использовалось как шило – для прокалывания дырок в мягких материалах – при соединении элементов кожаных изделий и обуви, при изготовлении меховой одежды. Длина проколки колеблется в пределах от 7 до 21 см.

Чесало для травы – 1 экз. (рис. 3.13 – 1). Имеет форму, напоминающую медвежью лапу. Это деревянная пластина подпрямоугольной формы с закругленными углами. С одной стороны она имеет восемь коротких массивных зубцов длиной около 2 см. Общая длина изделия – 12,5 см, толщина – 0,8 см, ширина рабочей части – 7,2 см. Деревянное орудие для разделения и обработки травяных волокон для изготовления обувных стелек, циновок.

После характеристики орудий труда, в том числе инструментов и сопутствующих принадлежностей, можно сделать ряд выводов относительно специфики, уровня развития и значимости того или иного вида производственной деятельности населения городка.

Деревообработка. Судя по количеству и типам специальных орудий для обработки дерева, а также такому важному индикатору, как наличие точильных брусков (число их не особо велико), данный вид деятельности у жителей поселка не играл большой роли. При этом мы имеем в виду не домостроительство и плотницкое дело, а изготовление вещей из дерева. Данное производство не имело товарной направленности, то есть не являлось ремеслом. Оно решало только задачи ремонта пришедших в негодность предметов, в том числе транспортных средств, а также восполнения утраченных изделий. Изготовление берестяной посуды, несмотря на наличие мотков лыка и корня, также не представляется развитым и обособленным делом. Крайне малое число игл, заготовок и отходов производства – при большом числе заплат – более указывает на «ремонтную» направленность этой деятельности, нежели на производство. Впрочем последнее, несомненно, существовало.

Обработка кости также не может быть выделена в особое косторезное производство, тем более больших масштабов. Данный вид производственной деятельности имел целью в основном удовлетворение минимальных бытовых нужд жителей городка, восполнение сломанных или утраченных предметов. Заготовок костяных изделий из рога северного оленя достаточно много. Это не удивительно, поскольку этот вид являлся не только главным домашним животным у остяков, но и основным объектом охотничьего промысла. Несмотря на это, количество законченных изделий и отходов производства невелико.

Следов **металлообработки**, в том числе кузнечного ремесла, на памятнике пока не зафиксировано. Повидимому, в *Полуйском мысовом городке* это производство, в том числе медно- и бронзолитейное, не практиковалось. Ковка, если таковая и была, применялась крайне редко и только для мелкого ремонта готовых изделий. В то же время у коренного населения Нижнего Приобья литейное производство существовало, как минимум, с периода поздней бронзы, а собственное производство черного металла начало практиковаться в конце раннего железного века и начале Средневековья.

Кожевенное и пушное производство. Рядовые общинники, безусловно, обрабатывали шкуры всех добытых на охоте животных – «мясных», пушных, диких, а также домашнего оленя. К слову сказать, скребок для обработки шкур нами найдено не так уж много. Это говорит о том, что данные виды производств находились на уровне удовлетворения минимальных потребностей рядовых жителей и поселковой элиты. Из привозного сырья – телячьей кожи – в городке шили обувь, однако в объемах, не превышающих собственное обеспечение одеждой и ремонт изношенной.

Швейное ремесло – при крайне малом числе находок игл и полном отсутствии обрезков сукна – представляется неразвитым. Даже с учетом того, что такой предмет, как игла, легко может попасть в отвал, а мелкий обломок трудно обнаружить даже при помощи металлоискателя, некоторое увеличение количества находок не изменит картину в целом. Единичные наборы инструментов и приспособлений имеются, но охарактеризовать этот вид деятельности жителей можно лишь как мелкий домашний ремонт.

В итоге можно сделать вывод, что все отрасли производства у жителей городка имели статус домашних и не выходили на уровень ремесленного производства. Практически все производства существовали только

для удовлетворения минимальных потребностей в ремонте пришедших в ветхость предметов и восполнения утраченных изделий. По всей вероятности, большинство необходимых вещей жители (и в первую очередь, элита) поселка получали в готовом виде – от податного местного населения и проезжающих мимо русских купцов.

3.5. ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

Эта категория объединяет изделия, связанные с домашним хозяйством и бытом населения городка. Всего к данной категории отнесено 850 предметов, в основном представленных фрагментами, что составляет около 35% всего вещевого комплекса (рис. 3.14 – 3.42, прил. 3).

ПОСУДА И КУХОННАЯ УТВАРЬ составляет группу из 782 предметов, предназначенных для приготовления, употребления и хранения пищи (рис. 3.14 – 3.36, прил. 3). Это немногим более 30% от общего числа вещей, обнаруженных при раскопках. Большинство предметов имеет форму, тесно связанную с функциональным назначением. Тем не менее это не исключает возможности использования посуды в других целях, например, для хранения или транспортировки пушнины. Посуда и кухонная утварь для удобства описания и анализа представлена пятью группами, систематизированными по материалу, из которого изготовлены предметы: металлическая посуда, керамическая посуда, деревянная посуда, берестяная посуда, костяные кухонные принадлежности.

Группа 1. Металлическая посуда

Данная группа представлена находками фрагментов *медных котлов* – 8 экз. (рис. 3.14 – 1–4). В разных частях памятника при раскопках были обнаружены медные пластины размером не более 10×10 см. Судя по степени их истертости, это преднамеренно разрубленные или разломанные на части медные емкости, вышедшие из употребления. Вызывает некоторое недоумение слишком малое число таких пластин. При этом дужки и ручки от котлов вообще отсутствуют. По найденным фрагментам общие формы и размеры котлов не восстанавливаются.

Медные клепаные котлы, в особенности их фрагменты, со второй половины XII века вплоть до XVIII века были одной из массовых находок на поселенческих и погребальных памятниках Северо-Западной Сибири. На городище Бухта Находка (XIII–XIV века) было обнаружено 420 фрагментов медных котлов, на городище Ендырское 1, функционировавшем до конца XVI века, найдено более 150 их обломков. В слое Надымского городка конца XVI – первой трети XVIII века их – 513 единиц [Кардаш, 2010а. С. 31, рис. 47; Зыков, Кокшаров, 2001. С. 106; Кардаш, 2009. С. 168, прил., табл. 1]. Эта посуда в достаточно больших количествах поступала на Север Сибири из разных производственных центров, прежде всего – из Восточной Европы, «с Руси». Вместе с тем определить относительно достоверно производственный центр таких изделий можно лишь для целых и хорошо датированных экземпляров [Таможенные книги..., 2003. С. 94–95; Руденко, 2000. С. 91–99].

Вне всякого сомнения, медная посуда постоянно использовалась жителями городка. Многие котлы в результате этого приходили в негодность и реставрировались при помощи обломков сосудов, вышедших из употребления. Создается впечатление, что импортные сломанные котлы не ремонтировались в городке, а увозились в какие-то ремесленные центры для починки или переделки. Вполне возможно, что их могли ремонтировать и утилизировать где-то поблизости, например, в зимней княжеской резиденции (Полуйский городок), а в летнем *Полуйском мысовом городке* пользовались исключительно новой металлической посудой.

Группа 2. Керамическая посуда

Представлена фрагментами двух сосудов (рис. 3.14 – 5, 6). Это черепки от русских черных мореных горшков. По аналогии с керамикой из раскопок Мангазеи, такую посуду можно датировать периодом с конца XVI по первую треть XVIII века [Белов и др., 1981. С. 37–39, табл. 38; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 87–89, рис. 136–139]. Отметим, что обломков керамических сосудов не так уж много, причем несмотря на активные контакты местной элиты с русскими торговцами и промышленниками, стремившимися через низовья Оби на восток Сибири.

Группа 3. Деревянная посуда

Представлена 685 экземплярами изделий и фрагментов (рис. 3.14 – 3.35, прил. 3). Данную группу составляют изделия собственно из древесины, а также из бересты (березовой коры). Последние образуют отдельную подгруппу. Изделия из бересты объединены в особую группу. Среди деревянной посуды по технике ее изготовления выделяются бондарные и долбленые изделия.

Бондарные изделия – 21 экз. (рис. 3.16). К бондарной посуде мы относим все деревянные сосуды, которые собраны из отдельных клепок (планок) и скреплены обручами. Судя по форме клепок, бондарные изделия в *Полуйском мысовом городке* были представлены двумя типами: кадками и баклагами.

Детали бондарных изделий – 9 экз. Это целые или фрагментированные бондарные клепки – детали стенок сосудов, 10 – днища, 1 крышка и 1 обод.

Кадки – сосуды с прямыми стенками, одним дном и открытым верхом. В коллекции имеется 4 целых клепки с 1 уторным пазом. Судя по имеющимся донцам и целым клепкам, размеры кадок сильно варьировались: диаметр кадок составлял от 8 до 40 см, высота – от 20 до 64 см.

Баклага – сосуд малого объема с двумя днищами. Найдены две клепки с двумя уторными пазами, относившиеся, по всей видимости, к одному сосуду высотой 22 см. Расстояние между уторными пазами – 17 см. Найденная баклага имела большой диаметр, так как ширина ее клепок равнялась 8–10 см.

Вся бондарная посуда *Полуйского мысового городка*, несомненно, является предметом русского импорта. Аналогичная посуда хорошо известна по новгородским материалам с X века [Колчин, 1968. С. 24]. Широко использовались бондарные изделия русскими и на сибирском Севере [Старков и др., 1984. С. 24–26; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 91; рис. 143 – 2–10].

Долбленая посуда представлена двумя типами: корытами и ложками (ковшами).

Корыта различаются по качеству отделки поверхности, что связано с их функциональным назначением. Более качественно отделаны корыта для пищи. Менее тщательно – для приготовления пищи, к примеру, для изготовления «порсы» из сушеной рыбы. По форме выделяются несколько типов корыт, различающихся размерами и наличием ручек.

Корыта деревянные – 20 экз. (рис. 3.14 – 7–13; 3.15). В коллекции лишь одно целое корыто, а также 19 фрагментированных. Форму и размеры восьми из них удалось реконструировать по осколкам. Обломки корыт были найдены в разных частях городка. Все изделия имеют прямоугольную или близкую к ней форму. Последняя во многом была обусловлена исходной заготовкой для их производства: деревянной плахой. По наличию или отсутствию ручек корыта подразделяются на два подтипа.

Первый подтип – прямоугольные корыта без ручек, с полукруглым поперечным и сегментным продольным сечением (рис. 3.14 – 9; 3.15 – 3, 5). К данному типу отнесены пять корыт, в том числе одно целое, которое было найдено в постройке № 4. Оно имело размеры 62×30×10 см (рис. 3.15 – 3). Корыто дважды подвергалось ремонту, в ходе которого трещины были закрыты тонкой деревянной планкой из расщепленного ивового прута. Затем стянуты расщепленным кедровым корнем и черемуховым прутом (саргой), пропущенными через парные отверстия, просверленные вдоль трещины. Идентичное по форме и близкое по размерам (52×30×7 см) корыто было обнаружено в верхних слоях городка (рис. 3.14 – 9). Край изделия был покрыт трехгранно-выемчатой резьбой.

Прямые аналогии таким корытам имеются в коллекции Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 169, рис. 3.40 – 1, 2]. Корыта именно такой формы наиболее близки современным хантыйским прямоугольным блюдам для вареной рыбы и мяса [Лукина, 1985. С. 71, рис. 29 – 1].

Второй подтип – прямоугольные корыта с одной ручкой, полукруглым поперечным и прямоугольным продольным сечением. От них найдены два обломка, условно отнесенные к данному типу. Форма корыт реконструируется по близким образцам из раскопок Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 170, рис. 3.40 – 3]. Характерной чертой корыт типа II является наличие одной вытянутой массивной рукояти.

Третий подтип – прямоугольные корыта с ручками представлены тремя находками (рис. 3.14 – 7, 12, 13; 3.15 – 2). При этом две из них фрагментированы настолько, что достоверная реконструкция формы не представляется возможной. Второе корыто, размерами 56×26×6,5 см, имеет в плане форму вытянутого шестиугольника, а также полукруглое поперечное и продольное сечение. Одна ручка утрачена, вторая имеет форму короткого и широкого полукруглого выступа размерами 4×4 см.

Данные корыта соотносятся с корытами типа III из коллекции Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 169, рис. 3.41]. Они аналогичны русским сельницам и лоткам, бытовавшим в русских городах и острогах Северо-Западной Сибири [Белов и др., 1981. С. 30; табл. 20 – 1; 21 – 2]. Не исключено, что в туземной среде тип посуды с ручками возник под русским влиянием.

Следующий тип деревянной посуды составляют **ложки (ковши-ложки)** – 41 экз. (рис. 3.17, 3.18, 3.19 – 1–7). Этот вид объединяет изделия близкой формы, но имеющие определенные функциональные и габаритные различия.

Деревянные ложки включают три подтипа: большие (котловые) ложки, ковши и малые (индивидуальные) ложки.

Первый подтип – *большие (котловые) ложки* – 33 экз. (рис. 3.18, 3.19 – 1–7). В коллекции имеются 3 изделия с небольшими утратами и 30 сильно фрагментированных. Все ложки изготовлены из березы. Они имеют неглубокую чашу подпрямоугольной или округлой в плане формы, а также длинную тонкую ручку. Реконструируемая длина таких ложек – около 40 см. Максимальные размеры чаши составляют 10,5×11 см, длина рукояти – 29 см. По форме чаши – черпательной части – выделяются два варианта: с округлой и подпрямоугольной чашей. В одном случае внутренняя поверхность чаши декорирована несколькими поясками трехгранно-выемчатого узора. Рукояти удлиненные, овальные в сечении. Многие рукояти на концах имеют круглое отверстие, вероятно, для ремешка (петли). Часть рукоятей имеет фигурное завершение. Некоторые рукояти украшены трехгранно-выемчатой резьбой.

Особым декором выделяется одна из ложек, найденная в оборонительно-жилом комплексе. Ее рукоять, украшенная трехгранно-выемчатой резьбой, дополнена объемной композицией, состоящей из парных изображений животных в геральдической позе, то есть обращенных головами друг к другу (рис. 3.18 – 1).

Идентичные ложки первого типа имеются в коллекции из раскопок Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 170; рис. 3.43 – 2, 3; 3.44 – 1, 2]. Кроме того, они близки таким же предметам всего аборигенного населения Северо-Западной Сибири [Мартин, 2004. С. 66–67, табл. 7 – 7–10; Сирелиус, 2001. С. 279], но отличаются от них формой рукояти.

Второй подтип – *ковши* – 4 экз. Из них лишь один сохранился полностью (рис. 3.17 – 1–6). Все ковши изготовлены из березы, причем четыре из них – из капа. Данные предметы отличаются от котловых ложек формой и глубиной чаши. Они имеют полусферическую чашу диаметром от 5 до 10 см, глубиной от 3 до 6 см. Судя по целому образцу и близким аналогиям из Надымского городка, ковши были оснащены прямой тонкой рукоятью овального сечения с отверстием на конце.

Такие же ковши известны по материалам раскопок Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 170; рис. 3.44 – 4, 5]. Скорее всего, они были изготовлены в Нижнем Приобье. Вместе с тем по формальным признакам они более близки русской посуде Мангазеи [Белов и др., 1981. С. 27–28, табл. 13–14], чем туземным образцам XIX–XX веков [Мартин, 2004. С. 66–67, табл. 7 – 7–10].

Третий подтип – *малые (индивидуальные) ложки* – 4 экз. (рис. 3.17 – 8–11). Имеется два варианта таких ложек.

Вариант А – ложки с неглубокой, почти плоской овальной черпательной частью и тонкой удлиненной ручкой – 2 экз. (рис. 3.17 – 11–12). Форма и малые размеры рабочей части (до 5×4 см) вызывают сомнения в хозяйственном назначении этих изделий. Единственный близкий аналог таким изделиям имеется в материалах Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 171].

Вариант Б – ложки с эллипсовидной черпательной частью (чашей), расширяющейся к одному краю, и с короткой рукоятью круглого сечения, примыкающей к сужающейся части – 2 экз. (рис. 3.17 – 8–9). Такие предметы известны по материалам раскопок Мангазеи и, скорее всего, являются русскими изделиями [Белов и др., 1981. С. 27, табл. 12].

Берестяная посуда

Общее количество берестяной утвари, найденной при раскопках *Полуйского мысового городка*, составляет 603 экз. (рис. 3.20 – 3.35, прил. 3). Она представлена двумя типами изделий: корытцами (куженьками) и туесами (коробами). Кроме того, в коллекции имеется большое количество неопределимых фрагментов (125 экз.), а также группа заплат (44 экз.), которые могли принадлежать обоим типам. В последнюю группу включены также деревянные и костяные рукоятки корытец (12 экз.)

Корытце («куженька» – рус., «согэн» – хант.) – 62 экз. (рис. 3.20 – 3.26). Данный тип составляют изделия в форме прямоугольного параллелепипеда, сложенного из одного четырехугольного куска бересты. Углы берестяного листа загнуты «конвертом» – таким способом формировались стенки изделия. Корытца различались по качеству изготовления. В самом простом и редком варианте конструкция скреплялась тонкими прутками: ими прошивались завернутые края предмета. В другом случае вдоль края корытца – изнутри, снаружи или с обеих сторон – дублировались деревянными пластинками, прутьями ивы или дополнительной полосой бересты. Последние пришивались через край к стенке корытца расщепленным кедровым корнем, черемуховым прутом (саргой) или сухожильными нитями.

В традиционной культуре хантов до настоящего времени бытовали и продолжают использоваться несколько *функциональных типов* и разновидностей корытец, которые различаются размерами, формой и качеством исходного сырья. Приведем только основные, наиболее часто встречающиеся, типы. Первый из них, отличающийся максимальными размерами: рыбная куженька – *кул согэн*. Следующий тип – водяная куженька, *инк согэн*; она снабжена ручкой и предназначена для ношения воды. Собачья куженька – *амп согэн*, представляет собой наиболее грубое и примитивное корытце. Куженька для хранения и транспортировки дневного запаса готовой пищи – *эльель согэн*; она изготовлена наиболее качественно и снабжена крышкой [Дмитриев-Садовников, 1916. С. 11–12; Мартин, 2004. С. 74–75, табл. 11]. Это не окончательный список функциональных типов корытец.

По ряду причин мы пока не можем четко соотнести археологические находки с тем или иным функциональным типом берестяных корытец. Во-первых, из-за фрагментарности и плохой сохранности археологических артефактов. Во-вторых, некоторые найденные нами изделия могли иметь иное назначение, утраченное в современной традиционной культуре. Признаки этого имеются. Например, корытца с орнаментом на внутренней поверхности в настоящее время не изготавливаются. В этой связи мы систематизируем корытца *по морфологическим признакам*, пытаюсь соотнести их с функциональными типами. По размерам корытца составляют несколько подтипов, которые отличаются следующими характеристиками.

Первый подтип – миниатюрные корытца – 7 экз. (рис. 3.25 – 11–13). В эту группу попали изделия размером в плане от 4,5×4,5 до 7,5×6,0 см, высотой от 1,8 до 2,5 см. У трех корытец край был обработан, судя по малому диаметру проколов, сухожильной нитью или тонким растительным волокном. Орнамент на изделиях отсутствует. Одно из корытец – небрежного исполнения, без обработки края – было наполнено оленьим ворсом. По-видимому, клочок шерсти в крошечном корытце не имел хозяйственного назначения. Вероятно, данную разновидность корытец можно охарактеризовать как детскую игрушку.

Второй подтип – малые корытца – 38 экз. (рис. 3.23, 3.25 – 5–10). Предметы по размерам варьируются от 8×7 до 19×19 см, по высоте от 1 до 3, реже – до 6 см. Они изготовлены намного тщательнее, чем миниатюрные корытца. Следы от обметки края не фиксируются только на четырех изделиях, в остальных случаях она обязательна. Несколько корытец имели двойной ряд проколов на стенках: очевидно, стенки были укреплены деревянной планкой. Стенки еще одного корытца с внешней стороны продублированы полосой бересты.

Данный подтип имеет *две разновидности*: орнаментированные и без орнамента. Одиннадцать малых корытец декорированы в технике выскабливания. Одно корытце изготовлено из фрагмента стенки орнаментированного короба. Еще одно корытце сильно фрагментировано. Орнамент на них не восстанавливается. Стенки изделий декорированы лишь в одном случае – бордюром из вертикальных и диагональных полос. В остальных случаях узор был нанесен на донышки корытец. Он представлял собой розетку, оконтуренную одинарной, реже – двойной – рамкой.

Семь изображений имеют прямые аналогии в хантыйских узорах XIX–XX веков (рис. 3.20–3.23):

- розетка с элементом вращения в виде параллельных уголков – 1 экз. (рис. 3.20 – 3);
- такая же розетка, но усложненная включением уголков в виде мотива «заячьих ушей» – 1 экз. (рис. 3.23 – 2).

Относится к второй подгруппе прямолинейных розеток по типологии О. М. Рындиной [Рындина, 1994. С. 203; рис. 16 – 1; 16 – 2];

- розетка, состоящая из замкнутой по кругу композиции (бордюра) «щучьи зубы» – 1 экз. (рис. 3.32 – 3). Интерпретируется как звездчатая розетка – по С. В. Иванову, или шестая группа прямолинейных розеток – по типологии О. М. Рындиной [Иванов, 1963. С. 125, рис. 76 – 13; Рындина, 1994. С. 204–205];

- розетка, состоящая из квадрата с ответвлениями по углам – 1 экз. (рис. 3.20 – 2). Интерпретируется как – «заброшенное селение», четвертая подгруппа первой группы криволинейных розеток по типологии О. М. Рындиной;

- розетка, изображающая стилизованную фигуру животного (медведя) – 3 экз. (рис. 3.21 – 1; 3.23 – 5, 5а). По типологии О. М. Рындиной четвертая группа криволинейных розеток.

Еще два изображения не имеют точных аналогий в этнографических материалах (рис. 3.23 – 4, 8). Первая розетка представляет собой криволинейное стилизованное изображение животного с зеркальным типом симметрии. Данное изображение близко к традиционному образу медведя, но отличается одной деталью: туловище зверя имеет вид треугольника, обращенного основанием к голове животного. Традиционно туловище медведя изображается в виде вытянутого пяти- или шестиугольника [Рындина, 1994. С. 239].

Второе криволинейное стилизованное изображение представлено только частично – на фрагментированном корытце. По существенным деталям (лапы, крылья) оно может быть интерпретировано как изображение орла (рис. 3.22 – 2, 4, 5). Аналогичные декоры известны по материалам Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 244, рис. 3.49 – 4].

Функциональное назначение малых корытец, принимая во внимание их небольшие размеры и низкие стенки, нельзя трактовать однозначно. Несмотря на герметичность, по причине мягкости материала и наличия низких бортиков, они мало пригодны для жидкой пищи. Использование их для помещения сюда неких индивидуальных порций вероятно. Вместе с тем объем такой порции представляется очень небольшим. Если учесть, что в основе рациона были рыба и мясо, которые варились или жарились на огне крупными кусками, то посуда таких размеров вряд ли его вместит. Также следует отметить, что размер малого корытца равен либо чуть превышает размер черпака котловой ложки, которой такие порции могли раздаваться. Наличие орнамента на трети таких корытец, скорее всего, свидетельствует об их неординарном использовании. Имеется аналогия, хотя и очень дальняя: среди посуды для кормления божеств в индуистской и буддистской религиозных традициях. Для подношения пищи богам из пальмовых листьев изготавливаются квадратные корытца размерами около 15×15×2 см. В них помещают набор маленьких порций разных видов пищи и выставляют на специальную полку, подставку или прямо на землю – в зависимости от особенностей божественной персоны, которой посвящено угощение. Аналогия хотя и отдаленная, но – по сути ритуальной практики в системе многобожия – представляется вполне уместной. По-видимому, эта группа малых орнаментированных корытец из *Полуйского мысового городка* была связана с ритуальной практикой бескровного угощения местных божеств, причем как домашних покровителей, так и небесных.

Ручки малых корытец – 12 экз. (рис. 3.26). Данные предметы, судя по их размерам, относились большей частью к различным вариантам охарактеризованных выше типов берестяной посуды. В связи с тем, что все они найдены отдельно от корытец и принадлежность не всех из них к ручкам корытец бесспорна, данные изделия описываются отдельно. По материалу ручки подразделяются на два варианта.

Ручки из дерева от малых корытец – 4 экз. (рис. 3.26 – 9–12). Изделия имеют форму дуги или равнобедренного тупого угла округлого сечения. На концах ручек сделаны врезки, через плоскость которых прорезаны отверстия. Расстояние между осями отверстий составляет от 18 до 23 см, что может указывать на один из размеров корытец, к которым они монтировались. Определение этих предметов как ручек малых корытец не вызывает сомнения. По этнографическим данным, это – ручки от *инк согэн* (корытце для ношения воды). Вместе с тем такие же куженьки использовали и для хранения *варки* – супа из рыбных потрохов (печень, желудок, кишки, икра и др.), сваренных в рыбьем жире [Дмитриев-Садовников, 1916. С. 11–13; Мартин, 2004. С. 73, табл. 10 – 5, 6]. В целом следует заметить, что такие корытца, судя по известным этнографическим материалам и собственным наблюдениям, изготавливались и употреблялись довольно редко.

Ручки из кости от малых корытец – 8 экз. (рис. 3.26 – 1–8). Отнесены к этой категории изделий на основании сходства их формы и парам с деревянными ручками. Кроме того, в силу особенностей формы они не могут быть отнесены к деталям оленьей упряжи. Данные костяные предметы в плане треугольные,

в сечении – прямоугольные или овальные. На концах изделий имеются отверстия для крепления. В некоторых случаях, когда отверстие при длительном использовании ручки протиралось, на ней просверливалось новое. Такие случаи зафиксированы на предметах нашей коллекции. Расстояние между осями отверстий варьируется от 13 до 27 см. На трех ручках имеются отверстия без следов последующей утилизации, поэтому их можно определить как декоративные. На четырех изделиях в верхней части угла вырезаны антропоморфные и зооморфные изображения. В двух случаях – это личины, одном случае – фигура животного; еще в одном случае изображение было частично обломано и не идентифицировано. Большинство изделий, судя по стертости их поверхностей, использовалось довольно долго. Форма ручек в виде равнобедренного угла, причем остроуго, позволяет предполагать, что такие предметы предназначались в основном для подвешивания, нежели для ношения. Как минимум, шесть костяных ручек, в первую очередь, с резными концами, принадлежали к ритуальной посуде. Можно также предположить, что полужидкую пищу (*варку*), предназначенную божествам, подвешивали в таких корытцах, с тем чтобы она была недоступна собакам, которые свободно передвигались по всем помещениям городка.

Третий подтип – большие корыта – 17 экз. (рис. 3.20 – 3.22). Размеры корыт разнообразны: от 25×15×4 до 52×30×10 см. Их края обработаны аналогично ранее охарактеризованному подтипу. Большие корыта, так же как и малые, имеют две разновидности: с орнаментом или без такового. При этом обе они сильно различаются по качеству обработки краев и сырья.

Стенки неорнаментированных корыт (11 экз.) укреплены деревянной планкой, пришитой саргой редкими стежками через край. В одном случае между деревянной планкой и наружной поверхностью стенки проложена полоска бересты шириной 2 см.

Края орнаментированных корыт (5 экз.) обработаны аккуратными швами. По краям трех изделий фиксируются двойные ряды проколов. Два корыта имеют по одному плотному ряду проколов. Еще на одном корыте сохранилась частая (сплошная) обмотка саргой; с внешней стороны стенка корытца дублируется полосой бересты шириной 2 см.

Четыре орнаментированных корыта сильно фрагментированы, поэтому полная орнаментальная схема восстанавливается только для одного из них. Днище этого корыта, размером 45×40 см, было заполнено сложной асимметричной криволинейной розеткой с большим количеством отростков. В левой части орнаментированного полотна читается изображение человека. В хантыйской орнаментальной традиции человек обычно изображался в виде всадника – верхом на коне. В отличие от этого рисунок на корыте из *Полуйского мысового городка* может быть интерпретирован, с определенной долей вероятности, как изображение человека, сидящего в запряженной нарте (рис. 3.20 – 1).

Узор на другом корытце выполнен в виде криволинейной асимметричной розетки. Несмотря на то что часть изображения утрачена, его характерные детали позволяют реконструировать узор как фигуру орла. Ромбом с полостью в центре передано туловище птицы; от боковых вершин ромба отходят крылья, а от верхнего угла – длинная шея с асимметричной головой с клювом, развернутым влево. Сходное изображение орла, но с иными крыльями, зафиксировано на корытцах из Надымского городка. Заметим также, что всего в *Полуйском мысовом городке* найдено три изображения орла: помимо рисунков на корытах, найдена заготовка аппликации.

Остальные корыта также украшены сложными криволинейными розетками, однако полную орнаментальную схему на них представить не удастся.

Судя по этнографическим данным, большие корыта использовались для транспортировки и хранения как сырых, так и готовых пищевых продуктов, например, рыбы. Орнаментированные большие корыта, как и малые, могли использоваться как ритуальные предметы. В целом в коллекции *Полуйского мысового городка* орнаментированные корытца составляют четверть (15 экз.) от общего их количества.

Туес («короб» – рус., «канчен туяс» – хант.) – 363 экз. (рис. 3.27 – 3.33). Данный тип составляют емкости преимущественно цилиндрической или близкой к призматической формы. По форме и конструктивным особенностям выделяется два подтипа туесов.

Первый подтип включает емкости, полностью изготовленные из берестяных деталей. Корпус (стенки) коробов данного подтипа сделан из прямоугольной полосы бересты (или двух сшитых, если площадь дна большая), обращенной белым слоем внутрь. Края листа сложены внахлест и прошиты зигзагообразным швом.

К верхнему краю корпуса (иногда с двух его сторон) пришивались – саргой, швом через край – обручи из черемухового прута или корня, с подложенной изнутри полоской бересты. К корпусу пришивалось дно. Оно состояло из двух или трех слоев бересты, сложенных разнонаправленно. Нижний край стенок короба загибался наружу (в месте сгиба верхние слои бересты надрезались), стыковался с краем днища, оборачивался тонкой полосой бересты и прошивался насквозь короткими стежками по всему периметру короба. Прослеживаются разные типы швов: через край, при котором остается один ряд проколов, а также более сложные швы, от которых остаются двойные и тройные ряды проколов. Предполагалось снабжение каждого короба берестяной вставной крышкой. Для придания жесткости она изготовлялась из двух разнонаправленных слоев бересты, сшитых двойными, широко расставленными стежками. Кроме того, она имела пришитый обод из бересты шириной около 3 см или из деревянной планки.

Различаются два варианта данного подтипа туесов.

Вариант А характеризуется цилиндрической формой. Диаметр днища таких емкостей зачастую был равен диаметру короба или немного превышал его. Из всего числа коробов, обнаруженных при раскопках, 5 сосудов – практически целые, а 103 представлены фрагментами стенок. Им условно соответствует 228 днищ и 28 крышек. Вполне вероятно, что крышки изготавливали не для всех коробов. Диаметр тулова всех найденных коробов варьируется от 9 до 52 см, а высота их – от 7 до 23,5 см. При этом основное число коробов (80%) имеет диаметр от 11 до 27 см.

Вариант Б характеризуется формой емкости, близкой к призматической. Конструктивно он аналогичен вышеописанному цилиндрическому туесам варианта «А» и также полностью изготовлен из берестяных деталей. В целом такое изделие имеет форму, близкую прямоугольному параллелепипеду, а конструкцию, идентичную цилиндрическим туесам. Важным элементом, сближающим такие емкости с цилиндрическими коробами, является вставная крышка. В этой связи, не акцентируя внимания на форме, мы относим эти емкости в особый подтип туесов (коробов). Всего в коллекции *Полуйского городка* имеются три фрагмента таких изделий: крышка и два днища. Размеры одного днища не восстанавливаются, размер второго – 19,5×19,0 см. Размер крышки – 22×20 см. Следует отметить, что данные изделия – единичные. В коллекции Надымского городка их также немного [Кардаш, 2009. С. 172].

Оба вышеописанных варианта подразделяются на две разновидности: орнаментированные и без орнамента. В коллекции имеется 16 орнаментированных коробов, крышек и стенок. С учетом того, что на днища коробов орнамент не наносился, 12% из найденных коробов были орнаментированы.

Декор крышек туесов представляет собой различные варианты розеток.

Прямолинейные розетки изображены на четырех крышках (рис. 3.31 – 1, 4, 5). Две из них имеют вид креста с перекрестьями, что соответствует третьей подгруппе первой группы розеток по типологии О. М. Рындиной. В материалах XIX–XX веков этот мотив был одним из самых популярных [Рындина, 1994. С. 203]. Другая крышка декорирована розеткой, в основе которой был крест с дополнительным мотивом «заячьи уши», что, по той же типологии, соответствует второй подгруппе первой группы прямолинейных розеток (рис. 3.31 – 4). Отличие от современных вариантов этого орнамента заключается в том, что крест составлен из ромбов, соединенных вершинами.

Криволинейные розетки представлены двумя вариантами.

Вариант А – симметричная розетка. Изображение состоит из квадрата с ответвлениями по углам (так называемое «заброшенное селение») и соответствует четвертой подгруппе первой группы криволинейных розеток по типологии О. М. Рындиной (рис. 3.31 – 3).

Вариант Б – асимметричная розетка. Имеется одно изображение, идентифицируемое как «глухарь сна» со сложным развитием отростков нижней части, соответствующее первой подгруппе третьей группы криволинейных розеток по типологии О. М. Рындиной (рис. 3.31 – 2). Остальные асимметричные розетки представляют изображения, не имеющие этнографических параллелей. Одно из них, достаточно простое, имеет округлые очертания, подчиненные форме поверхности. Оно может расцениваться как свободная композиция случайной конфигурации (рис. 3.31 – 6). Второе изображение, возможно, имеет зооморфную семантику, сопоставимую с элементами головы и лап на изображении медведя (рис. 3.28 – 2). Аналогичное изображение имеется на корытце из Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 172, рис. 3.49 – 2].

Декор стенок тулова коробов имеет четыре основных варианта синонимических орнаментов. На стенке одного короба контурной линией показаны F-образные мотивы с отростком (рис. 3.28 – 7). Полной

этнографической аналогии такому орнаменту найти не удалось. Стенка второго короба украшена мотивами меандра и «заячьих ушей». Стенка третьего короба разделена двойной (по-видимому, замкнутой концентрической) линией на три горизонтальные зоны. Нижняя из них декорирована мотивом «утиный выводок». Средняя украшена сложным криволинейным орнаментом. К сожалению, его, как и орнамент на верхней зоне, из-за малого размера куска бересты реконструировать полностью не удалось.

Несинонимические орнаменты представлены следующими вариантами:

Вариант А – зигзаг с отростком (седьмая группа прерывистых прямолинейных композиций-бордюров – по О. М. Рындиной) (рис. 3.28 – 5).

Вариант Б – ромб с «ушками» [Молданова, 1999. С. 72–84, рис. 13] или «лучистыми отростками на сторонах» [Рындиной, 1994. С. 197] (первая подгруппа первой группы прерывистых прямолинейных бордюров – по О. М. Рындиной) (рис. 3.27 – 2);

Вариант В – мотив «заячьи уши» (первая подгруппа второй группы непрерывных прямолинейных композиций (бордюров) по О. М. Рындиной) (рис. 3.28 – 3). Последний мотив особенно интересен геометрией, нарушенной по сравнению с традиционными вариантами этого орнамента XIX–XX веков. В отличие от современных образцов, мотив не разложим на два уголка.

Криволинейные композиции (бордюры) представлены только одним образцом несинонимического орнамента, образованного параллельным переносом раппорта в виде асимметричной дуги с отростками. Этот мотив напоминает изображение «глухаря сна». В нем «читаются» три обязательных элемента: дуговидное туловище, две лапы и хвост птицы. В то же время четвертый обязательный элемент – крылья – отсутствует. Тем не менее, поскольку раппорты частично накладываются друг на друга, изображение крыльев замещает «хвост» соседнего раппорта (рис. 3.27 – 1). Такие бордюры по этнографическим источникам нам не известны.

В коллекции *Полуйского городка* также имеется классическое изображение «глухаря сна», выполненное в виде аппликации (рис. 3.34 – 3).

Характерной чертой полуйских орнаментированных изделий из бересты является малое количество окаймляющих бордюров и довольно бедный их набор. Представлены три мотива: по одному разу встречены «зигзаг с отростком» и «щучьи зубы», на пяти изделиях нанесены вертикальные или наклонные параллельные линии.

Второй подтип составляют цилиндрические емкости, изготовленные из берестяных и деревянных деталей (рис. 3.35). Стенка такого короба изготавливалась из прямоугольного куска бересты, обращенного белым слоем внутрь. Края листа соединялись «в зубец». Днище имело форму цилиндрического диска толщиной 1,0–1,2 см и монтировалось (то есть плотно прижималось) к стенкам короба при помощи наружного банджа из берестяной полосы. Предполагалось наличие у каждого изделия деревянной крышки с дугообразной ручкой. Крышка вставлялась внутрь корпуса и удерживалась при помощи наружного банджа верхнего края сосуда.

Найден один почти целый туесок диаметром 10 и высотой 16 см (рис. 3.31 – 1). Вся поверхность его, включая «бандаж», была орнаментирована штампованным орнаментом. Сам чекан представлял собой мелкую (0,5 см в диаметре) «цветочную» розетку. Кроме него, в коллекции имеется 6 деревянных днищ и 6 крышек других туесков (рис. 3.31 – 2–9). Диаметр, восстанавливаемый по крышкам и днищам, – от 10 до 18 см.

Данный подтип цилиндрических туесков имеет множество аналогий с русской берестяной посудой, известной как по материалам раскопок русских средневековых городов, так и по этнографическим материалам [Колчин, 1968. С. 49–50, табл. 36, 37; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 91–92, рис. 145; Русские, 2005. С. 400–412]. На этом основании мы относим его к продукции русских мастеров и можем характеризовать как предметы дальнего импорта, которые попали в состав вещевого комплекса в результате меновой торговли.

В целом, заканчивая характеристику данной группы изделий, отметим, что количество берестяной посуды можно назвать значительным. Число берестяной посуды в два раза превышает количество данной категории изделий Надымского городка синхронного периода, причем найденных на площади в два раза большей. То есть, если производить сравнение с учетом синхронности периода, мощности культурного слоя и его площади, то можно заключить, что количество берестяной посуды аналогичных типов в четыре раза превышает количество берестяной посуды Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 171–173, рис. 3.46 – 3.50]. Это значительное отличие, которое должно иметь определенные причины. Причем следует заметить, что число орнаментированных изделий, составляющих как минимум 10% от всего числа, также довольно велико. Однозначную причину этого факта – большого числа берестяных изделий – назвать сложно в отрыве от

анализа всего вещевого комплекса и реконструкции хозяйственных занятий по данным палеоэкологических источников. Вернемся к этому вопросу в заключительном анализе всего вещевого комплекса. В данном разделе дополнительно отметим, что как и в наборе типов берестяной посуды Надымского городка, в *Полуйском мысовом городке* отсутствуют типы посуды, предназначенной для сбора, транспортировки и хранения ягод: набирушки, кузова, бочки. Таким образом, население также не занималось сбором дикоросов. То есть такое число посуды было необходимо и использовалось для хранения предметов (вещей) и употребления пищи.

Группа 4. Костяная посуда

Костяная посуда представлена тремя предметами одного типа.

Малая (индивидуальная) ложка из кости – 3 экз. (рис. 3.17 – 7, 12, 13). В коллекции имеется одна целая ложка и два фрагмента от двух других изделий. Их можно разделить на два подтипа.

Первый подтип – ложки в форме вытянутой пластины, с неглубокой, черпательной частью прямоугольной формы и плоской рукоятью, которая в месте перехода в чашу имеет практически одинаковую с ней ширину – 2 экз. Одна ложка изготовлена из бивня мамонта, вторая – из оленьего рога (рис. 3.17 – 12, 13).

Несколько ложек такого облика имеется в коллекции Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 171, рис. 3.42 – 5, 6, 8, 9].

Второй подтип представлен одной уникальной находкой. Это миниатюрная ложка (7,1×2,6×1,3 см), изготовленная из эпифиза берцовой кости крупного животного. Ее рабочая (черпательная) часть имеет овальную форму, типа чаши. Поверхность чаши обработке не подвергалась. Рукоять ложки тонкая, овального сечения, на ее конце имеется отверстие для подвешивания (рис. 3.17 – 7).

В целом в современной традиционной культуре аборигенов Северо-Западной Сибири костяные ложки не имеют аналогов. Вероятнее всего, эти изделия отражают этническую специфику материальной культуры разных групп древнего автохтонного населения городка.

Группа 5. Кухонные принадлежности

Лопатки для помешивания – 12 экз. Имеют вид вытянутых пластин, сужающихся к одному краю. Максимальная длина лопаток – 42 см. Подобные мешалки до сих пор используются у народов Севера как в процессе приготовления пищи, так и для вымешивания теста [Лукина, 1985. С. 71, рис. 29 – 8]. Близкие по форме предметы (*веселки*) известны в русской культуре [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 92, рис. 150 – 1–4].

Орудия для очистки рыбы от чешуи – 12 экз. (рис. 3.36). В зависимости от материала различаются два их подтипа.

Первый подтип – орудия из кости (10 экз.). Изготовлены из лопатки северного оленя (рис. 3.40 – 1–9). Инструменты для очистки рыбы от чешуи и ныне бытуют в традиционной культуре народов Севера. Особенно они распространены у тех групп, которые связаны не только с рыболовством, но с оленеводством и охотой на дикого северного оленя. Ближайшие аналогии данным орудиям можно найти в материалах Надымского городка.

Второй подтип – орудия из дерева – 2 экз. (рис. 3.40 – 10, 11). Представлены двумя вариантами.

Вариант А – деревянная пластина с широкой плоской рукоятью, коротким лезвием с треугольным выступом со стороны брюшка и прямой спинкой – 1 экз. Размер инструмента: 12,4×3,5×0,8 см.

Вариант Б – орудие с проработанной рукоятью, узким прямым клинком и выступающим дуговидным лезвием. Аналогичные орудия найдены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 93; рис. 152 – 2–6, 153 – 1–3].

Группа 6. Предметы интерьера и домашнего обихода

Вешала деревянные – 14 экз. Данные изделия имели вид деревянных приостренных стержней. Обычно они предназначались для сушки рыбы. Размеры вешал варьируются от 1,2×13,5×1,9 до 1,8×50,7×1,2 см.

Крюки очажные – 2 экз. Изготовлены из дерева, имеют С-образные вырезы для котловых дужек. Размеры изделий: 12,5×3,6×2,0 и 27,8×3,0×2,3 см. Подобными приспособлениями для подвешивания котла над очагом пользуются современные ханты и ненцы.

Кресальный набор – комплект приспособлений и материалов для добывания огня. Включает в себя кресала (огнива) – стальные пластины, при ударе которыми о кремь высекалась искра, и огнивные камни со следами ударов. В тот же набор обычно входили грибы-трутовики, из которых извлекался трут – материал для воспламенения.

Кресала – 2 экз. (рис. 3.39 – 5, б). Оба изделия – с одной ударной плоскостью (односторонние), имеют вид железных пластин, расширяющихся в центральной части. Узкие концы пластин вытянуты и загнуты навстречу друг другу, образуя ручки, смыкающиеся на середине. Размеры изделий: 7,0×2,4×0,4 и 7,7×3,8×0,5 см. Одна из рукоятей второго кресала обломана. Орудия подобной формы были распространены на обширной территории лесной зоны Евразии – от Латвии до Западной Сибири – в XV–XVII веках [Колчин, 1959. С. 103, рис. 87 – 4; Семенова, 2001. С. 97, рис. 21– 1].

Камни для огнива – 2 экз. Это осколки скрытокристаллических кварцев серо-желтого и розоватого цветов. Обе находки имеют подпрямоугольную форму с ретушью на торцах. Такие камни называют пищальными, поскольку им придавали определенную форму для крепления в оружейном замке. Подобные изделия известны по раскопкам Мангазеи и Надымского городка [Белов и др., 1981. С. 79, табл. 70 – 1–20; Кардаш, 2009. С. 249, рис. 3.54 – 5].

Крюк для развязывания узлов («кочедык») – 1 экз. Крюк костяной, изготовлен из опиленного отростка оленьего рога. Размеры изделия 5,8×14,1×1,3 см.

Колыбель – 4 экз. (рис. 3.40 – 1–4). В коллекции имеются 4 фрагмента задников берестяной колыбели. Они представляют собой листы бересты с полукруглым завершением; спинки изготовлены из двух слоев бересты, сшитых вместе через край. Поверх одной из спинок была наложена пихтовая кора (?) и наклеена аппликация из тонких берестяных полосок. Декор на ней утрачен ввиду неудовлетворительной сохранности предмета. Полные размеры восстанавливаются лишь для одной из находок. Она имеет вытянутые пропорции: длина задника – 50 см, ширина – 30 см. Судя по следам проколов от швейной иглы у основания спинки, деталь пришивалась к берестяному коробу – основе колыбели.

В этнографической современности берестяные колыбели с высокой спинкой повсеместно распространены у обских угров (рис. 3.40 – 7). Сейчас высокая спинка дневной колыбели вырезается вместе с основой (днищем), к которой пришивается бортик. Пришивные спинки, подобные полуйскому образцу, характерны для ночных колыбелей, их отличает меньшая длина [Федорова, 2000. С. 294–296].

Циновки – 6 экз. (рис. 3.37, 3.38). В коллекции имеются пять фрагментов таких изделий. В городке были найдены циновки двух типов. Первый тип (4 экз.) – это циновки, сшитые из узких, до 6,5 см полос, сплетенных из травы. Имеется 2 подтипа. Первый, составляющий основную массу изделий, это коврики прямоугольной формы (рис. 3.37 – 1–5). Второй подтип (1 экз.) – это круглые, получаются при сшивании плетеной полосы по спирали (рис. 3.38 – 1, 2). Ширина полосы – 4 см. Единственная аналогия такому коврику имеется в материалах раскопок Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 175, рис. 3.53 – 7]. Второй тип – это циновки, сшитые из тонких длинных (до 1 метра) пучков травы (рис. 3.38 – 3).

Веревки – 48 экз. (рис. 3.41, 3.42). При раскопках *Полуйского городка* обнаружено большое количество обрывков и мотков веревки различного сечения. Веревки различаются толщиной (от 0,5 до 1,4 см) и сечением. По количеству прядей, сплетенных в веревку, их можно разделить на двух- и трехжильные. Практически все веревки изготовлены из древесных растительных материалов.

Лопаты для снега – 4 экз. (рис. 3.39 – 1–4). Все изделия целые, изготовлены из цельных кусков древесины. Ширина лопасти составляет от 7,7 до 14,5 см, длина рукояти варьируется – от 68,5 до 88 см. Такие лопаты служили для отгребания снега от входа в жилище.

3.6. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Описание и анализ средств передвижения составляет не просто часть описания материальной культуры общества. Транспортные средства связаны с экономикой любого общества и составляют важную часть характеристики уровня его развития. Особенно это показательно для древних обществ и народов. В нашем случае в анализе представлены не только наземные средства передвижения, которые считаются характерными для культуры коренного населения региона, но и другие – предметы. Это прежде всего детали больших морских и речных судов, вероятно, русского производства, так или иначе попавшие в состав хантыйского вещевого комплекса и использованные жителями городка для бытовых нужд. Начнем описание с группы сухопутных транспортных средств, в которой преобладают предметы, связанные с традиционной культурой.

НАЗЕМНЫЙ ТРАНСПОРТ

Большее время года, когда акватория многочисленных рек и озер скована льдом, территория региона представляет обширные равнинные пространства, пригодные лишь для сухопутного перемещения. Длительность зимнего периода обуславливает приоритетное значение наземных транспортных средств. Следовательно, уровень их развития и специфика не могли не отразиться в предметах, обнаруженных при раскопках.

НАРТЕННЫЙ ТРАНСПОРТ. Существующая ныне в этнографической науке типология нарт была составлена в конце 50-х годов XX века и с тех пор не претерпела радикального изменения [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 11–76]. Эта типология остается и по сей день актуальной, поскольку была построена на реальных исследованиях и связана с анализом живой культуры аборигенного населения Севера. К сожалению, данную типологию крайне сложно использовать для анализа археологических находок. Прежде всего потому, что до сих пор не существует параметрической характеристики ни самих нарт разных типов или вариантов, ни их деталей. Хотя ряд отличий, к примеру, между ненецкими оленьими и собачьими нартами, основан преимущественно на размерах саней и пропорциях, связанных с видом тяглового животного [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 27, 68; табл. 1 – 2; 3 – 1]. Дифференциация находок деталей нарт – по вариантам тяглового способа перемещения – была бы крайне полезна для нашего исследования. Тем не менее ряд деталей, представленных фрагментарно, мы не можем достоверно отнести к тому или иному типу, поскольку нет вышеупомянутых параметрических характеристик. Сколько-нибудь достоверно можно соотнести только копылья, в первую очередь, ориентируясь на собственный опыт и полевые материалы комплексных этнографических исследований.

В нашем исследовании мы вначале рассмотрим все обнаруженные детали и фрагменты деталей нарт вместе – вне зависимости от размеров саней и предполагаемого тяглового способа (заплечный, собачий, олень), включая все элементы упряжи. Затем представим вариант их дифференциации, соответствующей принятой в этнографии типологии.

Нарты и упряжь в коллекции *Полуйского мысового городка* представлены фрагментами и отдельными деталями – 68 экз. (17 фрагментов кузова нарт, 13 копыльев, 8 фрагментов полозьев, 30 деталей оленьей упряжи) (рис. 3.43 – 3.46). Все они принадлежали нартам косокопыльного типа. Восстанавливаемые размеры нарт различны: от малой нарты, используемой в охотничьем промысле как заплечная, до больших, соответствующих современным образцам ненецких оленьих нарт. Фрагменты моделей нарт и их имитаций, которые не могли использоваться по прямому назначению, представлены в разделе, посвященном детским игрушкам. Нарты же утилитарные по форме копыльев и полозьев соотносятся с двумя основными вариантами, известными на территории Северо-Западной Сибири.

Таежный вариант косокопыльных нарт (собачьи нарты) – 9 фр. (рис. 3.44 – 1–6). Такие нарты идентифицируются прежде всего по форме копыльев. Судя по их количеству, данный тип был преобладающим. К нему, вероятно, принадлежит основное число и других обнаруженных при раскопках деталей. По сохранившимся обломкам можно реконструировать только высоту нарт. Без учета толщины полоза и верхней планки корзины максимальная высота такой нарты составляла 30 см. Глубина корзины – 10 см. Средняя

высота большинства нарт городка составляла около 25 см, также без учета толщины полоза и верхней планки корзины. Глубина корзины – порядка 7 см. Такая нарта имела более двух пар копыльев, скорее всего – 3–4.

Тундровый вариант косокопыльных нарт (оленьи нарты) – 4 экз. (рис. 3.45 – 1–3). Он также идентифицируется по форме копыльев. В отличие от таежных, целых копыльев тундрового варианта не найдено. Тем не менее, судя по большим обломкам, они имели более массивную форму и были в полтора-два раза больше. Найденные фрагменты сопоставимы с деталями современных ненецких нарт. Недостаток материалов не позволяет воспроизвести и охарактеризовать такую нарту в деталях. Можно лишь заключить, что ее размеры превышали таежный вариант.

Полозья для нарт – 9 экз. (рис. 3.43 – 1–6). По одним фрагментам полозьев довольно сложно определить принадлежность полоза к тому или иному типу нарт. В конструкции нарт таежного варианта есть один элемент – связь копыла с полозом, которая характерна для этого варианта нарт в настоящее время. Однако мы точно не знаем, как развивалась конструкция нарт тундрового варианта, и не имелось ли таких связей у нарт тундрового варианта на период XVII–XVIII веков.

Достоверно мы можем определить только ширину полозьев, которая, судя по найденным фрагментам, колебалась в интервале от 4,0 до 8,5 см. Эти полозья можно соотнести с малыми (ручными) и средними нартами с цельнодеревянными полозьями. Последние, вероятно, обеспечивали транспортировку грузов на короткие и средние расстояния – до 100 килом. Двухслойных полозьев не найдено. По-видимому, дальние перемещения – от 100 до 300 и более килом – на нартенном транспорте населением городка не практиковались.

Блок крепления нарты к упряжи – 5 экз. (рис. 3.45 – 4–7). Это деревянные массивные бруски с двумя отверстиями длиной от 18 до 23 см. Данные элементы конструкции нартенного транспорта, на основании современных этнографических данных, можно было бы однозначно отнести к деталям нарт тундрового варианта для крепления нарты к оленьему недоузду, поскольку известные нарты таежного варианта имеют для крепления собачьей упряжи дугу. Тем не менее мы точно не знаем, какова была конструкция передней части нарт таежного варианта в XVII–XVIII веках. Достоверно не известно, какой тип собачьей упряжи и какой способ запряжения использовался в то время. Один из блоков, точнее почти завершенная его заготовка, найден в оборонительно-жилом комплексе. Последнее можно расценивать как факт использования нарт обоих типов привилегированными жителями городка.

Детали упряжи и оленеводческие принадлежности – 32 экз. предметов и фрагментов, которые относятся к данной категории изделий, и три заготовки для них (рис. 3.58 – 1–18). Практически все эти детали выполнены из кости и рога. Они составляют две группы: детали недоуздов и блоки крепления упряжи к нарте. Детали недоуздов представляются отдельно, поскольку могли использоваться в разных комплектах.

Налобные пластины – 14 экз. (рис. 3.59 – 1–4). Изготовлены из рога оленя. Изделия в форме асимметричной пластины, изогнутой под прямым углом. На одном ее конце имеется два, а на противоположном – одно отверстие для крепления с другими элементами недоуздка. Входят в комплект сложного недоуздка: с двумя пластинами – для передового оленя, с четырьмя пластинами – для пристяжного [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 13, рис. 3; С. 22].

Нащечные пластины – 9 экз. (рис. 3.46 – 13–18). Изготовлены из рога оленя или бивня мамонта. Имеют форму, близкую к вытянутому прямоугольнику, а также три или четыре отверстия для крепления. Ныне у коренных жителей субарктического региона такие изделия входят в комплект сложного недоуздка с четырьмя пластинами для пристяжного оленя [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 13, 22; рис. 3].

Блоки – застежки недоуздка (пясики) – 2 экз. (рис. 3.46 – 5). Изготовлены из рога оленя. Имеют форму вытянутого овала с приостренными концами, а также одно или два отверстия посередине. Обычно такие блоки входят в комплект сложного недоуздка с четырьмя пластинами для пристегивания второго оленя [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 13, 22; рис. 3].

Блоки для аркана (тынзяна) – 7 экз. (рис. 3.46 – 6–12). Имеют форму, аналогичную вышеописанному блоку крепления нарты, только отличаются значительно меньшими размерами – 4–6 см в длину – и изготовлены из кости. Блоки использовали для затягивания петли аркана – орудия оленеводов для отлова оленей из стада.

Ограничители передвижения животных (олень, собака?) «нгали» (нен.) или «сапт-юх» (хант.) – 2 экз. (рис. 3.47 – 3–5). Выполнены из рога северного оленя. Не исключено, что они могли использоваться как для оленей, так и для собак. Эти изделия отнесены к данной категории предметов предположительно. Для ограничения движения домашних животных (оленей, собак), например в период отела оленей, применяются фрагменты стволов деревьев различной формы, зачастую естественные, определенных парам, которые снабжали отверстием и петлей для надевания на шею (рис. 3.47 – 5). Мы преднамеренно выбрали в качестве аналога самый нетипичный вариант такого ограничителя, поскольку движения животного могли сдерживать и ограничивать самые разные предметы.

Считаем важным обратить внимание на данную принадлежность оленеводства. Такие предметы – довольно частая находка на современных стойбищах оленеводов как ямальских тундр, так и северной тайги. Находка такого предмета на археологическом памятнике может служить однозначным подтверждением занятий жителей оленеводством.

Ближайшие аналоги найденным при раскопках *Полуйского мысового городка* деталям оленьей упряжи и нарт происходят из Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 176–179; рис. 3.57–3.60]. Относительно условий нахождения в слое фрагментов нарт и деталей оленьей упряжи имеется несколько интересных наблюдений, позволяющих высказать определенные соображения относительно хронологии использования нартенового транспорта и его сезонности. Если на территории посада такие находки по времени не дифференцируются, то в оборонительно-жилом комплексе, в частности постройке № 1, такая возможность существует. В самом раннем слое постройки № 1, относящемся к концу XVI – первой трети XVII веков, деталей упряжи и нарт тундрового варианта не обнаружено. Все они происходят из более поздних слоев. Общее количество деталей нарт таежного варианта сопоставимо с количеством таких же нарт Надымского городка. Это позволяет говорить о большой интенсивности посещения и жизнедеятельности в зимнее время в *Полуйском мысовом городке*. Иными словами, данный населенный пункт в это время относительно активно использовался. Причем, несмотря на то что архитектура городка и состав костных остатков свидетельствует об обратном, точнее, о его использовании преимущественно как летней резиденции остяцких князей Тайшиных.

Лыжи – для населения Крайнего Севера можно охарактеризовать как одно из важнейших средств передвижения в зимнее время, рассчитанное на преодоление коротких расстояний. Лыжи значительно дополняют возможности нартенного транспорта, особенно в труднопроходимых пространствах, поросших лесом, где для перемещения упряжки необходимо было прокладывать специальный санный путь. Кроме того, данное специализированное транспортное средство в значительной степени предназначено для ведения индивидуального охотничьего промысла вблизи дома, в частности, для проверки ловушек на мелких зверей и птиц. Аборигенами Севера обычно использовались два вида лыж: лыжи-голицы и лыжи, подшитые мехом (подволоки). Между тем при раскопках *Полуйского мысового городка* были обнаружены обломки лыж только первого типа.

Лыжи-голицы – 4 экз. (рис. 3.47 – 1, 2). Судя по трем фрагментам и одной почти целой лыже с утратами, все они относятся к типу не подшитых мехом, прямых скользящих лыж, без высокой (приподнятой) ступательной площадки. Последняя была низкая и располагалась непосредственно на лыжине, со смещением к передней части, и имела два выступа по краям. В каждом выступе имелось по два сквозных отверстия для продевания веревок, с помощью которых лыжи крепились к обутой ноге. Единственный относительно целый экземпляр представлен небольшой, вероятнее всего, детской лыжиной – размером не более 70 см, шириной около 10–11 см.

Согласно этнографическим данным, такими лыжами пользуются преимущественно женщины и дети, поэтому их считают и называют женскими лыжами [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 80, 89; табл. 2 – 1].

Небольшое количество таких лыж было найдено в Мангазее, и они определены как русские предметы [Белов и др., 1981. С. 66, 67; табл. 58]. Возможно, что этот тип лыж бытовал параллельно в русской и туземной культурах. Много аналогичных лыж найдено при раскопках Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 179; рис. 3.61 – 1–6, 9]. Данный факт позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, о гораздо большей роли нартенного транспорта в жизни жителей городка. Кроме того, крайне небольшое число лыж указывает на малое значение зимнего промысла мелких зверей и птиц. Это подтверждается и незначительным количеством костных останков таких «зимних» видов животных и птиц, как заяц, белая куропатка (прил. 3). Вероятнее всего, в зимнее время женщины и дети крайне редко проживали в городке. Это, в свою очередь, указывает на преимущественное весенне-летнее время функционирования населенного пункта. При сопоставлении этих выводов с приведенным выше заключением о нартовом транспорте возникает некое противоречие, которое требуется пояснить. Есть один факт, который позволяет снять такое противоречие. В отписке тобольских воевод о грабеже самоедами хлебных запасов на Обдоре весной, а именно в марте 1644 года, содержатся следующие сведения из материалов допроса сыном боярским Родионом Лихачевым обдорского князя Молика Мамрукова, который по клятве сообщил: «... в нынешнем де во 152-м году, как приезжали на Обдор воровская самоедь ... для воровства, имян их не ведают – и сколько чети твоево государева запаса взяли, того они не ведают же, потому что де они в те поры на Обдори в зимних юртах не были, выехали преж их, воровской самоеди приезде, по своим вешним юртам» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 175–182]. Соответственно, судя по этому документу, у вождей Обдорской волости существовал обычай выезжать к своим вешним юртам практически в конце зимы, то есть с использованием нартового транспорта. Остальная же часть населения зимнего городка прибывала в летнюю резиденцию, по-видимому, позднее – ближе к лету, возможно, в мае, и не исключено, что водным транспортом.

ВОДНЫЙ ТРАНСПОРТ

Всего в коллекции 109 предметов из дерева и железа – фрагментов и небольших деталей судов (рис. 3.48–3.50; прил. 3). На основании данных находок мы можем представить эту часть культуры. Анализ средств водного передвижения сориентирован на русскую типологию судов и терминологию XVII–XVIII веков как достаточно разработанную [Панин, 1985. С. 105]. Кроме того, русские названия судов бытовали на данной территории у всех групп населения, в том числе у аборигенного. К тому же большая часть найденных в Полуийском мысовом городке деталей судов относится к предметам русского производства. Все судовые артефакты (фрагменты) достаточно уверенно идентифицируются по основным типам судов.

Первую группу составляют **большие русские речные и морские суда**. Они делятся на два типа: кочи и дощаники.

Коч – судно класса река – море – 3 экз. (рис. 3.48 – 5). Представлен обломками досок от бортового набора со шивным типом крепления. Фрагменты небольшие, плохой сохранности, что указывает на их длительное употребление или случайное нахождение. Обнаружены среди остатков конструкций построек посадской и укрепленной части городка. На досках сохранились следы их прошивки корнем или вицей. Ширина досок – 23 см, толщина – 3–4 см, расстояние между парами отверстий – 18–23 см, диаметр отверстий – 1,5–2 см. Такие предметы хорошо идентифицируются по многочисленным находкам досок бортового набора кочей, обнаруженных при раскопках Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 74, рис. 105, 106].

Дощаник – судно речного класса – 62 экз. (рис. 3.48 – 1–4). Представлен фрагментами досок бортового набора с нагельным типом крепления бортового набора. На досках отмечены парные сквозные отверстия, в некоторых остались нагели. Отдельные фрагменты большие, хорошей сохранности. Это указывает на хорошее состояние судна перед разборкой. Возможно, дощаник потерпел крушение, был выкинут на берег или поломан льдом во время весеннего ледохода. Доски обнаружены только среди остатков конструкций построек № 1 и № 3 оборонительно-жилого комплекса городка. Время их использования для строительства – середина XVII века. Ширина досок – 29–33 см, толщина – 5–6 см, расстояние между парой отверстий – 13–19 см, диаметр отверстий – 3,5–4 см.

От кочей и дощаников происходят и найденные на всей территории городка железные судовые скобы и их фрагменты. Распределить эти изделия по типам судов не представляется возможным, поэтому они приведены вслед за описанием обоих типов судов.

Скобы судовые (коч, дощаник) – 24 экз. (рис. 3.48 – 6–13). В коллекции имеются 19 целых и 5 фрагментов судовых (кочевых) скоб из железа. Найденные в городке скобы незначительно различаются по размерам.

Это изделия в виде прямой вытянутой пластины с заостренными концами, общей длиной от 5 до 9 см, шириной 0,5–0,7 см. Они были изогнуты в виде угла или буквы «П». Подобные скобы в изобилии встречаются при раскопках Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 5, рис. 108 – 6–11].

Вторую группу составляют **малые речные и озерные суда местного производства**. Судя по этнографическим, фольклорным и отчасти археологическим исследованиям, их принято считать традиционным средством передвижения коренного населения региона. Остатки и модели таких лодок неоднократно зафиксированы при раскопках средневековых таежных могильников Сургутского Приобья, Обь-Иртышского междуречья и других западносибирских лесных территорий.

Данные суда среди материалов Полуийского мысового городка представлены только одной подгруппой и даже одним типом – малыми деревянными лодками, выдолбленными из цельного ствола дерева.

Лодки – малые речные (озерные) суда – 14 экз. (рис. 3.49, 3.50). Найденные фрагменты принадлежали легким гребным лодкам, корпус которых был изготовлен из целого ствола дерева – осины. В отличие от местных хвойных пород деревьев (сосна, кедр, лиственница, пихта) и даже некоторых лиственных (береза), осина отличается меньшим удельным весом. Хотя она менее плотная, крепкая и долговечная, зато легкая, плавучая и легко поддается обработке. Кроме частей корпуса, при раскопках были обнаружены фрагменты дополнительных бортов. Лодки подобного класса именовались «лотки набойницы», «лотки малые», «судна однодревые без набои», «однодревой стружок», «облас», «облас остяцкой» [Панин, 1985. С. 97–105]. Достоверно соотнести термин XVII–XVIII веков с конкретным типом лодки достаточно сложно. Дело в том, что некоторые названия имеют локально-региональную традицию. В разных частях Севера Сибири один и тот же тип лодки могут называть по-разному. Судя по найденным фрагментам, все обнаруженные малые лодки городка принадлежали к одному типу.

Тип I – лодки из цельного ствола дерева, снабженные по всей длине нашивными бортами. Поперечные распорки устанавливались в фальшбортах. Способ нашивки борта – короткими вертикальными, параллельными друг другу стяжками (рис. 3.49 – 6, 3.50 – 1). Ширина такого нашивного борта составляла 18 см, он увеличивал высоту лодки на 15 см. Толщина борта – 1 см. В его верхнем крае имелось расширение до 2 см, в которое врезались распорки. По имеющимся в коллекции фрагментам борта и перекладинам общую длину и ширину лодок этого типа реконструировать сложно. В целом можно отметить, что их длина обычно была не менее 3–4 м, а ширина – не менее 45 см. Данный тип лодок соответствует *типу I* лодок, реконструированных по фрагментам и деталям из материалов раскопок Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 181, рис. 3.62].

Технология изготовления таких лодок, хорошо известная по этнографическим данным, продолжает бытовать в настоящее время у коренных народов Северо-Западной Сибири [Лукина, 1985. С. 18; рис. 2, 5; Салымский край, 2000. С. 131, 154–155]. Автору лично неоднократно случалось наблюдать этот процесс и участвовать в нем. В этой связи можно утверждать, что при раскопках Полуийского мысового городка не было зафиксировано ни одного факта, указывавшего на изготовление лодок в данном населенном пункте. Очевидно, что судостроением жители городка не занимались, а все лодки этого класса были привозным товаром.

Весло – 6 экз. (рис. 3.49 – 1–5). Неотъемлемый элемент снаряжения малой лодки. Найдено два почти целых весла, которые использовались в качестве снеговых лопат (рис. 3.49 – 1–2). Одно – в постройке № 1 оборонительно-жилого комплекса, второе – в посадке. По обнаруженным фрагментам восстанавливаются весла длиной 0,95–1,0 м, с гребной лопастью листовидной формы длиной около 40 см, шириной 10 см и поперечным цилиндрическим навершием длиной 10–12 см. Длина рукояти – порядка 50 см, диаметр – 3,0–3,5 см.

Совершенно очевидно, что русские суда использовались населением *Полуйского мысового городка* только в качестве строительного материала или сырья. Тем не менее это важный индикатор культурного взаимодействия. Известно, что и для русского населения села Обдорское, вплоть до начала XX века, пришедшие в негодность суда становились строительным материалом для хозяйственных и даже жилых строений.

Количество деталей и элементов снаряжения малых лодок *Полуйского мысового городка* сопоставимо с числом находок Надымского городка – преимущественно зимнего населенного пункта, где число жителей летнего периода было минимальным [Кардаш, 2009. С. 181, 182]. Это обстоятельство позволяет охарактеризовать использование лодок остяками *Полуйского мысового городка* как весьма редкую практику. Причем несмотря на то, что большая часть населения проживала в нем именно в весенне-летний период, а рыба в их рационе составляла значительную часть (прил. 3). Вполне вероятно, что это являлось следствием особого, привилегированного, статуса обитателей городка.

3.7. КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РИТУАЛОВ

На культовое (ритуальное, сакральное, религиозное) назначение того или иного предмета указывает прежде всего наличие антропоморфного или зооморфного изображения в определенной устойчивой позе. Предметы других форм, используемые в религиозной сфере, идентифицированы нами по данным этнографии. В коллекции имеются также утилитарные предметы, снабженные теми или иными изображениями. Более того, любые украшения можно рассматривать как амулеты-обереги, связанные с культовой практикой.

В данном разделе мы объединили изделия специфических форм, не предусматривающие изначального двойного, в первую очередь сугубо бытового и хозяйственно-производственного, назначения. Всего к этой группе нами отнесен 91 предмет, включая фигурки *тось-чер-вой* (рис. 3.53, прил. 3). Все предметы этой группы изготовлены из дерева. Даже без учета фигурок *тось-чер-вой*, ритуальные предметы из *Полуйского мысового городка* по своему количеству вполне сопоставимы с культовыми изделиями из раскопок Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 186, 187, рис. 3.70–3.73].

Группа 1. Объемные антропоморфные изображения. Всего к данной категории отнесено 17 предметов (рис. 3.51, прил. 3). Они имеют общую отличительную черту: наличие антропоморфной головы разной степени детализации и условности. Остальная часть каждой фигуры отличается большой вариативностью форм. Кроме того, все они изготовлены из дерева. Изображения небольшого размера (до 21 см), включают два типа.

Тип I – личины на палочках – сядэи – 2 экз., от ненецкого «ся», «сяд» – *лицо*. Их отличает общая форма и детали: длинный стержень, зачастую заостренный внизу, в верхней части которого воспроизведено лицо человека, иногда нанесена серия насечек. К данным изображениям отнесены два изделия (рис. 3.51 – 3, 4). Размеры изображений небольшие. Одна фигурка имеет высоту 20,2 см, диаметр 1,6 см, размер лицевой части – 5 см. Вторая – высотой 13,5 см, диаметром 1,1 см с лицевым отделом высотой 3,5 см. Иконография личин *сядэев* соотносима с западносибирским типом антропоморфных деревянных изображений [Иванов, 1970. С. 62, 284]. В зависимости от размера, такие изображения могли устанавливаться в различных местах, в том числе в домах, – для защиты жилого пространства [Хомич, 1971. С. 241; 1995. С. 218–219].

Тип II – антропоморфная деревянная скульптура – 15 экз. Судя по иной форме и деталям, изображения данного типа, очевидно, имели отличное от *сядэев* назначение. Они характеризуются более четкой проработкой деталей головы, зачастую объемной, а также туловища, на котором иногда выделялись половые признаки (рис. 3.51 – 2, 5–18). На некоторых фигурках нанесены вертикальные ряды параллельных нарезок: обычный орнамент или, возможно, изображение ребер. Размеры фигурок не превышают 16 см.

Подобные предметы можно соотнести с небольшими антропоморфными изображениями личных и домашних (семейных) духов-хранителей, связанных с почитанием умерших предков. Они известны у многих народов, в том числе у коренного населения низовьев Оби – остяков (ханты) и самоедов (ненцы). Последние их называют *мяд хэхэ*, *нытарма*, *итарма*, *синдрянг* [Хомич, 1971. С. 241–243]. Тем не менее такая интерпретация полуйских находок весьма спорна, хотя бы потому, что этнологами пока не выделены специфические признаки известных изображений, позволяющие идентифицировать те или иные разновидности антропоморфных фигурок.

Предметы, найденные в *Полуйском мысовом городке*, отличаются разнообразием форм и определенной индивидуальностью. Они разделены на три подтипа.

Первый подтип – бюсты – 10 экз. (рис. 3.51 – 6, 7, 9–14, 16, 17). Эти фигурки отличает детальность проработки головы и черт лица, но крайняя схематичность при передаче тела. Туловище имеет форму цилиндра, на нем иногда прослеживаются вырезы, ряды нарезок или какой-то орнамент. Верхняя часть головы – округлая, приоткрытая или острая. Непроработанные части тела могли скрываться под каким-то костюмом. Аналогии таким антропоморфам в этнографических и этнографических материалах пока найти не удалось.

Второй подтип – скульптуры – 4 экз. (рис. 3.51 – 2, 5, 15, 18). Его отличает более детальное изображение частей тела, прежде всего ног. Одна из фигурок, вырезанная из дощечки, представляет собой крайне схематичное изображение человека (рис. 3.51 – 18). Вторая фигурка – объемная, с четко проработанной головой и ногами, но руки у нее изначально не предусматривались (рис. 3.51 – 15). Третья фигурка изображает сидящего человека (рис. 3.51 – 5). Плохая сохранность древесины не позволяет охарактеризовать ее более подробно. Можно лишь отметить, что такие же фигурки найдены в Надымском городке. Судя по целым экземплярам, детали туловища сидящего человека у них проработаны достаточно четко [Кардаш, 2009. С. 189, рис. 3.77 – 5, 6].

Наибольший интерес представляет четвертая фигурка (рис. 3.51 – 2). При этом для нас важна не только ее форма, но и ее местонахождение. Она была обнаружена на посадке, в постройке № 3 (рис. 2.48–2.60). При этом фигурка зафиксирована в непотревоженном состоянии и на том же самом месте (*in situ*), куда была изначально положена. Она находилась в юго-восточном углу помещения жилища, в небольшом прямоугольном углублении, оформленном досками настила нар (рис. 3.51 – 1). Для этого крайняя доска была сделана короче. На дне углубления находился обрезок доски, на котором находилась данная скульптура. Она лежала на суконном лоскутке по диагонали помещения, ногами к устью чувала. Фигурка была прикрыта слоем травы, которым была застелена вся поверхность нара. Само изображение представляет собою антропоморфную скульптуру, явно женскую – с выделенной грудью на коротком теле, большой остроконечной головой и довольно длинными, немного согнутыми в коленях ногами с вырезанными ступнями. Руки отсутствуют, тем не менее фигурке был придан миниатюрный «посох» в виде тонкой ветки с загнутым верхним концом. Лоскут ткани, на котором она лежала, не был ее одеждой: по сути дела, фигурка была не одета.

Для фигурки было отведено специальное место в доме. Она должна была постоянно находиться в нем, а в случае отсутствия хозяев – «приглядывать» за ним или «охранять» его. Это демонстрирует связь данного культового изображения с жилищем и позволяет, с известной степенью вероятности, идентифицировать его с известным ненецкими *мяд хэхэ* [Хомич, 1971. С. 241–243].

Третий подтип – многоликие изображения – 1 экз. (рис. 3.51 – 8). К нему отнесено только одно маленькое изображение высотой 5 см, диаметром 1,1 см. На маленьком цилиндре из ветки ивы последовательно вырезано три антропоморфных лика. Мы можем лишь констатировать, что данная иконография бытовала в традиционной религиозной культуре жителей реки Полуй.

Две трети охарактеризованных выше антропоморфных изображений были обнаружены в постройке № 1 оборонительно-жилого комплекса. Они залегали здесь весьма кучно и хаотично. Вероятнее всего, они представляли божеств низших ступеней местного языческого пантеона. Небольшой размер фигурок – как один из ведущих признаков при изображении таких персонажей – известен в этнографии [Карьялайнен, 1995. С. 31–34; Хомич, 1995. С. 216–217]. Иконография полуйских фигур может быть соотнесена с западносибирским типом деревянных антропоморфных изображений [Иванов, 1970. С. 62, 284].

Монументальная скульптура среди наших находок отсутствует. Известно, что до начала XX века таковая размещалась на общинных святилищах, в домах жрецов-шаманов: это лики на опорных домостроительных конструкциях. Очевидно, что в нашем случае такие конструкции просто не сохранились. Найти нечто подобное в культурном слое – большая редкость, так как монументальные изображения имели несколько иной религиозный статус. Их редко бросали просто так, без особой на то необходимости, после разрушения жилища или оставления городка. Скорее всего, их переносили на святилища и заброшенные поселения, расположенные вдали от действующих селений. Именно здесь сегодня находятся большие и разнообразные деревянные фигуры антропоморфных божеств и лесных великанов-*менквов* в конических и округлых шлемах, равно как малые изображения мифических предков и покровителей родов [Гемуев, Сагалаев, 1986. Рис. 14, 25, 30–32, 50, 61–64, 69, 70, 76, 78, 79].

Группа 2. Объемные зооморфные и орнитоморфные изображения. Общее число таких фигурок невелико: всего восемь экземпляров. Все они вырезаны из дерева и имеют разную степень сохранности (рис. 3.52). Систематизация изображений производилась как с учетом биологических признаков, так и этнографических данных. Практически все фигурки имеют черты, позволяющие идентифицировать принадлежность животных до класса и – в большинстве случаев – до вида. Это стало основой для нашей классификации. Всего выделено пять типов таких изображений.

Тип I – скульптуры оленя – 4 экз. (рис. 3.52 – 6–9). Они представляют собой довольно схематические изображения туловищ животных без рогов. Фигурки едины по форме и стилю исполнения, различаются только размерами. Последние варьируются от 12,0×3,7×0,8 до 25,0×5,4×2,1 см. Кроме того, у всех фигурок имелись ноги. Они изготавливались отдельно и, судя по одной сохранившейся, имели форму острого конуса. Ноги вставлялись в прорезь, находившуюся в нижней плоскости фигурки. Данные культовые предметы найдены во всех частях памятника, причем как в жилищах, так и за их пределами. Судя по этнографическим материалам, такие фигурки изображают оленя-вожака – защитника и покровителя домашних оленей [Кардаш, 2009. С. 190]. Точно такие же изображения и в большом количестве найдены в Надымском городке [Кардаш, 2009. С. 190, рис. 3.80 – 1–3]. Примечательно, что среди материалов раскопок более ранних памятников, таких как городища Ярте VI (XI–XII века), Бухта Находка (слой XIII–XIV веков), Войкарское (слой XIII–XIV веков), такие артефакты отсутствуют. В коллекциях с этих памятников нет и каких-либо достоверно идентифицируемых деталей оленьей упряжи [Кардаш, 2010, Брусницына, А-2003, А-2004, 2005; Федорова, А-2005, А-2006, А-2007, Соколов, А-1990]. Эти факты можно расценивать как один из аргументов в пользу предложенной нами гипотезы.

Тип II – скульптура медведя – 1 экз. (рис. 3.52 – 5). По изобразительной концепции она во многом сходна с фигурками оленей. Туловище животного изображено схематично, детали головы подчеркнуты поперечными пазами. Массивные формы животного, его короткая шея, открытая пасть, а также отсутствие у него длинного хвоста, не оставляют сомнения в том, что здесь изображен зверь, точнее медведь. Размеры туловища фигурки: 16,5×5,0×3,3 см. Кроме того, она имела ноги, монтируемые в отверстия, расположенные в нижней плоскости фигурки. В верхней части головы имеются два отверстия, явно предназначенные для щечок, изображающих уши. Предмет был найден в постройке № 1 оборонительно-жилого комплекса, в северо-западном углу центрального помещения, слева от очага, вполне вероятно, недалеко от места своего постоянного хранения. Слой, в котором он был обнаружен, датируется серединой XVII века. Возможно, фигурка является изображением духа-помощника жреца (шамана) [Хомич, 1980. С. 49–56]. Существует и другой вариант объяснения. Он не противоречит первому и даже раскрывает полнее функции фигурки. Из этнографических источников известны случаи, когда для защиты домашних оленей от хищников изготавливали не только изображение оленя-вожака, но и вожака хищников, угрожающих стаду. В частности, фигурку «зверя пожирающего оленей» – в виде волка, кормление которого также должно было обеспечивать защиту домашних животных [Гемув, 1990. С. 129–130, рис. 115].

Тип III – скульптура лошади – 1 экз. (рис. 3.52 – 2). Это небольшая фигурка (5,5×1,9×2,0 см), схематично изображающая туловище животного с длинной шеей, вытянутой мордой и небольшими ушами. Сверху на туловище вырезано объемное седло. Фигурка неполная: отсутствуют задняя часть туловища животного и его ноги. Предмет найден в оборонительно-жилом комплексе, в северо-западном углу галереи постройки № 1, в слое конца XVII – первой трети XVIII века. На интерпретацию его как фигурки лошади повлиял ряд факторов. В том числе: характерная форма шеи и головы животного, явное отличие данной фигурки от изображения оленя, а также наличие такого элемента как седло. Безусловно, учитывая несовершенство навыков резчика, мы не можем исключить других версий расшифровки вида животного. Тем не менее оставляем наш вариант как наиболее вероятный. Более того, допускаем использование данной фигурки как лошади, предназначенной для персонажа, находящегося в числе домашних изображений божеств. Например, такого как коон-ики (мир-сусне-хум), который по своему положению и функциям обязан был иметь лошадь [Карьялайнен, 1995. С. 191, 192].

Тип IV – скульптура зайца – 1 экз. (рис. 3.52 – 1). Фигурка миниатюрная: 3,5×1,6×3,0 см. Найдена в постройке № 1 оборонительно-жилого комплекса, в северо-западном углу центрального помещения, слева от очага, в слое середины XVII века. Животное изображено с относительно большим туловищем, длинными но-

гами, небольшой головой и острыми ушами. Оно выполнено настолько схематично, что может вызвать определенные сомнения в его видовой принадлежности. Такие изображения крайне редки. Тем не менее входят в состав некоторых археологических коллекций, а также известны по этнографическим материалам XX века. В последнем случае мы имеем в виду навершие большой котловой ложки, обнаруженной нами в юртах Немпировых на реке Пим в Сургутском Приобье [Кардаш, 2009. С. 190, рис. 3.80 – 10; Кардаш А-2001. С. 35–37, рис. 22]. Судя по сходству формы, изображения зайцев составляли некий единый иконографический образ.

Тип V – скульптура птицы – 2 экз. (рис. 3.52 – 3, 4). Одно изображение грубо выполненное, скорее всего, является неоконченным изделием (рис. 3.52 – 3). Второе изображение, тщательно вырезанное и довольно миниатюрное (4,8×3,5×2,5 см), является схематическим изображением, в котором с трудом прослеживается «орнитоморфность». Голова фигурки не сохранилась, вокруг шеи нанесен орнамент из концентрических кругов треугольных наколов. По бокам имеются отверстия с остатками стержней, возможно, изображавших крылья. В целом иконография фигурки близка кругу ритуальных изображений птиц, бытующих в традиционной ненецкой культуре [Хомич, 1980. С. 49–56]. По особенностям морфологии фигурки одним из вариантов трактовки данной птицы может быть изображение священной утки: *хэхэ тэврамбада на'ну* – «духов приводящая утка», входящая в состав фигур животных – помощников шамана [Хомич, 1995. С. 244–245, рис. 54 – 2].

Группа 3. Прочие культовые (ритуальные, сакральные) предметы. Данная группа довольно условна и вариативна. Она включает все вещи ритуального назначения, не включенные в две предыдущие группы.

Дощечки для окуривания. К данному типу отнесено семь изделий. Это дощечки прямоугольной формы, снабженные короткой рукоятью с отверстием (рис. 3.56 – 5–8). Размеры специализированных дощечек для окуривания варьируются в пределах от 11×16×1 до 18×22×2 см. Существует два их подтипа, различающихся наличием или отсутствием бортика с двух краев площадки (рис. 3.56 – 7). Следует отметить, что не на всех таких дощечках прослеживались следы от их специфического использования. Тем не менее у всех в рукояти было специальное отверстие, предназначенное для крепления петли, что свидетельствует о хранении данных предметов в подвешенном состоянии. Это делалось для того, чтобы эти вещи не оказались на полу, и этим выражалось к ним особое отношение.

В число этих ритуальных изделий не были включены сходные по форме, но иные по функции предметы, такие как поплавки, лыжи и так далее. Хотя последние также имели явные следы от окуривания – прожженные пятна.

Большинство дощечек, как и других культовых предметов, было найдено в постройках № 1 и № 3 оборонительно-жилого комплекса. Лишь одна дощечка была обнаружена на территории посада, в постройке № 8. Такая локализация ритуальных вещей подчеркивает наиболее частое использование их жителями укрепленной части, а также их преимущественное право на отправление религиозных обрядов.

Тось-чер-вой. При раскопках Полуйского мысового городка были найдены 54 деревянные фигурки (40 целых и 14 фрагментов). Они вырезаны из дощечек, имеют круглое или овальное отверстие в центре. Размеры фигурок укладываются в интервал от 2,5×5,0 до 6×15 см. Они изображают животных и птиц (олень, бобр, песец, лисица, куропатка), а также некие геометрические формы, в плане и профиле которых лежит прямоугольник, трапеция, сегмент. Последние, возможно, изображают предметы быта или какие-то другие объекты (рис. 3.53; прил. 3).

Фигурки были распределены относительно равномерно по территории памятника. В предыдущем исследовании, посвященном раскопкам Надымского городка, подобные изображения отнесены нами к категории детских игрушек [Кардаш, 2009. С. 186–187, рис. 3,70 – 3,73]. Сделано это было на основании заключений предшествующих исследователей, но с оговоркой и обоснованием вероятного ритуального назначения таких изделий [Шухов, 1915. Табл. IV; Кардаш, 2009. – С. 187]. Тем не менее проблема осталась открытой и актуальной по настоящее время.

В регионе продолжают систематические стационарные исследования археологических памятников с культурным слоем, находящимся в условиях вечной мерзлоты. В связи с этим значительно увеличились данные

по наличию, равно как и отсутствию, таких фигурок в разные периоды и эпохи, причем в разных регионах. Сейчас накопился большой объем информации по этой теме, что позволяет вернуться к ней и более обоснованно интерпретировать подобные изображения, в первую очередь, в рамках исследования материалов *Полуйского мысового городка*.

Начнем наше изыскание с перевода названия «*тос-чер-вой*». Из современных носителей хантыйского языка лишь некоторые представители казымских ханты смогли перевести данный термин и дать его точное толкование². Следует заметить, что именно из верховий реки Казым И. Н. Шухов привез первый набор изделий; впоследствии он опубликовал его и ввел в научный оборот сам термин *тось-чер-вой* [Шухов, 1915. Табл. IV]. Приведенная И. Н. Шуховым транскрипция не совсем точна. Тем не менее она давно введена в научный оборот, и в дальнейшем мы будем пользоваться именно ей. В действительности название интересующих нас изделий звучит как *тось-царты-вой*. Дословный перевод этого определения состоит из трех слов: «*тось*» – правильный, умелый, «*царты*» – чародей, предсказатель, шаман, «*вой*» – зверь, животное. В итоге эти слова складываются в термин – «*точного предсказания звери*», или же – «*звери для точного шаманского гадания и предсказания*». Так что перевод самого термина не оставляет сомнения в изначальном ритуально-религиозном назначении данных предметов. Однако существует и другое мнение, причем самих носителей данной культурной традиции. Его следует привести с соответствующими комментариями.

У сибирских лесных ненцев сохранился игровой набор, не имеющий аналогов в их ближайшем этническом окружении – среди хантов, тундровых ненцев и селькупов (рис. 3.54 – 2). Приведем его подробное описание: «*Это плоская дощечка размером приблизительно 15×15 см и до 0,8 см толщиной – с равным количеством (до 7 на каждой стороне) отверстий диаметром до 14 мм, симметрично расположенных по обе стороны от линии центра. В центре дощечки имеется отверстие того же размера, в которое продет шнур (ранее – жильная нитка), зафиксированный с обратной стороны в деревянном диске больших размеров, чем отверстие. К другому концу шнура привязан деревянный стержень длиной около 25 см и диаметром до 0,7 см. Длина шнура составляет 45–50 см. На шнур нанизаны через отверстия диаметром также 14 мм четыре плоские деревянные фигурки – рыбы, птицы, месяца и солнца. Игра заключается в том, чтобы, подкидывая лежащие на главной дощечке фигурки, попытаться поймать их на свободный конец стержня*» [Зенько-Немчинова, 2006. С. 163]. Относительно происхождения этой игры часть информантов придерживаются мнения, что она изначально была связана с ритуальной практикой. Другие же относятся к ней только как к виду азартной игры, где каждая пойманная на палочку фигурка могла расцениваться в 50 голов оленей [Там же. С. 164].

Близкое этому описание предметов и правил игры дано И. Н. Шуховым, который зафиксировал ее в верховьях реки Казым – также территории проживания сибирских лесных ненцев [Шухов, 1915. Табл. IV]. Отличие от более раннего варианта заключается в большем количестве видов фигурок (14), а также их названиях: «солнце», «луна», «медведь», «олень», «собака», «лисица», «выдра», «тетерев», «лошадь», «дух», «корова», «брус», «птица» – *черыз-хон-вой*, «оселок». Кроме того, каждая из них имела числовое значение. Игроки во время игры усаживались кругом и начинали ее по жребию. Отличием или, возможно, дополнением является основная игровая задача: надо было попасть в любую прорезь дощечки, а не в отверстие фигурки. Попавший в прорезь снимает одну фигуру. Новый участник вступает в игру, когда прежний промахнется. Игра заканчивается, когда снята последняя фигура. По числу выигранных фигур подсчитывается количество очков и определяется победитель [Шухов, 1915. Табл. IV].

Игра с подобными правилами, но с названием *кыглыс*, описана в учебном пособии В. И. Прокопенко и В. В. Прокопенко – как традиционная игра ненцев, широко бытовавшая от Ненецкого до Таймырского автономных округов. Авторы характеризуют эту игру как азартную и предназначавшуюся только для взрослых (и, вероятно, только мужчин). Ее описание, на наш взгляд, во многом дополняет выше приведенное. В этом – третьем – варианте на деревянной пластине изображалось звездное небо, каждое отверстие в доске означало звезду либо планету, а в середине находилось самое большое отверстие – центр Вселенной. На прикрепленной к пластине веревочке были нанизаны деревянные фигуры, изображавшие солнце, луну и птиц (сокол, орл, филин и другие). Задача игры заключалась в подбрасывании фигур и попадании палочкой в одно из отверстий пластины. Каждое из отверстий имело числовое значение, «балл». Наибольшим мастерством считалось одновременное попадание палочкой во все фигуры и в центр дощечки [Прокопенко В. И.,

² Помощь в переводе оказана коренной жительницей р. Большой Юган С. В. Качаловой (Каюковой), которая провела лингвистические консультации с представителями разных диалектических групп, проживающих в разных частях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Прокопенко В. В. 2004. С. 115]. К сожалению, исследователи не привели ссылку на конкретный источник информации об этой игре, но не доверять данному описанию нет оснований. Относительно масштаба и сферы распространения данной игры следует заметить, что сейчас она в обозначенном авторами пространстве в быту не встречается. Не удалось найти описание ее и в работах современных этнологов. Собственные неоднократные попытки получить сведения об этих фигурках среди ненцев Полярного Урала, тундр Ямала и у северных ханты не увенчались успехом. На демонстрируемые автором фигурки все информанты смотрели с удивлением, в лучшем случае предполагая, что это украшение оленьей упряжи.

Вместе с тем подобная игра, имевшая название *уккаль* и заключающаяся в подхватывании на палочки подброшенных в воздух деревянных колец, или же «звериной фигурки из кости или дерева, истыканной многами дырами», по мнению В. Г. Богораза, была характерна для народов Севера Восточной Сибири, а именно, для представителей эскимосско-чукотско-корякской группы [Богораз, 1949. С. 250].

Представленный нами обзор этнографических данных позволяет охарактеризовать описанную выше игру как довольно широко распространенную в евразийской Арктике и относительно архаичную. Так ли это было в более ранние времена, сказать трудно. Опираясь на данные новейших археологических исследований, можно предположить следующее.

За последнее время на севере Западной Сибири производились широкомасштабные и систематические стационарные исследования таких археологических памятников, как городище-святилище Усть-Полуй (I век до нашей эры – I век нашей эры), городище Ярте VI (XI–XII века), Войкарский городок (слой XIII–XIV веков), городище Бухта Находка (слой XIII – начала XIV веков), Надымский городок (XV – первая треть XVIII века), которые объединяет наличие мерзлого культурного слоя [Брусницына, 2003; 2005; Федорова, Гусев, 2008; Гусев, Федорова, 2012; Соколов, А-1990; Кардаш, 2010б]. По результатам изучения этих памятников складывается следующая хронология появления и бытования *тось-чер-вой* в Северо-Западной Сибири. До XIII века такие и подобные им фигурки здесь пока не известны. Среди большой серии западносибирских зооморфных изображений конца I – первой трети II тысячелетия нашей эры иконографически и типологически близкие фигурки также отсутствуют [Зыков и др., 1994; Чемякин, Карачаров, 2002; Семенова, 2001].

Самая ранняя и пока единственная фигурка *тось-чер-вой* найдена при раскопках слоя XIII – начала XIV века городища Бухта Находка [Кардаш, 2010б. С. 48–49, рис. 59 – 7]. Судя по материалам исследований Надымского городка, массовое появление таких фигурок в регионе приходится на XV век, [Кардаш, А-2008; А-2009; А-2011; А-2012; 2009. С. 186–188]. Наличие фигурок в составе вещевого комплекса поселенческих памятников аборигенного населения фиксируется вплоть до первой трети XVIII в. [Брусницына, 2003; 2005; Соколов, А-1990; Кардаш, 2009. С. 186–188]. Отметим, что большинство городков прекращает свое функционирование именно в этот период. По этой причине начало исчезновения *тось-чер-вой* из культуры местных ханты можно условно обозначить серединой XVIII века. В любом случае, к середине XIX века данные фигурки исчезают практически полностью. К этому времени ни один из исследователей Обского Севера, подробно описывавших быт и культуру аборигенов, не упоминает их вообще [Sommier, 1885; Абрамов, 1857а и др.]. Сведения о *тось-чер-вой* сохранились лишь в удаленных уголках обитания сибирских лесных ненцев – *няков*. Важным отличием *тось-чер-вой*, описанных этнографами, от археологических находок является отсутствие среди последних дощечек с отверстиями. Единственная прямоугольная пластина с четырьмя отверстиями была найдена в скоплении фигурок *тось-чер-вой* в Надымском городке и относится к первой трети XVIII века. Среди большого числа фигурок, а к настоящему времени в надымской коллекции их уже более тысячи, это единственный предмет, который можно соотнести с этнографическими дощечками. По всей видимости, изначально фигурки имели несколько иное значение и принцип использования, нежели предметы, известные нам по этнографическим материалам начала XX века. Очевидно, дощечка со «звездным небом» – модель Вселенной – появляется на стадии трансформации использования фигурок *тось-чер-вой* в некую игру. Таким образом, мы можем предположить, что *тось-чер-вой* появляются на Крайнем Севере Западной Сибири не ранее XIII века, а период их повсеместного бытования приходится на XV – середину XVIII века.

На исследованных археологических памятниках фигурки найдены внутри строений и за их пределами. Причем залегали они как дисперсно – по отдельности, так и скоплениями – по несколько десятков, в том числе однотипных изображений [Кардаш, 2009. С. 186]. В культурном слое *Полуйского мысового городка* все фигурки *тось-чер-вой* были распределены дисперсно. Это свидетельствует о том, что определенную часть фигурок собирали и специально хранили. Другие же попадали в культурный слой наравне с остальными

предметами, вышедшими из употребления, и прочим мусором, очевидно, утратив свое изначальное значение и ценность.

Немаловажен для нашей реконструкции анализ состава изображений. Детально иконографии фигурок *тосъ-чер-вой* мы касаться не будем, поскольку это задача отдельного исследования, которое следует проводить совместно с биологами. Ограничимся их обобщенной характеристикой.

В составе фигурок Надымского и *Полуйского мысового* городков преобладают изображения северного оленя и пушных видов животных (бобр, песец, лиса, выдра), а также геометрических фигур, значение которых еще не установлено. Кроме того, в небольшом количестве в данном наборе присутствуют изображения птиц, в основном – водоплавающих (утки, гагары, гуси). Фигурки куропатки единичны, а изображений собак, зайцев и рыб вообще нет. Хотя собаки в жизни аборигенов Севера (и не только их) имели большое значение, а куропатки и зайцы являлись одним из основных промысловых видов птиц и животных.

Изображения собаки отсутствуют, вероятно, потому, что этот вид был домашним и не входил в число промысловых. В то время как фигурки *тосъ-чер-вой* были сориентированы прежде всего на охотничье-промысловую деятельность. Единственным приемлемым логическим объяснением отсутствия среди фигурок изображений зайца и куропатки может служить тот факт, что их зимний промысел, по-видимому, был специфической отраслью хозяйства, которой занимались в основном женщины и дети [*Историко-этнографический атлас Сибири, 1961. С. 80, 89; табл. 2 – 1*]. Отсутствие среди набора *тосъ-чер-вой* фигурок рыб также удивляет. Последнее, возможно, определено тем, что рыболовство было отдельной отраслью хозяйства, что обусловлено спецификой среды обитания рыб. Водная среда – особый мир, со своими духами-покровителями, требовавший иной обрядовой деятельности. То, что таковая существовала, подтверждается находками *инных* деревянных фигурок рыб, к примеру, в слое XV–XVI веков Надымского городка, а также этнографическими данными [*Кардаш, А-2007, С. 75, рис. 232; Иванов, 1970, С. 32–35, рис. 21, 23, 24; Соколова, 2007, рис. 112, Соколова, 2009, С. 648*]. Возможно, *тосъ-чер-вой* были рассчитаны на обрядность, связанную только с божествами-небожителями (то есть с Верхним миром), а не с Нижним миром, в том числе, водным.

Определенную помощь в реконструкции может оказать анализ фигурок с использованием этнографических данных. Возьмем, к примеру, округлое отверстие в центре фигурки. Имело ли оно только утилитарное назначение – для нанизывания предметов *тосъ-чер-вой* на шнур или попадания в него палочкой? Круглое отверстие сложнее вырезать, чем прямоугольное, хотя сверлись проще. Возможно, форма отверстия также имела определенное значение. Такое отверстие можно интерпретировать как своеобразный знак, маркирующий статус фигурки. Известен пример из этнографии манси. В селе Анеево (бывшие юрты Анеевские) на реке Северная Сосьва один из его жителей И. Р. Челданов в конце XX века для защиты своих оленей от волков отлил из свинца две плоские профильные фигурки, изображающие оленя и волка (рис. 3.54 – 2). В центре корпуса каждой из них была вмонтирована монета, предназначенная для маркировки сакрального статуса изображений [*Гемуев, 1990. С. 129–130, рис. 115*]. Жителям этих же юрт принадлежало святилище *Щахэл-ойке* или *Щахэл-Торума*, младшего брата *Нумми-Торума*, расположенное на реке Налми-хулум в бассейне Северной Сосьвы. Культурный амбар (*ура-сумьях*) данного святилища располагался на небольшом острове среди болот, носившем название *Пур-лахтэн-щахэл*, или «*Остров бескровного жертвоприношения*». На фасаде амбара были прикреплены четыре плоские деревянные фигурки – собаки, лося, медведя и человека (рис. 3.54 – 4–9). Любопытно, что они были зафиксированы деревянными штифтами через центральное отверстие, прорезанное в центре корпуса. Причину столь необычного размещения фигур и их функцию информаторы сообщить не смогли [*Гемуев, 1990. С. 130–139; рис. 117, 118, 122*]. Из этнографических данных известно, что деревянные фигурки животных, близкие по форме фигуркам *тосъ-чер-вой*, помещали на святилищах возле изображений божеств в качестве заместителей жертв – для обеспечения удачи в охотничьем промысле [*Карьялайнен, 1995. С. 57–58*]. На р. Васюган остяки для достижения удачи в рыбном промысле делали изображение рыбы соответствующего вида и ставили его у подножия священного дерева; для успешной охоты на глухаря его изображение протыкают на жертвенном месте стрелой и так же помещают у священного дерева; и для получения хорошей охотничьей собаки делалось ее изображение и размещалось в святилище [*Карьялайнен, 1995. С. 117*]. Вместе с тем К. Ф. Карьялайнен пишет, что «*тот вид зверя, на которого охотятся и с которого делают изображение, находится под защитой соответствующего духа, и хорошее обращение с ним (духом. – Авт.) благоприятно действует на самого зверя, а плохое обращение – напротив, неблагоприятно*» [*Карьялайнен, 1995. С. 58*]. Иными словами, все деревянные фигурки следует воспринимать не только как

некие заместители жертвы или обещанную жертву за удачу в промысле, но и как образ, требующий божественной защиты. Эти изображения представляют собой *некую материализованную форму договора* между человеком и духами об их покровительстве и ниспослании охотнику удачи.

Учитывая приведенные выше данные, можно попытаться реконструировать первоначальную форму и религиозное значение *тосъ-чер-вой*. Подчеркнем, что это только первый опыт реконструкции, не претендующий на абсолютную историческую достоверность. Обряд, связанный с использованием фигурок, мы реконструируем как систематический ритуал, проведение которого осуществлялось несколько раз в год и было связано с преддверием сезона добычи того или иного промыслового вида животных и птиц. Кроме того, этот ритуал включал обращение людей за божественным покровительством для решения своих бытовых проблем. В ритуале принимали участие только мужчины-охотники. Проведение обряда осуществлялось на специальной площадке, то есть на святилище либо близ дома вождя, жреца и так далее. Участники церемонии становились, как и перед военными сборами, в круг. В центре круга находился жрец-предсказатель. Каждый из охотников должен был изготовить и принести свой набор фигурок, в зависимости от состава своих нужд и просьб. Гадание, вероятно, осуществлялось жрецом совместно с охотником. Задействовался подготовленный им набор, нанизанный на тонкий шнур с поперечным блоком (палочкой или кольцом) на одном конце. Подбрасывая вверх набор фигурок, исполнитель заостренным деревянным стержнем, привязанным к другому концу шнура, должен был попасть в отверстие фигурки или кольцо. После этого одну из фигурок можно было снимать. В любом случае решение о том, принята та или иная жертва или нет, и стоит ли надеяться на покровительство духов, озвучивал жрец-предсказатель (шаман). Комплект пойманных – «принятых» божеством или духом – фигурок собирался и хранился до следующего сезона или обряда в определенном сакральном месте (постройке жреца) или, возможно, в святилище. Остальные – «не принятые» – изображения, утратив свое значение, становились частью культурного слоя или предметами детских игр и разносились по территории всего поселения. Надеемся, что в будущем новые факты, связанные с *тосъ-чер-вой*, позволят дополнить и откорректировать предложенную нами реконструкцию.

Нельзя оставить в стороне анализ миниатюрных изображений *тосъ-чер-вой*, выполненных из кости. Три таких фигурки были найдены нами при раскопках Надымского городка [*Кардаш, 2009. С. 137, рис. 3, 9 – 16, 17*]. Их размеры не превышают 5×5 см, а иконография и наличие центрального отверстия не оставляют сомнения в непосредственной связи с деревянными аналогами. Размер и наличие отверстия диаметром до 0,5 см исключает возможность использования таких предметов в реконструированном нами ритуале. Наиболее вероятное их назначение – детали костюма. Причем важно, что наиболее близкая – территориально и хронологически – аналогия (река Тым, рубеж XVII–XVIII веков) – миниатюрное изображение бобра (рис. 3.54 – 1) было обнаружено в погребении № 4 могильника Берендеев Бор 2, интерпретируемого как шаманское [*Боброва и др., 2002. С. 114, 123, 124; рис. 4 – 9*]. Этот факт позволяет интерпретировать миниатюрные изображения *тосъ-чер-вой* как элементы ритуального костюма, маркирующие способность жреца к точному предсказанию.

В этой связи следует упомянуть и еще один круг аналогий, который, возможно, проливает свет на время и место происхождения этой культовой традиции. Это три небольшие фигурки бобров с центральным отверстием на тулове (рис. 3.55 – 1–2, 5³). Они были обнаружены при раскопках древнерусского поселения Крутик IX–X веков, расположенного на Белом озере в Вологодской области [*Древняя Русь..., 1997. С. 163, 340; рис. 94 – 3, 4, Захаров, 2010. С. 95*]. Причем, если по размерам наибольшая близость наблюдается между миниатюрными костяными фигурками, то вот по проработке деталей и объемности изображения крутиковские изображения бобров ближе всего к сибирским деревянным фигурам *тосъ-чер-вой*.

Кроме костяных подвесок в форме бобра, на Европейском Северо-Востоке бытовала еще одна группа украшений: в виде плоских и объемных фигурок животных и птиц, отлитых из бронзы [*Древняя Русь..., 1997. С. 163–164, 341; рис. 95, 96 – 1–10*]. В одну группу с костяными подвесками в форме *тосъ-чер-вой* их объединяет ряд признаков. Во-первых, это также детали костюма, имеющие небольшие размеры, практически не превышающие 5×5 см. Во-вторых, на каждой объемной фигурке в центре корпуса имеется отверстие, которое использовалось для подвешивания (рис. 3.55 – 3–9). На корпусе каждой плоской фигурки, помимо петли для подвешивания, имелось дополнительное круглое отверстие (рис. 3.55 – 10–15). В целом следует отметить

³ Выражаю признательность С. Д. Захарову за возможность публикации целого изображения бобра, найденного им на поселении Крутик.

близость иконографии восточно-европейских зооморфных плоских бронзовых подвесок и сибирских деревянных фигурок *тось-чер-вой*. На средневековых археологических памятниках Северо-Западной Сибири нередко находки объемных зооморфных подвесок с отверстием в центре корпуса, отлитых по восковой модели (рис. 3.55 – 6). Кроме того, интересен и вряд ли случаен факт распространения на этой территории с XIII века (точнее, не ранее середины XII века) объемных подвесок в форме конька или птицы [Чемякин, Карачаров, 2002. С. 45–65, рис. 14–19]. Еще нельзя не отметить, что иконография некоторых фигурок *тось-чер-вой* очень близка древнерусским (новгородским) изображениям конников XII–XIII веков [Древняя Русь..., 1997. С. 115–116, 326; рис. 80 – 21, 22, 29, 30].

По-видимому, некая культовая практика, связанная с охотничьим промыслом, широко бытовала у финского населения Северо-Востока Европы, как минимум, уже в IX–X веках. Принятие аборигенами Севера христианства и усиление влияния на них Русской Православной церкви способствовало вытеснению из их культуры и религиозной практики языческих обрядов. Тем не менее у части коренного населения Севера Евразии, продолжавшего вести традиционное охотничье-промысловое хозяйство, древние культы – в том или ином виде – должны были сохраниться. Даже в среде русского населения Севера отдельные элементы древней промысловой обрядности могли временами проявляться, но в качестве неких рудиментов. Об этом может свидетельствовать находка на поморском становище в Гнелодден деревянной фигурки животного с круглым отверстием в центре (рис. 3.55 – 7), интерпретированной как игрушка [Ясински, Овсянников, 2003. С. 39–40, рис. 30, 32; Jasinski, 1990. P. 1–18].

Все приведенные выше факты демонстрируют определенное сходство малых зооморфных изображений Европейского Северо-Востока и Северо-Западной Сибири. Это позволяет высказать предположение о появлении в последнем регионе в XIII–XIV веках ритуальной практики, связанной с *тось-чер-вой*. По-видимому, это было связано с приходом сюда групп финского и даже русского (славянского) населения. Тем более что славяне, смешиваясь с балто-финским и поволжско-финским населением, заимствовали у них некоторые элементы мировоззрения и культуры [Древняя Русь..., 1997. С. 161].

Благодаря проведенному исследованию мы можем составить представление о бытовании особого религиозного обряда с использованием *тось-чер-вой* как на широком территориальном фоне, так и непосредственно в рамках поселенческого комплекса *Полуйского мысового городка*. Исходя из анализа архитектурно-планировочной структуры городка, предметов вещевого комплекса, а также фаунистических останков, можно предположить, что на территории данного поселка или рядом с ним существовала ритуальная площадка, где проводилась подобная обрядовая деятельность.

Относительное количество фигурок, обнаруженных в *Полуйском мысовом городке*, нельзя назвать малым. Эти предметы составляют около 2% от общего числа находок. Их меньше, чем в вещевом комплексе Надымского городка. Однако не следует забывать, что поселения разносезонные, поэтому обрядовая деятельность в них могла разниться в зависимости от времени года. В целом же можно предположить, что обряды с использованием фигурок *тось-чер-вой* в обоих поселках проводились относительно регулярно. Они являлись значимой частью сферы культовой деятельности жителей городков, связанной с охотничьим промыслом.

Посох свата. В традиционной культуре народов Северо-Западной Сибири этот предмет является обязательным атрибутом в свадебном обряде. У ханты он известен под названием «*нетынг юх*», у манси – «*шорхылин ив*», у ненцев – «*ядаць*» [Народы Западной Сибири..., 2005. С. 149, 269, 359, 462]. В коллекции находок из *Полуйского мысового городка* имеется пять обломков деревянных изделий, которые можно идентифицировать как части посоха свата (рис. 3.56 – 1–4, прил. 3).

Четыре таких предмета были обнаружены в галерее постройки № 1 оборонительно-жилого комплекса. Изделия залегали в слое сооружения, функционировавшего в интервале между 20–30-ми и 80–90-ми годами XVII века.

Первый фрагмент имеет длину 29 см и представляет собой расколотую вдоль пластину толщиной 0,9 см (рис. 3.56 – 1). На заостренном ребре нанесено 32 насечки, разделенные тремя длинными зарубками на десятки. Судя по размерам, фрагмент мог быть частью большого посоха, аналогичного образцу из постройки № 8 Надымского городка. Известно, что в процессе предсвадебного торга о величине выкупа за невесту отец невесты делал на посохе свата зарубки и нарезки, соответствующие размеру выкупа. В свою очередь, сват срезал ножом те из них, которые считал лишними. Такой посох хранился у свата до момента внесения им вы-

купа и последующего раскалывался своеобразной «деревянной долговой расписки» пополам. При этом одна половина посоха оставалась у свата, а вторая вручалась отцу невесты [Хомич, 1995. С. 176, 177]. Очевидно, что нами был обнаружен фрагмент, попавший в культурный слой уже после свадьбы.

Второй обломок из *Полуйского мысового городка* имеет длину 10, ширину 1,5 и толщину 0,3 см. Его можно определить как среднюю часть небольшого посоха (рис. 3.56 – 2). На обоих ребрах предмета нанесены насечки: 13 – на одном, 14 – на другом. Длинные зарубки на широкой плоскости разделяют их на группы по семь и шесть с одной стороны, по семь – с другой.

Третий фрагмент – длиной 6, шириной 1,5 и толщиной 0,4 см – вероятно, также представлял собой среднюю часть небольшого посоха (рис. 3.56 – 4). На обоих ребрах предмета фиксируется по девять насечек. На широких сторонах зарубок нет. Возможно, на данном изделии насечки разделялись на десятки.

Четвертый фрагмент имеет длину 7, ширину 2 и толщину 0,4 см. Он является средней частью свадебного посоха в месте перехода к верхней части (рис. 3.56 – 3). На одном ребре насчитывается шесть насечек, на другом – семь.

Пятый фрагмент найден в пространстве между жилыми постройками, располагавшимися к югу от оборонительно-жилого комплекса, то есть на посаде. Эта группа строений определенно была связана с остячкой частью застройки поселения. Предмет находился в едином строительном горизонте, между постройками № 7 и № 9. Для последнего жилища дендрохронологическим методом получена точная дата строительства – 1652 год. Это позволяет определить время формирования культурного слоя в данной части памятника второй половиной XVII века [Кардаш, 2006б. С. 32]. Предмет сохранился почти полностью. Сравнительный анализ формы изделия позволяет достаточно уверенно идентифицировать его как посох свата. Утрачена лишь его верхняя часть и незначительный фрагмент нижней. Сохранившаяся имеет длину 12,5, ширину 1,3 и толщину 0,4 см (рис. 3.56 – 2). Возможная длина посоха – около 15 см. Это была деревянная пластина прямоугольной формы и сечения. Верхняя часть крюка, где должна была находиться личина, отсутствует, но ее размер можно реконструировать в пределах 3–4 см. В средней части, длиной около 10 см, на обоих ребрах пластины нанесены насечки: 19 – на лицевом, 21 – на тыльном. Первые разделены длинными зарубками на группы по девять (последняя насечка примыкает к нижней зарубке); вторые – по одиннадцать и десять. В нижней части посоха (около 2 см), на тыльном ребре, имеется только одна насечка.

Судя по обнаруженным обломкам, население городка пользовалось двумя вариантами посохов свата: большого (60–70 см) и малого (10–20 см) размера. Посохи свата из Надымского городка также разделяются по размерам на две группы. Ранее по этому поводу высказывалось предположение, что большие посохи отражали значительный объем выкупа, характеризующий имущественный статус сторон, участвовавших в брачном договоре. Этим, по-видимому, определяется их принадлежность к привилегированной части общества. Кроме того, как вариант, не нельзя исключать вероятность этнической дифференциации данных предметов. В частности, принадлежность больших посохов – самоедам, а малых – остякам [Кардаш, 2010а. С. 61–71, 171–173, 282–283].

Кошель для поседа найден в единственном экземпляре (рис. 3.56 – 9). Предмет имеет вид высокой уплощенной прямоугольной емкости (коробки), размером 14,5×14,3×3,0 см. Вдоль верхнего края изделия фиксируются два ряда проколов: очевидно, край был прошит. Орнамент на изделии отсутствует.

Конструктивно предмет имеет некоторое сходство с современными кузовками – сосудами для сбора ягод. Тем не менее, как показали исследования *Полуйского мысового* и Надымского городков, среди находок такая специальная форма емкостей отсутствует [Кардаш, 2009. С. 171–173, 282–283]. Относить подобные предметы к категории посуды нет оснований.

Отметим, что нахождение такого ритуального предмета в городке представляется случайным. В коллекции Надымского городка также имеется только один подобный предмет [Кардаш, 2009. С. 173]. Не исключено, что это – неиспользованное изделие или его заготовка. Дело в том, что берестяные кошель с поседами обычно уносили в определенное сакральное место и вешали на дерево.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что предметы культового (ритуального) назначения из коллекции *Полуйского мысового городка* по своему количеству, репрезентативности и морфологии соответствуют находкам из поселений аналогичного общественного статуса, а именно: хантыйским и ненецким вождеским

резиденциям и общинным центрам, таким как Войкарский или Надымский городки. Безусловно, территория памятника изучена раскопками далеко не полностью. Вполне вероятно, что были обнаружены далеко не все специализированные ритуальные площадки (нами открыта только одна – с черепами оленей). Тем не менее, судя по найденным материалам, мы не можем говорить о какой-то необычайно активной ритуальной деятельности на территории городка.

3.8. ИГРУШКИ И ИГРЫ

Данную группу составляют 210 предметов из дерева и кости (рис. 3.57 – 3.64; прил. 3). Это около 8% от общего количества артефактов. Данные цифры представляются нам довольно значительными, особенно на фоне сравнительно небольшого количества промысловых орудий.

Безусловно, отнесение всех предметов этой группы к игрушкам и играм не является бесспорным. В действительности, лишь часть предметов имеет специфическую форму, позволяющую отнести их безоговорочно к категории игрушек. Значительная часть артефактов, представляющих собой модели бытовых вещей – от миниатюрных до выполненных в натуральную величину – не может быть однозначно идентифицирована как игрушки. Некоторые изделия, например, воспроизводящие орудия охоты (луки, стрелы) и боевое оружие (сабли, палаши, топоры, копья), вполне могли использоваться в ритуальных целях. Этому есть много примеров в этнографической литературе. Нам также случалось наблюдать культовые модели предметов, к примеру нарт, на действующих ненецких святилищах (рис. 3.60 – 13, 13а). Равно как находить при раскопках средневековых поселений нетронутые домашние кумирни с миниатюрными предметами, принадлежавшими домашним божествам [Кардаш, 2010. С. 46, 47, рис. 58]. Вместе с тем не вызывает сомнения, что игрушки, копирующие вещевой мир взрослых, изготавливались у остяков для успешной социализации детей, их обучения в процессе игры и имитации ими реальных занятий старшего поколения.

Игрушки – модели предметов – 138 экз. (рис. 3.57–3.61; прил. 3) Включают 11 категорий предметов, предназначенных для имитации занятий взрослых. Они составляют больше половины всех изделий, отнесенных к категории игрушек и игр, являются предметами, предназначенными преимущественно для детей.

Сабли, палаши, боевые ножи – 8 экз. (рис. 3.57 – 1–16). Модели изготовлены из дерева. В момент раскопок были сосредоточены по всей территории городка. Размеры целых изделий не превышают 40 см, то есть близки к размерам реального оружия. Более того, есть обломки от больших изделий, выполненных практически в натуральную величину. Эта категория предметов представлена двумя группами оружия: импортного (русские сабли с елманью) и условно местного производства (палаши – слабоизогнутые сабли). Первая имитирует сабли с изогнутым клинком, обоюдоострым острием (елманью), длиной с третью часть сабли, а также с перекрестием и отогнутой под углом к лезвию рукоятью (рис. 3.57 – 1, 2, 8, 9). Вторая группа: палаши с рукоятью и прямым клинком, расширяющимся к нижней трети острия, а затем сужающимся к его концу (рис. 3.57 – 3–7, 10–16). В некоторых случаях обух «лезвия» украшен нарезками, расположенными параллельно друг другу или зигзагом. Большое количество аналогичных изделий имеется в коллекции Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 183, рис. 3.64]. В отличие от надымских, деревянные сабли и палаши *Полуйского мысового городка* не так жестко зависимы от формы клинка и рукояти. Сабельный клинок с елманью может иметь обычную рукоять, как у бытового ножа.

Топоры – 7 экз. (рис. 3.58 – 1–8). Пять из них были изготовлены из оленьего рога, три – из дерева. Распространены по всей территории городка. Размеры топориков различны – от миниатюрного с рукоятью размером 10,0×1,2 см, до близкого к оригиналу высотой около 17–18 см. В целом топорики имеют довольно стандартную форму вытянутой трапеции, с изогнутым и скошенным к рукояти лезвием, вырезом с тыльной стороны и оттянутым к рукояти плоским обухом. Практически все изделия были снабжены рукоятью. Важный факт: один из костяных топориков, с деревянной рукоятью, имеет на лезвии следы-заломы от многочисленных ударов и сломанную рукоять (рис. 3.58 – 2). Этот факт свидетельствует о его утилитарном назначении – как детской игрушки, а следовательно, об аналогичной функции топориков подобного размера. По материалу модели топоров делятся на две группы.

Деревянная модель топора – 2 экз. Изделие воспроизводит форму топора с рукоятью (рис. 3.58 – 4, 7). В одном случае предмет изготовлен из одного куска дерева. У других моделей рукоять вставлялась в деревянное лезвие топора.

Костяная модель топора – 5 экз. (рис. 3.58 – 1–3, 5, 6, 8). Они принадлежат к одному типу: с вытянутым к рукояти обухом прямоугольной формы. Эта форма аналогична форме деревянных топориков.

Прямые аналогии таким изделиям – это топорики городища Бухта Находка XIII–XIV веков [Кардаш, 2010. С. 48–49, рис. 60], костяной топорик из слоя XVI века городища Эмдер [Зыков, Кокшаров, 2001. С. 92; рис. 40 – 19], а также большая серия моделей топоров из слоя конца XVI – первой трети XVIII века Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 183–184, рис. 3.65]. В целом данная форма топоров близка железным прототипам, распространенным в Восточной Европе и Западной Сибири в XIII–XVII веках [Пигнатти, 1915. Табл. IV – 5; Кирпичников, 1976. С. 22; табл. II – 5; Молодин, Соловьев, 1977. С. 107; рис. 1; Молодин, 1979. С. 65; табл. XXIX – 2–6; Кренке, 1984. С. 138; рис. 1 – 5; Соловьев, 1987. С. 93–97; Молодин и др., 1990. С. 39, 40; рис. 35 – 4; Шутова, 1992. С. 45; рис. 53 – 1, 2; Семенова, 2001. С. 44; табл. 20, 21].

Наконечник копья – 1 экз. (рис. 3.58 – 1). Модель воспроизводит форму бытовавших в то время железных наконечников копий ромбической формы с уплощенным насадом [Кардаш, 2010б. С. 363–371, рис. 2, 3]. Наконечник имеет размеры 26,6×2,4×1,1 см, то есть он был выполнен практически в натуральную величину железного оригинала.

Молоток – 1 экз. (рис. 3.58 – 14). Изделие названное нами моделью молотка, явно изготовлено из другого предмета: скорее всего, из фрагмента сломанной рукояти весла. Мы не полностью в этом уверены. Однако на это указывает специально подработанная ручка предмета, а также наличие моделей других инструментов кузнечного ремесла.

Сверло ручное – 1 экз. (рис. 3.58 – 15). Изделие, представляет собой цилиндрическую рукоять с удлиненным стержнем с продольной выемкой. Впервые обнаруженная модель имитирует инструмент для сверления отверстий.

Напильник – 2 экз. (рис. 3.58 – 16). В коллекции имеется один фрагмент и одна целая деревянная модель. Изделия воспроизводят инструмент с четырехгранной рабочей частью длиной 12 см, сечением 1×1 см, и цилиндрической рукоятью длиной 6,5 см, диаметром 1,5 см. На каждую грань «напильника» нанесены ряды параллельных зарубок. Такие предметы явно связаны с моделированием кузнечного ремесла. При этом следов самого кузнечного производства на территории памятника не было обнаружено. Это подчеркивает некое особое назначение городка. Кроме того, указывает на наличие такого ремесла в целом в хантыйской культуре. Кузнечное производство могло существовать в соседнем населенном пункте – зимнем Полуйском городке. Модели напильников также найдены в небольшом количестве в зимнем Надымском городке; здесь же были зафиксированы многочисленные следы кузнечного производства [Кардаш, 2009. С. 184–185, 283, рис. 3.67 – 10–13].

Ножи бытовые (универсальные) – 26 экз. (рис. 3.58 – 9–14). В коллекции имеется 13 целых и столько же обломков деревянных моделей бытовых ножей. В основном – это рукояти ножичков с обломанным деревянным лезвием. Рукояти, как правило, цилиндрические, округлые в сечении или прямоугольные плоские. Некоторые из них имеют расширение к «лезвию» или вырез под ладонь с нижней стороны. «Лезвие», как правило, прямое, сужающееся к концу; иногда оно расширяется в верхней трети. У некоторых изделий обух «лезвия» декорирован нарезками, сгруппированными параллельно друг другу или зигзагом (рис. 3.58 – 11). Одна модель заслуживает более подробного описания, поскольку практически детально копирует найденный при раскопках реальный нож. Модель ножа специфической формы, с коротким и сильно изогнутым лезвием. Данная модель и реальный прототип такого ножа были обнаружены в постройке № 1 оборонительно-жилого комплекса, примерно в одном и том же слое середины XVII века. Размер модели: 12,0×1,9×1,5 см, оригинала – 12,0×3,0×1,9 см. Редкая и специфическая форма лезвия ножа (кроильного) вряд ли могла стать прототипом ритуальной модели. Скорее это сходство следует рассматривать как факт привлечения детей к повторению занятий взрослых.

Луки охотничьи – 19 экз. (рис. 3.59 – 1–8). В данной группе предметов 6 целых и 13 фрагментов деревянных игрушечных луков. Их размеры варьируются в интервале от 38,7 до 75,0 см. Все они имеют форму монолитного лука, изготовленного из цельной деревянной пластины с вырезами на концах. Хотя мы отнесли такие луки к игрушкам, нельзя исключать возможность их использования в составе самострелов или черканов. Тем не менее, отбирая данные экземпляры, мы обращали внимание на некую грубость их исполнения, а также на то, что в коллекции есть стрелы, явно не предназначенные для реальной охоты.

Стрелы для лука – 24 экз. (рис. 3.59 – 9–19). В коллекции 4 целых и 20 фрагментов имитаций стрел. Судя по целым экземплярам, длина данных стрел первоначально составляла от 29 см до 47 см, что сопоставимо с настоящими охотничьими стрелами. Основными отличиями игрушечной стрелы от настоящей является грубая отделка поверхности дровца, которое не шлифовалось и не оцилиндровывалось, а также отсутствие оперения. Стрелы различаются по типам наконечников.

Наиболее массовый – это *стержневидные бронбойные* наконечники, которые, по сути дела, являются обычным заостренным концом дровца (рис. 3.68 – 14–16). Лишь в одном случае на его конце был вырезан четырехгранник.

Следующий по количеству тип: стрелы с наконечниками типа «*томар*». Они двух разновидностей – с коническим поражателем и массивным четырехгранным, на гранях которого нанесены нарезки (рис. 3.59 – 9–11, 17–19).

Третий тип, самый малочисленный, – стрелы с наконечниками *различных вариантов треугольной и листовидной формы* (рис. 3.59 – 12).

Все эти модели повторяют разнообразие стрел, используемых взрослыми людьми в различных промыслах. В некотором смысле игрушечные стрелы отражают наиболее часто употребляемые и, соответственно, наиболее значимые реальные прототипы. Разнообразие последних, как мы знаем, было predeterminedено разными видами промысловых животных и птиц, а также особенностями их добычи. Не совсем понятное назначение у стрел с наконечником в виде массивного четырехгранного бруска с орнаментальными нарезками. Такие же изделия в небольшом количестве имеются в надымской коллекции [Кардаш, 2009. С. 185, рис. 3.68 – 8, 9]. Им нет близких утилитарных аналогов. Возможно, такие стрелы можно было бы отнести к ритуальным, но это будет также спорно, как и отнесение их к игрушкам.

Нарты-имитации (для девочек) – 23 экз. (рис. 3.61 – 1–23). Найдено 2 целых и 21 фрагмент имитации нарт для девочек. Игрушку изготавливали из одной тонкой дощечки, условно имитируя форму нарты. Аналогичные игрушки до настоящего времени бытуют в традиционной культуре современных хантов и ненцев. С их помощью дети обучаются последовательности компоновки *аргиша* перед отправкой в путь (перекочевкой).

Нарточные ящики (для девочек) – 14 экз. (рис. 3.61 – 3, 5–8, 10, 14, 15). Дополняют набор имитаций нарт для девочек. Как и нарты, ящик изготавливали из тонкой дощечки, которой придавали кубическую форму и снабжали дном. Мы имеем 2 целых и 12 фрагментов таких ящиков разного размера. Они играли роль поклажи.

Нарты-модели (для мальчиков) – 12 экз. (рис. 3.60 – 1–12). Это фрагменты (копылья, полозья, нартовые корзины) деревянных моделей фактически бытовавших вариантов нарт. Судя по типу копыльев, распространены были модели обоих вариантов косокопыльных нарт: таежного и тундрового. Судя по полозьям, такие нарты имели по две или три пары копыльев, а их максимальные размеры достигали 40–45 см.

Лодки (модель) – 1 экз. (рис. 3.61 – 24). На территории прилегающего поселения найдена целая деревянная модель лодки, размерами 11,4×3,1×1,7 см. Она выдолблена из цельного куска дерева. Представляет довольно грубое и схематичное изделие. Модели лодок до настоящего времени изготавливаются в качестве детских игрушек у народов Северо-Западной Сибири.

Помимо моделей-игрушек, в коллекции *Полуйского мысового городка* имеется несколько комплектов предметов для различных игр, имеющих соревновательный характер и рассчитанных преимущественно на взрослых людей.

Палочки для игры – «сооль-юх» (хант.) – 42 шт. (рис. 3.62 – 15). У северо-восточной стены постройки № 1 оборонительно-жилого комплекса, в пространстве галереи было обнаружено скопление, состоявшее из 42-х тонких палочек длиной 14,0–14,5 см, сечением 0,2–0,3 см. Палочки лежали плотной пачкой, по-видимому, в том месте, где были оставлены. Набор находился в слое середины XVIII века.

Аналогичный комплект, также в одном экземпляре, найден на территории северо-западной многофункциональной площадки, примыкавшей к остояцким кварталам оборонительно-жилого комплекса Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 187, рис. 3.74 – 1].

Эта игра бытует и в настоящее время. Будучи в поездках по реке Большой Юган, автор с помощью местных жителей обучался ее несложным правилам. В игре участвуют, как минимум, два игрока. Число палочек не ограничено. Играющий подбрасывает их в воздух и старается поймать одной рукой. Если он ловит нечетное число палочек, то откладывает одну палочку в сторону, а оставшиеся продолжает подбрасывать и ловить. Если игрок поймает четное число палочек, то ход переходит к сопернику. Задача игры – как можно большее число раз поймать нечетное число палочек. Тот, кто поймал больше всех, бьет других палочками по руке в соответствии со специальным расчетом. Например, если выигравший игрок набрал 35, а проигравший – 15 палочек, то разница составляет 20 палочек. От разницы отнимают две палочки, и, соответственно, 18-ю палочками выигравший наносит 18 ударов по руке проигравшего.

Юла – корки («щин») – хант.) – 18 шт. (рис. 3.62 – 1–11). При раскопках обнаружено 14 деревянных дисков разных диам – от 3,5 до 6,0 см – с отверстиями в центре. В одном случае в диске диаметром 4,3 см сохранился целый стержень (рис. 3.62 – 1–7). Он также был длиной 4,3 см и имел асимметричную биконическую форму. Такие предметы, и в относительно большом количестве, имеются в коллекции Надымского городка [Кардаш, 2009. С. 187, рис. 3.74 – 2–7].

Вместе с тем еще четыре изделия, но уже другой формы и пока только предположительно, также отнесены к категории таких игрушек. Это предметы почти биконической формы, с округло-цилиндрической центральной частью, изготовленные из одного куска дерева. Их противоположные концы разные: один – острый, другой – вытянутый тупой (цилиндрический) (рис. 3.62 – 8–11). Размеры изделий близки: диаметр – 3,0–3,5 см, высота – 5–7 см.

Правила игры с юлой просты и сводятся к соревнованию в продолжительности вращения юлы на одном месте или по траектории ее движения.

Набор игры в кости – «зернь костарная» – 2 экз. (рис. 3.62: 12, 13). В пространстве северо-западной галереи постройки № 1 оборонительно-жилого комплекса, на участке III–III/25 (ур. 20,44) были найдены два предмета для игры в кости. Это костяной кубик с гранями длиной 0,9 см и круглыми точками на гранях, обозначающими числа от одного до шести, а также деревянный стаканчик высотой 5,2 и диаметром 3,5 см. Слой, в котором они находились, сформировался в конце XVI – первой трети XVII века.

Такие находки не известны ни на одном из археологических памятников, принадлежавших аборигенному населению региона. Вместе с тем такие предметы – нередкая находка в культурном слое русских населенных пунктов Севера Сибири XVII–XVIII веков, в частности, Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 125]. Игра в кости была одной из наиболее широко распространенных в XVII веке азартных игр в европейской части Московского государства и среди населения русских городов Сибири. Она носила название «зернь», или «зернь костарная». Причем кубик со стаканом использовали не только для игры: одной из важных функций «зерни» было гадание [Бахрушин, 1967. С. 118–119]. В этой связи находка такого комплекта в населенном пункте местной знати весьма показательна. О «зерни костарной» – русской азартной игре – аборигены Обского Севера не могли не знать. Судя по нашей находке, туземцы даже начали в нее играть. Это происходило на рубеже XVI–XVII веков – в начале нового этапа колонизации Севера Сибири Московским государством. Тем не менее дальше в культуру это явление не распространилось, несмотря на примитивность правил игры. Как будто на нее был наложен запрет – некое табу. Не нашла эта игра применения у коренного населения Севера и как способ гадания. Пока это необъяснимо. Дело в том, что другая игра – в шашки «дамы», о которой подробнее будет рассказано ниже, – вошла в культуру местных народов и даже получила дальнейшее развитие.

Фигуры игры в шашки – тепек (хант.) – 51 экз. (рис. 3.63, 3.64). По всей территории городка, в слоях разного времени были обнаружены деревянные фигурки, напоминающие шахматные и составлявшие определенный набор. Эти деревянные предметы были идентифицированы как фигурки для настольной игры (рис. 3.63). Подавляющее большинство фигурок находилось на территории оборонительно-жилого комплекса. Практически все они изготовлены из обрезков веток ивы (тальника), и только небольшая часть – из обломков цилиндрических предметов (отходов), вырезанных из хвойных пород деревьев. Размеры фигурок колеблются в интервале от 1,2×1,5 до 3×4 см. Выделены три типа предметов (рис. 3.64, табл. 1).

Тип I – конические фигуры – 32 экз. Они имеют форму цилиндра с конической верхней частью – в виде острия с притупленным концом (рис. 3.63 – 1–32; 3.64, табл. 1). Высота фигур – 2,5–4,0, диаметр – 1,2–2,2 см. По размерам и форме основания фигуры подразделяются на три подтипа (рис. 3.64, табл. 1).

Первый подтип – 12 экз. Отличается основанием, составляющим половину или три четверти высоты фигуры: 1,2–2,0 см (рис. 3.63 – 1,2, 8–11, 15, 16, 27–30).

Второй подтип – 19 экз. Характеризуется основанием, составляющим треть или менее от высоты фигуры: 0,6–1,2 см (рис. 3.63 – 3–7, 12–14, 17, 26, 31).

Третий подтип – 1 экз. Отличается основанием, составляющим три четверти высоты фигуры (1 см) и декорированным по окружности верхнего края нарезками, опускающими основание конуса (рис. 3, 32).

Тип II – цилиндрические фигуры с поперечным ребром на верхнем торце – 14 экз. Имеют форму высокого или низкого цилиндра, на верхнем торце которого двумя наклонными срезами сформировано поперечное ребро (рис. 3.63 – 33–46; 4, табл. 1). Их размеры составляют 1,2–2,8 см в диаметре и 1,5–3,0 см по высоте. По оформлению (декору) поперечного ребра фигуры подразделяются на пять подтипов (рис. 3.64, табл. 1).

Первый подтип – с горизонтальным недекорированным ребром – 3 экз. (рис. 3.63 – 33–35).

Второй подтип – с вогнутым к основанию ребром – 2 экз. (рис. 3.63 – 36–37).

Третий подтип – отличается наличием трех зубцов – 2 экз. (рис. 3.63 – 38–39).

Четвертый подтип – с вогнутым к основанию ребром и прямоугольным зубцом в его средней части – 2 экз. (рис. 3.63 – 40–41).

Пятый подтип – с вогнутым к основанию ребром и центральным зубцом в форме короны с одной или тремя врезками – 5 экз. (рис. 3.63 – 42–46).

Тип III – цилиндрические фигуры с поперечным ребром на верхнем торце и двумя симметричными боковыми врезками – 5 экз. Имеют форму высокого или низкого цилиндра, в ряде случаев с овальным сечением. На верхнем торце двумя наклонными срезами сформировано поперечное ребро. Под его противоположными концами сделаны два симметричных выреза, подчеркивающие верхнюю часть и формирующие основание фигуры (рис. 3.63 – 47–51; 4, табл. 1). Высота фигур – 2–4 см, диаметр – 1,8–2,8 см. По оформлению (декору) поперечного ребра выделяется два их подтипа (рис. 3.64, табл. 1).

Первый подтип – с горизонтальным ребром без декора – 1 экз. (рис. 3.63 – 48).

Второй подтип – с горизонтальным зубчатым ребром (гребешком), количество зубцов которого варьируется от 4 до 11 – 4 экз. (рис. 3.63 – 47, 49–51).

Небольшая вариативность и малые размеры фигурок свидетельствуют об их принадлежности к некоей простой игре с использованием шахматного поля. Вместе с тем более детальный анализ серии вышеописанных фигурок не будет объективным, если его провести только на основе поздних этнографических параллелей. Важным источником для интерпретации могут послужить находки шахматных фигур с близких по территории археологических памятников начала русского освоения Сибири.

Комплексный анализ коллекции фигур для настольной игры из раскопок *Полуйского мысового городка* позволяет сделать ряд выводов о ее происхождении, бытовании и правилах. В материалах более ранних памятников XIII–XIV веков, таких как Бухта Находка и Войкарский городок, а также в синхронных слоях Надымского городка, подобных фигур не обнаружено. По этой причине мы исключаем возможность генезиса таких оригинальных настольных игр у аборигенов Севера или раннего заимствования ими таких игр у русских первопроходцев [Лапук, 1968; Кардаш, 2008; 2009; Брусницына, 2003; 2005; Федорова, 2004; 2005].

Очевидно, такие игры начали входить в обиход коренного населения Севера Сибири не ранее конца XVI века, что было связано с активной колонизацией данной территории Московским государством. Вряд ли возможно, чтобы у настольных игр с использованием шахматной доски, появившихся у аборигенного населения этого региона, не было русского прототипа. Его отсутствие в научном обороте, скорее всего, является следствием неразработанности типологии данного вида археологических находок.

Сравнивая полуйские фигурки с фишками для игры в шашки, выделенными типологически среди материалов раскопок древнерусских городов, можно отметить, что аналогов им нет [Рыбина, 1997. С. 110–114, табл. 79]. Вместе с тем, хотя первый тип фигур и соотносится по форме с шахматными пешками, второй и третий типы параллелей среди древнерусских шахмат не имеют [Там же. С. 110–114, табл. 79]. В составе полуйской коллекции имеются лишь единичные фигурки, у которых отмечается определенное типологическое сходство с русскими мангазейскими (город Мангазея), алазейскими (Алазейский острог), а также этнографическими образцами (рис. 3.64). Предметы, близкие по форме полуйским фигурам второго типа, были найдены при раскопках в Минске и Новгороде, в слоях XII–XIV веков. Однако они являются исключением и, по мнению И. М. Линдера, «напоминают обыкновенную лодку» [Линдер, 1975. С. 81, 85–86]. Третий тип полуйских фигурок имеет формальное сходство с одной из фигур скандинавских шахмат с плоским фигурным туловом, увенчанным «гребешком» из восьми зубцов [Там же. С. 88].

В процессе раскопок Алазейского и Стадухинского острогов, существовавших с середины XVII до середины XVIII веков, найдено 317 фигурок (311 деревянных и 6 костяных), идентифицированных как шахматные [Алексеев, 1996. С. 40–41, табл. 52–54]. На их основе разработана подробная типология (рис. 3.64; табл. 2, 3). Интересна приведенная А. Н. Алексеевым статистика. Из четырех выделенных групп изображений первая – пешки и пешковидные фигуры – составляют две трети (около 200 экз.), причем в других группах количество предметов распределялось почти равномерно [Там же. С. 40–41]. Такая диспропорция может быть связана с использованием части так называемых пешковидных фигур для игры в шашки. В таблице приведены фигуры, которые, на наш взгляд, могли составлять комплекты для игры в шашки (рис. 3.64; табл. 1).

Можно предположить, что это некий вариант игры на шахматном поле. В ней использовались фигуры наподобие шахматных, а набор этих фигур и, соответственно, правила были более простыми. Не исключено, что такой вариант игры существовал в русской культуре. Тем не менее он был мало распространен и бытовал у беднейших городских слоев либо в среде жителей сельских поселений. Фигурки, грубо обработанные и простые по форме, иногда воспринимались при раскопках как отходы производства и не привлекали внимания исследователей. Подобные случаи – не редкость на сибирских памятниках Крайнего Севера, культурные слои которых благодаря вечной мерзлоте на 60–70% сформированы из отходов деревообработки.

По-видимому, первой в культуру аборигенного населения входила та игра, которую отличали простота и незамысловатость правил. На наш взгляд, такой игрой могли быть русские шашки или подобная игра, которая, безусловно, бытовала одновременно с ними. Не исключено, что на тот период, характеризовавшийся многообразием, вариантов могло быть больше.

Обнаруженный при раскопках *Полуйского мысового городка* комплект фигур аналогичен предметам, опубликованным Стефаном Сомье, а также набору, использовавшемуся в игре «тепек» («теп»), описанной Яношем Янко [Sommer S. 1885. P. 416; Janko J. 2000. P. 206]. Правила этой игры наиболее близки шашкам, в частности русским. Основное отличие – размер игрового поля: в русских шашках он составляет 64 квадрата (8×8), а не 81 (9×9); соответственно, полный набор составляют 24 фигуры (по 12 на каждого из двух игроков), а не 26 (13×2). Размеры игрового поля и количество фигур, вероятно, соответствовали архаичной форме, которая впоследствии была изменена по образцу шахмат и снабжена фишками упрощенной формы. Вышеописанный первый тип конических фигурок по форме соотносится с так называемыми «мужскими» фигурами игры *тепек*. Наиболее правильным будет определение их в рамках остяцкой (хантыйской) традиции как фигур *куй-теп*. Второй тип фигурок близок группе женских изображений, именуемых в остяцкой традиции *нин-теп*. Третий же тип не имеет параллелей ни в наборе русских шахматных фигур, ни в этнографических образцах. Это самый малочисленный тип. Логично предположить, что он представляет особую фигуру, приобретающую новые свойства, – «дамку», которая должна отличаться от остальных. Правила игры, вероятно, имели варианты, но у них не было радикальных отличий, как, например, в рассмотренных выше правилах у нганасан.

Не совсем понятно отсутствие подобных фигур на других синхронных археологических памятниках Нижней Оби, таких как Войкарский и Надымский городки, основные слои которых датируются в интервале

концом XVI – началом XVIII веков. Возможно, это объясняется тем, что недалеко от *Полуйского городка* находились Обдорская таможенная застава и пункт ясачного сбора, где относительно постоянно проживали русские. В то время как другие остяцкие и самоедские городки находились далеко от русских селений. Не исключено, что более широкое распространение подобных игр в культуре аборигенного населения в последующий период (XVIII–XIX века) также было связано с появлением в регионе – с конца XVIII века – оседлого русского населения и постоянных поселений.

Как многие игры того периода, игра в шашки была азартной, подразумевала игру на деньги или эквивалентные дорогостоящие товары. Вполне вероятно, что вовлечение в игру представителей семьи Обдорских князей, проживавших в *Полуйском мысовом городке* и ведавших сбором ясака со всех подвластных остяков и самоедов, имело наибольший смысл для служилых казаков, ясачных сборщиков и простых промышленников. Из этого можно заключить, что игры проникали в среду северных аборигенов через общинных вождей. Для них, в свою очередь, наверное, это имело особый смысл, и лишь потом данные игры получали широкое распространение среди коренных жителей сибирского Севера.

В результате анализа предметов из последних раскопок позднесредневековых археологических памятников Северо-Западной Сибири подтверждается ранее высказанное предположение о том, что значительная часть категорий инородных предметов вошла в традиционную культуру аборигенов Севера не ранее конца XVI века и даже середины XVIII века, причем из русской традиционной культуры. Большинство этих заимствованных предметов были адаптированы к местной культуре, переосмыслены, модифицированы и стали сейчас неотъемлемым элементом традиционной культуры коренных народов Севера. Причем многие из этих предметов уже давно исчезли из русского обихода.

По-видимому, настольные игры также были заимствованы коренными жителями Севера Сибири у русского населения. Простые правила игр допускали создание их новых вариантов, с новыми местными названиями. В настоящее время они уже входят в учебные пособия по традиционному воспитанию детей [Прокопенко В. И., Прокопенко В. В., 2004; Прокопенко В. И., 2004]. Иными словами, эти игры были интегрированы в традиционную культуру народов Крайнего Севера, поэтому их можно рассматривать как некие северные варианты русской (и даже международной) игры в шашки. Фигуры, найденные в *Полуйском мысовом городке*, а также ранее опубликованные Яношем Янко, следует именовать «остяцкие шашки» – *тепек*, опираясь на русское название «шашки» и учитывая их исчезновение из традиционной культуры Северо-Западной Сибири в настоящее время. Поскольку фигурки находились во всех хронологических горизонтах *Полуйского мысового городка*, начиная с самого раннего, можно заключить, что обдорские князья были одними из первых в регионе, кто освоил и распространил эту игру.

* * *

В итоге нами были охарактеризованы и проанализированы все имеющиеся в коллекции предметы вещевого комплекса конца XVI – первой трети XVIII веков, которые в той или иной степени удалось идентифицировать. Пятая часть всех вещей – почти 500 единиц – не была достоверно определена. Значительную часть из них составляют заготовки разного рода изделий. Анализ остальной части находок позволяет сделать ряд выводов общего характера.

В первую очередь, анализируем коллекцию по группам предметов, выделенным на основании материала для их производства. Больше всего вещей (1680 экз. = 65% от общего числа), изготовленных из дерева. Меньше – предметов из кости (348 экз. = 14%) и других органических материалов – ткани, травы, кожи (около 14%). Самые малочисленные сырьевые группы – изделия из камня и глины, которые составляют не более 3%, а также из металлов (около 4%).

Попытаемся выяснить, что стоит за этими показателями. Количество и процентное соотношение изделий основных «сырьевых» групп соответствует таким же группам в коллекции Надымского городка [Кардаш, 2009. Прил., табл. 1]. Из этого очевидно, что основные природные материалы и степень их использования отражают обычную «бытовую активность» – соответственно занятиям жителей и функционированию населенного пункта. Доля изделий из ткани среди других предметов в *Полуйском мысовом городке* несколько выше по сравнению с показателями по данной категории вещей из Надымского городка. Это, скорее всего, отражает не уровень развития ее производства в *Полуйском мысовом городке*, а обеспеченность его жите-

лей импортной одеждой. Вместе с тем малое количество металлических изделий, в частности украшений из меди, бронзы, олова и серебра, явно свидетельствует о том, что импортная одежда, в первую очередь женская, не была в изобилии украшена. Возможно, это объясняется тем, что костюм, декорированный различными украшениями, – это праздничный, ритуальный костюм, прежде всего свадебный. Ситуация, при которой такие предметы могут попадать в культурный слой (то есть войти в число вещей, оставленных в заброшенном поселении), это ритуальная деятельность или результат небрежного хранения. Вероятно, такую одежду в городке не хранили и подобных мероприятий не проводили. Скорее всего, свадебные церемонии выпадали на осенне-зимний период, когда основное население городка переезжало в «зимние юрты».

Малое количество металлических предметов обусловлено также крайне малым числом обломков медных котлов. То, что такие сосуды постоянно использовались в тот период, не вызывает сомнения. Так же как и то, что много котлов приходило в негодность и ремонтировалось при помощи старых емкостей, вышедших из употребления. Медные рубленые пластины из стенок котлов являются массовой находкой не только в слоях Надымского городка, но и в других поселениях аборигенов Сибирского Севера, начиная с XIII века [Зыков, Кокшаров, 2001. С. 106; Кардаш, 2009. Прил., табл. 1; Кардаш, 2010. С. 31, рис. 47]. Существует мнение, что аборигены таежного Приобья использовали медные пластины как денежный эквивалент в торгово-обменных операциях и как элемент ритуального приклада для божества [Молданова, 1999. С. 45; Салымский край, 2000. С. 256, 262; Сирелиус, 2001. С. 100, 101, 122; Кардаш, 2009. С. 284]. Вместе с тем такие пластины применялись и быту, например, для изготовления держателей фитиля масляной лампы [Иохельсон, 2005. С. 583–584, рис. 52; Кардаш, 2009. С. 173–174, рис. 3.54 – 6]. Так что скудное количество медных пластин в культурном слое пока объяснить сложно. Можно лишь констатировать, что медные котлы в жилищах городка долгое время не хранили и не утилизировали. По этому поводу особо отметим, что отсутствие котлов и ритуальной (свадебной) одежды, скорее всего, свидетельствует о том, что данный населенный пункт мог длительное время оставаться без надлежащего присмотра. Это вынуждало хозяев хранить ценные вещи в более безопасном населенном пункте, коим мог являться зимний Полуйский городок.

В продолжение размышлений о малом количестве металлических изделий, в частности железных, заметим следующее. Основное число железных предметов при раскопках обычно составляют обломки ножей, черенков, наконечников стрел, а также аморфные заготовки и отходы кузнечного производства. Последние в составе предметов вещевого комплекса *Полуйского мысового городка* практически отсутствуют. Все это явно указывает на незначительную составляющую в деятельности населения городка такой отрасли, как кузнечное ремесло, даже на уровне домашних нужд. Совершенно очевидно, что охота также была не основной сферой деятельности его жителей, по крайней мере, ее привилегированной части. В целом это можно охарактеризовать как ограниченную, не особо активную в плане использования железных орудий деятельность населения городка. Из этого может следовать предположение, что промысловая и ремесленная деятельность, даже для обеспечения внутренних потребностей, не были основной целью периодического посещения и проживания значительной части жителей городка.

Доля импортных предметов (точнее, их фрагментов) в коллекции не превышает 18%. Это не так уж мало. Тем не менее назвать это число большим также нельзя. Для сравнения: доля импортных предметов в вещевом комплексе городка XIII–XIV веков Бухта Находка составляет порядка 30% [Кардаш, 2011. С. 38]. Надымский городок в качестве примера неуместен, поскольку значительная часть его импортных предметов получена в результате грабежей, а не меновой торговли. Таким образом, о *Полуйском мысовом городке* как о центре меновой торговли мы говорить вряд ли можем. К слову сказать, отсутствие предметов вооружения в данном населенном пункте, в отличие от Надымского городка, вообще позволяет его охарактеризовать как демилитаризованную зону.

Предметы, однозначно определенные как культовые и ритуальные, составляют не более 3% от общего объема, что крайне мало. Даже если к данной категории мы добавим все остальные утилитарные предметы с антропо- или зооморфными изображениями или особыми орнаментами, то их будет около 5–6%. Это совершенно недостаточно для определения территории городка как особого ритуального центра.

Количество бытовых предметов в *Полуйском мысовом городке*, в частности различной посуды, примерно равно их количеству в коллекции Надымского городка. При этом последние собраны с площади, вдвое превышающей размер *Полуйского городка*. Это явно свидетельствует о более интенсивной бытовой деятельности, связанной с употреблением и хранением пищи и каких-то вещей, именно на территории первого городка.

Особо отметим, что объем берестяной посуды в два раза превышает количество таковой из Надымского городка. И это при том, что костных остатков животных, по сравнению с остеологическими материалами Надымского городка, в *Полуйском мысовом городке* обнаружено немного (прил. 4.1). Последнее, к примеру, можно объяснить большим объемом готовых продуктов или полуфабрикатов (мяса, рыбы), изготавливавшихся где-то в другом месте и поставлявшихся жителям «столичного» остяцкого городка на реке Полуй. Даже можно предположить, что вождь и его близкое окружение просто жили в городке, находясь на содержании всей общины, и не были напрямую задействованы в ее производственно-хозяйственной сфере. В это время основная часть общины находилась в постоянном движении, передвигаясь по промысловым местам, следуя за естественным биологическим циклом перемещения основных промысловых животных. Однако в этих условиях обеспечивать элиту, находящуюся на одном месте, просто невозможно. Маловероятно, что обдорский князь и его семья сколько-нибудь длительное время непрерывно проживали в данном населенном пункте и оставались только на содержании всей общины.

В итоге, с учетом вышеприведенных описаний и фактов, высказанных на их основании гипотез и предположений, выстраивается некая картина, безусловно, во многом предположительная, об особенностях функционирования *Полуйского мысового городка*, его жителях, их образе жизни и основных занятиях.

Несмотря на многие факты, указывающие на круглогодичное функционирование данного населенного пункта, следует сделать важное уточнение о том, что, вероятнее всего, городок использовался не постоянно и существовали периоды полного отсутствия в нем населения. Основная группа жителей, видимо, это княжеская семья и приближенная к ней элита, не вела активной ремесленной, в том числе домашней и охотничье-промысловой деятельности. Религиозная и обрядовая деятельность также не были основными для элитного населения городка. Вместе с тем тривиальная – бытовая – сфера жизни, связанная с приготовлением и употреблением пищи, представляется приоритетной. Совершенно очевидно, что за временной промежуток в более чем сто лет жизнедеятельность населения городка, и в том числе общинной элиты, претерпевала изменения и иногда могла существенно трансформироваться. Крайне сложно найти отражение этого только в археологическом материале. Тем не менее совокупное впечатление от всего круга источников и отдельные косвенные факты позволяют составить общую картину, высказав предположение, что княжеская семья и обеспечивавшие ее пребывание в городке жители поддерживали некое условное общение вождя – князца Обдорской волости – с общинниками, возможно с общинной элитой, не исключено, что и с проезжающими мимо торговцами и промышленниками. При этом они осуществляли свои властные функции в соответствии с сезоном и полномочиями, не отвлекаясь на иные сферы промысловой и хозяйственной деятельности.

Рис. 3.1. Костюм. Орудия для очистки меховой одежды – выбивалки снега *янгаць* (нен.), *нарэп* (хант.) – конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–6 – выбивалки мужские из дерева *хасава янгаць* (нен.); 7–12 – выбивалки женские из рога северного оленя *не янгаць* (нен.)

Рис. 3.2. Костюм: фрагменты одежды — конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–11 – образцы тканей и фрагментов одежды из цветного сукна; 6 – фрагмент орнаментального фриза из сукна (варежки или полки костюма); 12 – фрагмент войлочного полотна, 13, 14 – фрагменты меха (меховой опушки?); 15 – выкройка рукавиц из бересты

Рис. 3.3. Костюм: фрагменты одежды, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–2 – плетеные суконные пояса; 3–8 – образцы тканей и фрагментов одежды из цветного сукна; 9 – коса; 10, 11 – детали женского пояса: воропы из бересты; 12 – пряжка бронзовая

Рис. 3.4. Костюм. Обувь, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1-8, 15, 14, 19-21 – детали обувных головок из телячьей кожи; 10-13 – выкройки из бересты верхней части обувной головки (союзки); фрагменты 16-18 – выкройка подошвы из бересты

Рис. 3.5. Детали костюма: украшения из металла, подвески из костей животных, бытовавшие в конце XVI – первой трети XVIII вв.: 1 – подвеска в форме рыбы (бронза, XIII-XV вв.); 2 – подвеска в форме лапки птицы – «лапчатая» (бронза, XIII-XV вв.); 3-4 – серьги одинцы (серебро, аметист, суконные нити XVI в.); 5-6 – бусины из белого стекла; 7 – бусина – пуговица из темно-синего стекла; 8-9 – подвески из рога северного оленя; 10 – подвеска из клыка песца; 11 – подвеска из клыка волка; 12 – челюсть лисицы; 13 – подвеска из таранной кости россомахи; 14 – подвеска из таранной кости волка; 15-16, 20-24 – подвески из таранных костей бобра; 18-19 – подвески из таранных костей зайца; 17 – подвеска из бедренной головки северного оленя

Рис. 3.6. Промысловое оружие и орудия. Лук, стрелы и снаряжение лучника, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – щиток для защиты запястья от удара тетивы (рог северного оленя); 2 – фрагмент сложносоставного лука – наружная «кремлевая» пластина, 2а – специфическая фактура внутренней поверхности наружной пластины, на которую наносился клей; 3–13 – стержневидные наконечники стрел трехгранного и четырехгранного сечения (рог северного оленя); 14 – наконечник с шипом – «гарпун» (рог северного оленя); 15–18 – наконечники стрел – томаров разных типов (рог северного оленя); 19 – заготовка наконечника стрелы – томара (рог северного оленя); 20, 21 – фрагменты поражающей части цельнодеревянных стрел – томаров; 22, 23 – вильчатые наконечники стрел (железо); 24 – вильчатый наконечник стрелы (рог северного оленя)

Рис. 3.7. Промысловое оружие и орудия. Самострелы и ловушки (детали) конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–3, 9 – фрагменты цельнодеревянных луков от самострелов и ловушек; 4–8 – насторожки – детали самострелов и ловушек (4, 5 – дерево, 6–8 – кость); 10–11 – деревянные стрелы – томары; 12, 13 – фрагменты деревянного ложа ловушки натяжного ударного действия – черкан («пасть»)

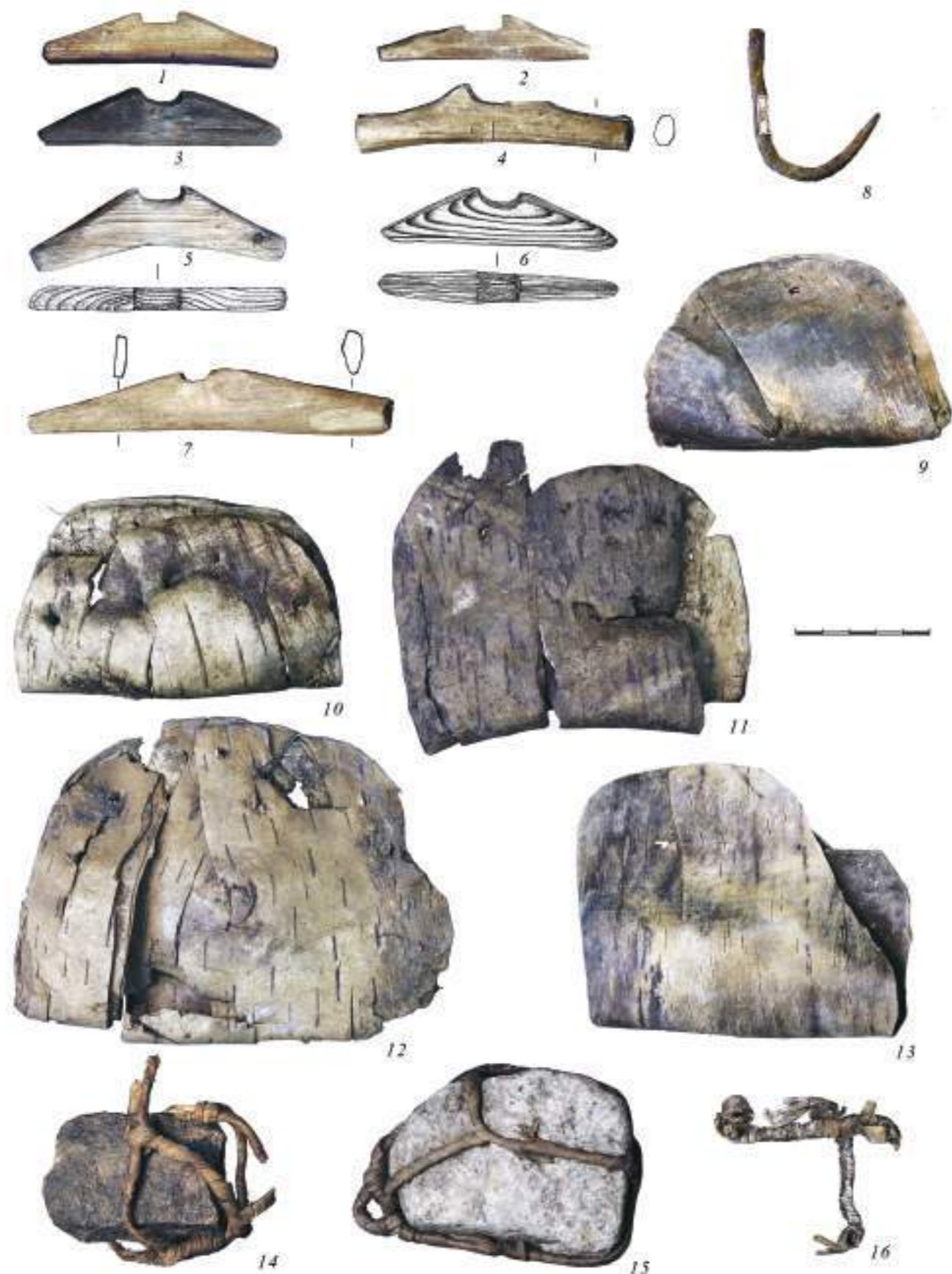

Рис. 3.8. Промысловое оружие и орудия. Принадлежности рыболовства, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–7 – деревянные крюки от рыболовной сети для зимнего лова рыбы – «табарейки»; 8 – крюк багра для извлечения крупной рыбы (железо); 9–13 – грузила для невода – «кибасы» (береста, камень); 14–15 – грузила рыболовных сетей (ставных) из камня в оплетке из корня; 16 – фрагмент оплетки из корня каменного грузила

Рис. 3.9. Промысловое оружие и орудия. Принадлежности рыболовства, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–11 – деревянные поплавки рыболовных сетей (невода); 12–15 – фрагменты деревянной ловушки для рыбы типа верши, «морды»

Рис. 3.10. Универсальные орудия и инструменты. Бытовые ножи, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–10 – рукояти бытовых ножей из рога северного оленя (1–3) и дерева (4–10); 11–26 – клинки универсальных ножей импортного и местного производства

Рис. 3.11. Универсальные орудия и инструменты. Бытовые ножи, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–8 – бытовые ножи в рукоятях из рога северного оленя; 9–17 – бытовые ножи в рукоятях из дерева; 18 – ножны из бересты; 19–21 – ножны и детали ножен из телячьей кожи от ножей импортного производства

Рис. 3.12. Универсальные орудия и инструменты. Бытовые ножи, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–2 – рубанки (струги) из дерева – тип II; 3–5 – рубанки (струги) из дерева (4) и рога северного оленя (3, 5) – тип I; 6–16 – рукоятки для заточки лезвия ножа из дерева; 17–26 – точильные бруски из крупнозернистого камня для заточки лезвия (20–26), и мелкозернистого для шлифовки лезвия (18–19)

Рис. 3.13. Универсальные орудия и инструменты. Бытовые орудия и инструменты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – гребень для обработки (чесания) травы; 2 – сверло – наконечник для лучковой дрели; 3–5 – клинья из рога северного оленя для расщепления древесины; 6–7 – острие шила и шило в деревянной рукояти; 8 – нож-резец – «ложкорез» в деревянной рукояти; 9–12 – деревянные мотовила для хранения тонких веревок и нитей; 13 – скоба для ношения топора из рога северного оленя; 14 – кройльная доска; 15, 16 – лощила из межпозвоночного диска кита для обработки шкуры животного – снятия мездры или последующего размягчения; 17 – деревянный скребок для обработки шкуры – снятия мездры (подкожной пленки) крупного животного (северного оленя)

Рис. 3.14. Предметы быта. Посуда, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–4 – фрагменты медных котлов; 4–9 – фрагменты черных мореных горшков русского производства; 7–13 – фрагменты прямоугольных корыт разных типов

Рис. 3.15. Предметы быта. Посуда из дерева, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–7 – целые экземпляры и фрагменты

Рис. 3.16. Предметы быта. Посуда из дерева – конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–7 – целые экземпляры и фрагменты прямоугольных корыт разных типов

Рис. 3.17. Предметы быта. Посуда из дерева, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–5 – ковши разных размеров; 6–13 – индивидуальные ложки из дерева и рога северного оленя разных подтипов

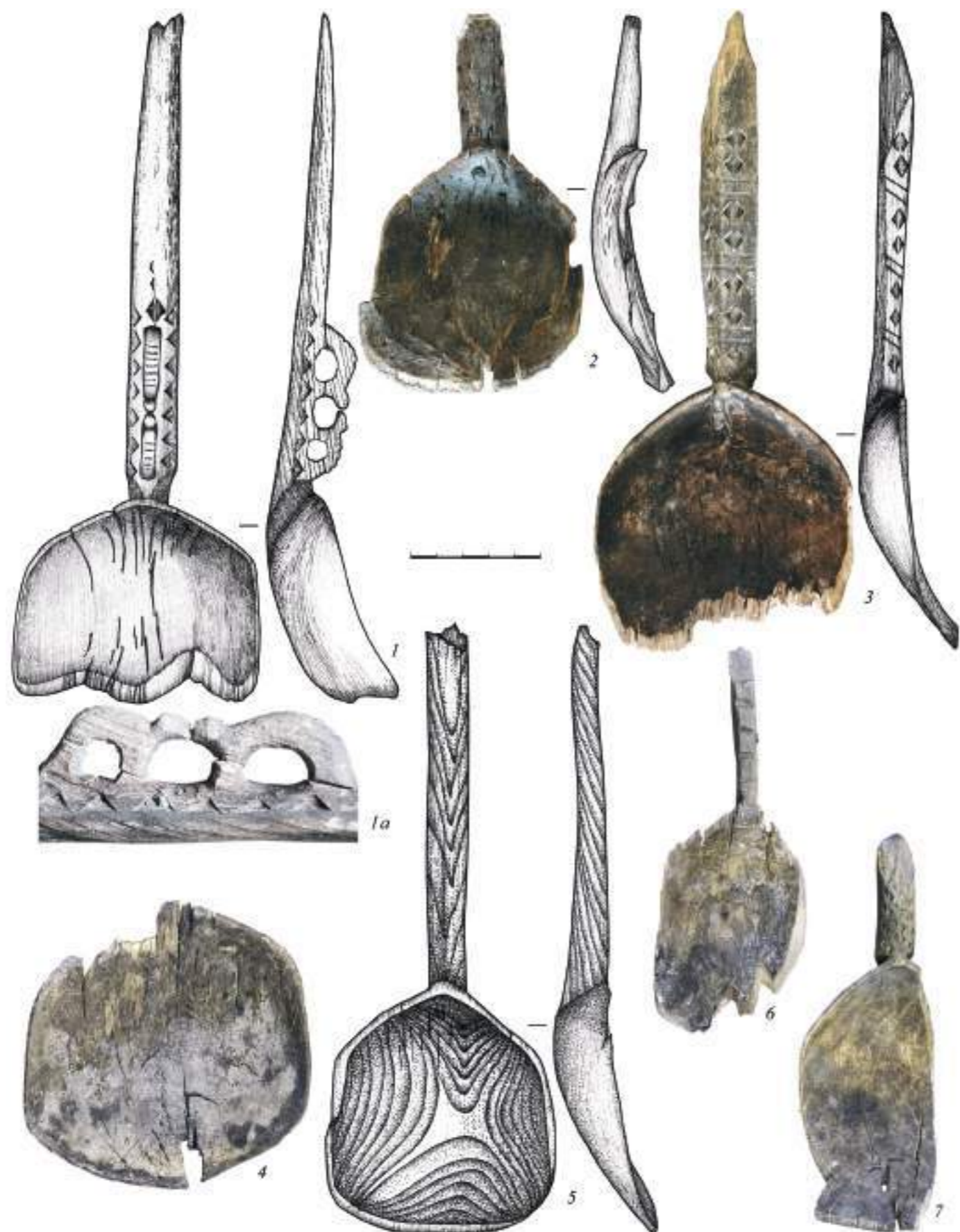

Рис. 3.18. Предметы быта. Посуда из дерева, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–7 – котловые ложки разных размеров с индивидуальными орнаментами и без

Рис. 3.19. Предметы быта. Посуда из дерева, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–7 – рукояти котловых ложек разных размеров; 8–10 – лопатки для помешивания пищи

Рис. 3.20. Предметы быта. Посуда из бересты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – корытце (куженька) – *согэн* (хант.) ритуального назначения со скобленным усложненным изображением «человека едущего на нарте запряженной оленем» (участок Ж' /43, ур. 21.30 – пространство поселенческого комплекса, между постройками № 2, 3, 4); 2, 3 – фрагменты корытца (куженек) – *согэн* (хант.) ритуального назначения со скобленным знаково-символическим орнаментом

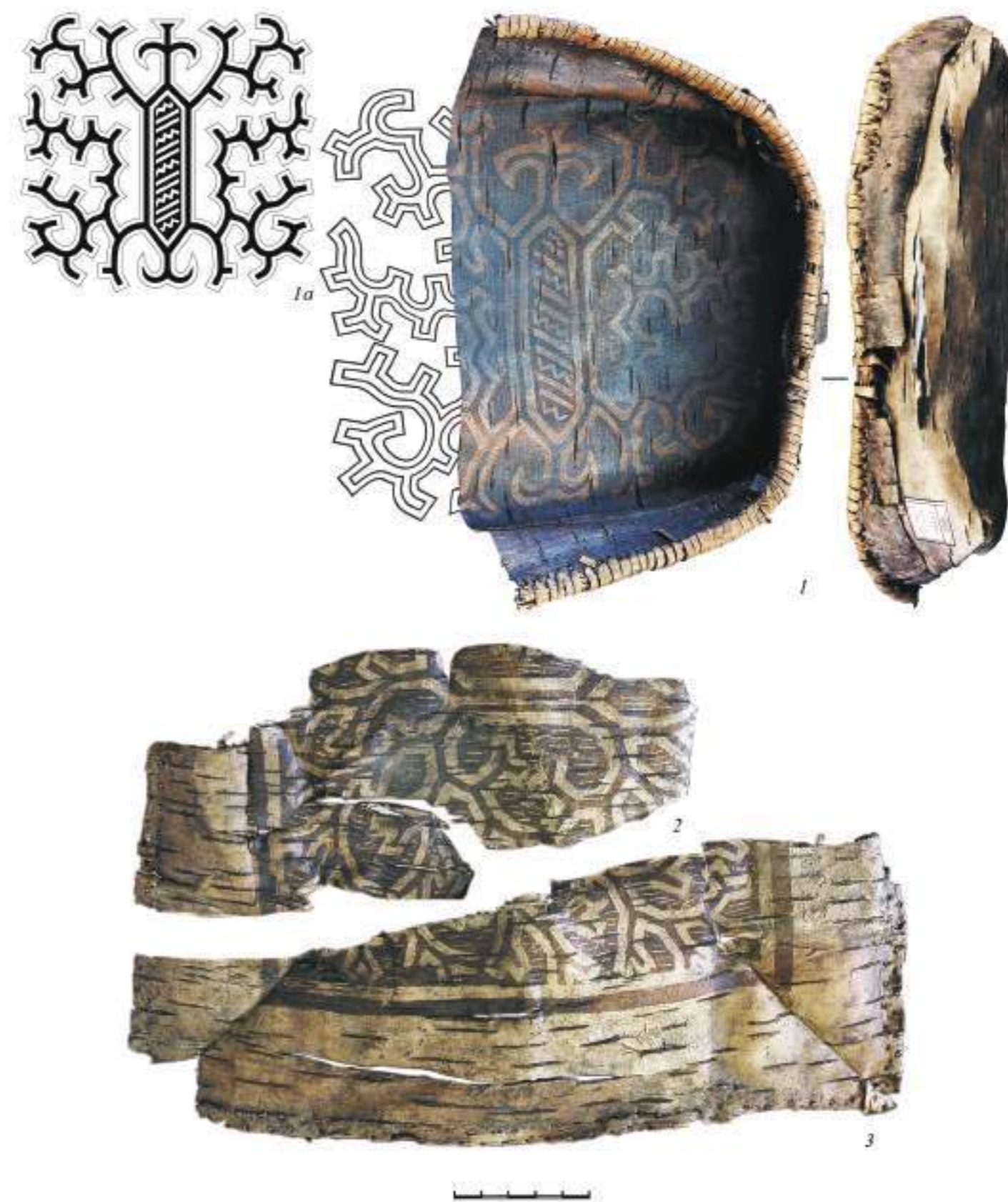

Рис. 3.21. Предметы быта. Посуда из бересты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – корытце (куженька) – *согэн* (хант.) ритуального назначения со скобленным усложненным изображением медведя и реконструкция его утраченной части (участок Д' /43, ур. 21.50 – пространство поселенческого комплекса, близ постройки № 2, 3, 4); 2, 3 – фрагменты корытца (куженек) – *согэн* (хант.) ритуального назначения со скобленным знаково-символическим орнаментом

Рис. 3.22. Предметы быта. Посуда из бересты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–4 – целые изделия и фрагменты корытец (куженек) – согэн (хант.) ритуального назначения со скобленным знаково-символическим орнаментом; 2, 4 – усложненное изображение птицы – «орла»; 5 – изделие из бересты с изображением птицы – орла

Рис. 3.23. Предметы быта. Посуда из бересты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–8 – целые изделия и фрагменты корытец (куженек) – согэн (хант.) ритуального назначения со скобленным знаково-символическим орнаментом

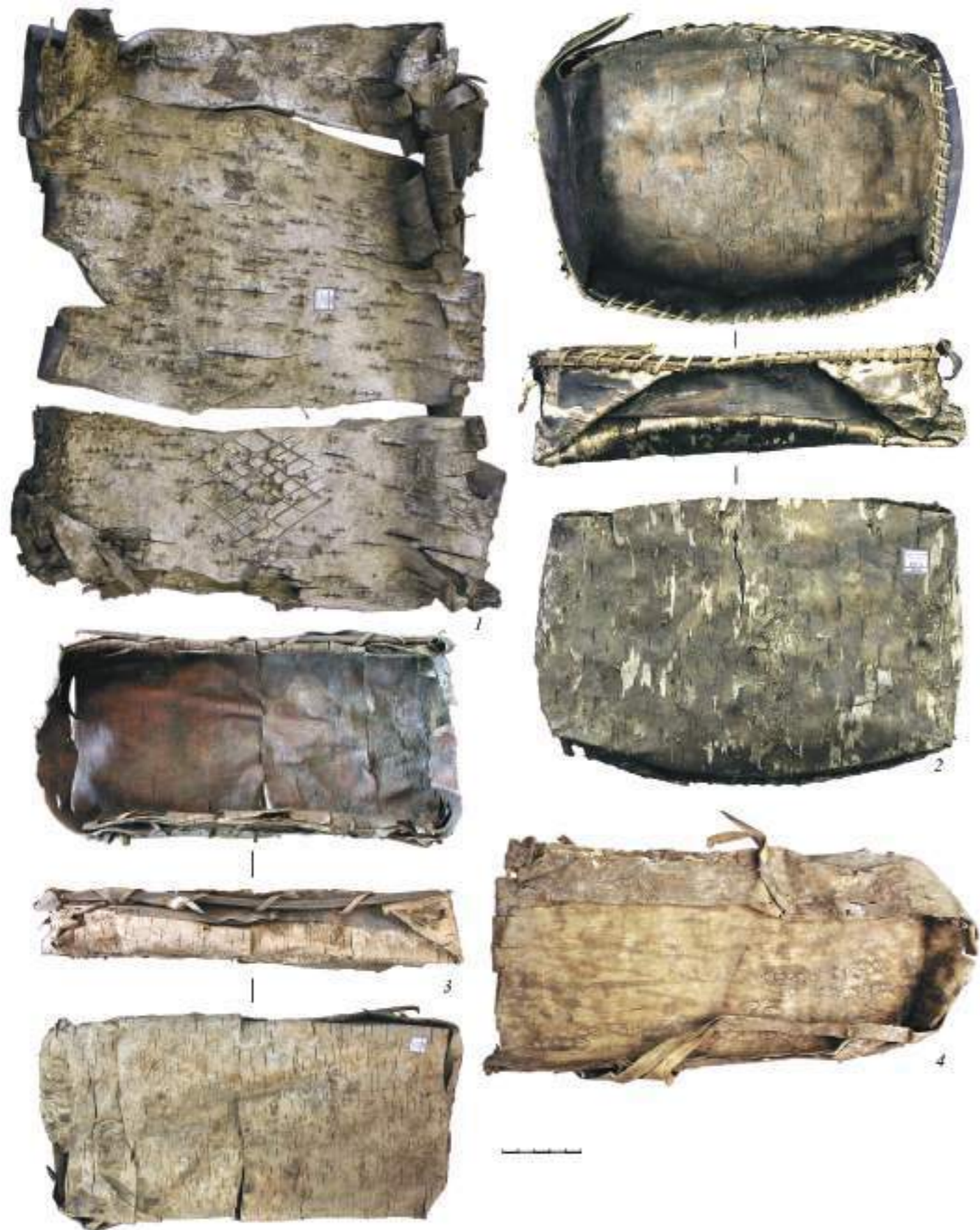

Рис. 3.24. Предметы быта. Посуда из бересты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–4 – целые изделия и фрагменты корытец (куженек) – согэн (хант.) бытового назначения без орнамента

Рис. 3.25. Предметы быта. Посуда из бересты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–16 – целые изделия и фрагменты корытец (куженек) – согэн (хант.) бытового назначения без орнамента

Рис. 3.26. Предметы быта. Посуда из бересты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–8 – рукояти корытца (куженек) – *согэн* (хант.) для жидкости из рога северного оленя, изделия 1–5 – вероятно ритуального назначения; 9–12 – рукояти корытца (куженек) – *согэн* (хант.) для жидкости из дерева (ива, береза); 13–14 – берестяные корытца для ношения воды – *инк согэм* (хант.), публикуется по работе Р. Ф. Мартина «Сибирика» 1897 г. [Мартин, 2004. С. 73, табл. 10 – 6, 5]

Рис. 3.27. Предметы быта. Посуда из бересты – туеса (*коробы* – рус., *канчен туяс* – хант.), конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–2 – целые туеса ритуального назначения со скобленным знаково-символическим орнаментом; 3 – туес (1) – условия нахождения: участок Ф/18 ур. 20.70 – северный угол постройки № 3 оборонительно жилого комплекса, вид с юга

Рис. 3.28. Предметы быта. Посуда из бересты – туеса (коробы – рус., канчен туяс – хант.), конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – крышка призматического туеса ритуального назначения (короб для рукоделия из комплекта приданого невесты) со скобленным знаково-символическим орнаментом; 2 – дно призматического туеса ритуального назначения; 3–11 – фрагменты туесов ритуального назначения со скобленным знаково-символическим орнаментом

Рис. 3.29. Предметы быта. Посуда из бересты – туеса (коробы – рус., канчен туяс – хант.), конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–6 – крышки туесов ритуального назначения со скобленным знаково-символическим орнаментом; 7–9 – крышки туесов бытового назначения без орнамента со знаками-символами

Рис. 3.30. Предметы быта. Посуда из бересты – тусса (коробы – рус., канчен тус – хант.), конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–5 – тусса бытового назначения разного размера, без орнамента

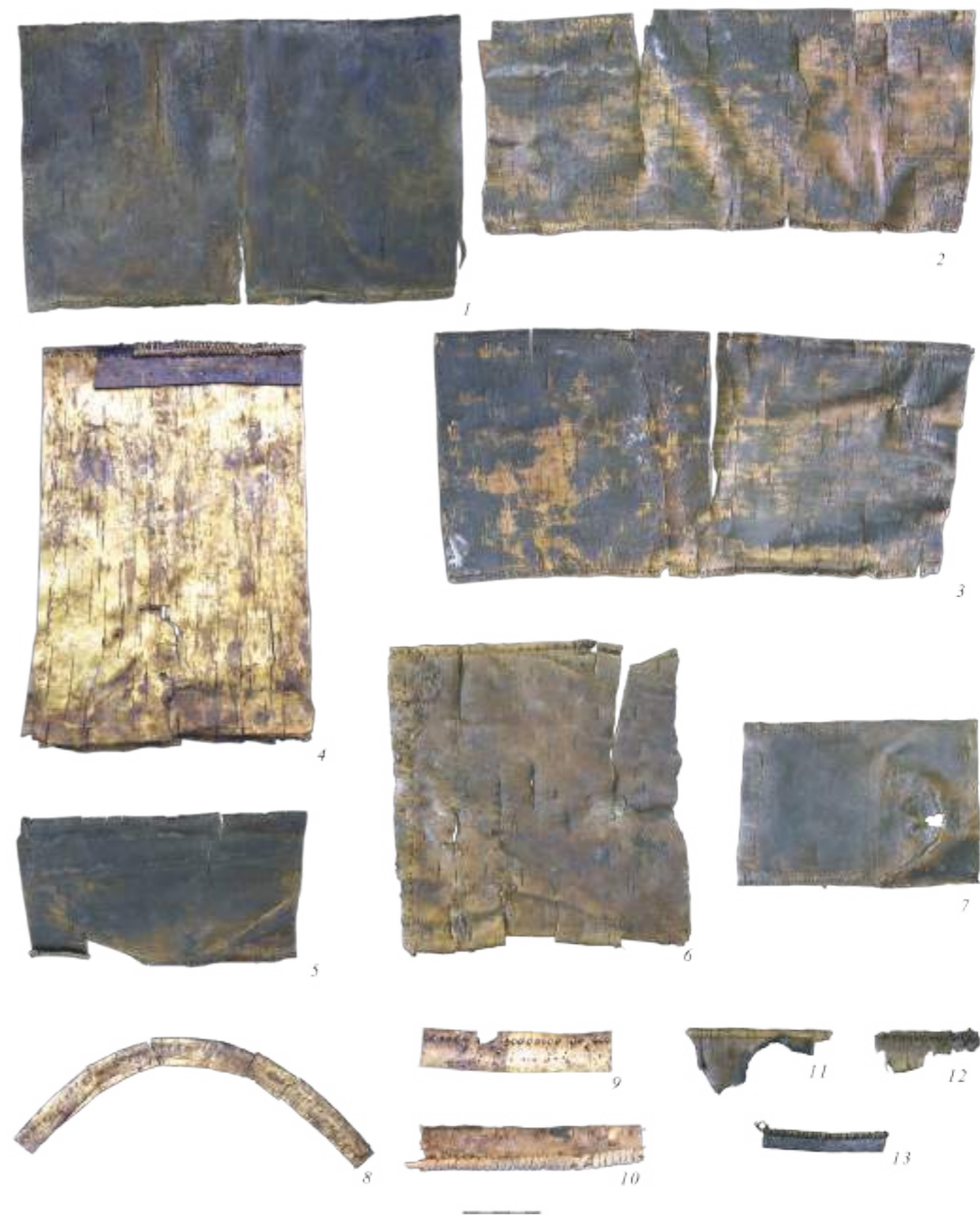

Рис. 3.31. Предметы быта. Посуда из бересты – тусса (коробы – рус., канчен тус – хант.) – конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–7 – фрагменты стенок туссов бытового назначения без орнамента; 8–13 – фрагменты деталей туссов бытового назначения

Рис. 3.32. Предметы быта. Посуда из бересты – тусса (*коробы* – рус., *канчен тус* – хант.), конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–7 – днища туссов бытового (?) назначения без орнамента

Рис. 3.33. Предметы быта. Посуда из бересты – тусса (*коробы* – рус., *канчен тус* – хант.), конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–6 – днища туссов бытового (?) назначения без орнамента

Рис. 3.34. Предметы быта. Посуда из бересты, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–4 – элементы нашивного орнамента; 5–8 – плетеные кольца – детали (?) берестяных изделий (посуды); 9–12 – мотки лыка для изготовления берестяной посуды

Рис. 3.35. Предметы быта. Посуда из бересты – туеса (коробы – рус.) русского производства, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – туес бытовой с штампованным орнаментом; – днища бытовых туесов; 5, 6, 9 – крышки бытовых туесов

Рис. 3.36. Предметы быта. Приспособления для очистки чешуи «рыбочистки», конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–9 – «рыбочистки» из лопатки северного оленя; 10–11 – «рыбочистки» из дерева

Рис. 3.37. Предметы быта, интерьера и домашнего обихода, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–5 – фрагменты плетеных травяных циновок, сшитых из прямых полос

Рис. 3.38. Предметы быта, интерьера и домашнего обихода, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – круглая циновка из полосы плетеной травы; 2 – условия нахождения круглой циновки (1): участок Ф/15-16 ур. 20.52 – северо-западная галерея постройки № 3 оборонительно жилого комплекса; 3 – циновка из пучков травы – условия нахождения: участок Ф/17 ур. 20.52 – северо-западная галерея постройки № 3 оборонительно жилого комплекса,

Рис. 3.39. Предметы быта – конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1-4 – деревянные лопаты для уборки снега, вероятно, могли применяться при охотничьем промысле; 5-6 – кресала.

Рис. 3.40. Предметы быта, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–4 – фрагмент детской колыбели из бересты; 5–6 – гребни из конского копыта (?) импортного производства; 7 – детская колыбель из бересты, аналогичная найденным на р. Казым, юрты Ай-хар-сангхум, вторая пол. XX века. Фото автора, 1994 г.

Рис. 3.41. Предметы быта, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–13 – фрагменты и мотки пеньковых или льковых веревок, импортного производства (?)

Рис. 3.42. Предметы быта, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–12 – фрагменты и мотки пеньковых или лыковых веревок импортного производства (?)

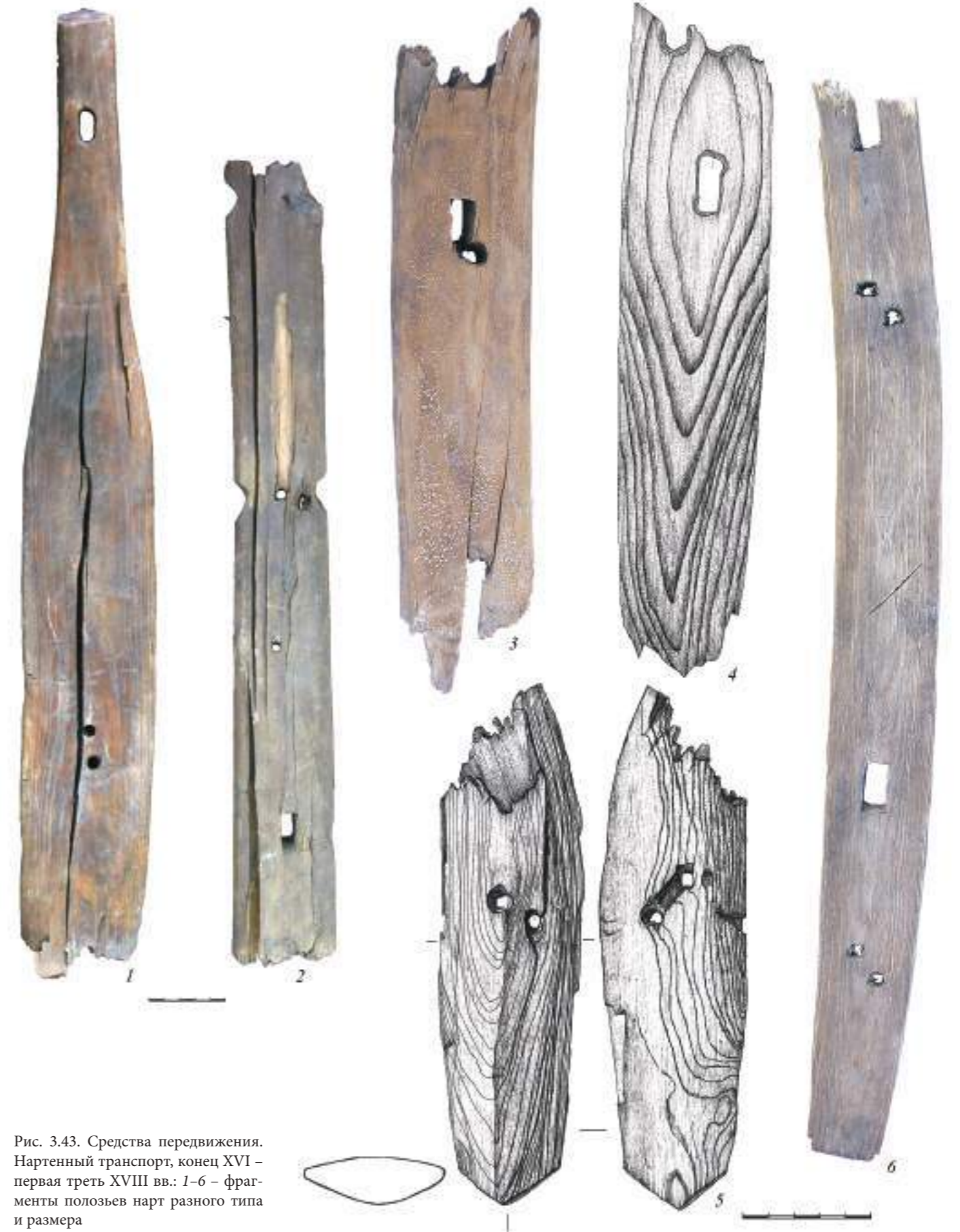

Рис. 3.43. Средства передвижения. Нартовый транспорт, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–6 – фрагменты полозьев нартов разного типа и размера

Рис. 3.44. Средства передвижения. Нартовый транспорт, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–6 – целые изделия и фрагменты копыльев от таежного варианта косокопыльных собачьих нарт – *амп аут* (ханг.) разного размера

Рис. 3.45. Средства передвижения. Нартовый транспорт, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–3 – фрагменты копыльев от тундрового варианта косокопыльных нарт «оленьих» разного размера; 4–6 – деревянные блоки крепления косокопыльных нарт тундрового варианта «оленьих»; 7 – заготовка блока крепления нарты (рог северного оленя)

Рис. 3.46. Средства передвижения. Нартенный транспорт – детали недоуздка оленьей упряжи и предметы оленеводства из рога северного оленя, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – заготовка налобной пластины; 2–4 – фрагменты налобных пластин; 5 – блок – застежка недоуздка (пясик); 6 – блок (?) из таранной кости северного оленя; 7–12 – блоки для аркана (?) – тынзян (нен.), возможные варианты использования – блок нарты небольшого размера, блок крепления ножен к поясному ремню; 13–17 – нащечные пластины, 18 – заготовка нащечной пластины

Рис. 3.47. Средства передвижения. Сухопутный транспорт, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–2 – фрагменты лыж – голиц из дерева; 3–4 – изделия из рога северного оленя, предположительно ограничители передвижения для оленя — аналогичные по функции нгали (нен.) или сапт-юх (хант.), не исключено, что могли использоваться для собак; 5 – лайка с ограничителем движения сапт-юх (хант.) – в период отела оленей (пример применения изделий) – р. Казым, юрты Ай-хар-сангхум, 2 пол. XX века. Фото автора, 1994 г.

Рис. 3.48. Средства передвижения. Водный транспорт. Детали и фрагменты русских судов, середина XVII века: 1 – фрагменты досок бортового набора барки (дощаника) прошитые нагелями, использованные при строительстве наружной стены постройки № 1 оборонительно-жилого комплекса (уч. X–Ч/22 ур. 20.80–21.40); 2 – фрагменты досок бортового набора прошитые нагелями, использованные при строительстве пола галереи постройки № 1 оборонительно-жилого комплекса (уч. III–Ш/24–27 ур. 20.80–21.00); 3 – изображение барки на р. Обь [Sommer S. 1885. С. 139], хорошо виден принцип нагельного крепления досок бортового набора; 4 – фрагменты доски бортового набора, прошитой нагелями, использованной при строительстве основания наружной стены постройки № 3 оборонительно-жилого комплекса (уч. X/15–16 ур. 20.60–20.90); 5 – фрагмент доски бортового набора коча, прошитой ивовыми прутьями, пространство постройки № 3 оборонительно-жилого комплекса (уч. С/15–16 ур. 20.60); 6–13 – скобы железные судовые от русских судов – кочей, дощаников (?)

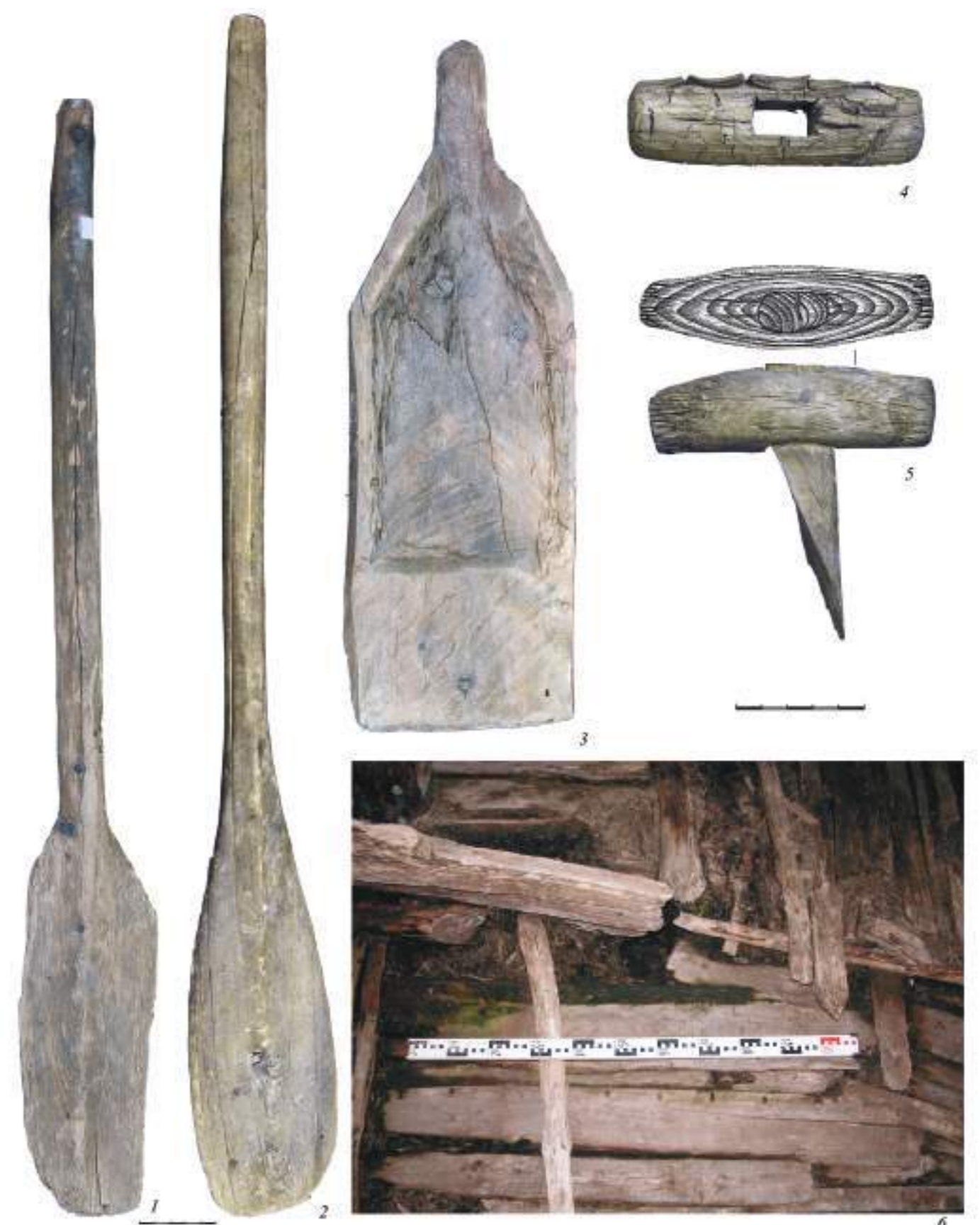

Рис. 3.49. Средства передвижения. Водный транспорт. Детали и фрагменты малых лодок, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–2 – гребные весла лодок типа обласа; 3 – фрагмент заготовки рулевого (?) весла; 4–5 – поперечные рукояти-навершия весел для лодок из цельного ствола дерева; 6 – условия нахождения фрагмента нашивного борта лодки (обласа), использованной в качестве настила пола галереи постройки № 1 оборонительно-жилого комплекса (уч. Ч–Ш /23–24 ур. 21.40–21.45)

Рис. 3.50. Средства передвижения. Водный транспорт. Детали и фрагменты малых лодок, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – условия нахождения фрагмента нашивного борта лодки (обласа), использованной в качестве настила пола центрального помещения постройки № 1 оборонительно-жилого комплекса (уч. X–Ц /25 ур. 21.40); 2–3 – фрагменты корпуса лодки (обласа) с ремонтными пластинами разной формы, пришитые короткими параллельными стяжками; 4–6 – распорки-перекладины лодок из цельного ствола дерева; 7 – фрагмент нашивного борта лодки (обласа) из цельного ствола дерева

Рис. 3.51. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Объемные антропоморфные изображения из дерева, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – условия нахождения женской антропоморфной скульптурки в восточном углу постройки № 3 поселения (уч. М /42, ур. 20.60); 2 – скульптурное изображение женской фигуры из постройки № 3; 3–18 – деревянные изображения с антропоморфным ликом – *седаи* (нен.); 5–18 – деревянные антропоморфные изображения – бюсты и скульптуры

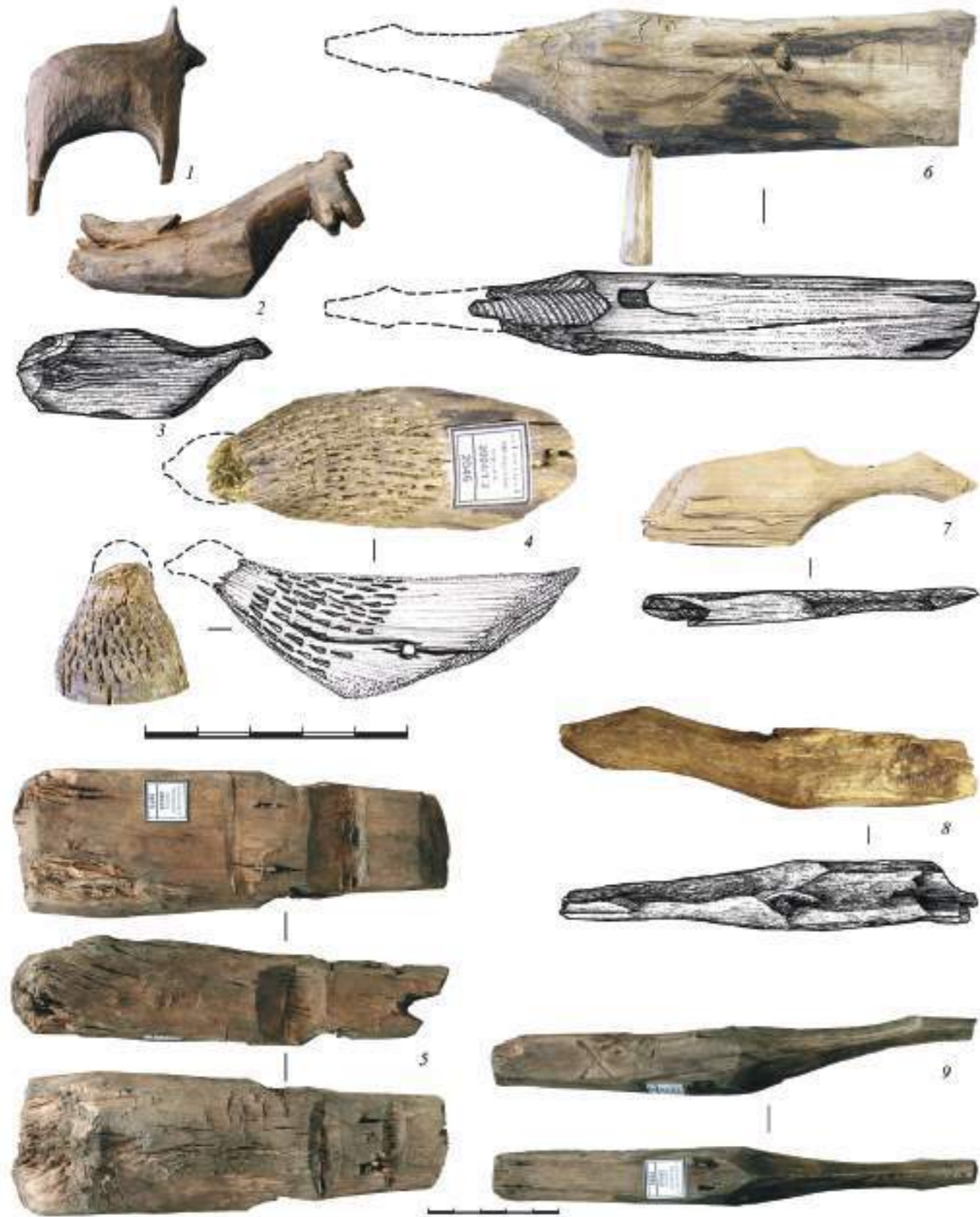

Рис. 3.52. Культурные предметы и принадлежности ритуалов. Зооморфные скульптуры из дерева, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – изображение зайца (?); 2 – изображение лошади с седлом; 3 – изображение животного неопределенного вида; 4 – изображение птицы, предположительно утки приводящей духов (?) – помощника шамана; 5 – изображение медведя, вероятно помощника шамана; 6–9 – изображения оленей

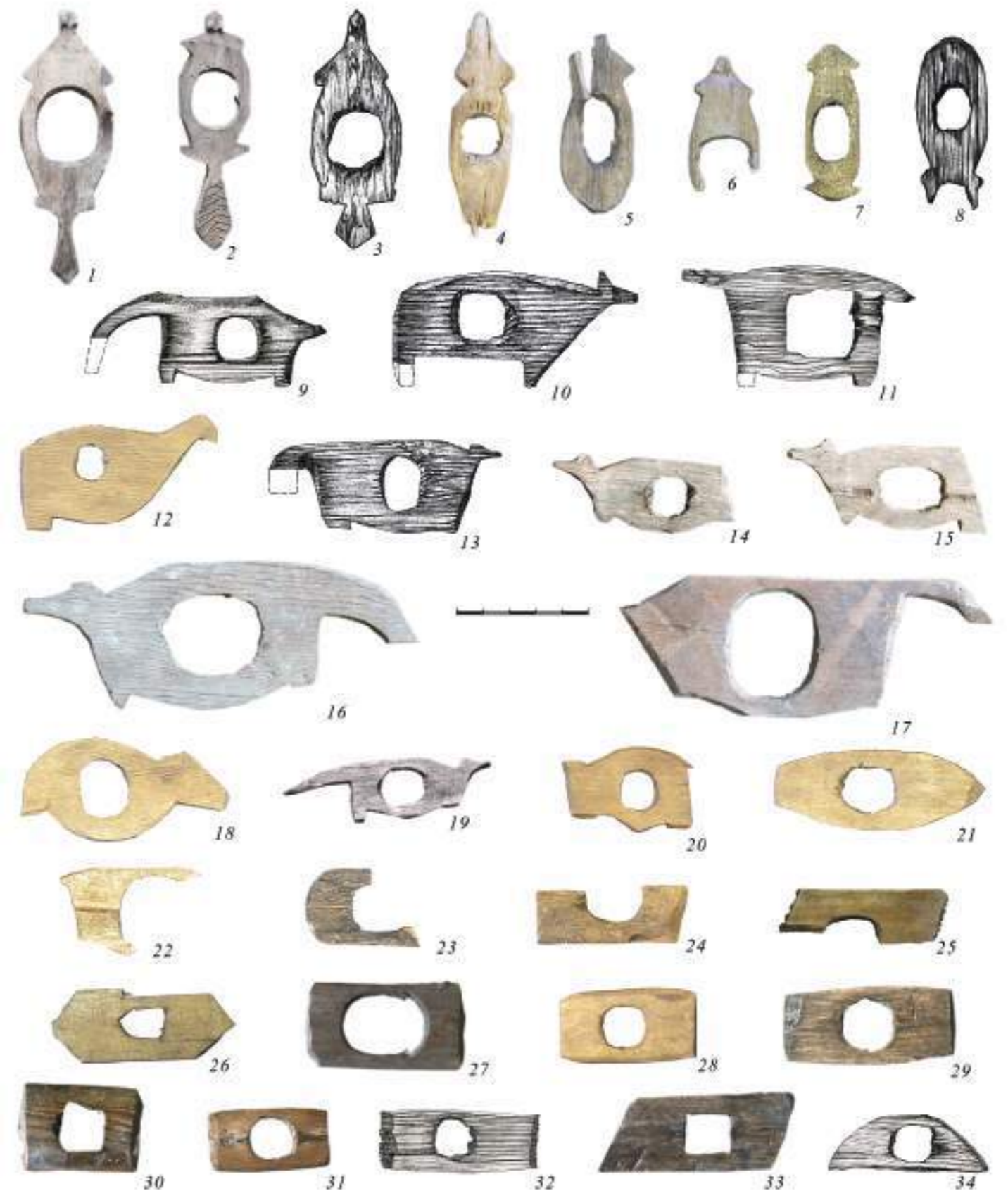

Рис. 3.53. Культурные предметы и принадлежности ритуалов. Тось-чер-вой – фигуры животных и предметов, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–34 – деревянные фигуры тось-чер-вой, найденные в разных частях городка: 1–3 – фигуры бобров; 4–7 – фигуры выдры (?); 8 – фигура неопределимой формы; 9 – фигура птицы – куропатки; 10–21 – целые изображения и фрагменты фигур животных (песец, лисица, северный олень и др.); 22–34 – фигуры предметов (лодка, оселок ?) или стилизованные изображения животных

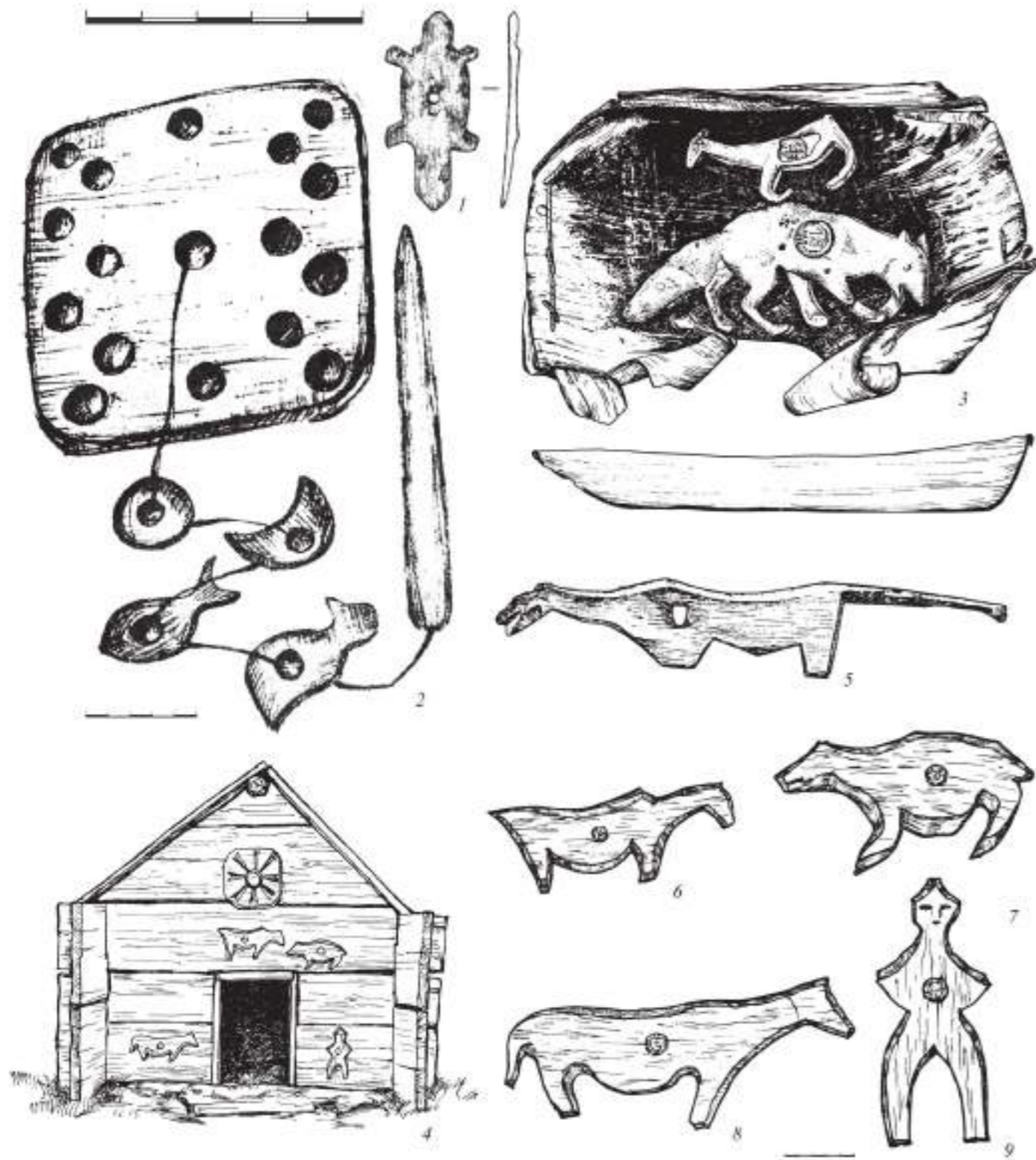

Рис. 3.54. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Фигуры животных и предметов, аналогичные изображениям тось-чер-вой разных хронологических периодов: 1 – оловянное изображение бобра из погребения жреца (шамана) могильник Берендеев Бор 2 (р. Тым, рубеж XVII – XVIII вв.) [Боброва и др., 2002. С. 114; рис. 4–9]; 2 – современный набор фигур тось-чер-вой [Зенько-Немчинова, Сибирские лесные ненцы, 2006. С. 163]; 3 – фигуры оленя и волка в берестяном корытце из дома И. Р. Челданова в селе Анеево на р. Северная Сосьва (коллекция МИКНС) [Гемуев, 1990. С. 129–130, рис. 115]; 4 – культовый амбар святилища Шахэл-ойке на р. Налми-хулум (бассейн р. Северная Сосьва) и изображения: 5 – выдра, 6 – лось; 7 – медведь, 8 – собака, 9 – человек [Гемуев, 1990, С. 130–139, рис. 117, 118, 122]

Рис. 3.55. Культовые предметы и принадлежности ритуалов. Фигуры животных, аналогичные изображениям тось-чер-вой разных хронологических периодов: 1–3 – фигурки бобров из рога (поселение Крутик IX–X вв. на Белом озере) [Голубева, 1997. С. 340; рис. 94: 3, 4, Захаров, 2010. С. 95]; 4–5 – фигурки «коньков» из рога (поселения X–XII вв. Боровиково и Кветунь, верховья р. Десна) [Голубева, 1997. С. 340; рис. 94: 5, 6]; 6 – подвеска бронзовая «коньковая» объемная XIII–XIV века (могильника Кинтусовский 4, р. Большой Салым из новых раскопок С. Ю. Пархимовича); 7 – деревянная фигурка «коня» (русские поселения XVI–XVIII веков на о. Шпицберген, исследование М. Э. Ясински) [Ясински, Овсянников, Пустозерск, 2003. С. 39–40, рис. 30, 32,]; 8–15 – подвески бронзовые объемные и плоские в виде «коньков» и птиц (восточно-европейские поселения X–XIV вв. – Озерово, Леващица, Белогууровское, Кривец, Шагенин лес) [Голубева, 1997. С. 341–342; рис. 95: 1, 5, 6, 10; рис. 96: 3, 4]

Рис. 3.56. Культовые предметы и принадлежности ритуалов, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–4 – фрагменты посохов свята; 5–8 – деревянные дощечки для ритуального окуривания бобровой струей помещений, людей и предметов; 9 – берестяной кошель для посода

Рис. 3.57. Игрушки и игры. Модели предметов вооружения, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–16 – фрагменты изделий и целые деревянные модели сабель и палашей регионального и импортного производства

Рис. 3.58. Игрушки и игры. Модели предметов вооружения и бытовых орудий, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1 – заготовка топора из рога северного оленя; 2, 3, 5, 6 – модели боевых (?) топоров из рога северного оленя с монтируемой отдельно рукоятью; 4 – деревянная модель топора с монтируемой отдельно рукоятью; 7 – деревянная модель топора с рукоятью; 8 – костяная модель топора (?); 9–13 – деревянные модели бытовых ножей разного типа; 14 – деревянная модель молотка (?); 15 – деревянная модель резца для круглых отверстий; 16 – деревянная модель четырехгранного напильника

Рис. 3.59. Игрушки и игры. Модели предметов охотничьего вооружения, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–8 – деревянные модели луков; 9–19 – фрагменты и целые экземпляры деревянных моделей стрел с наконечниками разных типов; 20 – деревянная модель наконечника копья

Рис. 3.60. Игрушки и игры. Модели средств передвижения изготавливаемых для игр мальчиков или ритуальных целей, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–6 – детали деревянных моделей нарты – копылья; 7–10 – фрагменты и целые детали деревянных нарты – полосья; 11–12 – детали деревянных нарты – борта нартовой корзины; 13 – ненецкое святилище к юго-западу от оз. Ямбуто, п-ов Ямал; 13а – фрагмент деревянной модели нарты у подножия священной сопки. Фото автора, 2006 г.

Рис. 3.61. Игрушки и игры. Модели средств передвижения, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1–22 – детали деревянных моделей нарты и ящиков – имитаций изготавливаемых для игр девочек; 23 – деревянная модель лодки

Рис. 3.62. Игрушки и игры. Модели средств передвижения, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1-7 – деревянные диски для игры с юлой «Корки», или «Шин»; 8-11 – деревянные изделия биконической формы для игры с юлой «Корки», или «Шин»; 8 – набор деревянных палочек для игры «Сохэль-юх»; 12-13 – предположительно набор игры в кости «зернь костарная»: деревянный стакан и кубик из кости первая треть XVII века (постройка № 1 оборонительно-жилого комплекса); 15 – копейка царя Михаила Федоровича Романова 1613-1645 гг. из слоя первой трети XVII века (постройка № 1 оборонительно-жилого комплекса)

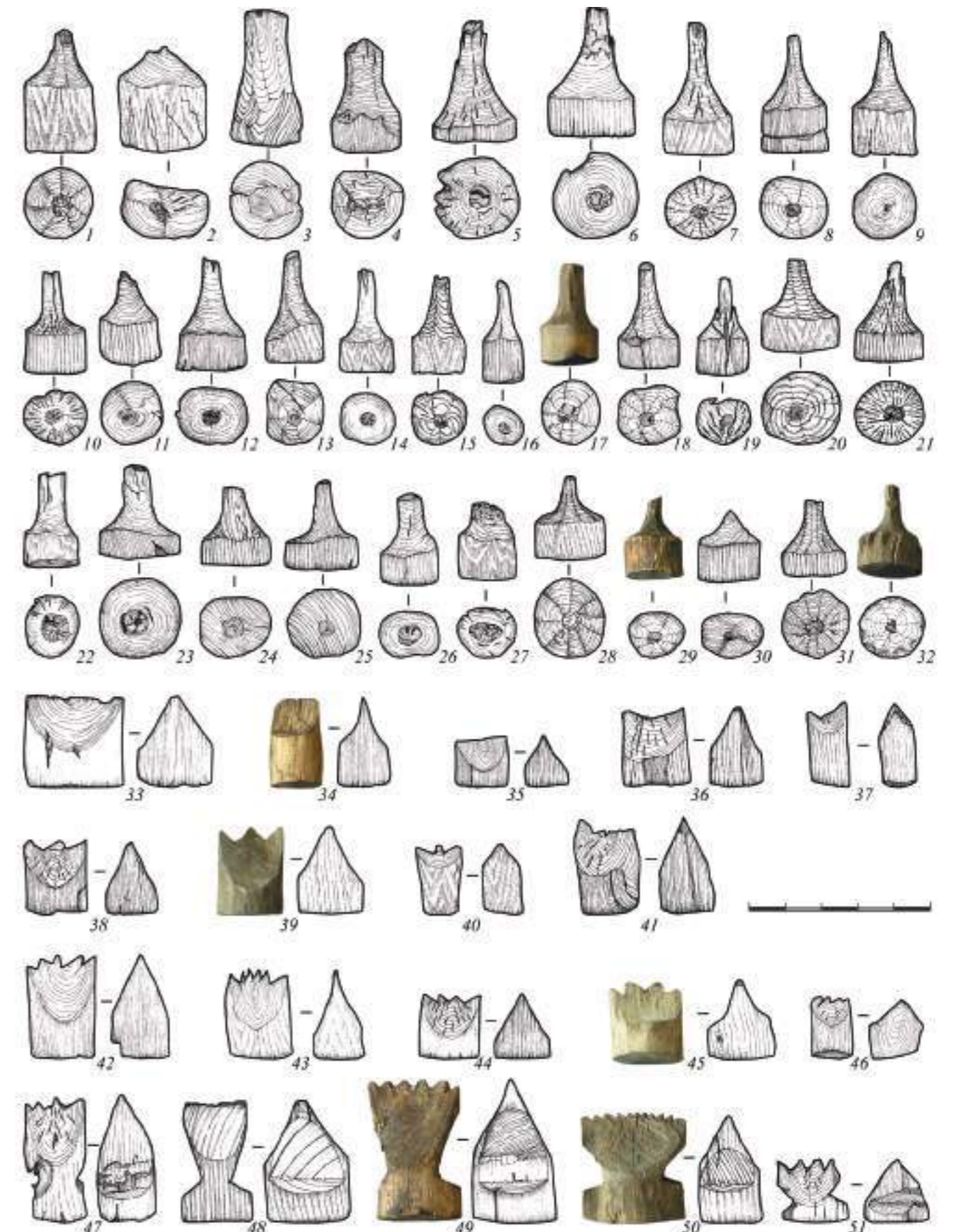

Рис. 3.63. Игрушки и игры. Настольные игры, конец XVI – первая треть XVIII вв.: 1-51 – деревянные фигуры для игры в шашки («дамы») – тепек (хант.)

Таблица 1

ТИП	ПОДТИП				
	1	2	3	4	5
I					
II					
III					

Таблица 2

I	II	III	IV	V
A 6 17x9 - 26x18	A 4 21x8 - 24x16	A AO 4 10x10 - 20x15	A AO 1 21x(18x14)	AO 2 23x24, 20x13
Б 1 15x12	Б 1 24x28	Б AO 1 25x12	Б AO 1 21x21	
	В 1 23x12	В 3 AO 2 20x10 21x11	В AO 1 21x21	
		Г 2 CO 1 29x12	Г AO 1 26x14	
		Д CO 1 25x17	Д AO 1 20x18	

Таблица 3

I(простые)			II(усложненные)				III(сложные)			
1	2	3	1А	1Б	2	3	4	1	2	3
 АО СО 120+2	 АО 2	 АО 3	 АО 56	 АО 1	 АО 5	 АО 8	 АО 1	 СО 1	 АО 1	 АО 1
14x6 54x22	15x15 34x17	15x15 23x15	20x9 51x23	26x12	25x12 30x16	18x9 54x27	37x17	24x18	19x14	20x13

Рис. 3.64. Игрушки и игры. Настольные игры, конец XVI – первая треть XVIII вв. Типологические таблицы фигур для настольной игры в шашки («дамы») – тепек (хант.): табл. 1 – Полуийский городок, типологическая таблица фигур; табл. 2 – Алазейский и Стадучинский остроги, типологическая таблица фигур третьей группы; табл. 3 – Алазейский и Стадучинский остроги, типологическая таблица первой группы фигур – пешки и пешковидные [Алексеев, 1996. С. 40–41, табл. 52–54]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день стационарно исследовавшиеся нами *Полуйский мысовой городок* в низовьях Оби и одновременный ему Надымский на соседней реке Надым являются опорными археологическими памятниками для характеристики культуры коренных народов Крайнего Севера Западной Сибири конца XVI – первой трети XVIII веков.

Охранные археологические раскопки 2004–2005 годов, проведенные на территории известной многослойной стоянки Салехард 1 в черте города Салехарда, позволили обнаружить и выделить среди ее культурных горизонтов остатки легендарного городка на Обдорском холме. На основании комплексного анализа археологических, историко-архивных, фольклорных, этнографических и других материалов, мы идентифицировали последний объект как остяцкий (хантыйский) городок *Пулинг-аут-вош*, известный у самоеди (ненцев) под названием *Сале-хард* – «*Мысовой городок*». Последний являлся резиденцией вождей Обдорского княжества, предков известного рода князей Тайшиных, возглавлявших Обдорскую волость Березовского уезда более трехсот лет, до 20-х годов прошлого столетия.

Особо следует отметить, что в результате этих раскопок мы исследовали исторический населенный пункт, от которого началась история современного многонационального города Салехарда, равно как история первых опытов постоянного взаимодействия аборигенного и пришлого русского населения в приустьевой части Оби.

В настоящем монографическом исследовании мы представили и проанализировали практически все доступные на данный момент документальные, картографические, археологические и палеоэкологические источники, полученные в результате комплексного изучения *Полуйского мысового городка*.

Благодаря раскопкам и архивным изысканиям нами собран целый массив информации об архитектуре, хозяйстве, материальной и отчасти – духовной – культуре жителей данного населенного пункта. Кроме того, были получены исторические сведения о периоде вхождения Обдории в состав Московского государства и Российской империи в обозначенный выше период. Часть материальных остатков была использована для характеристики отдельных аспектов взаимодействия аборигенного населения Нижнего Приобья и русских первопроходцев в Сибири, и в целом – для воссоздания исторического прошлого не только коренных народов Нижней Оби, но и предков современного русского населения данного региона.

При этом мы отдаем себе отчет в том, что пока еще не все из представленных нами аналитических выводов и реконструкций являются бесспорными, как говорят, «истиной в последней инстанции». Некоторые из них можно назвать размышлениями, не претендующими на статус безапелляционных суждений. С этой точки зрения надо воспринимать приведенные ниже итоги наших исследований и нерешенные проблемы.

Подведение итогов начнем с характеристики общего вида *Полуйского мысового городка*, его планировочной структуры и архитектуры. При этом отметим одно важное обстоятельство, усиливающее степень вероятности наших реконструкций. В результате раскопок этого памятника, остатки которого находились в условиях вечной мерзлоты, мы сейчас располагаем уникально сохранившимся комплексом деревянных конструкций, относящихся к оборонительно-жилым объектам, домам и другим сооружениям. После этого на основании анализа исторических данных, а также археологических находок, прекрасно сохранившихся в мерзлотном грунте, рассмотрим этническую и социальную структуру жителей поселка, их быт и основные занятия. Затем обозначим время основания городка, периодичность его функционирования, а также общий исторический фон, на котором он развивался. В заключительной части будет сделан вывод об основной функции данного поселения.

Планировочная структура и архитектура городка. Участок коренного берега реки Полуй, на котором располагался исследованный населенный пункт, по данным наших раскопок и картографических

материалов начала XIX века, имел вид узкого мысовидного выступа – «отрога», размерами 90×50 м, вытянутого по оси северо-запад – юго-восток. С террасой он смыкался узкой, около 25 м, перемычкой-проходом. В северо-западной части мыса находился оборонительно-жилой комплекс городка, состоявший из четырех соединенных между собой жилых домов. Строения располагались друг напротив друга и небольшими крытыми переходами соединялись с центральным коридором. Комплекс имел единое перекрытие и стены, заложенные дерном. Размер внутреннего пространства составлял 20×18 м, наружного – 25×23 м. Высота сооружения была от 2 до 3 м.

Дома оборонительно-жилого комплекса городка реконструируются как строения каркасно-столбовой конструкции. Каждая из четырех построек представляла собой своеобразный квартал. Жилище размещалось в котловане, глубина которого составляла 0,5–0,7 м. Постройки прямоугольной в плане формы, размером 8×8 м. Их коридорообразные выходы, примыкавшие к фасаду здания, вели в разделяющий их общий проход-коридор. Из последнего можно было выйти за пределы всего оборонительно-жилого комплекса городка.

Архитектура построек данного комплекса имеет массу архаичных черт, известных по раскопкам более ранних средневековых жилищ Нижнего и Среднего Приобья. Технологический прием формирования стен жилищ довольно архаичен. Население, хранившее и использовавшее такую технологию древнего домостроительства, возможно, желало таким образом подчеркнуть свою связь с исконными жителями таежного Приобья. Последнее, в свою очередь, могло определять историческое право носителей данных домостроительных традиций на властные функции общинных вождей. Косвенно на особый статус обитателей *Полуйского мысового городка* указывают и размеры построек. Для сравнения, дома князей Тайшиных XIX века практически в четыре раза больше по площади жилищ простых общинников. Размеры дома вождя, довольно большого и просторного, по местным меркам, очевидно, определялись не только количеством домочадцев и прислуги главы семьи. Наличие у главы городка и Обдорской волости большого дома преследовало, скорее всего, престижные и общественные цели. Оно соответствовало довольно высокому положению крещеного остяцкого князя в местной российской иерархии. Кроме того, большое здание периодически использовалось в качестве общественного помещения – для приема гостей, официальных лиц, проведения собраний, ритуалов и праздников, предполагавших присутствие довольно большого числа людей, в том числе из среды рядовых общинников. Эти же функции можно предполагать у строений *Полуйского мысового городка*.

Его оборонительно-жилой комплекс – подпрямоугольный в плане, с наземной частью в виде низкой бревенчатой усеченной пирамиды, покрытой дерном. Снаружи он выглядел как вытянутая, заросшая мохом и травой сопка, расположенная на краю мыса. С трех сторон сооружение было защищено естественной преградой – крутым откосом. Валообразная насыпь по периметру сооружения, скорее всего, продолжала естественный склон и увеличивала его протяженность. Следов рва с напольной стороны городка не обнаружено. Такой оборонительно-жилой комплекс нельзя охарактеризовать как мощное фортификационное сооружение. По всей видимости, необходимость в его серьезной защите отсутствовала.

Практически вплотную к юго-восточной стене городка примыкал своеобразный неукрепленный посад с хаотично расположенными строениями. Всего в его пределах – полностью или частично – нами было вскрыто 11 таких объектов. Исходя из общей площади распространения культурного слоя (около 1,5 тыс. кв. м), внешнее поселение размещалось на площадке размером около 30×50 м. При этом жилища занимали только часть этого пространства – участок 25×25 м. Размеры домов на посаде в основании не превышали 2,5×2,5 м. Всего их здесь могло быть от 15 до 20. По-видимому, здесь проживало рядовое население общины.

Все жилища посада были стационарными и долговременными. По конструкции они относятся к строениям с наземной частью кубической формы и подразделяются на два типа. Первый: дома-полуземлянки из бревен и жердей с котлованом глубиной 0,5–0,6 м. Второй: наземные дома со стенами, сооруженными из досок или бревен. Начиная с конца XVI века, важной чертой посадских построек является отсутствие центральных открытых очагов и наличие каминов-чувалов, расположенных у одной из стен помещения. В то же время в домах оборонительно-жилого комплекса, принадлежность которого связывается с вождем Обдорского княжества и его семьей, продолжали сооружаться только очаги, расположенные в центре помещения.

Выявленная двухчастная структура городка, на наш взгляд, является материальным отражением социальной дифференциации населения, существовавшей в тот период в местном обществе. Кроме того, значительные различия в архитектуре зданий, скорее всего, являются следствием этнической неоднородности жителей поселка.

На южной оконечности мыса – к югу от крайних строений посада, находилась *площадка, сформированная из слоя щепы*. На ней обнаружено большое количество голов северного оленя. Вероятно, *данное место имело ритуальное назначение*.

Хозяйство и быт населения городка. Для археолога важнейшим источником, отражающим деятельность людей прошлого и даже отдельные события из их жизни, вслед за остатками поселений, жилищ, могильников, различных архитектурных сооружений, являются вещи – так называемые *артефакты*. На третье место в этом списке можно условно поставить найденные при раскопках различные органические остатки, связанные с жизнедеятельностью человека, прежде всего, остеологические материалы – кости животных, рыб и птиц.

В данной книге проанализированы предметы вещевого комплекса Полуйского городка конца XVI – начала XVIII веков. Всего за два полевых сезона 2004–2005 годов их найдено около 2,5 тысяч (прил. 3). В первую очередь, это изделия, органических материалов – дерева, кости, кожи и тканей, которые были изготовлены в основном населением самого городка. Меньшую часть коллекции составляют предметы из камня и металлов. В большинстве своем это целые вещи либо их фрагменты, позволяющие достоверно воспроизвести общую форму предмета. Количество найденных при раскопках артефактов, на первый взгляд, сравнительно невелико. Вместе с тем, данные предметы довольно разнообразны и составляют около 170 категорий. Это было вполне достаточно для проведения общего анализа материальной культуры жителей городка, реконструкции их быта и занятий. Хотя отдельные виды хозяйственной деятельности реконструировать весьма проблематично, так как они представлены только одним–двумя артефактами.

Много интересной информации для размышления дает сравнительный анализ категорий предметов и материалов, из которых они изготовлены. Большинство вещей в нашей коллекции (около 65%) составляют изделия из дерева. Предметов из кости и камня значительно меньше: соответственно, 14% и 3%. Изделия, выполненные из основных природных материалов, преобладают и отражают «ординарный режим» бытовой жизнедеятельности населения поселка. Найденные нами предметы из ткани и кожи немногочисленные (14%) и, скорее всего, импортные. Меньше всего в коллекции металлических изделий – около 4%.

Судя по малому числу уникальных и дорогих находок, жители старались не хранить в городке ценные вещи. Например, парадную и ритуальную богато декорированную одежду. В связи с этим, можно предположить, что они не устраивали здесь каких-либо пышных церемоний, в том числе свадебных. Либо же хранили свои ценные вещи в потаенных местах (как в городке, так и за его пределами), обнаружить которые нам не удалось. Долгое время в Полуйском городке не хранили и не утилизировали большие медные котлы. Для приготовления пищи постоянно использовались более мелкие металлические емкости – медные котелки. Традиционная местная керамическая посуда – горшки и котлы из глины – полностью исчезла. Частично она была заменена русской керамикой.

Отсутствие или малое количество дорогих и престижных вещей в составе наших находок может объясняться тем, что Полуйский мысовый городок мог длительное время пустовать или находится без надлежащего присмотра. Последнее вынуждало его хозяев хранить особо ценные вещи в более безопасном месте, например, в зимнем поселении.

Малочисленность изделий из импортных материалов (сукна, телячьей кожи, металлы), вероятнее всего, отражает низкую активность жителей поселка в охотничье-промысловой деятельности, а также в бытовой ремесленной и торгово-обменной. Доля импортных предметов среди полуйских находок невелика – 17–18% от общего их количества. Для сравнения: доля импортных предметов, причем, более разнообразных категорий, в вещевом комплексе городка «Бухта Находка» XIII–XIV веков, составляет порядка 30% [Кардаш, 2010. С. 38–41].

Вместе с тем, большое количество бытовых предметов, в частности различной металлической посуды, свидетельствует об активной деятельности, связанной с приготовлением, хранением и употреблением пищи. Более того, эта тривиальная – бытовая – сфера жизни, связанная с приготовлением и употреблением пищи, представляется нам приоритетной. Последнее можно объяснить большой долей готовых продуктов и полуфабрикатов (рыбы, мяса) в рационе жителей городка, прежде всего, его укрепленной части. Это было обусловлено тем, что элита поселка, включая семью князя и его приближенных, не занималась активной охотничье-промысловой, тем более ремесленной и в целом производственной деятельностью, находясь на

содержании всей общины. Эта практика была широко распространена в средневековье среди обских угров и хорошо известна по книге С. К. Патканова, написанной на основании остяцких былин, героических сказаний и археологических обследований древних городков бассейна Конды и Нижнего Прииртышья [Патканов, 1981а; 1981б]. Судя собранным на городище остаткам, религиозная и обрядовая деятельность, также не были основной сферой занятий элитного населения городка. Но так ли это было на самом деле, рассмотрим ниже.

Нет сомнения, что за все время существования *Полуйского мысового городка*, структура деятельности его обитателей, включая элиту общины, не изменилась. Скорее всего, наоборот: она менялась и довольно существенно, в зависимости от общеисторического фона. Прежде всего, в условиях активного освоения русским населением Западной Сибири, в том числе ее северных окраин. Тем не менее, в археологическом материале нашего памятника крайне сложно найти эти изменения. Вместе с тем общее впечатление от всего изученного нами массива источников, а также отдельные косвенные факты, позволяют высказать следующие предположения о роли элиты местного общества – вождя и его приближенных – в жизни общины и всей Обдорской волости. Князь, в соответствии со своими властными полномочиями, лично и через своих представителей, проживавших в «столичном» Полуйском городке, *теоретически* руководил всей основной деятельностью общины – промысловой, производственной, хозяйственной, но не конкретными ее проявлениями. Повидимому, он также осуществлял общий контроль в общинах и торговых операциях с проезжающими по Оби и Полуе мимо городка торговцами и промышленниками. Позднее на князя были возложены функции взаимодействия с представителями русской администрации, в том числе в качестве главного мытаря – сборщика налогов. Тем не менее, сам он и его ближайшее окружение практически не участвовали в конкретных видах промысловой и хозяйственной деятельности.

Чем же конкретно занималась семья вождя в весенне-летний период, причем в месте, которое нельзя сказать, чтобы изобиловало пищевыми ресурсами? Ведь городок существовал в течение длительного времени, а дом вождя радикально перестраивался. Следовательно, данный населенный пункт имел очень большое значение. Вместе с тем, как уже упоминалось ранее, судя по остаткам костюмов, которые были довольно аскетичными, и довольно скромным предметам домашнего обихода, каких либо ритуальных празднеств в самом городке не совершалось. Промысловая и ремесленная деятельность также были здесь не слишком активны. Ведь вождь, его семья и ближайшие родственники, скорее всего, находились на иждивении общины.

Какие же такие особо значимые властные функции мог выполнять князь и его приближенные, что община Обдорской волости, рассредоточенная во время летнего промысла на огромных территориях лесотундры и тундры – от предгорий Полярного Урала до южного Ямала, тем не менее, тратила силы и время на их содержание. В качестве первой и особо важной следует предположить их религиозную деятельность. Вплоть до начала XX века князья Тайшины, судя по полученной у их потомков информации, перед летним рыболовным промыслом осуществляли религиозно-магический обряд начала лова, который должен был обеспечить удачу всем общинникам. Считаю вполне вероятным, что такая миссия могла выполняться вождями общины Обдорской волости и перед другими видами сезонных промыслов. Местом проведения такого ритуала могло служить святилище на Ангальском мысу, близ которого и был построен *Полуйский мысовой городок*. О большом значении Ангальского мыса для жителей Обдорской волости свидетельствует факт ежегодных сборов семи основных родов на единый общинный праздник длившийся в течении сем дней, по числу родов, на священном месте Ангальского мыса, где в рамках праздника осуществлялись религиозные обряды у священного дерева и изображений божеств [Бартенев, 1896. С. 98].

Тем не менее, промысловую деятельность общинное население вело и ранее, а вот городок близ Ангальского мыса построили только на рубеже XVI–XVII веков. Второй и, по-видимому, ключевой функцией следует назвать сбор пушнины: для собственных нужд и уплаты ясака русским. Фактов в пользу этого немного, но все же они имеются. Это надпись на листе 116 «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова у значка соответствующего населенного пункта: «г.[ородок] Гындин – собирают ясак» [The Atlas of Siberia..., 1958. С. 116]. Вероятно, эта запись была посвящена не миссии русских ясачных сборщиков, а «ведомству» князя Обдорской волости. Второй факт: это строительство в 1731 году Обдорского острога – пункта ясачного сбора близ места расположения *Пуллинг-авот-вош* (Полуйского мысового городка), что вряд ли могло быть случайным.

Дополнительные данные о быте и хозяйстве рядового населения Полуйского городка дал анализ остеологических материалов. Главенствующую роль среди отраслей хозяйства занимало рыболовство, обеспечивав-

шее жителей всего поселения постоянной едой. На втором месте по добыче пищи стоял охотничий промысел. Большое значение, вероятно, имел сбор даров природы – ягод. В целом было установлено, что жители поселка активно использовали местные биоресурсы. В том числе: диких копытных животных (северный олень, лось), водоплавающую и боровую дичь (гуси, утки, глухари, куропатки и другие птицы), все основные виды обских рыб, имеющих пищевую ценность (осетр, стерлядь, нельма, муксун, щокур, сиг, окунь, щука, налим, язь, карась, ерш, чебак), некоторые из дикоросов (морозка, водяника, брусника, княженика, княженика, малина, черемуха, кедр). При этом основным промысловым животным был северный олень, а добываемой на охоте птицей – белая куропатка. Судя по найденным костям, в качестве пищи использовалось мясо всех диких животных (заяц-беляк, белка, лиса, волк, бурый медведь, россомаха, песец, бобр, соболь, горностай), включая, как мы видим, пушных и даже морских (кит-белуха, гренландский кит, нерпа кольчатая, морж). Некоторые виды птиц (ворон, серая ворона, сорока, орла белохвост, белая сова, чайка) отлавливались, вероятно, в основном или только для проведения каких-то культовых обрядов. Дикоросы, вероятно, они играли незначительную вспомогательную роль в питании людей. Кроме того, *Полуйский мысовой городок*, наряду с Надымским, и, в первую очередь, с русской Мангазеей, входил в число самых северных поселений XVII в., где обнаружены кости домашних животных – крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, а также кур. Разводили или нет домашний скот в *Полуйском мысовом городке*, сказать трудно. Вероятнее всего, его завозили сюда русские. Для охраны поселения и на охоте использовали собак. Их кости обнаружены не только в Мангазее, Полуйском и Надымском городках, но и на ряде археологических памятников раннего железного века и средневековья таежного Приобья. В том числе в материалах соседнего Усть-Полуйского святилища начала железного века. Детально все отрасли и виды хозяйственной деятельности рядовых общинников Полуйского мысового городка отражены в материалах наших ученых коллег – биологов (прил. 4.1–4.3).

Периодичность использования городка. Судя по типам исследованных нами построек, *Полуйский мысовой городок* можно охарактеризовать как зимний. Между тем, по данным естественных наук, он использовался круглогодично, причем особенно интенсивно в весенне-летнее время (прил. 4.2).

Вместе с тем, стоило ли строить утепленный городок для проживания в нем летом, когда в его домах могло быть сыро и некомфортно, это тоже большой вопрос. Впрочем, для весеннего времени он также был мало приспособлен. Возможно, весенне-летним его статус стал упоминаться из-за прежнего сезонного поселения, на месте которого был основан. Вместе с тем, это не объясняет больших трудозатрат при сооружении городка по типу зимнего поселения. Последняя проблема может быть решена на основе изучения письменных источников.

Из документов известно, что в 1601 году свою первую жалованную грамоту «в Обдорских городках и волостях... ясачных людей ведать и государев ясак собирать» получил от царя Бориса Годунова Мамрук, князя Василия сын [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6887. Л. 162–163; Памят. кн. Тоб. губ. 1884. С. 125]. Василий же, по-видимому, свои права у нового царя официально подтверждать не стал. Таким образом, в волости появились два равноправных князя, официально уполномоченные московскими царями собирать ясак. Представляется вполне вероятным, что именно по этой причине могла быть построена вторая официальная зимняя резиденция для второго князя – Мамрука Васильева, имевшего властные полномочия на ту же самую территорию. Судя по данным дендрохронологического анализа, время нового строительства приходится на первые годы XVII века. На этот период приходится много дат, полученных на основании анализа образцов дерева, собранных, главным образом, на территории построек посада. Лишь в 1607 году, после казни отца Василия, Мамрук стал единовластным официальным правителем Обдорской волости. После этого сезонность функционирования населенного пункта могла измениться. Основные строения городка остались прежними, но некоторые из них продолжали реконструироваться и достраиваться. Возможно, этот городок стал местом, куда обдорские князья отправляли старших сыновей для начала самостоятельной жизни и откуда из них выходили новые общинные вожди.

В целом же, несмотря на многие факты, указывающие на круглогодичное или только зимнее время функционирования данного населенного пункта, следует сделать еще одно важное уточнение. Вероятнее всего, *Полуйский мысовой городок* использовался не постоянно, а с определенной периодичностью. Причем существовали периоды как практически полного, так и частичного отсутствия в нем населения. Кроме исторических источников, в пользу этого свидетельствует периодичность забоев северного оленя, который был основным источником питания жителей городка. К примеру, останки особей животных, убитых в летний период, найдены только на

территории оборонительно-жилого комплекса (прил. 4.2, табл. 4.2.1). Это может являться следствием того, что группа посадского населения на летний период покидала городок. В то время как оставшаяся в нем княжеская семья, «лучшие люди» и прислуга для своего питания – время от времени – использовала животных, оставленных из домашнего стада. Полностью городок также не мог пустовать: без обитателей дома быстро разрушаются – это общеизвестный научный факт. Кроме того, оставленный без присмотра укрепленный центр становился легкой добычей для вражеского окружения. По всей видимости, в городке могла оставаться какая-то часть населения, в том числе его охрана.

Время основания и хронология городка. Некоторые бревна, из которых были построены дома оборонительно-жилого комплекса *Полуйского мысового городка*, сохранили остатки коры, то есть были использованы практически сразу после рубки деревьев. В результате анализа остатков такой древесины по дендрохронологическому методу удалось довольно точно определить дату его основания (прил. 4.4).

Посад городка, состоявший из отдельных жилых объектов, появился на рубеже XVI–XVII веков. В это же время была возведена постройка № 1, относившаяся к оборонительно-жилому комплексу. Судя по ее углубленному котловану, она первоначально могла не иметь дополнительных защитных сооружений. Вероятно, впоследствии именно к ней были пристроены другие дома, образовавшие единый оборонительно-жилой комплекс. Постройки поселения не перестраивались за все время функционирования городка. Большинство из них были построены из лиственницы, что обусловило их долголетие. Радикальной перестройке подверглась лишь постройка № 1 оборонительно-жилого комплекса – два раза за столетие. Последняя ее реконструкция приходится на 60–70-е годы XVII века. Прекращение функционирования городка приходится на первые десятилетия XVIII века.

Время основания *Полуйского мысового городка* совпало с новым периодом колонизации Западной Сибири Московским государством. Вряд ли это случайно. Скорее нет, но эта связь не прямая. По-видимому, на рубеже XVI–XVII веков начался этап интенсивного проникновения русских промышленников и торговцев на Нижнюю Обь. Очевидно, что с этим и был связан новый период государственной колонизации – установления контроля над торговлей и промыслами, сопровождавшийся строительством таможенных застав и городов. Основываясь только на этом, можно предположить, что строительство княжеской резиденции близ устья Оби, в непосредственной близости от пути в русскую Мангазею, открыло для городка широкие возможности в сфере торговли. В действительности, все обстояло не так. Собранный в ходе раскопок *Полуйского мысового городка* вещевой комплекс не отличался широким спектром импортных товаров, скорее, наоборот, он был крайне ограничен.

Стоит подумать: не совпадает ли дата строительства городка с какими-либо конкретными событиями в истории Русского государства? В этой связи можно вспомнить ранее упоминавшийся в царской грамоте карательный поход лета 1596 года отряда из 200 служилых кодских остяков под руководством русского князя Петра Горчакова и кодского князя Игичея Алачева «... на Обдор на государевых же изменников на остяков», в результате которого остяков и самоедов Нижней Оби «.. привели под нашу царскую руку и ясак с них взяли. А которые де остяки и самоядь нам ясаку давать не похотели, и они е тех многих остяков и самоядь, переимав, казнили. А иных ис тех людей, князьков лучших людей, прислали к нам к Москве. ...». Предположительно, что именно во время этой военной операции обдорский вождь-князек (получивший впоследствии христианское имя Василий) и его старшие дети могли находиться в *Полуйском мысовом городке* или в его окрестностях. Следов осады и разорения данного поселка при раскопках нами не обнаружено. Этому есть два объяснения: обдорский князь сдался в плен мирно и сразу же выплатил ясак русским, либо в то время *Полуйского мысового городка* еще не существовало.

Кроме того, служилые кодские остяки, входившие в упомянутый выше отряд, по культуре и образу жизни были близки северным остякам. Они вполне могли использовать жилые строения *Полуйского мысового городка* или другого – зимнего Полуйского для временного проживания во время карательной операции. Что же касается русских сборщиков ясака и служилых казаков, то они однозначно не могли использовать в качестве постоя строения не только Полуйского городка, но и любого другого жилища остяков и самоедов. Причем, по одной весьма простой причине: жуткой антисанитарии поселков аборигенов. Красноречивее всего отношение русского православного человека к традиционному жилищу нижеобских аборигенов передал настоятель Обдорской православной миссии отец Иринарх, в миру – И. С. Шемановский [Прил. 2, *Шемановский, 2005. С. 67–70*]. Последний отмечал в их домах «бьющий в нос» запах человеческих испраж-

нений [Там же. С. 71]. Не более лестное описание остяцкого жилища оставил сподвижник П.-С. Палласа В. Ф. Зуев, побывавший в Нижнем Приобье в 1771 году. Он, так же как И. С. Шемановский, не по рассказам знал быт остяков. В частности, он писал: «В самых их жилищах нет ни какой чистоты и порядку, нет ни какой опрятности и, кажется, нет ни малого к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою справлять должны, будто бы так надо по ихному закону. Сие свинское житие каждому покажется невероятно, однако кто на их жилища хотя издали посмотрит, тот в верности сего описания не усумнится...» [Зуев, 1999. С. 147–148]. Приведенные характеристики жилищ коренного населения Западносибирского Севера находят полное подтверждение в материалах раскопок Полуйского и Надымского городков [Кардаш, 2009]. Культурный слой как в пространстве жилых помещений, так и за их пределами, изобилует человеческими и собачьими фекалиями. Оттаивая, он, после расчистки археологами, издает довольно специфический запах фекалий, мочи, остатков сгнившей пищи и иной органики, замерзших столетия назад. Только позднее и лишь элита общества – обдорские князья Тайшины, в отличие от своих подданных, в течение XVIII века существенно изменили свой быт. На это определенно повлияло принятие христианства, русская культура в целом и необходимость соответствовать своему современному властному статусу.

Следует также упомянуть теоретический вывод историка Е. В. Вершинина, сделанный им на основании собственного анализа документальных источников. Ученый, лично не знакомый с бытом аборигенов Севера, заявил, что «князь Петр Горчаков не стал строить отдельный русский острожек, а занял *Пулинг-аут-воиш* – опустевший остяцкий городок. Он и стал резиденцией березовских сборщиков ясака. И, разумеется, в городке возникли русские жилые и хозяйственные постройки» [Вершинин, 2005а, б. С. 68, С. 37]. На фоне приведенных выше данных такое заключение выглядит, мягко говоря, малообоснованным. К тому же, никаких русских строений в культурном слое *Полуйского мысового городка* при раскопках 2004–2005 гг. не было обнаружено. Соответственно, после похода 1596 года остяцкий *Пулинг-аут-воиш*, если к тому времени существовал, то продолжал функционировать в том же режиме, в котором начинал. Археологические исследования не выявили никаких динамических одномоментных изменений ни в архитектуре, ни в материальной культуре жителей городка. Во-вторых – ни по эргономике, ни по гигиене и, особенно, по идеологии русские православные служилые люди и ясачные сборщики ни во время похода, ни после него не могли использовать остяцкие строения для какой либо цели – тем более, князь Петр Горчаков. Причины очевидны: абсолютно иная эргономика пространства дома, полная культурная и особенно идеологическая несовместимость жилища нижеобского аборигена с представлениями о доме у русского человека. В одном можно согласиться с Е. В. Вершининым и другим историком – А. Т. Шашковым. Нет никаких оснований считать, что в результате похода 1596 года в Обдории был построен первый русский городок. Вместе с тем, никаких фактов, свидетельствующих о том, что отрядом П. Горчакова и И. Алачева был занят и приспособлен для проживания именно *Пулинг-аут-воиш*, также не существует.

Главная функция городка и его судьба. Приведенные нами материалы свидетельствуют о том, что *Полуйский мысовый городок* функционировал как резиденция остяцких князей, предназначенная в большей степени для сбора пушнины. Он прекратил свое существование в бытность Тайши Гындина (в крещении – Василия Тайшина) в 20–30-е годы XVIII века. Потомки Тайши – обдорские князья Тайшины – также приняли крещение вместе со своими семьями и переместились недалеко, буквально – через лог, на несколько сот метров на юг (рис. 0.11). Одновременно они радикально изменили тип своего жилого дома, построив некий симбиоз русской срубной избы и древнего хантыйского жилища. Таких домов в каждый сезон пребывания их здесь становилось все больше. В течение XVIII века появилась их новая резиденция – напротив устья реки Полуй, на правом берегу Оби (поселок Октябрьский). Свои новые дома, использовавшиеся в период летнего рыболовного промысла, они поставили на левом берегу, ниже устья реки Полуй (поселок Горнокнязевск). *Пулинг-аут-воиш* канул в прошлое. Лишь холм, на котором он находился, надолго осталось в народной памяти – как священное и особо почитаемое место.

SUMMARY

Author of the book has conducted excavation of two settlements, situated in the far north of Western Siberia, Poluysk cusp settlement in the Lower Ob and Nadym town on the nearby river Nadym. Today, they are the basic archaeological monuments for characteristics of culture of the indigenous peoples of this region of late XVI – first third of XVIII century.

The monograph is devoted to the analysis of the first settlement's materials. This monument is located almost on the line of the polar circle, in the area of the West Siberian forest tundra, on the right bank of the Ob River, in the south-west part of the town Salekhard – the administrative center of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, on the area of the former river port. The town was built on the top of hill Obdorsk, situated on top end of high (10–15 meters) extensive cape on the right bank of river Poluy – right tributary of the Ob River. Now the settlement is completely destroyed and is not visible at the surface. A large part of the cape is paved and occupied with modern buildings. In the XIX – early XX century in this place was situated Peter and Paul Church, rectory and fenced graveyard. In Soviet times, the cemetery was abandoned. The building of the church has been reconstructed for several times, it housed a printing house, then – river station. Now this building is demolished.

The ruins of the town are located on the territory of the famous site Salekhard 1, that dates back with wide chronological range including from about the III millennium BC to the beginning of VIII century AD. It contains the remains of burial ground and the cult site of the Eneolithic – Early Bronze, and settlements of Early Iron Age and Medieval. Site was discovered in 1926 by M.I. Shtekelis, in 1927–1928 it was examined by D.N. Redrikov. In 1946, the famous archaeologist and ethnographer V.N. Chernetsov together with V.I. Moshinskaya on the edge of the cape and on the coastal slope established two excavations with total area of 39 square meters. There they found a strong cultural layer (1.5 meters) with the materials of three periods, including a part of Early Iron Age mud hut. However, traces of the town were not found.

Until recently it was believed that the modern town Salekhard was founded in 1596. Some historians supposed that then the Russian Prince Peter Gorchakov with his punitive detachment stayed and lived in the town for some time. He was sent here from the town Berezov for the suppression of anti-Russian uprising of Obdorsk Ostyaks, ancestors of modern Khanty of the Lower Ob. Then there was supposedly the residence of Russian collectors of tribute in furs – state tribute which Muscovy taxed the locals. The excavation carried by us and comprehensive research refuted these beliefs.

The main reason for new excavation at Obdorsk cape was the emergency situation. To the 400th anniversary of the town Salekhard famous architect, an expert in Russian architecture A.A. Opolovnikov has created the sketch of Obdorsk burg of XVII century. Then, based on this sketch, on the territory of demolished river port was built a log checkpoint tower, made in Russian style. On the eve of 410th anniversary of the Salekhard the authorities of the okrug decided to build here an architectural complex called «City of Masters» – by means of an annex to the tower of new wooden buildings in the style of Russian architecture. No drawings of Obdorsk burg, descriptions of its contemporaries, even information on its exact location have survived. All figures of the burg were generated only by the imagination of the architect and his followers – from local artists. Created a life-size buildings of the burg based on their figures are far from the historical realities.

In 2004–2005, the complex archaeological expedition of «Research and manufacturing association «Northern archeology» under the direction of author laid on the monument 7 excavations with total area of 1142 square meters. In the upper cultural horizon were found lower timber sets of log house of XVIII-XIX centuries, the foundation of the church fence and six wooden tombs of necropolis of XIX–XX centuries. In the lower cultural horizon were found the remains of the burial ground, the sanctuary of the Bronze Age and layers of settlements of the Early Iron Age and the Middle Ages of the site Salekhard 1. Between these horizons were revealed the ruins of the legendary town on the

Obdorsk hill. The remains of its wooden buildings and other organics are perfectly preserved in the permafrost conditions. As a result, it was possible to reconstruct all the studied buildings, get 174 samples of saw cut from the wooden structures of dwellings for conducting the dendrochronological analysis, assemble a collection of handicrafts of wood, bone, horn and metal, and 12192 bones of animals, fish and birds, the species composition of which was determined by zoologists. Expert biologists analyzed soil samples from the horizon of the town. In addition, we have determined the distribution size of the cultural layer of the site and the town: about 75×60 meters.

Based on a comprehensive analysis of archaeological, historical, archival, folk, ethnographic and other materials, we have identified the object as the last Ostyak (Khanty) town Puling-aut-vosh, known among the Samoyadi (Nenets) under name Sale-khard – «Cusp settlement». The last one was the residence of the leaders of Obdorsk principality, ancestors of a famous clan of Tayshin princes, who headed the Obdorsk volost of Berezovsk uyezd more than three hundred years, until 1920s.

The town was situated on a narrow cape, with dimensions of 90×50 meters, oriented along the axis of the north-west – south-east. It was connected with the terrace by narrow (25 meters) bridge-passage. The settlement consisted of two parts: a defensive-residential complex and suburb. Defensive-residential complex was situated in the north-western part of the cape and was a monolithic subrectangular construction, which consisted of four interconnected houses. Buildings of a rectangular plan, with dimensions of 8×8 meters, are reconstructed as the buildings of the skeleton-pole construction with log supporting walls. The external walls of the houses played the role of defensive structures. Each of four buildings was placed in 0.5–0.7 meters deep excavation pit and was a kind of quarter. The dwellings were placed opposite one another. They were connected to a central corridor (width of 1.01.3 meters) with small walkway. The corridor was enclosed with boarded walls and vertical columns – supporting structure of the roof. From the corridor, outside of defensive-residential complex was the only way out. Outside, a covered corridor length of 1.5-2.0 meters was attached to it. The height of the entire structure was between 2 and 3 meters. Size of the complex – 25×23 meters, its interior space – 20×18.5 meters. It is hard to say if it was a single slab for the whole complex or it was built in parts, at different levels on individual houses or between them, including the central corridor. The roof and partly external walls of dwellings were covered with soil and turf. Outside, this complex looked like an elongated, fleeced with moss and grass bald mountain, situated on the edge of the cape. From three sides all the building was protected by a natural barrier – a steep slope. Swell-like mound, built around the perimeter of the complex likely continued the natural slope of the Cape and increased its length. Traces of the moat from the floor side of the town were not found. Such a defensive-residential complex can not be described as a powerful fortification. Apparently, the need for its grave protection was missing.

To the south-east wall of defensive-residential complex was connected unfortified suburb with randomly located buildings. In total, within it – in whole or in part – were excavated 11 such objects. Dimensions of suburb, judging by the spread of the cultural layer, were about 30×50 meters. Furthermore, the dwellings occupied only the lot of 25×25 meters. Totally there could be from 15 to 20 of such dwellings. Compared to the houses of the town, the dwellings of the suburb were very small and low. At the basement, they usually did not exceed 2.5×2.5 meters and their height was only 1.1–1.2 meters. Only one building number 19 had dimensions of 2.8×2.8 meters. All dwellings of suburb were stationary and permanent. By design, these dwellings fall into the category of buildings with ground-based part of the cubic form and they are divided into two types. First, half dugout houses of logs and poles with the foundation pit measuring 0.5–0.6 meters deep. Second: ground houses with walls constructed of boards or logs. Roofs of houses are flat, covered with thin poles and sheets of birch bark. All the dwelling was spanned with soil and turf, and outside it was like an earth mound. Entrance to the structure was narrow and low (0,4–0,7×0,6–0,8 meters), it was shut with the lodged door. In front of it sometimes was attached an indoor corridor measuring 0,9×0,5 meters, height of about 0.7 meters. In the room on the far wall was a resting-place – low (10–15 centimeters) plank-bed of boards on the osier logs or simple mats. To the right or left of the entrance was a hearth – chuval. For comparison, in the houses of the prince and his family, situated in the town, in the center of the room were constructed conventional land or deepen fire-pit hearths, typical for the taiga dwellings of the Middle Ages and Ancient times.

The dwellings of town and suburb were built mainly with larch, which ensured their longevity, and also with the use of secondary building materials like the dismantled parts of river and sea vessels, parts of old buildings. According to dendrochronological analysis, the first in suburb and around the settlement appeared buildings № 1 and № 2 (between the years 1575 and 1590), which were subsequently taken down. The oldest in the fortification is the building № 1 of the end of XVI century, rebuilt twice in the XVII century. To this building were attached the dwellings № 2–4,

which formed the defensive-residential complex. This town existed even in the first third of the XVIII century. Since the beginning of the XVII century there were already Russian settlements next to it, including Obdorsk ostrog.

In the «citadel» of Poluysk cusp settlement lived the family and community of the Ostyak Prince from Tayshin clan. The part of the ordinary people of his community lived at the suburb. This town, according to the architecture of the buildings and the analysis of osteological collections, was the summer residence of the Prince of Obdorsk Principality, and subsequently – Russian volost, part of the Muscovy and beyond – the Russian Empire. Winter residence of Tayshin clan was in the Poluysk town, located on the same side, upstream river Poluy. Russian tsars formally vested Ostyak Prince with the rights of main collector of taxes (tribute) from his subordinate local population. He supplied a major part of this tribute (mainly furs) to the Russian state. At the same time he or any of his relatives served as the High Priest. Especially as not far away from his summer «capital» was the main religious center of the local population of Lower Ob- a sanctuary at the Cape of Angalsk. The prince and the members of the Tayshin clan, and their descendants, performed the pagan religious rites until recently, despite they took baptism. The presence among the findings from the Poluysk cusp settlement of the small part (18%) of Russian import items made of leather, fabric and metal, and among the few osteological material – bones of pigs and cattle, is evidence of occasional contacts of the local community elite with Russian merchants and industrialists. Of course, the cattle were not bred by members of the princely family. They practically were not engaged in production and economical activities, being fully maintained by the whole community.

The main economic occupation of the ordinary people of the town was a reindeer breeding, accompanied by periodic seasonal migrations across the tundra and forest tundra – to the Ural Mountains. The dogs were used to guard houses and herds, and during hunting as well. The most important thing, that the dogs were used as riding animals along with the reindeers. The main spoils of the chase were reindeer, but wild. There were traces of armor-piercing arrowheads on its bones found in the town. In addition, Ostyaks hunted other animals, including fur game (rabbit, ice fox, fox, squirrel, beaver, sable, ermine and so on), a variety of waterfowl and upland birds as well. A lot of ptarmigan was procured. One of the main sources of food was varied fish: burbot and whitefish – muksun, broad whitefish, siberian whitefish, syrok, rarer – sturgeon, pike, rudd, ruff. In general, according to the osteological remains, ichthyologists identified 20 species of animals, 22 – of birds, and 10 – of fish. In addition, local Ostyaks picked all kinds of berries. In soil samples from the defensive-residential complex of the town are present remains of red bilberry, crowberry, arctic raspberry, fen berry, bird cherry, raspberry, seeds of imported here cultural cereal – cultivated oat and nuts of the local cedar, imported filbert (species, growing in the European part of Russia) and even walnut. For cooking were constantly used small metal containers – copper pot. Traditional local ceramic dishes – pots of clay – have completely disappeared. Some items were replaced by Russian ceramics. Findings of metal items from 2500 finds and 170 categories of objects are rare (4%). Valuables in the town in general were rare. Apparently, they were stored in a winter settlement. In the dwellings of suburb were found the traces of household production, primarily of bone carving and woodworking. Finishing of fell, apparently, was made in a different place and by other people.

To the south of the extreme structures of suburb, at the cape tip, was located the ground covered with waste wood. There were found a large number of heads of reindeer. Probably, this place had a ritual purpose.

Poluysk cusp settlement ceased to exist in days of Prince Taishi Gyndin (Christian name – Vasily Tayshin) – in the 20–30s of XVIII century. Descendants of Tayshi – Obdorsk princes Tayshins – were also baptized together with their families and moved not far away, literally – across a narrow, a few hundred meters to the south. They radically changed the type of their dwelling, constructing a kind of symbiosis of Russian log huts and ancient Khanty dwelling. The number of such houses in every season of their stay here was growing. During the XVIII century their new residence appeared – opposite the mouth of the river Poluy, on the right bank of the Ob River (settlement Ocyabrsky). Their new houses that were used during the summer fishing, they placed on the left side, below the mouth of the river Poluy (settlement Gornoknyazevsk). Puling-avot-vosh became a thing of the past. Only a hill, where it was located, remained in peoples memory for a long time – as a sacred and highly revered place.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ*

- Брусницына А. В.* Отчет об археологических разведках в Приуральском и Ямальском районах Ямало-Ненецкого автономного округа в 1997 году. Салехард, 1999. 195 с. Архив ИА РАН Ф. 1 р. 1. № 22241.
- Визгалов Г. П.* Отчет о НИР: Археологические исследования в городе Салехард и его окрестностях в 2006 году. Нефтеюганск, 2007 г. Архив НПО СА. № 195.
- Визгалов Г. П.* Отчет о НИР: Выявление и обследование объектов культурного наследия в черте города Салехард и его окрестностях в 2005 году. Нефтеюганск, 2006 г. 130 с. Архив НПО СА. № 172.
- Кардаш О. В., А-1996.* Отчет о НИР: Выявление и обследование культовых объектов в Сургутском районе Тюменской области Ханты-Мансийского автономного округа летом 1995 г. – Екатеринбург. 83 с. Архив НПО СА. № 18 науч.
- Кардаш О. В., А-2001.* Отчет о НИР: Историко-искусствоведческое исследование изобразительного творчества в культуре коренных народов Западной Сибири. Нефтеюганск 2001. 219 с. № 54 науч.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) летом 2005 года. Нефтеюганск. 2006. 163 с. Архив НПО СА. № 159.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) летом 2005 года. Нефтеюганск, 2006. 140 с. Архив НПО СА. № 118/1.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Археологические раскопки стоянки Салехард I (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров» в 2004 году. Нефтеюганск. 2005. 244 с. Архив НПО СА. № 135.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля «Город мастеров» в 2004 году. Т. 1. Нефтеюганск, 2005а. 240 с. Архив НПО СА. № 105/1.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Выявление и обследование традиционных жилых построек в поселке Горноknязевск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Историко-архитектурные исследования. В 3-х книгах. Нефтеюганск, 2003. Кн. 1 – 81 с., кн. 2 – 63 с., кн. 3 – 26 с. Архив НПО СА. № 96/1, 96/2, 96/3.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Выявление объектов архитектурного наследия аборигенного населения в пос. Хошгорт Шурышкарского района ЯНАО. Нефтеюганск, 2010. Архив НПО СА. № 176/1.
- Кардаш О. В. А-2005.* Отчет о НИР: Изучение историко-архитектурного наследия аборигенного и русского старожильческого населения циркумполярной зоны: Историко-архитектурные исследования. В 3-х томах. Нефтеюганск, 2005. Архив НПО СА. №146/1, 146/2, 146/3.
- Кардаш О. В. А-2006.* Отчет о НИР: Изучение историко-архитектурного наследия аборигенного и русского старожильческого населения циркумполярной зоны: Историко-архитектурные исследования. В 3-х томах. Нефтеюганск, 2006. Архив НПО СА. №176/1, 176/2, 176/3.
- Кардаш О. В. А-2007.* Отчет о НИР: Изучение историко-архитектурного наследия аборигенного и русского старожильческого населения циркумполярной зоны: Историко-архитектурные исследования. В 3-х томах. Нефтеюганск, 2007. Архив НПО СА. №198/1, 198/2, 198/3.
- Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году: Нефтеюганск, 2008. 145 с. Архив НПО СА. № 198 науч.
- Чернецов В. Н.* Стоянка Салехард 1 (раскопки мангазейской экспедиции) 1946 г. Кн. 2. Арктический научно-исследовательский институт Главсевморпути при Совете Министров СССР. Ленинград 1946(а). 87 с. Р-1742.
- Чернецов В. Н.* Полевой отчет о работе археологической экспедиции в Мангазее. Арктический НИИ Главсевморпути при Совете Министров СССР. Ленинград. 1946(б). 53 с. Дело № 574. Р-1461.
- Чибиряк В. Э.* Отчет о НИР: Аварийные археологические исследования в городе Салехард и его окрестностях в 2007 году. Нефтеюганск, 2008 г. 140 с. Архив НПО СА. № 211.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Н. А.* Об остяцких князьях // ТГВ. № 24. 1857. С. 217–222.
- Абрамов Н. А.* Описание Березовского края // Записки РГО. Кн. XII. СПб., 1857. С. 327–448.
- Акаевский А. И.* Анатомия северного оленя. Л., 1939. 327 с.
- Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Информационный справочник «Наследие». Екатеринбург, 2011. 128 с.
- Бабенко И. П.* Метрология (Мероведение): Руководство и справочная книга для контор и лиц, занимающихся торгово-промышленным делом. СПб. : П. П. Котляров, 1905. 189, [7] с.
- Бартенев В. В.* На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896. 159 с.

* В тексте в квадратных скобках ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и (А-) после фамилии автора, перед годом написания работы

- Бахрушин С. В. Зернь // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М. : Наука, 1967. С. 18–159.
- Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М. : Наука, 1955. 376 с.
- Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири в XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. – М. : Наука, 1955. 300 с.
- Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л. : ИНС АН СССР, 1935. 90 с.
- Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири в XVI в XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М. : Наука, 1955. С. 49–85.
- Бачура О. П., Лобанова Т. В., Бобковская Н. Е. // Культура русских в археологических исследованиях : междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. Омск, 2011.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Ч. I. Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеоздат, 1980. 164 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 148 с.
- Богораз В. Г. Игры малых народностей Севера // Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР. М. – Л., 1949, Т. 11. С. 237–254.
- Бойков В. Н. Видовой состав и распределение млекопитающих и птиц в биотопах лесотундрового Приобья // Численность и распределение наземных позвоночных Ямала и прилегающих территорий. Свердловск, 1981. С. 38–62.
- Большая советская энциклопедия. А – Я (дополнения) / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. Т. 51. М. : гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1958. 458 с.
- Борзунов В. А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. № 3. М. : Наука, 2002. С. 79–97.
- Борзунов В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург : изд-во УрГУ, 1992. 188 с.
- Борзунов В. А. К вопросу о генезисе и функции урало-сибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : изд-во ТГУСУР, 1997. С. 224–236.
- Борзунов В. А. Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. № 4 (19). Тюмень : ИПОС СО РАН, 2012. С. 4–16.
- Борзунов В. А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. № 4. М. : Наука, 1999. С. 5–23.
- Борзунов В. А. Поселения с бастионно-башенной оборонной архитектурой Зауралья и Западной Сибири начала эпохи железа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск : изд-во ТГУ, 1998. С. 91–96.
- Борзунов В. А. У истоков оборонного зодчества Севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск ; Ханты-Мансийск : изд-во ТГУ, 2011. С. 170–238.
- Борзунов В. А. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа. Екатеринбург : изд-во «Волот», 1995. С. 19–24.
- Борзунов В. А., Бельтикова Г. В., Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск ; Ханты-Мансийск : изд-во ТГУ, 2010. С. 184–220.
- Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири (ВАУ. Вып. 22). Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. С. 4–45.
- Борзунов В. А., Новиценок Н. Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири (ВАУ. Вып. 19). Свердловск : изд-во УрГУ, 1988. С. 88–103.
- Борзунов В. А., Стефанов В. И., Глушков И. Г. Быстрый Кульёган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (46). Новосибирск : изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. С. 55–69.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск ; Ханты-Мансийск : изд-во ТГУ, 2012. С. 155–216.
- Брауде М. И. Экология водоплавающих птиц, охрана и рациональное использование их ресурсов // Природа поймы Нижней Оби. Наземные экосистемы. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 153–173.
- Брусницына А. Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 45–52.
- Брусницына А. Г. Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Материалы Всероссийской научной конференции «Ямал: история, историография, краеведение» (апрель 2005 г., г. Салехард), Екатеринбург ; Салехард : РА АРТмедиа, 2005. С. 22–32.
- Васильевский Р. С., Резун Д. Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Кн. изд-во, 1989. 303 с.
- Васильев В. И. Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 48–81.
- Васильев В. И. Ненецко-угорские взаимосвязи на Севере Сибири: история и современность // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 101–106.
- Васильев В. И. Ненцы // Народы Сибири и Севера России в XIX в. М., 1994.
- Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979. 244 с.
- Васильев Е. А. Поселение Вары-Хадыга II и проблемы первобытной археологии Ямала // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 3. Археология и этнология. Салехард : Красный Север, 2000. С. 24–31.
- Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. Вып. 2. М., 1939. С. 43–66.
- Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : Муниципальный учебно-методический центр (МУМЦ) «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
- Вершинин Е. В. Обдорский городок в XVII – первой половине XVIII века // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Материалы Всероссийской научной конференции «Ямал: история, историография, краеведение» (апрель 2005 г., г. Салехард) Екатеринбург ; Салехард : изд-во РА АРТмедиа, 2005а. С. 67–77.
- Вершинин Е. В. Обдорский городок в XVII – первой половине XVIII века // Наука. Общество. Человек. Информационный вестник Уральского отделения РАН. № 3 (13). Екатеринбург : УрО РАН, 2005б. С. 36–42.
- Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Новая Мангазея. Город, которого нет на карте // Родина, № 2, февраль 2012. С. 55–59.
- Вершинин Е. В., Шапиков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут : Диорит, 2004. С. 10–32.
- Визгалов Г. П. Новые археологические исследования Стадучинского поселения на Нижней Колыме. Результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные подходы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. Омск : Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 40–49.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В. «Остяцкая усадьба» в посаде города Березова XVIII в. (по материалам археологических исследований 2008 г.) // Вестник археологии антропологии и этнографии. № 1 (14). Тюмень : Изд-во ИПОС РАН, 2011. С. 87–97.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск ; Екатеринбург : Баско, 2007. 320 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
- Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. В 3 т. / пер. с голл. В. Г. Трисман. Том II. Амстердам : изд-во Pegasus, 2010. 1226 с.
- Вехов В. Н., Губанов И. А., Лебедева Г. Ф. Культурные растения СССР. М. : Мысль, 1978. 336 с.; 40 л. илл.
- Гемуев И. Н. Мирозозрение манси. Новосибирск: Наука, СО, 1990. 232 с.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Новосибирск: Наука, СО, 1986. 192 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии / Вступительная статья А. Л. Хорошкевич ; под ред. В. Л. Янина ; пер. с нем. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М. : изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1993. 204 с.
- Головнев А. В. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск : ТГПИ, 1988. С. 86–101.
- Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН. 2004. 344 с.
- Голубева Л. А. Древняя Русь: Быт и культура. Москва : Наука, 1997. С. 153–165.
- Гусев А. В., Федорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкция, действие, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард : ГУ «Северное издательство», 2012. 59 с.
- Гутер Ф. Н. Сравнительные таблицы: Излож. монет. меровых и весовых соотношений всех стран света... со многими табл. пер. для практ. пользования ими в конторах, учеб. заведениях и для самообразования / 5-е изд., испр. и доп. Рига : Н. Киммель; Лейпциг : К. Ф. Флейшер, 1911. 114 с.
- Дмитриев-Садовников Г. М. Бересто и изделия из него у остяков р. Ваха // Живая старина. XXV, вып. 1, прил. 4. СПб., 1916. С. 8–14.
- Древняя Русь: Быт и культура / под ред. Б. Колчина. М. : Наука, 1997. 368 с.
- Древний Новгород : прикладное искусство и археология / Б. А. Колчин, В. Л. Янин, С. В. Ямщиков. М. : Искусство, 1985.
- Доброхотов В. Н. Семена сорных растений. М. : Сельхозиздат, 1961. 464 с.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ: Новая серия. М. : АН СССР, 1960. Т. 40. 621 с.
- Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. 4. СПб., 1851.
- Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. 5. СПб., 1855. № 68-1.
- Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. 8. СПб., 1862.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. I. М. : Либерея, 1995. 376 с.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. II. М. : Либерея, 1995. 432 с.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. III. М. : Либерея, 1996. 208 с.
- Ерохин Н. Г., Бачура О. П. Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археозоологических исследованиях // Методика междисциплинарных исследований. Омск, 2011. С. 62–69.
- Жизнь животных. 2-е изд. Т. 7. Млекопитающие / под ред. В. Е. Соколова. М., 1989. 623с.
- Жизнь растений / редкол. Ал. А. Федоров и др. Т. 5. Ч. 1. Цветковые растения / под ред. А. Л. Тахтаджяна. – М. : Просвещение, 1980. С. 381.
- Захаров С. Д. Новые исследования средневековых памятников Белозерья // Институт археологии: Новые полевые исследования / под ред. чл.-корр. РАН Н. А. Макарова. – М. : ИА РАН, 2010. С. 94–95.
- Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы : историко-этнографические очерки. Екатеринбург : изд-во «Баско», 2006. 272 с.
- Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоядцов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествие по обскому Северу / под ред. С. Г. Пархимовича (Приложение к журналу «Лукич»). Тюмень : изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 137–223.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург : НПМП Волот, 2001. 320 с.

- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Легендарный Эмдер (опыт сопоставления археологических фольклорных, письменных источников) // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири : Тезисы докладов. Томск : изд-во ТГУ, 1995. С. 75–78.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Фортификации Эмдера // Урал в прошлом и настоящем: Материалы конф. Екатеринбург : изд-во УрО РАН, 1998. С. 57–60.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Угорские городки XIII–XV вв.: проблемы и перспективы изучения // Культурное наследие народов Западной Сибири: обские угры. Тезисы докладов. Тобольск, 1999. С. 227–228.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург : Внешторгиздат, 1994. 160 с.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М. ; Л. : изд-во АН СССР, 1954. 837 с.
- Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л. : Наука, ЛО, 1970. 296 с.
- Ивасько Л. В., Лобанова Т. В. Отражение некоторых ритуалов промысловых культов северных остяков в остеологических материалах Надымского городища (по данным комплексных исследований 1999–2003 гг.) // Угры. Материалы VI Сибир. симп. «Культурное наследие народов Сибири». Тобольск, 2003. С. 69–71.
- Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унваровой (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока). Т. 5. Новосибирск : Наука, 2005. 675 с.
- Исаков Л. Д. На все времена, для всех народов : Очерки по истории метрической системы. Пг. : Издательство Гл. палаты мер и весов, 1923. 92 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века : Хрестоматия / под ред. Д. А. Редина, А. Т. Шашкова. Екатеринбург : НПМП Волот, 1999. 304 с.
- История Ямала: в 2-х томах / под общ. ред. В. В. Алексеева. Том I : Ямал традиционный. Кн. 2 : Российская колонизация / под ред. И. В. Побережникова и др. Екатеринбург : Баско, 2010. 324 с.
- Кардаш О. В. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург : изд-во УрО РАН, 2006 б. С. 128–131.
- Кардаш О. В. Вооружение воина Северо-Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского и Обдорского городков) // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск : изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006 а. Т. II. С. 126–129.
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Екатеринбург ; Нефтеюганск : изд-во АМБ, 2011. 60 с.
- Кардаш О. В. Источники о Надымских осяках и Карачейских самоедах в середине XVIII в. в контексте комплексного изучения Надымского городка. // Научный вестник ЯНАО. Вып. 4 (49) Исторические исследования. Салехард : Красный север, 2008. С. 35–40.
- Кардаш О. В. Комплексное исследование Надымского городища в 2002 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск ; Ханты-Мансийск : изд-во Том. ун-та, 2003. С. 262–263.
- Кардаш О. В. Комплексные исследования Надымского городища // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск ; Ханты-Мансийск : изд-во Том ун-та, 2004. С. 375–379.
- Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2009. 360 с.
- Кардаш О. В. Опыт сохранения археологического объекта от естественных разрушений (на примере Надымского городища) // Северный археологический конгресс (9–14 сент. 2002 г., Ханты-Мансийск). Тез. докладов. Екатеринбург : Академкнига. С. 410–412.
- Кардаш О. В. Позднесредневековые копья Северо-Западной Сибири // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. В 2-х т. Т. 1. (К 80-летию А. Н. Кирпичникова). СПб., 2010. С. 363–371.
- Кардаш О. В. Посохи свата из Надымского городка XVII–XVIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 1 (41). Новосибирск : изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 61–71.
- Кардаш О. В. Раскопки стоянки Салехард I в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : изд-во ТГУ, 2005. С. 17–20.
- Кардаш О. В., Пономарева Т. М. Гребни IX–XIII веков из раскопок археологических памятников на Севере Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии, вып. 2 (50). Новосибирск : изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. С. 72–81.
- Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / перевод с нем. Н. В. Лукиной. Т. I. Томск : ТГУ, 1994. 152 с.
- Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / перевод с нем. Н. В. Лукиной. Т. II. Томск : ТГУ, 1995. 284 с.
- Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / перевод с нем. Н. В. Лукиной. Т. III. Томск : ТГУ, 1996. 247 с.
- Кац Н. Я., Кац С. В., Китиани М. Г. Атлас и определитель плодов и семян, встречающихся в четвертичных отложениях СССР. М. : Наука, 1965. 365 с.
- Кириков С. В. Изменение животного мира в природных зонах СССР: лесная зона и лесотундра. - М. : АН СССР, 1960. 156 с.
- Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л. : Наука, 1976. 135 с.
- Книга Марка Поло. Перевод со старофранцузского текста И. П. Минаева. изд-во «Географической литературы». М., 1956. 376 с.

- Ковальский М. Северный Урал и береговой хребет Пай-хой. Т. 1. СПб., 1853.
- Коварская С. Я., Костина И. Д., Шакурова Е. В. Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского кремля. М. : Советская Россия, 1984. 250 с.
- Колчин Б. А. Новгородские древности: Деревянные изделия. М. : Наука, 1968. 182 с.
- Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. : Наука, 1982. С. 156–177.
- Корьтин Н. С., Головатин М. Г. Птицы и млекопитающие Березовского района // Экологические проблемы индустрии туризма на Приполярном Урале. Екатеринбург, 2002. С. 94–101.
- Косинская Л. Л. Жилища поселения Быстрый Кульёган 66 // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 226–241.
- Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. г. Ханты-Мансийск. Ханты-Мансийск ; Екатеринбург : Чароид, 2006. С. 16–40.
- Косинцев П. А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург – Салехард : изд-во Уральского университета, 2006. 272 с.
- Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005а. С. 105–112.
- Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : «Искусство», 1988. 192 с.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. Том 2 / изд-во: При Императорской Академии Наук. С-Петербург, 1755. 351 с.
- Кренке Н. А. Коллекция В. В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : изд-во ТГУ, 1984. С. 137–145.
- Крылов П. Н. Флора Западной Сибири. Вып. VI. Томск, 1931. С. 1314
- Кулемзин А. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск : изд-во ТГУ, 1977. 226 с.
- Культурные растения СССР. Справочник-определитель. М. : Мысль, 1978. С. 74
- Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ямал. СПб., 1868. 156 с.
- Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / пер. с фр. В. А. Бабинцева и Я. Ю. Старцева. Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2001. 544 с.
- Лашук Л. П. «Сиртя» – древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М. : Наука, 1968. С. 178–193.
- Линдер И. М. Шахматы на Руси. М. : Наука, 1975. 208 с.
- Малозимова О. В., Морозов В. М. Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : ТГУСУР, 1997. С. 190–203.
- Манькова И. Л. Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII в. // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург : БКИ, 2005. С. 58–133.
- Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург ; Сургут : Уральский рабочий, 2004. 144 с.
- Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М. : ИЭиА РАН. КМЦ «Народы и культуры», 1998. 235 с.
- Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск : изд-во Том. ун-та, 1999. 261 с.
- Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск : Наука, 1979. 182 с.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 262 с.
- Молодин В. И., Соловьев А. И. Классификация топоров могильника Кыштовка-2 // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово : изд-во КемГУ, 1977. С. 105–120.
- Морозов В. М. Поселения и жилища таежной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху средневековья. Автореф. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 22 с.
- Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Древнее поселения р. Пим (краткий археологический очерк). Учебное пособие по археологии и краеведению. Сургут, 1997. 74 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. 3-е изд. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2005а. 630 с. : илл. карты.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е, дополненное. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с. : карты.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. 3-е изд. М. : издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2005б. 598 с. : илл. карты.
- Мошинская В. И. Археологические памятники Севера Западной Сибири. Археология СССР. Свод археологических источников, выпуск ДЗ-8. М. : Наука, 1965. 88 с. : илл.
- Мошинская В. И. Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // МИА. № 35. М. : изд-во АН СССР, 1953. С. 179–188.
- Мошинская В. И. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. № 35. М. : изд-во АН СССР. 1953. С. 107–120.
- Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. № 35. М. : изд-во АН СССР. 1953. С. 72–106.
- Некрасов А. Е. Костные остатки птиц из голоценовых местонахождений Урала и Западной Сибири // Четвертичная палеозоология на Урале. Екатеринбург, 2003. С. 158–170.
- Некрасов А. Е., Косинцев П. А. Остатки рыб из археологического памятника Усть-Полуй / Экология древних и традиционных сообществ: сборник докладов конференции. Вып. 4. Тюмень : изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 210.

- Никитин В. П. Палеокарпологический метод. – Томск : изд. ТГУ, 1969. С. 7
- Никитин В. П. Палеокарпологический метод (руководство по методике ископаемых семян и плодов). Томск : изд-во ТГУ, 1969. 81 с.
- Никитин В. П., Пономарева Е. А. Палеокарпологический метод и его применение в археологии. // Новые методы в археологии. Томск : изд. ТГУ, 1980. С. 39–41.
- Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов / авт.-сост. : Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Екатеринбург : изд-во Тезис, 2004. 200 с.; 8 с. ил.
- Обитатели. Образы Югры в ранней русской фотографии. Каталог выставки. Санкт-Петербург ; Сургут, 2004. 72 с.
- Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л. ; М. : изд-во Главсевморпути, 1951. С. 7–40.
- Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. 166 с.
- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. Серия: Древнерусское деревянное зодчество. Вып. 1. М. : изд-во ОПОЛО, 1998. 400 с. : илл. карты.
- Осипов Д. О., Лихтер Ю. А. Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). М., 2004. 68 с.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. Томск : изд-во ТГУ, 1994а. 490 с.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. II. Томск : изд-во ТГУ, 1994б. 286 с.
- Памятная книга Тобольской губернии / сост. А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников. Тобольск: типография Тобольского Губернского Правления, 1884.
- Пантелеев А. В., Потапова О. Р. Позднеголоценовые птицы из археологической стоянки окрестностей г. Салехарда (север Западной Сибири) // Русск. орнитол. журн., 2000. № 106, С. 3–31
- Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по их былинам и сказаниям // Живая старина. Вып. III, IV. СПб, 1891а.
- Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891б. 74 с.
- Патканов С. К. Соч. : в 5 т. Тюмень : Мандр и К., 2003. Т. 5 : Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям : Иртышские остяки и их народная поэзия / сост. Ю. Мандрика. 416 с.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / Записки РГО по отделу статистики. Т. II. Вып. 2. СПб., 1911. 214 с.
- Перевалова Е. В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург ; Салехард : УрО РАН, 2000. С. 152–190.
- Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург : УрО РАН. 2004. 414 с.
- Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // ЕГТМ. Вып. XXV. Тобольск, 1915. С. 1–47.
- Плетнева Л. М. Генезис традиций в домостроительстве // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. II. Томск : изд-во ТГУ, 1994. С. 165–200.
- Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М. ; Ньютонвилль : Археографический центр, 1993. 160 с.
- Полевой Б. П. Сибирская картография и проблема Большого чертежа // Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976. С. 56–89.
- Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук // Записки Академии наук. Т. 30. Прил. № 2. СПб., 1877. 187 с.
- Поселение Быстрый Кульгёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Коллективная монография под ред. Л. Л. Косинской и А. Я. Труфанова. Екатеринбург ; Сургут : Уральское изд-во, 2006. 192 с.
- Прокопенко В. И., Прокопенко В. В. Настольные игры коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации: уч. пос. Екатеринбург : Урал. отд. Российской академии образования; УрГПУ, 2004. 140 с.
- Прокопенко В. И. Этнопедагогика народа ханты: физическое воспитание и игры : уч. пос. Екатеринбург : Урал. отд. Российской академии образования; УрГПУ, 2004. 296 с.
- Путешествие к северо-востоку Европейской России / А. И. Шренк; пер. с нем. М. : ОГИ, 2009. 496 с.
- Путешествие в Западную Сибирь Д-ра О. Финша и А. Брэма. М. : Типография М. Н. Лаврова и К^о, 1882. 578 с.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосибир. кн. изд-во, 1989. 303 с.
- Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань : Репер, 2000. 156 с.
- Рыбина Е. А. Шашки, «мельница», шахматы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М. : Наука, 1997. 368 с.
- Рындина О. М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск : изд-во ТГУ, 1994. 640 с. Салымский край. Екатеринбург : Тезис, 2000. 344 с.
- Семенович В. Н. Ламартиньер П. М. Путешествие в Северные страны (1658 г.). Перевод и примечания. // Записки московского археологического института, издаваемые под редакцией А. И. Успенского. Т. XV. М. : изд-во А. И. Снегиревой. 1912. С. 1–229.
- Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Вып. VI. Новосибирск. 1996. 310 с.
- Сибирские реликвии. Альбом. Из собрания Тобольского музея. Тобольск ; Верона. 2000. 280 с.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск : изд-во Том. ун-та, 2001. 344 с.
- Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М. : ИПА «Три Л», 1998. 286 с.
- Соколова З. П. К истории жилища обских угров // СЭ. № 2. М. : Наука, 1957. С. 88–105.
- Соколова З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М. : Наука, 2007. 342 с.
- Соколова З. П. Обско-угорские дощатые постройки // КСИЭ. Вып. XXI. М. : Наука, 1959. С. 60–67.
- Соколова З. П. Современные жилища и постройки ваховских хантов // ТИЭ. Т. 56. М.: Наука, 1960. С. 60–67.
- Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М. : Наука, 2009. 756 с.
- Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
- Строгова Е. А. Стадухинский острог в исторических источниках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные подходы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Татауровой. Омск : изд-во Омск. Института (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 238–242.
- Стефанов В. И. Могильник Моховая XLV – позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск : ТГУ, 2003. С. 164–211.
- Стефанова Н. К., Борзунов В. А. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). Екатеринбург : Академкнига, 2002. 136 с.
- Сязи А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск : изд-во Том. ун-та, 2000. 248 с.
- Талицкая И. А. Материалы к археологической карте нижнего Приобья. // МИА. № 35. М.: изд. АН СССР, 1953. С. 242–357.
- Терехова Л. М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: изд-во УрГУ, 1986. С. 114–123.
- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л. : Наука, ЛО. 1981. 544 с.
- Туров С. В. Православные храмы Обдорского края (XVII – начало XX вв.) // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. С. 187–228.
- Федорова Е. Г. Обские угры: веки этнической истории // Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории). СПб. : Европейский дом. 1999. С. 6–38.
- Федорова Н. В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский Городок) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. Вып. 2. Новосибирск : Наука, 2004. С. 34–50.
- Федорова Н. В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Научно-практическая конференция «Обдорья: история, культура, современность». Салехард : Красный Север, 2006. С. 11–17.
- Федорова Н. В., Гусев А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2008–2008 гг. // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. № 9 (61) : Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге. Салехард, 2008. С. 3–37.
- Фицхью В. В. В поисках Грааля: циркумполярная теория и реалии ямальской археологии // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург ; Салехард : УрО РАН, 2000. С. 25–53.
- Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб. : Русский двор. 1995. 330 с.
- Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л. : Наука, 1976. 189 с.
- Хондажевский Н. К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обской губою и Сургутом // Записки ЗСО РГО. Кн. 2. 1880. С. 1–32.
- Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Т. 1. Факсимильное издание. М. : ФГУП ПК «Картография», 2003. 100 с.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург : Тезис, 2002. С. 7–66.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Тезис, 2002. С. 5–65.
- Шатилов М. Б. Ваховские остяки (этнографические очерки) // Труды ТОКМ. Т. IV. Томск, 1931. 174 с.
- Шашиков А. Т. К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири XVI – XIX веков. Новосибирск, 1998. С. 10–16.
- Шашиков А. Т. Очерк 5. Взятие Сибири // Очерки истории Югры. Екатеринбург : Волот, 2000. С. 103–134.
- Шемановский И. С. Избранные труды / сост. Л. Ф. Липатова. М. : Советский спорт, 2005. 304 с.
- Штро В. Г. Экология песца (Alopex lagopus L., 1758) Ямала // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. Челябинск, 1997. С. 16–30.
- Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. Ижевск : УДИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.
- Якобий А. И. Остяки северной части Тобольской губернии // ЕГТМ. Вып. 4. Тобольск, 1895. С. 1–25.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 400 с.
- Janko J. Utazas Oszttjakfoldre 1898. Neprajzi Museum. Budapest, 2000. 400 p.
- Jasinski M. E. The archeological project «Russian hunting stations on Svalbard» // Arkeologisk feltarbeid i Nord-Norge ogpe Svalbard, 1987. Tromura, N 17. Tromso, 1990. P. 1–18.
- Kardash O. Ritual complexes of North-West Siberia in XVII–XVIII centuries (according to archeological data) // Rituals: Types, Efficacy and Myths. Nova Science Publishers, Hauppauge N.Y., 2012, in print.
- Martin F. R. Sibirica. Ein Beitrag zur kenntnis der vorgeschichte und kultur sibirischer volker. Stockholm, 1897. 126 p.
- Sommier S. Un’Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirgisi e Baskiri con 144 incisioni e tre carte. Firenze Ermanno Loescher. Torino ; Roma, 1885. 632 p.
- Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken. Helsinki, 1983. 344 p.
- The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Gravenhage Mauton and Co., 1958. 116 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	–	Академия наук
АО	–	Археологические открытия
БКИ	–	Банк культурной информации
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж
ДАИ	–	Дополнения к Актам историческим
ЕТГМ	–	Ежегодник Тобольского губернского музея
ЗСО РГО	–	Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИИиА РАН	–	Институт истории и археологии РАН (СССР)
ИИМК	–	Институт истории и материальной культуры
ИАиЭ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии СО РАН
ИПОС СО РАН	–	Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО	–	Императорское Русское географическое общество
ИЭРиЖ	–	Институт экологии растений и животных Уро РАН
КемГУ	–	Кемеровский государственный университет
КСИА	–	Краткие сообщения ИА РАН (СССР)
ЛОИА АН СССР	–	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МУ ЦИКН	–	Муниципальное учреждение Центр историко-культурного наследия
МФП	–	многофункциональная площадка
НИР	–	научно-исследовательская работа
НПО СА	–	Научно-производственное объединение «Северная археология»
НПЦ	–	научно-производственный центр
ОмГУ	–	Омский государственный университет
ПГПУ	–	Пермский государственный педагогический университет
РАН	–	Российская академия наук
РГАВМФ	–	Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СО РАН	–	Сибирское отделение РАН
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
СЭ	–	Советская этнография
ТГИАМЗ	–	Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТГПИ	–	Тобольский государственный педагогический институт
ТГУ	–	Томский государственный университет
ТИЭ	–	Труды Института этнографии РАН (СССР)
ТМКП	–	Тобольский музей, книга поступлений
ТФ ГАТО	–	Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ТюмГУ	–	Тюменский государственный университет
УАЭ	–	Уральская археологическая экспедиция
УдГУ	–	Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ	–	Удмуртский институт истории языка и литературы (РАН)
УралГАХА	–	Уральская государственная архитектурно-художественная академия
УрГУ	–	Уральский государственный университет
УрО РАН	–	Уральское отделение РАН
ФГУП	–	федеральное государственное унитарное предприятие
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЯНАО	–	Ямало-Ненецкий автономный округ

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ

1. ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДА СИБИРСКОГО ПРИКАЗА РГАДА И ТФ ГАТО

- 1.1. Отписка тобольских воевод о грабеже самоедами хлебных запасов на Обдоре. **1644** г., 4 июня–25 октября
- 1.2. Грамота из Сибирского приказа березовскому воеводе В. М. Гагарину о набеге «воровской самоеды» из Надыма на Обдорский городок. **1679** г., июня 24
- 1.3. Ревизия Обдорской волости о положенных в ясачный оклад после последней 1764 года переписи с показанием убывших из оклада и после переписи вновь рожденных. **1782** г.

2. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- 2.1. **Г. Ф. Миллер.** Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек: от места ее разделения на Большую Обь и Малую Обь (о котором упомянуто в описании путешествия в Берёзов) вниз по течению. Из устных известий. **1740** г.
- 2.2. **С. П. Крашенинников.** Глава 4. «О Камчатских острожках». Из книги «Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором». **1755** г.
- 2.3. **В. Ф. Зуев.** Глава VI. «О их житии и экономии». Из книги «Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым». **1768–74** гг.
- 2.4. **И. С. Шемановский.** «В Обдорском городке». **1910** г.

3. ТАБЛИЦА «СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО КАТЕГОРИЯМ АРТЕФАКТОВ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.»

4. МАТЕРИАЛЫ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

- 4.1. **Т. В. Лобанова.** Археозоологическое исследование костных останков из раскопок Полульского мысового городка. **2004–05** гг.
- 4.2. **О. П. Бачура.** Определение сезона смерти оленей по спилам зубов из раскопок Полульского мысового городка. **2004–05** гг.
- 4.3. **О. М. Корона.** Результаты карпологического анализа образцов культурного слоя из раскопок Полульского мысового городка. **2004** г.
- 4.4. **В. М. Горячев, В. А. Мыглан, Г. И. Омурова.** Определение возраста образцов древесины из строений Полульского мысового городка по дендрохронологическому методу. **2004–05** гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДА СИБИРСКОГО ПРИКАЗА

Отписка тобольских воевод о грабеже самоедами
хлебных запасов на Обдоре. 1644 г., 4 июня – 25 октября

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Гришка Куракин, Михайло Гогарин, Ивашко Переносов, Гришка Лукин челом бьют. В прошлом, государь, во 151-м году июля в день послали мы, холопи твои, ис Тобольска до Обдори в дву дощаниках с тобольским сыном боярским з Дмитрием Черкасовым да с тобольскими и мангазейскими служилыми людьми с Ивашком Нармацким с товарищи мангазейским служилым человеком и ружником и оброчником на жалованье и на неокладные расходы на 150-й и на 151-й год четьреста один мех муки ржаной, а мангазейских пятипудовых чети в тех мехах четьреста сорок семь чети с осминою и полчетверика. А на Обдори велено ему, Дмитрею, взяти у таможенных голов у Дмитрея Котельникова да у Шумила Степанова коч, которой вышел из Мангазеи во 150-м году, тюменского кочевщика Галанки Семенова да два якори кочевщика Палки Ортемьева. А взяв тот коч, и в тот коч велено ис тех дощаников твои государевы хлебные запасы выгрузить тотчас не мешкая и ехать с теми хлебными запасы в Мангазею.

И в нынешнем, государь, во 152-м году февраля в 15 день писали к нам, холопом твоим, с Обдори тобольские служилые люди Ивашко Михайлов с товарищи: посланы де они в Мангазею с твоими государевыми хлебными запасы до Обдори на дощаниках, а на Обдори велено взять коч Галанки Семенова и из дощаников хлебные запасы выгрузить в коч и ехать в Мангазею. И тот де коч изломало льдом. И сын боярской де Дмитрей Черкасов оставил их на Обдори, а велел коча дожидатца из Мангазеи, и из Мангазеи де выехал поздо, и они де в Мангазею ехать не посмели, потому что ход стал позной. И они де хлебные запасы из дощаников выгрузили в онбар.

Да в нынешнем, государь, во 152-м году июня в 4 день писал ко мне, холопу твоему, Гришке з Березова воевода Мелентий Квашнин: в нынешнем де во 152-м году апреля в 7 день писали к нему, Мелентью, на Березов с Обдори тобольские и мангазейские служилые люди Ивашко Михайлов с товарищи, которые в прошлом во 151-м году оставлены на Обдори для береженья твоих государевых хлебных запасов, что в нынешнем же во 152-м году приезжали на Обдор воровская самоедь. А они де, служилые люди, были в твоём государеве казенном хлебном анбаре на карауле. И как де они вышли из хлебного анбара под вечер ужинать в избы, и та де самоедь пришли к избе за щитами и у избы окна снегом закрывали и сени заперли и у твоего де государева хлебного анбара двери высекли и взяли твоево государева хлебного запасы мешков с пятнатцать и больши. И как де они, служилые люди, из избы выбились и щиты отбили и вышли к самоеди на берег и самоедь от твоих государевых анбаров отбили и в то время самоедь на бою ранили служилых людей четьрех человек. Да стою де воровскою самоедью приходил к ним, к служилым людям, в избы в день коцкой остяк Корымков сын и с иными обдорскими остяки, да к нему ж де, Ивашку, приходил обдорский остяк Кандейко Лонгуров сказывал ему, что будет на Обдор и иные самоеди много, им де отсидетца от них будет не уметь. И он де, Мелентей, апреля ж в 8 день послал з Березова на Обдор сына боярского Родиона Лихачова да с ним березовских служилых людей дватцать человек для береженья твоих государевых хлебных запасов и для сыску тое воровской самоеди: будет где та воровская самоедь объявитца, к Обдори идучи на дороге, или дойдут их под Обдорским городком, и тое воровскую самоедь велел де сыну боярскому Родиону Лихачову с служилыми людьми, ково мочно, переимать. И велел им жить на Обдори до тех мест, как самоедцкою приезду на Обдор в нынешнем во 152-м году не чаять, и твоих государевых хлебных запасов беречь накрепко.

Да сыну боярскому Родиону Лихачову велел он, Мелентей, сыскать на Обдори обдорскими остяки, которые в то время, как воровская самоедь твои государевы хлебные запасы имали, на Обдори были и которые

остяки ж в то время были недалече от Обдори, по их вере по шерти: которого роду и хто имянем и сколько человек воровской самоеди на Обдор приезжали и в которое время и сколько мешков твоих государевых хлебных запасов взяли. Да Родиону ж де Лихачову велел тобольских и мангазейских служилых людей ранивших досмотреть и раны переписать и о том о всем велел ему, Родиону, к себе отписать и сыск прислать на Березов.

И маия де в 4 день писал к нему, Мелентью, березовский сын боярской Родион Лихачов: едучи де он з Березова дорогою к Обдори и на Обдори будучи апреля з 23 числа да апреля ж по 28 число воровские самоеди при них не объявилось. А после де того, как писали к нему с Обдори тобольские и мангазейские служилые люди Ивашко Михайлов с товарищи, до ево, Родионова, приезда на Обдор за день приступали вдругорядь на Обдори к твоим государевым запасам и к служилым людям та ж воровская самоедь, которые в нынешнем во 152-м году на Обдори служилых людей переранили и твой государев хлеб имали, самоедин Харва с товарищи. И в другой де приступ та самоедь над служилыми людьми ничего не учинили и твоево государева хлеба не взяли. Да он же де, Родион, прислал к нему, Мелентью, под отпискою своею сыск свой за знамены обдорских ясачных остяков, про что было велено ему сыскать. И тот сыск воевода Мелентей Квашнин под отпискою своею прислал в Тоболеск.

А в обыску написано: в допросе березовскому сыну боярскому Родиону Лихачову обдорские ясачные остяки Молик Мамруков с товарищи восемь человек сказали по своей вере по шерти: в нынешнем де во 152-м году, как приезжали на Обдор воровская самоедь Харва да Вяна да Муния роду Карачей, да роду Адеров самоедин Тутчида, да зять ево Харвин роду Лохеев и ево де Харвину зятю имяни и иным Харвиным товарищам, которые с ним были для воровства, имян их не ведают – и сколько чети твоево государева запасы взяли, того они не ведают же, потому что де они в те поры на Обдори в зимних юртах не были, выехали преж их, воровской самоеди приезду, по своим внешним юртам.

Обдорской же остяк Хулейко Щеголдаев сказал: приезжал де на Обдор Харва с товарищи и к служилым людям за щитами приступали. И в ту де пору служилые люди у воровской самоеди у Харвы с товарищи убили ис пища человека. А сколько де с тем Харвою в те поры воровской самоеди было, того он, Хулейко, не ведаёт. И те ево де государева запасы в те поры та воровская самоедь не взяли ни одной чети и отъехали прочь.

Обдорской же остяк Кандейко Лонгуров сын сказал: после приезду воровской самоеди по приезд их он, Кандейко, от служилых людей от Ивашка Михайлова с товарищи слышал, а того де, государь, он, Кандейко, служилым людям не сказывал, что будет де к ним, служилым людям, вперед воровской самоеди много и отсидетца им будет не уметь. И того де он не ведаёт, сколько воровской самоеди было и хто имянем и которого роду и сколько твоево государева запасы взяли, того де он не ведаёт же.

Коцкой, государь, остяк Корымков сын сказал: приходил де он на Обдор из внешних юрт лабаз делать, а в тот же день преж ево приехали на Обдор воровская самоедь Харва да Вена да Мауня да роду Адеров самоедин Тутчида да зять ево Харвин роду Лохеев, и ево де Харвину зятю имени не ведаёт. Да с ним же де с Харвою были пять человек самоеди, а имян де их и которого хто роду, того он не знает. А приезжал де тот Харва к ним служилым людям к Ивану Михайлову с товарищи на Обдор в те поры для торгу, и призвали де ево те служилые люди к себе в избы, а велели ему самоедски толмачить, и от того де ему дали хлеб и безмен соли, и он де им толмачил. И в те де поры они, служилые люди, купили у Харвы с товарищи десять постелей оленьих на муку, а купя муку, поехали та самоедь в свои чумы. А драки меж служилых людей и самоеди при нем не было. Да тот же де Харва с товарищи приезжал на Обдор к служилым людям ис чумов на другой день без нево, а он де в те поры был в своих юртах, а на Обдор не приезжал. И купили де те служилые люди у той воровской самоеди самоедцкую девку на муку. А после де торгу та самоедь Харва с товарищи того же де дни к ним служилым людям приступали и их де, служилых людей, четьрех человек ранили, а твоево де государева запасы взяли четьртей з десять и больши. А слышал де он тот погром воровской самоеди от них, служилых людей, а о приступе де воровской самоеди он, Корымков сын не был. А сколько четьртей та воровская самоедь Харва с товарищи твоево государева запасы взяли, того де он не ведаёт.

И в нынешнем, государь, во 152-м году маия в 10 день до отписки з Березова воеводы Мелентия Квашнина писали мы, холопи твои, на Обдор к таможенным и заставочным головам к Дмитрею Котельникову да к Шумилу Степанову и послали тобольских служилых людей Ивашка Ярославца с товарищи пятнатцать человек, а велели им коч поделать и ехать с твоими государевыми хлебными запасы с Обдори в Мангазею.

На л. 175 об. отметка о подаче: 153 году октября в 25 день подал тобольский пятидесятник Пятунка ... [нрзб]

РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 175–182.

**Грамота из Сибирского приказа березовскому воеводе
В. М. Гагарину о набеге «воровской самоеди» из Надыма
на Обдорский городок. 1679 г., июня 24**

От царя и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в Сибирь на Березов столнику нашему и воеводе князю Василью Михайловичю Гагарину.

В нынешнем во [7]187 [1679] году апреля в 12 день писал ты к нам, великому государю, что Березовского де уезду из Обдорского городка писал к тебе ясачной сборщик Ивашко Шахов про воровскую самоедь, про Маулку да про Игонку Посевых, что нам, великому государю, они изменили и с собою подозвали иных городов воровскую самоедь многих людей, больше четырех сот человек, и пришли в Обдорской городок войною, и Обдорской городок осадили, стояли шесть дней, и никого из Обдорского городка не выпускали, и в Обдорской городок стреляли, и многих остяков и самоедь ранили, и ясачных остяков, которые были в юртах, и на промыслах, и у рыбной ловли, убили двадцать три человека да дву человек самоединов, и над ними наругались: носы и у рук персты резали, а жон их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон. Да Маулка ж говорил: пришли де они для того, что наших государевых ясачных людей, князца Гынду Моликова с товарищи, убить и всех обдорских остяков разорить; и запасы, и платье, и топоры и ножи, и котлы, и что готовили в наш государев ясак у них рухлядь отняли. А которые де ясачные люди под городком остались, и те де, для нашего государева ясаку, на промыслы итти не смеют, бояся от тех воров убойства, а которая де самоедь приехали с Каменной стороны с ясаком, и они де потомуж ехать не смеют, бояся от тех воров убойства ж, потому что самоедь Маулка с товарищи которые к их воровству не пристали ясачных людей вяжут и с собою возят, а иных бьют на смерть. И говорит де тот вор Маулка с товарищи: которые де остяки и самоедь к их воровству не пристанут, и они де их всех побьют и пойдут Березовского уезду в иные верхние городки ясачных людей розорять, а разоря де и пограбя, пойдут в Мангазею и побьют русских людей. И послал ты, выбрав березовских служилых людей, сына боярского да с ним двадцать человек казаков в Обдорской городок на выручку. И тот де вор Маулка и Игонка с товарищи, послыша посылку с Березова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуда пришли, с Мангазейской стороны из Надыма. И велел ты сыну боярскому и ясачному сборщику, собрався со всеми рускими и ясачными остяки, за теми ворами итти и поиск чинить. И обдорские де ясачные люди били челом нам, великому государю, что де им служилых людей за теми ворами поднять не на чом: которые де были у них в Обдорской волости олени, и те де олени вор Маулка с товарищи, пограбя, увели с собою без остатку, и за теми де ворами руским людям и остяком без оленей пешим итти нельзя, потому что де те воры живут в далних местех, к морю, по рекам и по озерам. И обдорского князя Гынду Моликова, да с ним дву человек ясачных людей и челобитную их прислал к Москве, а в челобитной их написано: в прошлых годех деды и отцы тех изменников воровали, нашу государеву казну громили, и служилых людей побивали, и на Пусте озере русских людей многих поморили и побили и животы их розграбили, и ясачных людей сургуцких и казылских остяков побивали, и по вся годы их грабили, и олени отгоняли, а в нынешнем де во [7]187 [1679] году которая самоедь шла с нашим великого государя ясаком в Обдорской городок, и оне де, Маулка, с товарищи, поймав их на дороге, вязали и с собою возили и нашего де великого государя ясаку платить не велели, а что де у них какова живота взяли и оленей отогнали, и тому под челобитною роспись. А в росписи их написано: взято у них, князя Гынды и у ясачных людей, денег, и рухляди, и оленей, и всяких их животов по цене на четыре тысячи на семь сот на тридцать на сем рублев на тридцать на один алтын на две денги. Да в нынешнем де во [7]187 [1679] году били челом нам, великому государю, Обдорского городка князь Гында ж Моликов и ясачные люди: служат де они нам, великому государю, и ясак платят изстари по вся годы на Березов, а в прошлых де годех до [7]185 [1677], до приезде в Тоболск боярина нашего и воевод Петра Васильевича Шереметева с товарищи, имали их с Березова в Тоболск и спрашивают

у них в Тоболску про ясачной сбор и про ясачных сборщиков, а у них де в Тоболску дел и никакого челобитья не бывало, и от тоболской де им волокиты чинились убытки болшие, и чтоб нам, великому государю, пожаловати, не велети их с Березова имати в Тоболск, а будет де у них какие дела неболшие будут, и по тем делам велети бы им наш великого государя указ учинить на Березове, а для болших дел отпустить их к нам, великому государю, к Москве с Березова, чтоб им от того убытков и волокиты, а нашему великого государя ясачному сбору недобору не было, и от воровской самоеди их оборонить, а в побитых остяках, и в пограбленных оленях, и животах наш великого государя указ им учинить.

И ныне мы, великий государь, указали: Про тое воровскую самоедь розведать подлинно, в которых местех они кочуют, а розведав, и в винах своих нам, великому государю, добили челом, и грабежные остяцкие животы и олени Березовского уезду Обдорского городка князем и ясачным остяком отдали, и нам, великому государю, служили, и прямили, и во всем добра хотели, и жили, и ясак нам, великому государю, платили по прежнему. А мы, великий государь, пожалуем, велим вины их им отдать. А будет тое воровские самоеди угворить никоими мерами не мочно, или для угвору за чем послать к ним нельзя, и про них потомуж розведать всякими мерами подлинно, нет ли у них, воровской самоеди, с иными какими иноземцы ссылки, а розведав, посылать на них с Березова березовских всяких чинов служилых людей да с ними Обдорских городков остяков, по сколку человек пристойно, высматривая и розведывая времяни накрепко, чтоб на них прийти во время и безвестно, и их смирить и под нашу великого государя царскую высокую руку в ясачной платеж привести, а себя от них уберечь, и Остяцкие грабежные животы и олени сыскав, отдать обдорским князем и ясачным остяком, у кого те животы и олени та воровская самоедь взяли. А как с Березова на воровскую самоедь березовским служилым людям посылки будут, а за посылками досталных березовских служилых людей на Березове будет мало, и на Березов а прибавку служилых людей, и пушек, и пороху, и свинцу, и хлебные запасы, и соль посылать в то время с тоболскими служилыми людьми из Тоболска, сколько доведетца, смотря по тамошнему делу, чтоб от малолюдства на Березове, и в Мангазее, и на старом Мангазейском городище, и в уездах от иноземцов поруки какие не учинилось. А для тех посылок березовских служилых людей с Березова в Красноярской, для обереганья от воинских людей, не посылать из Томского. А Березовского уезду обдорского князя Гынду Моликово с товарищи и ясачных людей, будет до них дел и их челобитья о чем не будет, с Березова в Тоболск не имать, а наш великого государя указ не в болших делах учинить им по нашему великого государя указу на Березове, а для болших дел, будет они похотят, по их челобитью, отпустить их к нам, великому государю, к Москве, вместо провожатых березовских служилых людей, за нашею великого государя казною с Березова, и о том к нам, великому государю, писати, чтоб им, иноземцом, от тоболской волокиты убытков, а нашему великого государя ясачному сбору недобору не было.

И как к тебе ся наша великою государя грамота придет, и ты б учинил о том на Березове по сему нашему великого государя указу и по тоболским отпискам, и о том к нам, великому государю, писал, а отписку велел подать в Сибирском приказе боярину Родиону Матвеевичю Стрешневу, да думному нашему дворянину Богдану Федоровичю Полибипу, да дьяком нашим Лву Ермолаеву, Саве Таркову.

Писан на Москве лета 7187 [1679] июня в 24 день.

Дополнения к Актам историческим. Т. 8. СПб., 1862. С. 166–168.

**Ревизия Обдорской волости
о положенных в ясачный оклад после последней
1764 года переписи с показанием убывших из оклада
и после переписи вновь рожденных. 1782 г.**

1783 года марта дня Тобольского наместничества Березовской округи Обдорской волости князь Яков Тайшин и лутчие ясашные остяки и самоедцы посиле состоявшегося 1781 году ноября 16 Ея Императорского Величества и в народ публикованного манифеста дали сию скаску о положенных в ясашной оклад по последней 1764 года переписи показанием и с того числа разными случаями убылья и после переписи вновь рожденных прибылья по самой истинной без всякой утайки а буде чем обличен впредь являют или по свидетельству найдется что кого либо утаил то повинен положенному по указам штрафу без всякого милосердия.

Звания и имена мужеска и женска полу людей	Мужеска			Женска		
	По последней ревизии в подушной оклад написаны были	И с того числа после ревизии доныне разными случаями выбыли	Ныне на лицо с прибылыми и вновь рожденными	По последней ревизии написаны были	И с того числа после ревизии до-ныне разными случаями выбыли	Ныне на лицо с прибылыми и вновь рожденными
ОБДОРСКОЙ ВОЛОСТИ КРЕЩЕННЫЕ ОСТЯКИ НАПИСАННЫЕ В ПОСЛЕДНЮЮ ПЕРЕПИСЬ						
Князь Матвей Тайшин I У него жена Марфа Спиридонова дочь. В замужество взята из того же городка У них дети	29	Умре в 764 году				47
Князь Яков Тайшин У него жена Татьяна вновь крещенная. В замужество взята того же городка у остека Сюми Тонина У них сын после первой переписи рожденный Иван У Якова сестры Катерина Авдотья	7		27			27
Иоан Норпахти Мурзин У него жена Марфа Иванова дочь В замужество взята Воикарского городка У них дети	36	Умре в 775 году				45
Петр У него жена Марфа Матвеева дочь В замужество взята в Собском городке	26		46			39

У них дети Афанасей <i>После переписи рожденный</i> Константин Дочери Анна Матрена	2	Умре в 775 году				7			4 2
Спиридон Одиги Марков У него дети	46	Умре в 773 году							
Федор У него жена Анна Иванова дочь В замужество взята в Собском городке У него дети Алексей холост Дочери Анна Анна же У Федора брат Дмитрий холост	23					43			24
	1					21			2 5-ти месяцев
	7					27			
Сергей Онги Мазангина	59	Умре в 775 году							
Иван Чохла Абаков У него жена Авдотья Гаврилова дочь В замужество взята Собском городке У него дети Григорей <i>Рожденный после переписи Василей</i>	44					64			57
	1					21 16			
Иван Марков У него жена Марфа Петрова дочь В замужество взята Куноватской волости Выемского юрта <i>У него дети рожденные после ревизии</i> Федор Петр Дочери Марфа Евдокия Катерина У Ивана брат Григорий	20					40			30
						5 4			6 3 2
НЕКРЕЩЕННЫЕ ОСТЯКИ Небр Марков У него дети	69	Умре в 770 году							
Тоболчи [Небров. – Авт.] У него жена Первая в замужество взята у самоедина роду Ванюта у Мотчю Вторая в замужество взята той же волости у остека Онди Мурзина Третья в замужество взята того же городка у остека Аги Агинпунова	31					51			48 40 38

У него дети						
Тылди	9	Умре в 772 году				
Яук	2					
Модырь	1	Умре в 772 году				
<i>Рожденные после ревизии</i>						
Марка		Умре в 772 году	18			
У него жена взята в замужество того же городка у остека Сесмана Микшикина					17	
У него сын						
<i>Рожденный после переписи</i>						
Нубт			2			
У Тоболчи же дети						
Мот			12			
Тоул			11			
Лоргым			6			
Яля			7			
Язие			4			
Оке			2			
Шаиша			1			
Небр			6 месяцев			
Дочери						
Первая					17	
Вторая					15	
Третья					14	
Четвертая					9	
Пятая					3	
Лонгали Мебров	56		76			
У него жена в замужество взята Архангелогородской ведомства у самоедина роду Тесги а имя и прозвания его не знает					25	
У него сын Ньюзи	2 месяца	Умре в 772 году				
Аги Агинпумгов	72	Умре в 772 году				
У него дети						
Мондал [Агиев. – Авт.]	40		60			
У него жена в замужество взята Воикарского городка у остека у Емеля Анзина					45	
У него дети						
Петрушка	10		30			
<i>Рожденные после переписи</i>						
Талим			18			
У него жена в замужество взята Вызпослимского городка у остека а имя и прозвание его не знает					25	
У него сын после переписи рожденный						
Агие			6 месяцев			
Юрки			10			
Негуля Агин	36		56			
У него жена в замужество взята того же городка у остека Ешнека Седина					50	
У него дети рожденные после переписи						
Игишига			2			
Дочери						
Первая					15	
Вторая					10	
Третья					8	
Четвертая					4	

Аурья Холь Волотка	4		24			
У него жена в замужество взята Надымского городка у остека Нарсы Седоскина					25	
У него дочь					2	
Хангали Неримов	56	Умре в 771 году				
У него дети						
Ервеко [Хангалин. – Авт.]	32		52			50
У него жена в замужество взята того же городка у остека Абуя Танбулова						
У него дети						
Несвашко	1	Умре в 772 году				
<i>Рожденные после переписи</i>						
Ях			13			
Атымат			4			
Хангали			1			
Дочери						
Первая					15	
Вторая					10	
Гырна Хангалин	22		42			
У него жена в замужество взята Велкопослинского городка у остека у Ишика Тимошкина					20	
У них дети рожденные после ревизии						
Адымхо			9			
Дочери						
Первая					8	
Вторая					6	
Третья					2	
Белка Хангалин	7		27			
У него жена в замужество взята Архангелогородского ведомства роду Тезги у самоедина а имени его и прозвания не знает					20	
У них дети рожденные после переписи						
Аиняврем			5			
Дочери						
Первая					4	
Вторая					2	
Поля Неримов	51	Умре в 776 году				
У него жены						
Первая в замужество взята Полуйского городка у остека Назара Ньюлякова					70	
Вторая в замужество взята того же городка у остека Небра Маркова					45	
У них дети						
Хозя	26		46			
У него жена в замужество взята у самоедина Хорича роду Карачея а имени и прозвания его не знает					40	
У них дети Тепу						
<i>Рожденные после ревизии</i>						
Вынгу			7			
Лонги			4			
Дочери						
Первая					12	
Вторая					8	

Юзы	14		34			
У него жена в замужество взята того же городка у остека Урока Шокурова					30	
У них дочери						
Первая					6	
Вторая					3	
У Тепи жена в замужество взята роду Карачея у самоедина Кылимби а его прозвания не знает					20	
У них сын рожденный после ревизии						
Сянгипись			4			
Енгеул Иги	11		31			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея Нобимачева					29	
У них дети рожденные после ревизии						
Агна			10			
Апла			4			
Дочь					2	
Лорым Онже Теп холост	1		21			
Лажек	3		23			
У него жена в замужество взята Войважского городка у остека Тожгши Евтюшина					17	
У них сын рожденный после ревизии						
Кай			2			
Муке, он же Нетма	4		24			
У него жена в замужество взята того же городка у остека Сухана Тонина					17	
У них сын рожденный после ревизии						
Осидке			3			
Дочь					1	
После ревизии рожденные						
Нерым Поин			8			
Дочери					20	
Первая					15	
Вторая					7	
Третья						
Ермак Мандруев	46		66			
У него жена в замужество взята Вызполлинского городка у остека Муса Аихова					60	
У них дети						
Кеул	10		30			
У него жена в замужество взята того же городка у остека Емха Шокурова					28	
У них дочь					1	
Ния	7		27			
Мамру	3		23			
Рожденные после ревизии						
Рывра			11			
Петрушка			8			
Алексей			12			
Дочери					18	
Первая					8	
Вторая					4	
Третья						

Сандра Окпожахов	43		63			
У него жены						
Первая в замужество взята Воикарского городка у остека Сидора Соина					60	
Вторая в замужество взята Воксарского юрта у остека Летчи Выюпова					55	
У них дети после переписи рожденные						
Тозя			12			
Есты			5			
Полтак			2			
дочь					10	
У Сандры братья						
Куба	19		39			
У него жена в замужество взята Вызполлинского городка у остека Енгадя Немчинкова					33	
У них дети рожденные после ревизии						
Абиси			10			
Прокон			7			
Вырчим			6			
Дочь					2	
Ванта	15		35			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея а имя и прозвание его не знает					30	
У них дочь					1	
Седома Пахлин	61	Умре в 776 году				
У них сын						
Сенга	29		49			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Муртюков у Самоура Ягадобина					45	
У них дети						
Пахля	2		22			
У него жена в замужество взята Вызполлинского городка у остека Пали Максарова					20	
Рожденные после ревизии						
Лямга			7			
Нитак			6			
У Лямги жена в замужество взята того же городка у остека Егорки Себакова					16	
Ваштах Ханзин	33		53			
У него жена в замужество взята Ворважского городка у остека Петрушки Кончина					40	
У них дети						
Сурла	1		21			
Дочери					6	
Первая					3	
Вторая						
У Ваштаха брат						
Сумзы Хазин	24		44			
У него жена в замужество взята того же городка у остека Мачи Шелеметьева					35	
Дочери						
Первая					4	
Вторая					1	

Иван Пакшин У него дети	66	Умре в 770 году				
Юнси [Иванин. – Авт.]	24		44			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Езенгей у Пори Елдолгмина					35	
У них дочери						
Первая					18	
Вторая					16	
Третья					13	
Четвертая					10	
Сондя Мурзин	40	Умре в 778 году				
У него жена в замужество взята роду Карачея Низовой стороны у самоедина Вакптчи Тактюева					50	
У них дети						
Ябати	24		44			
У него жена в замужество взята роду Езынгей у самоедина а имя и прозвание его не знает					40	
У них дочери						
Первая					5	
Вторая					4	
Астеда Хазин, он же Мурзин	12	Умре в 776 году				
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея у Лонду а прозвание его не знает					21	
<i>У него сын после ревизии рожденный</i>			1			
Мезеря						
У онди же сын						
Немлахо	3	Умре в 782 году			4	
У него дочь	1		21			
Сызыкхо холост	8	Умре в 775 году				
Юсмех						
Петр Сесманов	41		61			
У него дети						
Геунта	9		29			
<i>После ревизии рожденный</i>			7			
Везики						
Пуика Сесманов	35		55			
У него жена в замужество взята того же городка у остека Небра Маркова					50	
У них дети						
Илыпхо	19		39			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея Ноби Мачева					35	
У них дочери						
Первая					5	
Вторая					4	
Гында	9	Умре в 775 году				
Хавлед	1		21			
<i>Рожденные после переписи</i>						
Вазида			18			15
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея а имя и прозвание его не знает						
Яиля			16			
Лепегима			10			
Дочери						
Первая					10	
Вторая					7	

Акпах Секманов	33		53			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея у Ваныги а прозвания его не знает						25
У них дети						
Ялма	11		31			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея у Тепи а чей прозвания не знает						30
<i>У них сын после ревизии рожденный</i>						
Левонтей			3			
Дочь						18
Одерюма	1		21			
Ендра Сесманов	19		39			
У него жены						
Первая в замужество взята у самоедина Низовой стороны роду Карачея Ворломы Сюнева						35
Вторая в замужество взята у самоедина роду Ану Карачея у Пази а чей прозвания не знает						25
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Нында			1			
Дочери						
Первая						12
Вторая						9
Третья						7
Четвертая						5
Ныбыля Сесманов	17		37			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Ану Карачея у Панземы а чей прозвания не знает						25
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Неура						9
Сесман						7
Могиль Никшикин	52		72			
У него жена в замужество взята у самоедина Тоголвое а чей прозвания не знает						60
У них дети						
Селмей	28		48			
У него жена в замужество взята Выспалинского городка у остека Муса Аихова						40
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Елок			7			
Нота			4			
Дочери						
Первая						10
Вторая						8
Третья						6
Вынреда	18		38			
У него жена в замужество взята у самоедина Кули Югонпелина а прозвания не знает						30
У них дочь						2
Теки	9		29			10
У Могыла же дочь						
Сыхли Лабин	46	Умре в 772 году				
У него дети						

Ензор У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея а имя и прозвание его не знает	15		35			35
Хоншгух	12	Умре в 776 году				
Мондаль	4	Умре в 776 году				
Полоса	2		22			
Мурат Невраков У него дети	56	Умре в 782 году				
Сюнь У него жена в замужество взята Архангелогордского ведомства у самоедина роду Тезги Наоки а чей прозвания не знает	25		45			42
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Пузла			12			
Лева			5			
Дочь						
Нерыл	23	Умре в 770 году	43			
Непечин	22	Умре в 771 году				
Ендия	15					3
Ортюшка	1	Умре в 775 году				
Мычи Семлахов У него дети	36	Умре в 776 году				
Лобыти У него жена в замужество взята Выважского городка у остека Мету Чакилева	19		39			35
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Мычи			3			
Дочери						
Первая						10
Вторая						7
Третья						5
Четвертая						6 месяцев
Иги Семлахов У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея у Хыжчиды Тепова	34		54			45
<i>У них дети</i>						
Холим	5	Умре в 772 году				
Юстахо	2		22			
<i>Рожденные после ревизии</i>						
Енько			10			
Сочи			7			
Дочери						
Первая						4
Вторая						2
Тенек Семлахов У него жена в замужество взята того же городка у остека Сюми Тонина	29		49			42
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Хена У него жена в замужество взята Ворважского городка у Дети Еакилева			8			10
<i>У них дочери</i>						
Первая						6
Вторая						4
Толчеп Семлахов	24		44			

У него жена в замужество взята Варважского городка у остека у Савнехи Чакилева						36
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Ерзи					8	
Семлах					6 месяцев	
Дочь						6
Комли Семлахов	24		44			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Езынгей у Ажкая Холина						39
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Тога У него жена в замужество взята того же городка у Сиводушки Сонины					18	22
Помь					16	
Водера					14	
Неля					10	
Яча Семлахов	21		41			
У него жена в замужество взята Полуйского городка у Яика Хозихова						40
<i>У них дети после ревизии рожденные</i>						
Тор					5	
Потцана					3	
Туча					6 месяцев	
Халымчат Семлахов	19		39			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея у Сепоя Яурова						35
Еди Мурсуков У него племянник	51	Умре в 776 году				
Ара Еблин	41		61			
У него жена в замужество взята того же городка у Кормина Ливисина						50
<i>У них дети</i>						
Кусна	12	Умре в 773 году				
Мусик	3		23			
<i>Рожденный после ревизии</i>						
Енты			8			
Елжи Ваврин	53	Умре в 774 году				
У него жена в замужество взята Собского городка у Марей Токурова						45
<i>У них дети</i>						
Бакдек У него жена в замужество взята Выжпослинского городка у Палкан Вызыкарина	31	Умре в 782 году				29
<i>У них дочь</i>						16
Пинема У него жена в замужество взята Полуйского городка у Мауся Каулева	30		50			45
<i>У них дети рожденные после ревизии</i>						
Кунса					2	
Дочь						3
Полят	4		24			
Егорко Абаков	43		63			

У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея Неседомы а прозвания его не знает У них дети					55
Тор У него жена в замужество взята Выжпослинского городка у Онгали Енгасина	14		34		32
Неня	4		24		
Абак	1	Умре в 774 году			
Шумхи Добчин У него дети	59	Умре в 770 году	48		
Акленчи Шумхов	28			25	
У Шумха дочь					
Ебар Таныхов У него дети	48		68		
Игя У него жена в замужество взята Выспослинского городка у Пали Максарова У них дети рожденные после ревизии	30		50		45
Тагын			17		
Юзора			5		
Дочери					
Первая				23	
Вторая				19	
Третья				14	
Вода У него жена в замужество взята Ворважского городка у Петрушки Костина У них дети рожденные после ревизии	24		34		42
Хатынгеро			5		
Сеча			3		
Тавызи			15		
Дочь					
Ляхти			37		1
Хай У него жена в замужество взята Полуйского городка у остека Омласа Чесегина	22 17	Умре в 774 году			35
Сагвелтин Березин У него жена в замужество взята Обдорского городка у остека Марка Добчина У них дочери	30		50		48
Первая					
Вторая					25
Третья					8
У него пасынок					7
Едымас Сагвелтин	11		31		
Павоси Гусев	7		27		
Фетка Заикин У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея у Недохата а прозвания его не знает	44		64		55

У них дети Немлах Рожденные после ревизии Лову Пось	5		25		
Тангый У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея а имя его и прозвание не знает У Фетки дочери			7 12		15
Первая					5
Вторая					4
Третья					2
Тамруда Заикин У него жена в замужество взята Ляпинской волости у самоедина Поты Киева У них дети рожденные после ревизии	37		57		45
Ваянбой				7	
Заика				4	
Дочери					
Первая					9
Вторая					3
Сопоява Заикин У него жена в замужество взята у самоедина роду Езынгей а имя и прозвание его не знает У них дети рожденные после ревизии	30		50		49
Таиси				14	
У него жена в замужество взята Ляпинской волости у самоедина у Емласи а прозвания его не знает У Сепоявы дети					18
Юры				5	
Дочь					1
Лохрым Абысяков У него жена в замужество взята того же городка у остека Нормана Левесева У них дети	64		84		75
Русыслан У него жена в замужество взята Полуйского городка у остека Лонду Хаутова У них дети рожденные после ревизии	28		48		44
Талым				10	
Астя				7	
Емак				5	
Иги У него жены Первая в замужество взята Надымского городка у остека Седмы Кирсимова	11		31		30

Ренца Седин У него дети	62	Умре в 772 году				
Сокла Лажем <i>Рожденный после переписи</i> Тона	35 1	Умре в 774 году Умре в 777 году	15			
Ешнек Седин У него дети	44		64			
Пелик	24		44			
У него жена в замужество взята того же городка у остека Елжи Ваврина У них дочери Первая Вторая Третья					40	
Ненды	26		46			
У него жена в замужество взята того же городка у Енсора Секлина <i>У них дети рожденные после переписи</i> Седи Хапг Дочь У него же Ешнека сын Аенги холост Неика холост	14 13		34 33		38	6 месяцев
Нестер Седин	36		56			
Шаур Парин	34		54			
У него жена в замужество взята того же городка у Енбора Секлина <i>У них дети рожденные после переписи</i> Ложек Сяли Дочери Первая Вторая			9 7		50	
Ленжа Хаптев	63	Умре в 774 году				20 3
Марфида Акиркин	51		71			
У него жены Первая в замужество взята у самоедина Низовой стороны роду Адеров у Мычи а прозвания его не знает Вторая в замужество взята Вызпослинского городка у Тенгили Вызыкирина У них дети					60	
Теник	19		35			30

У него жена в замужество взята Вылпаслинского городка у Сынгати Немчинкова <i>У них дети рожденные после переписи</i> Яшка						35
Холан					6 месяцев	
У него жена в замужество взята Вызпослинского городка у Телима Исарова Унего Теника дети Надекмас Холдым Дочери Первая Вторая Третья Четвертая Пятая \ Енга					10	15
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея Нендолымы Немалолова <i>У них дети рожденные после переписи</i> Кумб Дочь У него же Морфиды дети Поду Дочери Первая Вторая Третья Четвертая	4				24	20
Пасида Накдышев	36	Умре в 778 году			3	1
У него жены Первая в замужество взята Вызпослинского городка у остека а имя и прозвание его не знает Вторая в замужество взята у самоедина роду Езынгея Уми Артина У них дочь	1					15 10 8 5
Тавы Иги Мокдаев	26				56	6
У него жены Первая в замужество взята у самоедина роду Карачея у Нычека а его прозвания не знает Вторая в замужество взята у самоедина роду Езынгея Такремы Тулова <i>У них дети рожденные после переписи</i> Юсмар Лули Дочери Первая Вторая					46	45
Васка Рогин	19	Умре в 773 году			16 11	35
Мауля Некдышев	36					15 10

У него жены Первая в замужество взята у самоедина роду Езынга Юмзы Ендолимина Вторая в замужество взята у самоедина Хыинди Ингдина Третья в замужество взята у самоедина роду Езынга у Валти Тапина У них дети						50
Пажи	11	31				
У него жена в замужество взята у самоедина а имя и прозвания его не знает У него же Маулы дети Хупида <i>Рожденные после переписи</i> Яра Хыла Сесвга Напти Рогаи Сумгузи Дочери Первая Вторая	7	27				30
Ныргыр Архипов	33	53				
У него жена в замужество взята у самоедина роду Ану Карачея Леура а прозвания его не знает У них дети Тебыл <i>Рожденные после переписи</i> Ангаля Енга Дочь	4	24				35
Мачи Шелеметьев У него жена в замужество взята того же городка у Сухана Тонина	42	62				50
Шилахги Маин	10	30				
У него жена в замужество взята того же городка у Лела Аихова У них дочь						20
Исмек	2	22				
У него жена в замужество взята того же городка у Керыма Муратова У них дочь У него же Мачи дети рожденные после переписи Роима Пох Дочь						19
Чакиль Шелеметьев	31	51				7

У него жена в замужество взята Воксарского городка у Вантли Шешкяна У них дети Положа <i>Рожденные после переписи</i>	3	Умре в 768 году				40
Выбырка					18	17
У него жена в замужество взята того же городка у Сиводушки Сонины У них дочь Юмна Дочери Первая Вторая Третья					7	6 месяцев
Пашка Мурутчин У него жены Первая в замужество взята Воксарского городка у Якушки Митрина Вторая в замужество взята у самоедина Сатурая Лантуева У них дочь	13				33	30
Прол Ималиев	46				66	
Иван Метин <i>У него сын рожденный после переписи</i>	29				39	
Тядя У него жена в замужество взята Воитважского городка у Сотчы Максимова У них дочь					18	17
Холан Нетин	17				37	1
Исхо Инади Тылдин	34				54	
У него жены Первая в замужество взята у самоедина роду Карачея Темзири а прозвания его не знает Вторая в замужество взята у того же самоедина Темзири Тогозвоева У них дети						45
Ерси	12				32	40
У него жена в замужество взята у самоедина Оса- рума а его прозвания не знает <i>У них сын рожденный после переписи</i> Махля					6 месяцев	
Янгей У него жена в замужество взята у самоедина роду Ану Карачея Нарасы а прозвания его не знает Хараку Мувусы Нотику <i>Рожденные после переписи</i> Сюбико Дочери Первая Вторая	6				26	25
	3				23	
	1				21	
	1	Умре в 772 году			8	
						12
						1

Унади Тылдин	69	Умре в 774 году				
Ярла Тылдин	45	Умре в 775 году				
Едю Ярлин	19		39			
У него жена в замужество взята Вызпылинского городка у остека Нюне Шиншлахова					50	
<i>У них дети рожденные после переписи</i>						
Мыр			15			
Дочери						
Первая					10	
Вторая					8	
Третья					5	
Четвертая					3	
Ладоко Ярлин	8		28			
У него жена в замужество взята Воксаркого городка у Кузмы Чангулина						
У них дочь						
Удя Тылдин	53	Умре в 772 году				
У него дети						
Ярза Тылдин	24		44			
Някапа	17		37			
У Ярзы жена в замужество взята у самоедина Лема Харчуева					40	
<i>У них дети после переписи рожденные</i>						
Леонтей			10			
Кыса			7			
Дочь					12	
У Някапы жена в замужество взята Вызпослинского городка у Викси Чиншлахова					35	
У Някапы сын						
Елмор			4			
Сюма Тонин	53	Умре в 772 году				
У него жена в замужество взята Обдорского городка у Уди Тылдина					40	
У них дети						
Тотчас [Сюмин. – Авт.]	32		52			
У него жена в замужество взята у самоедина Кунгули Карачея					40	
У Тотчаса дочь					3	
<i>У него брат после переписи рожденной</i>						
Тянгуи			10			
У Тотчаса сестры						
Первая					15	
Вторая					12	
Сухан Тонин	35		55			
У него жены						
Первая					42	
Вторая в замужество взяты Обдорского городка у остеков Нолима Каева, Даунюгулы Агина					35	

<i>У Сухана дети после переписи рожденные</i>						
Ливись						
Сека	1	Умре в 773 году				
Пендыля					10	
Немлахо					18	
Топели					4	
У Сухана дочери					3	
Первая						10
Вторая						3
Сека Тонин	14		34			
У него жена в замужество взята у самоедина Сира Мытчина						33
Нормак Ливисев	26		46			
У него жена в замужество взята у самоедина Енгы Ралабидина						45
У них дети						
Лактат	1	Умре в 777 году				
<i>После переписи рожденный</i>						
Томысь					2	
Селим Аев	36		56			
У него жена в замужество взята Обдорского городка у остека Небра Маркова						55
У них дети						
Наза	7		27			
<i>После переписи рожденный</i>			15			
Амяпа						25
У Назы жена в замужество взята Обдорского городка у остека Конди Пилдамова						
Укна Титиков	76	Умре в 782 году				
У него жена в замужество взята Вылпослинского городка у Хози Тявина						50
У них дети						
Сека	3		23			
Дочь						12
Ромса Титиков	32		52			
У него жена в замужество взята того же городка у Ебара Тянынова						50
У них дочери						
Первая						8
Вторая						6
Илья Титиков	34		54			
У него жена в замужество взята Ваитважского городка у Воля Ефтюшкина						42
Конца	5		25			
У него жена в замужество взята Полуийского городка у Хангиля Явмина						25
У Ильи дети						
Хекта						
Осья холост	2	Умре в 781 году				
<i>Рожденные после переписи</i>	1				21	
Лямка						
Дочери					8	
Первая						15
Вторая						10
Третья						6

Урас Шокуров	46		66			
У него жена в замужество взята Пелважского городка у Павла Нормандиева					50	
У них дети						
Тюля	26					
Аним	14	Умре в 781 году	34			
У него жена в замужество взята того же городка у Рыскылана Лохрымова					30	
<i>У них дети после переписи рожденные</i>						
Пека			2			
Кутыпхой			5			
Шокур			7			
Дочери					8	
Первая					1	
Вторая						
У Ураса же дети						
Ретка	7		27			
У него жена в замужество взята того же городка у Покдака Елфина					25	
Пугач холост	4		24			
<i>У него же Ураса дети рожденные после переписи</i>						
Акпох холост			18			
Недя			13			
Дочери					19	
Первая					3	
Вторая					2	
Третья						
Емхо Амеуков	26		8			
<i>У него сын рожденный после переписи</i>						
Аихо		Умре в 781 году				
Лел Аихов	36		56			
У него жена в замужество взята того же городка у Керима Муратова					55	
У него сын						
Хатымори	5		25		19	
У него жена в замужество взята Полуйского городка у Лешака Ленгина						
У них дочь					6 месяцев	
Сявдушка Сонин	38	Умре в 772 году				
У него жена в замужество взята того же городка у Пени Еблина					45	
У них дети						
Серапей	26		46			
У него жена в замужество взята Полуйского городка у Нюсомы Наекина					30	
<i>У них дети рожденные после переписи</i>						
Сони			8			
Яля			2			
Дочь					1	
Куди	14		34			
У него жена в замужество взята того же городка у Егорки Абакова					25	
<i>У Сявдушки дети рожденные после переписи</i>						
Нык			15			
Тона			3			
Хану			1			

Сепрась Сонин	28		48			
У него жена в замужество взята Полуйского городка у Омлака Нагина						45
У них дети						
Тога холост	8		28			
Кутля холост	5		25			
Терня	2		22			24
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея у Сорсу а прозвания его не знает						
Выча холост						
У Сепрака дочери	1		21			
Первая						17
Вторая						15
Третья						4
Вепти Аихов	34	Умре в 772 году				
Тетхо Тылдин	76	Умре в 775 году				
У него дети						
Онжехо [Тетхов. – Авт.]	29		49			
У него жена в замужество взята того же городка у Небра Маркова						45
У них дети						
Тылди [Онжехов. – Авт.]	9		29			
У него жены						25
Первая в замужество взята у самоедина Низовой стороны роду Карачея а имя его и прозвания не знает						
Вторая в замужество взята Каменной стороны роду Карачея у самоедина а имя его и прозвание не знает						23
<i>У них сын рожденной после переписи</i>						
Вылмяти					7	12
У Анжеха дочь						
У Тетха же сын						
Мяча [Тетхов. – Авт.]	26		46			
У него жены						
Первая в замужество взята у самоедина роду Карачея у Яура						40
Волина						
Вторая в замужество взята у самоедина роду Ану Карачея у Пезерюмы Немдина						42
<i>У них дети рожденные после переписи</i>						
Теку					6	
Левыко					4	
Манца					1	
Дочери						8
Первая						5
Вторая						3
Третья						2
Четвертая						
Пака Дураков	34		54			
У него жена в замужество взята Низовой стороны роду Карачея у самоедина Ваиптя Таитюева						50

У них дети						
Неочи У него жена в замужество взята Низовой стороны у самоедина а имя его и прозвания не знает У них дочери Первая Вторая	13		33			30
Семли У него жена в замужество взята у самоедина Низовой стороны роду Карачея а имя его и прозвание не знает У них дочь У Паки же дочери Первая Вторая	2		22		6 месяцев	30
Кыныля Едышкин У него жены Первая в замужество взята Низовой стороны роду Карачея у самоедина а имя его и прозвания не знает Вторая в замужество взята у самоедина Низовой стороны роду Карачея а имя его и прозвания не знает У них дочери Первая Вторая Третья <i>У Кыныли брат рожденный после переписи</i> Мамбу	15		35			45
Егомдан Дураков У него жена в замужество взята у самоедина Низовой стороны роду Карачея а имя его и прозвания не знает У них дети Хазео холост <i>Рожденные после переписи</i> Хадюма Тасяли Дочери Первая Вторая	24		44			35
Петля Едышаин У него жены Первая в замужество взята Низовой стороны роду Карачея у самоедина Перемчу Яикина Вторая в замужество взята роду Карачея у самоедина а имя его и прозвание не знает У них дети	30		50			55
Аряда У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея а имя его и прозвания не знает <i>У них сын рожденный после переписи</i> Хорзеп	10		30			40
Ладачи У него жена в замужество взята Низовой стороны роду Карачея у самоедина а имя его и прозвания не знает У Петли дочь	8		28			30

Третьек Каев У него жена в замужество взята Воикарского городка у Сюлиса Соина У них дети Носикар холост <i>После переписи рожденные</i> Ерѣгя Вылха Дочери Первая Вторая Третья	34		54			35
Сунзи Тылдин У него жены Первая в замужество взята Каменной стороны роду Карачея у самоедина а имя его и прозвание не знает Вторая в замужество взята Низовой стороны роду Карачея а имя его и прозвания не знает У них дети	26		46			15
Чемаш У него жена в замужество взята Низовой стороны роду Карачея у Сорты Палмина Уних сын Ирим Пудана У Сюнзи же дети Пыгыла <i>После переписи рожденные</i> Пялтей Инали Дочь У него племянник	7		27			8
Тимты У него жена в замужество взята Низовой стороны у самоедина роду Адоров а имя его и прозвания не знает	7		27			2
Шоголхо Ванхов У него сын	56	Умре в 779 году				15
Танзер Шонголхов У него жена в замужество взята того же городка у Егорки Абакова <i>У них дети рожденные после переписи</i> Шонгалхо Дочери Первая Вторая	24		44			8
Матфей Едышкин У него дети Нолган Едышкин	65	Умре в 774 году				2
У него жена в замужество взята Вылпослинского городка у остека а имя его и прозвания не знает	1		21			4

У них дети рожденные после переписи						
Едушка			8			
Тамчади			6			
Палзи			5			
Дочери					15	
Первая					10	
Вторая						
Ога Тендлин	7	Умре в 772 году				
Игишоп Едышкин	36		56			
У него жена в замужество взята у самоедина роду Карачея а имя его и прозвания не знает					50	
У них дети						
Тутлеумхо холост	7		27			
<i>Рожденные после переписи</i>						
Ишка			7			
Лынаи			4			
Дочь					12	
Сенга Едышкин	34		54			
У него жена в замужество взята Каменной стороны у самоедина роду Карачея а имя его и прозвания не знает					35	
У них дети						
Себеда холост	10		30			
<i>У них дети рожденные после переписи</i>						
Пундылума			4			
Кондрат Левин	50	Умре в 769 году				
У него дети						
Сапура Кондратов	24		44			
У него жена в замужество взята Ворважского городка у остека а имя его и прозвание не знает					40	
У них дочери						
Первая					4	
Вторая					3	
Хавылю Кондратов	19		39			
У него жена в замужество взята того же городка у остека Пени Еблина					20	
Нямяс Чутков	15		35			
У него жены						
Первая в замужество взята Мохташкиных юрт у остека а имя его и прозвание не знает					25	
Вторая в замужество взята Воксаркова городка у Якушки Митрина					30	
<i>У них дети рожденные после переписи</i>						
Еды			2			
Чуть			1			
<i>У Нямака племянник рожденный после переписи</i>						
Вауди			8			
Племянница девка					4	
Рабу Чутков	24	Умре в 779 году				
Ника Матюшкин	11		31			

У него жена в замужество взята Полуйского городка у остека Аумя его прозвания не знает						25
У них дочь						3
<i>У него же Ники брат рожденный после переписи</i>						
Налгем					8	
Магчю Шехалхов	36	Умре в 778 году				
У него сын Ванхо Мастюев	9				29	
У него жена в замужество взята Вылпослинского городка у Ранцы Тытыхова						25
<i>У них дети рожденные после переписи</i>						
Лакдек					2	
Дочь						3
<i>У Ванха же братья рожденная после переписи</i>						
Варда					15	
Ласек					8	
Хохрам Олешаин	36	Умре в 771 году				
У него сын						
Аним холост	9				29	
Алашка Едышкин	26					46
Калим Наев	43					63
У него жены						
Первая в замужество взята Полуйского городка у Незомы Нагина						30
Вторая в замужество взята Куноватской волости у самоедина роду Пучихи а имя и прозвания его не знает						55
У них дети						
Ишмек Нолимов	11	Умре в 769 году				
<i>Рожденные после переписи</i>						
Мамру					7	
Лорхои					4	
Дочери						11
Первая						8
Вторая						7
Третья						5
Четвертая						9
Пятая						
Игыля Наев	28				48	
У него жена в замужество взята Ворважского городка у остека а имя и прозвания его не знает						35
<i>У них дети рожденные после переписи</i>						
Теп					8	
Ига					2	
Дочери						7
Первая						5
Вторая						4
Третья						
Сезехо Петлин	15				35	
У него жена в замужество взята Мочташкиных юрт у остека а имя его и прозвания не знает						35
<i>У них сын после переписи рожденный</i>						
Хорзеп					4	
Дочь						2
Михайло Нетин	19				39	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Г. Ф. Миллер

Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек: от места ее разделения на Большую Обь и Малую Обь (о котором упомянуто в описании путешествия в Березов) вниз по течению. Из устных известий

«Сухая Обь, по-остяцки *Sarym-Ass*, рукав реки на левой стороне, который почти так же широк, как собственно большой основной рукав, лишь с тем, что он не имеет его глубины и особенно осенью очень мелок и несудоходен, откуда и возникло его название. От устья Малой Оби до его верхнего устья 5 верст.

Река Сось, по-остяцки *Sob-jugan*, по-самоедски *Padi-ja*, впадает в Сухую Обь с левой стороны, в 15 верстах от ее верхнего устья. Шириной в 30 сажень, а возникает в Печерских горах. На ее левом берегу, немного выше устья, находится Собской городок, по-остяцки *Sob-wasch*, по-самоедски *Padi-garden*, где в старые времена была остяцкая крепость и сейчас еще имеются остяцкие жилища Обдорской волости.

Вдоль этой реки раньше проходил очень оживленный путь между Сибирью и Россией, для которого тогда на ее правом берегу, примерно в 5 верстах от устья, была также установлена таможня под названием Собская, или Обдорская, застава.

Горы, из которых берет начало Сось, очень отчетливо видны из этой местности с Оби. Самоеды проделывают путь на оленях за один день. А по воде против течения раньше требовалось 8–9 дней. Река имеет быстрое течение и много мелей, или так называемых шивер, или переборов, так что при низкой воде осенью можно было продвигаться не иначе, как поднимая воду в подобных мелких местах с помощью парусов по образцу шлюзов. В горах от Соби есть небольшой волок через долину примерно в 3–4 версты до реки Усы, которая впадает в Печеру и служила для сообщения при водном путешествии с другой стороны. Остяки и самоеды описывают длину пути по суше таким образом, что если бы от одной реки до другой были расставлены 6 человек на равном расстоянии друг от друга, они могли бы слышать крики друг друга. Как Сось, так и Уса возникают севернее дороги. Между ними есть озеро, из которого в обе реки впадают маленькие речки.

Соединение Сухой Оби с большим рукавом реки, в 5 верстах от реки Соби. Здесь остяки Собского городка имеют свои летние жилища. Хотя обычно считают, что здесь находится настоящее устье р. Соби и что Сухая Обь заканчивается там, где она соединяется с Сосью. Это основано на том, что данный рукав от устья реки Соби, которое я установил возле Собского городка, больше уже не так мелок, каким он является выше р. Соби.

Икарская Обь (о которой выше) вновь соединяется с р. Обью в 10 верстах от Сухой Оби.

Река Полуи, по-остяцки *Pul-jugan*, по-самоедски *Lar-ja*, с правой стороны, в 20 верстах от Икарской Оби; имеет ширину в 40–50 сажень и имеет исток, видимо, поблизости от р. Казыма.

На северном берегу этой реки, в 9 верстах от устья, находится Обдорской острог, где имеется гарнизон из березовских казаков, чтобы удерживать самоедов от набегов и одновременно принимать ясак с тамошних остяков и самоедов. От Кужевацкого погоста досюда насчитывается 181 верста, а от Березова в общей сложности 291 1/2 верста. Острог был впервые основан в 1731 г. и охватывает пространство на 20 сажень в длину и 15 сажень в ширину, с 4 жилыми помещениями и 6 амбарами. В старые времена на этом месте была остяцкая крепость, которая еще до русского завоевания часто посещалась для торговли зырянскими и называлась Обдорским городком. Откуда возникло это название и что оно означает в этих местах неизвестно. Между тем его перенесли также на тамошних остяков, ибо они и сейчас еще имеют название Обдорская волость. Точно так же название Обдории воплощено и в царском титуле. Остяки называли тамошнюю бывшую крепость

Puling-auot-wasch и точно таким же именем называют они нынешний острог. Самоеды говорят *Salja-garden*. Слова *Auot* и *Salja* в обоих языках равнозначны и означают возвышенный мыс, подобный тому, что здесь, на северной стороне р. Полуи, выступает в Обь. Ну, а поскольку такие мысы называются по-русски словом нос, то поэтому данный пункт издавна имеет прозвище носовой. Кроме того, этот мыс там, где он выдается в Обь, называется по-остяцки *Lonch-Auot*, а по-самоедски *Chaibido-Salja*, по той причине, что раньше здесь стояли остяцкие идолы, ибо как в остяцком языке *Lonch*, так и в самоедском языке *Chai* означают идола. В русском языке название переводится обычно как Шайтанской мыс. Из речек, впадающих в Полуи, узнал лишь о двух, а именно.

Рч. Шайтанка, по-остяцки *Wogitlja-jugan*, по-самоедски *Perentsch-ja*, с северной стороны, немного ниже острога. На этой речке раньше также должен был стоять идол, на что указывает остяцкое название *Wogitlja*.

Рч. Пашерская, по-остяцки *leming-jugan*, с той же стороны, приблизительно в 8 верстах выше острога. В известном месте на этой речке вода считается святой и остяки ее не пьют, однако выше и ниже данного места они по этому поводу не беспокоятся. Это является также причиной остяцкого названия, которое означает то же, что и святая.

Еще на реке Полуи имеется Полуиной городок, по-остяцки *Pul-wasch*, по-самоедски *Lar garden*, на южном берегу, примерно в 20 верстах от последней указанной речки. Здесь находятся остяцкие зимние жилища Обдорской волости.

Вылпасинская протока, по-остяцки *Wyl-passil*, то есть Большая протока, на левой стороне; верхнее устье в 5 верстах от устья р. Полуи, а нижнее — в 30 верстах ниже. На этой протоке на левом берегу, в паре верст выше нижнего устья находятся остяцкие зимние жилища, называемые по-русски Вылпасинскими зимними юртами. От Обдорского острога досюда насчитывают по прямой зимней дороге 35 верст.

Обь Захребетная, по-остяцки *Keu-ass*, то есть Каменная Обь, на левой стороне; верхнее устье в 12 верстах от того места, где Вылпасинская протока вновь соединяется с Обью.

Воксарской городок, по-остяцки *Woksarit-wasch*, по-самоедски *Pandu-garden*, на правом берегу р. Оби, в 20 верстах от верхнего устья Захребетной Оби и в общей сложности в 79 верстах от Обдорска. Прежде это была крепость, которая и сейчас заселена остяками. *Woksar* означает по-остяцки лиса.

Река Воксарка, по-остяцки *Woksarit-jach-jugan*, по-самоедски *Pandu-ja*, с правой стороны, в 4 верстах от предыдущего пункта; шириной в 30–40 сажень.

Siw-ja, впадает в Захребетную Обь с левой стороны на широте предыдущей реки; шириной в 10 сажень.

Ворвашские юрты, по-остяцки *Wor-wasch*, по-самоедски *Netschi-garden*, на правом берегу, в 17 верстах от Воксарского городка. Как показывают остяцкое и самоедское названия, здесь также раньше была крепость. Сейчас здесь имеется лишь одна остяцкая хижина.

Обь Захребетная, нижнее устье на левой стороне, в 20 верстах от Ворвашских юрт.

Река Щучья, по-остяцки *Cholass-jugan*, по-самоедски *Piiri-ja*, с левой стороны, в 5 верстах от нижнего устья Захребетной Оби. Так же велика, как Сось и точно так же возникает в Печерских горах. Название на всех языках означает то же, что и Щучья река.

Сухая Обь, по-остяцки *Sarym-Ass*, по-самоедски *Torai-ja*, на левой стороне, в 5 верстах от предыдущей реки. Течет 100 и больше верст и, наконец, впадает в Обскую морскую губу. От Сухой Оби еще 10 верст до места впадения реки Оби в эту вышеуказанную морскую губу. На устье находится остров, где имеются самоедские летние жилища. Перед ним в начале губы есть яругой большой остров, на котором стоят 7 лиственниц; отсюда место называется «У семи дерев».

Остяки называют морскую губу *Saras*, или *Tscharas*, или *Emder*, хотя последнее слово у некоторых остяков, например, у лумпокольских по р. Ваху в Сургутском уезде, означает также большое озеро на материке. Самоеды не имеют для того другого названия кроме того, которым они именуют вообще воду и реку Обь, а именно *jam*. Там, где начинается соленая вода, они говорят *Aptin-ja*, то есть горькая, или вонючая, вода.

Район морской губы в последние годы благодаря различным экспедициям стал обстоятельно известным и поэтому я могу сослаться на подготовленные ими карты, однако пока еще не известно, что из содержащегося там может быть сообщено. Осталось еще лишь несколько рек, речек и пунктов вдоль восточного побережья морской губы, о которых я получил больше сведений, чем показано в этих картах.

Poschi-jugan, по-самоедски *Wanui-jota-ja*, в 32 верстах от устья реки Оби. Возникает в нескольких верстах из так называемых Семи озер, которые расположены поблизости друг от друга и соединены между собой маленькой речкой. Самое большое из этих озер имеет длину в 3 версты и примерно наполовину меньшую ширину.

Семиозерные магазейны, в 17 верстах от предыдущей речки. Являются провиантскими магазинами, основанными для предыдущей экспедиции.

Семиозерная речка, по-остяцки *Totschu-jugan*, по-самоедски *To-so*, то есть Озерное устье, в 5 верстах от предыдущих магазинов. Возникает из вышеупомянутых Семи озер, самые ближние из которых здесь удалены от побережья едва ли на 2 версты.

Рч. Медвежья, по-остяцки *Iem-woi-jugan*, по-самоедски *Work-ja*, в 14 верстах от предыдущей речки; шириной в 5 сажень. Остяки из почтения называют медведя *Iem-woi*, то есть святой зверь.

Ieming-jugan, по-самоедски *Chaibido-ja*, в 60 верстах от предыдущей; шириной в 30 сажень. Здесь стоял остяцкий идол.

Река Надым, по-остяцки *Nading-jugan*, по-самоедски *Njading-ja*, в 12 верстах от предыдущей и в 90 верстах от Семиозерных магазейнов. Шириной в 150–200 сажень и, по словам самоедов, должна возникать по соседству с впадающими в Обь реками Казым и Полуи. Она, собственно, имеет два устья, находящихся в паре верст друг от друга. В 25 верстах от устья на западной стороне реки, на протоке *Wasch-ass* раньше были остяцкие жилища Обдорской волости, состоявшие из двух больших юрт, построенных из дерева и засыпанных землей, каждая из которых была длиной в 8 сажень и шириной в 6 сажень. В каждой юрте жило по 20 семей остяков. Из-за угрозы нападений самоедов они укрепили пункт острогом из палисада, отчего он был назван *Nading-wasch*. Однако весной 1730 г. эти остяки перенесли большой голод, от которого здесь большинство вместе с женщинами и детьми умерло и осталось лишь примерно 10 человек, которые со временем, когда это позволили их силы, бежали в Обдорск. С того времени острог вместе с юртами разрушился.

Ledenzeto-ja, в 20–30 верстах от устья р. Надыма.

Toiennau-ja, в 10 верстах от предыдущей. Обе являются лишь маленькими речками.

Гусиный нос, в 2 верстах от предыдущей речки. Здесь находились провиантские магазины для морской экспедиции.

Река Нгид, по-самоедски *Ngide-ja*, в 15 верстах от Гусиного носа. Шириной в 100 сажень, а возникать она должна в одном месте с впадающей в Пур рекой *Iesitta*, так как между ними описывается лишь небольшой волок, посредством которого можно с лодкой перебраться с одной реки на другую.

О впадающих еще дальше в эту же морскую губу реках Пур и Таз следует смотреть описание северных местностей Мангазейского уезда». [*Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 257–260*].

РГАДА. ф. 199. портф. 517, ч. 2, д. 7

Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. 1755 г.

ГЛАВА 4. О Камчатских острожках

Под именем острожка разумеется на Камчатке всякое Камчатское жилище, состоящее из одной или нескольких земляных юрт и из балаганов. По камчатски такие жилища называются *Атынум*, а казаки прозвали их острожками без сомнения от того, что по приходе их на Камчатку укреплены были оные земляным валом или палисадником, как у сидячих Коряк в севере и поныне укрепляются.

Юрты делают они следующим образом: выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и в ширину смотря по числу жителей. В яме почти на самой середине ставят четыре столба толстые, один от другого по сажени и далее. На столбы кладут толстые перекладыны, а на них потолок накатывают, оставя почти на середине четвероугольное отверстие, которое и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы служит. К помянутым перекладам прислоняют с земли бревна же, которых нижние концы на поверхности земли утверждаются, и обрешетя их жердями покрывают травой, и осыпают землю, так что юрта **с наружи имеет вид** небольшого **круглого холмика**; но внутри он четвероугольный, однако почти всегда две стены бывают доле, а две короче, у одной продолговатой стены между стоячими столбами бывает обыкновенно очаг, а от него вывод, которого внешнее отверстие гораздо ниже помянутого. Делается ж сей вывод для того, чтоб входящим во оной воздухом выгоняло дым вон из юрты чрез верхнее отверстие.

Внутри юрты подле стен делают они полки, на которых спят семья подле семьи рядом. Токмо не бывает полков против очага: ибо там обыкновенно стоит домовая посуда их, чаши и корыта деревянные, в которых и себе и собакам есть варят. А в которых юртах полков нет, там вокруг мест, где спят, положены бревна, а самыя места уславы рогожами.

Украшения в юртах никакого нет, кроме того, что у некоторых стены обвешены бывают плетеными из травы рогожами, а по их званию чирелами.

У северных Камчадалов бывает в юртах по два идола, из которых один называется *Хантай*, а другой *Ажушак*. *Хантай* делается наподобие сирены, то есть с головы по груди человеком, а от туду рыбою, и ставится обыкновенно подле огнища; а для чего и во образе кого, другой притчины не мог выведать кроме того, что есть дух сего имени. Идола сего *Хантая* ежегодно делается новой во время грехов очищения, и ставится со старым вместе, по числу которых можно узнать, сколько которой юрте лет от построения. *Ажушак* есть столбик с обделанною верхушкою на подобие головы человеческой: ставится над домашнею посудой, и почитается за караульщика отгоняющего от юрты лесные духи; за что и кормят его Камчадалы по всякой день, мажут ему голову и рожу вареною сараню или рыбою. Сего идола и южные Камчадалы имеют, и называют *Ажулуначь*, но вместо *Хантаев* есть у них по грядкам колье с обтесанными головками, именуемое *Урилыдачь*.

Входят в юрты по лесницам стремянкам, под которыми обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривычному трудно входить и выходить из юрты: ибо и лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя и проходя сквозь дым должно переводить дух, чтоб не задохнуться. Но Камчадалам то не препятствует: ибо они по своим лесницам, на которых ступенях токмо носками становиться можно, так как белки наверх взбегают; и бабы с малыми ребятами за плечьями сквозь дым ходить не опасаются, не смотря на то, что оне и коекчучи имеют позволение входить и выходить чрез другое отверстие, которое просто жупаном называется. Впрочем есть ли мужчина пойдет жупаном, тот час притчину подаст над собою смеяшься: ибо сие у них столь странное дело, что казаков, которые при первом случае не обыкнув ходить сквозь дым, выходили жупаном, почитали они всех коекчучами.

Головни из юрт выметывают в верхнее отверстие ущемя в две нарочно для того зделанныя палки, которыя называют Андронами, и тот за великаго щеголя и удальца почитается, которой большая головни из глубокой юрты выбрасывает метко.

В сих юртах живут Камчадалы с осени до весны, а потом выходят в балаганы. Южные Камчадалы юрту называют *Тгомкегсичь*, а северные *Кузучь* или *Тимусчичь*. Верхнее отверстие *Оночь*, нижнее *Линем*, закрышку его *Шолоначь*, от чего весь выход казаки называют жупаном. Стоячие столбы в юрте *Кокод*, а толстыя бревна, которые с земли прислоняются к перекладинам, *Кошлед*.

При каждой юрте бывает по малой мере столько балаганов, сколько семей в острожке: ибо оные и вместо кладовых анбаров, и вместо летних покоев служат, а делаются следующим образом: Сперва ставят девять столбов вышиною сажени по две и больше, в три ряда в равном разстоянии. Столбы связывают перекладинами, на перекладинах мостят пол кольем, и устилают травой: поверху полу делают из колья ж высокой востроверхой шатер, которой обрешетя прутьями или тонкими кольями ж, покрывают травой. Траву прижимают кольем, а для крепости, чтоб не сносило ветром, концы верхняго колья с концами нижняго связывают ремнями и веревками. Двери у них делаются с двух сторон, одни против других прямо. Ходят на балаганы по таким же лестницам, как в зимние юрты.

Такие балаганы бывают у них не токмо при зимних юртах, но и на летовьях, где корм промышляют, и сие строение по обстоятельству тамошних мест весьма способно и нужно: ибо в разсуждении тамошних мокрых погод во время рыбной ловли принуждены они бывают досушивать рыбу под балаганами. Но есть и другая тамошним жителям выгода от балаганов; ибо когда они с летних промыслов в дома возвращаются, то сушеную рыбу обыкновенно оставляют до зимы в балаганах, по большей части без караулу, токмо отставя прочь лестницу. И таким образом корм их хранится в целости от зверей, которые на балаганы попасть не легко могут; а ежели бы оное строение не столь высоко было, то бы звери ничего им не оставили: ибо есть примеры, что медведи взлазят иногда и в балаганы не смотря на все трудности, особливо же в осеннее время, когда в реках рыба и по полям ягоды перемежаются.

На летних промыслах при балаганах делаются травяные шелаша, которые по камчатски *Бажабаж*, а по русски барабанами называются. В них они по большей части есть варят, и рыбу чистят в ненастливую погоду, а казаки, соль варят из морской воды.

Многолюдные острожки обставлены бывают вкруг балаганами, и издали показывают преизрядной вид. Всякой такой острожек кажется городом по притчине балаганов, которые и сами мы не видав почитали башнями.

Камчадалы строят свои острожки обыкновенно по островам в густых тальниках, или на таких местах, которыя от природы крепки, и безопасное имеют положение, разстояшем от моря не меньше 20 верст, а иногда и гораздо дале; а на устьях рек бывают у них летовья. Однако сие касается до одних южных Камчадалов, кои живут по Пензенскому морю, а по Восточному морю есть острожки и подле самага моря.

Всякой острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода, и с той реки на другую никогда не переселяется. Есть ли по какой ни будь причине одна или несколько семей пожелают жить особливими юртами, то делают оныя выше или ниже острожка по той же реке или по посторонней, которая течет в реку их. Чего ради думать можно, что на всякой реке живут сродники, которые происходят от одного пра-родителя. Сами Камчадалы по объявлению Стеллера, говорят, что Кут, котораго иногда богом, а иногда пра-родителем называют, на каждой из Камчатских рек жил по два года, и детей родив оставлял их на природном их месте, от которых каждая река имеет ныне своих жителей. Таким образом Кут их дошел до Озерной реки, которая течет из Курильскаго озера; и аки бы совершив течение и труды свои приставил к горе баты свои и отбыл с Камчатки. На промыслы звериные ходят Камчадалы по своим же рекам, что, может быть, преж сего наблюдалось строго, но ныне желающие промышлять морских зверей, ходят верст по двести от своих жилищ на Авачу и на Курильскую лопатку. [*Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. 1755. С. 25–31*].

Описание живущих Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым, 1768–1774 гг.

Глава VI. О их житии и экономии

Сколь дикой сей народ и гнусной в своем житии, хотя того и не можно заключить из краткого сего описания, однако здесь мною поступаемо было так, чтобы верить одному только слову, а не пространному того описанию, в которое я нимало [не] не старался. Нельзя тому поверить, что остяки руки никогда не умывали, но всегда с их рук или около чищения рыбы грязь смывается или мокрые о негодную спальную свою шубу обтираются, и хотя всякому брезгливому смотреть на такое житье будет странно, однако и принужден будет терпеть великодушно и удивляться их невежеству. В самых их жилищах нет никакой чистоты и порядку, нет никакой опрятности и, кажется, нет ни малого к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою и оправлять должны, будто бы так надо по ихному закону. Сие свинское житие каждому покажется невероятно, однако кто на их жилища хотя издали посмотрит, тот в верности сего описания не усумнится.

Остяки, во-первых, избирают места свои на зимнее время обыкновенно подле воды, где на сухих местах строят деревянные избы, которые бывают без крыши, а только на потолок насыпают земли, на котором вырублено четверугольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается. Изба имеет совсем особое строение и строится по большей части четверугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого окладывается как надо, без перекладывания между бревнами моху, а некоторые такие ж юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей, сколько живут в юрте, и хотя за множеством не широко место достается, однако каждая остячка со всем своим экипажем и детьми должна в узком том отделенном месте жаться, при своем огне сидеть и работать.

Из сего видно, что у их нет никакого убору и опрятности, но где что как положено, на том и валяются. В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе и естли случатся младенцы, то каждая в своей норе пред собою имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут и, одев малою шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и с матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят себе пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами. Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрты прибывают, но когда остяку куда ехать понадобится, то всех сгоняет в избу и, тут накормя, запрягши, выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых и спят тут же и костят без всякого после очищения, чего ради во всех оных юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть верно никто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой напромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму не достанет, то кости тут и поземы жарят, отчего вся юрта вверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочи и сору никогда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет.

Что же касается до ихней прочей поклажи, как оленье кожи, постели и прочие зверёвые шкуры, те кладут в лабазы, в лесу построенные, без всякого прибору и от воровства опасения, а кожи оленье около лабазу часто и так на весь год лежат на санках оставленные, иногда и в дальнем от юрт разстоянии.

Вся их экономия состоит в содержании оленного скота, но из остяков, кои живут около Обдорска, много таких найдется, которые ни одного оленя не имеют, а кои выше по Обе расселились, те об их и не думают, но

по дороге от Березова до Тобольска содержат некоторые и лошадей, на которых подводы гоняют, а промыслов своих не оставляют.

Нужда их научает перенимать российские обычаи, но за что ни хватятся, то все видят от россиян дорого, а покупать не из чего, ибо все остяки, которые живут в отдалении от русских, мало имеют и понятия об деньгах, разве те, которые около Березова и выше находятся.

Некоторые из богатых остяков имеют у себя мыло, коим моются, и хотя за хорошее для выедания грязи признать можно, однако российское почитают за знатной гостинец. Ихнее мыло весьма едкое и совершенно их рукам сродное, потому давняя грязь в тело так въелась, что и ядовитыми зельями в бане едва отмыть можно, и хотя они не каждой день тем моются, однако новую грязь скоро отъедает. Они делают сами из золы и жиру таким образом: перво в котел положат золы немалое количество, к которому прибавляют несколько жиру, так, чтоб не жидко было, и варят до тех пор, пока сгустеет и на дно сядет, как кисель, которой, разрезав частицами, завертывают в тряпички; а когда мыться надо, то, помоча немного клубок с зольным мылом, сок из его выжимает, коим трется, и хотя на первый случай оно марается, однако напоследок грязь так отъедает, что сие остяцкое изобретение должно почесть между лучшими вещами в их экономии. Но сие только богатые имеют или их князцы, а у которых немного жиру или, лучше сказать, которой не знает чистоту различить с нечистотою, тот истинно мало думает не только о мыле, но и о умывании рук не помышляет.

Платье обоих народов хотя гнусное, простое и никакого от праздничного не имеет отличия, но все одинаков, однако тем они себя счастливыми считают, что не имеют дальнего в том затруднения и бедности, но всякой бедной, коли никак промыслить не может, носит его до тех пор, пока все на нем истлеет. Все сие достают они легко между собою или меною с богатыми, или служением, или самое легко находят средство обогатиться, коли есть где наняться в пастухи за оленями, однако таковым около своих мало удается исправиться, потому что своего мирского суда боятся, но есть ли такой недоброй совести попадет в русское стадо, то скоро, не бояся нимало будущего обвинения, хозяина разорит, а сам разбогатеет, ибо стада русских оленей ходят в тех тундрах, где и иноверческие пасутся, и хозяин только один раз в год приезжает пересчитать и перепятнать их, но пастух, куда б сколько не утратил, на все легко ответ сыскать может: или пропал без вести, или зверь изорвал, хотя и совершенно видно, что ушло на его собственные надобности, но уже того никоим образом отыскать нельзя, потому что там судьи и в важнейших делах русских с остяками не судят, а особливо с богатыми. Правда, хотя сему пастуху стадо пасти не без труда и не без беспокойствия достается, однако в рассуждении уже их к тому привычки, бедности и за то заплаты, можно почесть за малое, но он, не рассуждая того, что уже и так доволен, еще хочет жить навсегда богато и получить ту честь, как у их богатых почитают.

Трудолюбивый сей народ хотя ветреным своим умом и рассуждает, что там или инде место для его будет спокойнее, но истинно везде несносное их состояние, которое, однако, по привычке сносят нечувствительно. На месте хотя б всякой из их хотел быть спокойным, но разные промыслы, которые одне в его уме пребывают, понуждают его вступать во вся тяжкая, и по привычке своей ко всем трудностям уже не почитают себе оное тяжестью. Женщины же я не знаю, когда б они хотя час праздно сидели. Верно одеревенелые руки труды их докажут, во всем дому живет не как жена, но как служанка, да так между ими и почитаются. На месте иль в дороге, не включая того, что мужу во всем помогает, расстанавливает она чум, колет дрова, раскладывает огонь, варит есть, и муж до тех пор с санков не слезет, покудова все в чуму не будет управлено; тут его обсушивает, там обшивает, а он, переодевшись, пойдет опять за промыслом, куда надобно.

Варварские их с женами поступки еще более грубое состояние увеличивают, ибо где б то ни было, не говорит он с ею никогда ни слова, а хотя что и понадобится, то жена должна из одного только слова понимать его надобность. С промыслов что привезет, жена все убирает, и он ни во что не вступает, так что сколько б он ни привез битых оленей или чего другого, ободравши кожи, дает сам жене выделывать, хотя б уже и без того на такую работу ей времени не доставало, но к таковой суровости еще прибавляет «скорее». И так во всем у их женской пол раболепствует и более, нежели у строгого господина рабу подлежало. [Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым. Тюмень. 1999. С. 137–223].

Шемановский И. С. Избранные труды. 1910 г.

В ОБДОРСКОМ ГОРОДКЕ

В большом торговом русско-зырянском Обдорске существует Обдорский городок. Даже из среды местных колонистов мало кто знает о нахождении этого маленького городка. Он затерялся на западных склонах Обдорска под горой, омываемой рекой Полуй. Принадлежит он остякам и во много раз старше русского Обдорска. В древности он занимал западный склон Обдорской горы, а теперь занимает южный. Остяки не хотели, как и теперь не хотят, мешаться с русским населением и, теснимые им, добровольно перенесли ло говища свои на другое свободное место. По имени древнего Обдорского городка вся область крайнего северо-запада Сибири названа была Обдорской и даже обращена была в Обдорское княжество во главе с остяцким князем из рода Тайшиных. **Обдорский городок в былые времена играл большую роль в жизни инородцев Крайнего Севера. Здесь находилось знаменитое языческое капище остяков. Сюда стекались остяки-паломники для молитвы. Здесь обсуждались остяками вопросы войны и мира с воинственными тогда самоедами. Из остяцкого Обдорска давался в свое время отпор русской колонизации на Крайнем Севере.**

От языческого капища остяков Обдорского городка теперь, конечно, не осталось никаких следов. Но место его известно. На нем стоит ныне четвертый по счету миссионерский храм. Впервые выстроенный в самом начале XVII столетия, он уже более 300 лет удовлетворяет духовным потребностям инородцев-христиан. **К храму этому с благоговением относятся все инородцы и даже язычники.**

В нынешнем Обдорском городке достопримечательностей никаких не имеется. Достопримечательно лишь самое название его – «городок». Достопримечательно для городка, пожалуй, и то, что в Обдорском селе почти ни кто не знает об Обдорском городке, – так он незначителен и незаметен. А между тем самолюбивые обитатели его, подавляемые массой русского населения, не хотят склонять перед пришельцами свои выи и открыто заявляют: «Вы – русские и будьте ими. Мы – остяки и такими останемся». При таком упорном стремлении к сохранению своего племенного «я» и умении при незначительности самого населения отстаивать свою самобытность, казалось бы, что достопримечательностью городка должны быть сами его обитатели. Попробуйте, однако, высказать такое предположение в русском Обдорском селе, знающем остяцкий Обдорский городок и его природных обитателей, и вы рассмеетесь, глядя на вытянутые от удивления лица своих собеседников.

Я не стану больше строить предположения о возможности наличности достопримечательностей в древнем Обдорском остяцком городке из боязни, что читатель может утомиться. Лучше поведу его в самый городок. Для этого надо пересечь все Обдорское село по главной его Миллионной улице. Летом от пристани приходится подыматься на Обдорскую гору по лестнице, ведущей прямо к миссионерскому храму, а зимой, сюда же, по особому взвозу; затем следует идти прямо до конца этой лучшей в Обдорске улицы. Здесь с правой стороны будет старое русское кладбище, а слева начнется ярмарочная площадь, на которой в январе бывает официальная знаменитая пушная ярмарка. Пройдя старое кладбище, мы повернем направо, оставив позади себя ярмарочную площадь, и сразу же попадем в Обдорский остяцкий городок. Мой спутник немало подивится, услышав от меня, что мы уже в городке, топчем его землю. Кругом не видно ни домов, ни улицы, ни даже нужных для ходьбы тропинок. Но я с городком и его обитателями хорошо знаком и покажу в нем все доброе и дурное. В этом заключается цель настоящего очерка.

Обдорский городок состоит из 25–30 землянок и самых жалких, едва возвышающихся над землей лачуг. Строения в нем не скучены, как в Обдорске, а раскинуты в разных друг от друга направлениях, преимущественно во впадинах, спускающихся к реке Полуй, горы, откуда более легко и удобно пробираться за водой на берег. Все землянки и лачуги похожи друг на друга и далеко не всегда сразу можно узнать в них человеческие жилища, особенно на Крайнем Севере, где долгую зиму стоят студеные морозы. Правда, Обдорский

городок имеет большое преимущество перед Обдорским селом. Он расположен вне влияния злейших врагов красиво раскинутого на горе села – северных и западных ветров. Может быть, благодаря только этому, и можно еще со всеми неудобствами ютиться в городке людям, даже не привыкшим считаться с какими бы то ни было удобствами.

Я не стану описывать наружный и внутренний вид всех лачуг и землянок городка – вся существенная разница заключается в местоположении и относительной величине и чистоте жилищ. Характерной особенностью городка является еще то, что не все жилые строения его соединены между собой хотя бы узкими тропинками. Если имеются они, то обычно от жилья к реке, куда приходится ходить за водой, и вверх на гору к селу, где по необходимости надо изредка появляться за мукой, хлебом и другими необходимыми в жизни продуктами.

Землянка. Она расположена под одним из откосов волнообразной горы. Ее почти незаметно. Три четверти ее в самой горе. Обнаруживает себя только южная сторона землянки из тонких жердей, с низенькими дверями, едва позволяющими взрослому человеку проникнуть в них. Но и эта стена, почерневшая от времени и непогоды, не бьет в глаза. Почти черный ее цвет сливается с такого же цвета откосом горы. Трубы на землянке не видно. Надо подняться на откос, ступить на ее крышу, вернее, верх, чтобы увидеть небольшую, едва приметную железную трубу.

Около землянки ничего и никого нет. Она будто пустует. Но ее двери не заколочены, и вы, крепко ухватив прибитую вместо дверной ручки веревку и сильно потянув ее к себе, распахиваете дверцу. Вас обдает такой спертый и вонючий воздух, что захватывает ваше дыхание, и вы останавливаетесь в серьезной нерешимости – входить в это обиталище бедности и нужды или нет. Превозмогли отвращение, под окрики жильцов, чтобы скорее заперли дверь, вы героически решаетесь войти. В недоумении, затрудняясь способом прохода в низенькую и узкую дверь, снова останавливаетесь. Наконец, обдумав, вы просовываете в дверь одну ногу, согнувши в три погибели свой корпус, проводите в жилище свою голову и делаете попытку перенести сюда же другую ногу, чтобы всем существом своим очутиться в землянке. В это время совершенно неожиданно к вашему лицу подсакивает с злым ворчанием собака. Вы инстинктивно откидываете от собаки назад голову, ударяетесь ею в дверной косяк, от сильной боли непроизвольно отшатываете голову обратно в землянку и своим лицом ударяетесь в мягкую собачью морду. Собака с лаем отпрыгивает от вас, чтобы сейчас же сделать на вас новое нападение. Соображая это, вы стремительно передвигаете свою вторую ногу в землянку и выпрямляетесь.

От страшного удара в низкий потолок головой вы приседаете на корточки, с трудом отдавая отчет в случившемся. За вами кто-то, ругаясь, захлопывает дверь. Вы оглядываетесь кругом и видите смеющиеся лица старой, как сморчок, беззубой остячки и пожилого, оборванного и пропитанного спиртом остяка. В землянке почти темно. Слабый свет из крошечного окошечка с южной стороны дает все-таки возможность разобраться в обстановке. Вы прежде всего стараетесь отыскать своего первого в землянке знакомца и уже врага – собаку. Она выглядывает из-за спины старухи злым взглядом, с весьма неприятным оскаливанием острых зубов. Зная местонахождение собаки, вы уже безбоязненно рассматриваете внутренность жилища.

В углу, с левой стороны от дверей – небольшая железная печка. Около нее на щепках небольшой чугунный котелок и жестяной чайник. Прямо против дверей, почти в уровень с земляным полом – нары для спанья. Они застланы полублезшими оленьими шкурами, в головах свалена всякая рваная одежда. Над нарами на стенке закопченная не то бумажная икона, не то картина. Вся землянка не более четырех квадратных аршин. Вы с интересом смотрите на предательский потолок, чтобы определить высоту землянки. Она, оказывается, не превышает двух аршин. Стены и потолок будто вымазаны сажей – так черны они. Остячка и остяк сидят напротив вас рядышком на нарах. Они не без удивления смотрят на вас, будто желая спросить, зачем пожаловали.

Вы начинаете расспрашивать их о жизни. Старуха, исподлобья глядя на вас, упорно молчит. Остяк охотно отвечает на ваши расспросы. Вы узнаете, что 90-летняя старуха – его мать. Он вдовец и имеет двух детей – девочку восьми и мальчика пяти лет. Дети побираются Христовым именем в Обдорске, так как, по словам остяка, в селе отсутствует какая бы то ни была для него работа.

Вам становится понятно положение этой семьи. Пьяница-отец, отбившийся от всякой работы, проживает на нищенский промысел своих детей, испивающих полную чашу холода, голода, всяких толчков и подзатыльников как от посторонних, так и от своего родителя. Нельзя же допустить невозможность получения хотя бы какой-нибудь работы в торговом с миллионным оборотом Обдорске. Вы, подав остячке на ее нужды двадцать копеек, торопитесь выбраться отсюда, так как кроме страшной головной боли от ударов головой вы ощущаете

сильное головокружение еще от специфической остяцкой вони, стеснение в груди от отсутствия кислорода.

Вы открываете дверь, полной грудью вдыхаете свежий, холодный воздух и со всевозможными затруднениями выкарабкиваетесь из землянки. Окидываете ее прощальным взглядом и с самыми тяжелыми чувствами спешите от нее отойти подальше, чтобы ее с ужасной ее бедностью и страшными пороками больше не видеть...

Вы опять на землях городка. Оглядываясь кругом, ищете другую землянку или лачугу для наблюдений. Вам хочется скорее разогнать мрачные впечатления, навеянные посещением первой в Обдорском городке землянки. Вдали увидели вы что-то вроде штабеля тонких 2-саженных бревен, чем-то прикрытых сверху. Это оказывается юрта, мало похожая на обычную остяцкую. Вы оглядываете ее с любопытством. Это сруб, положенный на мох, сверху забранный досками, закрытыми землей и дерном. В одном из углов верха сиротливо выглядывает невысокая железная труба. С одной стороны маленькая дверца для входа внутрь юрты, с двух других противоположных стен юрты по небольшому окну со стеклянными рамами. Около юрты небольшая для собачьей запряжки нарта и деревянное ведро с водой.

Смело открывая дверь, вы входите со всеми предосторожностями, чтобы не добить уже и без того больную голову. В самой крошечной, без окна, отделенной от общего помещения тощей перегородкой клетушке, должно быть, изображавшей сени, вы пугаетесь при отыскании прохода в переднее помещение. На выручку явилась к вам остячка, выходящая из юрты и оставившая дверь открытой. Вы входите, слегка задевая волосами потолок. Проходя вперед, стучаетесь лбом о потолочную перекладину, у вас сыплются из глаз искры, и вы от неожиданного удара садитесь прямо на пол – по-остяцки, как человек, уже хорошо знакомый с укладом инородческой жизни. В помещении бьющий в нос запах спирта и человеческих испражнений. Вы оглядываетесь вокруг себя. Первое, бросившееся вам в глаза, было открытие, что уселись вы прямо на рвоту вблизи лежавшего в беспомыслии от пьянства остяка с подбитым глазом и окровавленным носом. Вы с омерзением вскакиваете и видите, что кругом вас вповалку лежат пьяные мужчины и женщины и даже дети. У вас кружится голова, и вы торопитесь выбраться с твердым решением окончить этой юртой осмотр лачуг и землянок Обдорского городка. В сенях вы спотыкаетесь о пьяное тело открывшей вам вход в юрту женщины, перелетаете через нее, выскакиваете на улицу и только здесь под действием холодного воздуха приходите в себя. Вы обчищаете с себя носовым платком грязь и торопливо поднимаетесь на гору к кладбищу, из-за которого уже легко попасть к себе на квартиру.

И вы хорошо сделали, что оставили осмотр Обдорского городка и розыск его достопримечательностей. Достопримечательного, более того что вы видели, вряд ли можно сыскать в городке. Уверяю, что все землянки, юрты и лачуги городка одного вида и типа. По двум осмотренным можете судить о прочих. То же самое хочу сказать и о коренных обитателях городка. В двух жилищах вы видели их. Такими же вы их найдете и в других жилищах городка, если только не хуже. Видеть последнее вряд ли вам улыбается. В таком случае, доверьте мне к вашему опытному осмотру Обдорского городка сделать несколько дополнений.

Теперь в городке повальное пьянство, так как инородцы получили расчеты от своих хозяев по случаю окончания рыбных промыслов. Это пьянство будет в городке продолжаться, пока все деньги не будут пропиты. А потом? Потом будут изыскиваться средства для добычи денег... Средства, общепринятые в Обдорске... брать в долг и не платить... Это так обычно у нас. Деньги опять будут пропиваться и будут снова изыскиваться средства... И так до открытия новой навигации, до начала новых летних промыслов. Отцы-инородцы будут почти все время пьянствовать, матери страдать за семьи и с горя тоже... пить. Дети Обдорского остяцкого городка, жалкие, худенькие, в рваных одеждах, промерзшие, постоянно голодные, всегда будут ходить по домам обывателей Обдорского села. Из многих домов их, несчастных, будут прогонять, и день-деньской до позднего вечера они будут шататься из дома в дом, из улицы в улицу, из одного края Обдорска в другой и обратно. Голодные и холодные, они будут возвращаться в дома своих родителей, чтобы с утра вновь уходить за сбором подаваний... И целую долгую и суровую зиму они будут лить слезы нужды и обиды за незаслуженные страдания, за грехи своих отцов, за грехи культурирегеров... [Шемановский И. С. Избранные труды. 2005].

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица I

Статистические данные по категориям артефактов конца XVI – первой трети XVIII вв.

№	Название изделия	Материал	Целые	Фрагм.	Всего
1	2	3	4	5	6
1. ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕДИ И СПЛАВОВ					
1	Котел	медь	–	8	8
2	Пряжка ремня	бронза	1	–	1
3	Бусина – пуговица	медь	1	–	1
4	Кольцо	медь	2	–	2
5	Подвеска в форме лапы птицы «лапчатая»	бронза	1	–	1
6	Подвеска в форме рыбки	бронза	1	–	1
7	Накладка ременная	бронза	1	–	1
8	Наперсток	медь	1	–	1
9	Изделия невыясненного назначения	медь	–	3	3
	<i>Итого по разделу I</i>		8	11	19
2. ИЗДЕЛИЯ ИЗ СЕРЕБРА					
10	Серьги	серебро, аметист	2	–	2
11	Монета (копейка Алексея Михайловича 1613–1645 гг.)	серебро	1	–	1
	<i>Итого по разделу II</i>		3	–	3
3. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА					
12	Наконечник стрелы	железо	3	–	3
13	Нож бытовой в рукояти	железо, рог	10	–	10
14	Нож бытовой в рукояти	железо, дерево	8	–	8
15	Клинок ножа бытового	железо	9	3	12
16	Резец-ложкорез в рукояти	железо, дерево	1	–	1
17	Шило в рукояти	железо, дерево	1	–	1
18	Шило острие	железо	–	2	2
19	Резец-ложкорез	железо	1	–	1
20	Наконечник дрели	железо	1	–	1
21	Игла швейная	железо	–	1	1
22	Кресало	железо	2	–	2
23	Скоба судовая (коч, дощаник)	железо	19	5	24
24	Изделия невыясненного назначения	железо	5	4	9
	<i>Итого по разделу III</i>		60	15	75
4. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ОЛОВА					
25	Накладное украшение	Олово	1	–	1
	<i>Итого по разделу IV</i>		1	–	1
5. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ					
26	Выбивалка снега из одежды (ня-янгача)	рог сев. оленя	9	3	12
27	Подвеска – клык	песец, волка	4	–	4
28	Подвеска – челюсть	лисица, песец	2	–	2
29	Подвеска – кость (таранная)	бобр, росс. заяц, волк	16	–	16
30	Подвеска (разной формы)	рог сев. оленя	2	1	3

1	2	3	4	5	6
31	Гребень	копыто	1	1	2
32	Струг	рог сев. оленя	3	–	3
33	Наконечник стрелы	кость, рог сев. оленя	19	7	26
34	Заготовка наконечника стрелы	рог сев. оленя	3	–	3
35	Наконечник – гарпун	рог сев. оленя	1	–	1
36	Щиток для защиты запястья	рог сев. оленя	1	–	1
37	Насторожка самострела	рог сев. оленя	3	–	3
38	Рукоять бытового ножа	рог сев. оленя	22	3	25
39	Заготовка рукояти бытового ножа	рог сев. оленя	4	–	4
40	Скоба для ношения топора	рог сев. оленя	1	–	1
41	Клин (для расщепления древесины)	рог сев. оленя	5	1	6
42	Скребок (лощило)	кит – позвоночн. диск	1	1	2
43	Шило – проколка	кость	1	–	1
44	Ложка малая (индивидуальная)	рог сев. оленя	2	1	3
45	Заготовка ложки малой (индивидуальной)	рог сев. оленя	2	–	2
46	Лопатка для очистки чешуи	лопатка сев. оленя	8	–	8
47	Налобная пластина	рог сев. оленя	5	6	11
48	Нащечная пластина	рог сев. оленя	5	1	6
49	Блок – застежка недоуздка	рог сев. оленя	1	–	1
50	Деталь упряжи, заготовка	рог сев. оленя	2	–	2
51	Блок крепления нарты к упряжке	рог сев. оленя	2	–	2
52	Блок крепления нарты к упряжке, заготовка	рог сев. оленя	1	–	1
53	Блок аркана (тынзяна)	рог сев. оленя	3	–	3
54	Блок аркана (тынзяна), заготовка	рог сев. оленя	2	–	2
55	Ручка корытца (куженьки)	рог сев. оленя	9	–	9
56	Топор (модель)	рог сев. оленя, дер.	3	2	5
57	Варган	кость (ребро)	1	1	2
58	Кубик игровой	кость	1	–	1
59	Юла (Корки, Щин)	рог сев. оленя.	1	–	1
60	Заготовка неопределимого изделия	кость, рог	62	–	62
61	Изделия невыясненного назначения	кость, рог	–	112	112
	<i>Итого по разделу V</i>		208	140	348
6. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА					
6.1. Промысловое оружие и орудия					
62	Охотничий сложносоставной лук	дерево	–	5	5
63	Древко стрелы	дерево	–	4	4
64	Наконечник стрелы «томар»	дерево	6	2	9
65	Лук самострела (черкана)	дерево	3	4	7
66	Ложе самострела	дерево	1	3	4
67	Ловушка на пушных животных (черкан)	дерево	1	5	6
68	Насторожка	дерево	2	2	4
69	Поплавок	дерево	13	–	13
70	Ловушка рыболовная (фитиль, гимга)	дерево	–	14	14
71	Блок зимней сети – тайборейка	дерево	6	–	6
	<i>Итого</i>		32	40	72
6.2. Бытовые орудия и инструменты					
72	Рукоять бытового ножа	дерево	12	7	19
73	Заготовка рукояти бытового ножа	дерево	1	–	1
74	Рукоять для заточки ножа	дерево	7	1	8
75	Пяло для шкурки горноста	дерево	1	–	1
76	Клин (для расщепления древесины)	дерево	2	–	2
77	Доска кроильная (для шитья)	дерево	2	2	4
78	Чесало для травы	дерево	1	–	1
	<i>Итого</i>		23	8	31
6.3. Предметы быта и домашнего обихода					

1	2	3	4	5	6
79	Лопата для снега	дерево	5	–	5
80	Корыто	дерево	11	10	21
81	Бочка, кадушка, шайка (русская), детали (дно, клепка)	дерево	–	17	17
82	Крышка шайки с вырезом для ушек (русская)	дерево	1	–	1
83	Блюдо круглое (тарелка)	дерево	–	1	1
84	Ложка малая (индивидуальная)	береза	3	–	3
85	Ложка большая (котловая)	береза	16	17	33
86	Заготовка ложки	береза	2	1	3
87	Ковш	кап березовый	2	2	4
88	Чаша полусферическая	кап березовый	1	–	1
89	Лопатка для помешивания	дерево	7	5	12
90	Лопатка для чистки рыбы (чешуи)	дерево	2	–	2
91	Доска разделочная (многофункциональная)	дерево	4	3	7
92	Корытце (куженька)	береста	24	38	62
93	Ручка корытца (куженьки)	дерево	4	–	4
94	Короб (туес)	береста	5	358	363
95	Крышка короба (туеса)	береста	28	–	28
96	Короб (туес русский)	береста, дерево	1	6	7
97	Крышка короба (туеса русского)	береза	5	1	6
98	Короб призматический (для рукоделия)	береста	–	2	2
99	Крышка короба призматического (для рукоделия)	береста	–	1	1
100	Заплаты для берестяной посуды	береста	44	–	44
101	Неопределимые фрагменты берестяной посуды	береста	–	125	125
102	Ножны	береста	–	1	1
103	Пояс женский, деталь – вороп	береста	–	8	8
104	Выкройка детали головки туфли, сапога	береста	4	10	14
105	Выкройка детали варежки	береста	1	–	1
106	Аппликация (часть орнамента)	береста	–	3	3
107	Выбивалка снега из одежды (хасаво янгача)	береста	9	–	9
108	Колыбель	береста	–	3	3
109	Струг	дерево	3	–	3
110	Веревка	дерево (лыко)	–	48	48
111	Мотовило	дерево	–	8	8
112	Вешало (надочажное)	дерево	14	–	14
	<i>Итого</i>		196	668	864
6.4. Средства передвижения					
113	Нарта, полоз	дерево	–	7	7
114	Нарта, копылья	дерево	9	4	13
115	Нарта, кузов	дерево	–	10	10
116	Блок крепления нарты к упряжке	дерево	4	–	4
117	Блок – застежка (недоуздка?)	дерево	1	–	1
118	Лыжа-голица	дерево	–	4	4
119	Лодка (однодеревка, облас), корпус, нашивной борт ¹	осина, кедр	–	10	10
120	Нащельник для ремонта лодки (однодеревки, обласа)	дерево	1	1	2
121	Поперечина лодки (однодеревки, обласа)	дерево	1	1	2
122	Весло лодки (однодеревки, обласа)	дерево	2	4	6
123	Коч (русское судно), доска бортового набора ²	сосна	–	3	3
124	Дощаник (русское судно), доска бортового набора ³	сосна	–	62	62
	<i>Итого</i>		18	106	124
6.5. Игрушки-модели, предметы игр					
125	Сабля, палаш (боевой нож)	дерево	8	–	8
126	Топор боевой	дерево	2	–	2
127	Напильник	дерево	1	1	2

1	2	3	4	5	6
128	Молоток	дерево	1	–	1
129	Нож бытовой	дерево	13	13	26
130	Лук охотничий	дерево	6	13	19
131	Стрела	дерево	4	20	24
132	Наконечник копья	дерево	1	–	1
133	Нарта (модель)	дерево	–	12	12
134	Нарта (имитация, для игр)	дерево	2	21	23
135	Нарточный ящик (имитация, для игр)	дерево	2	12	5
136	Лодка (модель)	дерево	1	–	1
137	Фигурка игры в шашки (Тепек)	дерево	51	–	51
138	Юла (Корки, Шин)	дерево	18	–	18
139	Палочки для игры в Сохэл юх (набор 42 шт.)	дерево	1	–	1
140	Стаканчик для игры в кости	дерево	1	–	1
	<i>Итого</i>		111	92	203
6.9. Предметы ритуального назначения					
141	Скульптура антропоморфная	дерево	16	1	17
142	Скульптура зооморфная	дерево	8	–	8
143	Скульптура орнитоморфная	дерево	1	–	1
144	Дощечка для окуривания	дерево	7	–	7
145	Фигурка тосъ-чер-вой	дерево	40	14	54
146	Посох свата	дерево	–	5	5
147	Кузовок для последа	дерево	1	–	1
	<i>Итого</i>		73	20	93
6.7. Прочие изделия и предметы					
148	Заготовка неопределимого изделия	дерево	17	–	17
149	Изделия невыясненного назначения	дерево	–	275	275
	<i>Итого</i>		17	275	292
	<i>Итого по разделу VI</i>		465	1215	1680
VII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОЖИ, ТКАНИ И ТРАВЫ					
150	Одежда	сукно	–	228	228
151	Одежда	мех	–	2	2
152	Одежда (косы)	волосы	2	1	3
153	Пояс	сукно	–	4	4
154	Головка туфли, сапога	войлок, сукно	–	5	5
155	Головка туфли, сапога	телячья кожа	–	83	83
156	Сумка женская	кожа	1	–	1
157	Игольница	сукно	1	–	1
158	Ножны	кожа	2	2	4
159	Изделия невыясненного назначения	кожа	–	4	4
160	Обрезки	кожа	14	–	14
161	Изделие с орнаментом	войлок	–	1	1
162	Циновка	травы	–	5	5
163	Веревка	шерсть	–	2	2
	<i>Итого по разделу VII</i>		20	337	357
VIII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ КЕРАМИКИ, СТЕКЛА И КАМНЯ					
164	Сосуд керамический (черномореный)	керамика	–	2	2
165	Бусина	стекло	15	–	15
166	Точильный брусок	камень	40	–	40
167	Камень для огнива (пищальный кремь)	камень	2	–	2
168	Грузило рыболовное (в оплетке)	камень, лыко	2	1	3
169	Грузило рыболовное (в конверте) – кибас	камень, береста	5	–	5
	<i>Итого по разделу VIII</i>		64	3	67
	Всего предметов конца XVI – пер. трети XVIII вв.		785	1721	2550

¹ В категории учтены фрагменты судов, служившие деталями строения и не вошедшие в музейную коллекцию.² В категории учтены фрагменты судов, служившие деталями строения и не вошедшие в музейную коллекцию.³ В категории учтены фрагменты судов, служившие деталями строения (стен, пола) и не вошедшие в музейную коллекцию.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Т. В. Лобанова

науч. сотрудник лаборатории палеоэкологии
ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН,
г. Екатеринбург

Археозоологическое исследование костных остатков животных из раскопок Полу́йского мысового городка (2004–05 гг.)*

Северные археологические памятники с замороженным культурным слоем, к которым относится и *Полу́йский мысовой городок*, содержат органические материалы хорошей сохранности. Они позволяют получить информацию о природной среде в период функционирования памятника, а также о промысловой и хозяйственной деятельности населения, оставившего этот памятник.

Полу́йский мысовой городок находится в черте современного города Салехарда (рис. 0.1.1–0.1.3) на правом коренном берегу реки Полу́й (66° 32' с. ш., 66° 34' в. д.). При раскопках 2004 года были вскрыты археологические слои нескольких разновременных поселенческих комплексов середины 1 тыс. н. э. – 3 тыс. н. э. Слои раннего железного века перекрыты слоями Полу́йского мысового городка конца XVI – начала XVIII вв. и села Обдорского XVIII–XIX вв. Слои не отделены друг от друга какими бы то ни было стерильными прослойками и зачастую перемешаны. Помимо артефактов, в слое в большом количестве встречались кости животных (в том числе и изделия из кости) и другие органические остатки. Состав археозоологической коллекции, собранной при раскопках многослойного памятника, не однороден. При равных условиях залегания среди костей встречались два типа сохранности. Кости первого типа имеют хорошую сохранность, схожую с материалами средневековых памятников с замороженным культурным слоем (Надымское городище, Мангазея и др.), и соотносятся с материалами *Полу́йского мысового городка* и села Обдорского. Костные остатки второго типа имеют плохую сохранность, схожую с материалами из памятников раннего железного века и связываются нами с этими периодами. Слой XVI – пер. трети XVIII веков сформировался в результате функционирования *Полу́йского мысового городка*, места жизни коренного населения региона.

Во время археологических раскопок 2004–2005 годов на памятнике проводился сбор коллекций и образцов для дальнейшего их анализа в лаборатории. Собирались все органические остатки, которые могут дать специфическую информацию: кости, перья, копыта, рога, копролиты, шерсть, плоды, семена и т. д. Небольшие скопления органических остатков (чешуи, костей, семян, копролитов) брались полностью (в том числе и с частью культурного слоя) и упаковывались отдельно с точной привязкой к объекту. Так же отбирались образцы культурного слоя на тех участках, где он имеет наиболее типичную структуру для изучаемого поселения и на участках, где культурный слой имеет какие-либо особенности.

Наиболее многочисленны на памятниках такого типа находки костей животных. Все костные остатки промывались, просушивались, упаковывались и снабжались подробными этикетками. Отбор проводился по квадратам и условным горизонтам. Кости, найденные в анатомическом сочленении, собирались и упаковывались отдельно. Описание включает: указание видовой принадлежности, элемент скелета, какая часть кости; приросшие или нет эпифизы (если они есть); состояние зубной системы (для зубов и челюстей); следы внешних воздействий (погрызы, действие пищеварительных ферментов, действие огня, следы резания и разрубания, патологические изменения и т. д.) [Ерохин, Бачура, 2011]. Каждому описанному экземпляру присваивался индивидуальный номер. На основании полученной информации для млекопитающих определялось вероятное количество особей каждого вида в каждой выборке. Для определения и описания костных остатков использована эталонная коллекция зоологического музея Института экологии растений и животных УрО РАН.

Остатки, видовую принадлежность которых определить не удалось, относились к следующим категориям: млекопитающие, ближе не определимые, птицы, ближе не определимые, рыбы, ближе не определимые. Специальные описания рогов, хитина, роговых образований, шерсти, перьев и копролитов сделаны в редких случаях.

Определения костей птиц из раскопок *Полу́йского мысового городка* 2004–05 годов выполнены научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН А. Е. Некрасовым. Определение костных остатков рыб из раскопок 2005 года выполнены канд. ист. наук Д. О. Плахутой.

Археозоологическая коллекция состоит из 14002 экз. костных остатков (табл. 4.1.1). Помимо приведенных в таблице костных остатков, на памятнике было обнаружено 4 фрагмента костей человека, 4 кости грызунов, а так же 4 фрагмента бивня мамонта со следами обработки. Все бивни имеют плейстоценовый тип фоссификации и были принесены жителями городка, вероятно, для изготовления поделок. При разборке культурного слоя были отобраны следующие образцы: фрагменты меха (шкур) животных – 14 экз., копролиты собак – 4 экз., плоды и семена растений – 9 экз., волосы человека – 8 экз., образцы культурного слоя – 22 экз.

Кости млекопитающих наиболее многочисленны на городке и составляют 80% от общего количества костных остатков. Определимые кости принадлежат 20 видам как диких, так и домашних животных. 1343 кости млекопитающих не удалось определить ближе, но можно сказать, что лишь 3% из них принадлежит мелким млекопитающим (зайцу, песцу), преимущественно это кости северного оленя (около 95%). Среди них 86% – это небольшие фрагменты трубчатых костей ног. 4 фрагмента неопределимых костей кальцинированы и 15 фрагментов костей имеют следы нахождения в желудочно-кишечном тракте.

Крупный рогатый скот – *Bos taurus* L., 1758. Костей крупного рогатого скота довольно много в верхних слоях памятника, идентифицируемых нами со слоями села Обдорского. Часть костей при строительстве речного порта попала в смешанные слои, непосредственно связанные с функционированием *Полу́йского мысового городка*. Большая часть этих костей имеет более светлую окраску и хорошую сохранность, что позволяет нам определить их как более поздние. Непосредственно к слоям *Полу́йского мысового городка* мы можем отнести лишь три кости коровы. В посадской части городка, в кв. Б–Д/22–25, ур. 20.50 найден фрагмент лопатки со следом от наконечника стрелы и 2 фрагмента таза из постройки 7. Наличие костей коровы говорит о контактах местных жителей с русским населением, которое, как известно, уже в XVII веке разводило домашний скот в регионе [Бачура, Лобанова и др. 2011].

Мелкий рогатый скот – (*Ovis aries* L., 1758 и *Capra hircus* L., 1758) представлен фрагментом нижней челюсти молодого животного, обнаруженного на периферии городка (раскоп 9). Возможно, он попал в культурный слой из слоев села Обдорского при строительстве речного порта, но надо отметить, что это единственная находка костей мелкого рогатого скота в раскопах 2004–05 годов.

Свинья – *Sus scrofa domestica* L., 1758. Общее количество костей этого вида в раскопе невелико (табл. 4.1.1), расположены они как в посадской части городка, так и в оборонительно-жилым комплексе, как правило в верхних, наиболее поздних слоях начала XVIII века. Часть из них, возможно, попала из смешанных слоев села Обдорского. Представлены все части тела (табл. 4.1.3). 6 костей принадлежат молодым животным, одна – новорожденной особи. В раскопе 11 Б найдены, возможно, части одной ноги молодого животного (берцовая кость и две метаподии), в раскопе 11А – нижняя челюсть крупного взрослого животного.

Кости свиньи встречаются и на других абoriginalных памятниках севера Западной Сибири (Надымское городище, г. Усть-Войкар), начиная с XV века – чаще, чем остатки других домашних копытных. В *Полу́йский мысовой городок* части свиных туш могли попасть из Берёзова или Мангазеи – русских городов, где в XVII веке свиней содержали и разводили [Косинцев, Лобанова, 2005], либо в виде солонины с судов, заходящих в Обскую губу.

Собака – *Canis familiaris* L., 1758. Костей собак обнаружено довольно много на территории городка, как минимум от 18 особей. Большая их часть (76%) находилась в посадской части поселения (табл. 4.1.1). В раскопе 1,2 в кв. Л'–О'/45–46, ур. 21.45–21.40 и кв. К'–У'/40–46, ур. 21.25 были найдены два почти полных скелета в анатомическом порядке от взрослых особей собак с сохранившимися остатками шерсти. В кв. Е'/45, ур. 21.53 скелет от молодого животного (рис. 4.1.3 – 8, 9). Очевидно, что эти собаки были специально захоронены, и вероятно, в ритуальных целях.

Кроме этого, обнаружены остатки еще нескольких фрагментов скелетов собак, большая часть которых сосредоточена в посадской части городка, но интерпретировать происхождение этих захоронений труднее. В постройке 1, кв. Ц–Я/19–29, ур. 21.30–21.40 обнаружена часть скелета новорожденного щенка, в кв. А–Д/29–32, ур. 20.30 несколько костей маленького щенка, возможно от одной особи. Кости головы и верхней части тела взрослой собаки найдены в кв. Н/33, ур. 21.00. У северной стенки раскопа 11Б сохранилась часть осевого скелета и кости конечностей, принадлежащие одной взрослой собаке, но сейчас нельзя сказать, принадлежал ли этой же особи один из найденных в этом раскопе черепов. В кв. Р/32, ур. 21.10–21.00, в заполнении ямы

*Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-4-7-035 «Арктика»

обнаружены нижняя челюсть и 2 черепа взрослых собак, один из которых почти целый.

Среди одиночных костей собак представлены все элементы скелета (табл. 3), среди них относительно много целых или почти целых черепов и нижних челюстей. В раскопе 11Б найдены 2 черепа, принадлежащих крупным особям и кости целой головы собаки – череп и нижние челюсти (рис. 4.1.3 – 10, 11). В раскопе 11А, помимо костей осевого скелета и ног, находились 6 нижних челюстей (рис. 4.1.3 – 2–7), принадлежащих собакам некрупных размеров. В постройке 7 обнаружены: фрагмент черепа, две нижние челюсти от разных животных, кости шеи, хвоста и передних лап от молодой и взрослой особей собак. Кроме того, в этой постройке найден таз собаки, имеющий след от бронебойного наконечника стрелы и следы погрызов (рис. 4.1.6 – 9). Объяснить появление этой находки сейчас довольно сложно.

Большая часть костей собак целые, наиболее раздроблены трубчатые кости ног. Они как правило представлены только диафизами или половиной кости с сохранившимся верхним или нижним эпифизом. 25 костей погрызены, 20 костей принадлежали молодым особям и 2 – новорожденным щенкам.

Северный олень – *Rangifer tarandus* L., 1758. Кости этого вида встречаются наиболее часто и составляют 49,5% (7111 экз.) от общего количества костных остатков. Они происходят от как минимум 130 особей. Кости оленя многочисленны во всех объектах городка (табл. 4.1.1). Они представлены всеми элементами скелета, но чаще всего в слое находятся фрагменты трубчатых костей верхних частей ног и элементы поясов конечностей, они составляют 50% от общего числа костей оленя (табл. 4.1.2). Значительно меньше сохранилось костей осевого скелета (позвонков и ребер), они составляют лишь 17% от общего числа, в то время как в Надымском городке этот процент вдвое больше. Это говорит о том, что, возможно, в городке использовали не целые туши животных. Около 12% костных остатков приходится на долю элементов головы, но практически половина из них – фрагменты рогов. Треть сохранившихся фрагментов черепов (46 экз.) несут основания рогов. Концы рога часто обрезаны или обрублены, в нескольких случаях и рога и черепа погрызены собаками (рис. 4.1.1). Наиболее часто фрагменты черепов северного оленя встречаются в верхних горизонтах построек 1 и 3 оборонительно-жилого комплекса, а также на юго-восточной периферии посады в пространстве квадратов А–Д/22–27 и Ж’–У’/30–40.

Большая часть эпифизов трубчатых костей (как самой мягкой части), позвонков, ребер, тазовых костей и других погрызена собаками, такие кости составляют 10% (744 экз.) от общего количества. Следы переваривания имеют 92 кости, это в большинстве своем мелкие кости запястья и предплюсны, а также фаланги пальцев.

Большую часть костных остатков северного оленя, не несущих возрастных маркеров, мы относим к взрослым животным. Но по остаткам нижних челюстей возраст особей можно определить на основании состояния зубной системы [Акаевский, 1939]. Исследуя фрагменты нижних челюстей (рис. 4.1.2 – 1–6), мы можем сказать, что не менее 40% из них принадлежит молодым животным в возрасте 1–2 лет. Шесть нижних челюстей принадлежат очень старым животным. Таким образом, можно говорить о том, что не менее трети забитых животных были в возрасте от одного до двух лет, такая избирательность вряд ли возможна при охоте на дикого оленя.

11 костей северного оленя имеют следы от бронебойных наконечников стрел (рис. 4.1.6 – 1–8, 10–11), все они происходят от различных частей скелета – череп, рога, локтевая, тазовая, таранная кости, ребро. Не совсем понятно происхождение такого отверстия на внутренней суставной поверхности таза (рис. 4.1.6 – 1), поскольку в теле животного она закрыта головкой бедра.

Большинство костей северного оленя сильно раздроблены. Целые кости составляют не более 7%, это преимущественно мелкие кости нижних частей конечностей и изолированные зубы. Такая раздробленность костей характерна для кухонных отходов. Из всех трубчатых костей, нижних челюстей, большинство фаланг доставалось костный мозг (рис. 4.1.2 – 1–6). Следы орудий на костях позволяют в общих чертах реконструировать приемы разделки туш. Дистальные части ног отрезались в скакательном и запястном суставах. Конечности обычно разрубались в плечевом, локтевом, тазобедренном и коленном суставах. Расчленение в локтевом суставе производилось следующим образом: диафиз плечевой кости разбивался около нижнего конца (рис. 4.1.2 – 16–19), а диафиз лучевой около верхнего. После этого иногда сустав разрубали вдоль. Судя по следам на первом и втором шейных позвонках (рис. 4.1.2 – 14), голова отчленялась двумя способами: она отрубалась по второму позвонку или отрезалась от атланта, и после этого шея разрубалась вдоль. Позвоночник разрезался или разрубался на части; таз отрубался от крестца; ребра отрубались от позвонков. Ребра разрубались на 2–3 части.

Туши северного оленя использовались полностью – мясо, рога, кости, шкура. Очевидно, что мясо северного оленя являлось основным источником белка для местного населения. Кости северного оленя использовали для изготовления различных изделий, 259 костей несут следы обработки (преимущественно рога, лопатки, метаподии, реже встречаются ребра и диафизы трубчатых костей). Большая часть рогов имеет следы обработки (рис. 4.1.2 – 10–13). Шкуры оленя использовались как для пошива одежды и обуви, так и в качестве постели. Остатки фрагментов шкур оленя обнаружены в разных частях городка, кроме того до-

вольно много мелких фрагментов меха встречается почти во всех образцах культурного слоя. Интересно, что среди клочков оленьих шкур встречаются фрагменты летнего меха, т. е. использовались шкуры животных, забитых в летний период.

Лось – *Alces alces* L., 1758. Практически все кости лося сосредоточены в верхних, поздних слоях городка, часть из них, возможно, относится к более поздним слоям села Обдорского. Представлены все отделы скелета (табл. 4.1.3), в посадской части обнаружен обработанный фрагмент рога. Три кости погрызены, 1 кость от молодого животного.

Песец – *Alopex lagopus* L., 1758. Это третий по числу остатков вид (табл. 4.1.1). Кости его составляют 9% от общего числа костных остатков, но судя по количеству нижних челюстей можно предположить, что на городке сохранились остатки не менее 110 особей. Это почти в 2 раза превышает минимальное количество особей зайца, костей которого сохранилось больше. Среди остатков представлены все элементы скелета (табл. 4.1.2), но преобладают элементы головы (черепа и нижние челюсти). Большое количество нижних челюстей сосредоточено в посадской части городка (кв. Ж’–У’/30–40), но черепов там сохранилось меньше, а наибольшая часть остатков черепов сосредоточена в постройке 1 оборонительно-жилого комплекса и рядом с ней. В северном углу постройки 1 (ур. 21.40–21.00) обнаружено скопление костей песца, содержащее 39% от общего количества костей этого вида на памятнике. Здесь сосредоточено большое количество частей осевого скелета (позвонки и ребра), а также остатки 4 передних и 2 задних лап песца с шерстью. Возможно, там были запасены несколько целых тушек. Судя по соотношению частей скелета, можно сказать, что лишь треть тушек песца попадала на городок. Остальные оставались на месте промысла или скармливались собакам. Вероятно, в ритуальных целях сохранялись лишь головы.

Кости песца слабо раздроблены, за исключением костей черепа, 13 костей имеют следы погрызов, 3 – следы переваривания. Из шести таранных костей изготовлены подвески. Лишь три кости принадлежат полувзрослым животным, остальные вполне взрослым особям. В этом районе песец не норится, а бывает здесь только зимой, мигрируя из тундровой зоны [Штро, 1997]. Все это говорит о том, что промысел песца осуществлялся в зимнее время.

Лисица – *Vulpes vulpes* L., 1758. Костей этого вида очень немного (табл. 4.1.1). Половина из них сосредоточена в постройке 1. Представлены все отделы скелета (табл. 4.1.3), в посадской части обнаружены 3 кости ноги молодого животного. В постройке 1 найдены подвески, изготовленные из нижней челюсти, клыка и таранной кости лисицы.

Лисица – ценный пушной зверь, но численность ее в лесотундре невысокая, поэтому количество костей этого вида на поселении невелико. Промысел наиболее выгоден поздней осенью и зимой.

Волк – *Canis lupus* L., 1758. Количество костей волка невелико, и почти все они происходят из посадской части городка (табл. 4.1.1). Представлены кости головы и ног (табл. 4.1.3). В кв. Г’–Д’/22–24 сохранились кости от задней лапы молодого волка, добытого, вероятно, в конце лета – начале осени. Кроме того, обнаружены нижняя челюсть и эпистрофей молодого волка, но нельзя точно сказать, принадлежат ли они той же особи. 6 костей волка погрызены.

Волк является постоянным обитателем лесотундровой зоны, численность которого изменяется в зависимости от численности северного оленя. Добыча возможна круглый год, но целенаправленный промысел этого вида не велся. Единичные особи, вероятно, добывались попутно с другими видами.

Медведь бурый – *Ursus arctos* L., 1758. Этот вид представлен единственной костью – лопаткой молодого животного (рис. 4.1.5 – 17). Единичность находок этого вида можно объяснить двумя причинами. Во-первых, это малочисленность вида в природе, так как это северный край его ареала. Во-вторых, это может отражать особое отношение к медведю аборигенного населения Западной Сибири, известное из этнографии.

Росомаха – *Gulo gulo* L., 1758. Кости этого вида обнаружены во всех частях городка (табл. 4.1.1). Среди находок росомахи есть элементы всех отделов скелета (табл. 4.1.3, рис. 4.1.4), но преобладают кости головы. Всего обнаружено 7 практически целых черепов, у двух из них, вероятно в ритуальных целях, пробита мозговая коробка (рис. 4.1.4 – 1–3). Полностью отсутствуют кости фаланг пальцев, в постройке 7 обнаружены несколько костей ног росомахи. Судя по тому, что метаподии были разрублены пополам, фаланги пальцев остались на шкуре. Все кости росомахи принадлежат взрослым особям и почти все целые. Найдены 3 таранные кости, из которых изготовлены подвески.

Росомаха – постоянный обитатель лесотундры с относительно невысокой численностью. Промысел наиболее рационален зимой. Добыча ведется как активными, так и пассивными способами охоты. Охота велась ради шкур, которые использовались для отделки верхней зимней одежды.

Соболь – *Martes zibellina* L., 1758. Кости соболя единичны (табл. 4.1.1), все они сосредоточены в посадской части городка. Представлены кости головы и верхних частей ног (табл. 4.1.2). Кости, за исключением черепа,

целые и принадлежат взрослым животным. Из нижней челюсти изготовлена подвеска. Малое количество остатков этого вида связано с его малой численностью в природе в период функционирования городка. Вероятно, в это время его численность уже была подорвана перепромыслом.

Горноста́й – *Mustela erminea* L., 1758. Все костные остатки горноста́я, за исключением одного черепа, сосредоточены на территории построек оборонительного жилого комплекса (табл. 4.1.1). В постройке 1 обнаружен целый череп, часть осевого скелета одной особи (ребра, лопатка, плечевая кость), кроме того, фрагмент большеберцовой кости. Два черепа с нижней челюстью от одного из них обнаружены в постройке 3. Горноста́й обитал в лесотундре круглый год, но добыча производилась поздней осенью или зимой, после того как он перелиняет.

Заяц-беляк – *Lepus timidus* L., 1758. Кости этого вида составляют 14% от общего количества костных остатков (табл. 4.1.1) и происходят от как минимум 56 особей. Кости зайца встречаются на всей территории городка, представлены все элементы скелета (табл. 4.1.2). Но надо отметить, что наибольшее скопление костей зайца сосредоточено в северном углу постройки 1 (ур. 21.25–21.00) оборонительного жилого комплекса, в слоях середины – конца XVII в. Здесь помимо других частей скелета найдены остатки 56 нижних концов передних и задних лап с шерстью (рис. 4.1.5 – 16), здесь же сосредоточено и наибольшее количество остатков черепов этого вида. Вероятно, это скопление связано с ритуальной деятельностью жителей городка.

Раздробленность костей зайца незначительная, наиболее раздроблены черепа и трубчатые кости ног, особенно бедренные и большеберцовые. Большая часть костей принадлежит взрослым особям, но довольно высок процент костей молодых животных – от 20 до 28% среди разных элементов скелета. Это говорит о том, что промысел зайца велся и в теплое время года – в конце лета и осенью, когда подрастают зайчата сеголетки. Численность зайца в этом районе весьма значительна, так как обширные поймы рек Полуя и Оби являются оптимальными биотопами для него [Корытин, Головатин, 2002]. В зимнее время его численность могла еще более возрасти за счет мигрантов с севера. Промысел зайца наиболее эффективен зимой, когда он набивает тропы в снегу, на которых ставят петли. Судя по составу элементов скелета, тушки добытых зайцев целиком приносили на поселение.

Бобр – *Castor fiber* L., 1758. Костей бобра обнаружено немного, сохранились в основном кости головы и верхних частей конечностей (табл. 4.1.3). Практически отсутствуют кости нижних частей лап, за исключением 11 таранных костей, из которых изготовлены подвески. 6 костей бобра принадлежат молодым животным. Добыча бобра включала как взрослых, так и молодых особей.

Белка обыкновенная – *Sciurus vulgaris* L., 1758. Обнаружены нижняя челюсть и бедренная кость белки на территории посада.

Нерпа кольчатая – *Phoca hispida* Schreber, 1775. Представлена целой плечевой костью молодого животного, обнаруженной в верхних слоях постройки 1 оборонительного жилого комплекса.

Кит-белуха – *Delphinapterus leucas* Pallas, 1776. Представлена фрагментом черепа (часть затылочного мыщелка), фрагментом ребра и фрагментами тел двух позвонков (рис. 4.1.5 – 18–19).

Белуха распространена во всех морях Арктики. В поисках пищи белуха нередко заходит в реки, поднимаясь по ним на сотни километров от устья. Белух ценят за прочную шкуру и высококачественный жир [Жизнь животных. 1989. Т. 7. С. 392].

Морж – *Odobenus rosmarus* L., 1758. Один зуб моржа обнаружен в постройке 1 оборонительного жилого комплекса, он довольно сильно стерт. В постройке 7 посада найден подобный зуб, а также обработанный фрагмент бивня.

Гренландский кит – *Balaena mysticetus* L., 1758. Представлен фрагментами позвоночных дисков молодых особей. Два диска из постройки 1 оборонительного жилого комплекса имеют следы обработки. Подобные находки есть в коллекции из Надымского городища и Мангазеи.

Птица. Костей птиц относительно не много, они составляют 7% от общего числа костных остатков. 565 экз. костных остатков птиц определены до вида, еще 31 экз. до рода (табл. 4.1.4). Среди определимых остатков преобладают кости белой куропатки (68% от общего числа птиц). Этот вид весьма многочислен в лесотундровой зоне, особенно в поймах рек, в том числе и реки Полуя. Здесь она концентрируется главным образом в зимнее время [Бойков, 1976]. Промысел ее наиболее эффективен зимой и весной. В последнем случае добывают в основном самцов в брачный период. Но, несмотря на преобладание костей куропатки в коллекции, мы не можем говорить о сколько-нибудь значимом зимнем промысле этого вида. Если сравнить количество добываемой куропатки в Надымском городке, аборигенном поселении, активно функционировавшем в зимний период, то здешний промысел составит не более 6% от добываемой там птицы.

Из птиц добывались также – глухарь, различные виды уток и гусей. Кости водоплавающих немногочисленны. Это сейчас трудно объяснить, так как данный район находится на центральном пути весенней и осенней миграции водоплавающих [Брауде, 1992].

Среди видов, не употребляемых в пищу, определены кости – орла, белой совы, ворона, вороны серой, сойки, чайки (табл. 4.1.4). Мы предполагаем, что возможно, эти виды использовали для проведения культовых обрядов. Наибольший интерес в этой связи представляют находки почти целого скелета ворона из постройки 1, ур. 21.50, (рис. 4.1.5 – 1–15) и части скелета ворона из посадской постройки 7 (ур. 21.00–20.90). Вероятно, остатки ворона отражают какой-то культ, связанный с этой птицей. Находки костей ворона известны и на других археологических памятниках, расположенных на севере Западной Сибири [Пантелеев, Потанова, 2000; Некрасов, 2003].

Кости домашней курицы, обнаруженные в верхних горизонтах культурного слоя городка, вероятно, попали из слоев, связанных с функционированием села Обдорского.

Рыба. Кости рыб составляют 14% от общего числа костных остатков. Всего определены 1097 экз. костных остатков от 11 видов рыб (табл. 4.1.5). Кроме того, скопления мелких костей и чешуи рыбы обнаружены почти во всех образцах культурного слоя. Наибольшее количество костей рыб сосредоточено в посадской части городка (табл. 4.1.1). Основными промысловыми видами рыб были – налим, сиговые и нельма. Добывались также – осетровые, щука, язь, чебак, окунь, ерш. Природные условия района позволяют заниматься рыболовством с марта-апреля по январь. Только в конце зимы – начале весны рыба отсутствует из-за замора. Возможно, количество остатков рыбы занижено, поскольку мелкие кости рыб зачастую не выбираются из культурного слоя [Некрасов, Косинцев 2011]. Также это может быть связано с тем, что практически вся она использовалась человеком (в том числе и на корм собакам), и в слой попадало очень мало отходов.

Тот факт, что в образцах культурного слоя, содержащих значительное количество чешуи и мелких костей рыб, обнаружены также многочисленные пупарии мух, говорит о том, что активный лов и обработка рыбы производились в летнее время

В результате археологических раскопок *Полуйского мысового городка* было установлено, что местным населением велся промысел зверя, птицы и рыбы. Из млекопитающих наиболее активно добывались северный олень, заяц и песец, в небольшом количестве – лось, бобр, волк, лисица, россомаха, соболь, горноста́й. Такие виды как медведь, белка, кит, морж, нерпа добывались, видимо, крайне редко. Домашние животные представлены такими видами, как: северный олень, собака, свинья, крупный рогатый скот, курица. Из птиц добывались преимущественно белая куропатка, различные виды уток и гусей. Анализ полученных данных указывает на очень сходное состояние природного окружения городка во время его функционирования и в настоящее время. Различие в фауне заключается только в обитании в то время соболя и бобра в окрестностях городка, позднее они были полностью истреблены людьми. На основании экологии основных промысловых видов, можно сказать, что промысел здесь велся как в холодное, так и в теплое время года.

Основой питания населения городка было мясо северного оленя. Сейчас оценить соотношение костей дикой и домашней форм возможно только косвенно. Полуйский мысовой городок в XVI–XVII веках был центром большой округи с относительно высокой плотностью оленеводческого населения в его окрестностях. Это население не было постоянным, его состав менялся – одни уезжали в тундру, другие приезжали из нее. Кроме того, рядом находилось русское поселение Обдорский острог. Его население поддерживало регулярную связь с городом Берёзово. В районе Обдорска проходила одна из основных дорог, связывающих Европейскую часть с Сибирью – «Елецкий переход» через Урал [Шренк, 2009]. По нему круглый год шли в обе стороны люди. Здесь же проходил один из основных сезонных кочевых маршрутов оленеводов – из лесотундры в тундру и обратно. Таким образом, в районе *Полуйского мысового городка* круглый год была высокая активность населения. В этих условиях маловероятно, чтобы сохранилась и обитала сколько-нибудь крупная популяция дикого северного оленя. Она, вероятно, была первой популяцией северного оленя, истребленной на севере Западной Сибири. Поэтому можно с большой вероятностью полагать, что подавляющее большинство костей оленя принадлежит домашней форме. Но находки костей со следами бронебойных наконечников стрел свидетельствуют о существовании промысла на дикого северного оленя. Разделка и утилизация большей части забитых животных производилась на поселении, но судя по небольшому количеству остатков осевого скелета (ребер и позвонков) можно говорить о том, что частично в городок попадали только мясные части туши, вероятно, домашнего северного оленя. Для изготовления изделий использовались рога, лопатки, режущие метаподии и диафизы трубчатых костей северного оленя.

Судя по относительно большому количеству остатков черепов с рогами северного оленя, в городке проводились обряды жертвоприношений.

Остатки лося единичны, найдены в основном в верхних горизонтах и, вероятно, большинство из них относится к концу XVII – началу XVIII веков. Вероятно численность его была невысокой в то время и специальной охоты на лося не велось [Косинцев, 2006].

Немногочисленные найденные остатки домашних копытных (коровы, свиньи, овцы) свидетельствуют о связях местных жителей с русским населением, активно прибывающим в регион в конце XVII – начале XVIII вв. [Кардаш, 2009]

Судя по большому количеству костных остатков, в городке содержали и разводили собак. Среди собак явно прослеживаются две размерные группы – довольно рослые, крупные особи, возможно используемые для формирования упряжек и собаки, по размерам близкие к оленегонным лайкам. Вот как описаны подобные породные группы Финшем и Бремом в 19 веке: «Кроме ездовых собак, держат еще, впрочем, только ниже Берёзова, маленьких собак, единственно из-за длинной, мягкой, белой или черной шерсти, весьма употребительного здесь для опушки мужского и женского платья. Самых красивых собак этой породы видел я у князя Обдорского в Канянь-Юрте.» [Финш, Брем, 1882, с. 334]. Кроме того, собак использовали в обрядах жертвоприношения. Эта традиция, бытовавшая у северных хантов описана Переваловой: «Не случайно на святилище Тайшиных, политическом и культовом центре северных хантов и ненцев, пересекались обряды человеческого жертвоприношения, заключения мира между осятками и самоедами, а также жертвоприношение собак. Именно здесь возник культовый «родственный» союз между угорским *Орт ики* и ненецким *Яптик хэсе*, благодаря чему, в числе прочего, северными хантами была воспринята и традиция жертвоприношения собаки.» [Перевалова, 2004. с. 293].

Среди диких видов млекопитающих, помимо северного оленя, наибольшее количество костных остатков принадлежит зайцу-беляку. Мясо зайца, видимо, служило дополнительным источником белка, но говорить о сколько-нибудь значительном промысле этого вида можно лишь в период середины – конца XVII столетия. Интересна находка большого скопления заячьих лап в постройке 1. Подобные, но не столь массовые скопления отмечались нами при раскопках Надымского городка. Известно, что заячьи шкурки продавались без лап [Дунин-Горкавич, 1995], возможно, что хранение лап, как и черепов, осуществлялось в ритуальных целях для обеспечения успешного промысла [Ивасько, Лобанова, 2003].

Пушная охота, главным образом на песца, играла небольшую роль в структуре промысла. Пик ее пришелся на середину – конец XVII века. На долю пушных видов в этот период (не учитывая зайца) приходится 10 % костных остатков млекопитающих, 9 % из них приходится на долю песца, в то время как в Надымском городке в это же время доля пушных зверей в составе промысла составляла 24 % (из них 19,5 % – песец). Судя по большому количеству костных остатков посткраниального скелета песца, промысел производился недалеко от поселения, и часть тушек добытых пушных зверей приносили в городок. Их, возможно, использовали в пищу и/или запасали на случай голода. Часть их, вероятно, съедали или скармливали собакам на месте промысла, забирая только шкуру и головы добытых животных. Головы и иногда нижние части лап песца сохранялись.

Помимо песца, в небольшом количестве добывались россомаха и волк. Известно, что шкуры россомахи широко использовали для отделки одежды [Северо-Западная Сибирь..., 2006]. Находки целых черепов россомахи со вскрытой мозговой коробкой, а также изделий из костей и зубов этого животного указывают на использование их в ритуальных обрядах. Из таранных костей, клыков, нижних челюстей других хищных животных и таранных костей бобра и зайца изготавливали подвески. Остальные «пушные» виды (лисица, соболь, горностай, бобр, белка) добывались вероятно, попутно. Кроме того, соболя и бобра к концу XVIII века практически полностью выбили на севере Западной Сибири [Кириков, 1960].

Рассматривая единичные находки костей морских млекопитающих, следует отметить, что нерпа могла самостоятельно подниматься из губы до городка по реке Оби. Кости кита, моржа и белухи могли быть доставлены только с морского побережья или побережья Обской губы, но никакой целенаправленной охоты жителями городка на эти виды не велось.

В городке существовал постоянный промысел – охота на птиц, но судя по небольшому количеству костей птиц, охота на них не играла большой роли в жизнеобеспечении населения городка. Основная промысловая птица, добываемая жителями городища, была белая куропатка – ее добывали в зимнее время. Охота могла вестись с поздней осени, когда большая масса птиц откочевывает из зоны северной тундры на юг в поймы тундровых и лесотундровых речек в поисках корма. Небольшое количество добываемой в весеннее – летнее время водоплавающей птицы (гусей и уток), на наш взгляд, может объясняться откочевкой части местного населения летом в тундру вслед за северным оленем.

Рыболовство играло заметную роль в жизнеобеспечении жителей *Полуйского мысового городка*. Рыба служила дополнительным источником пищи для жителей городка, и основным кормом для собак. Как отмечал А. В. Головнев, содержание ездовых собак было целесообразно исключительно в районах интенсивного рыболовства [Головнев, 1993].

Судя по наличию относительно большого числа черепов с рогами северного оленя, скопления лап и черепов зайца песца и россомахи, захоронений собак, птиц (ворона, орлана белохвоста) можно сказать, что жителями в городке постоянно осуществлялась разнообразная ритуальная практика.

Таблица 4.1.1

Видовой состав и количество костных остатков в различных объектах Полуйского городка из раскопок 2004–2005 годов

№	Вид	Оборонительно-жилой комплекс *			Посад **				Всего
		1	2	3	4	5	6	7	
1	Крупный рогатый скот	–	1	–	–	2	–	–	3
2	Мелкий рогатый скот	–	–	–	1	–	–	–	1
3	Свинья	5	–	–	12	–	–	7	24
4	Собака	8+1ск.	15	18	41+4ск.	9	–	67+1ск.	158+6ск.
5	Северный олень	1082	751	1121	2133	133	34	1857	7111
6	Лось	1	–	5	9	2	–	7	24
7	Песец	491	32	85	235	31	3	153	1030
8	Лисица	9	–	–	2	–	1	7	19
9	Волк	1	–	1	6	1	–	13	22
10	Медведь бурый	–	–	–	–	–	–	1	1
11	Росомаха	8	–	13	8	5	–	13	47
12	Соболь	–	–	–	2	–	–	4	6
13	Горностай	7	3	–	1	–	–	–	11
14	Заяц-беляк	625 + 54 л.	32	53+2 л.	211	68	1	360	1350+56 л.
15	Бобр	5	2	–	11	1	–	3	22
16	Белка	–	–	–	2	–	–	–	2
17	Нерпа	–	–	1	–	–	–	–	1
18	Морж	1	–	–	–	2	–	–	3
19	Белуха	–	1	–	2	–	–	1	4
20	Кит гренладский	2	–	–	–	–	–	1	3
21	Млекопитающие неопр.	335	169	142	227	21	11	438	1343
22	Птица (вся)	159	11	137	229	32	1	431	1000
23	Рыба (вся)	304	45	–	408	12	–	929	1698

* – Оборонительно-жилой комплекс: 1 – постройка 1; 2 – постройка 3; 3 – пространство между постройками.

** – Посад: 4 – раскоп 2004 г.; 5 – Постройка 7; 6 – Постройка 9; 7 – раскоп 2005 г.

Условные обозначения: ск. - полный или фрагмент скелета, л. - целая задняя или передняя лапка

Таблица 4.1.2

Состав элементов скелета северного оленя, песца и зайца-беляка из раскопок Полуйского мысового городка

№	Элемент скелета	Олень северный		Песец		Песец		Заяц-беляк	
		весь		весь		Постройка 1		весь	
		экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Рог	408	5,8	–	–	–	–	–	–
2	Зуб	45	0,6	1	0,1	–	–	–	–
3	Череп с рогами	46	0,7	–	–	–	–	–	–
4	Череп	92	1,3	112	11,1	59	12,0	80	5,7
5	Нижняя челюсть	227	3,2	217	21,4	54	11,1	79	5,6
6	Подъязычная	16	0,2	–	–	–	–	–	–
7	Атлант	77	1,1	9	0,9	7	1,4	5	0,4
8	Эпистрофей	28	0,4	7	0,7	6	1,2	3	0,2
9	Позвонки шейные	66	0,9	14	1,4	13	2,7	15	1,1
10	Позвонки грудные	95	1,4	44	4,2	42	8,5	33	2,3
11	Позвонки поясничные	52	0,7	48	4,6	37	7,4	83	5,9
12	Позвонки хвостовые	2	0,0	5	0,5	3	0,6	–	–
13	Позвонки	51	0,7	–	0,0	–	0,0	5	0,4
14	Грудина	21	0,3	–	0,0	–	0,0	5	0,4
15	Крестец	8	0,1	6	0,6	5	1,0	9	0,6
16	Ребра	799	11,2	88	8,5	57	11,5	204	14,5
17	Лопатка	632	8,9	40	3,8	17	3,5	105	7,5
18	Таз	168	2,3	29	2,8	10	2,1	78	5,5
19	Плечевая	748	10,5	94	9,0	44	8,9	77	5,5

Таблица 4.1.2 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
20	Локтевая	143	2,0	22	2,2	7	1,4	47	3,3
21	Лучевая	508	7,1	45	4,2	17	3,5	67	4,8
22	Бедренная	583	8,2	54	5,1	22	4,5	136	9,7
23	Большеберцовая	784	11,0	62	5,9	16	3,3	182	12,9
24	Малая берцовая	-	0,0	4	0,4	1	0,2	-	-
25	Коленная чашечка	12	0,2	1	0,1	1	0,2	1	0,1
26	Метаподии	256	3,6	70	6,7	31	6,4	74	5,3
27	Пясть	247	3,5	-	-	-	-	-	-
28	Плюсна	402	5,7	-	-	-	-	-	-
29	Пяточная	110	1,5	9	0,9	4	0,8	14	1,0
30	Таранная	126	1,8	16	1,6	13	2,5	9	0,6
31	Запястье, предплюсна	116	1,6	4	0,4	4	0,8	13	0,9
32	Сезамовидные	11	0,2	7	0,7	7	1,4	-	-
33	Фаланга 1	145	2,1	6	0,6	5	1,0	19	1,4
34	Фаланга 2	64	0,9	5	0,5	5	1,0	5	0,4
35	Фаланга 3	9	0,1	5	0,5	4	0,8	2	0,1
36	Фаланга доп.	14	0,2	-	-	-	-	-	-
37	Передняя лапа	-	-	4	0,4	-	-	21	1,5
38	Задняя лапа	-	-	2	0,2	-	-	35	2,5
	Итого	7111	100	1030	100	491	100	1406	100

Таблица 4.1.3

**Состав элементов скелета немногочисленных видов млекопитающих из раскопок
Полуйского мысового городка**

№	Кость	Свинья	Собака	Лось	Соболь	Лисица	Росо- маха	Бобр	Волк	Мед- ведь бурый	Горно- стай	Белка
1	Рог	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
2	Зуб	5	2	2	-	1	3	2	1	-	-	-
3	Череп	2	11	3	1	1	8	-	1	-	4	-
4	Нижняя челюсть	2	16	2	1	4	6	2	1	-	1	1
5	Атлант	-	2	-	-	-	3	-	-	-	-	-
6	Эпистрофей	-	2	-	-	-	-	-	1	-	-	-
7	Позвонки	1	10	1	-	3	1	-	-	-	-	-
8	Грудина	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9	Ключица	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Ребра	3	22	7	-	-	3	1	-	-	3	-
11	Лопатка	2	8	-	-	1	2	-	-	1	1	-
12	Таз	-	8	1	1	-	3	-	-	-	-	-
13	Плечевая	1	14	1	-	1	2	6	-	-	1	-
14	Локтевая	-	10	-	-	-	1	2	1	-	-	-
15	Лучевая	-	17	1	1	-	-	1	1	-	-	-
16	Бедренная	1	4	2	1	2	-	4	-	-	-	1
17	Большеберцовая	3	15	-	1	1	2	1	1	-	1	-
18	Малая берцовая	1	2	-	-	1	2	-	-	-	-	-
19	Метаподии	3	9	1	-	3	6	-	5	-	-	-
20	Пяточная	-	1	-	-	-	-	-	2	-	-	-
21	Таранная	-	-	-	-	1	5	2	2	-	-	-
22	Запястье, предплюсна	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-
23	Фаланга 1	-	1	1	-	-	-	-	3	-	-	-
24	Фаланга 2	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
25	Фаланга 3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	Скелет***	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Итого по видам	24	164	24	6	19	47	22	22	1	11	2
	Итого						342					

* - кости принадлежат одной особи
 ** - изделия
 *** - целые или фрагменты скелетов одной особи

Таблица 4.1.4

**Видовой состав костных остатков птиц
из раскопок Полуйского мысового городка**

№	Виды	2004 год	2005 год
1	Гагара (Gavia sp.)	-	1
2	Лебедь кликун (Cygnus cygnus)	1	9
3	Шилохвость (Anas acuta)	2	11
4	Широконоска (Anas clypeata)	1	-
5	Чирок свистунок (Anas cf. crecca)	-	1
6	Связь (Anas penelopa)	-	4
7	Кряква (Anas platyrhynchos)	-	3
8	Морянка (Clangula hyemalis)	-	1
9	Тоголь (Bucephala clangula)	-	3
10	Утка (Anas sp.)	1	10
11	Белолобый гусь (Anser albifrons)	4	13
12	Пискулька (Anser cf. erythropus)	1	4
13	Гуменник (Anser fabalis)	7	6
14	Гусь (Anser sp.)	-	14
15	Серый гусь (Anser anser)	-	1
16	Белая куропатка (Lagopus lagopus)	70	343
17	Глухарь (Tetrao uragalus)	1	6
18	Курица домашняя (Gallus gallus)	-	2
19	Орел (Aquila sp.)	-	5
20	Ворон (Corvus corax)	36	8
21	Серая ворона (Corvus cornix)	-	1
22	Сорока (Pica pica)	-	2
23	Белая сова (Nyctea scandiaca)	-	1
24	Серебристая чайка (Larus argentatus)	-	1
25	Неопределимые (Aves indet.)	2	20
	Итого по годам	126	470
	Итого		596

Таблица 4.1.5

**Видовой состав костных остатков рыб
из раскопок Полуйского мысового городка**

№	Виды	2004 год	2005 год
1	Сибирский осетр	4	18
2	Стерлядь	1	-
3	Осетровые	-	6
4	Нельма	26	6
5	Муксун	14	6
6	Щокур	7	3
7	Сиги**	97	81
8	Окунь	-	5
9	Щука	10	16
10	Налим	23	221
11	Язь	2	1
12	Ёрш	1	-
13	Карповые***	2	3
14	Рыба не определяемая	62	482
	Итого по годам	249	848
	Итого		1097

** - не определяемые до вида

*** - язь, карась, чебак

Рис. 4.1.1. Северный олень. Фрагменты рогов северного оленя (*Rangifer tarandus*): 1, 3, 4 – рога с фрагментом теменной кости, 2 – фрагмент отпавшего рога. Костные остатки северного оленя (*Rangifer tarandus*): 5–6 – фрагмент черепа с обрезанными рогами (5 – лицевая часть обрублена), 7–8 – теменная часть черепа с рогами (8 – погрызена собаками)

Рис. 4.1.2. Костные остатки северного оленя (*Rangifer tarandus*): 1–6 – приемы разделки нижней челюсти (1,4 – челюсти от молодых животных), 7–9 – лопатки (9 – молодое животное), 10–13 – заготовки изделий из рогов северного оленя, 14 – атлант и эпистрофей (приемы разрубания шейных позвонков), 15 – первый шейный позвонок (атлант), 16–19 – приемы разделки плечевой кости (нижний эпифиз погрызен собаками)

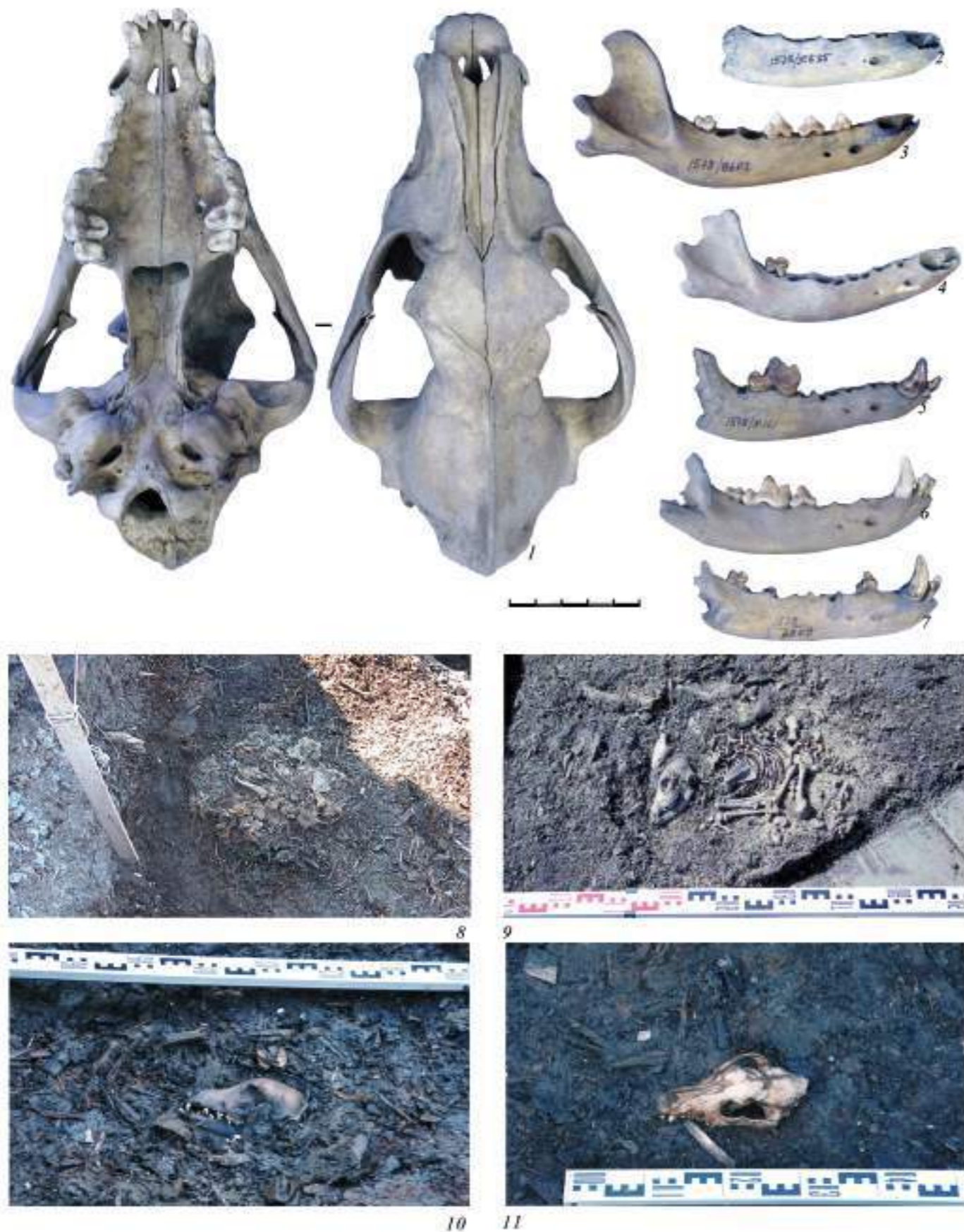

Рис. 4.1.3. Костные остатки собак (*Canis familiaris*): 1 – череп взрослой особи, 2–7 – нижние челюсти, 8–9 – условия нахождения ритуальных захоронений молодых собак, 10 – условия нахождения головы (череп с нижними челюстями) взрослой особи, 11 – череп взрослой собаки в культурном слое

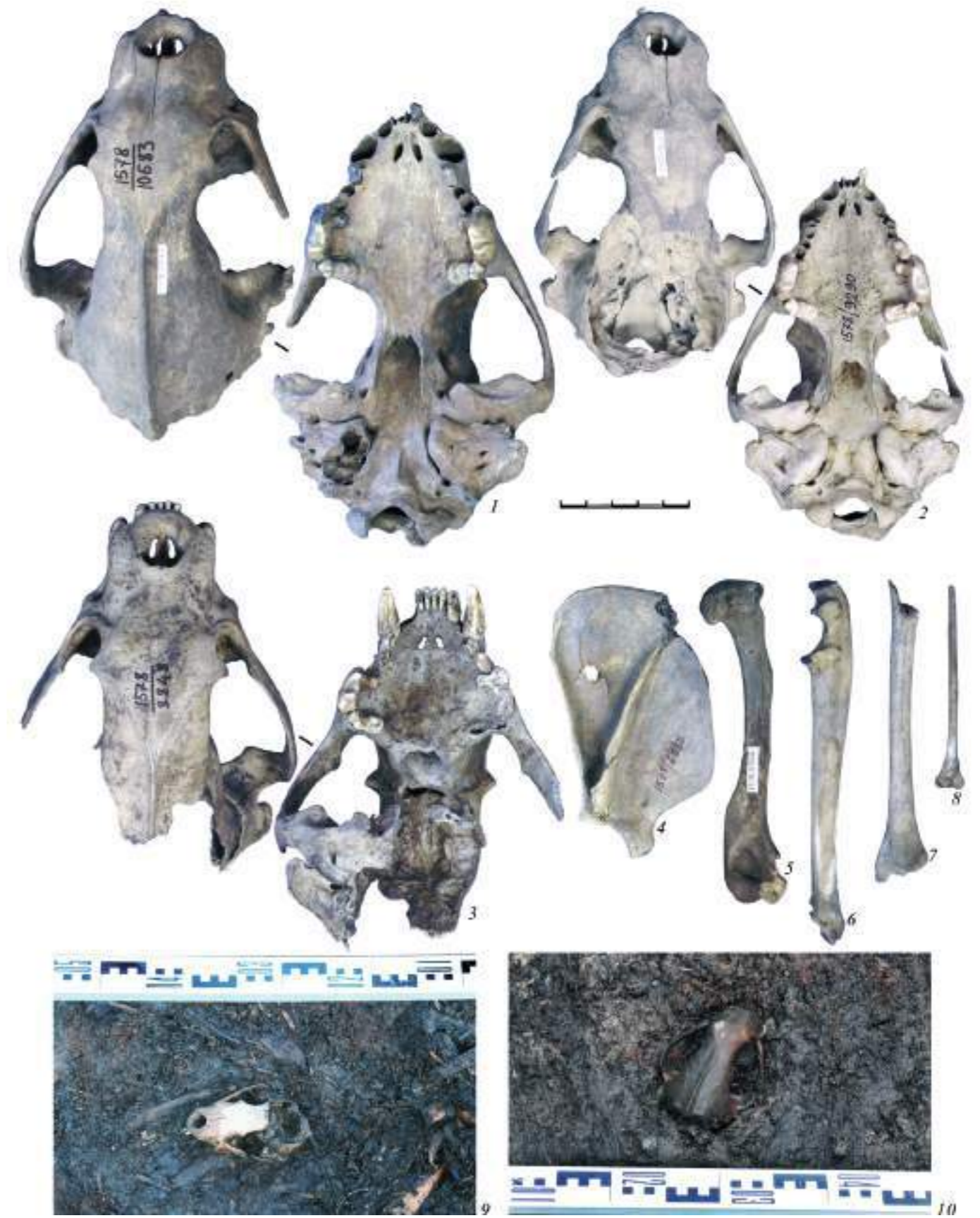

Рис. 4.1.4. Костные остатки росомахи (*Gulo gulo*): 1 – целый череп взрослого животного, 2–3 – черепа росомах с пробитой мозговой коробкой, 4 – лопатка, 5 – плечевая кость, 6 – локтевая кость, 7 – нижний эпифиз большеберцовой кости, 8 – нижний эпифиз малой берцовой кости, 9–10 – условия нахождения черепов росомахи в культурном слое

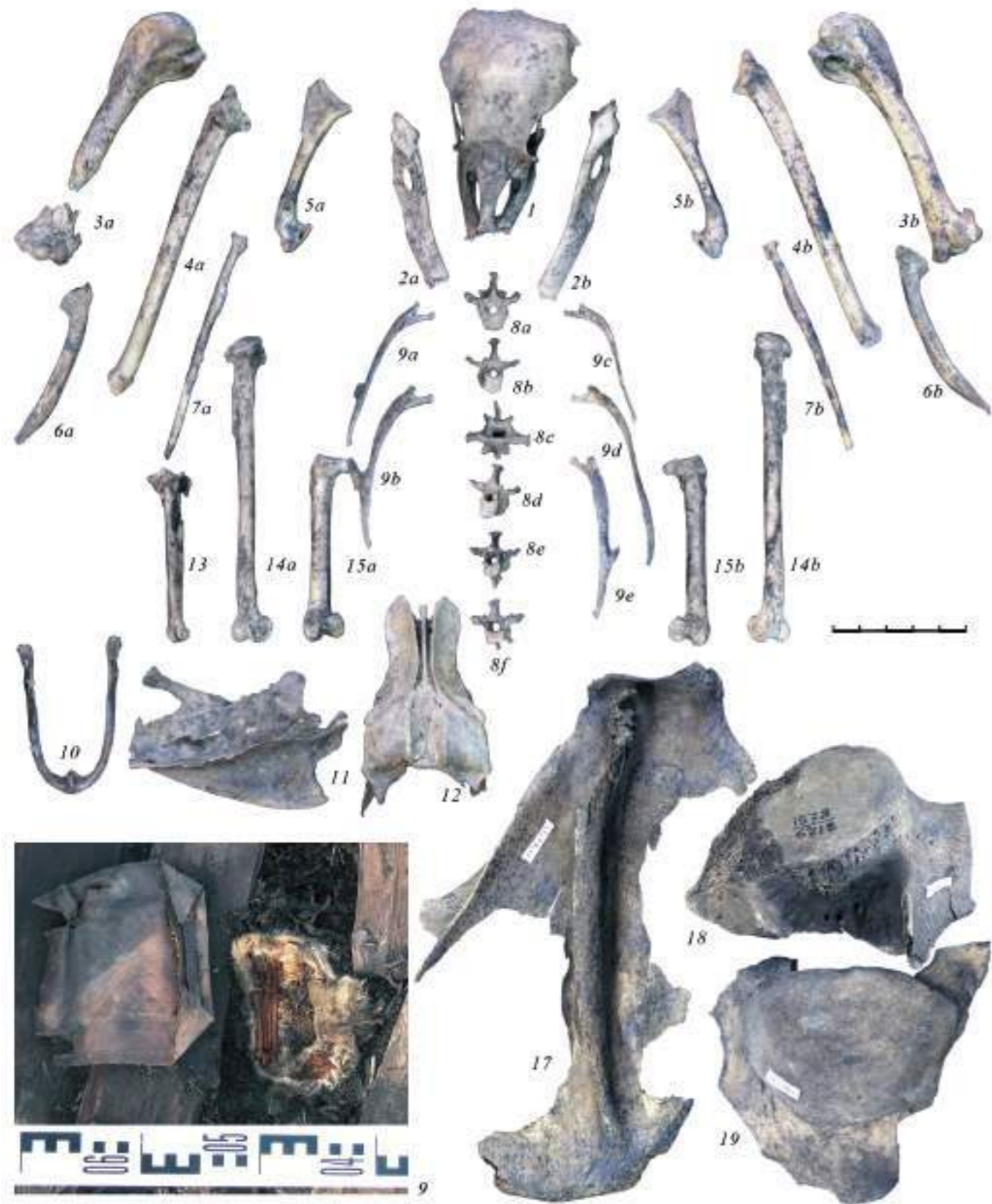

Рис. 4.1.5. Костные остатки ворона (*Corvus corax*) из постройки 1: 1 – череп, 2 – нижние челюсти, 3 – плечевые кости, 4 – локтевые кости, 5 – коракоиды, 6 – лопатки, 7 – лучевые кости, 8 – позвонки, 9 – ребра, 10 – ключица, 11 – киль, 12 – сложный таз, 13 – цевка, 14 – большеберцовые кости, 15 – бедренные кости. Кости животных: 16 – условия нахождения в культурном слое постройки 1 нижней части задней лапы зайца с шерстью, 17 – лопатка бурого медведя, 18 – фрагмент позвонков белухи, 19 – фрагмент затылочного мыщелка черепа белухи

Рис. 4.1.6. Пробитые кости. Кости северного оленя со следами броневых наконечников стрелы (1-3): 1 – тазовая кость, 2 – рог, 3 – локтевая кость. Кости собаки (9) и северного оленя (4-8, 10-11) со следами броневых наконечников стрелы: 4 – фрагмент локтевой кости, 5 – фрагмент ребра, 6 – фрагмент черепа, 7, 8 – фрагменты трубчатых костей, 9 – тазовая кость, 10 – рог, 11 – таранная кость

О. П. Бачура

канд. биолог. наук, науч. сотрудник лаборатории палеоэкологии
ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН,
г. Екатеринбург

Определение сезона смерти и возраста особей северного оленя по спилам зубов из раскопок Полульского мысового городка (2004–05 гг.)

Существует несколько способов определения возраста смерти животных. Наиболее часто в археозоологических исследованиях возрастной состав животных определяется на основании полноты зубных рядов, степени стертости зубов и стадии формирования трубчатых костей. Эти методики позволяют определить возраст преимущественно молодых (до 3-х лет) животных.

Более трудоемкая и малоиспользуемая методика определения индивидуального возраста смерти животных основана на подсчете годовых слоев в костях и зубах (цементе и дентине). Данный метод основан на наличии в цементе и во вторичном дентине зубов животных зон активного роста и зон замедления роста. С помощью этой методики возможно определение возраста любой особи старше 1 года. Для северного оленя показано, что узкие линии в зубах формируются каждую зиму и отражают возраст животного с момента прорезывания зуба [McEwan, 1963; Reimers, Nodby, 1968; Miller, 1974; Клевезаль, Соколов, 1999].

Для анализа были взяты верхние и нижние зубы северного оленя из материалов раскопок *Полульского мысового городка* в 2004–05 годах. Всего было отобрано 66 экз. коренных зубов. Определение сезона смерти проводилось по слоям в цементе, а в отдельных случаях в дентине зуба [Клевезаль, 1988]. Сначала зуб заливался в эпоксидную смолу. После этого делали поперечные аншлифы вдоль всей длины корня зуба. Каждый спил просматривали в отраженном свете под увеличением 7×8, а в отдельных случаях и при более сильном увеличении. В том случае, если одной особи принадлежало несколько зубов, то анализировали m1/1 (первый коренной зуб верхней или нижней челюсти). Этот зуб у северного оленя прорезывается в возрасте 6 месяцев [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970; Miller, 1972]. Это делает данный зуб идеальным для определения возраста, так как количество слоев соответствует возрасту особи. В тех случаях, когда такой зуб отсутствовал, для анализа использовали другие щечные зубы. В таком случае для получения возраста особи к числу слоев прибавлялось время прорезывания зуба. Полученные данные по возрасту для анализа были объединены в несколько возрастных групп: от 1 до 2-х лет (1–2), от 2 до 3-х лет (2–3) и т. д.

Определение времени (сезона) гибели особи производится на основании состояния краевой линии в цементе или дентине. Основная часть широкого слоя у северного оленя формируется с июня по декабрь [Reimers, Nodby, 1968; Miller, 1974]. Узкий слой формируется с декабря по апрель [Miller, 1974]. Учитывая эти данные и данные Г. А. Клевезаль [Клевезаль, Соколов, 1999], считалось:

- если широкий слой только начал формироваться – олень погиб весной (в мае),
- если этот элемент был в значительной мере или почти полностью сформирован – летом (июнь – август),
- если промежуточный элемент был сформирован полностью – осенью (сентябрь – ноябрь),
- если основной элемент был виден по краю очередного годового слоя – зимой (декабрь – апрель).

Для исследования были взяты все доступные и имеющие хорошую сохранность образцы зубов северного оленя, полученные при раскопках *Полульского мысового городка* в 2004–05 годах.

Дополнительно возраст особей определялся на основании состояния зубной системы [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970; Miller, 1972]. Такое определение проводилось для челюстей, которые принадлежали особям

до 1 года, а также в тех случаях, если сохранность зуба была очень плохой и слои были не видны. Формирование зубной системы у северного оленя заканчивается к двум годам. Первый коренной зуб (m1) у диких северных оленей прорезывается в возрасте 5–6 месяцев [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970], а у домашних оленей в 3–3,5 месяца [Друри, 1955]. В возрасте 8–9 месяцев начинает прорезываться второй коренной зуб (m2), а полностью этот зуб начинает функционировать к 12 месяцам. Третий коренной зуб (m3) начинает прорезываться в 17–18 месяцев, а полностью функционирует к 22–24 месяцам. Смена молочных предкоренных зубов (p1–4) у северного оленя происходит ко второму году жизни [Акаевский, 1939; Bergerud, 1970].

Из выбранных 66 образцов для анализа на 21 экз. (32%) не удалось прочитать годовых слоев. В Надымском городке, на поселении Усть-Полуй и на Усть-Войкарском городище – примерно такой же процент зубов, на которых не удалось прочитать слои (28, 34 и 43% соответственно). Таким образом, данное явление, скорее всего, является общим для зубов северного оленя.

Анализ годовых слоев в зубах северного оленя показал следующее. В выборке из раскопа 5, представляющей собой материалы из оборонительно-жилого комплекса (ОЖК), присутствуют животные, погибшие в течение всего года, но преобладают особи, смерть которых приходится с сентября по ноябрь – 59%, погибших зимой 12%. При этом довольно велика доля особей с периодом смерти поздняя весна – лето: 29% (табл. 4.2.1). Какой-либо выборочности по возрасту среди особей не выявляется. Возрастной состав особей северного оленя разный. Преобладают животные старше 2-х лет.

В материалах из посада (раскопы 1, 2, 11) также присутствуют особи, погибшие в течение всего года. Преобладают особи с периодом смерти с сентября по ноябрь (50%) и многочисленны особи с периодом смерти с декабря по март (27%). Присутствует лишь одна особь (4%), погибшая летом, и около 23% в весенний период. Таким образом, можно говорить о том, что оленей здесь умерщвляли (во время охоты или забоя домашних животных) преимущественно в холодное время года. Возрастной состав, выявленный по изученным образцам, в этой части городка не отличается от такового в оборонительно-жилом комплексе.

Анализ состояния зубной системы челюстей северного оленя выявил следующие возрастные группы. В оборонительно-жилом комплексе преобладают особи старше 2-х лет. Наименьшую долю составляют телята (табл. 4.2.2). В материалах из посада картина немного иная: здесь преобладают особи от 1 года до 2 лет, доля телят до 1 года минимальна (табл. 4.2.2).

На основании двух методов можно реконструировать следующий возрастной состав особей северного оленя. В составе костных останков оборонительно-жилого комплекса и прилегающего поселения преобладают особи старше 2-х лет (табл. 4.2.3). Минимальную долю составляли телята до года (табл. 4.2.3). Но в целом молодые особи (телята и годовики) составляют почти половину особей северного оленя. Следовательно, добывали во время охоты или забивали из числа домашнего стада в равной степени – как молодых, так и взрослых животных. Среди молодых животных преимущественно годовалые особи. Среди взрослых оленей (старше 2-х лет) присутствуют особи всех возрастов, в том числе и достаточно старые (8–9 лет).

Таким образом, на основании проведенного исследования мы можем констатировать, что в составе костных останков северного оленя из материалов *Полульского мысового городка* присутствуют особи, умерщвленные в течение всего года. Период массовой смерти особей северного оленя приходится на сентябрь – ноябрь. В современных оленеводческих хозяйствах массовый забой оленей осуществляется также в эти месяцы [Друри, Митюшев, 1963]. Наибольший выход мяса от северного оленя возможен при преимущественной добыче взрослых животных в осенний период [Колпащников, 2000]. Это связано с тем, что в этот период северные олени достигают наибольшей упитанности после летнего нагула [Друри, Митюшев, 1963]. Снижение добычи оленей в теплое время года может быть связано с тем, что, в отличие от холодных месяцев, летом мясо сложно хранить и, соответственно, массовая добыча нерентабельна.

Таблица 4.2.1

Возраст и сезон убоя северных оленей в Полуйском мысовом городке (2004–05 гг.)

№	Зуб	Местонахождение	Возраст (годы)	Сезон	Наиболее вероятные месяцы
Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5)					
1	m/1	Коридор, уч. Т-Ф/21-22	1-2	зима	декабрь – март
2	m/1	Постройка 3, уч. П-Ф/16	1-2	зима	декабрь – март
3	m/1	Уч. Т-Ф/18-21	1-2	лето	июнь – август
4	m/1	Коридор, уч. Х-Ш/18-29	2-3	лето	июнь – август
5	m/2	Постройка 1, уч. Х-Ш/23	2-3	лето	июнь – август
6	m/1	Коридор, уч. Х-Ш/18-29	2-3	весна	май – июнь
7	m/2	Постройка 1, уч. Х-Ш/29	2-3	осень	сентябрь – ноябрь
8	m/1	Постройка 3, уч. П-Ф/16	2-3	осень	сентябрь – ноябрь
9	m/2	Постройка 3, уч. П-Ф/17	2-3	осень	сентябрь – ноябрь
10	m2/	Коридор, уч. П-Ф/21-22	3-4	осень	сентябрь – ноябрь
11	m/2	Коридор, уч. Х-Ш/18-29	3-4	осень	сентябрь – ноябрь
12	m/2	Постройка 1, уч. Х-Ш/28	3-4	осень	сентябрь – ноябрь
13	p/4	Постройка 1, уч. Х-Ш/26	3-4	осень	сентябрь – ноябрь
14	p/4	Постройка 1, уч. Х-Ш/23	4-5	осень	сентябрь – ноябрь
15	m1-2/	Постройка 3, уч. П-Ф/14	5-6	осень	сентябрь – ноябрь
16	p3/	Постройка 3, уч. С-Ф/12	8-9	лето	июнь – август
17	p/4	Уч. Т-Ф/18-21	8-9	осень	сентябрь – ноябрь
Прилегающее поселение (раскопы № 1, 2, 11)					
18	m/1	Уч. Д'-Ж'/35-40	1-2	зима	декабрь – март
19	m/1	Постройка 5, уч. Д'-Ж'/38	1-2	зима	декабрь – март
20	m/1	Уч. Ж'-У'/42-44	1-2	зима	декабрь – март
21	m/1	Уч. Ж'-У'/30-41	1-2	зима	декабрь – март
22	m/1	Постройка 7, уч. А/27	1-2	весна	март – апрель
23	m/1	Уч. Ж'-И'/30-33	1-2	осень	сентябрь – ноябрь
24	m/1	Уч. Н-Р/30-33	2-3	весна	апрель – май
25	m/1	Уч. Е'/46	2-4	осень	сентябрь – ноябрь
26	m/1	Уч. Ж'-У'/30-41	2-5	осень	сентябрь – ноябрь
27	m/2	Уч. Ж'-У'/30-41	2-6	осень	сентябрь – ноябрь
28	m2/	Уч. Н-Т/31-35	2-7	осень	сентябрь – ноябрь
29	m1/	Уч. Н/34	2-8	осень	сентябрь – ноябрь
30	m/2	Постройка 5, уч. Д'-Ж'/40	1-2	весна	май
31	m/2	Постройка 8, уч. А-Д/29	3-4	весна	май
32	p2-4/	Уч. С'-Ф'/36-42	3-4	зима	декабрь – март
33	p/4	Уч. Г'-Г'/22-23	3-4	осень	сентябрь – ноябрь
34	p/4	Уч. Г'-Г'/22-23	3-4	осень	сентябрь – ноябрь
35	p2-4/	Уч. Г'-Б/23-26	5-6	зима	декабрь – март
36	p3/	Уч. Ж'-У'/30-41	5-6	лето	июнь – август
37	m1/	Уч. А'-Е'/40-46	5-6	осень	сентябрь – ноябрь
38	p/4	Уч. А'-Г'/25-28	6-7	осень	сентябрь – ноябрь
39	m/1	Уч. Г'-Д'/22-25	7-8	осень	сентябрь – ноябрь

Таблица 4.2.2

Возрастной состав особей северного оленя по состоянию зубной системы

№	Состояние зубной системы	Возраст, мес.	Кол-во челюстей	
			ОЖК	Посад
1	m1 есть, m2 нет	6-9	7	2
2	m2 есть, m3 нет	9-18	11	10
3	m3 есть, p4 нет	18-22	3	4
4	есть p4	Старше 22	20	7

Таблица 4.2.3

Процентное соотношение количества и возрастного состава особей северного оленя в структуре поселенческого комплекса

№	Возрастные группы	ОЖК		Поселение	
		абс. (экз.)	%	абс. (экз.)	%
1	Телята, 0-1 год	7	12	2	4
2	Годовики, 1-2 года	18	31	20	44
3	Старше 2-х лет	34	58	23	51

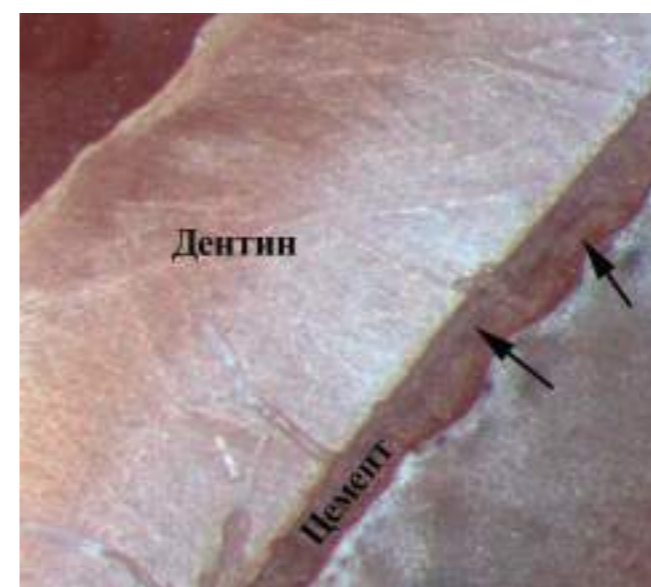

Рис. 4.2.1. Спили зубов северного оленя под бинокляром. Первый коренной зуб от особи 2-х лет, забитой в мае. Две зимние линии (обозначены стрелками), по краю начала формироваться летняя линия

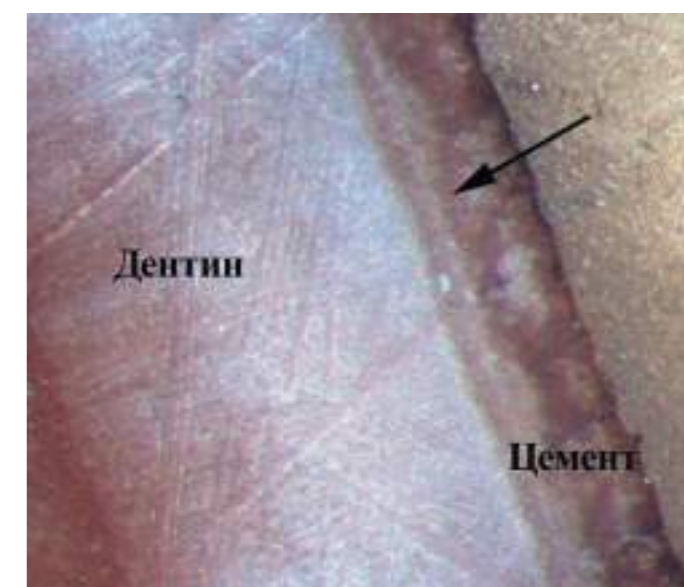

Рис. 4.2.2. Спили зубов северного оленя под бинокляром. Второй коренной зуб от особи 2,5 лет, забитой осенью. Одна зимняя линия плюс 1 (прорезывание зуба). По краю полностью сформированный летний слой

О. М. Корона

мл. науч. сотр. лаборатории палеоэкологии
ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН,
г. Екатеринбург

Результаты карпологического анализа образцов культурного слоя из раскопок Полульского мысового городка (2004 г.)

Палеокарпология изучает ископаемые растительные макроостатки, захороненные в рыхлых отложениях кайнозойских пород. Макроостатки – это плоды, семена, и другие поддающиеся морфологическому определению остатки растений: хвоинки, укороченные побеги, чешуи шишек и целые шишки хвойных растений, побеги листостебельных мхов, мелкие листочки вересковых, берез и других мелколистных растений [Никитин В. П., 1969; Никитин В. П., Пономарева Е. А., 1980]. Палеокарпологический метод может быть применен и для решения археологических задач, так как позволяет получить дополнительную информацию к характеристике природной среды и хозяйственной деятельности людей в разные исторические эпохи.

В ходе археологических раскопок *Полульского мысового городка* в 2004 году были отобраны 18 образцов культурного слоя для палеокарпологического анализа. Шесть проб были взяты из посадочной части городка: раскопы №№ 1, 2, 4, 6 и 9. Большая часть образцов (12 экз.) была отобрана из оборонительно-жилого комплекса (раскоп № 5).

В лабораторных условиях образцы культурного слоя просушили, измерили их объем мерными стаканами емкостью 500 и 200 мл. Затем материал просеивали на колонке сит с диаметром сетки от 10 до 0,25 мм, каждую фракцию просматривали под микроскопом МБС-10 и отбирали все морфологически определяемые остатки растений и животных. Определение отобранных растительных макроостатков проводили по эталонным коллекциям плодов и семян ИЭРиЖ УрО РАН и определителям [Доброхотов В. Н., 1961; Кац Н. Я. и др., 1965].

Пять образцов являются визуально определяемыми плодовыми телами грибов, а два – это остатки скорлупы различных орехов. Результаты их определения представлены в таблице 4.3.1. Остальные 12 образцов – это разные по объему пробы из культурного слоя с разных участков *Полульского мысового городка*, результаты их палеокарпологического анализа представлены в таблице 2.

Описание образцов № 1, 5, 37, 45, 51, 55

Полульский мысовой городок. Территория прилегающего поселения (Посад)

Образец № 1. Раскоп № 1, 2. Кв. В'/43, заполнение ямы (табл. 4.3.1). Плодовое тело ложного трутовика (*Phellinus igniarius* (L.) Quél.). Определение и описание плодовых тел этих грибов было проведено микологом, канд. биол. наук, научным сотрудником ИЭРиЖ УрО РАН И. В. Ставищенко. «Это один из наиболее распространенных видов грибов, поражающих стволы многих лиственных пород – березы, ивы, осины, рябины. Все образцы хорошей сохранности, мягкой консистенции, без сильных повреждений паразитами. Следует отметить, что в природных условиях сорванные мертвые плодовые тела многолетних трутовиков быстро разрушаются, в среднем, через 1–2 года, поэтому хорошая сохранность найденных плодовых тел, вероятно, связана с тем то, что эти грибы специально собирали и хранили. Под микроскопом ясно видна анатомическая структура: гифы, щетинки, и даже споры грибов данного вида, однако базидии, по-видимому, разрушены, что вполне нормально. Субъективно плодовые тела грибов имеют сильный запах, характерный для жилищ современных хантов.

Плодовые тела ложного трутовика пытались использовать с давних времен, однако из-за большой твердости этот трутовик давал лишь плохой трут (трут – любой материал, воспламеняющийся от одной искры). Про лечебные свойства ложного трутовика известно, что экстракт гриба способствует усилению пищеварения, в народной медицине его используют в качестве противоопухолевого средства, как антидот при отравлении

ях. Эти грибы также обладают способностью останавливать внутренние кровотечения [Грибы Ивановской области. Андрей Белов. <http://ivgribnik.ru>]

Образец № 5. Раскоп № 1, 2, кв. Ж'-И'/41–45, ур. 21.50. (табл. 4.3.1). Плодовое тело ложного трутовика.

Образец № 37. Раскоп № 1, 2, кв. В'/43, ур. 21.40–21.30, подстилка. Объем 4,2 л. (табл. 4.3.2). Древесные остатки – фрагменты древесины, коры, веток, составляют ~1/4 часть объема образца. Поскольку обнаружены макроостатки березы, лиственницы, ели и кедра, то фрагменты древесины принадлежат, вероятно, этим породам деревьев. Определимые растительные остатки немногочисленны: больше всего встречается остатков пищевых растений – дикорастущие деревья, кустарники, кустарнички, травы, семена, плоды или другие части которых человек употребляет в пищу. Из пищевых растений были обнаружены плоды и семена кедра сибирского, княженики и морошки. Кроме того, в этом образце единично встречаются семена болотных (осока) и сорных (яснотка, скерда) растений. Все растительные остатки принадлежат местным видам, произрастающим на данной территории и в настоящее время.

Кроме растительных остатков, в этом образце обнаружено небольшое количество фрагментов насекомых, костей животных и шерсти млекопитающих, мелкие кусочки ткани и отдельные нитки. Сочетание большого количества костей, чешуи рыб и пупариев мух, по-видимому, не случайно: в этом месте, вероятно, обрабатывали и хранили рыбу.

Образец № 51. Раскоп № 1, 2, кв. Н'-У'/36–46, ур. 21.38. Объем 1 л. Содержит большое количество обугленной древесины. Определимые растительные остатки не обнаружены.

Образец № 55. Раскоп № 4, 6, кв. Е'-Ж'/65–66, ур. 20.90–20.30, заполнение ямы. Объем 0,5 л (табл. 4.3.2). В образце много обугленной древесины. Единичные макроостатки лиственницы и водяники также обуглены. Возможно, это остатки очага.

Образец № 45. Раскоп № 9, кв. Т/5, ур. 19.15. Объем 7 л. (табл. 4.3.2). В целом образец представляет собой плотно спрессованные древесные остатки в виде щепы и кусков коры разного размера с прослойками почвы. Древесные остатки – щепы, кора, береста составляют около 60% объема образца, остальное – почва, перегной. Например, в одном из почвенных монолитов древесные остатки составили 1000 мл, а все остальное – 700 мл. Судя по составу макроостатков, древесные фрагменты принадлежат березе, ели, лиственнице и кедру. Многочисленны плоды и семена разнообразных пищевых растений (водяника, кедр, княженика, морошка, черемуха). Остатки водно-болотных и сорно-луговых растений не столь многочисленны, как пищевых растений, но они довольно разнообразны: 4 и 8 таксонов соответственно (табл. 4.3.2). Все обнаруженные макроостатки принадлежат растениям, характерным для данной территории и в настоящее время.

Кроме растительных остатков, обнаружено довольно много фрагментов жуков и пупариев мух. Шерсть животных, чешуя и кости рыб встречаются единично.

Из-за большого количества щепы, коры и др. частей деревьев можно предположить, что на этом участке занимались обработкой древесины.

Описание образцов № 2, 3, 4, 6, 7, 8, 38, 39, 40, 41, 42, 43.

Полульский мысовой городок. Оборонительно-жилой комплекс (раскоп № 5).

Образец № 2. Постройка 1, кв. Ш/27–28, ур. 21.15. Плодовое тело ложного трутовика (табл. 4.3.1).

Образец № 3. Постройка 1, кв. Ц-Щ/21–29, ур. 21.50. Плодовое тело ложного трутовика (табл. 4.3.1).

Образец № 4. Постройка 1, ур. 21.60–21.55. Плодовое тело ложного трутовика (табл. 4.3.1).

Образец № 6. Постройка 1, ур. 21.60. Содержит остатки трех видов орехов: 1 фрагмент скорлупы кедра сибирского (*Pinus sibirica*); 1 целый орех и 4 фрагмента скорлупы лещины (*Corylus avellana*); 2 фрагмента скорлупы грецкого ореха (*Juglans regia*). Орех лещины имеет форму как у современных культурных сортов лещины (почти шарообразную). Интересно, что находки остатков орехов лещины и кедра довольно характерны для археологических памятников севера Западной Сибири (Мангазея, Старотуруханск), но вот фрагменты скорлупы грецкого ореха на этой территории обнаружены впервые. Все остатки очень хорошей сохранности, поэтому, возможно, они занесены из верхних более поздних слоев при строительстве объектов речного порта.

Образец № 7. Постройка 1, кв. Ц-Ш/22–23, ур. 21.00–21.15. Состоит из одного ореха лещины (*Corylus avellana*) со следами погрызов мелкого млекопитающего (грызуна?), в скорлупе есть отверстие диаметром примерно 3 мм. Орех имеет форму характерную для дикого орешника (слегка сплюснут с боков).

Лещина обыкновенная (орешник обыкновенный) обитает в диком состоянии в европейской части бывшего СССР до 57°.

Таблица 4.3.1

Видовой состав и количество макроостатков, обнаруженных в образцах из Полуйского мысового городка (2004 г.)

№ обр.	Раскоп. Объект	Квадрат	Уровень	Вид
1	Р. 1, 2.	В/43	Заполнение ямы	Ложный трутовик (<i>Phellinus igniarius</i> (L.) Quél.).
2	Р. 5. П.1	Ш/27-28	21.15	
3	Р. 5. П.1	Ц-Щ/21-29	21.50	
4	Р. 5. П.1		21.60-21.55	
5	Р. 1, 2.	Ж'-И'/41-45	21.50	
6	Р. 5. П.1		21.60	Кедр сибирский (<i>Pinus sibirica</i>) – 1 фр. Орех грецкий (<i>Juglans regia</i>) – 2 фр. Лещина (<i>Corylos avellana</i>) – 1 орех + 4 фр.
7	Р. 5. П.1	Ц-Ш/22-23	21.00-21.15	Лещина (<i>Corylos avellana</i>) – 1 орех

Условные обозначения: фр. – фрагмент

Таблица 4.3.2

Видовой состав и количество растительных остатков, обнаруженных в образцах из Полуйского мысового городка (2004 г.)

№.	№ образца	37	55	45	38	43	42	39	8	41	40
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Культурные злаки											
1	Овес (<i>Avena cf. sativa</i>)	-	-	-	-	-	-	2*	-	-	-
Пищевые растения											
2	Брусника (<i>Vaccinium vitis idaea</i>)	-	-	-	28	-	2	1	-	--	45
3	Водяника (<i>Empetrum nigrum</i>)	1 л.	1*	850+23*	878	3	5 л.+80	2 л.+5	-	49	170
4	Кедр сибирский (<i>Pinus sibirica</i>)	3*	-	9*	7*	-	-	-	-	-	13*
5	Княженика (<i>Rubus arcticus</i>)	8+3*	-	3	2	-	1	-	-	-	6
6	Малина (<i>Rubus sp.</i>)	-	-	-	3	-	-	1*	-	-	-
7	Морошка (<i>Rubus chamaemorus</i>)	17	-	250+105*	80+65*	6	22+25*	-	1	24+7*	83+5*
8	Черемуха (<i>Padus sp.</i>)	-	-	1*	8*	1	2*	-	-	-	1
Деревья и кустарники											
9	Береза древесная (<i>Betula sect. Betula</i>)	2.	-	1	V	-	-	-	-	1	-
10	Ель (<i>Picea obovata</i>)	21 хв.	-	1*в.	3*в + 30 хв.	8*в + 12 хв.	2*в.+ 21 хв.	2 хв.	1 хв.	3*в.+ 110 хв.	13*в.+1ч. +822 хв.
11	Лиственница (<i>Larix sibirica</i>)	2	2+4*+7*ч.	3+3*	4	1 ук. п.	-	-	-	-	-
Водные и болотные растения											
12	Болотница (<i>Eleocharis sp.</i>)	-	-	1*	-	-	-	-	-	-	-
13	Двуклосточник (<i>Phalaroides arundinaceae</i>)	-	-	-	29	-	-	4	-	-	-
14	Камыш (<i>Scirpus sp.</i>)	-	-	-	2*	-	-	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
15	Лютик (<i>Ranunculus hyperboreus</i>)	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-
16	Мохообразные (<i>Bryophytes</i>)	2 в.	-	-	-	1 в.	3 в.	3 в.	-	-	2 в.
17	Осоки (<i>Carex spp.</i>)	1	-	2	29	3	-	174	-	-	10
18	Осоковые (<i>Cyperaceae g.in.</i>)	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
19	Толокнянка <i>Arctostaphylos uva ursi</i>)	-	-	10	-	-	-	-	-	-	-
20	Рдест пронзеннолистный (<i>Potamogeton perfoliatus</i>)	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
21	Сабельник (<i>Comarum palustre</i>)	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-
22	Хвойник (<i>Hippuris vulgaris</i>)	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Луговые и сорные травы											
23	Бекмания (<i>Beckmannia sp.</i>)	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
24	Бодяк (<i>Cirsium sp.</i>)	-	-	1*	-	-	-	-	-	-	-
25	Гвоздичные (<i>Caryophyllaceae gen.indet.</i>)	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-
26	Горец развесистый (<i>Persicaria lapathifolia</i>)	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-
27	Гречишка вьюнковая (<i>Fallopia convolvulus</i>)	-	-	4*	2+3*	-	2*	3*	-	1*	25*
28	Гречишка кустарниковая (<i>Fallopia dumetorum</i>)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1*
29	Злаки дикорастущие (<i>Poaceae gen.indet.</i>)	-	-	-	28	2*	-	78	-	-	-
30	Капустные (<i>Brassicaceae gen.indet.</i>)	-	-	-	1*	-	-	-	-	-	-
31	Крапива (<i>Urtica dioica</i>)	-	-	2	-	7	-	1	-	-	5
32	Крестовник (<i>Senecio sp.</i>)	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
33	Марь белая (<i>Chenopodium album</i>), мари (<i>Chenopodium spp.</i>) и лебеда (<i>Atriplex spp.</i>)	-	-	47	10090	18	902	45	2	861	1865
34	Неслия метельчагая (<i>Neslia paniculata</i>)	-	-	-	3*	-	-	-	-	-	-
35	Пикульник (<i>Galeopsis sp.</i>)	-	-	1*	1	-	-	-	-	-	1
36	Скерда (<i>Crepis sp.</i>)	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
37	Спорыш птичий (<i>Persicaria aviculare</i>)	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-
38	Сурепица (<i>Brassica sp.</i>)	-	-	1*	-	-	-	-	-	-	1*
39	Щавель малый (<i>Rumex acetosella</i>)	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
40	Щавель (<i>Rumex sp.</i>)	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
41	Ярутка полевая (<i>Thlaspi arvense</i>)	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
42	Яснотка (<i>Lamium cf. album</i>)	9	-	11	3	-	9	-	-	-	-
Общее количество растительных остатков		70	14	1331	11309	67	1079	326	4	1056	3069

Условные обозначения: цифра – количество плодов, семян или других растительных остатков; цифра* – количество их фрагментов; л. – листья; в. – веточки; хв. – хвоинки; ук. п. – укороченный побег; ч. – чешуйки.

В. М. Горячев

канд. биолог. наук, науч. сотр. лаборатории дендрохронологии
ФГБУН ИЭРиЖ УрО РАН,
г. Екатеринбург

В. А. Мыглан

доктор ист. наук, зав. лаборатории
«Естественнонаучные методы
в истории и археологии»
ФГАОУ ВПО СФУ,
г. Красноярск

Г. И. Омурова

аспирант, науч. сотр. лаборатории
«Естественнонаучные методы
в истории и археологии»
ФГАОУ ВПО СФУ,
г. Красноярск

Определение возраста образцов древесины из строений Полуйского мысового городка по дендрохронологическому методу

Наблюдаемое в последние десятилетия бурное развитие естественнонаучных методов привело к увеличению доступности, усовершенствованию старых, появлению новых методик анализа и расширению области их применения [Деревянко, Холюшкин, 1995; Полосмак и др., 1997; Воевода и др., 1998; Молодин и др., 2000; и др.]. В современной научной практике ни одно серьезное исследование памятников, где встречается древесина, не обходится без дендрохронологического метода, т.к. перекрестный анализ серий прироста хронологий по живым деревьям и памятникам позволяет установить время рубки деревьев, а значит, и сооружения построек.

В 2004–05 гг. в процессе археологических исследований Полуйского мысового городка были отобраны 174 образца археологической древесины для определения времени сооружения изучаемого объекта. Часть данных образцов первоначально прошла процедуру датировки в лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург) в 2004–05 гг., часть не прошедших датировку образцов прошла дендрохронологический анализ в лаборатории «Естественнонаучные методы в истории и археологии (ЕМИА)» ФГАОУ ВПО СФУ (г. Красноярск) в 2012–13 гг. Измерения ширины годичных колец были выполнены на полуавтоматической установке «LINTAB» (с точностью 0,01 мм). Датировка измеренных серий была выполнена посредством сочетания графической перекрестной датировки [Douglass, 1941] и кросс-корреляционного анализа (в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL [Holmes, 1984] и «TSAP V3.5» [Rinn, 1996]). Учитывая, что древесно-кольцевые серии по археологической древесине изначально являются плавающими, наиболее достоверным способом их календарной привязки является использование региональной древесно-кольцевой хронологии, отражающей прирост древесины растительности в районе исследования.

Для календарной привязки обобщенной древесно-кольцевой хронологии Pol (образцов археологической древесины из строений Полуйского мысового городка) была использована хронология Polar Ural, построенная F. Schweingruber по лиственнице сибирской, охватывающая период с 778 по 1892 гг. (По данным *International Tree Ring Data Bank* (ITRDB)). Хронология, полученная по археологической древесине, сначала была стандартизиро-

на фиксированным сплайном длиной в 32 года в программе ARSTAN [Cook, Kairiukstis, 1990]. В результате за счет усреднения, вычитания возрастного тренда был удален шум, связанный с разными условиями произрастания, различиями в реакции разных видов древесных пород на изменения условий внешней среды и др.

Проведенный перекрестный анализ индивидуальных серий прироста по лиственнице и ели выявил, что до 80% хронологий согласуются между собой (рис. 4.4.1), что позволило их объединить в одну обобщенную хронологию Pol (охватывает период с 1512 по 1682 гг.). Календарная привязка образцов древесины строений Полуйского мысового городка достигалась путем проведения перекрестной датировки стандартизированной древесно-кольцевой хронологии Pol с хронологией Polar Ural (рис. 4.4.2).

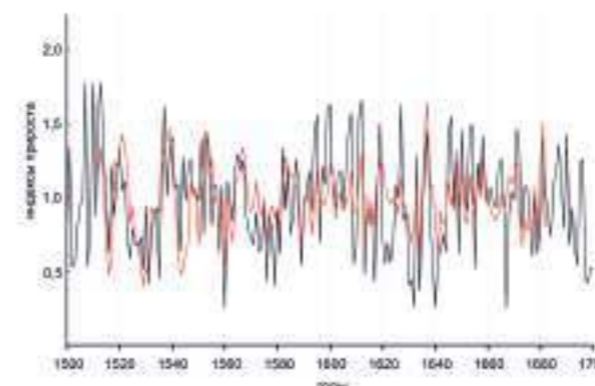

Рис. 4.4.1. Результат перекрестного датирования стандартизированной хронологии по археологической древесине с Полуйского мысового городка Pol (красная линия) с древесно-кольцевой хронологией Polar Ural (черная линия)

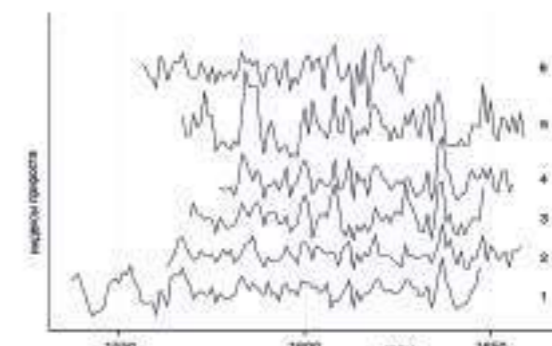

Рис. 4.4.2. Пример перекрестной датировки индексированных серий прироста образцов археологической древесины с Полуйского мысового городка. Под цифрой 1 – № 108, 2 – № 153, 3 – № 149, 4 – № 42, 5 – № 134, 6 – № 129 (нумерация согласно табл. 4.4.1)

В результате перекрестной датировки из числа полученных образцов прошли процедуру датировки 82. Уверенно определен возраст только 17 спилов, которые имели кору или подкорковый слой. С высокой степенью уверенности определен вероятный период рубки для 42-х образцов. Остальные образцы не были датированы или не прошли процедуру датировки по нескольким причинам. Некоторые измеренные образцы не совпали ни с одним из участков стандартизированной древесно-кольцевой хронологии Pol. Часть образцов имели очень короткие, не более 20–30 лет хронологии, или утраченные (полностью сгнившие) участки хронологии, не позволяющие произвести уверенное датирование. Часть образцов в процессе хранения расслоились или полностью сгнили. Возраст образцов древесины из строений Полуйского мысового городка прошедших процедуру датирования, представлен в таблице (табл. 4.4.1).

Половина датированных образцов изучалась более тщательно с использованием последних разработок в области дендрохронологии. Анализ породового состава образцов археологической древесины показал, что до 70% принадлежат лиственнице сибирской (*Larix sibirica*), а около 30 обыкновенной (*Picea abies*). Возраст образцов древесины составляет в среднем 80 лет, максимальный – 176 лет.

В результате определения возраста образцов древесины из строений Полуйского мысового городка можно заключить, что в культурном слое памятника присутствует древесина разного времени с XIV в. по первое десятилетие XVIII в. Тем не менее лишь единичные экземпляры приходятся на XIV в. и начало XVIII в. Вместе с тем велика вероятность неуверенной датировки самого раннего образца либо вторичного использования древесины. Основное число древесины прекратило свой рост в хронологическом интервале с сер. XVI по конец XVII вв. – порядка 70–80 %. Этот факт позволяет локализовать в данных рамках период относительно активного строительства, ремонта и реконструкций строений городка. Несколько образцов древесины, время рубки которых приходится на начало XVIII в., позволяет констатировать факт функционирования населенного пункта в этот период. Некоторые из строений городка, поставленные на рубеже XVI–XVII вв., (постройка 3 посад) использовались без перестроек все время его существования. Столь длительный срок функционирования очевидно обусловлен использованием древесины лиственнице сибирской (*Larix sibirica*). Некоторые строения реконструировались дважды, в частности, постройка № 1 ОЖК, поставленная в конце XVI в. перестраивалась в 20–30-е и в 60–70-е годы XVII века. Таким образом, пользуясь результатами определения возраста образцов древесины из строений Полуйского мысового городка, произведенного по дендрохронологическому методу, можно заключить, что Полуйский мысовой городок был основан во второй половине XVI века, вероятнее, в самом конце, и функционировал до первой трети XVIII века.

Таблица 4.4.1

Определение возраста образцов древесины из строений Полульского мысового городка по дендрохронологическому методу

17№ п/п	№ образца	Название элемента строения и место нахождения образца (№, участка, уровень)	Дата первого годичного кольца образца	Количество колец	Дата последнего годичного кольца	Вероятное число утраченных периферийных колец	Вероятный период (год) рубки дерева
1	2	3	4	5	6	7	8
Раскоп № 5. Оборонительно-жилой комплекс Полульского мысового городка							
Постройка № 1, 3							
1	31	порог, верхний, ур. 24,65	1535	84	1619	10-20	1629-1639
2	32	коридор, перед входом, ур. 21,70	1578	52	1629	40-50	1669-1679*
3	33	коридор, перед входом, ур. 21,57	1537	114	1650	0-5	1650-1655*
4	34	пол, верхний, ур. 21,44					не датируется
5	35	пол, верхний, ур. 21,39	1571	48	1619	5-10	1624-1629
6	36	пол, верхний, ур. 21,43					не датируется
7	37	пол, верхний, ур. 21,35	1601	33	1633	подкор. слой	1633*
8	38	пол, верхний, ур. 21,44	1592	66	1658	5-10	1663-1668
9	39	пол, верхний, ур. 21,44	1523	108	1631	15-25	1646-1656
10	40	пол, верхний, ур. 21,38	1512	88	1600	40-50	1640-1650
11	41	лага под пол, верхний, ур. 21,54	1610	66	1676	1-3	1676-1679
12	42	лага под пол, верхний, ур. 21,48	1611	66	1677	1-3	1678-1680*
13	43	лага под пол, верхний, ур. 21,38	1638	45	1683	5-10	1688-1693
14	44	лага под пол, верхний, ур. 21,52	1488	51	1539	5-10	1544-1549 (?)
15	45	лага под пол, верхний, ур. 21,45	1492	109	1601	15-25	1616-1626
16	46	лага под пол, верхний, ур. 21,39	1532	138	1670	15-25	1685-1695
17	105	стена С3, верхняя, ур. 20,80	1538	44	1582	15-40	1597-1622
18	106	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60	1567	95	1661	подкор. слой	1661*
19	107	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
20	108	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60	1537	111	1647	5-10	1652-1657*
21	109	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
22	110	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
23	111	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
24	112	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60	1577	80	1656	0-5	1656-1661
25	113	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60	1564	92	1655	подкор. слой	1655*
26	114	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
27	115	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60	1564	92	1655	подкор. слой	1655*
28	116	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
29	117	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
30	118	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60	1577	79	1655	5-10	1660-1665*
31	119	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
32	120	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
33	121	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60	1570	91	1660	подкор. слой	1660*
34	122	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,60					не датируется
35	123	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,75					не датируется
36	124	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,75					не датируется

1	2	3	4	5	6	7	8
37	125	стена С3, верхняя, ур. 21,15-21,75					не датируется
38	126	лага под пол, средний (2), ур. 21,20	1572	73	1645	кора	1645
39	127	лага под пол, средний (2), ур. 21,20				кора	не датируется
40	128	лага под пол, средний (2), ур. 21,20	1600	65	1664	кора	1664*
41	129	лага под пол, средний (2), ур. 21,20	1556	74	1629	кора	1629*
42	130	опора стены С3, верхней, ур. 21,27					не датируется
43	133	опора стены С3, верхней, ур. 21,30					не датируется
44	134	опора стены С3, верхней, ур. 21,30	1567	93	1659	5-10	1664-1669*
45	135	перегородка центр. помещения, ур. 21,23	1578	68	1646	10-15	1656-1661
46	136	лага под пол, средний (2), ур. 21,25					не датируется
47	137	лага под пол, средний (2), ур. 21,25	1618	48	1665	подкор. слой	1665*
48	138	лага под пол, средний (2), ур. 21,25					не датируется
49	139	опора стены ЮЗ, верхней, ур. 21,27					не датируется
50	140	основание порога верхнего, ур. 21,10	1561	41	1601	40-80	1641-1681*
51	141	коридор, перед входом, ур. 20,05					не датируется
52	142	перегородка центр. помещения, ур. 21,30				кора	не датируется
53	143	перегородка центр. помещения, ур. 21,20				кора	не датируется
54	144	перегородка центр. помещения, ур. 21,40	1440	99	1539	40-50	1579-1589
55	145	перегородка центр. помещения, ур. 21,15					не датируется
56	146	опора стены С3, верхней, ур. 21,20	1557	100	1656	5-10	1661-1666*
57	147	перегородка центр. помещения, ур. 21,30					не датируется
58	148	опора стены С, верхней, ур. 21,00	1596	54	1649	подкор. слой	1649*
59	149	опора стены С, верхней, ур. 21,00	1569	80	1648	15-25	1663-1673*
60	150	пол, средний (1), ур. 20,85	1577	80	1657	10-15	1667-1672
61	151	пол, средний (1), ур. 20,85					не датируется
62	152	пол, средний (1), ур. 20,85					не датируется
63	153	пол, средний (1), ур. 20,85	1563	96	1658	подкор. слой	1658*
64	154	пол, средний (1), ур. 20,85	1565	94	1658	подкор. слой	1658*
65	155	пол, средний (1), ур. 20,86					не датируется
66	156	пол, средний (1), ур. 20,84	1586	49	1634	15-25	1649-1659*
67	157	пол, средний (1), ур. 20,90	1600	56	1656	5-10	1661-1666
68	158	пол, средний (1), ур. 20,90					не датируется
69	159	пол, средний (1), ур. 20,90					не датируется
70	160	лага под пол, средний (2), ур. 20,80	1472	176	1648	5-10	1653-1658
71	161	лага под пол, средний (2), ур. 20,80					не датируется
72	162	лага под пол, средний (2), ур. 20,80					не датируется
73	163	столб опорный центр. пом., ур. 20,66					не датируется
74	165	лага под пол, средний (2), ур. 20,70					не датируется
75	166	лага под пол, средний (2), ур. 20,70					не датируется
76	167	лага под пол, средний (2), ур. 20,70					не датируется
77	168	лага под пол, средний (2), ур. 20,70					не датируется
78	180	стена С3, нижняя, ур. 20,85 - 20,51					не датируется
79	181	стена С3, нижняя, ур. 20,87 - 20,53					не датируется
80	182	стена С3, нижняя, ур. 20,85 - 20,44					не датируется
81	183	стена С3, нижняя, ур. 20,86 - 20,51					не датируется
82	184	стена С3, нижняя, ур. 20,82 - 20,50	1512	75	1586	10-20	1596-1606*
83	185	стена С3, нижняя, ур. 20,87 - 20,49					не датируется
84	186	стена С3, нижняя, ур. 20,92 - 20,39					не датируется
85	187	стена С3, нижняя, ур. 20,93 - 20,42					не датируется
86	188	стена С3, нижняя, ур. 20,92 - 20,39					не датируется
87	189	стена С3, нижняя, ур. 20,94 - 20,44					не датируется

1	2	3	4	5	6	7	8
88	190	стена СЗ, нижняя, ур. 20,95 – 20,46					не датируется
89	191	стена СЗ, нижняя, ур. 20,87 – 20,48	1517	63	1580	15–20	1595–1600
90	192	стена СЗ, нижняя, ур. 20,96 – 20,50					не датируется
91	193	стена СЗ, нижняя, ур. 20,96 – 20,51					не датируется
92	194	стена СЗ, нижняя, ур. 20,98 – 20,64					не датируется
93	195	стена СЗ, нижняя, ур. 21,05 – 20,70					не датируется
94	196	стена СЗ, нижняя, ур. 21,14 – 20,61					не датируется
95	197	стена СЗ, нижняя, ур. 20,93 – 20,59					не датируется
96	198	стена СЗ, нижняя, ур. 21,02 – 20,62					не датируется
97	199	стена СЗ, нижняя, ур. 21,00 – 20,44					не датируется
98	200	стена СЗ, нижняя, ур. 21,01 – 20,46					не датируется
99	201	стена СЗ, нижняя, ур. 20,92 – 20,56					не датируется
100	202	стена СЗ, нижняя, ур. 20,88 – 20,45					не датируется
101	203	стена СЗ, нижняя, ур. 20,84 – 20,54					не датируется
Постройка 3							
102	131	стена СВ, ур. 20,70	1434	72	1506	50–75	1556–1581
103	132	стена СВ, ур. 20,70	1507	91	1598	25–35	1623–1633
104	170	стена СВ, ур. 20,75					не датируется
105	171	стена СВ, ур. 20,75	1536	106	1642	10–15	1652–1657
106	172	пол коридора перед входом, ур. 20,80					не датируется
107	173	пол коридора перед входом, ур. 20,80					не датируется
108	174	пол за входом, ур. 20,65					не датируется
109	175	пол галереи вдоль СЗ стены, ур. 20,70					не датируется
110	176	пол галереи вдоль СЗ стены, ур. 20,70					не датируется
111	177	пол галереи вдоль СЗ стены, ур. 20,70	1603	65	1667	подкор. слой	1667*
112	178	пол галереи вдоль СЗ стены, ур. 20,70					не датируется
113	179	пол галереи вдоль СЗ стены, ур. 20,70	1583	100	1682	10–15	1692–1697*
Раскоп № 1–2, 9, 11. Посад Полуйского мысового городка							
Постройка 1							
114	59	нары, доска, ур. 21,69					не датируется
115	60	нары, доска, ур. 21,61	1553	48	1601	5–10	1606–1611
116	61	нары, доска, ур. 21,60					не датируется
Постройка 2							
117	47	нары, доска, ур. 21,62	1508	82	1590	10–15	1600–1605
118	48	нары, доска, ур. 21,51	1508	72	1580	1–3	1581–1583
119	49	нары, доска, ур. 21,53	1521	66	1587	1–3	1588–1590
120	50	нары, доска, ур. 21,54	1525	62	1587	1–3	1588–1590
121	57	нары, доска, ур. 21,52	1491	75	1566	5–10	1571–1576
122	58	нары, доска, ур. 21,52	1486	88	1574	5–10	1579–1584
Постройка 3							
123	78	стена СЗ, доска, ур. 21,30	1520	87	1606	2–5	1608–1611*
124	79	стена СЗ, доска, ур. 21,28	1518	75	1593	10–15	1603–1608
125	80	стена СЗ, доска, ур. 21,20	1459	88	1547	10–15	1557–1562 (?)
126	81	стена СЗ, доска, ур. 20,98	1526	65	1591	10–15	1601–1606
127	82	стена СВ, доска, ур. 21,34	1506	82	1588	10–15	1598–1603
128	83	стена СВ, доска, ур. 21,30	1510	78	1588	10–15	1598–1603
129	84	стена СВ, доска, ур. 21,19	1491	66	1557	15–20	1572–1577 (?)
130	85	стена СВ, доска, ур. 21,05	1518	68	1586	10–15	1596–1601
131	86	стена СВ, доска, ур. 20,89	1501	93	1594	5–7	1599–1601
132	94	стена СЗ, доска, ур. 20,79	1489	82	1571	10–15	1581–1586
133	95	стена СВ, доска, ур. 20,78	1487	99	1586	5–7	1591–1593

1	2	3	4	5	6	7	8
134	96	стена СВ, доска, ур. 20,59					не датируется
135	97	стена В, доска, ур. 20,73	1503	74	1577	15–20	1592–1597
136	87	нары, доска, ур. 20,69	1578	71	1648	2–5	1650–1653*
137	88	нары, доска, ур. 20,70	1510	73	1583	5–10	1588–1593
138	89	нары, доска, ур. 20,74	1458	63	1521	2–5	1523–1526 (?)
139	90	столб, стена СЗ, ур. 21,32					не датируется
140	91	столб, стена СВ, ур. 21,43					не датируется
141	92	столб, стена СВ, ур. 21,29					не датируется
142	93	столб, стена СВ, ур. 21,48	1555	42	1596	2–5	1598–1601*
143	98	лага нар, уч. К'/41,42, ур.20,70					не датируется
144	99	лага нар, ур. 20,60					не датируется
145	100	лага нар, ур. 20,62					не датируется
146	101	доска на полу у чувала, ур. 20,67	1583	107	1690	10–15	1700–1705
Постройка 4							
147	64	стена В, ур. 21,20	1508	79	1587	1–3	1588–1590
148	65	стена Ю, ур.21,19	1518	73	1591	5–10	1596–1601
149	66	лага (или нары), ур. 21,13					не датируется
150	67	лага (или нары), ур. 21,12					не датируется
151	68	кол у очага, ур. 21,35	1643	65	1708	подкор. слой	1708
Постройка 5							
152	69	стена ЮЗ, доска, ур. 21,33	1495	92	1587	1–3	1588–1590
153	70	стена ЮЗ, доска, ур. 21,13					не датируется
154	71	нары, доска, ур. 21,05					не датируется
155	72	нары, доска, ур. 21,04					не датируется
156	73	нары, доска, ур. 21,09	1521	78	1599	1–3	1600–1603
Постройка 7							
157	1/05	стена ЮВ, Б'/27, ур. 21,31–21,26	1510	102	1612	10–20	1622–1632
158	2/05	стена ЮЗ, А'/26, ур. 21,28–21,29	1399	144	1543	10–20	1553–1563
159	3/05	стена СЗ, Б'/27, ур. 21,31–21,26	1511	90	1601	10–20	1611–1621
Постройка 9							
160	4/05	стена ЮВ, М/25–28, ур. 21,49	1183	115	1298	10–20	1308–1318
161	5/05	стена СВ, М'/28, ур. 21,62	1543	109	1652	подкор. слой	1652
162	6/05	стена ЮЗ, Н/25, ур. 21,49–21,36	1425	70	1495	10–20	1505–1515
Пространство за пределами строений							
Раскоп 1, 2							
163	102	пень в яме, ур. 20,92					не датируется
164	103	пень в яме, ур. 20,80					не датируется
165	51	пень в яме, ур. 21,30					не датируется
166	52	пень в яме, ур. 21,30					не датируется
167	53	пень в яме, ур. 21,30					не датируется
168	54	пень в яме, ур. 21,30					не датируется
Раскоп 9							
169	62	доска (трап), ур. 20,00					не датируется
170	63	доска (трап), ур. 19,62					не датируется
171	74	доска (трап), ур. 19,63					не датируется
172	75	доска (трап), ур. 19,59					не датируется
173	76	доска (трап), ур. 19,57					не датируется
174	77	доска (трап), ур. 19,54	1546	53	1598	5–25	1603–1623*

1652 – полужирное выделение дат – хронологический интервал, определённый с высокой степенью уверенности.

* – образцы прошедшие дендрохронологический анализ в лаборатории «Естественнонаучные методы в истории и археологии (ЕМИА)» ФГАОУ ВПО СФУ (г. Красноярск) в 2012–13 гг.

Рис. 4.4.1. Полуийский мысовой городок. Процесс спила образцов для дендрохронологического анализа. Июль 2004 г.

Рис. 4.4.2. Полуийский мысовой городок. Образцы, подготовленные для дендрохронологического анализа. Июль 2004 г.

Рис. 4.4.3. Полуийский мысовой городок. Постройка № 3 (посадская часть). Местоположение пронумерованных элементов конструкции, отобранных для дендрохронологического анализа. Июль 2004 г.

Рис. 4.4.4. Полуийский мысовой городок. Постройка № 3 (посадская часть). Местоположение пронумерованных элементов конструкции, отобранных для дендрохронологического анализа. Июль 2004 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КАРДАШ

Олег Викторович

С 1979 г. начал заниматься археологией Урала и Северо-Западной Сибири. В 1991 г. закончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В настоящее время занимает должность заместителя директора по науке в ООО «НПО «Северная археология». Научные интересы сосредоточены в сфере изучения древней истории аборигенного населения Сибири. В 2007 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII вв.». Автор 50 научных статей и 5 монографий. Наиболее значительные полевые работы – комплексное исследование археологических памятников в арктических районах Крайнего Севера.

Oleg Victorovich KARDASH, a doctor of History

He has been studying archaeology of the Urals and North-Western Siberia since 1979; in 1991 graduated the Ural State University after A. M. Gorkiy in history. He is currently a vicedirector of «RPA Northern archeology» ООО (LLC). The area of expertise is ancient history of indigenes population of Siberia. In 2007 he defended a doctoral theses «The culture of aboriginal population of the Nadym basin from the end of 16th century to the first half of 18th century». His previous publications number 50 scientific articles and 5 personal and coauthored books. The most significant fieldworks are comprehensive studies of archeological sites in the Extreme North.

CONTENTS

INTRODUCTION.....	8
CHAPTER 1. DOCUMENTARY AND ARCHEOLOGICAL SOURCES	33
1.1. Documentary sources of XVII–XVIII centuries.....	33
1.1.1. Written sources.....	34
1.1.2. Cartographic documents.....	43
1.2. Comprehensive study of Poluysk settlement	46
1.2.1. Archeological studies	46
1.2.2. Ethnographic studies	56
1.2.3. Paleoecologic studies.....	59
1.3. Illustrations, tables of artefacts.....	64
CHAPTER 2. ARCHITECTURE OF POLUYSK CUSP SETTLEMENT	100
2.1. Plan structure and regional communication.....	100
2.2. Architecture of defensive-residential complex	103
2.2.1. Total structure of buildings.....	104
2.2.2. Architecture of buildings of defensive-residential complex of settlement	107
2.3. Architecture of buildings of neighbour settlement.....	115
2.4. South-west periphery.....	120
2.5. Illustrations	126
CHAPTER 3. CLOTHING COMPLEX OF POLUYSK CUSP SETTLEMENT	170
3.1. Costume: clothing, footwear, ornamentals.....	170
3.2. Craft weapons and tools	176
3.3. Service weapon	179
3.4. Multipurpose tools and instruments	180
3.5. Household items.....	185
3.6. Means of transportation	195
3.7. Cult-objects and ritual accessories	200
3.8. Toys and games.....	210
3.9. Illustrations and tables of artefacts	219
CONCLUSION.....	283
SUMMARY	290
REFERENCE LIST	293
LIST OF ACRONYMS.....	300
APPENDICES.....	301
AUTHOR INFORMATION	377

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ.....	33
1.1. Документальные источники XVII–XVIII веков	33
1.1.1. Письменные источники	34
1.1.2. Картографические материалы	43
1.2. Комплексное изучение Полуйского городка	46
1.2.1. Археологические исследования.....	46
1.2.2. Этнографические исследования.....	56
1.2.3. Палеоэкологические исследования	59
1.3. Иллюстрации, таблицы артефактов	64
ГЛАВА 2. АРХИТЕКТУРА ПОЛУЙСКОГО МЫСОВОГО ГОРОДКА	100
2.1. Планировочная структура и региональные связи	100
2.2. Архитектура оборонительно-жилого комплекса	103
2.2.1. Общая структура и конструкция сооружения.....	104
2.2.2. Архитектура строений оборонительно-жилого комплекса городка	107
2.3. Архитектура строений посада.....	115
2.4. Юго-западная периферия поселка и жертвенное место.....	120
2.5. Иллюстрации	126
ГЛАВА 3. ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС ПОЛУЙСКОГО МЫСОВОГО ГОРОДКА	170
3.1. Костюм: одежда, обувь, украшения.....	170
3.2. Орудия охоты и рыболовства.....	176
3.3. Боевое оружие	179
3.4. Универсальные орудия и инструменты	180
3.5. Предметы быта и домашнего обихода.....	185
3.6. Средства передвижения	195
3.7. Культовые предметы и принадлежности ритуалов.....	200
3.8. Игрушки и игры	210
3.9. Иллюстрации, таблицы артефактов	219
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	283
SUMMARY	290
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	293
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	300
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	301
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ	377

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Создан в 2010 году с целью объединения региональных коммерческих научно-производственных организаций для развития и совершенствования гуманитарной научно-исследовательской деятельности в сфере изучения, сохранения и популяризации культурного и природного наследия Севера России.

Юридический адрес: 628300, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск, ул. Мира, пром. зона Пионерная, стр. 8/1.

Почтовый адрес: ХМАО-Югра, г. Нефтеюганск 5, а/я 398. тел. +7 (3463)-23-49-56, 25-13-93, +7-922-43-60-089.

e-mail: archeonord@yandex.ru archeonord-buch@yandex.ru

Директор Кардаш Олег Викторович

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

Юридический адрес: 628305, Российская Федерация, Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск, промышленная зона Пионерная, ул. Сургутская, строение 18. **Почтовый адрес:** 628305, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ, г. Нефтеюганск-5, а/я 398, тел. +7 (3463) 250-273, +7 (3463) 296-386, 296-886, факс +7 (3463)294-623, e-mail: chistory@mail.ru; nv-chistory@rambler.ru

Директор Визгалов Георгий Петрович

МАУ СУРГУТСКОГО РАЙОНА «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «БАРСОВА ГОРА»

Юридический адрес: 628400, ХМАО – Югра, Тюменская область, г. Сургут, Энергетиков, 22. **Почтовый адрес:** 628405, ХМАО – Югра, Тюменская область, г. Сургут, ОПС-5, а/я № 243, тел. +7 (3462) 77-43-25, +7 (3462) 77-43-24, +7 (3462) 77-43-26, e-mail: Barsova-gora-09@yandex.ru

Директор Бочкарев Дмитрий Викторович

ООО «ГИПЕРБОРЕЯ»

Юридический адрес: 628405, ХМАО-Югра, г. Сургут, пр. Пролетарский, 10/1. **Почтовый адрес:** 628405, а/я 240 ОСП 5, г. Сургут, тел. +7 (3462) 25-52-91, +7(3462) 25-52-80, e-mail: Giperboreja-05@rambler.ru

Директор Шагунов Николай Владимирович

Редактор-корректор: М. Сидельникова
Оформление и верстка: М. Горбуновой
Подготовка иллюстративного ряда: Е. Шилинг
Перевод Ю. Кожуховой

Издательство МАГЕЛЛАН
ИП Горбунова, Екатеринбург, ул. Черепанова, 30 – 234.

Подписано в печать: 26.04.2013
Печать офсетная. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 47,5. Бумага мелованная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 277